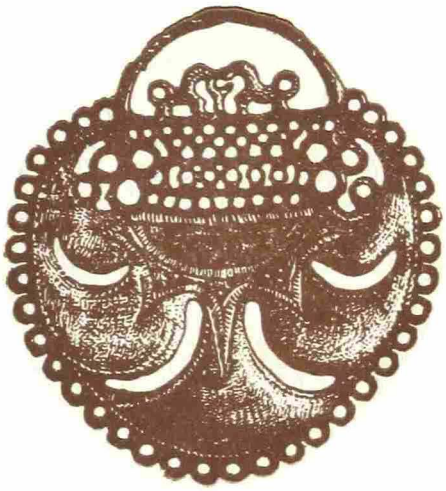
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1986

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),

Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,

В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,

Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,

С. А. Плетнева (зам. главного редактора),

А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Буровский А. М. (Красноярск). Этапы развития кокоревской культуры (по данным техники расщепления) 5
Ксензов В. П. (Минск). Поздний мезолит белорусского правобережья Днепра 11
Смирнов А. С. (Москва). О раннем неолите Верхнего Поднепровья 29
Авилова Л. И. (Москва). К изучению социальной структуры и идеологии племен гумельницкой культуры (по данным погребального обряда) 41
Золотун В. П., Кухтеева К. М. (Херсон). Палеопочвы и уточнение датировки курганов эпохи энеолита — бронзы в степях Украины 54
Ольховский В. С. (Москва). Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий 65
Гей О. А. (Москва). О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье 77
Чариков А. А. (Калинин). Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана 87
Краснов Ю. А. (Москва). Ранняя история сохи 103
Низов В. В. (Киров). Из истории Загородского конца Новгорода 121
Паровић-Пешикан М. (Белград, СФРЮ). Развитие античной археологии в Сербии 133

Публикации

Журавлев А. П. (Петрозаводск). Поселение с керамикой льяловского типа в Заонежье 138
Синюк А. Т., Погорелов В. И. (Воронеж). Исследования курганов в левобережье Среднего Дона 146
Исаков А. И. (Пенджикент). Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии 152

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1986 г.

Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. (Киев). Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях 168
Патрушев В. С., Розанова Л. С. (Йошкар-Ола, Москва). Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника 184
Вихляев В. И. (Саранск). Керамика Новопшеневского городища в Мордовии 198
Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В. (Артемовск). Два праболгарских могильника на Северском Донце 209
Панова Т. Д. (Москва). Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле 222
Егоров В. Л., Юхт А. И. (Москва). В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье 232

Заметки

Колесник А. В. (Донецк). Раннепалеолитические находки из Корнеева Яра (Донбасс) 240
Шевелев В. В. (Таллин). Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача 242
Нехаев А. А. (Майкоп). Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское 244
Ляшко С. Н. (Запорожье). Бронзовый кинжал срубной культуры из фондов Запорожского музея 248
Колтухов С. Г. (Симферополь). Об оборонительных сооружениях цитадели городища Красное (Кермен-Кыр) 250
Андреева М. В., Козенкова В. И. (Москва). Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клин-яр (Кисловодская котловина) 253
Гросу В. И. (Кишинев). Сарматское погребение в Поднестровье 258
Атавин А. Г. (Москва). Средневековые погребения из Фанагории 262
Золотов Ю. М. (Москва). Памятный крест по стряпчем Пустошкине 266
Завьялов В. И., Шокарев Ю. В. (Москва). Ружейный замок XVII в. с острова Серкап (архипелаг Шпицберген) 268

Критика и библиография

Абрамова З. А. (Ленинград). Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983 271
Молчанов А. А. (Москва). *Pohl A.* Münzzeichen und Meisterzeichen auf ungarischen Münzen des Mittelalters 1300—1540. Budapest, 1982 279
Храпунов И. Н. (Симферополь). *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983 281
Митрофанов А. Г. (Минск). *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983 286
Макарова Т. И. Археологи в поисках исторических закономерностей. (О книге *Ю. Л. Щаповой* «Очерки истории древнего стеклоделия». М., 1983) . . . 293

Хроника

Бестужев Г. Н., Трифонов В. А. (Ленинград). Заседание памяти А. А. Иессена в Ленинграде 300
Гуляев В. И., Гусаков М. Г. (Москва). Всесоюзная научная конференция «Причины перехода от доклассовых к раннеклассовым обществам» (Москва, 1984) 303
Лабутина И. К. (Псков). Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» в 1981—1983 гг. 310
Зеймаль Е. В. (Ленинград). Памяти Владимира Григорьевича Луконина . . 319

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.10.85 Подписано к печати 11.12.85 Т-23311 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Усл. кр.-отт. 106,0 тыс. Уч.-изд. л. 31,7 Бум. л. 10,0
Тираж 3764 экз. Зак.1884

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1986

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Burovsky A. M. (Krasnoyarsk). Development Stages of the Kokorevo Culture . . 5
Ksenzov V. P. (Minsk). The Late Mesolithic of the Byelorussian Right Bank of the Dnieper 11
Smirnov A. S. (Moscow). On the Early Neolithic of the Upper Dnieper 29
Avilova L. I. (Moscow). On the Study of the Social Structure and Ideology of the Gumelnitsa Culture Tribes (on the Materials of the Burial Rite) 41
Zolotun V. P., Kukhteyeva K. M. (Kherson). Palaeosoils and More Precise Dating of Eneolithic — Bronse Age Barrows in the Ukrainian Steppes 54
Olkhovsky V. S. (Moscow). Burial Rites in the System of Related Notions . . . 65
Gei O. A. (Moscow). On the Date of the Chernyakhovo Culture in the Northern Black Sea Area 77
Charikov A. A. (Kalinin). Specific Features of Stone Sculpture of Kazakhstan 87
Krasnov Yu. A. (Moscow). An Early History of the Wooden Plough 103
Nizov V. V. (Kirov). From the History of the Zagorodsky Quarter in Novgorod 121
Parovič-Pešikan M. (Belrade, SFRY). Progress of Archaeology of Antiquity in the Socialist Republic of Serbia 133

Publications

Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). A Settlement with the Lyalovo-Type Pottery at Lake Onega 138
Sinyuk A. T., Pogorelov V. I. (Voronezh). Studies of Mounds on the Left Bank of the Middle Don 146
Isakov A. I. (Penjikent). Sarazm, a Newly Found Site of the Early Landtilling Period in Central Asia 152
Goshko T. Yu., Otroshchenko V. V. (Kiev). Cimmerian Burials in Catacomb and Shaft-and-Chamber Tombs 168
Patrushev V. S., Rozanova L. S. (Ioshkar-Ola, Moscow). Iron Technology of the Elder Akhmylovo Burial Ground 184
Vikhlyaev V. I. (Saransk). Pottery of the Novo-Pshenevo Settlement in Mordovia 198
Tatarinov S. I., Kopyl A. G., Shamrai A. V. (Artemovsk). Two Protobulgarian Burials on the Seversky Donets 209
Panova T. D. (Moscow). Oriental Glazed Ceramics Dug in the Moscow Kremlin 222
Egorov V. L., Yukht A. I. (Moscow). Vasily Tatishchev on the Golden Horde Towns on the Lower Volga 232

Notes

Kolesnik A. V. (Donetsk). Early Palaeolithic Finds from Korneev Yar (Donbass) 240
Shevelev V. V. (Tallinn). Flint Sculpture from Lake Lacha 242
Nekhaev A. A. (Maikop). Burial of the Maikop Culture from a Barrow at the Krasnogvardeiskoe Village 244
Lyashko S. N. (Zaporozhie). A Bronze Dagger from the Zaporozhie Local Lore Museum 248
Koltukhov S. G. (Simferopol). On Defensive Constructions of the Krasny Fortified Settlement (Kermen-Kyr) 250
Andreyeva M. V., Kozenkova V. I. (Moscow). Finds Dated to the First Millennium B. C. from the Klin-Yar Stow (the Kislovodsk Depression) 253
Grosu V. I. (Kishinev). A Sarmatian Burial in the Dniester Basin 258
Atavin A. G. (Moscow). Medieval Burials in Phanagoria 262
Zolotov Yu. M. (Moscow). A Cross in Memoriam of Pustoshkin 266

Zavyalov V. I., Shokarev Yu. V. (Moscow). A 17th-Century Rifle Lock from Spitsbergen 268

Book Reviews and Bibliography

Abramova Z. A. (Leningrad). The Palaeolithic of Siberia, Novosibirsk, 1983 . . 271
Molchanov A. A. (Moscow). *Pohl A.* Münzzeichen und Meisterzeichen auf ungarischen Münzen des Mittelalters 1300—1540, Budapest, 1982 279
Khrapunov I. N. (Simferopol). *Symonovich E. A.* Population of the Late Scythian Kingdom's Capital (According to the Materials of the Eastern Burial Ground of Scythian Naples), Kiev, 1983 281
Mitrofanov A. G. (Minsk). *Pobol L. D.* Archaeological Sites in Byelorussia. The Iron Age, Minsk, 1983 286
Makarova T. I. (Moscow). Archaeologists in Search for Historical Patterns (About *Yu. L. Shchapova's* Book «Essays on the History of Early Glassmaking», Moscow, 1983) 293

Chronicle

Bestuzhev G. N., Trifonov V. A. (Leningrad). Session in Memory of A. A. Iessen in Leningrad 300
Gulyaev V. I., Gusakov M. G. (Moscow). An All-Union Scientific Conference «On the Causes of Transition from Pre-Class to Early Class Societies» (Moscow, 1984) 303
Labutina I. K. (Pskov). A Scientific Seminar «Archaeology and History of Pskov and the Pskov Area» in 1981—1983 310
Zeimal E. V. (Leningrad). In Memory of Vladimir Lukonin 319

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

А. М. БУРОВСКИЙ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОКОРЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(по данным техники расщепления)

Предметом данной статьи явилась эволюция каменной индустрии верхнепалеолитической кокоревской культуры Среднего Енисея. Трудно допустить, что археологическая культура могла оставаться неизменной на протяжении нескольких тысячелетий. Но поиски изменявшихся форм инвентаря сложны, поскольку изменения в характере однокультурной индустрии совершаются вряд ли быстро и охватывают не всю совокупность инвентаря.

Эволюция каменной индустрии кокоревской культуры становится заметной уже при анализе набора орудий, особенно если принять гипотезу З. А. Абрамовой о двух этапах развития этой культуры. При этом Новоселово VI, Новоселово VII и Кокорево I рассматриваются ею как памятники единой культуры, ранний этап которой представлен 6—4-м слоями Кокорево I, а поздний — новоселовскими памятниками и 3—2-м слоями Кокорево I [1, с. 162, 163]. Рассмотрение новоселовских памятников в единой совокупности с верхними слоями Кокорево I вполне допустимо, так как нет ни одной морфологической группы каменного инвентаря, которая была бы характерна только для одного из рассматриваемых памятников [1, табл. 8, с. 168].

Большая часть морфологических групп орудий характерна для обоих этапов и либо составляет одинаковый процент в комплексе (пластины с ретушью и со следами использования составляют 31,4% на первом и 30,8% на втором этапе, скребки — 17,1 и 17,0% соответственно, скребла — 19,2 и 19,1%), либо изменяется несущественно (долотовидные и галечные орудия, остроконечники и резцы). Однако проколки и проверткн, орудия на нуклеусах характерны только для второго этапа [1].

Новые морфологические группы ядрищ за изучаемый период не появляются. Увеличивается число плоских нуклеусов, сработанных до такого предела, что становится невозможным установить первоначальные размеры и форму гальки, послужившей заготовкой для нуклеуса. Число таких ядрищ возрастает с 19,5 до 29,7%, а торцовые нуклеусы в поздних комплексах убывают в числе: на первом этапе их 21,3, на следующем — только 11,9%. Не свидетельствует ли это о тенденции снимать с ядрища большее число сколов, чем раньше?

Изменения в характере индустрии очевидны, но столь же очевидна их незначительность. Повышение степени сработанности ядрищ и появление 4,4% новых типов орудий не определяют лицо индустрии. Это только индикатор перемен, масштабы и направленность которых определяются морфологическими и метрическими изменениями сколов. Динамика замены архаичных форм более прогрессивными хорошо прослеживается при исследовании снятий с галечных нуклеусов — многочисленных отщепов длиной свыше 2 см (среди более мелких отщепов, а тем более среди чешуек, могут оказаться снятия с микронуклеусов или отходы изготовления орудий), сколов подживления нуклеуса, пластин.

Пластинами мы считаем сколы, спинки которых огранены в одном направлении, в том же, что и отщепивший пластину скол [2, с. 51]. Под это весьма широкое определение пластин попадают разнообразней-

[1] Эти данные основаны на материале З. А. Абрамовой [2, с. 34, 148, 152].

Таблица 1

Соотношение сколов различных типов, %

Памятник (слой)	Отношение ко всем сколам		Отношение к пластинам		Отношение первичных пластин ко всем пластинам
	«настоящих» пластин	первичных пластин	сколов переоформления	сколов подживления	
Кокорево I (6)	9,8	11,7	17,1	6,2	60,2
Кокорево I (5)	9,5	4,7	27,3	8,0	37,7
Кокорево I (4)	17,3	7,3	3,2	12,7	34,8
Кокоревский этап	14,9	7,8	8,2	10,8	37,5
Кокорево I (3)	16,3	4,9	5,4	14,6	27,6
Кокорево I (2)	20,2	7,8	13,2	15,8	30,7
Новоселово VI	19,0	8,4	11,6	15,1	20,8
Новоселово VII	15,1	7,1	17,0	53,0	40,0
Новоселовский этап	17,6	7,3	9,8	18,5	29,1

шие морфологически сколы, но смешение разных групп при таком подходе гораздо меньше, чем при выделении пластин по чисто формальному признаку, как скол, длина которого вдвое или более чем вдвое превосходит ширину. Определение Ф. Борда приходится применять к сколам, которые не могут быть выделены по «правильной» огранке, т. е. к первичным сколам со спинкой, полностью покрытой галечной коркой, и к вторичным со спинкой, частично покрытой галечной коркой. В дальнейшем пластины, на спинке которых хотя бы небольшой участок покрыт галечной коркой, будут отнесены к первичным в отличие от «настоящих», снятых с полностью оформленного нуклеуса. Удельный вес пластин в комплексе сколов может оцениваться с помощью нескольких показателей: индекса пластин по Ф. Борду, определяющего все сколы, длина которых вдвое превышает ширину независимо от морфологии пластин, и «индекса пластин настоящего и подлинного» по В. П. Любину, определяющего отношение числа «настоящих» пластин к общему числу сколов.

Как следует из табл. 1, процент первичных пластин колеблется по слоям крайне неопределенно, не возрастая и не падая, тогда как число параллельно ограненных пластин резко возрастает: в поздних комплексах их вдвое больше, чем в ранних. Показателен процент первичных пластин среди всех сколов, равной с ними удлиненности. Он позволяет заметить, что если индустрия нижних слоев Кокорево I почти наполовину (6-й слой Кокорево I на 60,2%) представлена первичными пластинами, то в более поздних комплексах первичные пластины занимают довольно скромное место, составляя не более трети комплекса. Как видим, нарастание числа сколов большой удлиненности происходило почти исключительно за счет «настоящих» пластин, а число первичных сколов в достаточной степени стабильно. По-видимому, использование индексов, при вычислении которых не дифференцируются первичные и «настоящие» пластины, только скрадывает это различие. Индекс В. П. Любина в данном случае гораздо информативнее, чем критерий Ф. Борда.

Не менее показательно изменение соотношения разных групп сколов, функционально связанных с подправкой нуклеуса. К сколам подправки могут быть отнесены не только боковые, краевые и поперечные сколы [3, с. 105], существенно менявшие морфологию нуклеуса. Их логичнее было бы назвать сколами переоформления ядрища. Точнее, к сколам подправки следовало бы отнести «неправильные» пластины, одна из граней спинки которых состоит из участков негатива, параллельного остальным снятиям, и фасеток произведенной под углом к рабочей части нуклеуса подправки, а реже только из фасеток подправки. Эти сколы — показатель одного из методов подправки рабочей плоскости нуклеуса мелкими снятиями с боков (рис. 1, *10, 11*). Показателем другого способа подправки могут считаться пластины с негативами предшествующих снятий на спинке (рис. 1, *8, 12*). В дальнейшем мы будем называть эти

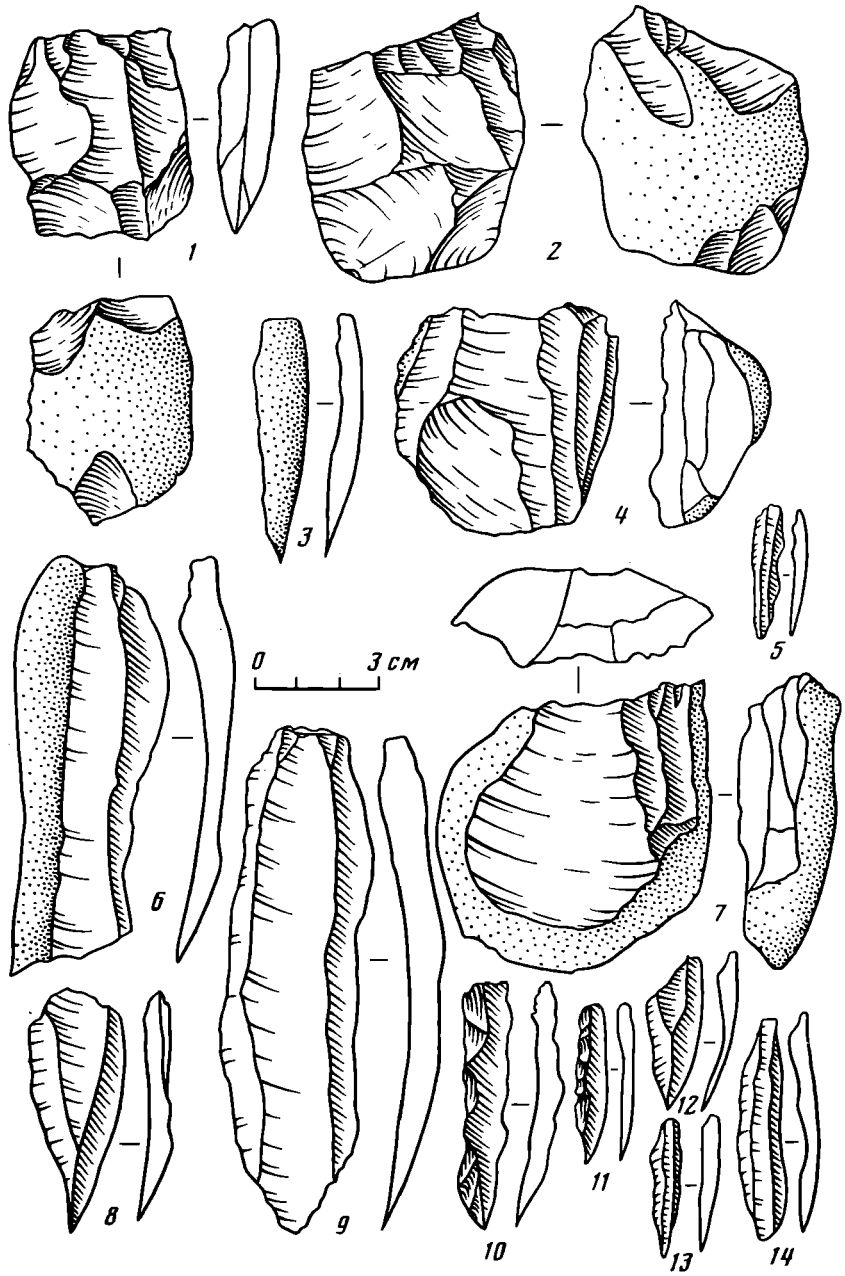


Рис. 1. Группы каменного инвентаря, характерные для второго этапа развития кокоревской культуры. *1*, *2*, *4*, *7* — нуклеусы; *3* — первичная пластина; *6* — вторичная пластина; *5*, *9*, *13*, *14* — призматические в сечении пластины; *8*, *12* — сложноограненные пластины; *10*, *11* — «неправильно» ограненные пластины

сколы сложноограненными. Наряду с небольшими аккуратными фасетками в верхней части спинок сложноограненных пластин попадаются негативы треугольных крупных снятий, в отдельных случаях ненамного меньше размеров самой пластины. Незавершенные снятия, не достигающие конца рабочей плоскости нуклеуса, снимают ее верхнюю часть, оставляя нижнюю толстой, выпуклой, неудобной для расщепления [4, с. 38].

Сложноограненные пластины снимались вслед за неудачным незавершенным снятием с целью выравнивания рабочей плоскости ядрища.

Сложноограненные и «неправильные» сколы не переоформляют, а подправляют нуклеус, убирая с рабочей кромки и рабочей плоскости неровные подправленные мелкими снятиями участки. В то же время они бесспорно являются пластинами-заготовками, на них регулярно выпол-

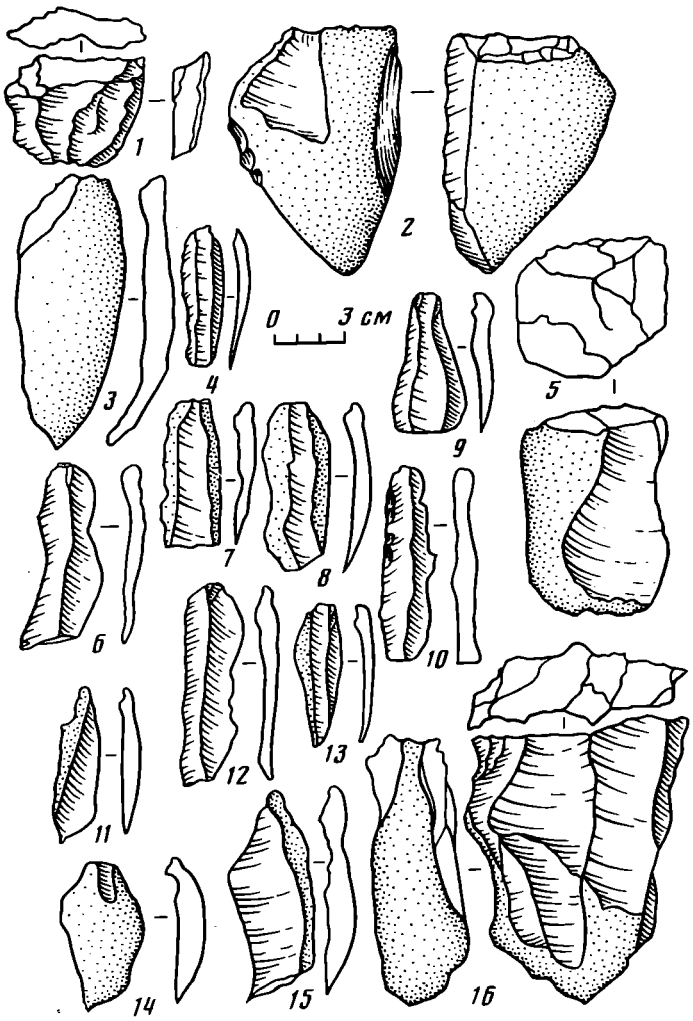


Рис. 2. Группы каменного инвентаря, характерные для первого этапа развития кокоревской культуры. *1*, *2*, *5*, *16* — нуклеусы; *3*, *14* — первичные пластины; *4*, *9* — призматические в сечении пластины; *6*, *12*, *10* — треугольные в сечении пластины; *7*, *8*, *11*, *13*, *15* — вторичные пластины

няются орудия. Их мы и будем называть сколами подживления, в отличие от технических сколов и сколов переоформления нуклеусов.

Как видно из табл. 1, число сколов переоформления падает от слоя к слою, а процент подживляющих сколов неуклонно растет.

И возрастание числа правильно ограненных пластин, и совершенствование техники подживления ядрищ указывают на то, что с каждого нуклеуса снималось все большее число пластин. Отмеченные процессы идут параллельно с увеличением числа сработанных до предела нуклеусов. В нижних слоях Кокорево I многие ядрища в нижней части очень массивны, сохраняют галечную корку по всему периметру. Рабочая плоскость таких нуклеусов занимает лишь часть разрабатываемой стороны гальки (рис. 2, *2*, *5*). Со временем среди нуклеусов все больше появляется сработанных (рис. 1, *1*, *2*). Это полностью опровергает гипотезу о пережиточном «постмустьерском» характере енисейского палеолита — «пережиточные» формы характерны здесь не для ранних, а для поздних периодов развития культуры и связаны не с отсталостью, а с совершенствованием каменной индустрии.

С ходом времени изменяется не только число настоящих пластин, но и сами пластины. Комплексы разных этапов развития заметно различаются по относительной удлиненности пластин. Возрастание этого показателя удобнее проиллюстрировать не приведением индексов удлиненности (процентное отношение длины к ширине [5, с. 6]), а соотноше-

Таблица 2

Соотношение настоящих пластин различной удлиненности

Памятник (слой)	Удлиненность пластин											
	$l < 2m$		$l \geqslant 2m$		$l \geqslant 2{,}5m$		$l \geqslant 3m$		$l \geqslant 4m$		$l \geqslant 5m$	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Кокорево I (6)	14	23,3	17	28,4	12	20,0	14	23,3	3	5,0		
Кокорево I (5)	10	20,8	13	27,1	9	18,8	11	22,9	5	10,4		
Кокорево I (4)	19	18,1	25	23,8	32	30,5	18	17,1	9	8,6	2	1,9
Кокоревский этап	43	20,2	55	25,8	53	24,9	43	20,2	17	8,0	2	0,9
Кокорево I (3)	7	11,3	13	21,0	19	30,6	15	24,2	6	9,7	2	3,2
Кокорево I (2)	5	8,8	12	21,0	16	28,1	12	21,0	9	15,8	3	4,3
Новоселово VI	23	15,8	34	23,4	33	22,8	27	18,6	20	13,8	8	5,5
Новоселово VII	8	18,8	17	21,2	22	27,5	18	22,5	11	13,8	4	5,0
Новоселовский этап	43	12,5	76	32,1	90	26,2	72	20,9	46	13,4	17	4,9

Таблица 3

Соотношение первичных пластин разной удлиненности

Памятник (слой)	Удлиненность пластин							
	$l \geqslant 2$ m		$l \geqslant 2{,}5$ m		$l \geqslant 3$ m		$l \geqslant 4$ m	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Кокорево I (6)	40	54,1	15	20,3	16	21,5	3	4,1
Кокорево I (5)	12	50,0	5	20,8	5	20,8	2	8,3
Кокорево I (4)	41	47,1	20	23,0	18	20,7	8	9,2
Кокоревский этап	93	50,3	40	21,6	39	21,0	13	7.1
Кокорево I (3)	16	43,8	11	29,8	8	21,6	2	5,4
Кокорево I (2)	21	47,8	14	31,9	7	15,9	2	4,4
Новоселово VI	32	49,2	9	13,8	18	27,8	6	9,2
Новоселово VII	20	52,6	8	21,1	7	18,4	3	7,9
Новоселовский этап	108	48,6	51	23,0	48	21,6	15	6,8

нием групп пластин с разной удлиненностью. Это позволит не просто отметить нарастание признака, но и определить, когда и какие новые группы появляются. В соответствии с методикой, предложенной В. П. Любиным [6, с. 32, 33] и примененной Н. Д. Прасловым [7, с. 88—90], пластины разбивались на группы $l<2m$, $l\geqslant 2m$, $l\geqslant 2{,}5m$ и т. д. (где l — длина, а m — ширина скола). Как видно из табл. 2 и 3, удлиненность первичных пластин практически не изменяется. Нарастание средних показателей происходит за счет настоящих пластин, среди которых уменьшается количество укороченных, а количество удлиненных сколов возрастает. Наиболее удлиненные сколы появляются только в 4-м слое Кокорево I и становятся типичными только на следующем этапе развития культуры. Особенно изменяются крупные пластины, длина которых превышает 100 мм [4, с. 106]. В 6-м и 5-м слоях Кокорево I они только первичные, массивные и широкие. Появляющиеся в 4-м слое настоящие крупные пластины по габаритам мало отличаются от первичных.

Позже крупные пластины становятся гораздо более удлиненными, особенно «настоящие». Самым крупным в инвентаре изученных памятников является параллельно ограненный скол длиной 188,3 и шириной 44,2 мм в бугорковой части (Новоселово VI). Пластины длиной 130—160 при ширине 35—68 мм не составляют исключения.

Характерно, что количественные изменения переходят в качественные, начиная с 3-го слоя Кокорево I. Все изученные черты эволюции индустрии кокоревской культуры позволяют сделать вывод о наличии двух этапов в ее развитии, причем более поздний этап прослеживается с 3-го слоя Кокорево I. Второй этап, в отличие от раннего, кокоревского (поскольку он представлен только на Кокорево I), допустимо назвать новоселовским, так как индустрии Новоселово VI и Новоселово VII наиболее

характерны для второго этапа, а ранние слои на этих памятниках отсутствуют. Название этапов условно, дается только для удобства и не несет никакой дополнительной информации.

Обобщая приведенные данные, отметим факторы прогресса каменной индустрии Кокорево I и Новоселово VI и VII. 1. Появление новых морфологических групп орудий. 2. Падение числа торцовых нуклеусов, рост числа одноплощадочных односторонних. 3. Рост числа «настоящих» пластин при стабилизации процента первичных. 4. Увеличение удлиненности «настоящих» пластин при стабильной на протяжении всего изучаемого периода удлиненности первичных. 5. Совершенствование техники разработки нуклеусов, выразившееся в замене сколов переоформления ядрищ сколами подживления; снятие большего числа сколов с более уплощенного нуклеуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979.
2. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий.— МИА, 1965, № 131.
3. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978.
4. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.
5. *Анисюткин Н. К.* Дополнения к методике обработки нижнепалеолитических комплексов.— АСГЭ, 1968, вып. 10.
6. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975.
7. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.

A. M. Burovsky

DEVELOPMENT STAGES OF THE KOKOREVO CULTURE

(According to the flaking techniques progress)

Summary

The author traces technological changes in stone flaking in the Palaeolithic Kokorevo culture using as an example cores and blades. He shows that the techniques became more refined and the percentage of blades of different kinds changed at definite cultural stages.

В. П. КСЕНЗОВ

ПОЗДНИЙ МЕЗОЛИТ БЕЛОРУССКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

Первый памятник эпохи мезолита в Юго-Восточной Белоруссии был найден В. Е. Данилевичем в 1893 г. в ур. Коромка [1, с. 12—18]. В 20—30-х годах значительные работы по выявлению новых поселений провел К. М. Поликарпович [2, с. 125—152; 3, с. 383—478; 4, с. 45—148]. Собранный им подъемный материал был обобщен в небольшой статье [5, с. 218—221; 6, с. 81—86]. По аналогии с соседними территориями исследователь выделил три хронологических этапа (стадии) в развитии мезолитической культуры на территории республики. Ранний мезолит (свидерская стадия) представлен стоянками Коромка, Гренск, Латки, Столбун, Печенеж, для инвентаря которых характерны черешковые наконечники стрел, скребки на пластинах, резцы. Свидерскую стадию во времени сменяет тарденуазская, отличающаяся микролитичностью изделий. Ей на смену в свою очередь приходит стадия компиньи, выделяемая по наличию рубящих орудий и грубых резцов на отщепах. На этом развитие мезолитической эпохи в Верхнем Поднепровье завершается.

Большинство мезолитических памятников, обнаруженных К. М. Поликарповичем, было отнесено в 60-х годах В. Д. Будько к свидерско-гренской культуре, в которой также различаются три хронологические группы памятников, существовавшие, по его мнению, в Белорусском Поднепровье в пределах нижнего дриаса — аллереда [7, с. 91—95; 8, с. 35—46; 9, с. 19—23]. В те же годы В. Ф. Исаенко характеризует Верхнее Поднепровье в эпоху мезолита как область распространения макролитической культуры. На Верхней Припяти и в Понеманье, по мнению исследователя, обитали племена микро-макролитической культуры, в Восточном Полесье (Нижняя Припять) — микролитической [10, с. 306—312; 11, с. 8, 9; 12, с. 56—66]. С начала 70-х годов целенаправленные поиски и исследования мезолитических памятников в Юго-Восточной Белоруссии проводит В. Ф. Копытин. Им выявлены новые памятники у деревень Барколабово, Боровка, Дальнее Лядо, Лудчица, раскопаны опорные поселения гренской культуры Гренск, Коромка, а также Горки, Журавель, Печенеж [13, с. 299—314; 14, с. 63—67; 15, с. 27—32]. Полученные материалы позволили исследователю отнести памятники гренской культуры к эпохе мезолита, причем Боровку, Коромку, Лудчицу, Яново включить в круг поселений мезинской и свидерской культурных традиций [15, с. 61—65], а в позднем мезолите в Посожье выделить локальную культуру (Горки, Гренск, Журавель, Печенеж [15, с. 65, 66]). Эту точку зрения разделяет Л. В. Кольцов, считая, что в позднем мезолите на территории Белоруссии, в Посожье и Понеманье, проживало население двух разных культурных групп [16, с. 119].

С 1974 г. мезолитические памятники на правом берегу Днепра (в пределах Белоруссии) и в бассейне Березины изучает автор настоящей статьи. Обнаружено 13 поселений, все они раскапывались. Десять из них определены поздним мезолитом, причем Береговая Слобода, Василевичи II, Городок IV, Красновка I «А», Тайманово, Стасевка объединены нами в одну этнокультурную группу. Основанием тому служат большое сходство, а порой и полное тождество основных форм и типов орудий. Рассмотрим в общем кремневый инвентарь этих памятников, так как каждый из них в основном опубликован автором [17, с. 227—232; 18, с. 83—94; 19, с. 105—108].

Технику первичного расщепления характеризуют нуклеусы и полученные с них сколы. Нуклеусы немногочисленны, количество их достигает 0,1—7,3% всего состава коллекций. Морфологически хорошо выраженные экземпляры составляют половину нуклеусов; вторая половина отличается сильной сработанностью, беспорядочностью оббивки или несет следы двух-трех пробных снятий, что придает ей аморфные очертания. Все без исключения нуклеусы имеют небольшие размеры (от 2 до 8 см в высоту), изготовлены из моренных желваков кремня и речной гальки. Иногда заготовками служили массивные отщепы. Преобладают призматические и грубопризматические нуклеусы (рис. 1, *1, 2, 5, 7—10, 12*). Ударные площадки, как правило, расположены горизонтально, однако есть и скошенные (рис. 1, *1*). Количество одно- и двухплощадочных нуклеусов примерно равно. Одну треть морфологически определимых нуклеусов составляют пирамидальные (рис. 1, *3, 6, 11*), единичны клиновидные и уплощенные нуклеусы. Снятие заготовок было продольным, чаще проводилось лишь с одной стороны. С большинства нуклеусов скалывались пластины, однако нередки экземпляры (10—15%) со следами от отщепов, которые количественно преобладают в коллекциях с мезолитических памятников. Объяснить данный факт, видимо, можно тем, что первичная обработка кремня проводилась на территории памятника, сырье было плохого качества, отсюда и большое количество неудачных заготовок, отбросов; свидетельство тому — большой процент отщепов (42—89% количества всех находок, тогда как пластины составляют 7,7—20%). В то же время большинство выявленных орудий (44,7—79,5%) изготовлено из пластин.

Наконечники стрел при определении культурной принадлежности мезолитических поселений играют ведущую роль [20, с. 16]. Удельный вес их среди орудий равен 2,6—8,3%. Преобладают эписвидерские (40% всех обнаруженных наконечников), для которых характерна крутая и полукрутая ретушь по краям черешка со спинки и плоская с брюшка. Иногда черешки обрабатывались противолежащей ретушью (рис. 2, *1—6*). Черешки плоские, в большинстве случаев подпрямоугольной формы, встречаются, однако, и треугольной, острые (рис. 2, *5*). Острия наконечников чаще не подправлялись (50% наконечников), но на ряде орудий они обработаны полукрутой ретушью по краям (рис. 2, *4, 5*) и очень редко — плоской с брюшка (рис. 2, *1*). Заготовками для эписвидерских наконечников служили пластины, размеры их не превышали 3—6 см в длину при ширине 1—2 см. Вероятно, производной формой от эписвидерских являются черешковые симметричные наконечники, у которых выделены черешки крутой или полукрутой ретушью как со спинки, так и с брюшка (рис. 2, *7—9, 11—13, 17*); края острия подправлялись мелкой полукрутой ретушью с одной или обеих сторон (рис. 2, *8, 9, 17*) — ок. 50% орудий. Наконечники этого типа также полно представлены в инвентаре наших поселений и составляют 35—40% их состава. Менее широко (10—15% наконечников) распространены асимметричные (не путать с гренскими) наконечники, близкие по форме к эпиаренсбургским (рис. 2, *14—16*). Изготовлены они из пластин, черешковые; черешки выделены со спинки по обоим краям крутой ретушью или противолежащей. Основной особенностью наконечников является срез острия (не подправка) одного или двух краев у верхушки заготовки крутой ретушью, что придает им асимметричность. Единичны наконечники с боковой выемкой (2 экз.; Береговая Слобода) и ланцетовидные (1 экз.; Береговая Слобода). Интересен наконечник с Береговой Слободы, черешок которого по обоим краям обработан крутой ретушью, причем на одном ретушь заходит вплоть до острия, что сближает орудие с гренскими наконечниками (рис. 2, *10*). Вполне возможно, что это случайная форма.

Резцы (4,3—10% всего состава орудий) представлены основными типами — боковыми, угловыми, срединными. Большинство изготовлено из пластин (60%), остальные — из отщепов (20%), краевых сколов и нуклеусов, сколов с ударных площадок, кусков кремня. Преобладают боковые — 40—70% резцов (рис. 3, *1—5*). Их резцовые углы оформлены по-

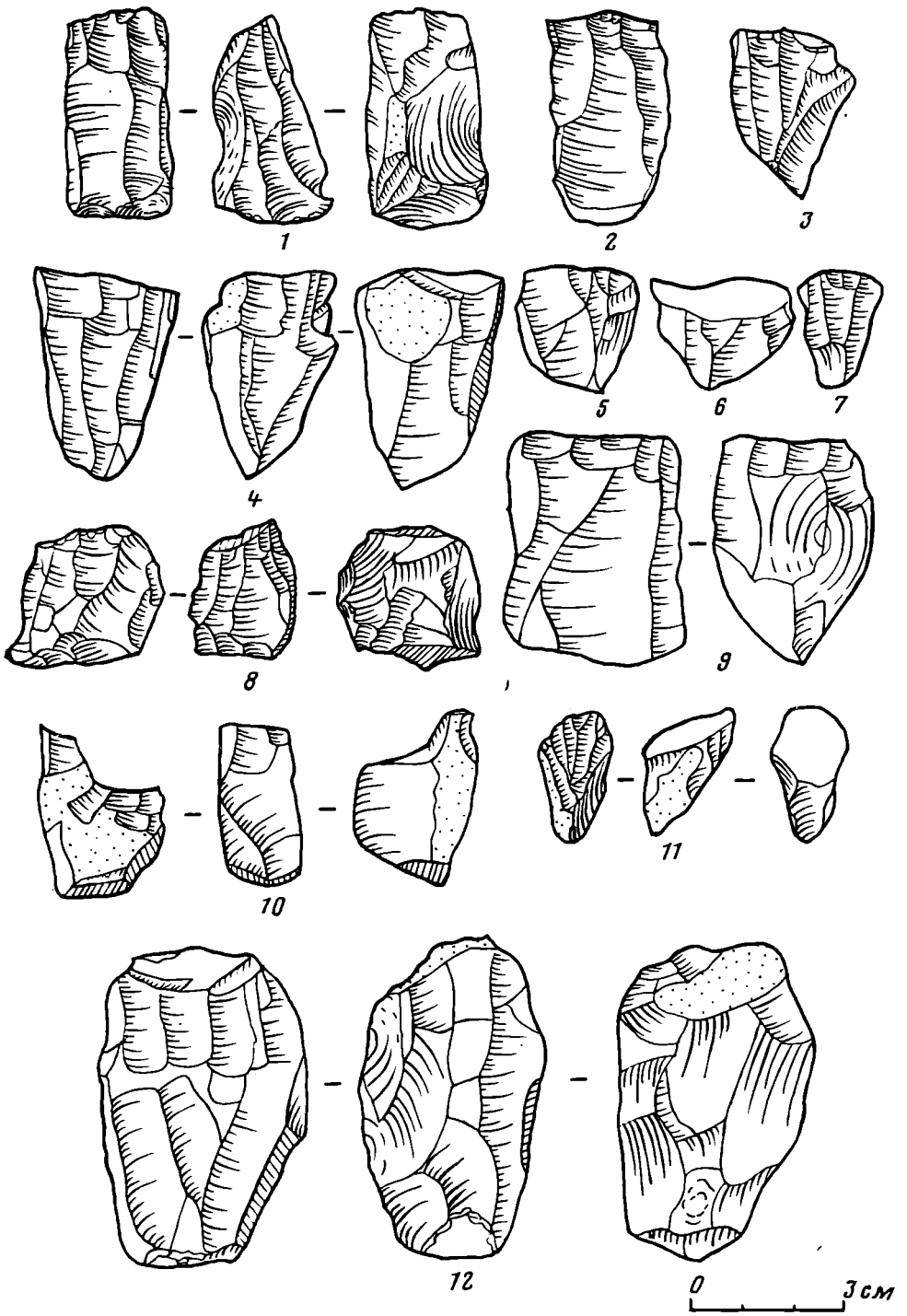


Рис. 1. Нуклеусы. *1—3, 12* — Береговая Слобода; *4—7* — Красповка I «А»; *8, 11* — Стасевка; *9* — Василевичи II

средством коротких или длинных сколов, нанесенных чаще вдоль продольной оси, и полукрутой крупной и мелкой ретушью, которой, как правило, обработан конец или край заготовки. 80% боковых резцов одинарные, редко встречаются двойные, в основном резцы-скобели, рабочий край которых оформлен на конце массивных пластин путем сколов противоположных углов и поперечного ретуширования середины в виде выемки (рис. 3, *1*). Вторыми по численности являются угловые резцы — 20—40% (рис, 3, *8*, *10—14*). Изготовлены они на углу сломанных пластин, вдоль края которых нанесены узкие сколы. Редко резцовые лезвия образованы на остроугольном конце заготовки (рис. 3, *14*). Единичны срединные резцы (5—10%). Оформлялись они на пластинах и отщепах путем нанесения сколов под углом в 45° (рис, 3, *9*). На поселениях Бере-

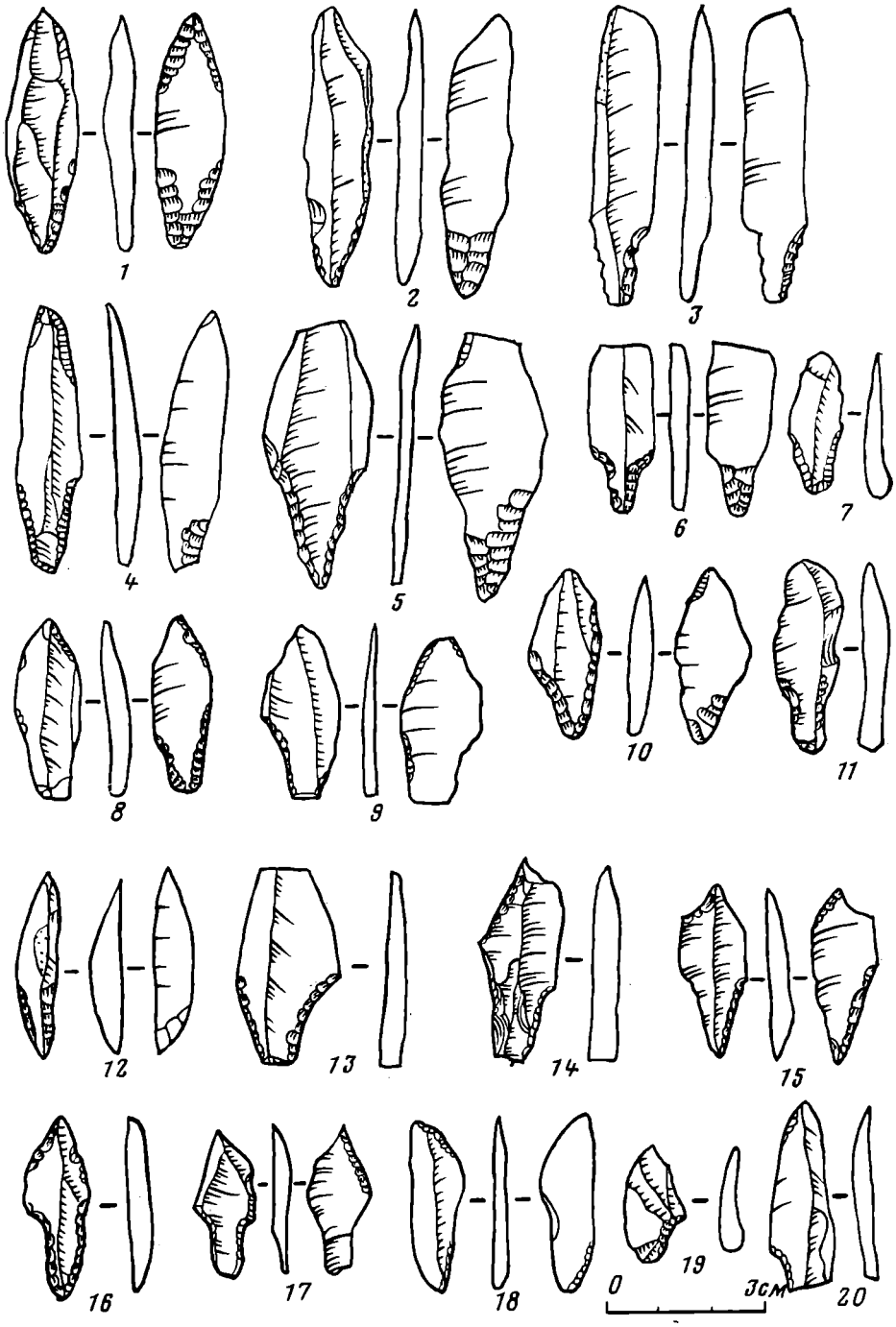


Рис. 2. Наконечники стрел. *1—3* — Городок IV; *4*, *6*, *7—12*, *14*, *15*, *17—20* — Береговая Слобода; *5*, *16* — Тайманово; *13* — Красновка I «А»

говая Слобода и Городок IV обнаружены также срединно-угловые резцы (рис. 3, *6*, *7*).

Скребки в отличие от резцов в коллекциях позднемезолитических поселений правобережья Днепра занимают значительную часть — от 10 до 32% всего количества находок со вторичной обработкой. Основная масса орудий (63—84%) изготовлена из пластин и их сечений, остальные — из отщепов, сколов, оживления, кусков кремня (рис. 3, *15—24*). Размеры их колеблются от 1,5 до 5,5 см в длину. Большинство скребков концевые — ок. 60—80%. Их дугообразный или прямой рабочий край обработан, как правило, крутой скребковой ретушью (рис. 3, *15—19*), которая иногда заходит на край пластины (рис. 3, *16*). Преобладают орудия с одним рабочим краем, встречаются и двойные (рис. 3, *16*, *19*).

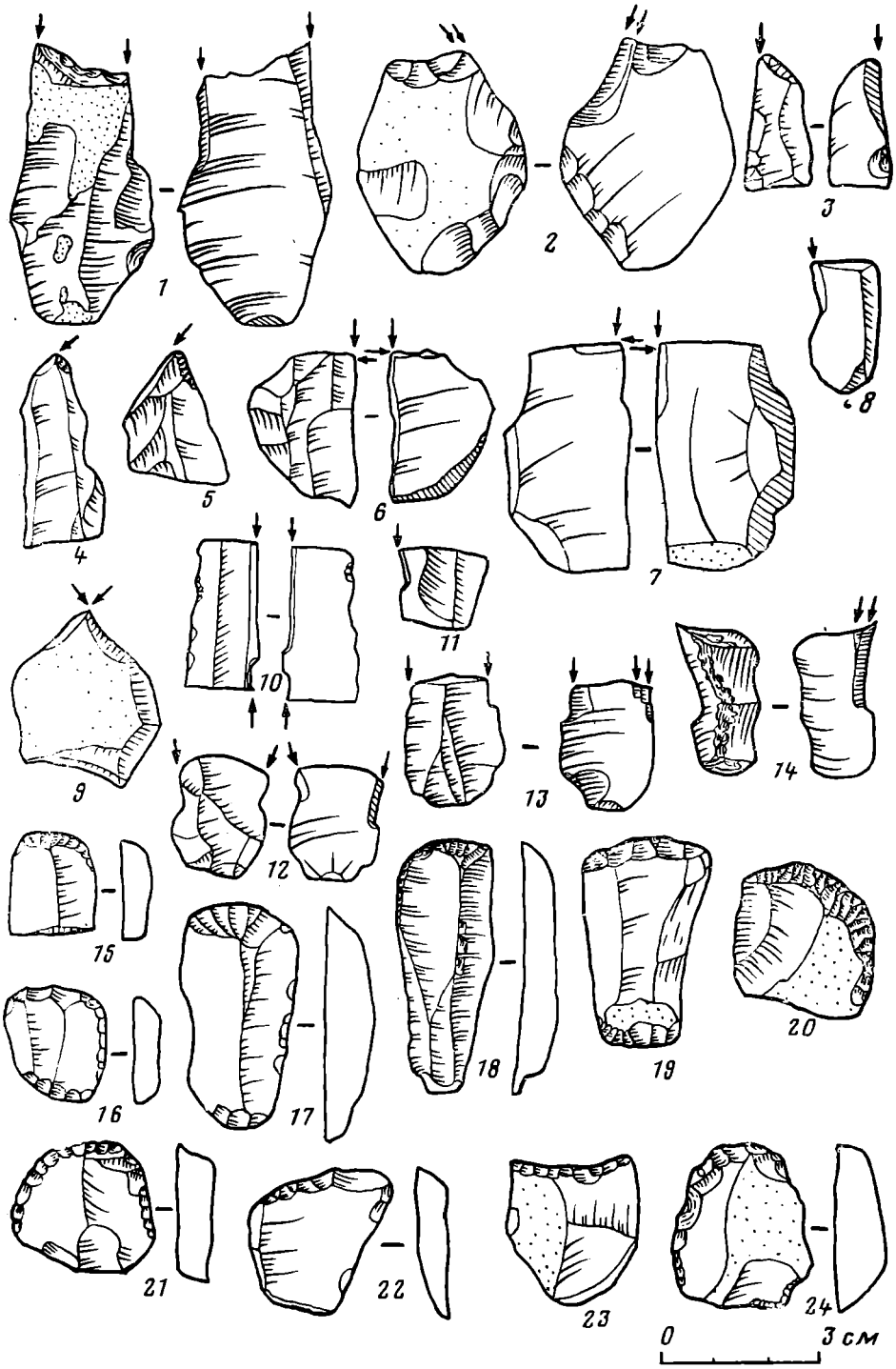


Рис. 3. Резцы и скребки. *1, 7, 9, 13, 14, 18, 19, 22—24* — Береговая Слобода; *2, 3, 10, 17* — Тайманово; *4, 6, 12, 15, 16* — Городок IV; *5, 8, 21* — Красновка I «А»; *11, 20* — Стасевка

10—20% скребков имеют полуокруглую форму рабочего края (рис. 3, *20, 21, 23*); они изготовлены в основном из отщепов, которые на отдельных участках несут меловую корку. В коллекциях встречаются также скребки со скошенным (рис. 3, *22*), вогнутым (рис. 3, *24*) рабочим лезвием.

Проколки, обнаруженные на поселениях (2,5—4,3% орудий), изготовлены из пластин (62%), отщепов (33%), сколов оживления (рис. 4, *1—8, 10*). Их жала обработаны крутой или полукрутой мелкой ретушью по одному (рис. 4, *1, 2, 5, 7*) или двум краям (рис. 4 *3, 4, 8*) заготовок. Несомненно, к проколкам относятся изделия, имеющие естест-

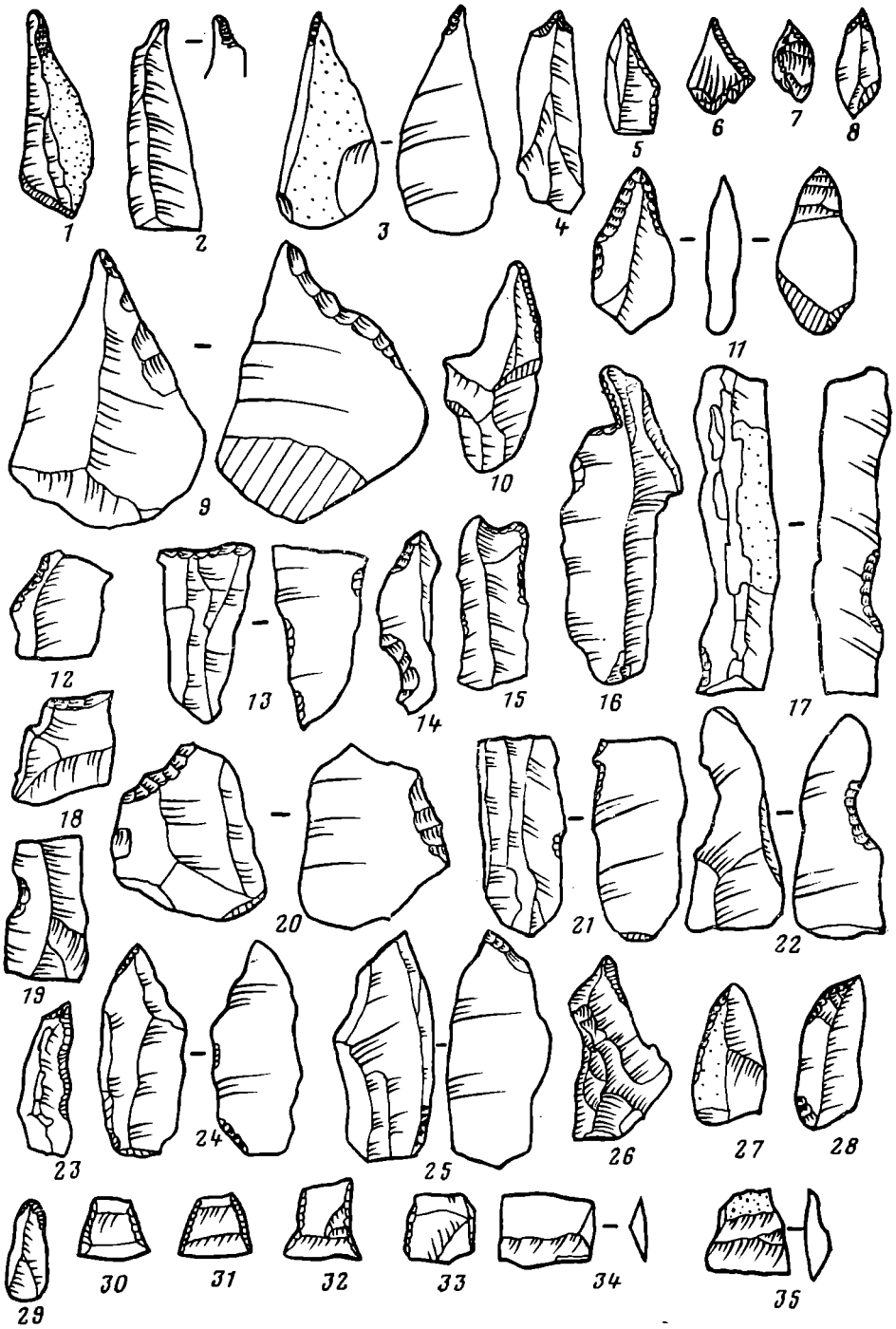


Рис. 4. Орудия труда. *1—3, 7—11, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 29, 30, 35*— Береговая Слобода; *4, 21* — Тайманово; *5, 14, 20, 27, 28, 32, 34* — Городок IV; *6, 17, 26, 33* — Стасевка; *12, 31* — Василевичи II; *23* — Красновка I «А»

венное заострение, которое подправлено мелкой ретушью (рис. 4, *6*). Единичны сверла-провертки, изготовленные из толстых пластин и пластинчатых отщепов (рис. 4, *9, 11*). Лезвия их обработаны крутой крупной противолежащей ретушью, иногда ретушью со спинки по обоим краям и подправкой лезвия, плоской с брюшка.

Значительное место в коллекциях занимают пластины (63%) и отщепы (20,6%) с ретушированными выемками по краям и концам (рис. 4, *12—22*). Выемки, как правило, невелики (0,5—2 см в диаметре), располагаются со стороны спинки и с брюшка, формуются обычно крутой ретушью. В качестве заготовок для скобелей использовались иногда нуклевидные куски кремня, сколы оживления.

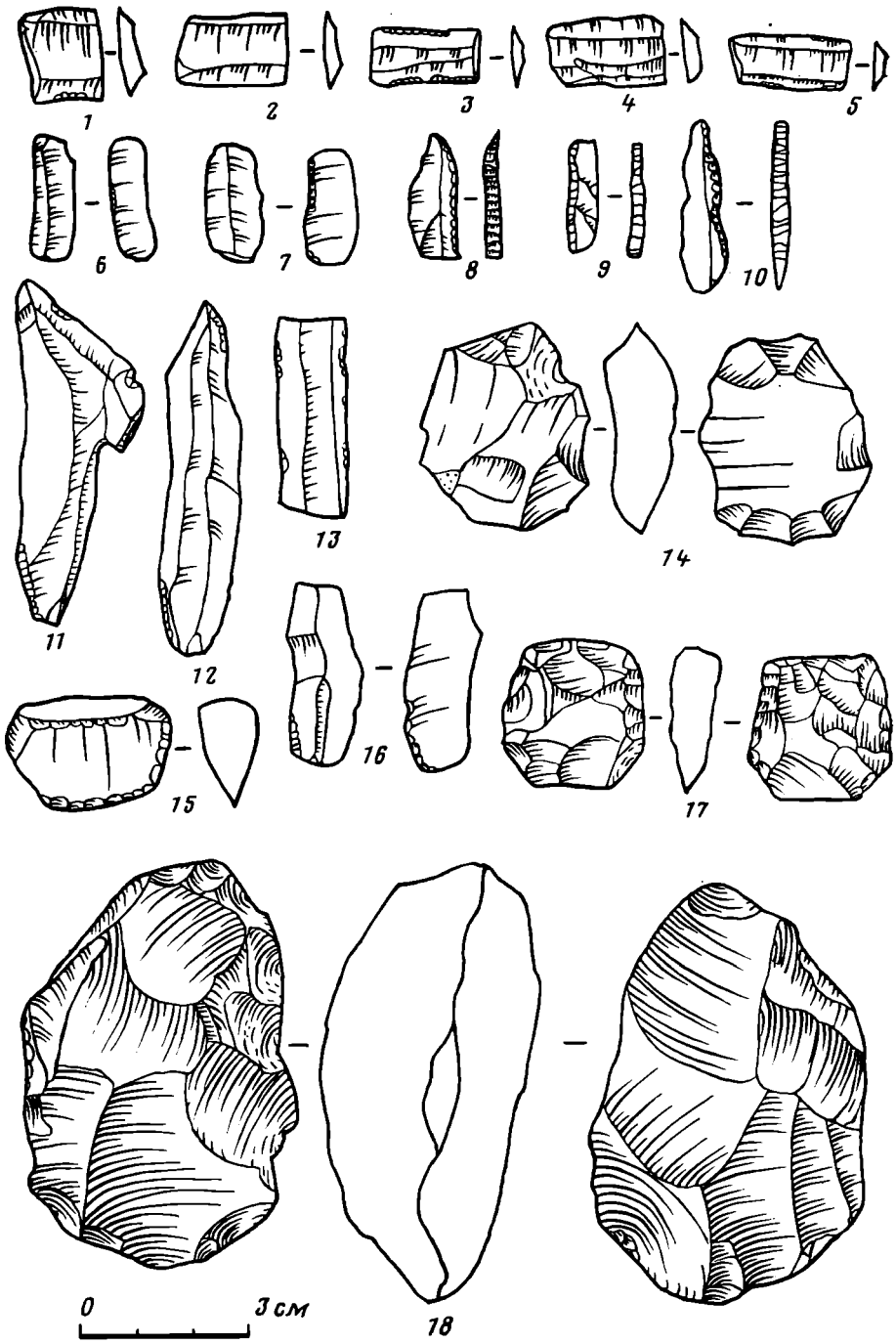


Рис. 5. Орудия труда. *1*, *4—10*, *12*, *14*, *15*, *18* — Береговая Слобода; *2*, *3*, *11*, *17* — Красновка I «А»; *13* — Василевичи II; *16* — Городок IV

Острия, как и наконечники стрел, являются культуроопределяющим элементом в инвентаре мезолитических памятников. Они немногочисленны (не более 2—3 экз. с поселения), изготовлены из пластин, у которых отсечены базальные части, одно — из пластинчатого отщепа (рис. 4, *26*). Характерной их чертой являются обработка одного края верхушки заготовки со стороны спинки (в большинстве экземпляров) или брюшка полукрутой, порой приостряющей ретушью и подправка по одному или двум краям основания орудия крутой ретушью (рис. 4, *24*, *25*, *28*; рис. 5, *12*), что выделяет их среди этой группы орудий и позволяет определить как верхнеднепровские острия.

Характерными для позднемезолитических памятников правобережья

Днепра являются вкладыши — небольшие разнообразные изделия из пластин и их сечений. Трапеции обнаружены на четырех поселениях (Береговая Слобода — 3 экз., Василевичи — 2 экз., Городок IV — 9 экз., Стасевка — 1 экз.), они равнобедренные (рис. 4, *30*, *31*, *33*). Лишь в коллекции Городок IV присутствуют трапеции с вогнутыми краями (рис. 4, *32*) и трапеция высокой формы. Края орудий обработаны крутой мелкой ретушью. Более многочисленны сечения пластин (ок. 8% всех орудий; рис. 4, *34*, *35*; рис. 5, *1—5*). Не найдены эти орудия лишь в Тайманово. В основном сечения делятся на два типа — короткие и длинные [21, с. 24], причем для них характерна как прямоугольная, так и трапециевидная форма. Ряд экземпляров несет по краям микрорезцовые сколы, края некоторых сечений обработаны мелкой ретушью со спинки или брюшка. Редки пластинки с притупленной спинкой (рис. 5, *8—10*), обнаруженные лишь в Береговой Слободе (3 экз.). Видимо, к вкладышам также относятся пластины разных размеров с отсеченными верхушками и базальными частями (рис. 5, *6*, *7*, *13*), имеющие по краям приостряющую или мелкую ретушь. К этой группе орудий можно отнести пластины, основания которых обработаны полукрутой, порой противолежащей ретушью.

Рубящие орудия обнаружены лишь на двух памятниках. В Красновке найдено в 1 экз. долотовидное орудие (рис. 5, *17*), изготовленное из массивного отщепа, рабочий край которого оформлен с обеих сторон путем подтески. В коллекции с Береговой Слободы — 9 экз. рубящих орудий. Среди них два топора овальной формы (рис. 5, *18*), три топоровидных орудия, оформленных из половинок нуклеусов (рис, 5, *14*), четыре клиновидных изделия, изготовленные из массивных отщепов (рис. 5, *15*).

Кремневый инвентарь рассмотренных поселений имеет ближайшие аналогии в инвентаре ряда позднемезолитических памятников Посожья — Взлужье, Студенце, Гайшине, Скитке, Замостовье, Верхах, Горках, Печенеже [2, с. 125—152; 3, с. 383—478; 4, с. 45—148; 11, с. 90, 91; 12, с. 55—59; 14, с. 63—67; 5, с. 60—66; 22, с. 27—32]. Сырьем для изготовления орудий на поселениях Посожья служил меловой мелкокрапчатый кремень серого цвета. Для инвентаря характерна техника расщепления, основанная на призматическом нуклеусе при наличии большого количества экземпляров, которые отличаются беспорядочностью оббивки и сработанностью. Имеются в коллекции единичные нуклеусы пирамидальной и клиновидной формы при полном отсутствии карандашевидных [23, с. 14—17, 20—23]. Неотъемлемым элементом кремневого инвентаря памятников Посожья являются эписвидерские наконечники стрел, традиционная форма которых уже не устойчива, теряется строгость в технике обработки, в выборе заготовки. Широко распространены симметричные наконечники, черешки которых выделялись крутой или полукрутой ретушью со спинки. Встречены асимметричные наконечники, правда реже, чем эписвидерские и симметричные. Близость поселений проявляется в преобладании боковых резцов при наличии угловых и в незначительном количестве срединных, в распространении концевых скребков на пластинах и отщепах с округлым, прямым, скошенным и очень редко — вогнутым рабочим краем, в соотношении скребков и резцов (более чем 2 : 1). На поселениях Днепра и Сожа найдены пластины и отщепы с ретушированными выемками по краям, проколки, верхнеднепровские острия, рубящие орудия. В качестве вкладышей широко использовались сечения ножевидных пластин, пластины с отсеченными базальными частями и верхушками, по краям которых нанесена на отдельных участках ретушь. Довольно редки находки трапеций и пластинок с притупленной спинкой. Соотношение групп кремневого инвентаря со вторичной обработкой в Посожье и на Днепре примерно равно.

Есть, однако, и определенные различия в инвентаре поселений, заключающиеся в более высоком проценте использования на сожских памятниках отщепов в качестве заготовок (59—64%) [15, с. 65], большем разнообразии по форме рубящих орудий, меньшем количестве резцов на

углу сломанной пластинки, присутствии скребловидных орудий. Посожье богато выходами меловых пород, содержащих кремневое сырье, первичная обработка которого проводилась на территории поселений. Этим, вероятно, объясняются наличие в их инвентаре большого числа скребков из вершинок конкреций, орудий из первичных отщепов, многочисленность коллекций в сравнении с днепровскими.

Приведенные выше общие черты кремневого инвентаря ряда памятников белорусского правобережья Днепра и Посожья позволяют сделать вывод о существовании в позднем мезолите на территории Белорусского Поднепровья единой культурной группы населения. Так как большинство памятников этой культуры расположено в Верхнем Поднепровье и они здесь количественно преобладают над памятниками других мезолитических культур, думается, удачным будет дать ей название «верхнеднепровская». По современным данным, ее границы можно очертить на западе — по р. Березине, на юге — до места впадения р. Сож в р. Днепр, на востоке — по р. Сож. Пока недостаточно ясна северная граница из-за слабой изученности каменного века Северной Белоруссии. Вполне возможно, поселения этой культуры будут обнаружены за пределами указанной территории. Население верхнеднепровской культуры являлось потомками местных раннемезолитических эписвидерских племен, памятники которых расположены в Верхнем Поднепровье [6, с. 82—84; 16, с. 95—119; 23, с. 19; 24, с. 35—42]. Оно практически сохранило все черты кремневого инвентаря этих памятников (кроме появления трапеций, да и то в незначительных количествах), не испытав заметного влияния южных и западных соседей, в отличие от ряда позднемезолитических культур Восточной Европы [25, с. 159—185; 26, с. 66—69]. Этим обстоятельством объясняется схожесть кремневого инвентаря памятников Днепра и Сожа с памятниками мезолита Западной и Южной Белоруссии [27, с. 53, 59; 28, с. 141—159; 29, с. 27—33], Литвы [30, с. 98—111, 125—146], Северной Украины [25, с. 128—144; 31, с. 24—26] и других территорий, где выявлены эписвидерские памятники.

Иное культурное явление в мезолите Юго-Восточной Белоруссии представляет поселение Речица II, обнаруженное автором в 1981 г. на северо-восточной окраине города, на первой надпойменной террасе правого берега Днепра, в ур. Прудок. Культурный слой памятника сильно разрушен. На развеянной песчаной поверхности на площади 60×20 м собраны материалы эпохи мезолита, бронзы и раннего железного века. Памятник публикуется впервые, поэтому дадим подробную характеристику коллекции мезолитических материалов, которая насчитывает 2633 единицы. Сырьем для изготовления орудий служил сожский кремень серого цвета с вкраплениями мела. Отщепов найдено 2057 экз. Большинство имеют мелкие размеры — до 2,5 см в диаметре, часто на спинке сохраняются участки меловой корки. Пластины (257 экз.) также невелики — 4—5 см в длину, края их неровны.

Нуклеусы и их обломки представлены в количестве 38 экз. (рис. 6, *25—29*). Из целых нуклеусов 28 экз. имеют две ударные площадки и лишь 8 одноплощадочных. Размеры нуклеусов невелики — до 4 см в длину. Определенной формы они не имеют, часть можно отнести к клиновидным. Заготовки, как правило, снимались с одной стороны. Четыре нуклеуса служили для снятия микропластин.

Среди орудий наиболее многочисленны скребки (34 экз.; рис. 7, *1—16*, *21*, *23*). Концевых скребков 18 экз. Изготовлены они из целых и усеченных пластин, имеют преимущественно дугообразный рабочий край, обработанный крутой скребковой ретушью, которая иногда заходит на края заготовки (рис. 7, *21*, *23*). Один скребок двойной. Остальные орудия имеют овальный, округлый или прямой рабочий край; изготовлены они из отщепов. Для ряда скребков характерно присутствие на спинке участков меловой корки. Очень близки к этой группе орудий скробачи — отщепы и куски кремня овальной или подпрямоугольной формы, на краях которых отдельными участками нанесена скребковая ретушь (10 экз.; рис. 7, *17—20*, *24*). Необходимо отметить, что размеры скреб-

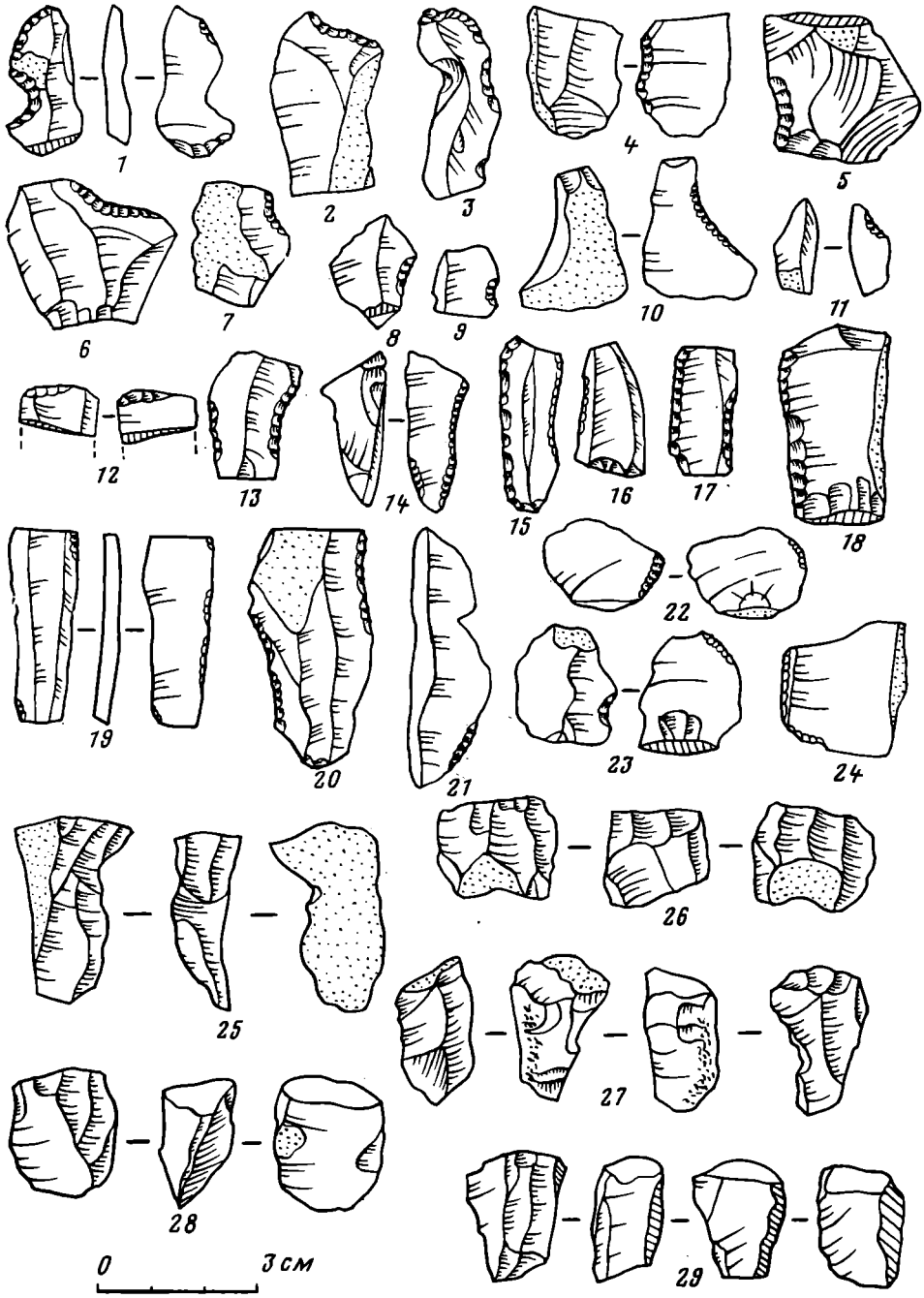


Рис. 6. Кремневый инвентарь с поселения Речица II

ков и скробачей невелики и соответствуют размерам заготовок (до 4,5 см в длину).

Удивляет незначительное количество резцов — 1 экз. (рис. 7, *22*). Резец срединно-угловой, заготовкой ему служил пластинчатый отщеп. Поверх резцового скола, нанесенного вдоль края отщепа, имеется полукрутая ретушь, которая появилась, видимо, в процессе утилизации или обновления орудия. Такой же ретушью обработан второй край заготовки.

Наконечники стрел мезолитического облика представлены 6 экз., причем все они гренского типа (рис. 8, *1—3*, *6—8*). Для них характерна крупная крутая ретушь, нанесенная со стороны брюшка и захватывающая, как правило, весь край орудия (обычно левый). Такой же ретушью по второму краю выделен черешок в виде выемки. Большинство орудий изготовлено из пластинчатых отщепов. Черешок одного наконечника под-

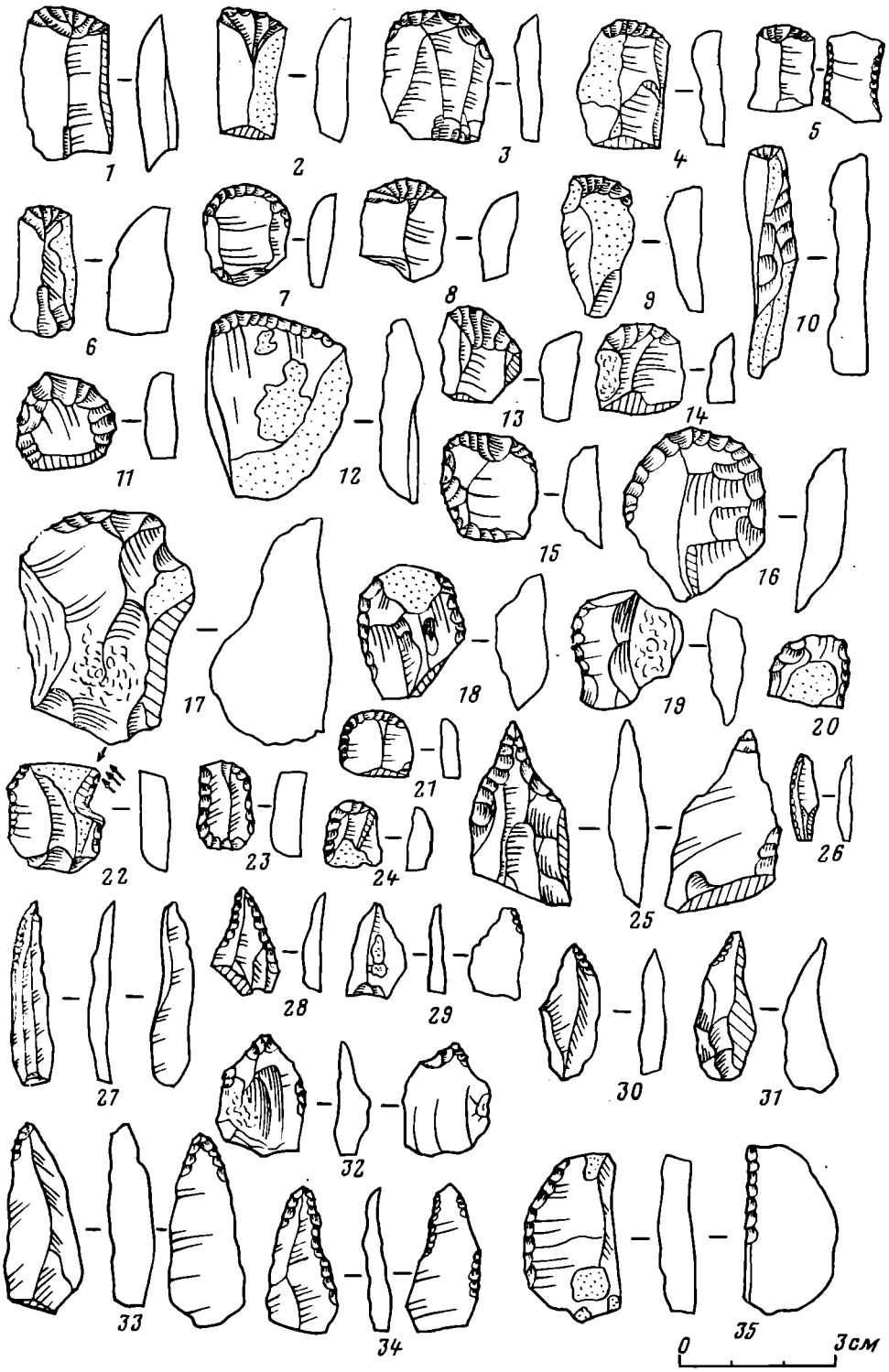


Рис. 7. Кремневый инвентарь с поселения Речица II

правлен с брюшка плоской ретушью (рис. 8, *3*). Размеры орудий колеблются от 3×1,5 до 4,3×1,5 см.

Пластинки с притупленным краем обнаружены в количестве 13 экз. (рис. 7, *26*; рис. 8, *9—14*, *17—23*, *47*). Края (спинки) пластинок ретушировались полностью встречной крутой, преимущественно мелкой ретушью. По своему оформлению орудия делятся на ряд типов; в основу нами положена типология микролитов, предложенная С. К. Козловским [32, с. 19—22]. Выделяются пластинки с притупленным краем типа Ставинога (2 экз.; рис. 8, *10*, *13*), ланцетовидные треугольной формы (5 экз.)

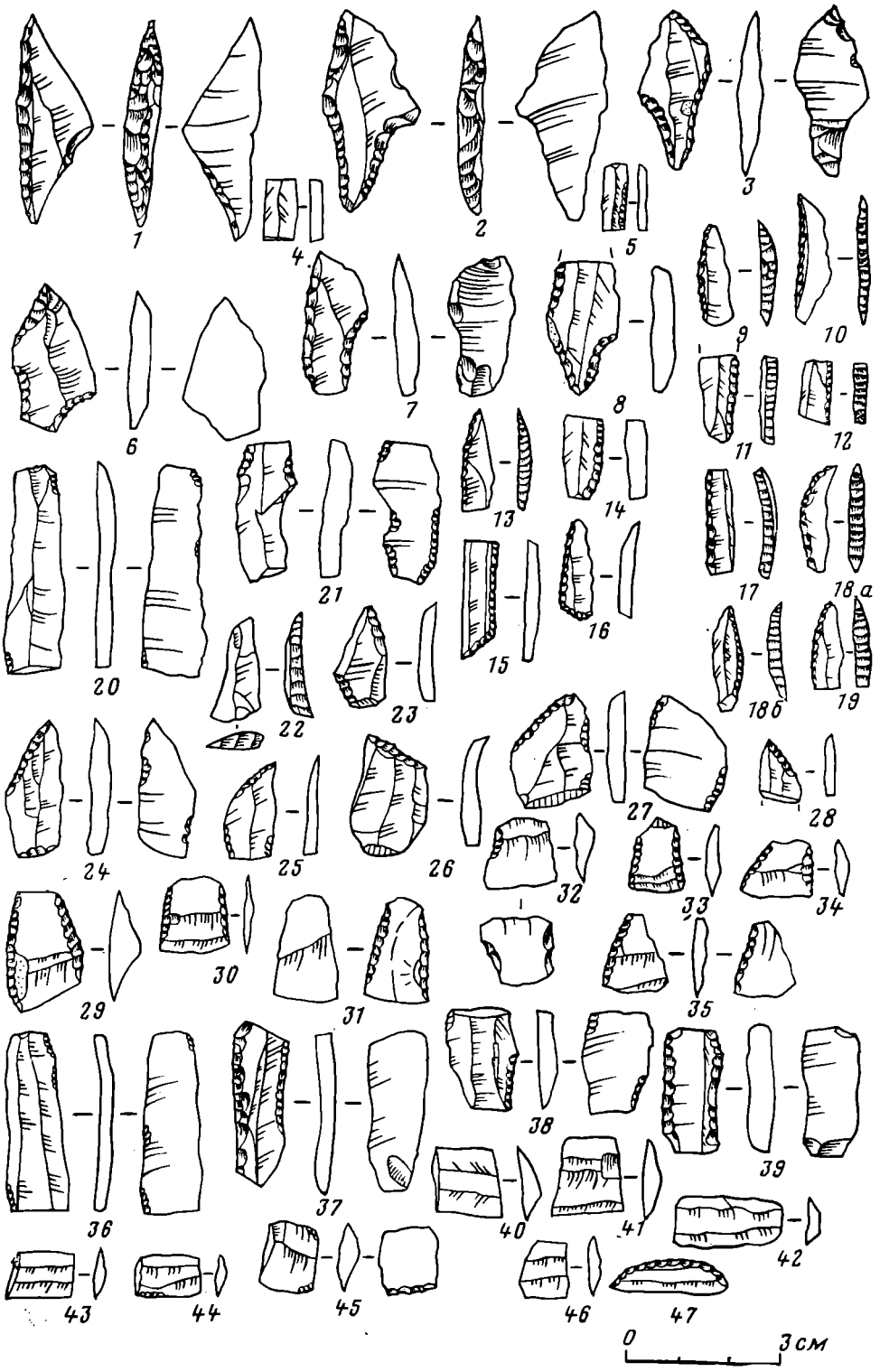


Рис. 8. Кремневый инвентарь с поселения Речица II

с натуральным или обломанным основанием (рис. 7, *26*; рис. 8, *9*, *13*, *18а, б, 19*), ромбические (1 экз. рис. 8, *23*), сегментовидные (рис. 8, *47*), обыкновенные (2 экз.; рис. 8, *11*, *12*).

Среди геометрических микролитов встречены неравнобедренные тупоугольные треугольники (2 экз., один обломан; рис. 8, *15*, *16*) и трапеции (8 экз.; рис. 8, *29—35*). Шесть трапеций — равнобедренные, изготовлены из сечений пластин, поперечные края которых обработаны полукрутой мелкой односторонней (в преобладающем большинстве), противолежащей (1 экз.) ретушью, расположенной как со стороны спинки (5 экз.), так и

с брюшка заготовки (1 экз.). Две трапеции относятся к типу высоких (рис. 8, *29*, *31*).

Пластинки со скошенным ретушью концом найдены в количестве 5 экз. (рис. 8, *24—28*). Концы заготовок обрабатывались крутой мелкой ретушью, следов и свидетельств применения техники микрорезцового скола нами не замечено, не обнаружены на поселении и микрорезцы. В ряде случаев со стороны спинки и брюшка полукрутой ретушью частично подправлялись края орудий. Иногда оформлялась выемка (рис. 8, *24*, *27*), причем у одного орудия (рис. 8, *25*) выделен черешок. Основание пластин в одном случае обработано крутой ретушью с конца (рис. 8, *24*), в других случаях — противолежащей ретушью по краям (3 экз.; рис. 8, *25*, *27*, *28*) или оставалось натуральным (1 экз.; рис. 8, *26*).

Разнообразны по технике исполнения и размерам пластины-вкладыши. Выделяются пластины-вкладыши типа Михайловка (4 экз., рис. 6, *19*; рис. 8, *20*, *36*, *38*). Концы у них по краям срезаны с брюшка и спинки противолежащей полукрутой ретушью, по-видимому, для того, чтобы прочно закрепить пластины в основе составных орудий и срезать выступающие углы концов заготовок, мешавшие при работе. Иногда по краям имеются следы сработанности. Размеры пластин-вкладышей достигают в длину 2—4 см при ширине 0,4—0,8 см. В большинстве случаев у вкладышей типа Михайловка отсутствуют базальные части. Следующий тип этих орудий — пластины-вкладыши с полукрутой ретушью на обоих краях, причем ретушь часто занимает весь край (5 экз.; рис. 6, *15*, *17*; рис. 8, *21*, *37*, *39*). Сечений пластин на поселении собрано 7 экз. (рис. 8, *40—46*), все они относятся к типу коротких [21, с. 24], имеют как прямоугольную, так и трапециевидную форму. Продольные края 2 экз. обработаны частично полукрутой мелкой ретушью со стороны спинки и брюшка (рис. 8, *44*, *45*). Думается, вкладышами служили микропластинки с ретушью по краю и без нее (10 экз.; рис. 8, *4*, *5*).

Проколки обнаружены в количестве 15 экз. (рис. 7, *25*, *27—32*). Заготовками им служили отщепы и пластины. Жало выделялось по одному (рис. 7, *27*, *29—31*), двум (рис. 7, *25*, *28*, *32*) краям крутой, полукрутой ретушью с обеих сторон заготовок. На 1 экз. оно подправлено несколькими фасетками плоской ретуши с брюшка. Близки к этой группе сверла-провертки — 3 экз. (рис. 7, *33*, *34*). В отличие от проколок они имеют более массивный, толстый рабочий край, выделенный противолежащей полукрутой ретушью на более узких концах заготовок, которыми являлись пластины.

Пластины и отщепы, имеющие ретушированные выемки на краях, представлены в количестве 15 экз. (рис. 6, *1—11*, *13*). Выемки диаметром 0,5—2 см оформлялись полукрутой мелкой ретушью с обеих сторон заготовок.

Довольно многочисленны орудия, универсальные по своим рабочим функциям,— пластины (21 экз.) и отщепы (37 экз.), несущие на своих краях полукрутую или мелкую приостряющую ретушь (рис. 6, *21—25*). Кроме вышеописанных орудий в коллекции есть обломанная пластинка с затупленным концом (рис. 6, *12*), обломанные части рабочих краев разных орудий (23 экз.), ретушеры (4 экз.), отбойник, куски кремня.

Позднемезолитический возраст поселения Речица II в настоящее время не вызывает сомнения. Его кремневый инвентарь существенно отличается от инвентаря памятников верхнеднепровской культуры. Основными характерными чертами поселения являются следующие: 1) наличие в инвентаре наконечников стрел только гренского типа, причем в двух его разновидностях: первый вид — наконечники с прямым, целиком обработанным крутой ретушью краем (рис. 8, *1*, *7*), второй вид — наконечники с выделенным шипом (обработанным или естественным) на противоположном выемке крае (рис. 8, *2*, *3*, *6*, *8*); 2) большой набор вкладышевых орудий, среди которых пластинки с притупленным краем, геометрические микролиты, пластины-вкладыши.

На правом берегу Днепра известны еще два мезолитических памятника с подобным набором орудий: поселение Рекорд, исследованное авто-

ром [33, с. 366; 34, с. 13, 14; 35, с. 442], и поселение Хвойная, открытое и обследованное В. Ф. Копытиным [36, с. 365]. Близкие материалы выявлены К. М. Поликарповичем в Посожье, на стоянках Скиток [2, с. 219—222], Целец [3, с. 432]. Ряд аналогичных материалов находится в инвентаре известных поселений Гренск, Коромка [3, с. 464—466; 8, с. 35—46; 13, с. 304—306, 313, 314]. Сложно пока обстоит дело с определением культурной принадлежности этих памятников. Если материалы смешанные (а это не исключено), то часть их относится к кругу памятников типа Речица II (наконечники гренского типа, скребки, резцы, проколки), представляя их ранние этапы, остальные — эписвидерские. Если материалы однородные, то эти стоянки образуют особую группу памятников.

На данном этапе исследования, видимо, можно ставить вопрос о существовании в мезолите Юго-Восточной Белоруссии памятников типа Речица II, для инвентаря которых характерно наличие гренских наконечников стрел, разнообразных острий, геометрических микролитов. Чтобы судить об их генезисе и периодизации, материалов пока недостаточно. Аналогии памятникам этого типа имеются в мезолите Северной Украины [25, с. 165—170; 37, с. 42—54], Волго-Окского междуречья [38, с. 87—90; 39, с. 91—98], причем стоянки, расположенные западнее, имеют более ранний возраст. Это свидетельствует, вероятно, о продвижении с запада на восток группы населения, имевшего в своем инвентаре гренские наконечники стрел; возможно, оно иногда смешивалось с эписвидерским, оставляя памятники типа Гренска, Коромки.

Памятники иного типа представляет поселение Красновка I «Б», обнаруженное автором в 1981 г. близ д. Красновка Светлогорского р-на, на первой надпойменной террасе правого берега Березины. В том же году на поселении был заложен раскоп площадью 120 м². Стратиграфия его следующая: 1) почва бурого цвета, частично разрушена ветровой эрозией (0,1—0,2 м); 2) мелкозернистый неслоистый песок светло-желтого цвета (0,2—0,6 м); 3) светло-желтый песок разной зернистости, прокопан до глубины 1 м.

Культурные остатки эпохи мезолита, представленные расщепленным кремнем, были расчищены на глубине 0,1—0,4 м, в слое мелкозернистого неслоистого песка светло-желтого цвета. Кремни равномерно распределялись по всей площади раскопа. Вместе с ними в раскопе встречены фрагменты сосудов раннего железного века и орудия эпохи бронзы. Всего в 1981 г. собрано на памятнике Красновка I «Б» 1959 находок. Сырьем для них служил меловой сожский кремень. Преобладают в коллекции отщепы (1356 экз.). Все они мелкие, размеры их достигают 0,5—2,5 см в поперечнике. Пластины (71 экз.) также невелики — до 3 см в длину при ширине 0,5—1 см. Нуклеусы и их обломки найдены в количестве 24 экз. (рис. 9, *17—19*). Они сильно изношены, что затрудняет определение формы. Здесь сказалось плохое качество кремня. Из сохранившихся экземпляров три одноплощадочные и три двуплощадочные. Ударные площадки горизонтальны, иногда подправлялись одним-двумя сколами. Размеры самого крупного нуклеуса — 5,5 см в высоту при ширине 2,5 см.

Орудий выявлено 120 экз. Скребки представлены 15 экз., причем 10 изготовлены из отщепов и 5 — из пластин (рис. 10, *1—10*). 10 скребков концевые, они имеют дугообразный рабочий край, оформленный крутой или полукрутой скребковой ретушью. У двух орудий мелкой ретушью обработаны края заготовок. Скребки из отщепов имеют овальный, полуокруглый рабочий край. Необходимо отметить, что все орудия — укороченных размеров, самые крупные достигают 3—4 см в длину при ширине 1,5—2,5 см. Близки к скребкам отщепы, куски кремня, осколки, имеющие по краям на отдельных участках скребковую или притупливающую ретушь (скробачи),— 23 экз. (рис. 10, *11—13*). Чаще ретушь наносилась со стороны спинки, редко — с брюшка.

Резцов собрано немного (3 экз.; рис. 10, *14*, *15*, *20*). Два из них боковые, причем один двойной. Третий резец срединный. Заготовками для орудий служили пластины (2 экз.) и отщеп.

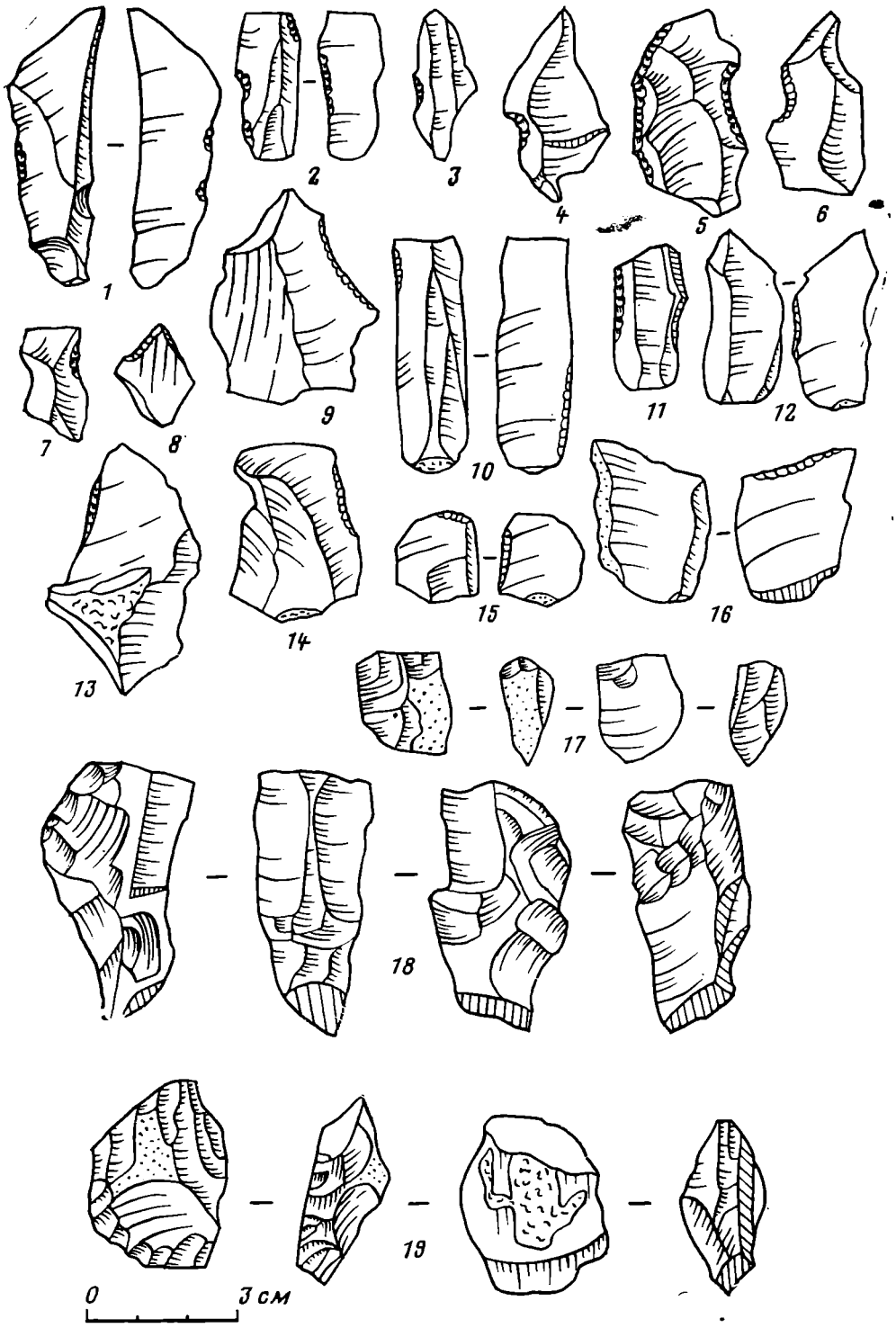


Рис. 9. Кремневый инвентарь с поселения Красновка I «Б»

Довольно многочисленной и разнообразной серией представлены острия (11 экз.). Пять из них относятся к типу Яниславице (рис. 10, *16—19, 21*), причем у всех обломано основание. Острие оформлено с помощью микрорезцового скола (в 3 экз.— на базальных частях, в 2 — на верхушках пластин) и подправлено крутой ретушью. Два орудия имеют по краям выемки, выделенные полукрутой мелкой ретушью. Интересны широкие трапециевидные острия, найденные в количестве 3 экз. (рис. 10, *25—27*). Основание и верхушка орудий оформлены микрорезцовым сколом и ретушью, что сближает их с вышеописанными яниславицкими остриями. Вполне возможно, эти орудия изготовлялись таким обра-

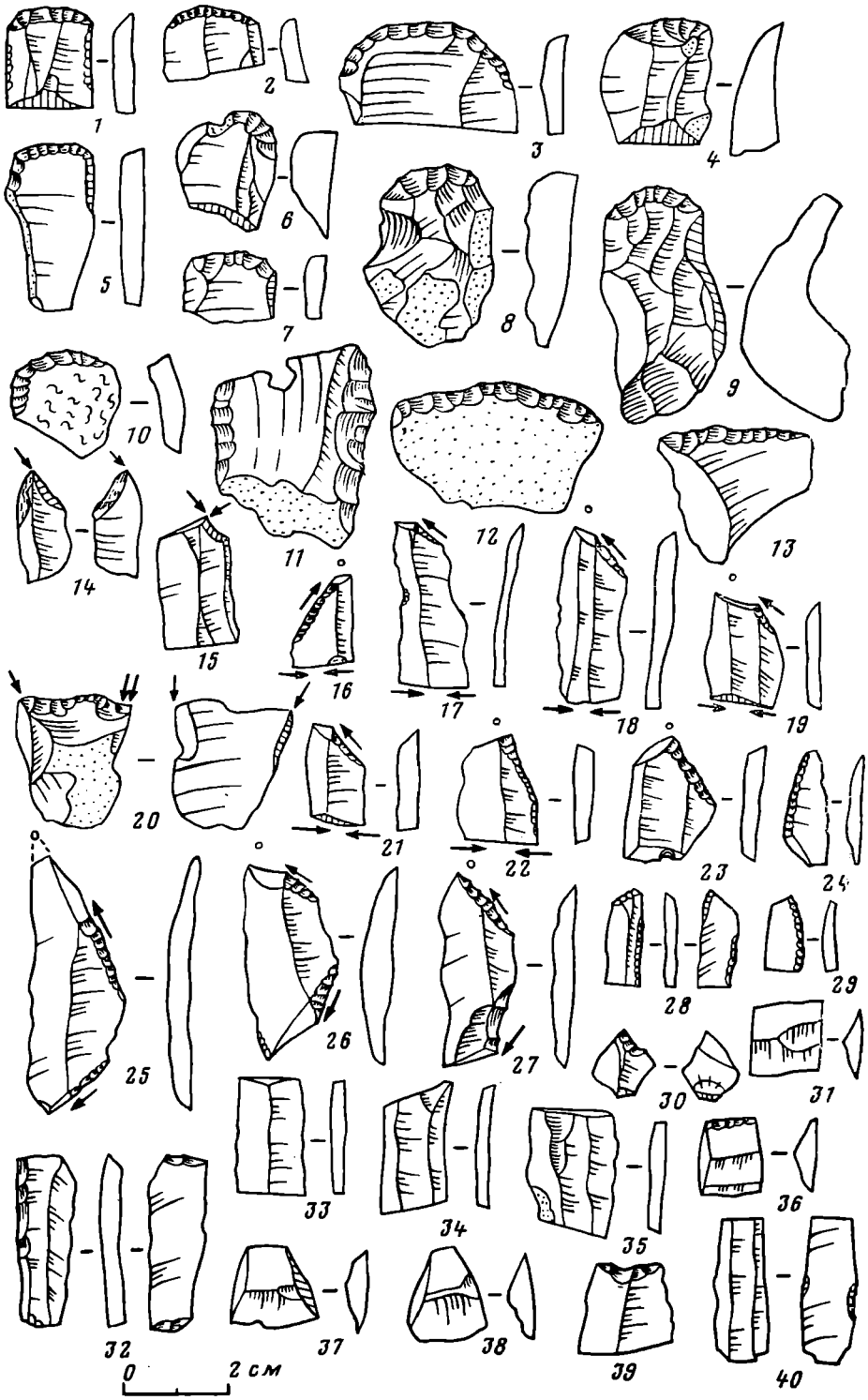


Рис. 10. Кремневый инвентарь с поселения Красновка I «Б»

зом: на противоположных концах пластины оформлялись острия, а затем заготовка расчленялась на две части. Тот факт, что два из пяти найденных яниславицких острий изготовлены на верхушках пластин, служит подтверждением данного предположения. Необычно острие, изготовленное из пластины небольшого размера, у которой верхушка срезана полукрутой ретушью со спинки и подправлена такой же ретушью с брюшка. Края орудий несут мелкую противолежащую ретушь (рис. 10, *28*). Пластинок с затупленным ретушью краем — две, одна близка к типу Ставнога (рис. 10, *24*), вторая — к ланцетовидным (рис. 10, *29*). В количестве

4 экз. на поселении обнаружены микрорезцы (рис. 10, *22*, *23*, *30*).

Вкладышей в коллекции насчитывается 11 экз. Одно орудие относится к типу вкладышей с ретушью по одному краю (рис. 10, *32*). Кроме края крутой ретушью с брюшка подработаны концы заготовки. Три пластины, у которых отсечены верхушки и базальные части, представляют собой вкладыши без ретуши по краю (рис. 10, *33—35*). Сечений пластин найдено 7 экз. (рис. 10, *31*, *36—38*). Они имеют прямоугольную и трапециевидную формы, край одного обработан полукрутой ретушью.

Пластин (10 экз.) и отщепов (8 экз.) с ретушированными выемками по краям (скобели) обнаружено на поселении 18 экз. (рис. 9, *1—9*; рис. 10, *39*, *40*). В большинстве случаев выемки оформлялись полукрутой ретушью как со спинки, так и с брюшка заготовок. Размеры выемок в диаметре достигали 0,3—2 см. В одном случае выемка оформлена на конце пластины (рис. 10, *39*). Представлены в коллекции большой группой и орудия универсального назначения — пластины (9 экз.; рис. 9, *10—12*) и отщепы (21 экз.; рис. 9, *13—16*), имеющие на краях на отдельных участках ретушь. Среди находок на поселении Красновка I «Б» — обломки орудий, куски кремня, ретушеры, сколы оживления.

Судя по характеру кремневого инвентаря, набору орудий, сорту употребляемого кремня, перед нами однородный материал средней поры мезолитического времени. Преобладание скребков из отщепов, большое количество скробачей (19,1% всех орудий), невыразительность единичных резцов, наличие янославицких острий и разнообразных вкладышей, полное отсутствие черешковых наконечников стрел — все это свидетельствует о янославицкой культурной принадлежности памятника. Вместе с тем есть существенные различия с инвентарем памятников этой культуры, заключающиеся в отсутствии в Красновке I «Б» янославицких треугольников, трапеций. Население, пришедшее с запада и оставившее этот памятник, видимо, еще не вступило в контакт с местными мезолитическими племенами (верхнеднепровская культура, памятники типа Речица II) и сохранило основные традиции в изготовлении орудий труда. С течением времени это население, вероятно, смешалось с местным и оставило своеобразные памятники с янославицкими и эписвидерскими чертами в инвентаре, которые выявлены в Белоруссии и Литве [40, с. 63—67], на Северной Украине [25, с. 170—178; 41, с. 12—21].

Новые материалы, обнаруженные в белорусском правобережье Днепра, свидетельствуют о том, что в позднем мезолите на исследуемой территории обитало разнокультурное население. Большая часть поселений относится к верхнеднепровской культуре, остальные входят в круг памятников типа Речица II и типа Красновка I «Б».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилевич В. Е.* Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1893 г.— Киевская старина, 1895, т. 49.
2. *Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стаянкі верхняга і ніжняга Сажа.— Працы катэдры археолёгии Беларускай АН. Т. I. Менск, 1928.
3. *Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя стаянкі Серэдняга Сажа.— Працы археолёгичнай комісіі Беларускай АН. Т. II. Менск, 1930.
4. *Поликарпович К. М.* Стоянки Среднего Посожья.— В кн.: Материалы по археологии Белоруссии. Минск, 1957.
5. *Палікарповіч К. М.* Палеаліт і мезаліт БССР і некаторых краін Верхняга Падняпроуя.— Працы, сэкцыі археолёгіі Беларускай АН. Т. III. Менск, 1932.
6. *Поликарпович К. М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья.— Тр. II Междунар. конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. V. Л.— М., 1934.
7. *Будзько У. Дз.* Аб адноснай старажытнасці і геалагічным узросце помнікаў свідэрскай культуры у Беларусі.— Весці АН БССР. Сер. грам. навук, 1962, № 3.
8. *Будько В. Д.* Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии.— МИА, 1966, № 126.
9. *Будько В. Д.* Палеолит Белоруссии и смежных территорий.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1969.
10. *Исаенко В. Ф., Тихоненков И. М.* Об ареалах археологических культур каменного и бронзового веков на территории Белорусского Поднепровья.— В кн.: Вопросы истории и археологии. Минск: Наука и техника, 1966.

11. *Исаенко В. Ф.* Археологическая карта Белоруссии. Вып. I. Минск: Наука и техника, 1968.
12. *Исаенко В. Ф.* Мезолит.— В кн.: Очерки по археологии Белоруссии. Ч. I. Минск: Наука и техника, 1970.
13. *Копытин В. Ф.* Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии.— In: The mesolithic in Europe. Wash., 1973.
14. *Копытин В. Ф.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж.— КСИА, 1975, вып. 141.
15. *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии.— КСИА, 1977, вып. 149.
16. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
17. *Ксензов В. П.* Позднемезолитическое поселение Береговая Слобода на Днепре.— СА, 1979, № 3.
18. *Ксянзоў У. П.* Новыя помнікі позняга мезаліту Усходняй Беларусі.— Весці АН БССР. Сер. грам. навук, 1979, № 6.
19. *Ксензов В. П.* Мезолитическое поселение Береговая Слобода.— КСИА, 1981, вып. 165.
20. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука, 1959.
21. *Гурина Н. Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР.— КСИА, 1977, вып. 149.
22. *Копытин В. Ф.* Мезолитическое поселение Горки в Посожье.— КСИА, 1979, вып. 157.
23. *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1977.
24. *Ксензов В. П.* Раннемезолитические поселения Михайловка и Королева-Слобода на р. Березине.— В кн.: Древности Белоруссии и Литвы. Минск: Наука и техника, 1982.
25. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятники України. Київ: Наук. думка, 1982.
26. *Римантене Р. К.* Основные черты мезолита Литвы.— КСИА, 1977, вып. 149.
27. *Исаенко В. Ф.* Мезолит Припятского Полесья.— КСИА, 1977, вып. 149.
28. *Гурина Н. Н.* Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии.— МИА, 1965, вып. 131.
29. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976.
30. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971.
31. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Восточной Волыни и Киевского Поднепровья в свете новых исследований.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
32. Pradzieje ziem polskich (od IX do V tysiacleia p.n.e.). W-wa, 1972.
33. *Ксензов В. П.* Исследование мезолитических памятников в Белорусском Поднепровье.— АО-1979. М., 1980.
34. *Ксензов В. П.* Палеолит и мезолит белорусского правобережья Днепра: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
35. *Лошенков М. И.* Болотное городище у д. Ястребка.— АО-1978. М., 1979.
36. *Копытин В. Ф.* Исследования мезолитических памятников в Могилевской области.— АО-1979. М., 1980.
37. *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на Десне.— КСИИМК, 1950, вып. 35.
38. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново.— КСИА, 1972, вып. 131.
39. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА, 1972, вып. 131.
40. *Кольцов Л. В.* Памятники с янисла́вицкими элементами на территории СССР.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
41. *Зализняк Л. К.* Рудоостровська мезолітична культура.— Археологія, 1978, вип. 25.

V. P. Ksenzov

THE LATE MESOLITHIC OF THE BYELORUSSIAN RIGHT BANK OF THE DNIEPER

Summary

The article deals with the late Mesolithic of the south-eastern regions of Byelorussia and sites vast factual material collected by the author on the right bank of the Dnieper. The comparison between the flint industry from the Mesolithic sites of the right bank of the Dnieper and along the Sozh River identified a local (Upper Dnieper) culture on the territory of Byelorussia. The author proceeds to investigate its main cultural features, genesis and boundaries. Flint industry from the Mesolithic sites Rechitsa 2 and Krasnovka I «B» is published for the first time. These are highly specific sites which hold a special place in the Mesolithic of south-east Byelorussia. His investigations have led the author to conclude that the Byelorussian part of the upper Dnieper was settled in the late Mesolithic by people belonging to different cultures genetically affiliated to the local epi-Swidry sites and the settlements of the Yanislavitse culture situated to the west.

А. С. СМИРНОВ

О РАННЕМ НЕОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Первые данные о неолитических памятниках Верхнего Поднепровья были получены еще в конце прошлого века [1, с. 573—577]. В советское время этот регион неоднократно обследовался целым рядом археологов. В послевоенные годы систематические раскопки неолитических стоянок Верхнего Поднепровья проводил Белорусский отряд Приднепровской экспедиции под руководством И. И. Артеменко. В течение десяти лет (1956—1965 гг.) было обследовано несколько десятков неолитических памятников и проведены раскопки на 15 из них. В последнее время на левобережье р. Сожа, в пределах РСФСР, работает Деснинская экспедиция Института археологии АН СССР; выявлен ряд новых памятников в бассейнах рек Ипуть и Беседь [2], а на некоторых из них велись раскопки.

Необходимо отметить, что интерес к неолитическим памятникам бассейна Верхнего Днепра, весьма возросший за последние годы, вполне оправдан. Во многом этому способствовало открытие верхневолжской ранненеолитической культуры, в облике которой немало сходных черт с памятниками днепро-донецкого неолита [3, с. 64]. Закономерно возникающие вопросы о территории распространения и взаимоотношении указанных культур не могут быть окончательно разрешены без привлечения ранненеолитических материалов Верхнего Днепра. Эта проблема в литературе до сих пор не рассмотрена.

Большинство работ, посвященных неолиту Верхнего Поднепровья, носит публикационный характер. Среди обобщающих статей можно назвать работы И. М. Тюриной, В. П. Третьякова. В работах Д. Я. Телегина, В. П. Левенка и ряда других авторов, работающих над проблемами древней истории соседних территорий, также рассматриваются различные вопросы верхнеднепровского неолита.

В литературе существуют различные точки зрения на культурную принадлежность верхнеднепровских неолитических памятников, территорию их распространения, происхождение и т. д. Больше единства во взглядах на принципы их хронологической интерпретации, хотя спорные вопросы имеются и в этой проблеме.

М. Е. Фосс, выделяя для неолита лесной полосы Восточной Европы три большие этнокультурные области (с гребенчато-струйчатой, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой), включает Верхнее Поднепровье в регион западной области с гребенчато-ямочной керамикой [4, с. 65]. Х. А. Моора считает эту территорию регионом распространения культур с ямочно-гребенчатой керамикой [5, с. 20]. Д. Я. Телегин относит Верхнее Поднепровье к району распространения культур с гребенчато-накольчатой керамикой [6, с. 173—183].

Соответственно разделяются точки зрения и на правомерность выделения в Верхнем Поднепровье самостоятельной неолитической культуры. И. М. Тюрина выделяет памятники Верхнего Днепра и Сожа в отдельную культуру. Эту точку зрения активно поддерживает В. П. Третьяков. Д. Я. Телегин считает памятники Верхнего Поднепровья рогачевским вариантом днепро-донецкой культуры, распространяя последнюю на огромную площадь от Приазовья до Смоленщины. Третья точка зрения представлена в работах И. Г. Розенфельдт, В. П. Левенка и ряда других авторов, поддерживающих и аргументирующих предположение М. В. Вое-

водского о существовании единой деснинско-сожской культурной общности.

Вопросы хронологии и периодизации верхнеднепровских неолитических памятников разработаны в основном И. М. Тюриной, выделившей два этапа: ранний и поздний. По ее мнению, для памятников раннего этапа характерен кремневый инвентарь с мезолитическими чертами и сосуды с растительной примесью, украшенные глубокими овальными ямками, нанесенными щепкой с нажимом на один край, или глубокими оттисками крупной гребенки [7, с. 184]. К сожалению, из всех памятников раннего этапа раскопана лишь одна стоянка (Залесье, 65 м²) и еще одна прошурфована (Шепотовичи) [8]. На прочих памятниках (их около 10) подобные материалы выделены типологически.

На стоянке Залесье найдено 16 кремневых орудий и около 50 отщепов. Наиболее многочисленную группу составляют скребки, выполненные обычно на отщепах, имеется довольно много ножей на пластинах с ретушью по боковым сторонам, обломок топорика и несколько пластинок. Керамика представлена 80 фрагментами толстостенных сосудов с растительной примесью, украшенных гребенчатым штампом, в том числе двузубым, составляющим горизонтальные ряды или же «елочку», а также орнаментом из глубоких ямок, нанесенных щепой [8, с. 109].

На стоянке Шепотовичи собрано и получено из шурфа 30 фрагментов толстостенной керамики с растительной примесью в тесте. Орнамент — гребенчатые отпечатки, покрывающие всю поверхность или же составляющие горизонтальные ряды. Примерно равное количество керамических фрагментов украшено глубокими ямками с помощью щепки [9, с. 28]. Прямых аналогий подобной керамике И. М. Тюрина не нашла [9, с. 97, 98]. Кроме этого, имеются неорнаментированные черепки. Отмечено присутствие нескольких обломков сосудов с лапчатой орнаментацией [9, с. 93, табл. II].

Описанные материалы действительно выглядят наиболее ранними из известных до сих пор на Верхнем Днепре, но это еще не говорит об их ранненеолитическом возрасте. Приемы орнаментации крупной гребенкой, составляющей горизонтальные ленты или же «елочку», широко бытуют на позднем этапе. То же можно сказать и об орнаментах, составленных из глубоких ямок, выполненных щепой. На поселении Шепотовичи имеются фрагменты с лапчатым штампом — одним из наиболее распространенных в развитом неолите приемов орнаментации. Опубликованный орудийный комплекс стоянок Залесье—Шепотовичи [8] также не дает достаточных оснований для ранненеолитической датировки.

В последние годы получены новые материалы, позволяющие существенно дополнить и уточнить наши представления о раннем неолите Верхнего Поднепровья. Деснинской экспедицией ИА АН СССР раскопан ряд неолитических памятников в районе с. Добродеевка (Новозыбковский р-н Брянской обл.), расположенных на останцах боровой террасы в левобережной пойме р. Ипуть, примерно в 50—60 км выше ее впадения в р. Сож. Рассмотрим материалы двух поселений — Добродеевка III и Добродеевка II.

Стоянка Добродеевка III расположена на высоте 2,5 м над уровнем воды, раскопана на площади ок. 600 м². Культурный слой памятника, представленный темно-коричневой супесью мощностью 20—30 см, залегал под пахотой, от последней в ряде случаев он отделялся линзами подзола. Материк — светлый песок.

На памятнике обнаружено ок. 500 фрагментов неолитической керамики. Почти половина ее орнаментирована гребенчатым штампом, как крупно-, так и мелкозубчатым (рис. 1, *1—11*). Орнамент покрывает все тело сосуда, представляя собой обычно горизонтальную елочку, реже — горизонтальные ленты, состоящие из наклонных отпечатков. В последнем случае гребенка обычно чуть изогнута и мелкозуба. Иногда гребенчатые отпечатки сочетаются с рядом наколов или неглубоких вдавлений.

Отпечатками лапчатого штампа украшалось ок. 20% черепков. Вдавления обычно плотно покрывают всю поверхность (рис. 1, *12—14*). Чаще

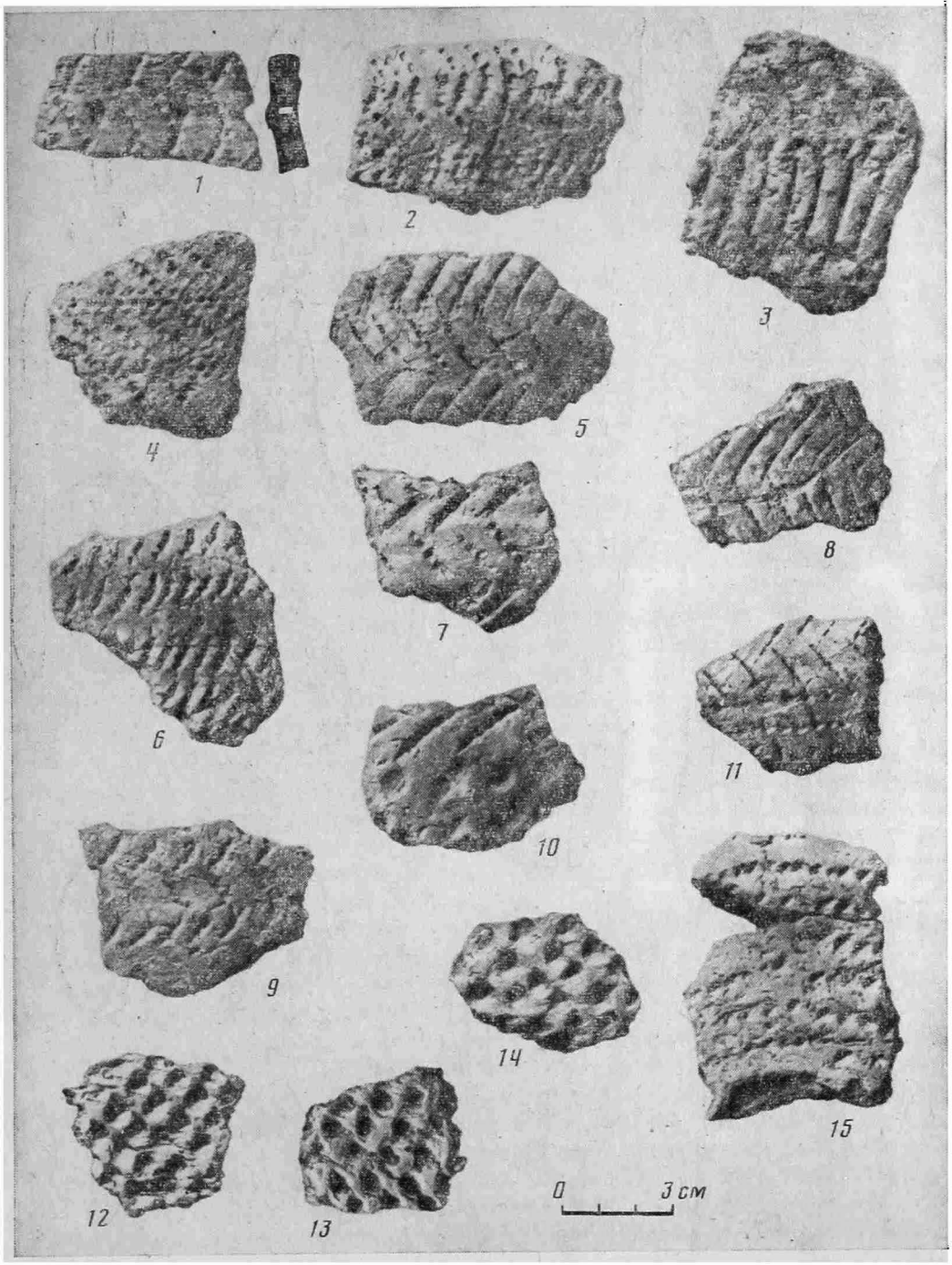


Рис. 1. Стоянка Добродеевка III. Керамика

всего это неглубокие отпечатки овальных очертаний с округлым дном.

Примерно такое же количество фрагментов керамики украшено различными ямчатыми и накольчатыми орнаментами. Ямчатые вдавления неправильной формы, выполнены различными штампами, в том числе щепой; встречены совсем поверхностные вдавления (рис. 1, *15*). Присутствуют ямки-наколы, отпечатки отступающей палочки. Обнаружена неорнаментированная керамика.

Сосуды закрытой формы, с прямым невыделенным венчиком и выраженным перегибом в центральной части тулова. Внешняя поверхность заглажена, изнутри встречаются следы гребенчатых расчесов. В качестве примеси в тесте использовалась органика.

Кремневая индустрия памятника характеризуется преобладающим употреблением отщепов в качестве заготовок орудий. Обработка кремня

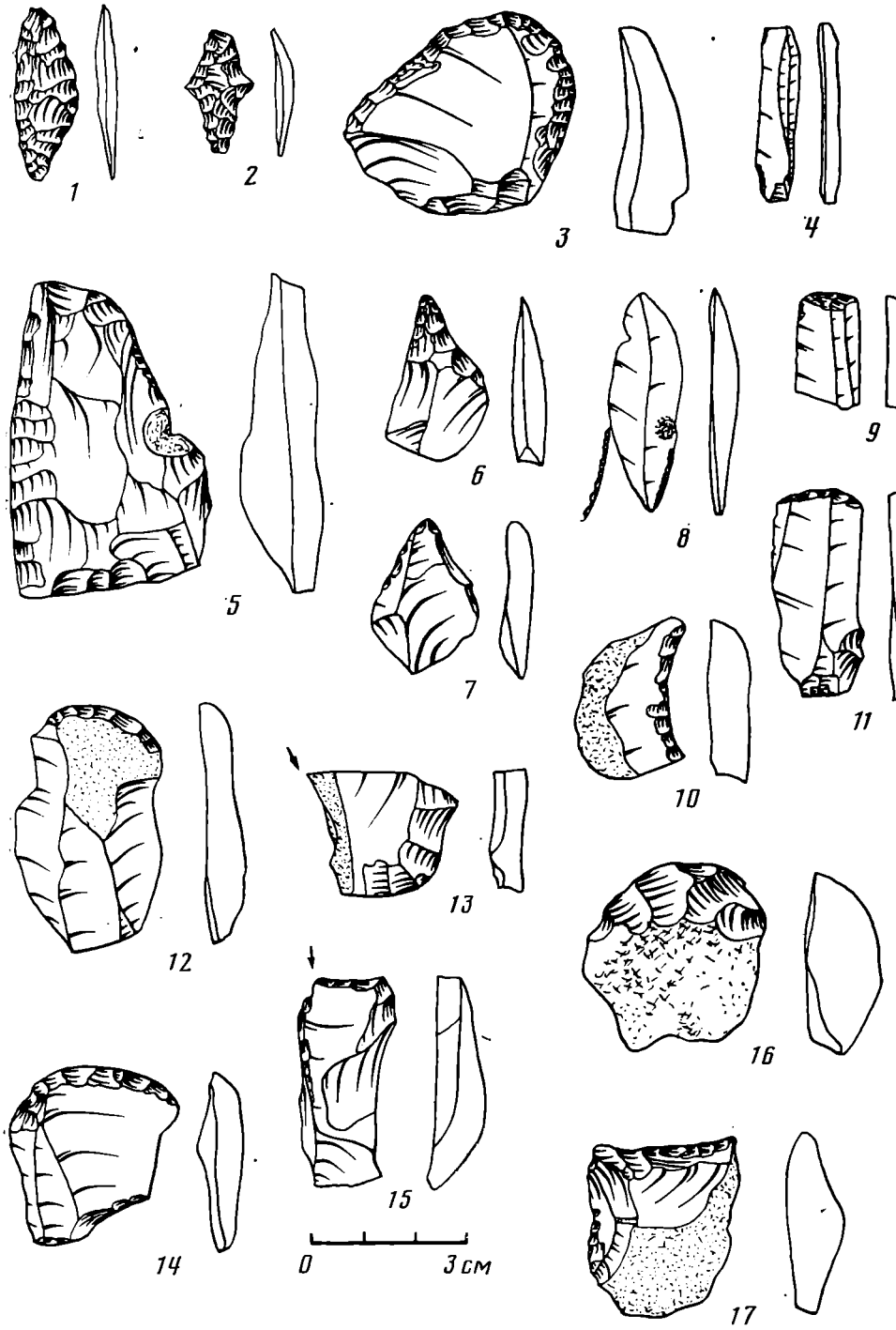


Рис. 2. Стоянка Добродеевка III. Орудия

производилась непосредственно на стоянке, о чем говорит большое количество отщепов, в том числе первичных, и нуклеусов (711 экз.), чаще всего аморфных.

На вскрытой площади встречено ок. 400 кремневых орудий, отщепов с ретушью. Почти половина орудийного комплекса (45%) составляют скребковые орудия. Скребки (150 шт.) выполнены, как правило, на отщепах, в ряде случаев первичных. Чаще всего это концевые скребки с округлым (84 экз.; рис. 2, *12*, *14*), редко с прямым (11 экз.; рис. 2, *9*, *11*, *17*) или скошенным (6 экз.) рабочим краем. Имеются подокруглые (17 экз.; рис. 2, *3*) и округлые (5 экз.) скребки. На 29 отщепах и кусках кремня встречена нерегулярная притупляющая ретушь. Скобелей — 20,

скребел — 6 экз. Встречено довольно много резцов (57 экз.), как правило, выполненных на отщепах. В большинстве случаев это срединные резцы, в том числе на массивных отщепах и нуклевидных кусках, угловые (24 экз.; рис. 2, *13*), боковые (3 экз.; рис. 2, *15*).

Довольно значительна серия рубящих орудий: 10 тесел, 6 топоров и 16 заготовок (рис. 2, *5*).

Обнаружено четыре наконечника стрел: вытянуто-листовидный на отщепе (рис. 2, *1*], листовидно-черешковый, двусторонне обработанный треугольно-черешковый наконечник (рис. 2, *2*) и иволистный наконечник на пластине (рис. 2, *8*).

Прочие орудия представлены ножами, перфораторами (рис. 2, *6*, *7*), отщепами с ретушью.

Мы считаем возможным синхронизировать эту стоянку с памятниками типа Залесье — Шепотовичи, по И. М. Тюриной. О правомерности такой синхронизации говорит характер керамического и кремневого инвентаря. Сосуды украшены, как правило, при помощи гребенчатого штампа, чаще крупнозубого, а также неправильными ямками, нанесенными щепкой, реже оттисками лапчатого штампа. В кремневом инвентаре эта близость проявляется в преобладании скребков над резцами, наличием наконечников стрел на пластинах.

Следует обратить внимание, что керамический инвентарь стоянки Добродеевка III имеет ряд своеобразных черт, не отмечавшихся ранее для памятников данного типа — наличие сосудов, орнаментированных неглубокими подтреугольными поверхностными вдавлениями, а также отпечатками мелкозубого месяцевидного штампа.

По сравнению с материалами поселений типа Залесье — Шепотовичи — Добродеевка III особый интерес представляет стоянка Добродеевка II, раскопанная на площади более 200 м². Памятник расположен ближе к реке, чем Добродеевка III, ок. 1,5 м над уровнем воды. Это сказалось на характере стратиграфии: в наличии ортзандов, железистых стяжений и пятен. В раскопе под слоем дерна залегал слой пестрой супеси мощностью 25 см с пятнами ожелезнения. Материк представлен плотным ожелезненным светлым песком.

В распределении находок прослеживается достаточно выраженная закономерность. В основном они (в том числе 90% керамики) происходят из северной части раскопа, где концентрируются на небольшой площади овальных очертаний размером 1,8×2,4 м. Возможно, это остатки жилого или хозяйственного комплекса. Следов какого-либо сооружения, очага и т. п. не обнаружено. Исключение составляют четыре ямы, заполненные культурным слоем, в двух случаях с углистыми включениями. Необходимо оговориться, что процентное соотношение типов керамики и характер орудийного инвентаря из скопления и основной части раскопа совпадает. По всей видимости, это было небольшое сезонное поселение, скорее всего единовременное, что позволяет предполагать чистоту комплекса.

На площади раскопа обнаружено 235 фрагментов неолитической керамики и 1444 находок кремня, в том числе 124 орудия.

Керамика выглядит достаточно однородной. Черепки светло-коричневого оттенка, изготовлены из теста с обильной растительной примесью; толщина стенок 7—9 мм. Чаще всего (80%) керамические фрагменты украшены подтреугольными поверхностными вдавлениями, выполненными каким-то твердым штампом, с нажимом на один край. Дно отпечатков неровное, с несколькими мелкими наколами, создающими впечатление рубчатости (рис. 3, *1—5*). Внешне отпечатки напоминают поверхностные оттиски лапчатого штампа. В дальнейшем штамп подобного вида мы будем называть «псевдорубчатым». Отпечатки составляют горизонтальные ряды, покрывая всю поверхность. Обе стороны черепков заглажены, иногда носят следы отпечатков травы.

Сосуды с подобной орнаментацией были закрытой формы. Невыделенный прямой венчик с обеих сторон украшен рядами мелкозубой гребенки, ниже которой расположен ряд глубоких цилиндрических ямок.

Небольшая часть черепков (20%) украшена рядами чуть изогнутого

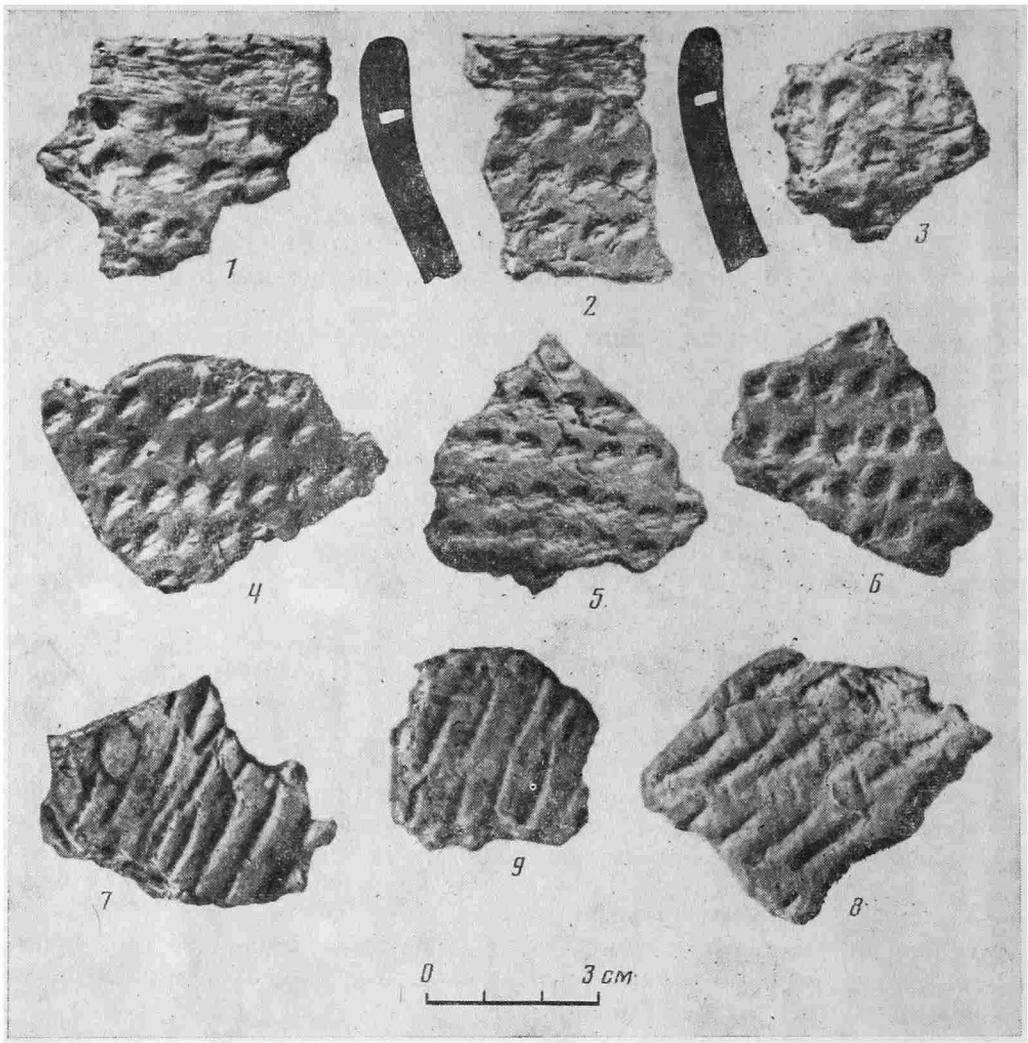


Рис. 3. Стоянка Добродеевка II. Керамика

мелкозубчатого штампа (рис. 3, *7—9*). Внутренняя поверхность черепков носит следы гребенчатых расчесов, внешняя заглажена.

Элементы и приемы орнаментации выглядят достаточно архаично. Как мы видели, поверхность сосудов украшалась только каким-либо одним видом орнамента. Взаимосочетания, использование иных штампов, кроме гребенчатого и «псевдорубчатого», отсутствуют. Отпечатки равномерно покрывают всю поверхность сосуда. Какие-либо сложные композиционные приемы не употреблялись. Керамика с подобными узорами встречалась на стоянке Добродеевка III, как отмечалось выше, но в незначительных количествах.

Характерной чертой орудийного инвентаря стоянки Добродеевка II является превалирующее значение резцов, их обнаружено 52 экз. Чаще всего это угловые резцы (27 экз.), одно- и многофасеточные. Изготовлены на пластинах, отщепах и нуклевидных кусках кремня. Несколько меньше срединных резцов (21 экз.) и боковых (4 экз.; рис. 4, *4*, *5*, *7*, *8*, *10*).

Скребков в коллекции 43 экз. Большинство из них выполнено на отщепах, часть орудий изготовлена на пластинах. Обычно это концевые скребки с округлой рабочей частью (24 экз.), есть с прямым лезвием (3 экз.), имеются подокруглые (1 экз.) и боковые (2 экз.) скребки (рис. 4, *1*, *3*, *9*, *11—13*).

Рубящих орудий 9 экз. Как правило, это небольшие топоровидные орудия подтреугольно-овальной формы с округлым лезвием, изготовлен-

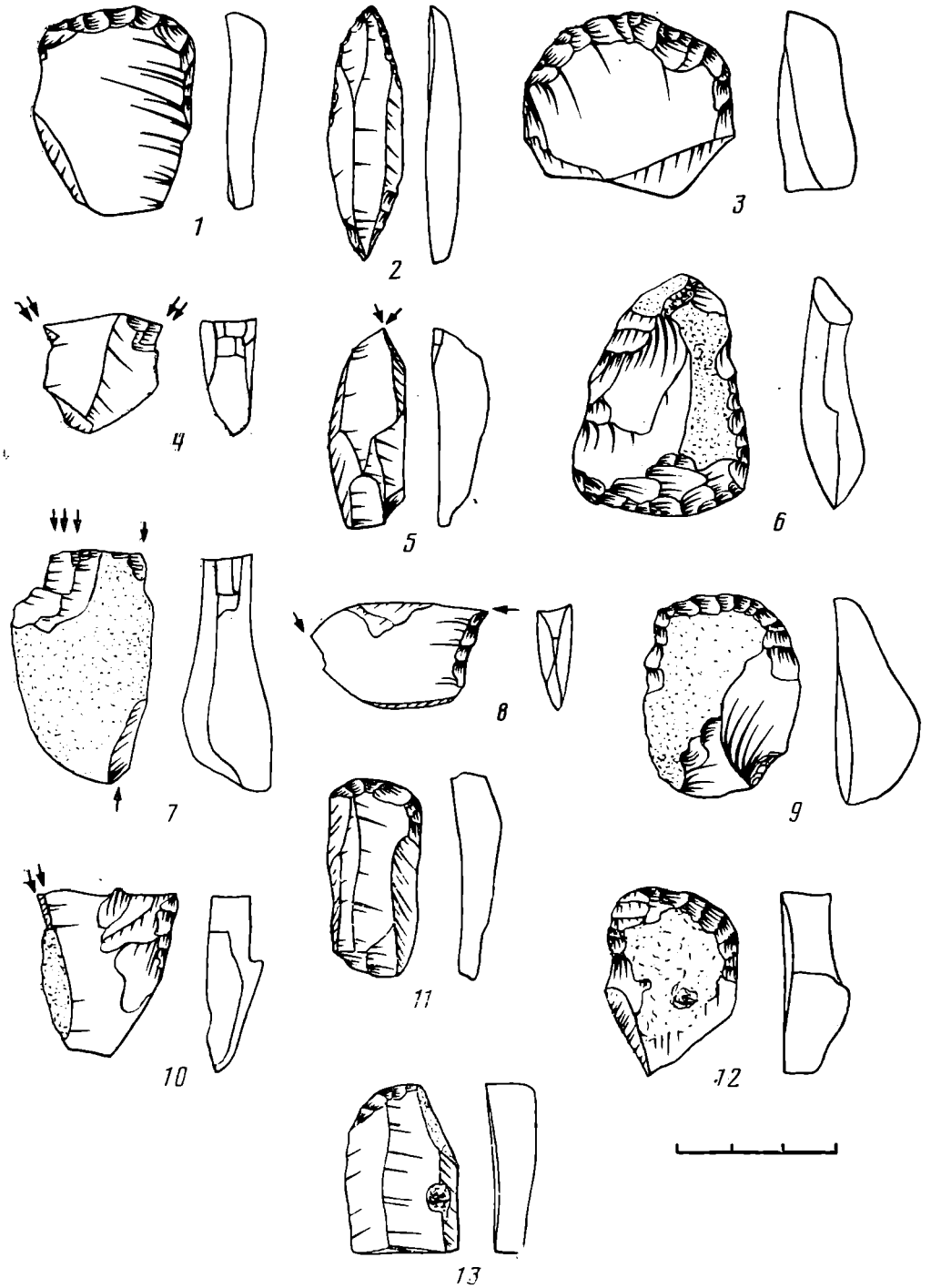


Рис. 4. Стоянка Добродеевка II. Орудия

ные на отщепах. Ретушь наносилась со стороны спинки (рис. 4, *6*). В приемах изготовления некоторых изделий прослеживается влияние техники транше.

Привлекает внимание орудие (скорее всего, наконечник стрелы), выполненное на высокой, трапециевидной в сечении пластине (рис. 4, *2*). Ретушью по боковым граням оформлены лишь острие и насад, практически симметричные по очертаниям. На одном из оконечностей орудия с брюшка имеется незначительная подправка плоской ретушью. Сходные орудия встречены в позднемезолитических материалах стоянки Грини в Посожье [10, с. 47, рис. 1, *8*].

Прочие изделия представлены скреблами, перфораторами и несколькими обломками орудий, в том числе на пластинах.

Комплекс кремневых орудий также выглядит достаточно ранним.

Об этом говорит явное преобладание резцов, в том числе угловых многофасеточных, нуклевидных, боковых, а также односторонняя обработка рубящих орудий с присутствием бокового скола по лезвию, наличие призматических одно- и двухплощадочных нуклеусов, торцевых нуклеусов, присутствие наконечника мезолитического облика. По сравнению с другими известными памятниками больший процент пластин и орудий на них.

Поселение Добродеевка II выглядит более древним памятником по сравнению и с поселением Добродеевка III, и с памятниками типа Залесье — Шепотовичи. По всей видимости, это наиболее ранний известный неолитический памятник данного региона.

Если рассматривать тенденции в развитии керамики на основании анализа материалов Добродеевки II, Залесье — Шепотовичи — Добродеевки III и более поздних памятников второго этапа (по И. М. Тюриной), можно отметить следующие закономерности. На наиболее ранних поселениях (Добродеевка II) подавляющее большинство керамики украшено неглубокими вдавлениями, выполненными «псевдорубчатым» штампом. Гребенчатые отпечатки играют подчиненную роль. На более поздних превалирующее значение приобретает гребенчатая орнаментация. Ямчатый орнамент встречается реже (Добродеевка III) или же вовсе заменяется глубокими аморфными овальными ямочными вдавлениями (Залесье — Шепотовичи).

На памятниках второго этапа (по И. М. Тюриной) по-прежнему господствует гребенчатая орнаментация в ее развитых формах, место глубоких овальных ямок занимают оттиски лапчатого штампа, появляются иные элементы орнамента.

Мы видим, что гребенчатый орнамент, игравший вначале подчиненную роль, постепенно видоизменяясь, занимает господствующее положение, а ямчатый исчезает. Возможно, что существуют памятники с чистым ямчатым комплексом керамики. Косвенным подтверждением этого является ряд неолитических комплексов на соседних территориях.

Д. А. Крайнов, основываясь на материалах стоянки Берендеево IIа, считает, что гребенчатая керамика относится к заключительному этапу верхневолжской культуры, а керамика с тычковым и прочерченным орнаментом — к более ранним этапам ее развития [11, с. 72].

На стоянке Языково I в нижнем, 6-м культурном горизонте торфяника обнаружен комплекс ранненеолитической керамики, орнаментированной лишь в технике «отступающей палочки» [12, с. 67]. Сходный комплекс, без каких-либо следов гребенчатого штампа, встречен в раскопе 2 Спасской I стоянки на Петровских озерах [12, с. 68]. Ю. Н. Урбан считает подобную керамику наиболее ранней среди верхневолжской, датируя ее серединой V тыс. до н. э. и относя керамику с гребенчатой орнаментацией к более позднему времени [12, с. 69, 70].

Для ранней волго-камской керамики характерны преимущественно наколы, отступающая палочка, прочерченные линии. Гребенчатая керамика начинает широко употребляться лишь на следующем этапе [13, с. 113].

Сходная картина наблюдается и восточнее (бассейна р. Самары), где наиболее ранняя керамика покрыта накольчатым орнаментом и отступающей палочкой. Появление гребенчатых оттисков датируется временем развитого неолита [14].

Комплекс стоянки Добродеевка II выглядит достаточно архаичным и вписывается в круг известных к настоящему времени ранненеолитических культур времени верхневолжской, днепро-донецкой, нарвской и др. В то же время эти материалы отличаются достаточным своеобразием.

От круга верхневолжских ранненеолитических памятников керамику стоянки Добродеевка II отличают такие черты, как наличие растительной примеси, приемы орнаментации. Для верхневолжской керамики характерна примесь дресвы, раковины, шамота, в меньшей степени органики. В верхневолжской культуре, особенно на ее ранних этапах, доминирующую роль играет пластинчатая техника расщепления кремня.

Иная картина наблюдается при сравнении с ранненеолитическими материалами более южных районов — Среднего и Нижнего Днепра. Для наиболее ранних памятников днепро-донецкой культуры характерен гребенчатый, реже прочерченный орнамент [15, с. 37]. Для ранненеолитических памятников типа Струмеля — Гастятина, которые Д. Я. Телегин выделяет в отдельную культуру, а В. Н. Даниленко считает первым этапом днепро-донецкой, также характерна гребенчатая орнаментация. Определенное сходство существует в технологических признаках. И для днепро-донецкой, и для ранних верхнеднепровских памятников характерно наличие обильной растительной примеси в тесте. Однако этот момент не может являться определяющим. К тому же растительная примесь встречается в материалах стоянок Нижней и Верхней Припяти, стоянок Понеманья типа Дубичай и др.

Кроме того, в указанных двух регионах различна кремневая техника. В ранних памятниках днепро-донецкой культуры отмечено присутствие пережиточной микролитической техники, довольно широкое применение пластин. Наиболее распространенным типом орудий являются скребки [15, с. 50—54]. Микролиты и пластины, а также орудия из них характерны и для второго этапа днепро-донецкой культуры. Для поселений Верхнего Поднепровья обычно повсеместное господство отщеповой техники, причем весьма грубой, с частым использованием первичных сколов. Роль пластин невелика. На наиболее ранних памятниках (Добродеевка II) характерным орудием являются резцы.

Различие в ранненеолитических комплексах днепро-донецкой культуры и памятников Верхнего Поднепровья не позволяет говорить о единстве их происхождения, т. е. не дает оснований объединять их в единую культуру. Сравнительный анализ материалов эпохи развитого неолита этих двух регионов также привел В. П. Третьякова к выводу о различии верхнеднепровских и днепро-донецких материалов.

Рассматривая вопрос о культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Поднепровья и Посожья, нельзя не остановиться на их взаимоотношении с неолитическими памятниками Подесенья. В свое время М. В. Воеводский объединил деснинские и сожские памятники, известные тогда лишь по исследованиям К. М. Поликарповича, в особую культурную провинцию [16, с. 24]. Но он не привел достаточной аргументации в пользу данного тезиса. Можно лишь предполагать, что этот вывод был сделан на основании материалов стоянки Мыс Очкинский, раскопки которой были закончены к тому времени. Этот памятник в основном достаточно поздний. А на поздних этапах своего развития неолитические памятники лесного Подесенья действительно имеют много общего с районами Посожья и Верхнего Поднепровья [17, с. 21].

Выделенная М. В. Воеводским деснинско-сожская неолитическая общность, которую впоследствии стали называть просто деснинско-сожской культурой, прочно вошла в литературу. В последние годы термином «деснинско-сожская культура» пользуются Н. Н. Гурина, Л. Я. Крижевская, И. Г. Розенфельдт и особенно В. П. Левенок. Если в большинстве случаев этот термин употребляется как таковой, без развернутой аргументации, то В. П. Левенок приводит ряд доводов в пользу подобной точки зрения. Но у него встречаются достаточно яркие противоречия.

В. П. Левенок утверждает единство традиций развития керамики неолитических памятников Десны и Сожа, начиная с раннего неолита. Он пишет, что древнейший орнамент представляет собой «правильные ромбические, а также глубокие овальные ямки», «доля гребенчатых оттисков минимальна», в то же время утверждая, что на Соже преобладает гребенчатый, а на Десне ямочный орнамент [18, с. 191]. Если на раннем этапе развития культуры (по В. П. Левенку) выделяется два локализованных варианта — один с ямочной, другой с гребенчатой орнаментацией, то в праве ли мы говорить о единстве этой культуры? К тому же В. П. Левенок считает, что в основе орнамента развитого неолита (имеется в виду ямочный орнамент) лежит древний, ромбо-ямочный. При дока-

зательстве последнего положения В. П. Левенок вовсе не упоминает о гребенчатой орнаментации [18, с. 191].

Нельзя не согласиться с присутствием на памятниках развитого и позднего неолита как деснинского, так и сожского бассейнов керамики с так называемым лапчатым штампом [18, с. 191]. Однако этот орнамент встречается не только в бассейнах этих двух рек, но и широко распространен во всем Верхнем Поднепровье, а также на ряде других территорий. Лапчатый штамп особенно характерен именно для Сожа и Верхнего Днепра, где начиная с развитого неолита он получает большое развитие и в сочетании с гребенчатым штампом преобладает на памятниках (свыше 61%) [19, с. 12]. На Десне на поздних этапах развития культуры лапчатый штамп действительно встречается часто, но все же не в таких количествах и, как правило, в сочетании с ямочными приемами орнаментации.

Исследователи, непосредственно занимавшиеся проблемами Верхнего Поднепровья, никогда не старались объединить памятники этого региона в одну культуру с деснинскими [20, с. 10; 21, с. 43]. И. М. Тюрина недвусмысленно заявила, что на территории Верхнего Поднепровья существует особая культурная группа, отличающаяся от деснинской своеобразной керамикой и формой кремневых орудий [7, с. 186]. Стоянки Посожья И. М. Тюрина включает в круг верхнеднепровских памятников [8, с. 114]. Подобного мнения придерживается и П. Н. Третьяков, проводя западную границу деснинского варианта волго-окской культуры по водоразделу между верховьями Днепра и Десны [22, с. 48].

Работы Деснинской экспедиции, проведенные в последние годы в юго-западных районах РСФСР, подтверждают последнюю точку зрения. На верхней и средней Десне к настоящему моменту раскопано около 25 стоянок. На целом ряде памятников лесного Подесенья удалось выявить ранненеолитический комплекс с накольчато-гребенчатой керамикой, напоминающей верхневолжскую. Более поздние материалы характеризуют деснинский неолит как своеобразный, но близкий волго-окским памятникам с превалирующим значением ямочной орнаментации. Наиболее западные поселения этого круга обнаружены на правобережном притоке Десны — р. Судости: стоянки Комягино IV, Попсуевка, Лукин и др.

Разведки и раскопки в бассейнах рек Ипути и Беседи (бассейн Сожа) в последние годы выявили целый ряд неолитических стоянок, для которых характерно употребление отщепа в качестве заготовки, превалирующее значение гребенчатой орнаментации и распространение лапчатого штампа. Фрагменты сосудов с округло- и ромбо-ямочным орнаментом единичны [2]. Их облик не оставляет сомнения в принадлежности к кругу неолитических памятников Верхнего Поднепровья.

Таким образом, достаточно явно проявляется граница между неолитическими памятниками Десны и Верхнего Поднепровья, относящимися к двум различным культурам. Причем эта граница — деснинско-сожский водораздел — достаточно четкая.

Описываемые материалы гораздо ближе ранненеолитическим памятникам, расположенным к западу и северо-западу от Верхнего Поднепровья. Это стоянки на Припяти и особенно в Понеманье. Их сближает наличие растительной примеси в тесте, форма сосудов, характер оформления венчиков, ряд элементов орнамента и приемов их нанесения, а также известное сходство кремневой индустрии.

Ранняя гребенчато-накольчатая керамика Нижней Припяти имеет растительную примесь в тесте, орнамент из редких вмятин или наколов, наклонных отпечатков мелкозубчатого штампа и др. [23, с. 31]. В Западном Полесье ранненеолитическая керамика также изготовлялась из теста с растительными включениями. Характерно наличие гребенчатого орнамента по верху венчика и округлых ямок несколько ниже [24, с. 44, 45]. Отмечены расчесы гребенчатого штампа на внутренней стороне сосудов.

Целый ряд параллелей можно найти в керамических комплексах ранненеолитических памятников Понеманья. Прежде всего, это форма сосу-

дов (в обоих случаях — горшки с выраженным переломом в центральной части тулова и слегка суженным верхом). Поверхность ранненеолитических сосудов Понеманья часто покрывалась слегка отмученной глиной [25, с. 51]. Последний прием отмечен в материалах стоянки Добродеевка II.

Помимо растительной примеси, традиций заглаживания поверхности сосудов гребенчатым штампом, одной из характерных особенностей ранней (дубичайской) керамики является наличие ряда глубоких и круглых ямок под венчиком. Элементы орнамента представлены округлыми и овальными вмятинами при подчиненном положении гребенчатого штампа, прочерченными линиями, наколами [25, с. 51, 54]. Причем неглубокие ямчатые вдавления, сделанные размочаленной палочкой, сходны с орнаментами стоянки Добродеевка II.

Близки и орнаментальные мотивы украшения сосудов. Горшки украшали достаточно разреженным, однообразным орнаментом. Как правило, элементы узора располагались горизонтальными лентами. Горшки покрывали оттисками лишь какого-либо одного штампа.

Определенные параллели можно найти в кремневом инвентаре памятников Поднепровья и Понеманья. Это призматические одно- и двухплощадочные нуклеусы, резцы, в том числе боковые, а также рубящие орудия траншевидных типов, присутствие постсвидерских традиций.

Некоторое сходство с материалами Понеманья прослеживается и на более позднем этапе развития стоянок Верхнего Поднепровья, например, в приемах орнаментации подковообразными отпечатками трубчатой костью. Сохраняется сходство и в ряде технологических приемов.

Исследователь неманского неолита М. М. Чернявский в свою очередь отмечал сходство керамики таких стоянок раннего (дубичайского) этапа, как Русаковка II, с памятниками Верхнего Поднепровья. Указывает он и на аналогии в кремневом инвентаре. В отношении развитого неолита М. М. Чернявский говорит, что форма горшков лысогорского этапа приближается к синхронным сосудам Поднепровья [25, с. 53, 54, 58].

Можно утверждать, что территория Верхнего Поднепровья была занята своеобразными памятниками, сходство материалов которых позволяет объединять их в самостоятельную неолитическую культуру — верхнеднепровскую. Наиболее ранние этапы характеризуются керамикой с ямчатой орнаментацией в сочетании с достаточно архаичным кремневым инвентарем. Дальнейшее развитие верхнеднепровской культуры идет по пути развития гребенчатых приемов орнаментации, появляются оттиски лапчатого штампа. Можно предположить, что лапчатый штамп является специфическим верхнеднепровским приемом орнаментации, прототипом которого является «псевдорубчатый» штамп, впервые встреченный на памятниках типа Добродеевка II. В дальнейшем подобные приемы орнаментации распространяются на Десну и далее на северо-восток.

Нам представляется правомерным дополнить двухчленную периодизацию верхнеднепровской культуры, предложенную И. М. Тюриной. Следует выделить отдельный ранненеолитический этап, представленный материалами поселений типа Добродеевка II, и синхронизировать его с уже известными памятниками верхневолжской и ранней днепро-донецкой культур. Характерной чертой памятников этого периода является преимущественная орнаментация сосудов поверхностными оттисками «псевдорубчатого» штампа.

Стоянки типа Залесье — Шепотовичи — Добродеевка III следует отнести ко второму, развитому этапу. Наиболее характерными приемами орнаментации являются гребенчатые отпечатки, часто крупнозубые.

Третий период представлен поздненеолитическими памятниками, в свое время выделенными И. М. Тюриной во второй этап. Значительную роль в орнаментации сосудов в это время наряду с гребенчатыми оттисками играл лапчатый штамп.

В целом верхнеднепровская неолитическая культура достаточно отличается от днепро-донецкой культурной общности и проявляет много сходства с памятниками северо-запада — бассейна Припяти и особенно

Понеманья. Она занимает бассейн Верхнего Днепра, включая Посожье, граничит на востоке с деснинской культурой по деснинско-сожскому водоразделу. На юге верхнеднепровская культура, сливаясь с днепро-донецким регионом, испытывает в эпоху развитого неолита влияние последнего, что проявляется в наличии накольчато-отступающей техники орнаментации керамики. Кроме того, в Киевском Поднепровье, у южных границ верхнеднепровской культуры, прослеживается влияние памятников Восточного полесья, деснинских стоянок, неолитических памятников Украины с ямочно-гребенчатой керамикой; это придает данному региону особое своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лонгачевский А.* Археологические находки в Гомельском уезде Могилевской губернии.— Киевская старина. Т. XI. Киев, 1895.
2. *Смирнов А. С.* Неолитические памятники запада Брянской области.— КСИА, 1982, вып. 169.
3. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
4. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
5. *Моора Х. А.* О расселении балтийских племен.— СА, 1958, № 2.
6. *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники северной Украины и южной Белоруссии.— МИА, 1973, № 172.
7. *Тюрина И. М.* Новые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья.— МИА, 1973, № 172.
8. *Тюрина И. М.* Неолитическая памятники Посожья.— КСИА, 1967, вып. 111.
9. *Тюрина И. М.* Неолит Верхнего Поднепровья. Канд. дис. ИА АН СССР, 1972.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 1996.
10. *Копытин В. Ф.* Поздний мезолит Посожья. Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983.
11. *Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево IIа.— КСИА, 1982, вып. 169.
12. *Урбан Ю. Н.* К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
13. *Халиков А. Х.* Неолитические племена среднего Поволжья.— МИА, 1973, № 172.
14. *Моргунова Н. Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита — энеолита в Оренбургской области.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. пед. ин-та, 1980.
15. *Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наук. думка, 1968.
16. *Воеводский М. В.* Памятники каменного века на Десне.— КСИИМК, 1949, вып. XXVI.
17. *Смирнов А. С.* Исследование неолита верхней и средней Десны.— В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.
18. *Левенок В. П.* Неолитические памятники лесостепной зоны Европейской части СССР.— МИА, 1973, № 172.
19. *Третьяков В. П.* Неолит верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре.— СА, 1975, № 2.
20. *Артеменко И. И.* Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы.— КСИА, 1964, вып. 101.
21. *Артеменко И. И., Тюрина И. М.* Неолитическое поселение в урочище Стрелица.— КСИА, 1966, вып. 106.
22. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Верхней Волге. М.— Л.: Наука, 1966.
23. *Исаенко В. Ф.* Мезолит и неолит Припятского Полесья.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1966.
24. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976.
25. *Чарняускі М. М.* Неоліт Беларускага Панямоння. Мінск: Навука і тэхніка, 1979.

A. S. Smirnov

ON THE EARLY NEOLITHIC OF THE UPPER DNIEPER

Summary

The author analyses early Neolithic materials obtained in the Upper Dnieper area (the Dobrodeyevka II and Dobrodeyevka III sites, and other places) and promotes an idea of an independent Neolithic Upper Dnieper culture which differs from both the Dnieper-Donets cultural entity and from Desna Neolithic camp sites. The culture proves to be close to many sites of the north-western region — the Pripyat and, especially, the Neman basins. The author offers an addition to the current two-stage periodisation of the culture. It should be an early Neolithic stage synchronous with the upper Volga and the early Dnieper-Donets culture.

Л. И. АВИЛОВА

К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ИДЕОЛОГИИ ПЛЕМЕН ГУМЕЛЬНИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по данным погребального обряда)

Погребальные памятники эпохи позднего энеолита культуры Гумельница-Караново VI-Коджадермен-Варна открыты в основном в северо-восточной части Болгарии, на равнинах южной Добруджи. Абсолютная датировка памятников по радиоуглеродной хронологии помещает их в пределах IV тыс. до н. э., калиброванные даты удревняют их на 800—1000 лет [1, с. 82—85]. Гумельницкие могильники изучаются с 1920-х годов (Балбунар-Кубрат) [2]. На материалах этих раскопок базируется мнение об унифицированном характере гумельницкого погребального обряда, утвердившееся в археологической литературе [3, с. 62; 4, с. 242].

Исследование в последние годы ряда гумельницких могильников, в том числе уникального Варненского некрополя [5—7], открытие остатков металлургического производства этого периода [8] поставили ряд проблем, в частности социального характера. Очевидно, и картина погребального обряда данной культуры была гораздо более сложной. Погребальные комплексы Гумельницы заслуживают пристального внимания и по другим причинам: данная культура генетически, хронологически и территориально близка трипольской и входит вместе с ней в единый круг земледельческих культур энеолита. Между тем трипольские могильники относятся к позднему периоду культуры, а на более ранних известны лишь малочисленные погребения в пределах поселений. Материалы Гумельницы могут восполнить пробелы в наших представлениях о ранних этапах развития погребального обряда энеолитических культур, в том числе трипольской, и в то же время уточнить место погребального обряда энеолита Болгарии в ряду земледельческих культур Юго-Восточной Европы.

В болгарской археологической литературе появился ряд публикаций, посвященных отдельным некрополям [9—11], но вопрос о погребальном обряде этой культуры и эпохи в целом освещается довольно кратко и обобщенно [1, с. 53—56; 12, с. 157—162]. Поэтому представляется полезным дать сводную характеристику погребального обряда Гумельницы. В данной работе рассматриваются только могильники, так как с точки зрения закономерности обряда и распределения инвентаря они гораздо более информативны, чем отдельные погребения. Из семи опубликованных могильников здесь рассматриваются шесть, в связи с тем, что могильник Лиляк практически разрушен [2; 5—7; 9—11; 13—15].

Краткие сведения о могильниках. Варна: 80 погребений, из них 17 кенотафов. Девня: 26 погребений, из них 5 разрушено, 4 кенотафа, 6 мужских, 5 женских, 4 детских, 2 неопределенных. Голямо Делчево: 31 погребение, из них 4 разрушено, 3 кенотафа, 9 мужских, 6 женских, 7 детских, 1 неопределенное. Виница: 53 погребения, из них 6 разрушено, 7 кенотафов, 5 жертвенных мест, 13 мужских, 10 женских, 11 детских, 6 неопределенных, 1 парное (мужчина и женщина). Балбунар: 24 погребения, из них 18 взрослых, 2 детских, 1 парное (взрослый и ребенок), 3 погребения черепов. Русе: 53 погребения, 10 детских, пол не определен, 1 парное погребение, 4 групповых.

Все могильники бескурганные, погребения совершены в грунтовых ямах. Форма ям, к сожалению, указывается довольно редко. В Голямо Делчево ямы овальные. Глубина ям известна тоже далеко не всегда.

В Девне глубина ям мужских и женских захоронений примерно одинакова — 1,45—1,9 м, детские несколько менее глубокие — 1—1,75 м. В Винице все ямы неглубокие: в мужских захоронениях 0,44—1,23, в женских—0,1—0,8, в детских — 0,35—1,32 м. Что касается погребений, совершенных на территории поселений, то в Балбунаре могилы располагались на глубине 2,7—3,1 м, а в Русе они были обнаружены небольшими группами на различной глубине — от 1,1 до 4,5 м; очертания ям не прослежены, глубина их 0,4—0,6 м.

Остатки деревянных и каменных конструкций в могилах встречаются редко. В Девне открыты внутри могильных ям ряды ямок от колышков по обеим сторонам костяка. Видимо, это остатки легких навесов [9, с. 63]. В Винице в женском погребении найдена выкладка из камней, находившаяся рядом с костяком внутри могильной ямы, в том же могильнике в изголовье детского костяка был сооружен круг из пяти крупных камней. В Голямо Делчево также обнаружена выкладка из гальки около костяка.

Ориентировка погребенных довольно разнообразна. В Девне безусловно преобладает ориентировка головой на север (93%). Единственное погребение с восточной ориентировкой принадлежит, видимо, убитому врагу: скелет брошен в яму вниз головой, череп отсутствует. В Варне также основным направлением является северное. В Голямо Делчево распространено восточное (64%) и юго-восточное направления (32%), северное представлено только одним погребением. В Винице ориентировка на юго-восток составляет 85%, на юго-запад — 8, на восток — 5, на северо-восток — 2%. Ориентировка погребенных в пределах поселений разнообразнее. В Балбунаре направление головой на восток составляет 54%, на юг — 36, на запад и северо-восток — по 5%. В Русе соотношение ориентировок таково: на юг — 26%, на юго-восток — 20, на юго-запад — 13, на северо-восток — 16, на север — 6, на восток — 8, на запад — 5, на северо-запад — 10%. В Балбунаре погребения с различной ориентировкой образуют две компактные группы на плане: в восточной части раскопа концентрируются скелеты, обращенные головой на восток, а в юго-западном углу — скелеты, ориентированные головой на юг.

Позы и положения погребенных также не дают единой картины. В Девне представлены две позы: скорченная на боку и вытянутая на спине с преобладанием последней (69%), то же — в Варне, где доля вытянутых на спине захоронений еще выше — 80% (от погребений, содержащих костяки). Среди скорченных погребений Девни преобладает положение на правом боку. Вытянутая на спине поза зафиксирована в основном в мужских погребениях, скорченная — в женских. Неясно, можно ли это считать характерным и для Варны, так как полных данных еще нет, а резкое преобладание вытянутых костяков давало бы слишком неравномерное соотношение полов.

В Голямо Делчево и Винице все погребения скорченные, в подавляющем большинстве на левом боку (96—100%) без различия пола. На поселениях позы погребенных единообразны, скорченная на боку составляет 100% в Балбунаре и 94% в Русе. Положение на левом боку в Балбунаре составляет 86%, в Русе — 38%, а преобладает положение на правом боку — 62%.

Иногда наблюдается неустойчивое положение костяков при скорченной позе — смещение в положение ничком (Голямо Делчево — 9 случаев, Виница — 2 случая, Русе — 2 случая).

Поза погребенных связана с положением ног. При вытянутой позе (Девня, Варна) ноги также вытянуты, редко скрещены. При скорченной позе положение ног важно, поскольку оно определяет степень скорченности костяка. Сильная скорченность (острый или прямой угол в тазобедренном суставе и острый угол в коленном) отмечается почти во всех погребениях: Девня — 100% скорченных костяков, Голямо Делчево — 79, Виница — 87, Балбунар и Русе — 100%. Слабая степень скорченности, как и несимметричные положения ног, встречаются редко, обычно в погребениях, смещенных в положение ничком.

Положение рук также зависит от позы погребенного. Для вытянутой позы (Девня) характерны несимметричные положения рук (83%), когда обе руки согнуты, но несимметрично или одна рука согнута, а другая вытянута. При скорченной позе резко преобладают симметричные положения рук (Девня — все скорченные погребения, Голямо Делчево — 80%, Виница и Балбунар — 100, Русе — 66%). При этом кисти обычно находятся перед лицом погребенных, реже под черепом, еще реже перед грудью.

Кроме обычного трупоположения в культуре Гумельница встречаются захоронения со следами расчленения умерших. Чаще всего у костяков отсутствуют черепа. В Винице, Балбунаре и Русе отмечено по одному такому случаю, в Девне — «погребение врага», но сомнительно, является ли оно погребением в полном смысле слова, т. е. совершенным с соблюдением обрядов, принятых в данной группе населения. Есть также отдельные погребения черепов (Балбунар, три случая). В Винице в детском погребении найдена лишняя нога, принадлежавшая взрослому индивидууму. Не совсем ясно, представляют ли собой два последних случая расчленения или следы вторичного захоронения: о наличии следов отделения на костях ничего неизвестно [16, с. 364].

На всех экстрамуральных могильниках найдены кенотафы. Особенно велико их число в Варне (17, или около 20% всех открытых погребений). Среди погребений на территории поселений кенотафов не зафиксировано. В Винице обнаружены небольшие площадки из слабообожженной глины, находившиеся в непосредственной близости от погребений. Автор раскопок интерпретирует их как площадки для жертвоприношений [11, с. 54].

В некоторых могильниках зафиксированы следы культовых церемоний, связанных с употреблением охры и угля. Находки охры довольно часты в Девне и Голямо Делчево (соответственно пять и шесть случаев), в Русе три, в Винице один случай, совершенно отсутствует охра в Балбунаре. В трех погребениях Голямо Делчево костяки были посыпаны углем.

По поводу планировки могильников выше уже говорилось, что в Балбунаре погребения образуют две группы и территориально, и в смысле ориентировки. К сожалению, условия нахождения могил на поселении не позволяют с точностью установить хронологическое соотношение этих групп. Остается неясным, вызвана разная ориентировка какими-то обрядовыми соображениями или она могла изменяться с течением времени. В целом же, судя по имеющимся публикациям, территориальная организация могил отсутствует.

Инвентарь погребений будет рассматриваться по половозрастным группам внутри могильников в тех случаях, когда это возможно.

Девня. Из шести мужских погребений возраст определен только для двух. Безынвентарных захоронений нет. Орудия труда и оружие, а также сосуды найдены во всех могилах. Металлические вещи найдены в трех погребениях: погр. 7 (медное шило, два кремневых ножа, два сосуда); погр. 18 (медный топор-молот, две золотые серьги, кремневый нож и струг, спондилусовые и органические бусы, три сосуда); погр. 26 (медный плоский топор, шило, игла, два кремневых ножа, четыре сосуда). Если обычные мужские могилы содержат две-три категории вещей, считая и сосуды, то в погр. 18 обнаружено семь категорий вещей, а в погр. 26 — пять категорий. Погр. 1 повреждено, определений пола и возраста нет, но по наличию медного боевого топора, плоского медного топора и золотой обоймы следует отнести его к мужским: в женских погребениях нет медного оружия и золотых вещей. Таким образом, три мужских погребения (1, 18, 26) можно отнести к богатым. Хотя в погр. 18 присутствуют медный топор (знак власти или парадное оружие) и золотые серьги, молодой возраст погребенного (20—25 лет) делает сомнительной интерпретацию этого погребения как захоронения вождя.

Анализ погребений эпохи энеолита — бронзы позволяет выделить ряд критериев определения захоронений лиц высокого социального ранга (вождей, старейшин). Такими критериями являются присутствие ценных

и редких вещей, особенно металлических, парадного оружия, а также возраст погребенного, обычно средний и пожилой [17, с. 57]. В погр. 26 нет вещей, которые можно было бы считать парадным оружием. Скорее следует приписать оба эти погребения выдающимся воинам, охотникам или главам семейных коллективов (погр. 26, возраст неизвестен). Больше всего на погребение вождя похоже погр. 1: здесь присутствует и парадное медное оружие, и ценное медное орудие, и золото. Однако полной уверенности в этом нет из-за нарушенности комплекса и отсутствия антропологических определений.

Женские погребения Девни значительно беднее мужских. Ни в одном из них нет золота, медный предмет всего один — шило. В двух женских погребениях найдены только сосуды, в одном — сосуд и кремневый нож. Два погребения имеют более разнообразный инвентарь: погр. 6 — 16 лет (два кремневых ножа, кремневый серп, каменное тесло, костяная копалка, пять сосудов); погр. 10—30 лет (кремневый нож, каменный клин, роговое лощило, глиняное пряслице, зуб животного с режущим краем, медное шило, два сосуда). Эти погребения, как и два рядовых, для которых есть определения возраста, входят в группу молодых (16—30 лет).

Детских погребений четыре, безынвентарных нет. В двух погребениях найден металл (погр. 4 мальчика?): миниатюрный медный боевой топор, спондилусовые бусы и два браслета, 13 астрагалов, четыре сосуда; погр. 11 — медный распавшийся предмет.

В трех кенотафах из четырех найдены медные боевые топоры и по два-три сосуда. Один кенотаф содержал значительное количество черной краски в разложившемся сосуде из коры, кости животных и семь сосудов. Это единственный случай находки костей животных, не считая набора астрагалов в детском погр. 4.

Голямо Делчево. Все девять мужских погребений инвентарные. В пяти могилах единственной категорией вещей являются сосуды. В целом облик погребений весьма бедный. Металл обнаружен в двух могилах: в погр. 25 (возраст погребенного 30—35 лет, находки — медный клин и шило, золотая пронизка, два сосуда) и погр. 29 (погребенный 30—40 лет, среди находок медный плоский топор, два сосуда). В нарушенном погр. 31 (пол и возраст неизвестны) найдено медное шило и булавка. Выделяется погр. 25, хотя возраст погребенного не позволяет с полной уверенностью считать его принадлежащим вождю. В то же время отметим, что среди захороненных мужчин нет индивидуумов старше 35—40 лет. Возможно, что в условиях столь малой продолжительности жизни и возрастные границы социальных рангов могли быть сильно сдвинуты.

Женские погребения совершенно однородны в имущественном плане: в каждом содержится только одна категория вещей, в двух случаях это кремневый нож или отщеп, в остальных — сосуды. Число сосудов (один — три) также не дает оснований для дифференциации.

Среди детских погребений одно безынвентарное, в трех найдены только сосуды. Орудия труда есть в двух погребениях. Наиболее велик набор вещей в погр. 1 мальчика 13—14 лет (кремневый нож и пила, костяной наконечник стрелы, два сосуда). По числу категорий вещей это погребение стоит в одном ряду с выделенными выше богатыми захоронениями взрослых мужчин.

В двух кенотафах найдены только сосуды, в третьем, кроме того, обработанный рог оленя.

Виница. Среди 14 мужских погребений два безынвентарных (35—40 лет и 65—70 лет), в пяти найдены только сосуды. В отличие от Девни и Голямо Делчева в мужских погребениях Виницы довольно часто встречаются спондилусовые украшения (шесть случаев). Выделяются по наличию металла и богатству набора вещей два погребения: погр. 38 (возраст погребенного 60—65 лет; находки — медный плоский топор, золотая серьга, каменный боевой топор, две спондилусовые бусины, два сосуда) и погр. 36 (возраст — 20—50 лет; находки — медный плоский топор, золотая серьга, 30 спондилусовых бусин, три сосуда). Интересна

идентичность набора металлических вещей. Кажется возможным отнести оба эти погребения к захоронениям вождей.

Отметим, что практически все погребения, содержащие кроме сосудов орудия и украшения, относятся к третьей возрастной группе — старше 50 лет. Могилы молодых и среднего возраста мужчин бедны, правда, таких погребений немного. Вообще в Винице соотношение возрастов погребенных (и мужчин, и женщин) необычное: мало молодых индивидуумов, тогда как в других могильниках именно они преобладают.

Женских безынвентарных погребений нет, но из 10 могил в пяти найдены только сосуды, орудие — в одном, спондилусовые бусы — в трех. По наличию меди выделяются два погребения — погр. 42 (возраст погребенной 50—55 лет, находки — медный плоский топор, 14 спондилусовых бусин, пять сосудов) и погр. 41 (возраст 55—60 лет, находки — медный плоский топор и сосуд). Закономерность распределения находок напоминает закономерность, отмеченную в мужских могилах: ценные вещи — металл и украшения — сконцентрированы в третьей возрастной группе. Необычно наличие в женских погребениях таких крупных медных вещей, как плоские топоры, т. е. тех же орудий, которые обозначают в данном могильнике захоронения лиц высокого социального ранга. Этот факт может свидетельствовать о такой стадии развития собственности, когда медные вещи и украшения находятся во владении конкретного человека, а не семьи [1, с. 92]. При этом роль женщины столь значительна, что ей может принадлежать столь же ценное имущество, как и мужчине-вождю. Возможен и иной вариант трактовки этих находок, когда данные погребения могли принадлежать к семьям, преимущественно связанным с металлургией или торговлей металлом и владевшим большим количеством металлических вещей. Тогда данные находки свидетельствуют как раз о развитой семейной собственности.

Уникальна находка глиняной женской статуэтки в погр. 22 женщины 60—65 лет; пластика в гумельницких захоронениях не встречается.

Среди 11 детских погребений пять безынвентарных, принадлежащих как младенцам, так и детям 8—12 лет. В погр. 46 (ребенок 7—8 лет) найдены остатки медного предмета. Украшений, обычно часто встречающихся в детских могилах (Девня), здесь нет вовсе.

Кенотафов в Винице семь, в четырех найдены только сосуды, в трех сосуды и орудия: кремневые ножи, каменный топор-молот, костяная мотыжка. В двух кенотафах кроме сосудов и орудий обнаружены кости животных, в целом не характерные для обычных погребений. Металла нет ни в одном кенотафе. Кости животных найдены и на всех пяти площадках для жертвоприношений, что подтверждает такую их интерпретацию. То же касается пластики — в погребениях ее практически нет, в то время как на двух площадках из пяти обнаружены статуэтки — фигурка бычка и обломок женской фигурки.

Варненский некрополь резко выделяется среди других могильников уникальным богатством инвентаря некоторых погребений. Наибольшее количество ценностей концентрируется в кенотафах. Именно в них сосредоточены почти все находки золотых вещей. Однако кенотафы неодинаковы по богатству набора инвентаря, среди них выделяются три наиболее богатых.

Рядовые погребения (с костяками) практически мало отличаются по количеству инвентаря от других известных могильников. Набор вещей обычен: сосуды, кремневые орудия, иногда медные шилья. Лишь одно погр. 43 с вытянутым на спине костяком мужчины 40—50 лет выделяется необычайным богатством. Здесь найдены в большом количестве те же типы золотых украшений, что и в кенотафах, медные орудия и оружие, каменный боевой топор. Итак, если отвлечься от многочисленных кенотафов, картина распределения инвентаря в Варне сходна с той, какую мы наблюдаем в других могильниках: основная масса рядовых погребений с довольно единообразным инвентарем и одно «погребение вождя» с очень богатым набором вещей и знаками власти (каменный боевой топор в руках, медный наконечник копья), принадлежащее мужчине сред-

него возраста. Однако необычайное богатство и разнообразие инвентаря, большое количество кенотафов, наконец, маски, изображающие человеческие лица, найденные в трех из них [6], заставляют проявлять в социальной интерпретации данного памятника большую осторожность. Возможно, он является особым, культово значимым центром. Рассмотрим теперь погребения, найденные на поселениях.

Балбунар. Из 21 погребения инвентарь присутствует в 10. Сосуды найдены только в одном захоронении, орудия — в семи, украшения — в двух. Нет ни одной могилы с числом категорий инвентаря больше одной. В двух погребениях найдены кости животных.

Русе. Из 53 погребений инвентарных 13. Сосуды есть в четырех могилах, орудия — в семи погребениях, украшения — в двух. В погр. 5 сделана уникальная находка — костяной идол с медной серьгой в ухе. Металл (медная серьга) найден в одном погребении — детском.

Сравнение могильников по особенностям обряда и по инвентарю дает возможность установить некоторые связи и закономерности. Наибольшее сходство в обряде отмечается в Девне и Варне: преобладает северная ориентировка погребенных, широко представлена поза вытянуто на спине. Положение скорченных костяков различно — как на правом, так и на левом боку. В других экстрамуральных могильниках (Голямо Делчево и Виница) ориентировка не столь сходна и направления ее внутри каждого могильника разнообразнее. Зато поза и положение здесь идентичны, костяки лежат скорченно на левом боку. Степень скорченности во всех могильниках сильная. Во всех экстрамуральных могильниках открыты кенотафы.

Интрамуральные погребения в Русе и Балбунаре имеют различные характеристики ориентировки, в первом памятнике она неустойчива, во втором устойчивая. Сходство отмечается в наличии южного и юго-восточного направления. Поза погребенных единообразна — скорченная, однако в их положении есть значительные отличия: в Балбунаре безусловно преобладает положение на левом боку, в Русе, наоборот, на правом. Степень скорченности также сильная. Кенотафов не обнаружено. Итак, по сочетанию таких характеристик обряда, как ориентировка, поза и положение костяков, погребения на поселениях дают более разнообразную картину, чем самостоятельные могильники, хотя между теми и другими наблюдается сходство по отдельным элементам этих характеристик.

Соотношение инвентарных и безынвентарных захоронений внутри могильников также неодинаково. В Голямо Делчево инвентарь содержит 100% могил, в Девне — 94%, почти все могилы Варненского некрополя (около 100%), в Винице — 76, Балбунаре — 47, Русе — 23%. Металлические вещи найдены в 41% погребений Девни, 12,5% могил Голямо Делчева, 12% — Виницы, 4% — Русе. В Балбунаре металлических предметов нет. В Варне металл содержит более 40% погребений (табл. 1).

Сопоставляя перечисленные в таблице характеристики обряда, прежде всего отмечаем, что памятники довольно четко разделяются на две группы — экстрамуральные и интрамуральные — не только по этому признаку. Для первой группы в целом характерна строго выдержанная ориентировка, преобладание одной позы и положения, богатый инвентарь (75—100% погребений), находки металла, наличие кенотафов, имущественная дифференциация половозрастных групп. Во второй группе ориентировка разнообразнее, позы и положения также, процент инвентарных захоронений значительно ниже, металла нет вовсе, нет кенотафов, в социальном плане все погребения однородны. Выделенные группы не монолитны, в них наблюдаются определенные различия. В первой группе наиболее близки Девня и Варна, что подкрепляется их территориальным соседством. Несколько менее сходны между собой Голямо Делчево и Виница. Внутри второй группы сходство памятников не столь значительно, как между Девней и Варной, однако оно явно существует, напоминая по степени соотношение Голямо Делчева и Виницы. При этом Балбунар имеет больше общего с памятниками первой группы, чем Русе. Добавим, что в целом все памятники приблизительно синхронны [1, с. 53], потому

Таблица 1

Некоторые характеристики обряда Гумельницы, %

Памятник	Поза			Ориентировка								Инвентарные погребения	Погребения с металлом	Кенотафы
	скорченно		вытянуто											
	правый бок	левый бок		С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ			
Варна	+	+	80	+								100	более 40	20
Девня	18	6	69	93		7						94	41	15
Голямо Делчево	4	96		4		64	32					100	12,5	10
Виница		100			2	5	85		8			76	12	13
Балбунар	14	86			5	54		36		5		47		
Русе	62	38		6	16	8	20	26	13	5	10	23	4	

перечисленные отличия не могут объясняться хронологической эволюцией.

Выше уже говорилось о различиях в обряде и наборе погребального инвентаря внутри первой группы могильников Гумельницы и территориальной близости Девни и Варны. Памятники этого типа в последнее время выделяются в самостоятельную культуру Варна [1, с. 33; 18]. Основанием для этого служит, в частности, своеобразие позы и ориентировки погребенных. Однако следует учитывать, что на прибрежной территории Гумельнице предшествует культура Хаманджия, для которой характерна именно вытянутая поза погребенных. Возможно, что ее воздействием объясняется своеобразие указанных памятников; в то же время керамический комплекс их весьма близок общегумельницкому. При некоторых отличиях данные два могильника относятся к той же стадии развития погребального обряда, что и Голямо Делчево и Виница, более развитой, чем обряд Балбунара и Русе. Такая неравномерность социального и идеологического развития внутри одной культуры скорее всего может объясняться ускоренным развитием передовых металлодобывающих и металлообрабатывающих районов. Внутренние районы в это же время были более отсталыми в плане экономического и социального развития [1, с. 33], что вело к консервации архаических общественных отношений, отразившихся в погребальном обряде.

По-видимому, Балбунар и Русе представляют собой хотя и одновременный, но особый нерасчлененный тип погребального обряда, когда место поселения и место захоронения не разделяются. Такое же явление отразилось в погребениях, обнаруженных на поселениях культуры Кукутени-Триполье раннего и среднего периодов — Траян [19—21], Лука-Врублевецкая [22, с. 194], Незвиско [23, с. 77—79].

Сочетание интрамурального и экстрамурального обрядов, особенно ярко освещаемое материалами Гумельницы, позволяет судить о некоторых социальных и идеологических аспектах того и другого ритуала. Тенденция к переходу от первого обряда ко второму, отмечаемая на основе анализа погребений Гумельницы и Триполья, не является какой-то резкой и необратимой сменой: оба обряда сосуществуют в том или ином соотношении в течение длительного времени — интрамуральные погребения распространены на территории Фракии в период ранней бронзы (культура Эзеро) [24, с. 491—496].

При сравнении двух обрядов прежде всего бросается в глаза социальная и имущественная однородность интрамуральных захоронений, их однообразная бедность в сочетании с малоунифицированной ориентировкой и позами. Необходимо отметить, что наличие или отсутствие той или иной части инвентаря в погребении может быть обусловлено не только социальной принадлежностью погребенного, но и другими соображениями, например отражать время и характер смерти [25]. Тем не менее

резкое отличие ряда погребений по составу и ценности инвентаря, наблюдаемое в могильниках, следует все же связывать со спецификой социального положения погребенных [26—28], поэтому некоторые выводы о социальной организации коллектива, сделанные на основе анализа инвентаря погребений, имеют право на существование.

Соседство погребений с жилищами демонстрирует коллективизм мышления и приоритет родственных связей, характерный для первобытного общества. Умерший член общины как бы считается ее частицей наравне с живым, грань между миром живых и миром мертвых выражена слабо. Понимание смерти как перехода в качественно мало отличное от жизни существование типично для первобытного сознания. Именно так продолжает жить умерший Утнапиштим [29]. Подобные представления ведут к тому, что умершим отводится место рядом с живыми, на периферии поселения; они как бы участвуют в жизни коллектива. Поэтому они не нуждаются в разнообразном инвентаре, тем более что большая его часть могла находиться во владении общины [12, с. 162].

Нельзя отрицать также, что какая-то часть погребений, совершенных под домами или в непосредственной близости от них, могла иметь специфически жертвенный характер. Обычно в подобных захоронениях находится большое число сосудов, кости животных [20, 23]. В таком случае следует предполагать существование связи погребенного именно с данным жилищем и с семьей, живущей в нем [30, с. 22]. Подобные явления прослеживаются в погребениях, найденных в домах Чатал-Уюка [31].

Развитие и усложнение структуры коллектива воздействует и на погребальный обряд: он становится более унифицированным (позы и ориентировки), вырабатывается свой определенный набор инвентаря для погребенных различных половозрастных и социальных групп, выделяются погребения лиц высокого социального ранга — вождей, глав семейных коллективов, наблюдается концентрация металла в мужских погребениях.

По той же линии унификации обряда параллельно с имущественной дифференциацией идет развитие позднетрипольского погребального ритуала [32]. Весьма сходную картину дают и могильники Тисаполгар и Бодрогкерестур в Восточной Венгрии [33], синхронизируемые с позднегумельницкими памятниками [1, с. 66, 67; 34]. Видимо, этот путь развития является общим для всего круга земледельческих культур позднего энеолита в Юго-Восточной Европе.

Антропоморфные изображения в виде масок примыкают к находкам черепов как в могильниках, так и на поселениях. Обе группы находок представляется возможным связывать с повсеместно распространенным у древних народов культом предков. Попытаемся выделить в погребальном обряде земледельцев энеолита стороны, относящиеся к культу черепов и использованию масок в погребальной церемонии.

Многочисленные данные этнографии, фольклора и древнейших письменных источников показывают, что голова (череп) мыслится как вместилище души человека, к ней относится множество ритуальных запретов [35, с. 532—536; 36, с. 262]. Это архаическая и примитивная форма почитания предков, связанная с их телесными останками. Культ предков в такой форме был распространен уже у древнейших представителей производящей экономики, о чем свидетельствуют находки черепов с вылепленными на них масками из докерамического неолита Иерихова В [37]. Погребения черепов из халафского слоя Ярымтепе II [38, с. 198, 203] свидетельствуют, что почитание черепов принимало форму их захоронения в пределах поселения. Имеется ряд данных, подтверждающих сохранение этой архаической традиции в среде земледельческих культур энеолита Юго-Восточной Европы. Это находки черепов в жилищах и на поселениях (Балбунар [2], Фрумушика [39, с. 25, 43], Коломийщина [40, с. 79] и др.). Особенно выразителен череп с вылепленной на нем маской из Траяна [41]. Культовое использование черепов прослеживается и позже, в период ранней бронзы (Усатово, кург. I-4 [42, с. 50], курган Сушки [43, с. 143] и др.). В это время проявляется и другой

аспект этого культа: черепа, захороненные в усатовских курганах, являлись скорее всего не самостоятельным объектом поклонения, а следами жертвенных церемоний, совершенных по отношению к центральным погребениям. Об этом говорит их периферийное положение в кромлехах, в боковых погребениях.

Нельзя исключить и другие возможные истолкования расчленений и погребений черепов, такие, как жертвоприношение, культовая антропофагия, погребение при далеко зашедшем разложении тканей. Кроме того, в религиозно-магических представлениях древних всегда большую роль играл принцип «часть вместо целого». Поэтому при невозможности, например, доставить на родину тело погибшего могли хоронить только голову как наиболее важную часть. О таком обычае идет речь в архаических «Законах 12 таблиц»: «Пусть костей мертвеца не собирают, чтобы впоследствии совершить погребение... за исключением лишь того случая, когда смерть настигла на поле битвы или на чужбине» [44, с. 23—59]. Таким образом, эта древняя традиция оказывается весьма устойчивой, хотя ее проявления и немногочисленны.

Уже упоминалось, что культовое использование черепов связано иногда с изготовлением масок, изображающих человеческое лицо. Маска, вылепленная из глины на основе черепа, должна была, по-видимому, закрепить облик конкретного данного предка. Открытые в могильнике Варны маски можно, видимо, трактовать как изображения обожествленных предков (или одного предка — прародителя). По представлениям древних, в такие изображения могли вселяться души умерших для получения приносимых им жертв [30, с. 11—21]. Маски широко применялись в погребальном ритуале древнего Египта начиная с додинастического периода [45, с. 24—27]. Отсюда они были восприняты греками и римлянами. В Риме при похоронах изготовлялись две восковые маски, одна из них затем хранилась в доме [46, с. 171]. Антропоморфными изображениями предков были и римские лары [47, с. 720]. Чрезвычайно интересны открытые в последние годы погребения катакомбной культуры с лепными масками на черепах [48].

Традиция изготовления масок без использования черепа в качестве основы распространена не только в среде Гумельницы. Имеется глиняное изображение мужского божества, сидящего на скамье, из Сегвар-Тюзкевеша, относящееся к поздненеолитической культуре Тиса. Его плоско срезанное лицо с как бы выступающими краями трактуется как маска, возможно, деревянная [49, с. 354, рис. 214]. Типологическое сходство с Варненским могильником дополняется и тем, что божество держит в руке изогнутый предмет (оружие?). Миниатюрное изображение такого предмета из золота имеется в инвентаре Варны [49, с. 356]. Статуэтка женского (?) персонажа в плоской маске известна и в материалах поселений Гумельницы [50, с. 60].

Таким образом, маски являются существенным компонентом культа предков, возможно, обожествленных, и погребального ритуала. Они могут изготовляться как на основе черепа, так и без него. Вторая разновидность масок представляется более развитой, символической формой, не связанной непосредственно с останками умерших. Но в обоих случаях маски как бы фиксируют антропоморфный облик предка или божества.

В культуре Кукутени-Триполье кроме упоминавшегося черепа с маской из Траяна имеется ряд других антропоморфных изображений. Это глиняная человеческая голова в натуральную величину из Александровки (этап А) [51, с. 128]. В позднем периоде культуры распространяются монументальные изображения человеческих фигур в камне: голова антропоморфной стелы (Усатово, кург. I-13), резное изображение человека на каменной плите (там же кург. I-3). Существует мнение о том, что подобные изображения могли иметь функции оберегов [51, с. 123; 52, с. 60]. Такая интерпретация не противоречит трактовке их как обожествленных предков в антропоморфном облике. Кроме монументальных изображений в погребениях трипольской культуры в отличие от Гумельницы широко распространена мелкая антропоморфная пластика. Ей посвящена обшир-

ная специальная литература, где раскрывается круг связанных с нею идей. Смысловое содержание фигурок (в основном женских) заключается в отражении идей плодородия, покровительства домашнего божества (предка) [22, с. 309, 310; 53, с. 96, 97]. Таким образом, разнообразные типы антропоморфных изображений, происходящие из погребений земледельческих племен энеолита, свидетельствуют о тесной связи погребального ритуала с культом обожествленных предков, проявляющимся в различной форме.

В Гумельнице и Триполье распространен обычай сооружения кенотафов. Чаще всего исследователи считают их заочными погребениями. Действительно, известны многочисленные и весьма древние по происхождению поверья о том, что если не совершить погребальных церемоний для тех, прах которых почему-либо недоступен для захоронения, то их души будут бродить по земле и смогут причинить зло не только отдельным людям, но и целому племени или стране, например насылать засуху [26, с. 86; 54, с. 312].

Предлагалось решение трактовать их как могилы вождей, умерших на чужбине [1, с. 56]. Постоянство наиболее ценных и идеологически значимых находок в кенотафах Варны и Девни заставляет предполагать существование какой-то связи между ними и захоронениями вождей и других выдающихся членов коллектива. К сожалению, из-за отсутствия в публикациях общих планов могильников неясно, в каком территориальном соотношении находятся кенотафы с выделенными богатыми погребениями. Были ли это символические могилы вождей, утверждать с уверенностью не представляется возможным. Если бы это было так, слишком велико число вождей. Для Девни — два выделенных выше погребения и три кенотафа, итого пять вождей на 25 погребенных. Число кенотафов в Варне (17 из 80 погребений) также неприемлемо в этом качестве. Скорее следует предположить, что кенотафы представляют собой остатки посмертных церемоний, связанных с жертвоприношениями, умилостивлением духов умерших предков или умерших вождей.

Кенотафы выделяются в экстрамуральных могильниках, при интрамуральном обряде их проследить труднее, но возможно, что они устраивались и здесь. Так, одну из ям в Траяне Г. Думитреску трактует как кенотаф [21]. Кенотаф мог быть также и своеобразной имитацией уже погребенного где-либо человека или обожествленного персонажа. Такие «погребения» являются свидетельством культа реальных, но обожествленных впоследствии предков: известны кенотафы египетских фараонов, тела которых похоронены в другом месте [55].

Сооружение кенотафов может быть поставлено в связь с обычаем расчленения, наблюдаемым также в рассматриваемых земледельческих культурах. Целью того и другого ритуала было умножение погребений одного и того же человека (мифического героя). Так, в каждом египетском номе была захоронена и почиталась часть тела Осириса [36, с. 405, 406]. Тело мифического конунга исландских саг Хальвдана Черного было расчленено и похоронено в четырех частях Норвегии: люди «считали, что это обеспечило бы им урожайные годы» [56, с. 42]. Культ погребенных вождей происходил из того, что им при жизни приписывалась особая духовная сила — «мана» или, по средневековой терминологии, «удача», которая должна приносить процветание племени или стране [36, с. 231—234]. Эти сверхъестественные возможности обусловливают совмещение в лице вождя или царя двух функций — собственно царской и жреческой [36, с. 18—20], характерное как для первобытных обществ, так и для раннеклассовых. Соответственно и после смерти дух вождя обладает большим могуществом по сравнению с прочими и может оказать помощь живым соплеменникам. Эта помощь касается прежде всего урожая и изобилия [54, с. 67].

Итак, кенотафы могут представлять собой остатки церемоний, связанных с жертвоприношениями, умилостивлением духов умерших предков или вождей. Примеры такого посмертного поклонения сохранились в письменных источниках: люди «насыпали большой курган и сделали

в нем дверь и три окна. А когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года. Все подати они ссыпали в курган, в одно окно — золото, в другое — серебро, в третье — медные деньги. И благоденствие и мир сохранялись» [56, с. 16]. Сходные посмертные жертвы описаны и в «Одиссее», где Одиссей призывает тень прорицателя Тиресия. Он устраивает жертвоприношение, для чего роет яму, совершает возлияние, сыплет муку, режет барана и овцу [57, X, 515—540; XI, 20—40]. Яма представляется довольно точным подобием кенотафа или культовой ямы.

Правомерно поставить вопрос, не являются ли богатые кенотафы Варны и Девни, жертвенные площадки Виницы, специальная яма с медными вещами из усатовского кургана I-9, а также культовые ямы позднетрипольских могильников Усатова [42], Данку I—II [58], Данчены [59] остатками ритуалов посмертных жертвоприношений вождям и предкам? Сходные предположения высказывает и В. Г. Збенович. Он пишет, что в усатовских могильниках культовые ямы и плиты с чашевидными углублениями служили для поминальных действий, происходивших после захоронения [51, с. 122]. О том же говорит и стратиграфически более поздняя позиция культовых ям по отношению к центральным погребениям, отмеченная в некоторых усатовских курганах (I-9, II-2) [60, с. 257—259]. Можно заключить, что роль кенотафов и культовых ям в погребальном обряде была сходной: основное ее содержание обусловлено посмертным почитанием реальных или мифических предков и вождей.

Таким образом, анализ гумельницких могильников, их сопоставление с трипольскими погребальными памятниками позволяет проследить общие тенденции в развитии погребального обряда обеих культур. Это смена интрамурального обряда экстрамуральным с характерными для последнего унификацией ритуала, усложнением социальной структуры коллектива, развитием религиозных представлений. При этом основное содержание погребального обряда — культ предков — остается неизменным; в нем прослеживаются различные аспекты, восходящие к древнейшим традициям земледельческих культур нео-энеолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София: София-Пресс, 1979.
2. *Миков В.* Селищната могила при с. Балбунар (Кубрат).— ИБАИ, 1926—1927, т. IV.
3. *Мовша Т. Г.* К вопросу о трипольских погребениях с обрядом трупоположения.— МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960.
4. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
5. *Иванов И. С.* Разкопки на Варненския енеолитен некропол през 1972 г.— ИНМВ, 1975, т. XI.
6. *Иванов И. С.* «Золотой» некрополь Варны.— Природа, 1976, № 2.
7. *Иванов И.* Съкровищата из Варненския халколитен некропол. София: София-Пресс, 1978.
8. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия древнейшей Болгарии. София: Изд-во БАН, 1978.
9. *Тодорова-Симеонова Х.* Късноенеолитният некропол край гр. Девня, Варненско.— ИНМВ, 1971, т. VII (XXII).
10. *Тодорова Х.* Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево.— РП, 1975, т. V.
11. *Радунчева А.* Виница — енеолитното селище и некропол.— РП, 1976, т. VI.
12. *Иванов Т. Г.* О некоторых сторонах погребального обряда и представлениях о загробном мире во время неолита и халколита в Болгарии.— Studia praehistorica. Sofia, 1978, t. 1—2.
13. *Георгиев Г., Ангелов Н.* Разкопки на селищната могила до Русе през 1948—1949 гг.— ИБАИ, 1952, т. XVIII.
14. *Георгиев Г., Ангелов Н.* Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 гг.— ИБАИ, 1957, т. XXI.
15. *Овчаров Д.* Енеолитен некропол до с. Лиляк, Търговищка.— Археология, 1963, кн. I.
16. *Bognar-Kutzian I.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgar-Basatanya.— AH, 1963, v. 42.
17. *Patay P.* Das kupferzeitliche Gräberfeld von Tiszavalk-Kenderföld. Budapest, 1978.
18. *Тодорова Х.* Новая культура среднего энеолита в северо-восточной Болгарии.— СА, 1973, № 4.
19. *Dumitrescu H.* O descoperire in legatura cu ritual de inmormintare in cuprinsul culturii ceramicii pictate Cucuteni-Tripolie.— SCIV, 1954, v. 15.

20. *Dumitrescu H.* Decouvertes concernant un rite funéraire magique dans l'aire de la civilisation de la ceramique peinté du type Cucuteni-Tripolje.— Dacia, 1957, v. 1.
21. *Dumitrescu H.* Santierul archeologic Traian.— MCA, 1957, v. 3.
22. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре.— МИА, 1953, № 38.
23. *Черныш Е. К.* Вновь открытое погребение у с. Незвиско на Днестре.— МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960.
24. Езеро. Раннобронзовото селище/Под ред. Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Д. Г. София: Изд-во БАН, 1979.
25. *Зеленин Д. К.* Умершие неестественной смертью и русалки. Очерки русской мифологии. Пг., 1918.
26. *Итина М. А.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов.— СЭ, 1954, № 3.
27. *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
28. *Алекшин В. А.* Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении.— СА, 1976, № 2.
29. *Дьяконов И. М.* Эпос о Гильгамеше. (Пер. с аккадского). М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
30. *Фюстель-де-Куланж.* Древняя гражданская община. М., 1903.
31. *Mellaart J.* Excavations at Chatal Hüyük.— Anatolian Studies, 1962—1966, v. VII—XVI.
32. *Авилова Л. И.* К изучению позднетрипольского погребального обряда.— СА, 1978, № 3.
33. *Авилова Л. И.* Погребальный обряд земледельцев энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам культур Тисаполгар-Бодрогкерестур и Кукутени-Триполье).— Вестн. МГУ. История, 1981, № 3.
34. *Titov V. S.* Tripolye Culture in the Chronological System of Neolithic and Copper Age Cultures of South-Eastern and Central Europe.— In: VIII Congres international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Belgrade, 1971; Les rapports et les communikations de la delegations archeologiques de l'URSS. Moscou, 1971.
35. *Mac Culloh J. A.* Head.— In: Encyclopaedia of Religion and Ethics. V. VI. Edinburgh, 1913.
36. *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М.: Госполитиздат, 1980.
37. *Garstang J.* Jericho: City and Necropolis.— Annals of Archaeology and Anthropology. V. 21—23. Liverpool, 1934.
38. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
39. *Mataşa C.* Frumusica, village préhistorique a ceramique peinté dans la Moldavie du nord, Roumanie. Bucuresti, 1946.
40. *Пассек Т. С.* Трипольское поселение Коломийщина.— Трипільска культура. Т. I. Киев, 1940.
41. *Necrasov O. C., Nicolaescu-Plopsor D.* Etude anthropologique des squelletes neolithiques appartenant a la culture de la ceramique peinté Cucuteni-Tripolje, decouvertes a Traian.— Analele stiintifice ale universitatii «Al J. Cuza» din Iasi (Serie noua), t. II, Stiinţe naturale-Geografie, 1957, N· 1—2.
42. *Патокова Э. Ф.* Усатовское поселение и могильники. Киев: Наук. думка, 1979.
43. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы.— АЛЮР, 1901, т. III.
44. *Cicero.* De legibus.— В кн.: *Струве В. В.* Хрестоматия по древней истории. Т. II. М.: Учпедгиз, 1936.
45. *Smith W. S.* A History of Egyptian Sculpture and Painting in the Old Kingdom. Boston — London, 1949.
46. *Санчурский Н.* Краткий очерк римских древностей. СПб., 1914.
47. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885.
48. *Отрощенко В., Пустовалов С.* Портреты прошлого.— Знание — сила, 1982, № 10.
49. Археология Венгрии / Ред. Титов В., Эрдели И. М.: Наука, 1980.
50. *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации.— Природа, 1976, № 2.
51. *Збенович В. Г.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.: Наук. думка, 1974.
52. *Лагодовська О. Ф.* Проблеми усатівської культури.— НЗІІА, кн. І. Уфа, 1943.
53. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений.— МИА, 1949, № 10.
54. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М.: Госсоцэкономиздат, 1939.
55. *Постовская Н. М.* О царских кенотафах древнего Египта (кенотафы и хеб-сед).— ВДИ, 1957, № 3.
56. *Стурлусон Снорри.* Круг земной. М.: Наука, 1981.
57. *Гомер.* Одиссея. / Пер. Вересаева В. М.: Изд. худож. лит., 1953.
58. *Дергачев В. А.* Пізньотрипільски могильники Данку в Молдавії.— Археологія, 1978, вып. 28.
59. *Дергачев В. А.* Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры.— АИМ — 1974—76 гг. Кишинев, 1981.
60. *Селинов В. И., Лагодовская Е. Ф.* Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г.— СА, 1940, т. V.

L. I. Avilova

ON THE STUDY OF THE SOCIAL STRUCTURE AND IDEOLOGY OF THE GUMELNITSA CULTURE TRIBES

(on the materials of the burial rite)

Summary

The article deals with the burials of the Aeneolithic Gumelnitsa-Karanovo VI-Varna entily with main attention being paid to the description of the social structure of ancient people who left the burial grounds. Extramural burials are marked by the high percentage of burials containing grave goods (from 76 to 100 per cent). Metal objects, weapons and power insignia point to the burials of chieftains and other persons of high social status. Intramural complexes include a considerably less number of burials with grave goods, there are no burials of highly placed people among them. On the whole, these burials are homogenious from the property and social point of view. The presence of most valuable objects in cenotaphs associates this tradition with the ancestor cult, deification of ancestors and, in particular, with the cult of deseased chiefs.

Since the monuments are closely related in time one can surmise that different rite and social images of the two types stem not so much from the evolution from one type to another as from the co-existence of two stadially different rite patterns. One of them, the intramural, existed on in-land territories and reflected the archaic traditions of clan community and equality. The other, the extramural, is limited to the more developed coastal regions and is connected with the more speedy social development.

В. П. ЗОЛОТУН, К. М. КУХТЕЕВА

ПАЛЕОПОЧВЫ И УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВКИ КУРГАНОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ В СТЕПЯХ УКРАИНЫ

Изучение характера почвенного покрова того или иного региона, включая палеопочвы, погребенные под грунтовыми насыпями антропогенного происхождения, позволяет получить достоверное представление о географической среде изучаемой эпохи, на что не один раз обращал внимание В. В. Докучаев [1]. Изучение палеопочв под курганами и другими древними грунтовыми сооружениями помогает также датировать памятник.

В настоящей статье мы остановимся лишь на некоторых характерных примерах, являющихся частью научного материала, полученного нами при совместной работе с учеными Института археологии АН Украинской ССР в течение 1964—1981 гг. в процессе изучения курганных памятников степи республики (см. также [2—4]).

Характер состава насыпи кургана — окраска, сложение, наличие различного рода новообразований, включений, деформаций, структуры грунта, его химический состав и другие признаки — позволяет не только установить место, откуда был взят грунт, но и определить возраст кургана, климатические и даже погодные условия в момент его сооружения.

Курганы чаще всего сооружались из верхнего слоя почвы [2]. На юге Украины этот слой имеет темно-серую окраску. Вместе с тем грунт насыпи не всегда однороден по цвету. В насыпи встречаются буро-палевые, светло-серые, грязно-зеленые и другие пятна. Так, например, кург. 1 могильника у с. Борисовка [1] был насыпан верхним темно-серым почвенным слоем; кург. 5, расположенный в 40 м восточнее, сооружен из подпочвенного грунта и имеет грязно-палевую окраску, а сросшаяся с его восточной полой насыпь кург. 6 отчетливо разделялась по цвету грунта на две половины — западную, грязно-зеленую, насыпанную оглеенным лёссом, и восточную, темно-серую, образованную верхним почвенным слоем. Древняя поверхность, расположенная под западной половиной этого кургана, была снята на глубину 0,2—0,4 м для сооружения кург. 1 и 5, насыпанных ранее. Кург. 5 датирующих находок не дал. Насыпь и палеопочва кург. 1 изучались с помощью шурфов.

Материалы исследований грунта насыпей курганов позволили сделать следующее заключение: кург. 1 насыпан первым из верхнего растительного грунта (гумусного горизонта) кург. 5 насыпан вскоре после первого, но уже не из растительного, а из минерального грунта, взятого из выемки в непосредственной близости от кург. 1. В связи с этим восточнее кург. 1 и 5 образовалась западина глубиной 0,2—0,4 м. Западная пола круг. 6 в процессе его сооружения слилась с насыпью кург. 5. Кург. 6 был сооружен значительно позже: его возраст определен Н. М. Шмаглием — 2800—3000 лет. Определена и абсолютная датировка этого памятника в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР — 2950±50 лет. Насыпь кург. 6 необычная: западная ее половина насыпана на выемку и сложена оглеенным грязно-зеленым грунтом; восточная половина насыпана на ненарушенную поверхность темно-серым гумусным горизонтом.

[1] Днестро-Дунайская экспедиция Института археологии АН УССР, Татарбунарский р-н Одесской обл., 1965 г.

Оглеенный грунт образуется только в условиях длительного периодического переувлажнения в теплое время года. Продолжительный период времени — 4200—4500 лет назад — климат отличался повышенной гумидностью. Это не исключает достоверности выводов Д. А. Крайнова и Н. А. Хотинского [5] о том, что климатический оптимум прослеживался 5490±70 и 6370±70 лет назад.

Оглеение лёсса в выемке, образованной в процессе сооружения кург. 1 и 5, является дополнительным свидетельством высказанной точки зрения: оглеенный на глубину 0,2—0,3 м лёсс мог образоваться в степи при периодическом летнем переувлажнении на протяжении 50—60 лет. Следовательно, кург. 1 и 5 были насыпаны примерно 4000—4500 лет назад.

Продолжительное время курганы служили путевыми ориентирами: в непосредственной близости от курганов и даже по ним проходили дороги. Сейчас они распаханы, но их существование можно установить по наличию ребристой (ореховатой) структуры, которая всегда формируется в процессе длительного уплотнения грунта под проселочной дорогой в слое до 0,45 м. Следы древней дороги хорошо прослеживаются даже на длительно используемых пахотных участках, где глубина обработки в наше время не превышает 0,3—0,35 м. Примером может служить группа курганов вблизи пос. Каланчак [2]. Здесь древняя дорога проходила с севера на юг по нижней части юго-западной полы кург. 7 и ряда других курганов эпохи ранней бронзы. Ее направление установлено на глубине 25—40 см по наличию угловатой (ребристой) структуры почвы, вскрытой в ряде мест бульдозером между кург. 5, 7 и 9.

В ходе почвенных и археологических исследований в процессе раскопок курганов важно установить стратиграфию насыпей. Большинство курганов состоит из целого ряда синхронных, а во многих случаях и асинхронных подсыпок. Каждая подсыпка, как известно, связана с очередным погребением. Границы между подсыпками трудно проследить визуально. В этом случае прибегают к помощи линзы 10—20-кратного увеличения. Границу между подсыпками определяют по тонкопористому строению и припудренности пылеватой фракцией кремнезема 4—6-сантиметровой прослойки погребенной поверхности подсыпки. Установить это можно также с помощью 10%-ной соляной кислоты. Поверхность подсыпки при попадании на нее кислоты вскипает с выделением углекислого газа.

Изучение стратиграфии насыпей курганов позволило доказать, что в ряде регионов курганные могильники энеолита с поверхности уплотнялись и обмазывались жидкой грунтовой смазкой. Эта ритуальная особенность устанавливается по наличию плотного 4—6-сантиметрового слоя с трещинами радиального и тангентального направления, а также по слоеватости и наличию следов растительного материала, используемого для связи при приготовлении материала для обмазывания.

Окраска грунта и стратиграфические особенности насыпей позволяют судить и об относительном возрасте курганов: насыпи курганов энеолита имеют палево-серую окраску, их грунт осветлен. Эта закономерность хорошо выражена в зоне каштановых почв. Насыпи молодых курганов сооружены из более темного грунта.

О возрасте кургана свидетельствуют светлоокрашенная элювиальная корка, формирующаяся в процессе почвообразования на поверхности кургана, а также мощность гумусного горизонта, который образуется под светло-серой или серой коркой в период пребывания этого участка насыпи кургана на поверхности. Если граница подсыпок разделяется белесоватой прослойкой толщиной 2—4 см, а под ней сколько-нибудь заметный гумусный горизонт не сформирован, то такая подсыпка на поверхности грунтовой насыпи находилась не более 15—20 лет. Наличие более мощной элювиальной (светлой) прослойки, а также сформированного под

[2] Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН СССР, Херсонская обл., 1964 г.

ней гумусного горизонта (хотя бы небольшой мощности) является признаком продолжительного (не менее 100 лет) разрыва во времени между очередными подсыпками. Одновременно в подсыпках, находящихся на поверхности насыпей курганов более 100—200 лет, отчетливо прослеживается, даже без увеличительного стекла, точечная железомарганцевая темно-бурая, бурая или стального цвета с синеватым отливом пунктация.

О возрасте кургана можно судить также по наличию и концентрации карбонатов и гипса в насыпи. Их наличие устанавливается и визуально, и аналитически. Чем больше этих солей в насыпи, тем старше курган.

Перечисленные стратиграфические особенности насыпей курганов приобретают особую важность в том случае, когда в могилах не обнаруживается надежных датирующих находок, а такие случаи не единичны.

В древних захоронениях неглубокие погребальные ямы часто заполнены грунтом, формы дна ямы нередко улавливаются с большим трудом. Помехой этому является первичный и вторичный грунт заполнения, а также землероя. Тем не менее форму могилы можно восстановить по ряду признаков. Кроме этого, следует иметь в виду, что в отдельные периоды даже 10—12-метровые насыпи курганов промачивались атмосферными осадками. Просачивавшаяся влага на своем пути растворяла различные соединения — в первую очередь сернокислые и углекислые соли кальция и магния — и перемещала их вниз, постепенно все больше насыщаясь солями. На определенной глубине влага превращается в перенасыщенный раствор. Вследствие этого из нее выпадают в осадок в первую очередь карбонаты кальция (известь) в форме примазок, белоглазки, прожилок. Поэтому на дне и стенках погребальных ям и даже на костях часто формируется известковый слой, который некоторые археологи связывают с ритуалом погребения. Известковый белый налет маркирует все углубления, сделанные при сооружении погребения, и позволяет установить элементы ритуальной архитектуры (неглубокие бороздки, канавки, столы, углубления). Этим методом мы пользовались при изучении курганов эпохи бронзы вблизи пос. Каланчак.

Белый налет на дне погребальных ям в районе Северского Донца находили В. А. Городцов [6] и Д. Я. Самоквасов [7]. Они отмечают, что в одних случаях дно и стенки катакомб были покрыты известью, в других (синхронных) такого осадка не было.

Для выяснения природы данного явления в 1966 г. в районе с. Глубокая были проведены следующие исследования. В центральном погребении кург. 1 (энеолит), которое было перекрыто большими известняковыми плитами, провалившимися под тяжестью насыпи, был обнаружен известковый налет на дне и стенках ямы. Он был заметен и на костях скелета. В насыпи над центральным погребением, а также в 3 м южнее и севернее на глубине 0,5 м, 1,0 и 1,5 м от поверхности были определены плотность грунта, содержание в нем извести и гипса. Полученные результаты (табл. 1) показывают, что средний вес 1 м^3 ненарушенного грунта центральной части насыпи составляет 1,35 т, или на 57 кг меньше среднего веса массы грунта, взятого в 3 м севернее и южнее погребения. В центральной части поверхности насыпи кургана образовалась блюдцеобразная западинка диаметром 1,8 и глубиной около 0,3 м, которая многие годы наполнялась водой осадков и способствовала более интенсивному выщелачиванию извести и гипса из центральной части насыпи кургана. Если в периферийных разрезах в 1 м^3 грунта содержалось 1,92 кг гипса и 61,46 кг извести, то в таком же объеме грунта центральной части кургана (бровки) — только 0,57 и 50,08 кг соответственно. Следовательно, из 1 м^3 грунта центральной части насыпи за 40 веков выщелочилось и мигрировало вниз дополнительно 1,34 кг гипса и 11,38 кг извести, которые осаждались в виде белого налета в основном на дне ямы.

Для подтверждения этого с верхнего слоя (до 0,1 м) четырех мест дна ямы центрального погребения и такого же количества мест соответствующей глубины из шурфов под насыпью севернее и южнее анализировались пробы грунта. Содержание извести в пробах со дна ямы цент-

Таблица 1

Плотность грунта и содержание солей в насыпи кург. 1 (Днестро-Дунайская экспедиция, 1964 г.), г/см³

Глубина отбора образца насыпи, м	Место отбора образца								
	3 м южнее центра			центр насыпи			3 м севернее центра насыпи		
	грунт, г/см³	$CaSO_4 \cdot 2H_2O$	$CaCO_3$	грунт, г/см³	$CaSO_4 \cdot 2H_2O$	$CaCO_3$	грунт, г/см³	$CaSO_4 \cdot 2H_2O$	$CaCO_3$
0,4–0,5	1,41	0,09	3,82	1,37	0,02	2,83	1,42	0,08	3,29
0,9–1	1,37	0,11	4,84	1,30	0,03	3,46	1,40	0,09	4,26
1,4–1,5	1,42	0,26	5,10	1,38	0,08	4,85	1,42	0,19	5,09

рального погребения составляло 21,63%, тогда как в аналогичном слое в боковых шурфах — только 16,14% от веса сухого грунта, или на 5,49% меньше. Особенно много извести обнаружено нами в 1980–1981 гг. в погребальных сооружениях под курганами эпохи бронзы на территории Акимовского р-на Запорожской обл. и Генического р-на Херсонской обл. Здесь ее много не только в ямах, но и в различных полостях в нижней части насыпи курганов. Следовательно, белый известковый налет в погребениях курганных могильников степи Украины является следствием миграции вниз гидрокарбоната кальция.

Вместе с тем в ряде случаев на дне погребальных сооружений известковый налет отсутствует. Наличие или отсутствие извести на дне и стенках погребальных ям определяется рядом факторов: высотой кургана, содержанием в насыпи кургана извести, формой поверхности кургана, а также архитектурой самого погребального сооружения.

Вопрос датировки курганов привлекал внимание археологов давно. Ф. И. Рупрехт первым обратил внимание на различную мощность гумусного горизонта чернозема, образованного на насыпи кургана, и чернозема современного [8]. Он утверждал, что возраст курганов может определяться путем сопоставления мощности гумусного горизонта, образовавшегося на них, и мощности гумусного горизонта ненарушенной почвы вблизи кургана. Позже он писал, что для более точного определения возраста курганов необходимо определить и количественное соотношение органического вещества в почве. Этим методом ученый пытался устанавливать возраст алтайских курганов, новгородских сопок и других памятников.

Необоснованность посылок Ф. И. Рупрехта очевидна, на это указывал В. В. Докучаев еще в 1883 г. [9]. Ф. И. Рупрехт сравнивал несравнимые показатели: мощность профиля современных почв, образованных на ровном месте и на кургане. Курганы в степи начали сооружаться около 5000 лет назад. Насыпались они поверхностным почвенным слоем, в известной степени гумусированным. Этот факт был установлен В. В. Докучаевым в 1883 г. и И. Палимпсетовым в 1890 г. [10]. В южной степи Украины в профиле северной полы курганов мощность гумусного горизонта и содержание гумуса в 1,5–4 раза больше по сравнению с южной полой.

Впервые метод сравнения мощности гумусных горизонтов палеопочв для целей датировки курганов использовал В. И. Городцов [11]. Он писал, что рост «чернозема» (так именовал автор гумусный горизонт) совершается повсюду пропорционально начальной скорости его развития. По его выводам, могильник датировать необходимо хотя бы один раз точно, а последующую датировку можно производить по мощности гумусного горизонта. При изучении ямных погребений в районе Северского Донца он подсчитал, что прирост «черноземного» слоя составлял 6,18 мм за 100 лет. Для этого региона нами были получены аналогичные данные [12].

В. А. Городцов считал, что гумусный горизонт почвы во времени наращивается от подошвы кверху. Это ошибочное заключение он сделал

на основании наблюдений над предметами, которые, будучи оброненными на поверхность почвы, постепенно как бы тонут в ней. Еще из работ Ч. Дарвина [13] известно: предметы погружаются на некоторую глубину в почву главным образом вследствие активной деятельности дождевых червей. Поверхность почвы может нарастать сверху в том случае, когда на пути ветрового потока встречается какая-либо преграда: стена, развалины жилых построек, валы, камни. В этом случае пыль и песок, транспортируемые ветром, оседают перед этими сооружениями. На ровных местах заметного нарастания почвы с поверхности не происходит.

В. А. Городцов также ошибочно полагал, что в палеопочвах под курганами гумуса содержится столько же, сколько в современных почвах степи. В 1914 г. А. Н. Криштафофич [14] экспериментально доказал ошибочность этого предположения. По его данным, в верхней метровой толще палеопочвы под курганом эпохи бронзы гумуса содержалось в 2,11 раза меньше, чем в современном обыкновенном черноземе.

Органическое вещество почвы не инертно, оно в почве под насыпью курганов постепенно минерализуется, количественно уменьшается, тогда как в открытой почве, наоборот, со временем его количество увеличивается. Результаты наших исследований показывают, что в верхнем 50-сантиметровом слое палеопочв гумуса меньше примерно в 2 раза по сравнению с современными почвами (табл. 2). В палеопочвах под молодыми курганами гумуса больше, чем в палеопочвах под древнейшими курганами. Если в нормальных почвах[3] в границах современной подзоны обыкновенных черноземов содержание гумуса принять за 100%, то в палеопочвах скифских курганов его будет 55,74, в палеопочвах под курганами эпохи бронзы — 50,71 и в палеопочвах энеолита — 48,56%. Общее содержание гумуса в современных почвах и палеопочвах снижается в южном направлении.

Несмотря на ошибочность во взгладах на процесс почвообразования, В. А. Городцов получал датировки курганов, близкие к абсолютным, пользуясь методом сопоставления мощности и интенсивности окраски гумусно-аккумулятивного (А) и гумусного переходного (АВ) горизонтов, мощность которых определял визуально.

В соответствии с учением В. В. Докучаева [10] нарастание гумусного горизонта в почве происходит до известного предела и протекает непропорционально времени. Поэтому хронологические выводы, сделанные на основании изменения лишь мощности и интенсивности окраски горизонта, не вполне надежны. В то же время В. В. Докучаев не исключал возможности определения возраста современных почв этим методом. Археологи М. И. Артамонов [15], Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов [16], В. Г. Карцев [17] неоднократно прибегали к этому методу и считали, что палеопочвенный профиль при определении возраста курганов является надежным и важным датирующим документом.

Результаты изучения палеопочв под курганами в Северном Причерноморье позволили дополнить и уточнить почвенную методику датировки курганов [2—4; 18—23]. Эта методика имеет большое практическое значение особенно в настоящее время, когда из года в год увеличивается объем археологических изысканий, вызванных большим размахом ирригационных работ в степных и пустынно-степных районах нашей страны. Нередки случаи, когда курганные могильники оказываются ограбленными, и тогда почвенный метод датировки может оказаться практически единственным.

Палеопочва под курганом на определенном этапе оказывается как бы законсервированной в своем развитии благодаря исключению влияния диагенетических факторов [24; 25]. Под насыпью она прекратила свое развитие. Почва открытая, современная является живым, вечно развивающимся, качественно и количественно изменяющимся природным телом, на которое непрерывно воздействуют такие факторы-почвообразова-

[3] По В. В. Докучаеву, нормальными почвами являются те, которые сформированы на ровных, бессточных участках водоразделов.

Таблица 2

Содержание гумуса в слое 0–50 см асинхронных почв в пределах современных почвенных подзон УССР

Наименование почвы	Почвенная подзона							
	чернозем обыкновенный		чернозем южный		темно-каштановая		каштановая	
	т/га	%	т/га	%	т/га	%	т/га	%
Современные почвы	234,1	100	187,8	100	128,2	100	117,3	100
Палеопочвы (4500–4200 лет назад)	113,6	48,56	90,2	48,03	66,0	50,7	54,8	46,71
Палеопочвы (3200–2800 лет назад)	118,7	50,71	97,5	51,92	72,0	56,15	64,6	55,07
Палеопочвы (2500–2400 лет назад)	130,5	55,74	104,3	55,55	84,7	66,07		

тели, как растительный и животный мир, климат, почвообразующая порода, особенности рельефа, возраст страны (продолжительность почвообразования) и в последний век — производственная деятельность человека. Изменение одного из названных факторов ведет к изменению химических и физических процессов в почвенном профиле, к изменению интенсивности влияния других факторов-почвообразователей. Даже небольшой сдвиг климата в ту или другую сторону вызывает смену растительных ценозов и состава животных, замедляет или ускоряет почвообразовательный процесс [1; 3; 19; 22; 26]. Поэтому палеопочва является как бы отпечатком прежде всего климатических условий данного периода в определенном регионе.

Изучение строения профиля асинхронных почв, его морфологических особенностей дает исследователю дополнительный материал для воссоздания палеогеографии изучаемой эпохи. Под морфологическими свойствами почвы понимают совокупность признаков строения почвенного профиля, которые прослеживаются визуально: мощность, окраска, сложение и механический состав генетических горизонтов, размер и форма структуры, глубина залегания и форма новообразований и включений, глубина и мощность залегания поясов аккумуляции солей — извести и гипса. Эти признаки между собой взаимосвязаны и определяются условиями почвообразования. Отдельные периоды голоцена отличались повышенной гумидностью, особенно за последние 25 веков. Вследствие этого не только насыпи курганов высотой 10–12 м, но и почвенный профиль под насыпями промачивался на глубину 6–10 м.

Профили палеопочв под синхронными курганами, раскопанными в различных почвенно-климатических зонах, различаются между собой так же, как и профили современных (открытых) почв этих зон. Главным их отличительным признаком является мощность гумусного горизонта (А+АВ). Символом А обозначается тонкоокрашенный гумусно-аккумулятивный генетический горизонт; глубже он переходит в постепенно осветляющийся книзу гумусный переходной генетический горизонт (АВ). Чем древнее курган, тем меньше мощность гумусного горизонта палеопочвы, и, наоборот, чем моложе курган, тем он мощнее. Ниже, до верхней границы белоглазки — карбонатно-иллювиального генетического горизонта (ВК1), расположен горизонт гумусных затеков (В), он имеет мощность 8–15 см. Почвенный профиль заканчивается под нижней границей карбонатно-иллювиального горизонта. Интенсивность развития мощности и глубины этих генетических горизонтов почвенного профиля на протяжении голоцена отличалась неравномерностью, которая находилась в зависимости от особенностей климата.

Отношение мощности гумусного горизонта палеопочвы к мощности гумусного горизонта современной почвы — показатели, близкие по значению для всех палеопочв синхронных курганов юга Украины. Этот показатель мы условно называем коэффициентом гумусности. Для палеопочв энеолита он составляет 2,06, для палеопочв эпохи бронзы — 1,43, для

Таблица 3

Мощность генетических горизонтов асинхронных почв в подзоне южных черноземов

Почва, возраст	Глубина нижней границы генетических горизонтов, см					
	A_0	A	AB	B	BK1	усредненный коэффициент
Южный чернозем	–	31,3	51,2	71,2	125,4	
Палеопочва (4500–4200 лет)	4,5	15,2	35,8	57,2	85,2	
Отношение мощности генетических горизонтов	–	2,06	1,43	1,25	1,47	1,53
Палеопочва (3200–3000 лет)	3,8	22,1	37,0	60,0	104,6	
Отношение мощности генетических горизонтов	–	1,43	1,40	1,18	1,20	1,30
Палеопочва (2500 лет)	3,0	23,5	42,1	60,8	118,3	
Отношение мощности генетических горизонтов	–	1,33	1,21	1,17	1,06	1,19

палеопочв скифского времени – 1,21. Таким же образом можно вывести и коэффициент карбонатности – по отношению глубины залегания карбонатного горизонта современных почв к глубине залегания карбонатного горизонта палеопочв. В качестве примера рассмотрим усредненные данные мощности генетических горизонтов трех групп курганов различного возраста Баштанского р-на Николаевской обл.[4] (табл. 3). Чем моложе курган, тем меньше величина числовых выражений этих коэффициентов [3; 19; 21].

В асинхронных палеопочвенных профилях степной зоны с поверхности выделяется светло-серая тонкослоеватая пористая прослойка (A_0). В зоне черноземных несолонцеватых почв эта прослойка со временем становится тоньше, под скифскими курганами она нередко почти скрадывается, а в зоне каштановых почв и подзоне южных солонцеватых черноземов, наоборот, увеличивается.

Результаты многочисленных наблюдений говорят о том, что формирование светло-серой или белесовато-желтоватой тонкослоеватой пористой прослойки с поверхности почв происходит лишь в регионах сухих и пустынных степей, где годовое количество осадков ниже 350 мм, испаряемость (с открытой водной поверхности) превышает 900–1000 мм, а лето отличается резкой засушливостью [27–32].

Немаловажное значение для датировки курганов имеет глубина залегания и мощность карбонатного пояса (BK1), представленного белыми яркими пятнами в форме белоглазки, и первого гипсового горизонта (C), который залегает друзами или гнездами значительно ниже карбонатного горизонта. Чем древнее курган, тем ближе к поверхности эти новообразования.

Очень важным показателем датировки и реставрации палеогеографических особенностей периода сооружения кургана являются новообразования, связанные с аккумуляцией и кристаллизацией железомарганцевых соединений, которые прослеживаются в виде бурых и темно-бурых пятен, ржавых примазок, пленок и чешуек стального цвета, имеющих тонкокристаллическое строение. Чем больше этих новообразований и чем глубже они распространены в палеопочвенном профиле, тем моложе курган. При этом следует учитывать, что количество железистых соединений в палеопочвах возрастает на солонцеватых почвах, содержащих в почвенном профиле близко к поверхности сульфаты и хлориды кальция и натрия. Значительное количество синевато-серых блесток, ржавых и бурых пятен и примазок в почвенном профиле – свидетельство господства злаковой растительности. В стеблях и корнях многолетних злаков аккумулируется в 2–3 раза больше железа и марганца, чем в полынных растениях. Господство злаковых трав связано с повышением гумидности климата и усилением миграции марганца и железа вниз по профилю в

[4] Ингульская экспедиция ИА АН УССР, 1972–1977 гг.

форме органоминеральных соединений [33—40]. Заметного проявления, накопления и миграции железа и марганца в условиях сухого климата практически не происходит [41].

В палеопочвах энеолита гипс почти не встречается, здесь его можно найти только в насыпи кургана на глубине 0,6—0,8 м, тогда как в профиле палеопочв более молодых курганов он всегда содержится. Это объясняется непрерывным поступлением сульфатов с осадками.

Среди физических свойств, наиболее отчетливо коррелирующих с возрастом почв, следует назвать гранулометрический состав. Он определяет основные физические и химические свойства почвы. Чем больше в почве физической глины и особенно ила [5], тем богаче она различными химическими соединениями, тем больше способна удерживать воды, тем выше показатели ее набухаемости, твердости и связности, тем медленнее вымываются из нее вниз по профилю растворимые минеральные и органические вещества. Механический (гранулометрический) состав почвы на протяжении последних 50—45 веков изменяется в направлении увеличения количества тонких обломков минералов. Процесс диспергации (измельчения) протекает только в пределах верхнего 0,4—0,5-метрового слоя. В верхнем полуметровом слое палеопочв под молодыми курганами физической глины и ила содержится больше, чем под древними, но значительно меньше. чем в современной почве (табл. 4).

Продолжительность периода почвообразования накладывает заметный отпечаток и на изменение химического состава верхнего полуметрового слоя почвенного профиля: содержание гумуса и растворимых солей, валовое количество азота и качественный состав обменных катионов. Количество азотнокислых и сернокислых солей во времени возрастает, а углекислого кальция, наоборот, уменьшается. Заметным образом изменяются качественный состав обменных катионов почвенного поглощающего комплекса и качественный состав солей почвенного раствора [3; 20; 22]. В почвенном профиле более молодых почв (под курганами ямного времени) гумуса и валового азота всегда меньше, чем в палеопочвах под курганами эпохи бронзы и скифского времени (табл. 5). В верхнем 50-сантиметровом слое современного южного малогумусного тяжелосуглинистого чернозема гумуса содержится 2,93% от веса почвы, в палеопочве конца эпохи бронзы — 1,52, а в палеопочве под курганом энеолита — только 1,01%, что почти в 3 раза меньше, чем в современной почве. Эти изменения в относительных показателях коррелируют с мощностью гумусного горизонта (А+АВ) асинхронных почв (табл. 3) и содержанием валового азота.

Определение и сопоставление между собой параметров морфологических, физических и химических свойств асинхронных почв при наличии двух-трех достоверных датировок курганов в каком-либо районе позволяют уверенно датировать и все другие курганы. В ряде случаев эти показатели помогают утвердиться в достоверности полученных в ходе археологических исследований выводов. При почвенной датировке необязательно раскапывать курган. Можно обойтись шурфом, его закладывают на южном поле кургана.

Надежными датирующими данными являются количественные показатели содержания гипса и извести в верхнем полуметровом и метровом почвенных профилях. Чем больше в этих слоях извести ($CaCO_3$), тем древнее курган. Содержание гипса в верхнем метровом слое палеопочв возрастает в обратной зависимости от возраста насыпи археологического памятника. Эта закономерность выражена более наглядно в направлении к Сивашу, откуда поступает гипс на поверхность почвы с осадками. В насыпях более древних курганов гипса содержится больше, чем в насыпях молодых курганов, а в почвах, наоборот,— меньше.

Гипс — аллохтон, изначально в почвообразующей породе заметного количества этой соли не содержалось. Карбонат кальция — автохтон.

---

[5] Физическая глина — элементарные частицы (обломки минералов), диаметр которых меньше 0,01 мм; ил — частицы, диаметр которых меньше 0,001 мм.

Таблица 4

Гранулометрический состав асинхронных почв верхнего 0,5-метрового слоя (%) в пределах подзоны современных южных черноземов

Почва, возраст	Потеря при обработке, %	Диаметр фракций, мм					
		0,25	0,25—0,05	0,05—0,01	0,01—0,005	0,005—0,001	0,001
Палеопочва (4500–4200 лет), кург. 27	2,70	0,18	8,32	43,06	10,06	10,68	24,92
Палеопочва (2500–2400 лет), кург. 1	1,99	0,18	3,98	40,60	8,50	10,85	34,00
Современная почва, южный тяжелосуглинистый солонцеватый чернозем	1,57	0,16	4,39	39,47	8,76	10,05	35,59

Примечание. По материалам Каховской экспедиции ИА АН УССР, Каховский р-н Херсонской обл.

Таблица 5

Содержание гумуса и валового азота в асинхронных почвах

Глубина, см	Органический углерод, %	Гумус, %	В % от современных почв	Азот валовой, %	В % от современных почв
Малогумусный тяжелосуглинистый чернозем					
5–20	1,85	3,20	100	0,20	100
30–40	1,86	3,22	100	0,20	100
40–50	1,31	2,28	100	0,15	100
Средняя	1,74	2,93	100	0,19	100
Палеопочва кург. 3, 2800 лет					
5–20	1,08	1,87	58,44	0,17	85,00
30–40	0,72	1,25	39,16	0,12	60,00
40–50	0,60	1,05	46,05	0,10	52,63
Средняя	0,85	1,52	51,87	0,14	73,21
Палеопочва кург. 1, 4500 лет					
5–20	0,69	1,18	36,87	0,10	50,00
30–40	0,50	0,89	27,61	0,06	30,00
40–50	0,40	0,76	25,94	0,04	
Средняя	0,56	1,01	34,46	0,07	36,84

Примечание. По материалам Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР, 1965 г.

В процессе формирования лёссовых отложений количество извести по всему вертикальному профилю было примерно одинаковым. В процессе почвообразования труднорастворимые карбонаты, взаимодействуя с угольной кислотой почвы, переходят в растворимые гидрокарбонаты — $Ca(HCO_3)_2$ — и перемещаются вниз с водой осадков. В подзоне южных черноземов с 1 м² площади из слоев 0—0,5 и 0—1 м ежегодно их выщелачивается в нижележащие слои профиля 4,4 и 4,6, а в каштановой — 1,0 и 2,8 г/м² соответственно. Наличие данных о послойном содержании извести и гипса позволяет без больших погрешностей датировать курганы в пределах почвенной зоны.

Для подтверждения достоверности установленных датировок курганов можно использовать данные емкости поглощения и качественного состава обменных катионов почвенного поглощающего комплекса, а также данные состава водной вытяжки. Емкость поглощения почв за последние 50 веков изменяется в сторону увеличения незначительно, тогда как качественный состав обменных катионов — заметным образом. В составе обменных катионов палеопочв энеолита содержится значительный процент натрия. В палеопочвах молодых курганов его количество резко снижается и одновременно увеличивается показатель отношения количе-

ства обменного кальция к количеству обменного магния. В верхнем 0—0,3-метровом слое палеопочв скифского веремени черноземной зоны обменного натрия практически уже почти нет, тогда как содержание его в палеопочвах составляет 10—15% от суммы обменных катионов.

С возрастом курганов коррелирует также количество водорастворимых солей. В палеопочвах под молодыми курганами их меньше, под более древними — больше. Наиболее значительно изменяется во времени содержание хлоридов и сульфатов кальция, магния и натрия: в палеопочвах эпохи бронзы, и особенно скифского времени, их намного меньше, чем в палеопочвах энеолита. Это объясняется непрерывным вымыванием этих солей водой осадков. Особенно интенсивно вымываются соли за последние 2500 лет в связи с усилением гумидности климата.

Наши исследования не подтвердили гипотезы, поддерживаемой многими учеными, о постепенном иссушении климата степной зоны во времени. Наоборот, на протяжении всего голоцена климат степи европейской части Украины, чередуясь с сухими и влажными периодами, постепенно становится мягче, гумиднее.

Таким образом, при археологических раскопках необходимо одновременно и проведение палеопочвенных исследований. Без этого безвозвратно гибнет бесценный материал и в определенной мере обедняется полнота результатов археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докучаев В. В.* Лекции по почвоведению. М., 1901.
2. *Золотун В. П.* Результати палеогрунтових досліджень курганів поблизу Каховки в 1968 р.— Археологія, 1972, № 6.
3. *Золотун В. П.* Морфологічні особливості палеогрунтів курганів Каховського району.— Археологія, 1973, № 9.
4. *Золотун В. П.* Изменение почвенного покрова юга Украины за последние 50—45 веков в пределах современной подзоны южных черноземов.— В кн.: Интенсификация земледелия. Т. 125. Кишинев, 1974.
5. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1973, № 3.
6. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году.— Тр. XIII АС. Т. 1. М., 1905.
7. *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М.. 1908.
8. *Рупрехт Ф. И.* Геоботанические исследования о черноземе.— В кн.: Приложение к X т. Записок Имп. АН, СПб., 1866.
9. *Докучаев В. В.* Русский чернозем (1883).— Избр. соч. Т. III. М.: Изд-во с.-х. лит.. 1949.
10. *Палимпсетов П.* Степи юга России, были ли они исконп веков степями и возможно ли их облесение? Одесса, 1890.
11. *Городцов В. А.* Культура бронзовой эпохи в средней России.— Отчет Истор. музея за 1914 год. М., 1916.
12. *Золотун В. П.* Развитпе почв юга Украины за последние 50—45 веков: Автореф. докт. дис. Киев: Украинская с.-х. академия, 1974.
13. *Дарвин Ч.* Дождевые черви (1882).— Собр. соч. Т. 2. М.— Л.: Госиздат биологической и медицинской литературы, 1936.
14. *Криштафович А. Н.* Исследования почв под курганами в Харьковской губернии.— Почвоведение, 1914, № 1—2.
15. *Артамонов М. И.* Работы на строительстве Манычского канала. Отчет о работах.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 109.
16. *Мерпрет Н. Я., Смирнов А. П.* Археология и некоторые вопросы почвоведения.— СА, 1960, № 4.
17. *Карцев В. Г.* О чем говорят курганы Енисея. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1961.
18. *Золотун В. П., Ленец Л. К.* Некоторые вопросы палеопочвоведения.— В кн.: Земледелие на юге Украины. Херсон, 1967.
19. *Золотун В. П.* Некоторые свойства палеопочв и вопросы датировки курганов на юге Украины.— МАСП. 1970, вып. 6.
20. *Золотун В. П.* Вопросы методики исследования почв и датировка курганов.— АИУ — 1968. Киев, 1971.
21. *Золотун В. П.* Палеопочвенные исследования археологических памятников юга Украины.— В кн.: XV научная конференция Институтa археологии АН УССР, посвященная 50-летию образования СССР. Тез. докл. Одесса, 1972.
22. *Золотун В. П.* Палеогрунтові дослідження в Каховському районі.— Археологія, 1973, № 11.
23. *Золотун В. П.* О происхождении лессовых отложений на юге Украины.— Почвоведение, 1974, № 1.
24. *Герасимов И. П.* Погребенные почвы и их палеогеографическое значение.— В кн.:

Матер. Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
25. *Герасимов И. П.* Природа и сущность древних почв.— Почвоведение, 1971, № 1.
26. *Волобуев В. Р.* Почвы и климат. Баку, 1953.
27. *Тулин Г. М.* Почвы южной части Атбасского уезда Акмолинской области.— Тр. Почвенно-ботан. экспедиции по исследованию колонизационных районов. Ч. 1. Вып. 10. СПб., 1910.
28. *Чаянов С. К.* Влажность почвы на типичных почвах полупустынь и столбчатых солонцах в связи с вопросом о ходе их почвообразования.— Опытная агрономия, 1911, т. XII, кн. 3.
29. *Герасимов И. П.* О структурных сероземах Туркестана.— Тр. Почвенного института им. В. В. Докучаева, 1931, вып. 5.
30. *Беспалов Д. Т.* Влияние лиманного орошения на почвы междуречья Тургун — Водянка.— Тр. Комис. по ирригации, 1937, сб. 10.
31. *Пачикина Л. И.* Формы накопления аморфной кремнекислоты в почвах пустынно-степной зоны центрального Казахстана.— Изв. АН КазССР, 1956, вып. 6.
32. *Лобова Е. В.* Почвы пустынной зоны СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
33. *Роде А. А.* Почвоведение. М.— Л.: Гослесбумиздат, 1955.
34. *Базилевич Н. И., Родин Л. Е.* Особенности малого биологического круговорота в различных почвенно-растительных зонах. Докл. АН СССР, 1954, т. 97, № 6.
35. *Базилевич Н. И.* Особенности круговорота зольных элементов и азота в некоторых почвенно-растительных зонах СССР.— Почвоведение, 1955, № 4.
36. *Базилевич Н. И.* Обмен питательных элементов в различных типах степей и лугов на черноземах, каштановых почвах и солонцах.— В кн.: Проблемы почвоведения. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
37. *Дхир Р. П., Цюрупа И. Г.* Подвижность железа и алюминия в почвах высоких поясов Северо-Западных Гималаев.— Почвоведение, 1966, № 10.
38. *Щербина В. А.* Комплексные соединения и перенос химических элементов в зоны гипергенеза.— Геохимия, 1956, № 5.
39. *Горбунов Н. И.* Высокодисперсные минералы и методы их изучения. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
40. *Кауричев И. С., Ноздрунова Е. М.* Образование и миграция воднорастворимых железо-органических соединений в почвах.— В кн.: Тр. конф. почвоведов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
41. *Можейко А. М.* О формировании солонцового горизонта почв Среднего Приднепровья и некоторых приемах их культурного освоения.— Тр. Харьк. СХИ им. В. В. Докучаева, 1960, № 27.

V. P. Zolotun, K. M. Kukhteyeva

PALAEOSOILS AND MORE PRECISE DATING OF ENEOLITHIC — BRONZE AGE BARROWS IN THE UKRAINIAN STEPPES

Summary

Valuable information can be got through studies of temporal changes in morphological, physical and chemical properties of palaeosoils and of specific constructional features of archaeological sites' earth banks. It helps establish a locality from which the earth for the mound was taken, how often and when the mound was augmented with fresh soil, architectural specifics of burials and, what is more important, obtain a clear idea of a palaeogeographic context of the mound. Soil studies are a valuable factual addition to archaeological research.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОНЯТИЙ

В археологической литературе издавна и широко используются такие термины, как «погребальный (похоронный) обряд (ритуал, обрядность)», «погребальные традиции», «погребальные обычаи», «погребальный культ». Конкретное содержание каждого понятия, обозначенного указанными терминами, при этом часто не раскрывается. Более того, в ряде работ перечисленные термины употребляются как синонимы, т. е. подразумевается идентичность их смысловой нагрузки[1]. Например, рассмотрение вопроса, какое же содержание вкладывается различными авторами в базовое археологическое понятие «погребальный обряд», привело к неожиданному выводу: один и тот же термин используется для обозначения понятий, нередко различных по содержанию и объему.

Так, В. Ф. Генинг и В. А. Борзунов отмечают, что «в отличие от этнографии», где под термином «погребальный обряд» понимается сам процесс захоронения, «в археологии имеются в виду лишь конечные результаты той деятельности, которая оказалась овеществленной в остатках сооружений, вещах, положении костей животных, да и остатков скелета» [3, с. 42]. Этому мнению близка и точка зрения В. А. Кореняко [4, с. 54]. Следует отметить излишнюю категоричность, с которой указанные авторы сужают «археологическое» понимание рассматриваемого термина. Практически все археологи, сознающие, что «погребальный обряд в археологии фиксируется сильно усеченным» [3, с. 42], понимают его в более широком смысле, так как даже при первичной обработке материала (полевой отчет) в описание погребений и их интерпретацию вносятся элементы реконструкции, по разным причинам отсутствующие в изучаемом материале.

В. Ф. Генинг и В. А. Борзунов, исходя из своей методики изучения погребальной обрядности, определяют «погребальный обряд в целом» как «определенную статистическую совокупность» [3, с. 44]. Для В. А. Кореняко погребальная обрядность — «сложная развивающаяся система с несколькими уровнями» [5, с. 4]. Авторы «Атеистического словаря» дают следующее определение: «Погребальный культ, погребальные обряды (синонимы?! — *В. О.*) — одна из ранних форм религиозных верований, включающая в себя сложный комплекс представлений» [6, с. 377]. Для Г. С. Лебедева погребальный обряд — система взаимосвязанных признаков [7, с. 24]. Краткое, но интересное определение дается в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона: «Погребальные обычаи обнимают собою все действия по отношению к умершему со стороны людей, ему близких» [8, с. 38]. Почти все вышеперечисленные формулировки в целом верны, но неполны: они либо слишком общи, либо слишком конкретны.

Иногда исследователи, вообще не давая своего определения погребального обряда, тем не менее говорят о его структуре, степени сложности и т. д. А. Д. Грач констатирует, что «древние погребальные памятники необходимо рассматривать именно как комплекс, включающий такие элементы как тип похоронного обряда (? — *В. О.*), конструкции погребальных сооружений и комплекты сопроводительного инвентаря» [9, с. 158]. В. Ф. Генинг и В. А. Борзунов считают, что погребальный обряд «как процесс... может быть расчленен на шесть фаз» [3, с. 44]. По В. А. Алек-

[1] Погребальные обычаи и традиции отождествляют с обрядами также многие социологи и этнографы (например, [1]; подробнее см. [2]).

шину, погребальный обряд состоит из двух компонентов. Первый характеризует ритуальную сторону и включает набор ритуальных действий, происходящих до, во время и после похорон, второй отражает общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего [10, с. 3]. Выделяемые В. А. Алекшиным в погребальном обряде шесть «информационных блоков» — фактически список вопросов, на которые мы можем получить ответы при надлежащем изучении обряда [10, с. 3].

Г. А. Максименков, выделяя в обрядности две группы элементов, полагает, что одна группа характеризует культовую сторону обрядности, а другая позволяет реконструировать семейные и общественные отношения древних этнических групп [11, с. 9].

В. А. Кореняко вычленяет в погребальном обряде два уровня: «идеологический (представления о судьбе умершего и его взаимоотношениях с миром живых) и инструментальный (совокупность действий, связанных со смертью и захоронением)» [4, с. 54; 5, с. 6].

Г. С. Лебедев рассматривает обряд как систему взаимосвязанных признаков четырех классов: способ погребения; вид захоронения, помещения останков; конструкция погребального сооружения; состав и размещение жертвоприношений и погребального инвентаря [7, с. 24]. Он вводит понятие «тип обряда (ритуала)», предлагает простые формулы вычисления относительной сложности ритуала и степени близости типов ритуала [7, с. 24, 25].

В. М. Массон считает погребальным обрядом сочетание инвентаря, способа захоронения и устройства могилы [12, с. 150, рис. 17].

В. Я. Кияшко выделяет в обряде пять основных информационных каналов: стратиграфия погребения, конструкция погребального сооружения, погребальный ритуал (поза и ориентировка умершего, следы огня, краски, подстилок и т. д.), погребальный инвентарь, останки погребенного [13, с. 36]. Следует отметить, что предлагаемая автором трактовка понятий «погребальный ритуал» и «обряд» весьма спорна.

Термин «погребение» анализировался исследователями значительно меньше, очевидно, вследствие кажущейся простоты и ясности содержания. Развернутую трактовку ему дали в специальной статье Н. Б. Леонова и Ю. А. Смирнов [14]. Они пишут, что «исторически погребение есть некоторое достаточно сложное явление, существующее во времени и пространстве», археологически же «погребение есть часть этого явления, которая отражена в материальных остатках и дана нам в момент раскопок» [14, с. 17]. Структурно погребение (погребальный комплекс), по мнению авторов, состоит из трех частей: погребального сооружения, останков погребенного и погребального инвентаря. Каждая часть характеризуется своим набором элементов. Сам же процесс захоронения разбивается авторами на ряд последовательных акций, часть которых археологически не фиксируется [14, с. 18—20].

Приведенная выборка не исчерпывает всех существующих точек зрения на содержание фундаментальных археологических понятий «погребальный обряд» (ритуал) и «погребение». Она позволяет констатировать следующее: 1) отсутствие единого понимания содержания рассматриваемых терминов, их взаимосвязи[2]; трактовка их либо как процесса, либо как явления (факта); 2) понимание погребального обряда как сложной системы — совокупности ряда элементов (фаз, компонентов, уровней, классов, признаков, информационных каналов, частей); 3) недостаточность разработанности проблемы структуры погребального обряда; 4) почти полное отсутствие теоретических разработок вопроса взаимосвязи понятий «погребение» и «погребальный обряд» с понятиями «погребальный культ», «погребальные обычаи и традиции», а иногда и их отождествление.

[2] «Части» погребального комплекса по Н. Б. Леоновой и Ю. А. Смирнову [14] соответствуют структуре погребального обряда по В. М. Массону [12] и т. д.

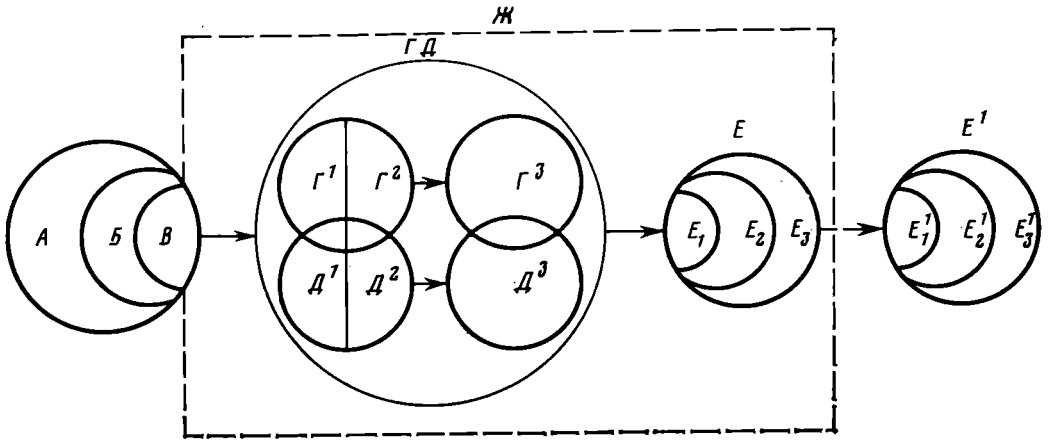


Рис. 1. Соотнесенность понятий, связанных с погребальной практикой. *А* — совокупность идеологических представлений; *Б* — религиозно-мифологическая система; *В* — погребально-поминальные обычаи; *ГД* — погребально-поминальная обрядность; $Г^1Г^2$ — идеологическая сфера погребального обряда; $Г^1$ — семантический уровень; $Г^2$ — процессуальный уровень; $Г^3$ — практическая сфера погребального обряда; $Д^1Д^2$ — идеологическая сфера поминального обряда; $Д^3$ — практическая сфера поминального обряда; *Е* — погребальный памятник ($Е_1$ — погребение; $Е_2$ — погребальный комплекс; $Е_3$ — погребальная группа); $Е^1$ — погребальный памятник — археологический объект; *Ж* — погребальный культ

Основная задача настоящей статьи — дать конкретные определения основным понятиям, связанным с погребальной практикой, установить их соотнесенность, разработать схему структуры погребального обряда. При этом нами использовались некоторые выводы социолога И. В. Суханова, сделанные в ходе изучения современных традиций и обрядности [2, 15].

Возьмем всю совокупность присущих человеческому обществу взглядов и идей, т. е. идеологию (рис. 1). Как известно, идеология (*А*) выступает в формах политических, правовых, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов. Религиозные взгляды, возникшие на определенном этапе развития человечества и позднее оформившиеся в религиозные (религиозно-мифологические) системы (*Б*), без сомнения, оказывали существенное воздействие на различные сферы жизни общества. «Все религии древности,— отмечал Ф. Энгельс,— были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ним» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 19, с. 312). Особую часть, грань любой религиозно-мифологической системы (*Б*) составляют погребально-поминальные обычаи (*В*), тесно связанные со всей системой (*Б*) представлениями о смерти человека и его состоянии после смерти. *Погребально-поминальные обычаи* — это не регламентированные юридическими установлениями способы и нормы обращения с умершим членом общества, своего рода неписаный «свод» погребальных правил и представлений, предписывающих каждому индивиду стиль поведения в конкретной ситуации (ср. [2, с. 4]). Примерами могут служить обычай «прощания» с умершим, обычай отмечать каким-либо образом место захоронения, обычай поминок и т. д. Таким образом, обычаи (в данном случае погребальные) поддерживаются, как правило, не деятельностью законодательных институтов общества, а силой общественного мнения, личных убеждений и привычек [2, с. 15]. В этом заключается основная причина устойчивости, консервативности погребально-поминальных обычаев. Обычаи являются важной частью основы, на которой формируется погребально-поминальный обряд (*ГД*). Обряд — явление более сложное; следует согласиться с мнением некоторых исследователей, выделяющих в обряде два уровня (стороны, сферы) [4; 5; 14], один из которых характеризует религиозно-идеологическое содержание обряда, а другой — практическое воплощение этого содержания. Сразу отметим.

что структуры погребального ($Г$) и поминального ($Д$) обрядов (но не их содержание) идентичны. Они сосуществуют отчасти синхронно и «взаимопроникают» (поминание умершего нередко начинается уже в процессе захоронения), что и отражается термином «погребально-поминальная обрядность». Рассмотрим структуру обряда на примере обряда погребального.

Идеологическая сфера обряда, на наш взгляд, расчленяется на два уровня — «семантический» ($Г^1$) и «процессуальный» ($Г^2$). *Процессуальный уровень погребального обряда* есть система предписаний, регламентирующих процесс захоронения умершего, это перечень действий, которые необходимо осуществить в определенной последовательности в ходе похорон. *Семантический уровень погребального обряда* характеризует не фактическое, а религиозно-идеологическое содержание предписаний процессуального уровня, это религиозно-мифологическая сердцевина обряда в целом. На данном уровне сооружение, например, кольцевого ровика по периметру насыпи воспринималось и трактовалось, возможно, как утверждение границы между миром мертвых и живых и т. д. Тем, кто совершал обряд, значение каждого предписания было ясно вследствие знания ими всей религиозно-мифологической системы, погребальных обычаев. Итак, можно дать следующее определение *идеологической сфере погребального обряда*: это система религиозных представлений, норм и предписаний, регламентирующая процесс захоронения умершего.

Практическая сфера погребального обряда — система символических и реальных действий, осуществляемых при захоронении умершего. Фактически это воплощение религиозно-идеологической сферы обряда, ее норм и предписаний в реальные действия, несущие определенную религиозно-семантическую нагрузку.

Обе сферы обряда — идеологическая и практическая — органически слиты; вместе с тем они обладают своей спецификой и относительной самостоятельностью. С учетом этого приходим к выводу, что *погребальный обряд* есть совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего ($Г^1+Г^2+Г^3$). При этом идеологическая сфера обряда является его содержанием, а практическая — его формой. В идеале форма обряда точно соответствует его содержанию как ряду определенных предписаний. Но следует ожидать, что на практике имели место отклонения от канона из-за объективных и субъективных причин, что подтверждается и археологическими материалами. Форма обряда, таким образом, менее консервативна, чем его содержание. Данное обстоятельство затрудняет реконструкцию идеологической сферы («содержания») обряда.

Вследствие плохого знания нами семантики погребальной практики большинства древних народов все действия погребающих, зафиксированные археологически, обычно относят к числу ритуальных актов. Возможно, так оно и было в действительности; во всяком случае, деление актов ритуала на сугубо «технические» (например, рытье могилы) и сугубо «ритуальные» (совершение погребального пира и т. д.) кажется преждевременным.

Обряды — существеннейшая и яркая форма, способ выражения сути религиозно-мифологических представлений. По словам Ф. Энгельса, «во всех религиях, существовавших до того времени (до появления христианства.— *В. О.*), главным была обрядность» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 19, с. 313). В обряде помимо формы и содержания следует различать функцию (цель). Практическая (реальная) цель погребального обряда — захоронение умершего, избавление общества от умершего посредством реализации определенных предписаний, направленных на создание погребального памятника, а его религиозная (иллюзорная) цель — обеспечение условий для надлежащего перехода умершего (или его «души») в иной мир, сохранение «равновесия» между «тем» и «этим» миром путем совершения ряда определенных операций.

Следует предполагать, что обряд появляется хронологически позже

обычая, так как осуществление обряда логически предполагает существование достаточно развитой системы религиозно-мифологических представлений. Первые обычаи (удаление трупа, экзогамия и т. д.), возможно, имели своей основой биологические инстинкты, а также безусловные и приобретенные в процессе жизнедеятельности рефлексы. Так как обычаи — явление социальное, свойственное только человеческому обществу, возникновение их следует относить, вероятно, к периоду трансформации человеческого стада в родовую общину, по археологической периодизации — к эпохе мустье. Именно этим временем датируются и наиболее ранние захоронения, свидетельствующие о существовании погребальных обычаев и простейшего обряда. Можно предположить, что существенного хронологического разрыва между появлением погребальных обычаев и складыванием обряда не было.

Итак, обряд обычно формируется на основе существующих обычаев и композиционно является строго регламентированной системой действий, выполняемых в соответствии с определенными представлениями и предписаниями. Вошедшие в состав обряда обычаи при этом нередко частично деформируются в соответствии с функцией обряда. Например, прощание с умершим в рамках обряда скифских царских похорон приобретало оттенок прощания с умершим воплощением божества и т. д.

Следует отметить, что на базе одних и тех же обычаев возможно формирование и сосуществование обрядов, более или менее различных по форме, а порой и по содержанию. Причина этого — влияние на формирующийся обряд социального и других факторов (об этом подробнее см. ниже). Так, погребальные обряды скифской знати и рядового населения не были абсолютно одинаковыми; они различались целым рядом деталей при сохранении общности в главном.

В отличие от погребальных обычаев обряд, как правило, складывается и осуществляется не стихийно, о чем свидетельствует его поразительное единство, порой выявляемое при исследовании однокультурных погребальных памятников на большой территории. В классовых обществах нормы погребальной обрядности ($Г^2$) иногда фиксируются письменно [16]; надлежащее выполнение их контролируется религиозными деятелями и учреждениями, поддерживается властью государства или вождя, правовыми институтами и т. д.

Погребальная обрядность, как отмечалось, тесно переплетена с поминальной. *Поминальный обряд* — совокупность символических и реальных действий, совершаемых в соответствии с определенными нормами и представлениями в процессе захоронения и в течение определенного времени после захоронения с пропициально-мемориальной целью. Поминальный обряд, таким образом, как и погребальный обряд, имеет свою практическую и идеологическую сферы («форму» и «содержание»).

Практика показывает, что поминание умершего нередко начинается уже в процессе захоронения (следы погребальной трапезы в насыпях скифских курганов и т. д.). Но чаще погребальные и поминальные обряды разделены во времени, а иногда и в пространстве (поминки могли совершаться не только на месте захоронения конкретного человека).

Выше отмечалось, что функция погребального обряда как совокупности ритуальных и материальных действий реализуется в создании погребального памятника.

Погребальный памятник ($Е$) — конечный продукт, вещественный результат погребального ритуала, специально оформленное место захоронения людей или животных. По степени сложности погребальные памятники делятся на погребения, погребальные комплексы (курганы, мавзолеи), погребальные группы (могильники). Создание погребального памятника — основная практическая, но не единственная цель погребального обряда. В процессе совершения обряда нередко воздвигаются сооружения, используемые затем при поминальных обрядах (жертвенники, алтари, святилища и т. д.). Археологи исследуют, конечно, уже не собственно погребальный памятник ($Е$), а его материальные остатки, сохранившиеся к моменту раскопок ($Е^1$).

Рассмотрим содержание понятия «погребальный памятник». Сразу напомним, что данный термин — не синоним термина «погребальный обряд», это не система норм и не процесс, а его вещественный результат. Из этого следует, что даже самое скрупулезное изучение и реконструкция памятника не гарантируют полной реконструкции ритуала. Реконструкция погребального ритуала есть реконструкция самого процесса и норм, по которым он осуществлялся, а реконструированный погребальный памятник — очень важный, но не исчерпывающий и не единственный источник для такой реконструкции, ибо не все акции погребального ритуала оставляют вещественный след.

Нечеткое различение понятий «погребение» (входящее в понятие «погребальный памятник») и «погребальный обряд» привело к тому, что одни и те же элементы (группы, классы и т. д.) у одних исследователей являлись элементами погребений, а у других — погребальных обрядов. Исходя из того что погребальный памятник — материальный объект, в его структуру, как нам кажется, следует включать элементы, способные оставить материальные следы. Этому условию удовлетворяет большинство рассмотренных выше структур «погребального обряда», которые фактически являются структурами погребения как комплекса элементов. Структурой именно погребального обряда может считаться лишь список акций процесса захоронения, составленный Н. Б. Леоновой и Ю. А. Смирновым [14]. Предложенные В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым «фазы» — компромиссный вариант, объединяющий элементы процесса (обряда) и объекта (погребения). Подобное объединение удобно для статистической обработки материала, но логически неверно. К тому же в практической работе те же авторы использовали только дискретные элементы реальных объектов (погребений), а не процессов [3].

Предлагаемая ниже схема структуры погребального памятника построена на материалах евразийских степных погребений раннего железного века, демонстрирующих развитую обрядность, но она может быть применена при изучении погребальных памятников подавляющего большинства культур разных эпох. При этом мы исходили из того, что схема должна быть всеобъемлющей, иметь структуру, удобную для изучения не только погребального памятника, но и погребального ритуала и годную к использованию в качестве кода при машинной обработке материала.

Представим погребальный памятник в виде совокупности групп элементов (всего семь), расположив их по трем уровням: погребения, погребального комплекса и погребальной группы. Следует подчеркнуть, что все три термина обозначают, во-первых, материальные объекты, во-вторых, объекты структурно сложные[3], в-третьих, объекты, различающиеся степенью сложности, но структурно взаимосвязанные. Так, первый термин используется при анализе собственно погребения, взятого вне его связей, второй характеризует погребение или их группу, перекрытую курганной насыпью или иным намогильным сооружением, третий применяется при исследовании взаимосвязей погребений или погребальных комплексов в рамках целых могильников, курганных и бескурганных (табл. 1).

Первый уровень — уровень погребения — включает три группы элементов: I — погребальное сооружение; II — останки погребенного; III — погребальный инвентарь. Напомним, что погребение — это специально оформленное реальное или символическое место захоронения человека или животного. Для признания погребального памятника именно погребением необходимо наличие как минимум двух из трех групп элементов. Сочетание групп I+II дает безынвентарное погребение, I+III — кенотаф. Наличие только погребального сооружения (I) не дает твердой уверенности в том, что перед нами кенотаф; это может быть либо неоконченное погребальное сооружение, либо сооружение жертвенное. Наличие только инвентаря (III) свидетельствует о том, что мы имеем дело с кладом, жертвенным комплексом или случайной находкой. Находимые иног-

[3] Все они являются комплексами, поэтому термин «погребальный комплекс» не особенно удачен, но замена его на «курганный комплекс» не совсем корректна (см. ниже).

Таблица 1

Уровень сложности памятника			Группа, №	Группы элементов погребального памятника
Погребальная группа	Погребальный комплекс	Погребение	I	Погребальное сооружение
			II	Останки погребенного
			III	Погребальный инвентарь
			IV	Намогильное сооружение и следы ритуальных действий
			V	Подкурганные сооружения и следы ритуальных действий
			VI	Внекурганные сооружения и следы ритуальных действий
			VII	Метаструктура погребального комплекса

да останки погибших, но не погребенных людей (грабители, рудокопы и т. д.) считать элементом погребального памятника нельзя.

Второй уровень — уровень погребального комплекса. Помимо перечисленных он включает еще три группы элементов: IV — намогильное сооружение и следы ритуальных действий (насыпь и ее структура и т. д.), V — подкурганные сооружения и следы ритуальных действий (жертвенные ямы, дорожки, следы тризны и т. д.), VI — внекурганные сооружения и следы ритуальных действий (рвы, валы и др.).

Погребальные памятники не всегда четко разделяются по указанным двум уровням. Хотя первые три группы элементов соответствуют подавляющему большинству бескурганных погребений, к ним могут присоединяться и другие группы (VI — каменные кольца вокруг грунтовых могил и т. д.). Естественно, далеко не все погребальные памятники обладают полным набором групп элементов; при их характеристике отсутствующие группы опускаются, но общая нумерация и структура групп сохраняются.

И наконец, третий уровень — уровень погребальной группы — помимо перечисленных включает группу элементов метаструктуры погребального комплекса (VII), характеризующих целую курганную группу или грунтовой могильник (топография погребений или курганов, наличие святилища и т. д.) [4].

Практическая взаимосвязь реального объекта (погребальный памятник) с реконструируемым процессом (погребально-поминальным обрядом) [5] представлена на рис. 2.

Из нее явствует: 1) достоверная реконструкция ритуала возможна только на основе правильной реконструкции погребального памятника; 2) полная реконструкция ритуала на основе только погребальных памятников невозможна. При изучении погребального памятника практическая сфера погребального обряда ($Г^3$) сравнительно легко поддается реконструкции, так как большинство акций ритуала находит прямую реализацию в памятнике; однако и здесь вполне возможны пробелы. Реконструкция же идеологической сферы обряда ($Г^1Г^2$) значительно более сложна, ибо не все нормы обряда оставляют вещественый след в памятнике. К тому же религиозная значимость каждого предписания проявляется в погребальном памятнике не прямо, а опосредствованно, т. е. ее можно выявить при анализе не столько самого памятника, сколько реконструированной практической сферы обряда с привлечением данных пись-

[4] Для каждой из восьми групп разработан свой набор элементов, построенный по иерархическому принципу; в целом схема с полным набором элементов использовалась при изучении погребальных памятников скифов.

[5] Элементы и акции даются выборочно.

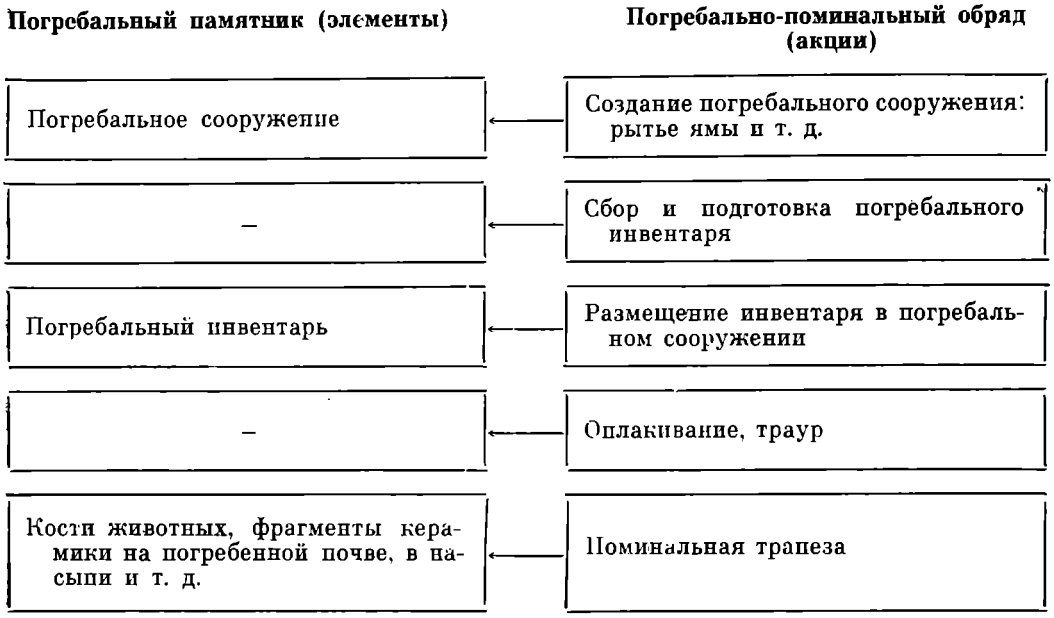


Рис. 2. Отражение акций погребально-поминального обряда в элементах погребального памятника

менных источников, сведений о религиозно-мифологической системе изучаемого общества, смысловых параллелей и аналогий, если возможно, и этнографических данных. Но и при этих условиях полная реконструкция обряда возможна лишь в редких случаях (если имеется исчерпывающий набор разнообразных источников.).

Какова же связь рассмотренных понятий (погребальный обычай, обряд, памятник) с понятием «погребальный культ»?

Так как религиозный культ — вид религиозной деятельности, практически-духовного освоения мира [6, с. 246], то *погребальный культ* — это исторически сложившаяся система религиозных отношений, проявляющаяся в форме почитания реальных или иллюзорных объектов, связанных с представлением о смерти человека и его состоянии после смерти. Религиозный (иллюзорный) смысл погребального культа — регулирование отношений живых с «потусторонним миром», умилостивление душ умерших и хтонических божеств, ликвидация возможной угрозы со стороны «мира мертвых» [6]. Таким образом, погребальный культ относится к числу пропициальных (умилостивительных) культов, а его объектом, следовательно, являются сверхъестественные существа загробного мира (души, боги и т. д.), нередко персонифицированные в реальных предметах (изваяние, реликвия и др.).

Рассмотрев представленную выше цепочку понятий, связанных с погребальной практикой (рис. 1), и исходя из данного выше определения погребального культа, находим, что погребальный культ (*Ж*) в структурном отношении представляет собой органическую совокупность погребальных обычаев, погребально-поминальной обрядности и погребального памятника ($Ж = В + ГД + Е$). Погребальный памятник как археологический объект ($Е^1$) в структуру погребального культа, естественно, не входит вследствие выпадения за этнохронологические рамки бытования культа.

Итак, погребальный культ — это единство идеологических представлений и религиозных норм ($В$, $Г^1Г^2$, $Д^1Д^2$), практической деятельности ($Г^3Д^3$) и материальных объектов ($Е$). Среди материальных объектов можно выделить средства погребального культа, часть которых связана с погребальным памятником ($Е$) (жертвенники, святилища и др.), а часть находится вне его (реликвии и т. д.), а в погребально-поминальной

[6] Многочисленные подтверждения этому дают письменные источники и данные этнографии [17, с. 184, 185, 194, 195, 203, 205, 227 сл.].

обрядности — способы культовой практики (жертвоприношение, моление, оплакивание, тризна и др.).

Погребальный культ, как и любой культ, бытует в рамках определенной религиозной группы (род, племя и т. д.), а практически осуществляется религиозным лидером (шаман, жрец либо лицо, их заменяющее) и массой верующих [6, с. 246].

Необходимо отметить связь погребального культа с культом предков, особенно заметную в сфере поминальной обрядности. Но погребально-поминальные обряды, конечно, не исчерпывают содержания культа предков.

Погребально-поминальные обряды (ритуалы) — весьма важный элемент погребального культа. Необходимо учитывать, что осуществлялись они, как правило, группой людей. Соответствуя эстетическим нормам данного общества, они вызывали и соответствующий эмоциональный отклик.

Как соотносятся понятия «обычай», «обряд», «культ» с понятием «традиция»? Единой трактовки указанного понятия нет. Наиболее верной кажется следующая: *традиция* (содержание традиции) есть совокупность материальных и духовных элементов социально-культурного наследия, передающаяся от поколения к поколению в течение длительного времени, а также одновременно и процесс передачи этого наследия. Содержание традиции проявляется в форме обычаев, обрядов, идей, навыков, реликвий и т. д. Таким образом, погребально-поминальные обычаи, обряды, памятники, погребальный культ в целом являются формами проявления погребальных-поминальных традиций. Вместе с тем формой проявления традиции является не всякий, а только устойчивый, повторяющийся в течение определенного времени в ряде памятников элемент погребального культа (обычно тип погребального и намогильного сооружения, набор инвентаря и др.). Уникальные, не имеющие аналогий в данной этнокультурной среде элементы культа считаться элементом местной традиции не могут.

Традиция как процесс передачи социально-культурного наследия может осуществляться четырьмя способами: имитационным (подражательным), наглядным (монументальным), устным и письменным. Значение каждого способа определяется уровнем развития конкретного общества.

В литературе неоднократно отмечался консерватизм погребальной обрядности [18, с. 133 сл.]. Для обществ бесписьменного периода этот вывод делался только на основании изучения массы схожих погребальных памятников. Данные этнографии в общем не противоречат этому выводу, но дают и многочисленные примеры поливариантности различных акций обряда в рамках одной этнической общности [12, с. 152]. Подобная поливариантность нередко фиксируется и археологически как в рамках одной археологической культуры, так и отдельной погребальной группы (могильника). Таким образом, можно говорить лишь об относительной консервативности погребально-поминальной обрядности, в первую очередь ее религиозно-идеологической сферы, в меньшей степени — сферы практической (формы).

Существование и эволюция обрядности определяются воздействием ряда субъективных и объективных факторов[7], влияющих либо непосредственно на обряд (*ГД*) и его результат — погребальный памятник (*Е*), либо на его основу — погребальные обычаи (*В*), религиозно-мифологическую систему (*Б*). Кратко рассмотрим эти факторы.

Под экономическим фактором подразумевается зависимость обряда от общего уровня экономического развития общества и типа хозяйства (оседлое, кочевое). Изменение состояния экономики (расцвет, упадок) вызывает соответствующие изменения в обрядности (упрощение, усложнение — изменение формы; трансформацию — изменение и формы, и содержания) вследствие изменения экономических возможностей общества.

---

[7] В. А. Кореняко выделяет несколько подобных факторов, именуя их сферами (факторами) отражения [4, с. 54, 55; 5, с. 6, 7].

Экологический фактор отражает зависимость обряда от условий среды обитания этнической общности, прежде всего от ландшафта и климата. При изменении зоны обитания (например, при переселении из лесостепи в степь) следует ожидать и некоторых изменений в обрядности, отражающихся в погребальных памятниках.

Очень важен фактор общего религиозно-мифологического фона. Религиозно-мифологическая система оказывает большое влияние на обрядность, так как содержит коренные концепции любой религии и мифологии — о месте и роли человека в «этом» и «потустороннем» мирах и о возможных путях перехода в «тот» мир. Так, догмат о святости земли и невозможности ее осквернения захоронением человеческого тела приводит к поиску соответствующих форм и способов избавления от трупа (кремирование; возможно «воздушное» захоронение — на дереве, столбах, «водное» — на лодке, плоту и т. д.). Изменение же религиозной системы в прежних этнических рамках неизбежно приводит к резкому изменению обрядности (классический пример — переход от язычества к христианству).

Под этнотрадиционным фактором понимается совокупность погребальных обычаев ($В$), формирующихся под воздействием как религиозно-мифологической системы ($Б$), так и всей суммы идеологических и социальных отношений. О прямой связи погребальных обычаев и обрядности говорилось выше. Необходимо еще раз подчеркнуть, что погребальные обычаи ($В$) и религиозно-мифологическая система ($Б$) — наиболее консервативные, инертные по своей природе факторы. Консервативность обряда во многом объясняется именно этим.

Физиологический (биологический) фактор фиксирует зависимость обряда от пола и возраста погребаемого. Его воздействие хорошо прослеживается в обрядах практически всех времен и народов, в погребениях представителей как одной, так и различных социальных групп. Особенно велика его роль в обрядах ранних слабостратифицированных обществ.

Фактор индивидуальности подчеркивает возможную зависимость обрядности от личных качеств умершего, его авторитета среди соплеменников (независимо от социального положения), а также от рода его занятий. Так, отличавшихся храбростью или мудростью членов коллектива погребали, возможно, с большей пышностью, чем прочих членов их социальной группы. Внутри же одной социальной группы (например, рядовых общинников) ремесленника-гончара, вероятно, хоронили несколько иначе, чем оружейника (различия в инвентаре и др.); при этом, возможно, учитывался уровень их профессионального мастерства.

Социальный фактор учитывает влияние на обрядность социального положения и социальных связей умершего (вождь — рядовой, жена — муж, родители — ребенок и т. д.). Его влияние особенно заметно в погребальных обрядах раннеклассовых и классовых обществ, т. е. обществ с определившейся социальной структурой [8].

Фактор обстоятельств смерти подчеркивает зависимость погребального ритуала от условий и места смерти погребаемого. Так, если тело умершего по какой-либо причине отсутствовало, устраивался кенотаф и т. д.

Фактор внешних влияний предполагает возможность привнесения в обрядность новых черт в результате заимствования или этнического смешения.

Существование и действенность последних пяти факторов убедительно подтверждают этнографические данные [19, 20]. Вопрос, какой из перечисленных факторов оказывал наибольшее воздействие на погребальную обрядность, видимо, решается неоднозначно. В археологической литературе весьма популярна точка зрения о решающей роли социального фактора [11, с. 9; 12, с. 152, 159 и др.] (о критическом подходе к данному мнению см [21, с. 30—33]). Есть мнение, что «социальными факторами мы должны объяснять все многообразие погребальных обрядов,

[8] В содержание понятия «социальный фактор» нередко включаются характеристики фактора физиологического, что вряд ли верно.

представленных в одном могильнике, который оставлен единым по культуре населением, все погребения которого относятся к сравнительно небольшому хронологическому периоду, в материале которого нет достоверных следов прихода нового населения. В силу этих условий исчезают и все основания для объяснения различных вариантов обряда эволюцией религиозных верований» [22, с. 50]. Подобная «монофакторность» кажется излишне категоричной. Наиболее вероятно комплексное воздействие на обрядность нескольких факторов одновременно, причем для каждой этнической общности (культуры) набор факторов и степень их значимости будут свойственны, как правило, только данной этнической общности. Несомненна существенная, если не преобладающая, роль физиологического и социального факторов, результаты воздействия которых на обрядность, по мнению многих исследователей, очевидны и легко «читаемы»; вследствие этого они чаще других подвергаются анализу, в том числе с использованием формализованных методов [9; 22—25 и др.]. Результативность воздействия большинства прочих факторов выявить значительно сложнее; в случае отсутствия письменных источников и близких этнографических параллелей она всегда будет гипотетичной.

Не исключено, что идентичные элементы обрядности в разной этноисторической обстановке могут являться результатом воздействия различных факторов.

Следует еще раз подчеркнуть, что перечисленные факторы воздействуют не только на погребально-поминальную обрядность, но и на ее идеологическую основу, вызывая соответствующие изменения в погребальных памятниках. Конечным результатом этого воздействия является более или менее значительная трансформация погребального культа в целом.

Предложенные выше трактовки понятий, связанных с погребальной практикой, как нам представляется, не являются сугубо «археологическими», отличными от «исторических» или «этнографических», так как их можно применить в любой отрасли истории и социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левкович В. П.* Обычай и ритуал как общественные явления. Автореф. канд. дис. М.: Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР, 1970.
2. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973.
3. *Генинг В. Ф., Борзунов В. А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда.— ВАУ, 1975, вып. 13.
4. *Кореняко В. А.* Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений.— Изв. СКНЦВШ, 1976, № 1 (13).
5. *Кореняко В. А.* Погребальная обрядность как система.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
6. Атеистический словарь. М.: Политиздат, 1983.
7. *Лебедев Г. С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции.— КСИА, 1977, вып. 148.
8. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1898.
9. *Грач А. Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии),— В кн.: Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975.
10. *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник.— КСИА, 1980, вып. 167.
11. *Максименков Г. А.* Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974.
12. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
13. *Кияшко В. Я.* Вопросы методики исследования курганных погребений эпохи энеолита и бронзового века в степном Причерноморье.— В кн.: Очерки древней этнической и экологической истории Нижнего Дона. Ростов н/Д, 1980.
14. *Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.* Погребение как объект формального анализа.— КСИА, 1977, вып. 148.
15. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976.
16. *Терехова Н. Н.* Погребальные конструкции эпохи Хань.— СА, 1959, № 3.
17. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.
18. *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— Уч. зап. ЛГУ, 1949. Сер. 13. История.
19. *Binford L. S.* Mortuary Practics: Their Study and Their Potential.— Mem. Soc. Amer. Archaeol., 1971, № 25 (ссылка дается по [12, с. 151]).

20. *Марковин В. И.* К изучению погребальных обрядов и ритуалов эпохи палеометалла (по материалам древних памятников Кавказа).— В кн.: Конференция: Идеологические представления древнейших обществ. Тез. докл. М., 1980.
21. *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения).— В кн.: Конференция: Идеологические представления древнейших обществ. Тез. докл. М., 1980.
22. *Алекшин В. А.* К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда (на материалах древнеземледельческих культур).— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
23. *Бунятян Е. П.* Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников.— В кн.: Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
24. *Алекшин В. А.* К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников).— В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1975.
25. *Добролюбский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда.— В кн.: Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.

V. S. Olkhovsky

BURIAL RITES IN THE SYSTEM OF RELATED NOTIONS

Summary

The article analyses the key archaeological notions connected with the study of burial rites of early societies: the burial, the burial rite, the burial customs, the burial traditions, the burial cult and the burial monument. It provides an extended definitions of the above-mentioned notions and establishes their interconnection. The article also offers a scheme of a burial monument.

О. А. ГЕЙ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Проблема происхождения и этнической интерпретации черняховской культуры до сих пор остается остро дискуссионной. В последнее время самое пристальное внимание исследователей привлекает северопричерноморская зона этой культуры [1—5]. Выдвигаются различные гипотезы по вопросу о том, с чем было связано здесь ее возникновение. По мнению Э. А. Сымоновича, одного из первых археологов, обратившихся к изучению южных памятников, черняховское население Северного Причерноморья мигрировало из областей Среднего Поднепровья во II в. н. э., т. е. до вторжения готских племен. При этом предполагается, что пришлое черняховское население мирно сосуществовало и контактировало с жителями позднескифских городищ в течение двух с половиной веков [6, с. 234—236; 7, с. 63—65].

Б. В. Магомедов также относит начальную стадию формирования черняховской культуры в Северном Причерноморье к концу II в. н. э., но, в отличие от Э. А. Сымоновича, основными участниками этого процесса он считает местные, сильно эллинизированные скифо-сарматские племена [2, с. 73; 5, с. 139].

Определение времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье, как и момента прекращения существования скифо-сарматских памятников в этой зоне важно для правильной реконструкции хода исторических событий. Поэтому необходимо еще раз специально обратиться к данному вопросу.

В течение последних лет в разработке методики хронологических исследований достигнуты значительные результаты. От определения времени существования культуры в целом по вещам, дающим крайние — верхнюю и нижнюю — даты, сделан шаг к разработке хронологии памятников на основе метода «узких датировок» [8, с. 5, 6]. Источником при этом служат главным образом закрытые комплексы, среди которых наиболее типичными являются погребения. Вот почему материалы могильников чаще и успешнее всего привлекаются для датирования. Ясно, что ни случайные, ни депаспортизованные находки, ни разрозненные комплексы не могут служить источником при определении хронологии.

Спорным остается в этом отношении вопрос о материалах поселений. Поскольку время бытования вещи не всегда может совпадать со временем ее попадания в культурный слой, то датировать поселение на основании нескольких находок из его слоя (и тем более на основании подъемного материала) рискованно. Вместе с тем в некоторых случаях находки in situ в очагах, жилищах, хозяйственных ямах входят в состав закрытых комплексов. Однако большинство неукрепленных поселений римского времени дает слишком бедный и невыразительный материал, к тому же часто недостаточно полно освещенный в публикациях и полевых отчетах, что создает дополнительные трудности в построении хронологии памятника на основании соотношения комплексов и вещей в них. Некоторые исследователи поэтому вообще отказываются от привлечения материалов поселений для датирования [9, с. 105].

В результате все усиливающегося стремления к более критическому подходу к археологическим источникам в числе материалов, пригодных

для определения хронологии, остаются в основном погребальные памятники. Такое ограничение источниковедческой базы имеет некоторые отрицательные стороны, на которые хотелось бы обратить внимание.

Прежде всего, не стоит забывать о самом характере погребальных памятников. Могильник, как правило, начинал функционировать несколько позднее, чем соответствующее ему поселение, а прекращал существовать раньше него. Это чисто теоретическое положение находит подтверждение на практике: археологические источники фиксируют некоторую асинхронность поселения и могильника у сел Журавка и Викторовка.

Набор инвентаря, который попадал в погребения, не соответствует в полной мере тем вещам, которыми жители черняховских поселений пользовались в быту. Видимо, некоторые разновидности утвари, орудий труда по обычаю не полагалось помещать в могилу рядом с усопшим.

Кроме того, датирующие вещи в большинстве случаев происходят из трупоположений с северной ориентацией. Трупоположения с западной ориентацией, как правило, содержат незначительное число вещей и часто безынвентарны. Инвентарь трупосожжений испорчен огнем и поломан, что ограничивает возможность привлечения его в качестве источника для датирования.

Закономерности в расположении погребений, совершенных по обряду ингумации и кремации, прослеженные на отдельных могильниках, свидетельствуют о возможности некоторой хронологической разницы между этими двумя погребальными обрядами. Так, в Маслове трупосожжения сосредоточены в центре, а трупоположения — на периферии. Вероятность возникновения обряда ингумации в ряде случаев на более позднем этапе давно отмечалась исследователями.

Существуют и такие объективные трудности, как узость круга датирующих вещей, отсутствие разработок по относительной хронологии керамики и др.

Все это заставляет по мере возможности привлекать для датирования кроме закрытых погребальных комплексов также материалы поселений.

В настоящее время в Северном Причерноморье, от низовьев Днепра на востоке до Подунавья на западе, исследовано достаточно много интересных памятников черняховского времени, дающих полноценный материал для датировок.

В Нижнем Поднепровье расположены два могильника: Гавриловка и Каменка. Последний, видимо, принадлежит к более раннему времени. Погребения 39, 40, 89 содержат фрагменты узкогорлых амфор, видимо «инкерманского типа», и обломки краснолакового кувшина III—IV вв. н. э. [10, с. 283; 11, с. 47—79]. В погр. 6 с трупоположением обнаружены две брозовые прогнутые подвязные фибулы варианта 2, которые А. К. Амброз датирует IV в. н. э. [10, с. 289, рис. 8, *2*, *3*; 12, с. 64]. Таким образом, в целом могильник можно отнести к III—IV вв. н. э., однако данных для более точного определения его нижней хронологической границы недостаточно.

Хронология могильника Гавриловка (у овчарни совхоза «Приднепровский») первоначально была определена автором раскопок Э. А. Сымоновичем, который отнес памятник к III—V вв. н. э. [13, с. 237]. Большинство датирующих вещей могильника бытовало в IV в. н. э. Это бронзовые прогнутые подвязные фибулы вариантов 2 и 3, двупластинчатые фибулы, воинские фибулы с ромбической ножкой, костяные трехчастные гребни с полукруглым выступом на спинке, стеклянные конические кубки [10, с. 298; 14, табл. IX, XIII—XIV].

Отдельные комплексы относятся к еще более позднему времени. Так, в погр. 5 были обнаружены: крупная бронзовая прогнутая подвязная фибула варианта 4, гребень с полукруглым выступом на спинке, стеклянный конический кубок с прошлифованными овалами [10, с. 303]. Вещи датируются концом IV — началом V в. н. э. [12, с. 64, 65, 70, 71; 14, с. 110; 15; 17]. Предположительно к III в. н. э. можно отнести лишь фрагменты полусферических кубков из погр. 68 и 82 [13, с. 237; 16, с. 180]. По-видимому, следует согласиться с выводом М. Б. Щукина

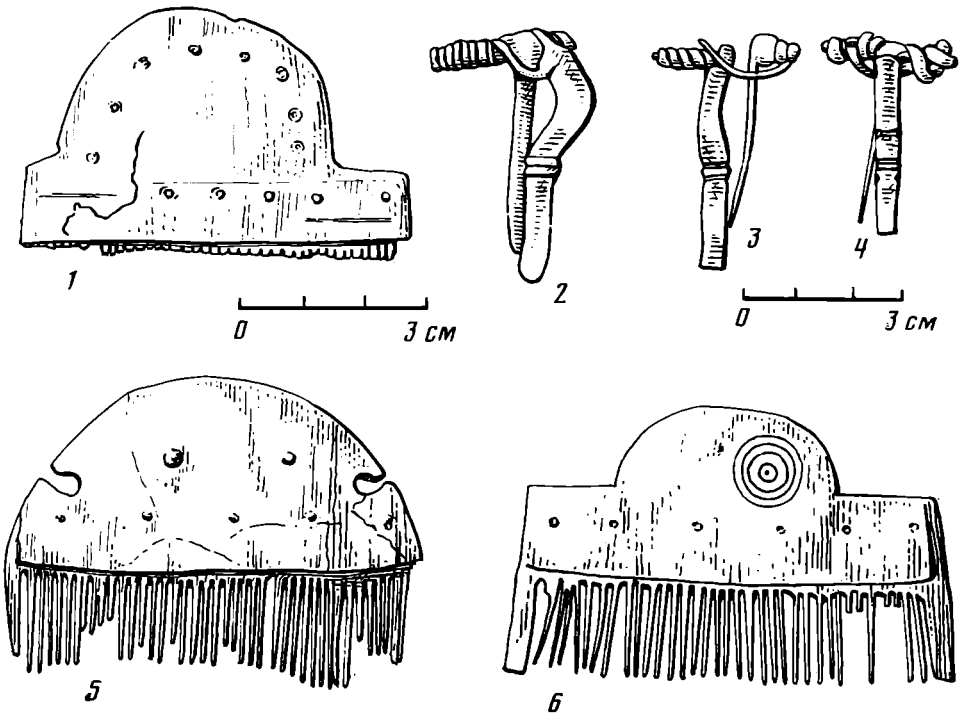


Рис. 1. Коблевский могильник. Датирующие материалы. *1* — погр. 46; *2* — погр. 57; *3* — погр. 28; *4* — погр. 17; *5* — погр. 26; *6* — погр. 21

о том, что основной период существования могильника у с. Гавриловка ограничивается IV в. н. э. [8, с. 8; 17, с. 62].

В низовьях Южного Буга расположены три крупных, хорошо изученных могильника: Колбево, Ранжевое, Каборга.

Из 58 коблевских погребений только 6 дают надежные датирующие материалы. В погр. 17, 28, 57 обнаружены прогнутые подвязные фибулы варианта 3, датирующиеся в основном IV в. н. э. [18, с. 78, 82, 92, рис. 8, *12*, рис. 12, *1*; 12, с. 67]. Погребения 21 и 46 содержали костяные многочастные гребни 1-го варианта III типа с полукруглым выступом на спинке, время бытования которых охватывает IV — начало V в. [14, с. 110]. В погр. 26 найден гребень I типа, относящийся к более раннему времени — III—IV вв. н. э. [14, с. 120; 18, с. 81, рис. 3, *2*].

Фрагменты тонкостенного кубка с прошлифованными овалами из прозрачного желтовато-зеленого стекла, обнаруженные в погр. 25, не дают возможности восстановить полную форму сосуда. Профиль сохранившейся части и форма овалов позволяют отнести его к стаканообразным кубкам — группе VI, по классификации Э. А. Сымоновича. Датируются подобные сосуды суммарно II—IV вв. н. э. [16, с. 180, 181]. В целом можно сказать, что нижняя дата Коблевского могильника отчетливо не улавливается. Большинство имеющихся данных свидетельствует о существовании его в IV в. н. э., хотя не исключен и III в. н. э. (рис. 1).

В Ранжевом раскопано пять погребений, которые содержат хорошо датированные вещи.

Погребение 21 Ранжевого находится несколько в стороне от остальных захоронений могильника. Инвентарь его составляют лепные сосуды, в том числе горшок с краем в виде раструба, аналогичный керамике с поселения Молога, обломки красноглиняного гончарного кувшина, две бусины. В могиле не обнаружено ни одной вещи, которую можно было бы связывать именно с черняховской культурой, отсутствует характерная гончарная керамика (рис. 2, *2—8*). Дату определяют две бронзовые фибулы: лучковая I серии, варианта 2, по классификации А. К. Амброза, и варианта 2 «лебяжьинской» серии [12, с. 48, 49, 56; 18, с. 110]. Обе они бытовали в основном в I в. н. э. (рис. 3, *3*, *4*). Все остальные захоронения совершены значительно позднее. Подобный хронологический

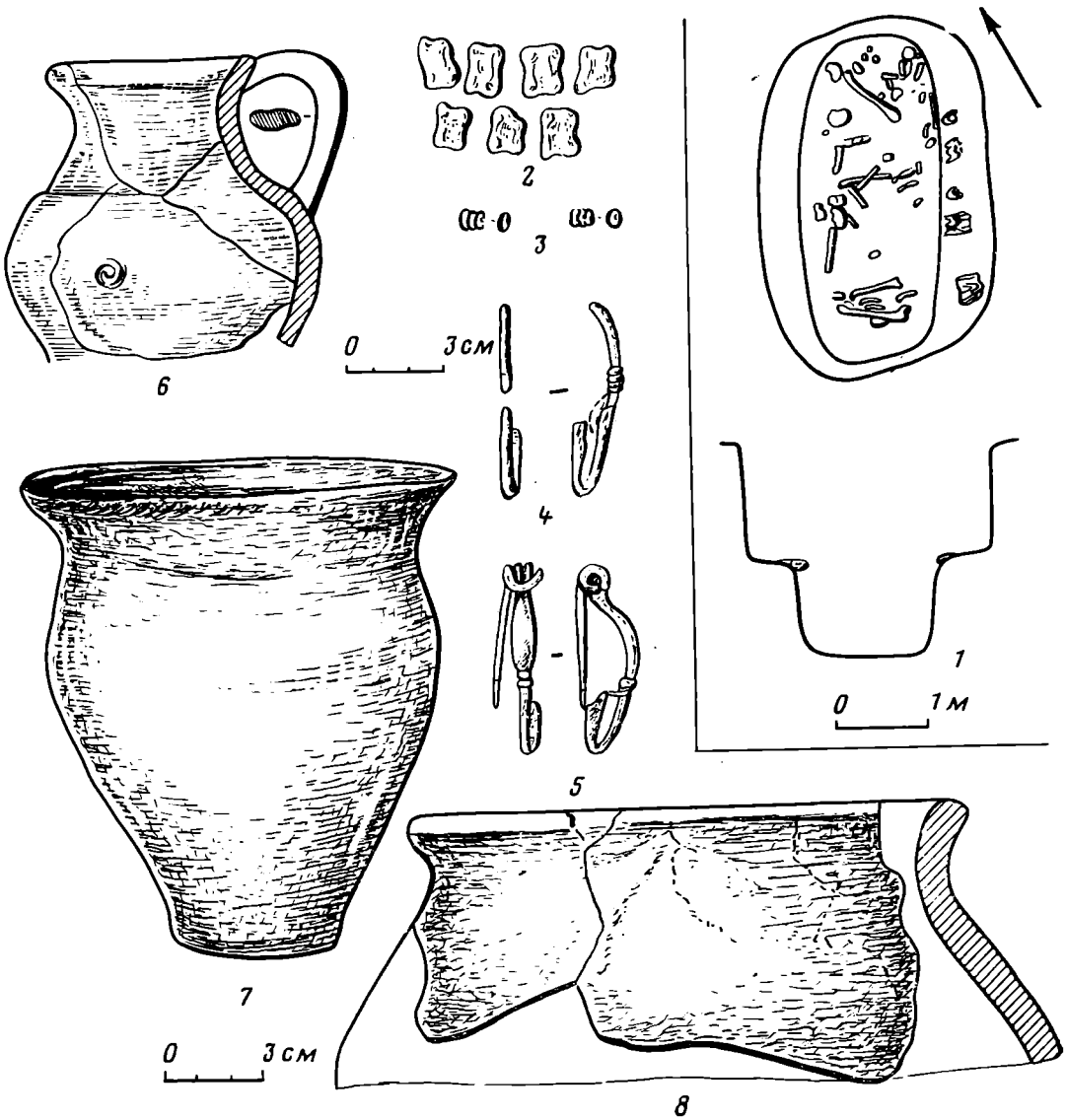


Рис. 2. Ранжевский могильник. Погребение 21

разрыв свидетельствует, видимо, о том, что у с. Ранжевое существовали два некрополя: один — черняховский, второй — скифо-сарматский, более раннего времени. Этой точки зрения придерживался и автор раскопок, Э. А. Сымонович [18, с. 110]. Таким образом, погр. 21 Ранжевого нельзя относить к черняховской культуре.

В погр. 14 обнаружены две двупластинчатые фибулы в сочетании с толстостенным коническим кубком с прошлифованными овалами [18, с. 106—109] (рис. 3, *1*, *2*). Эти находки указывают на IV в. н. э. [12, с. 83; 16, с. 181, 182]. Стеклянные кубки конической формы того же времени обнаружены еще в двух погребениях (рис. 3, *5*, *6*) [18, с. 106—110]. В погр. 8 найден костяной многочастный гребень с полукруглым выступом на спинке [18, с. 97], который также датируется IV — началом V в. н. э.

На могильнике Городок, расположенном в низовьях Южного Буга, исследовано всего девять захоронений. Лишь одно из них (погр. 3) содержало полноценный датирующий материал: три «воинские» фибулы, бытовавшие в IV в. н. э., а также костяной многочастный гребень III—IV вв. н. э. [19, с. 108, 114, рис. 2, *6—8*, *11*].

В могильнике Викторовка только четыре могилы дали датирующий материал (рис. 4). В погр. 1 обаружена амфора «инкерманского» типа, датирующаяся III—IV вв. н. э. В погр. 5 комплекс инвентаря включал

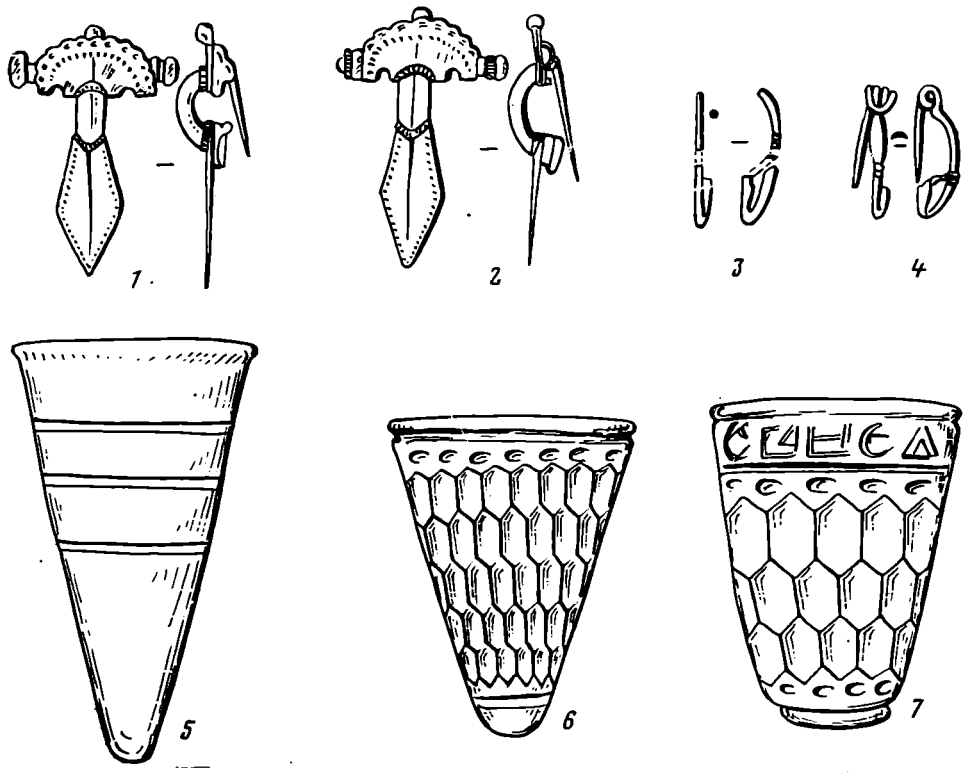


Рис. 3. Ранжевский могильник. Датирующие материалы. *1*, *2*, *7* — погр. 14; *3*, *4* — погр. 21; *5* — погр. 18; *6* — погр. 12

две бронзовые прогнутые подвязные фибулы с узкой и жаловидной ножкой, а также амфору «инкерманского» типа [6, рис. 5, рис. 6, *1*, *2*]. Обе фибулы бытовали на протяжении IV в. н. э. [12, с. 64, 69]. Этим временем датируется и погребение в целом. В погр. 6 были найдены две бронзовые прогнутые подвязные фибулы IV в. н. э. [6, рис. 6, *3*, *4*; 12. с. 63, 64]. В погр. 13 обнаружена бронзовая «воинская» фибула с узкой ножкой [6, рис. 6, *5*]. Подобные фибулы бытовали большей частью в IV в. н. э. Таким образом, могильник у с. Викторовка функционировал примерно в то же время, что и Коблево, т. е. в основном в IV в. н. э.

Поселение Викторовка II дает несколько более ранний материал, чем соответствующий ему могильник. Основанием для датировки служат фрагменты краснолаковых блюд I—IV и III—IV вв. н. э., обломки узкогорлых светлоглиняных амфор III в. н. э., часть плиты с греческой надписью III в. н. э. Автор раскопок М. Ф. Болтенко склонялся к мысли о «датировке поселения временем после падения Ольвии в середине III в. н. э.» [20, с. 180]. По-видимому, следует принять эту дату, учитывая, что могильник, соответствующий Викторовскому поселению, возникает не ранее конца III в. н. э.

Могильник Каборга дает более ранние по сравнению с Ранжевым, Коблевым и Викторовкой материалы. К комплексам, которые можно уверенно датировать III в. н. э., принадлежат погр. 9 и 21 [21, с. 39, 46]. Время, когда было совершено захоронение 21, определяют бронзовая прогнутая подвязная фибула варианта 1 и костяной многочастный гребень с полукруглой спинкой [21, с. 46]. Датировка фибулы — конец II—III в. н. э. [12, с. 62, 63]. Гребни указанного типа распространяются с начала III в. н. э. и бытуют до конца IV в. н. э. [14, с. 120] (рис. 5). Уточнить дату погребения позволяют разнообразные стеклянные бусы, входившие в состав инвентаря [1]. Призматические бусы со срезанными углами, прозрачные пурпурного и синего цвета, а также прозрачные красно-коричневые (типы 128, 134, по Е. М. Алексеевой) бытовали на протяжении I—IV вв., причем особенно популярны были во

[1] Бусы определены Ю. А. Лихтер. Приносим ей благодарность за любезно предоставленную информацию.

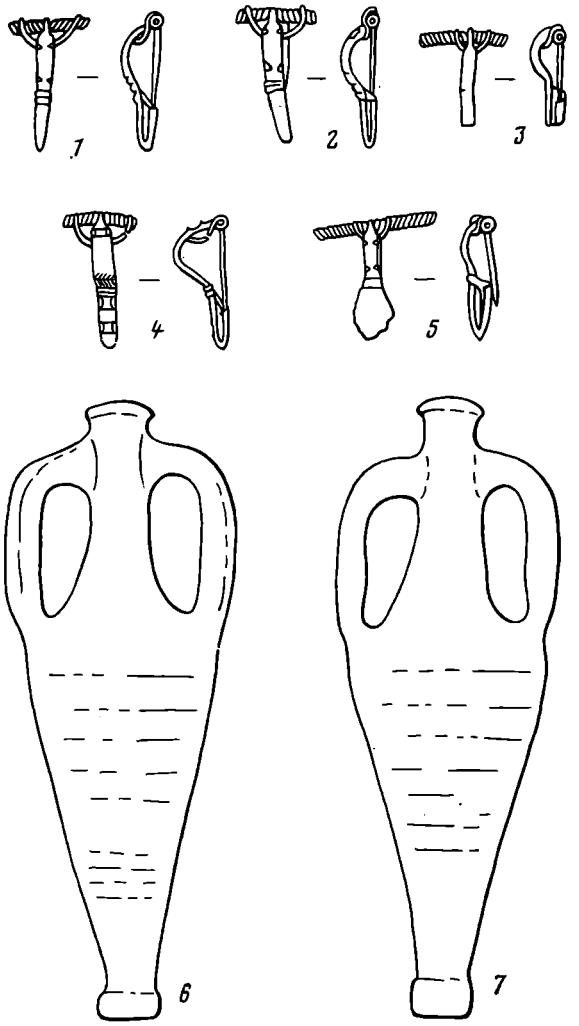


Рис. 4. Викторовский могильник. Датирующие материалы. *1*, *2* — погр. 6; *3* — погр. 13; *4*—*6* — погр. 5; *7* — погр. 1

II — первой половине III в. н. э. Ко II—III вв. н. э. относятся цилиндрические непрозрачные пурпурная и красно-коричневая, плоская яйцевидная биусеченная прозрачная красно-коричневая (тип 171), зонная красно-коричневая непрозрачная (тип 3) бусы. Зонные полупрозрачные бусы бирюзового цвета (тип 13) распространены были в основном в III—IV вв. н. э. [22, с. 63, 64, 70, 73]. Исходя из этих данных, можно полагать, что наиболее вероятной датой погр. 21 была середина III в. н. э.

В погр. 9 обнаружена двучленная лучковая фибула с фацетированной спинкой [21, с. 39], которая также указывает на III в. н. э. [12, с. 49—52]. Кроме того, в могиле находилось несколько бусин: 1) стеклянная призматическая (14-гранная), со срезанными углами, прозрачная желто-зеленого цвета (тип 131, II—IV вв. н. э.); 2) стеклянная плоская, круглая биусеченная прозрачная бирюзового цвета (тип 84, II—III вв. н. э.); 3) стеклянная биконическая непрозрачная красно-коричневая (тип 88, I—III вв. н. э.); 4) две сердоликовые бочковидные (тип 4, вторая половина II—III в. н. э.); 5) хрустальная шарообразная (тип. 2, вариант а, II в. до н. э.— III в. н. э.) [21, с. 39; 22, с. 68, 70; 23, с. 7. 16].

Остальные комплексы могильника укладываются в основном в рамки III—IV вв. н. э. [21, с. 61].

В последние годы на западном побережье Бугского лимана при земляных работах были открыты два новых черняховских могильника — Большая Кореniха и Чубовка. Информация о первом ограничивается материалами одного разрушенного погребения. В состав его инвентаря вхо-

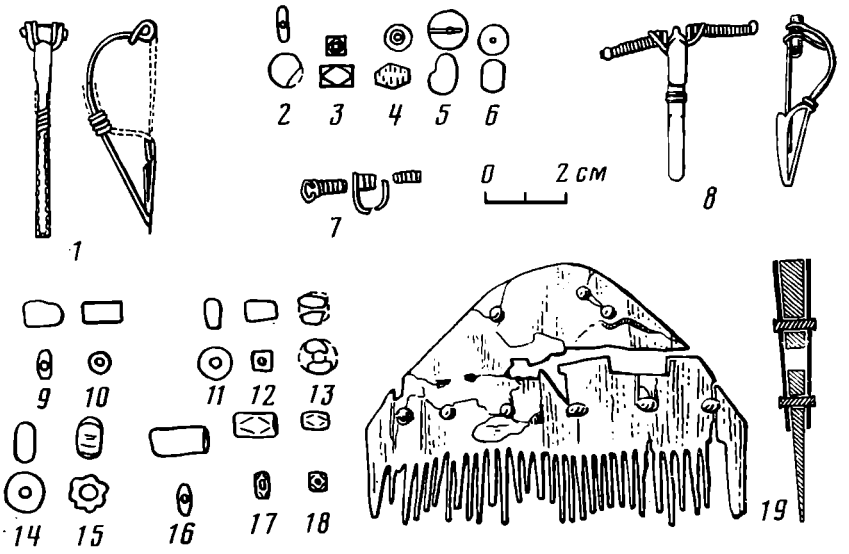


Рис. 5. Раннне комплексы Каборгп. *1—6* — погр. 9; *7—19* — погр. 21

дил костяной гребень III типа с полукруглым выступом на спинке, датирующийся IV — началом V в. н. э. [24, с. 137, 146].

Среди сосудов, собранных на месте разрушенного участка могильника у с. Чубовка, были три амфоры инкерманского типа, датирующиеся III—IV вв. н. э. [24, с. 138, 146, рис. 4]. Из четырех раскопанных захоронений этого могильника лишь одно содержало датирующий инвентарь: две двучленные «воинские» фибулы, а также костяной гребень с полукруглым выступом на спинке III типа. Все эти вещи бытовали в IV в. н. э. [24, с. 140—142, 146, рис. 5].

У с. Сычавка Одесской обл. исследовано одно черняховское захоронение. В числе сопровождающего инвентаря находились гребень III типа и краснолаковое блюдо, относящиеся к IV в. н. э. [25].

Хронология могильника Фурмановка устанавливается на основе серии находок костяных многочастных гребней и фибул. Все гребни — с полукруглым выступом на спинке (III тип, по классификации С. Томас, Г. Ф. Никитиной). Они датируются IV — началом V в. н. э. [14, с. 110; 16].

Абсолютное большинство фибул принадлежит к группе прогнутых подвязных, с коленчато или асимметрично мягко прогнутой спинкой. Они относятся к варианту 2, по классификации А. К. Амброза. Их дата в основном IV в. н. э. [12, с. 63] (рис. 6).

В степном Заднестровье исследования проводились также на могильнике Холмское, который, по мнению А. В. Гудковой, функционировал во второй половине IV в. н. э. [26, с. 139; 27, с. 80—84].

У с. Виноградовка открыто одно захоронение, в состав инвентаря которого входила прогнутая подвязная фибула IV в. н. э. [12, с. 67; 28, с. 230—231].

Рассмотрение хронологии черняховских памятников Северного Причерноморья показывает, что достоверные материалы II в. н. э. здесь отсутствуют. На известных в настоящее время могильниках не представлены погребения, которые можно было бы датировать, хотя бы суммарно, концом II—III в. н. э. Большинство комплексов относится к IV в. н. э. Наиболее вероятным временем возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье, по-видимому, следует считать середину III в. н. э. Об этом свидетельствуют материалы некоторых захоронений Каборги, а также поселения Викторовка II.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство, косвенно подтверждающее данный вывод. На территории Северного Причерноморья известен целый ряд скифо-сарматских памятников первых веков нашей эры: позднескифские поселения и могильники в низовьях Днестра

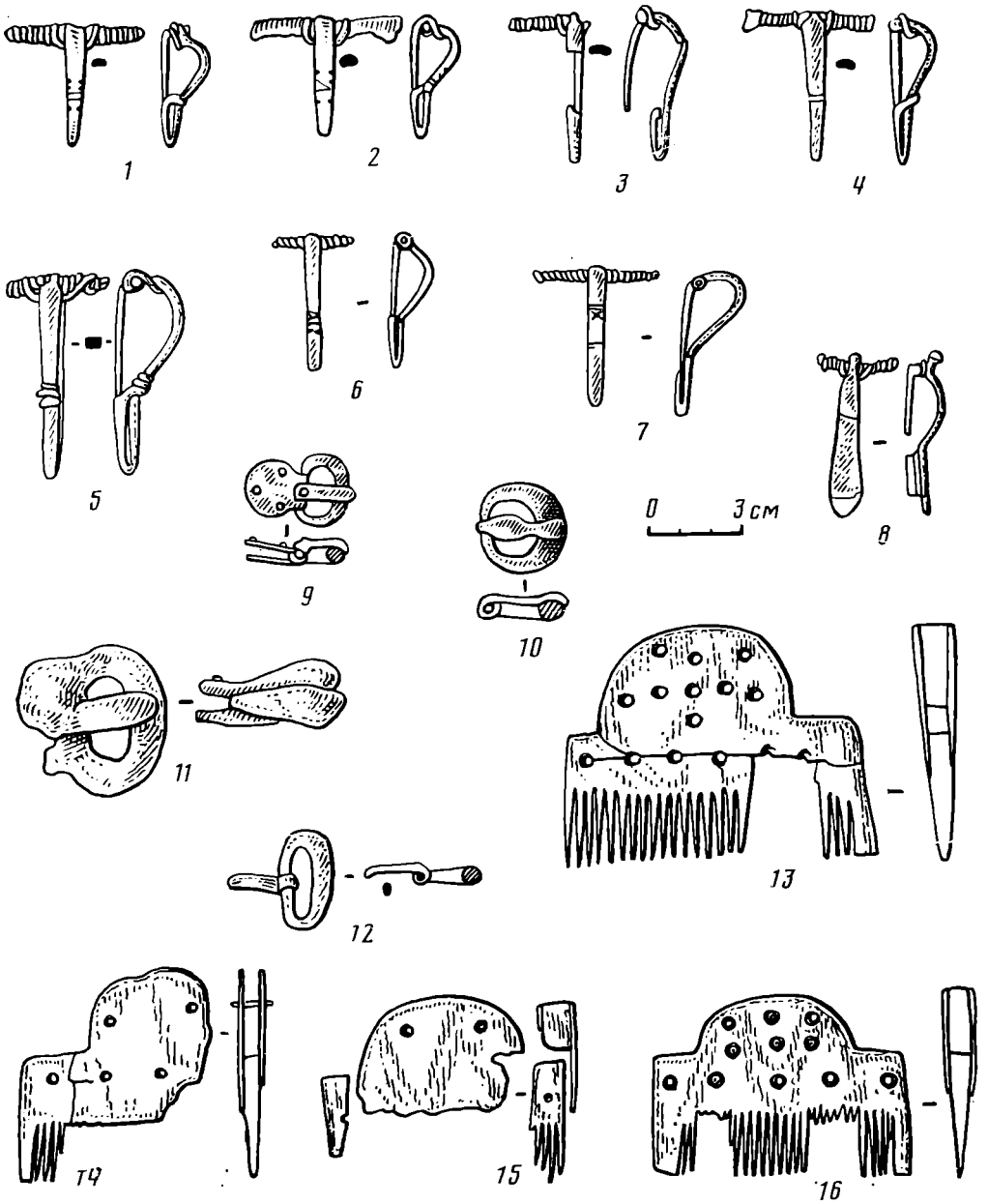


Рис. 6. Датирующие материалы Фурмановки

(Молога II, Холмское, Волчья Балка), а также сарматские могильники (Усть-Каменка, Маяки, Огородное и др.). Все они прекращают свое существование в первой трети III в. н. э. [29—33].

В низовьях Днепра расположены позднескифские памятники Николаевка и Красный Маяк (б. Бизюков монастырь). В окрестностях городища Красный Маяк, видимо, существовало несколько некрополей. Случайно, во время земляных работ были открыты погребения к югу и западу от укреплений городища. Однако никаких сведений о характере погребальных сооружений и обряде погребения не сохранилось [34]. Это обстоятельство препятствует культурной атрибуции открытых захоронений.

В 1975 г. к северу от городища был обнаружен еще один могильник, на котором в 1976—1977 г. производились раскопки [35, 36]. Как показали исследования, верхней датой этого некрополя также является первая треть III в. н. э.

Общепринятым считается положение о функционировании позднескифского могильника Николаевка до конца IV в. н. э. М. Б. Щукин обратил внимание на небольшой внутренний хронологический хиатус, фиксируемый датирующими материалами могильника [17]. Исследование

динамики погребального обряда Николаевки показало, что между ранней (I в. до н. э.— II в. н. э.) и поздней (конец III—IV в. н. э.) группами погребений нет генетической связи. В позднеримское время отсутствуют все специфически позднескифские черты, присущие раннему этапу: катакомбы с перпендикулярно расположенными входной ямой и камерой, многократные захоронения, характерный инвентарь и особенности его расположения в могиле. В конце III—IV в. н. э. совершаются лишь одиночные захоронения. В наборе типов погребальных сооружений преобладают простые грунтовые ямы и подбои. Катакомбы этого периода по конструкции аналогичны катакомбам Коблева и Фурмановки: длинные оси их входных ям и камер вытянуты по одной прямой. Позднеримские могилы Николаевки содержат типичный черняховский инвентарь. Характерны и такие выразительные особенности, как многочисленные сосуды вокруг погребенного, амфора в головах (аналогичный элемент ритуала зафиксирован в Викторовке), парные фибулы на плечах [37].

Указанные факты не оставляют сомнения в том, что позднюю группу могил Николаевки следует относить к черняховской культуре. Самое позднее скифское погребение могильника, исходя из этого, датируется II в. н. э.

В целом можно определить верхнюю хронологическую границу скифо-сарматских памятников Северного Причерноморья примерно серединой III в. н. э. или первой его третью. Именно в это время, не раньше, здесь возникает черняховская культура.

Таким образом, представление о сосуществовании на определенном этапе скифо-сарматских и черняховских памятников в Северном Причерноморье фактами не подтверждается. Напротив, это две культурные группы четко расчленены и в то же время смыкаются хронологически. Картина, вырисовывающаяся по археологическим данным, хорошо согласуется и со сведениями письменных источников. В середине III в. н. э. произошло продвижение остготов через Северное Причерноморье в Приазовье, последовал разгром многих античных городов и позднескифского царства в Крыму. С этими событиями следует связывать гибель скифо-сарматских памятников в Северном Причерноморье и одновременное возникновение здесь черняховской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудкова А. В.* К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР.— МАСП, 1976, вып. 8.
2. *Магомедов Б. В.* Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
3. *Гей О. О.* Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури (за матеріалами поховального обряду).— Археологія, 1980, вип. 34.
4. *Гей О. А.* Черняховские памятники Северного Причерноморья.— СА, 1980, № 2.
5. *Магомедов Б. В.* О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи.— В кн.: Славяне на Днестре и Дунае. Киев: Наук. думка, 1983.
6. *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139.
7. *Сымонович Э. А.* Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье.— МИА, 1971, № 177.
8. *Щукин М. Б.* Европейская Сарматия и черняховская культура (хронологические соотношения): Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1971.
9. *Щукин М. Б.* К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья.— КСИА, 1970, вып. 121.
10. *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, 1955, т. XXIV.
11. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— САИ, 1970, вып. Д1-27.
12. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30.
13. *Сымонович Э. А.* Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» на Нижнем Днепре.— МИА, 1960, № 82.
14. *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen der römischem Kaiserzeit.— Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, 1960, B. 8.
15. *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1.

16. *Сымонович Э. А.* Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры.— СА, 1977, № 1.
17. *Щукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры.— АСГЭ, 1970, вып. 12.
18. *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы.— В кн.: Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
19. *Магомедов Б. В.* Могильник у городища Городок на Нижнем Буге.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
20. *Сымонович Э. А., Яровой А. З.* Поселение Викторовка II в устье Сосицко-Березанского лимана (по материалам раскопок М. Ф. Болтенко).— СА, 1968, № 2.
21. *Магомедов Б. В.* Каборга IV (Раскопки 1973—1974 гг.).— В кн.: Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.
22. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1978, вып. Г1-12.
23. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1982, вып. Г1-12.
24. *Гребенников Ю. С., Гребенников В. Б., Магомедов Б. В.* Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Федоров Г. Б., Рошаль М. Г.* Погребение IV в. н. э. у с. Сычавка.— СА, 1979, № 2.
26. *Гудкова А. В.* Изучение памятников первой половины I тысячелетия н. э. в Буджаке.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
27. *Гудкова А. В.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
28. *Субботин Л. В., Черняков И. Т.* Черняховский бескурганный могильник у с. Виноградовка.— СА, 1971, № 4.
29. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Поселение и могильник римского времени Молога II.— В кн.: Памятники римского времени и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
30. *Фокеев М. М.* Поселение первых веков нашей эры Холмское II.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
31. *Паламарчук С. В.* Поселение первых веков нашей эры Волчья Балка.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
32. *Дзиговський О. М.* Сарматські поховання поблизу гирла Дунаю.— Археологія, 1980, вип. 34.
33. *Патокова Э. Ф., Дзиговский А. Н., Зиньковский К. В.* Сарматские погребения Маякского могильника.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
34. *Гошкевич В. И.* Древние городища по берегам низового Днепра.— ИАК, 1913, вып. 47.
35. *Сымонович Э. А.* Исследования в Поднепровье.— АО — 1976. М., 1977.
36. *Сымонович Э. А., Гей О. А.* Черняховская экспедиция на Украине. АО — 1977. М., 1978.
37. *Ebert M.* Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr Gouv. Cherson.— Praehist. Z., 1913, B. V.

O. A. Gei

ON THE DATE OF THE CHERNYAKHOVO CULTURE IN THE NORTHERN BLACK SEA AREA

Summary

The author takes as her subject the chronology of the Chernyakhovo sites in the northern Black Sea area and points to the fact that all obtaining materials span the period between the 3rd and 4th centuries A. D. The earliest burials are dated to the mid-3rd century A. D. The Viktorovka settlement was founded at approximately the same time. This date is indirectly supported by an evidence of asynchronous destruction of Scythian and Sarmatian sites in the region.

А. А. ЧАРИКОВ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ КАЗАХСТАНА

В процессе изучения и систематизации средневековых каменных статуй исследователь неизменно испытывает определенные трудности, связанные с установлением времени их создания. Правда, изваяния «древнетюркского» и «половецкого» типов[1] поддаются более или менее надежной датировке, с точностью до 100—150 лет. После работ Л. А. Евтюховой [1, с. 72—120], Л. Р. Кызласова [2, с. 24—33, 80—82; 3, с. 27—39; 4, с. 349], А. Д. Грача [5], Я. А. Шера [6], Г. А. Федорова-Давыдова [7], С. А. Плетневой [8] вряд ли можно сомневаться в том, что эти памятники относятся соответственно к VI—VIII вв. и IX — началу XIII в. Хронологические рамки для них достаточно убедительно определены на основании анализа форм изображенных вещей: оружия, сосудов, украшений. Сложнее установить место в относительной хронологии для стеловидных статуй, не обладающих привычными датирующими признаками[2]. Очевидно, здесь нужны иные критерии. Считаем, что при построении хронологической классификации памятников древнего искусства необходимо шире использовать особенности изобразительных приемов, изучение которых предоставит возможность подтвердить или поставить под сомнение устоявшиеся точки зрения, а в ряде случаев, как, например, при изучении стеловидных изваяний, подобный подход может оказаться основным, если не единственным, в вопросах датировки. Кстати, для искусствоведов манера исполнения всегда является главным и практически безошибочным критерием в процессе поиска автора произведения, школы и уточнения времени создания работы [9, с. 67]. Как показывают специальные исследования, именно искусствоведческий подход в вопросах датировки и типологии тех или иных произведений, особенно с применением математических методов, может оказаться весьма перспективным и в археологии [10]. Что касается каменных статуй, то вполне достоверной окажется только такая классификация, в которой учитываются признаки, одинаково присутствующие на всех изучаемых объектах без исключения. К таким «всеобъемлющим» признакам относятся черты лица.

В предлагаемой статье предпринимается попытка выявить наиболее распространенные изобразительные приемы передачи лица каменных изваяний эпохи средневековья и установить характерные для каждого типа признаки, наметить относительную хронологию статуй. Изучение данных памятников в таком аспекте ранее не проводилось. Объектом исследования стали статуи из Казахстана, значительное количество которых было опубликовано в научных изданиях. Сюда же включены отдельные скульптуры из Киргизии (Семиречье), Оренбургского края и Омского Прииртышья, вошедшие в общую коллекцию как составная часть того или ино-

[1] Здесь и далее используются принятые в научной литературе термины. «Древнетюркский» тип — изваяние воина с сосудом в прижатой к груди правой руке и саблей (мечом, кинжалом, палашом) в опущенной левой руке. «Половецкий» тип — скульптура человека с сосудом в обеих руках, прижатых к животу. Стеловидный тип — антропоморфная фигура с изображением лица; руки и сосуд практически не изображались. Все термины условны и не связываются с какой-либо конкретной этнической группой.

[2] В тех редких случаях, когда была установлена связь стеловидных статуй с местом нахождения, раскопки не дали датирующих материалов.

го регионального комплекса. Всего по различным источникам (музейные собрания, археологические издания, государственные и личные архивы [3]) было выявлено 329 изваяний и их воспроизведений. К сожалению, многие известные по публикациям памятники в большинстве своем ныне утрачены. Использовать их в статистических подсчетах в ряде случаев не представляется возможным из-за нечетких прорисовок и отсутствия исчерпывающих описаний. Нами привлечено лишь 238 каменных статуй, на которых достаточно четко и достоверно обозначены все черты лица или недвусмысленно показано отсутствие некоторых из них: тип I («древнетюркский») — 95 экз. [6, рис. 2, *10*, I, *1, 6*, II, *8, 12*, III, *14—16*, IV, *18, 19*, V, *20—23*, VI, *24—30*, VII, *31, 34—36*, IX, *39—41, 43*, X, *44, 46*, XI, *47—50*, XII, *51, 52*, рис. 4, *5* и *9*, табл. XIII, *53*, XIV, *54, 56, 59, 60*, XV, *62, 63*, XVI, *64, 67, 69—71*, XVII, *73, 74*, XXIII, *105*; 11, рис. 36; 12, рис. 2, 3; 13, табл. XV, *7*; 14, рис. 1, *1—3*, рис. 2, *6, 8*, рис. 5, *11*; 15, рис. 1, *1—3*, рис. 2, *5, 6*; 16, рис. 1, *1—3, 5, 6*; 17, рис. 18; 18, рис. 1, *1, 3—5, 8*, рис. 2, *9, 10*]; тип II («половецкий») — 54 экз. [6, рис. 3, 7, 8, 11, табл, XXIV, *112, 113, 115, 116*, XXV, *119, 121*, XXVI, *124, 129*, XXVIII, *135, 137, 138*, XXIX, *143—145*; 13, табл. XIII, *1, 8*, XIV, 1, *14—16, 18*, XVI, *1, 7, 11*; 14, рис. 5, *16*; 16, рис. 1, *7—10*; 18, рис. 2, *11—15*, рис. 6, *16, 17, 19—23*; 19, рис. 1, *1, 3—5*; 20, рис. 1, 2]; тип III (стеловидный) — 89 экз. [6, табл. XVIII, *76—82*, XIX, *83—86*, XX, *87—89*, XXI, *90—92, 94—97*, XXII, *98—104*, XXVI, *125*; 11, рис. 37; 12, рис. 1, 5; 13, табл. XVI, *6, 8, 9*, XIII, *2, 3, 5, 6*, XIV, *2, 3, 13, 19, 20*, XV, *1, 2, 6, 8*; 14, рис. 5, *10, 12, 13, 15*, рис. 6, *17, 18, 20, 21*; 15, рис. 6, *8, 9*, рис. 7, *10—12*; 16, рис. 1, *11—19*]. В свою очередь, среди памятников I типа выделяется подтип IA, отличающийся от классического образца отсутствием оружия в опущенной левой руке. Из статуй II типа также выделен подтип IIA, характеризующийся или отсутствием сосуда в опущенных к животу руках, переданных, как правило, схематично, или наличием изображения сосуда; руки при этом не изображаются. Выделенные подтипы являются, вероятно, переходными, ибо композиционно они еще сохраняют традиции предшествующего типа, хотя приобрели некоторые черты, характерные для последующего. Их промежуточное положение подтверждается и формой обозначенных предметов [18, с. 223].

Известно, что отдельные изобразительные приемы, используемые художником, образуют устойчивую совокупность признаков, которые в целом и составляют понятие «стиль» произведения [10, с. 130]. В рассматриваемых скульптурах было учтено 30 изобразительных приемов, применявшихся в процессе воссоздания лица. Четыре из них характеризуют манеру исполнения бровей и носа, шесть — глаз, пять — совмещенного рельефа «усы — рот — борода» и «усы — рот», а также отдельного изображения усов, девять — рта и шесть — ушей. Причем конкретная форма того или иного элемента (усы, глаза, нос) не принималась во внимание, поскольку она, судя по всему, индивидуализирована. Учитывалась лишь манера исполнения: какими изобразительными средствами воспроизведены эти черты лица. Следует подчеркнуть, что различия в манере изображения нельзя ставить в зависимость от материала, поскольку практически все исследуемые статуи были изготовлены из одинаково твердых пород камня местного происхождения: крупнозернистого гранита, реже песчаника, кремнистого сланца. Ниже приведен список 30 приемов изображения черт лица.

Брови — нос. 1. Совмещенный рельеф изогнутый бровей и профилированного носа. 2. Совмещенный рельеф бровей и брусковидного носа. 3. Раздельные рельефы бровей и носа. 4. Рельеф носа без бровей, которые как бы заменяет небольшой уступ ниже лба (рис. 1, *1—4*).

Глаза. 5. В виде выпуклостей. 6. В виде выпуклостей с прочерченным контуром век. 7. В виде выпуклостей с прочерченными веками и со

[3] В статье использованы фотографии и прорисовки, переданные автору А. И. Марьяшевым, А. С. Ермолаевой, Н. К. Кушарбаевым, М. К. Кадырбаевым.

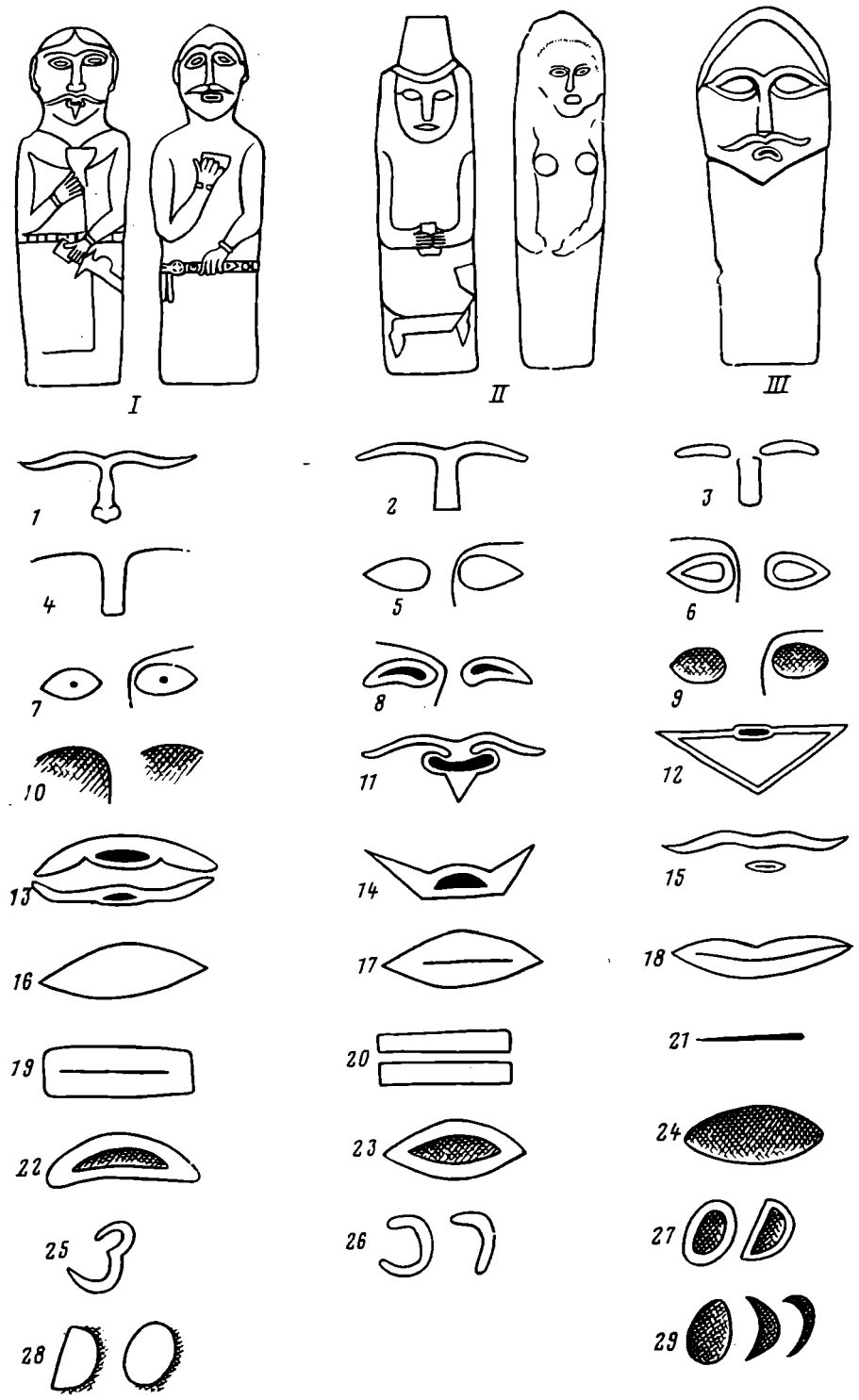


Рис. 1. Типы каменных изваяний (I — «древнетюркский»; II — «половецкий»; III — стеловидный) и приемы изображения элементов лица (*1—4* — брови — нос, *5—10* — глаза, *11—15* — усы — рот — борода, *16—24* — рот, *25—29* — уши)

зрачком. 8. В виде замкнутого валика с продольным углублением или бороздкой. 9. В виде углублений. 10. Глаза не изображены (рис. 1, *5—10*).

Усы — рот — борода. 11. Совмещенный рельеф профилированных усов, рта и бороды. 12. Совмещенный рельеф усов, рта и бороды в виде валика, образующего равнобедренный треугольник вершиной вниз. 13. Совмещенный рельеф усов и рта. 14. Совмещенный «геометризированный» рельеф усов и рта. 15. Усы (рис. 1, *11—15*).

Рот. 16. Овальная выпуклость. 17. Овальная выпуклость с продольной линией в середине. 18. Профилированные губы с продольной изогнутой

линией в середине. 19. Брусковидные (подпрямоугольные) губы с продольной линией в середине. 20. Раздельные рельефы губ в виде прямоугольников или полуовалов 21. Горизонтально прочерченная линия. 22. Замкнутый аркообразный валик. 23. Замкнутый валик, образующий овал с углублением в середине. 24. Овальное или округлое углубление (рис. 1, *16—24*).

Уши. 25. Профилированный (З-образно изогнутый) валик. 26. Скобо- и петлеобразный валик. 27. Замкнутый валик, образующий овал или полуовал. 28. Сплошная выпуклость в виде овала или полуовала. 29. Углубление в виде овала, сегмента и т. д. 30. Уши не обозначены (рис. 1, *25—29*).

В табл. 1 дано количественное распределение изобразительных приемов по типам памятников. Из нее явствует, что отдельные изобразительные приемы в большей или меньшей степени характерны для того или иного типа каменных статуй. Например, совмещенный рельеф плавно изогнутых бровей и профилированного носа (рис. 1, *1*) наиболее характерен для изваяний I типа. Совмещенный рельеф бровей и брусковидного носа (рис. 1, *2*) чаще всего отмечен на памятниках II и III типов. «Безбровый» вариант (рис. 1, *4*) составляет примерно равное распределение, но реже других он встречается на памятниках I типа. Глаза в виде выпуклых овалов (рис. 1, *5*) чаще изображались на статуях I типа, включая подтип IA. На стеловидных фигурах такой прием зафиксирован реже. Если прием изображения глаз в виде замкнутого валика с продольной бороздкой (рис. 1, *8*) встречен среди последних 22, а в виде углублений (рис. 1, *9*) 13 раз, то на памятниках I типа они отсутствуют вовсе. Стилевые отличия между скульптурами разных типов выявляются и по изображению других элементов лица. Сводка изобразительных особенностей рассматриваемых произведений (табл. 2) дает достаточно четкую характеристику каждого типа изваяний.

Таким образом, каждому выделенному типу статуй соответствует своя определенная совокупность изобразительных приемов, присущая только одному конкретному кругу памятников. При этом некоторые варианты, характерные, например, для I типа, могли использоваться и при создании произведений II и III типов. Определяющим здесь является то, в каком сочетании эти приемы использовались. Наглядное представление о стилевых особенностях дают таблицы с зарисовками головы изваяний, относящихся к различным типам. Так, «монументальные» лица скульптур I типа значительно отличаются от других своеобразием технических приемов (относительно высокий рельеф, тщательная отделка) и изобразительных средств (завершенность форм, симметричность — глаза, усы, брови), а также единством стиля (рис. 2). Статуи II типа не столь величественны, зато исполнены они более живо в стремлении максимально отобразить сходство с натурой за счет подчеркивания заметных особенностей изображаемого человека (рис. 3). Судя по всему, эта тенденция получает дальнейшее развитие в процессе создания стеловидных памятников (рис. 4), среди которых вместе с тем появляются антропоморфные фигуры с предельно обобщенным силуэтом, а также совершенно безликие образцы (рис. 4, *1, 8, 11*).

Итак, уже на данном этапе анализа выделенных признаков вырисовываются контуры трех основных типов скульптур, определяемых не только по позе (положение рук) и наличию изображенных вещей, но и по всей совокупности изобразительных приемов. Однако для обеспечения максимальной объективности в оценке рассматриваемых произведений был сделан количественный подсчет взаимовстречаемости отдельных элементов, чтобы в процессе выявления между ними сильных (устойчивых) и слабых связей проверить предварительную классификацию. При построении графов (табл. 3) выявились те же три типа изваяний, каждый из которых характеризуется устойчивыми связями между какой-либо одной группой признаков. Так, I тип представляет собой совокупность наиболее частых связей изобразительного приема 1 с 5, 6, 11, 13, 25, 26. Для II типа присущи высокие связи изобразительного приема 2 с приемами 5, 6, 8,

Таблица 1

Количественное распределение изобразительных приемов по типам изваяний

Изобразительный прием, №		Тип				
		«древнетюркский»		«половецкий»		стеловидный
		I (61)	I А (34)	II (37)	II А (17)	III (89)
Брови – нос	1	32	12	1	1	9
	2	8	10	19	8	43
	3		2	1	1	1
	4	21	10	16	7	35
Глаза	5	37	25	8	5	37
	6	22	8	7		8
	7	2	1	3		1
	8			12	5	22
	9			6	7	13
	10			1		8
Усы – рот – борода	11	11	4		1	1
	12	2				
	13	39	11	5	1	12
	14			5	1	1
	15	8	8		1	18
Рот	16	1	2	3	2	2
	17	3	4	7	4	6
	18		3		1	6
	19			1	1	
	20				1	8
	21		5	7	1	17
	22		1	1	1	3
	23	1	2	7	2	18
	24			1	1	12
Уши	25	15	6		1	2
	26	24	15	10	2	4
	27		2	2	1	2
	28			1		3
	29					4
	30					
	Не обозначены	22	11	24	13	74

Примечание. В скобках указано количество экземпляров статуй.

13—15, 17, 21 и в особенности с 23, а также с 25 и в большей степени с 26. Для III типа характерна частота связей изобразительного приема 4 с 5, 6 и 9, 13 и 15, 16, 17, 18, 21, 23, 24 и 26. Аналогичные связи, независимо от рассмотренной (брови—нос), прослеживаются и между другими группами признаков. Распределение их полностью соответствует выделенным по графам типам [4].

Как отмечалось, целый ряд изобразительных приемов использовался в каменных статуях разных типов. Например, глаза в виде выпуклостей (рис. 1, *5*) встречаются на древнетюркских, половецких и стеловидных памятниках. Это объясняется, видимо, сохранением на протяжении длительного времени устойчивых традиций в монументальном искусстве. Вместе с тем для каждого выделенного типа при наличии широко распространенных вариантов характерна определенная совокупность изобразительных средств. Особенно ярко стилистические различия прослежива-

[4] Графическое выражение перечисленных связей осталось за пределами настоящей статьи, поскольку оно легко воспроизводимо по цифровым данным табл. 3.

Таблица 2

Сводка изобразительных особенностей изваяний типов I–III

№	Тип I	Тип II	Тип III
1	Отсутствуют скульптуры, изображающие женщин	Наряду с мужскими имеются скульптуры, изображающие женщин	Мужских и женских статуй примерно поровну
2	Изображения кубков и пиал (чаши)	Изображения кувшинов с поддоном и без поддона, круглодонных горшков, квадратных и трапециевидных банок	Практически отсутствуют изображения сосудов; очень редко – кувшины со сливом и ручкой
3	Глаза в виде выпуклых овалов или (очень редко) контуров, иногда со зрачком и часто с прочерченным контуром век	Наряду с трактовкой в виде выпуклого овала имеются изображения глаз в виде замкнутого валика с продольным углублением или бороздкой	Наряду с трактовкой в виде выпуклостей широко распространен прием изображения глаз в виде замкнутого валика с продольным углублением, а также в виде овальных или округлых ямок
4	Чаще других – совмещенный рельеф бровей и «профилированного» носа (46%)	Преобладает совмещенный рельеф бровей и брусковидного носа (50%), затем «безбровый» вариант (42%)	Чаще других – совмещенный рельеф бровей и брусковидного носа (48%), затем «безбровый» вариант (39%)
5	Преобладает совмещенный рельеф «усы – рот» (52%), однако типичным является общий рельеф «усы – рот – борода» (18%), встречающийся в сочетании с совмещенным рельефом бровей и профилированного носа	Совмещенный рельеф «усы – рот» на мужских статуях	Усы и рот на мужских статуях чаще других изображены раздельно
6	Отсутствует прием изображения рта в виде раздельных рельефов губ, в виде прямоугольника и в виде ямки (вне совмещенного рельефа «усы – борода»)	Поровну (по 19%) рот изображен в виде: 1) овала с продольной линией; 2) замкнутого валика с углублением в середине; 3) прочерченной горизонтальной линии	Чаще других рот изображен в виде замкнутого валика с углублением в середине (20%); чуть реже – в виде горизонтальной бороздки (19%), а также в виде углубления (13,5%). Последний признак практически не встречается на памятниках I и II типов
7	Чаще других – уши скобо- и петлеобразные (41%), однако типичны – в виде З-образного валика в сочетании с совмещенным рельефом бровей и профилированного носа, а также с общим рельефом «усы – рот – борода» в профилированном варианте	Чаще других – уши скобо- и петлеобразные (22%); на 37 статуях (68,5%) уши не обозначены	В подавляющем большинстве (83%) уши не обозначены. В остальных случаях наряду с трактовкой в виде скобы и З-образно изогнутого валика применялся прием изображения ушей в виде углублений и полуовального выступа, отсутствующие на памятниках I и II типов
8	Относительная композиционная уравновешенность в изображении отдельных элементов	Тенденция к смещению влево или вправо центра вертикальной оси изображения	Признаки асимметричности в изображении отдельных элементов лица

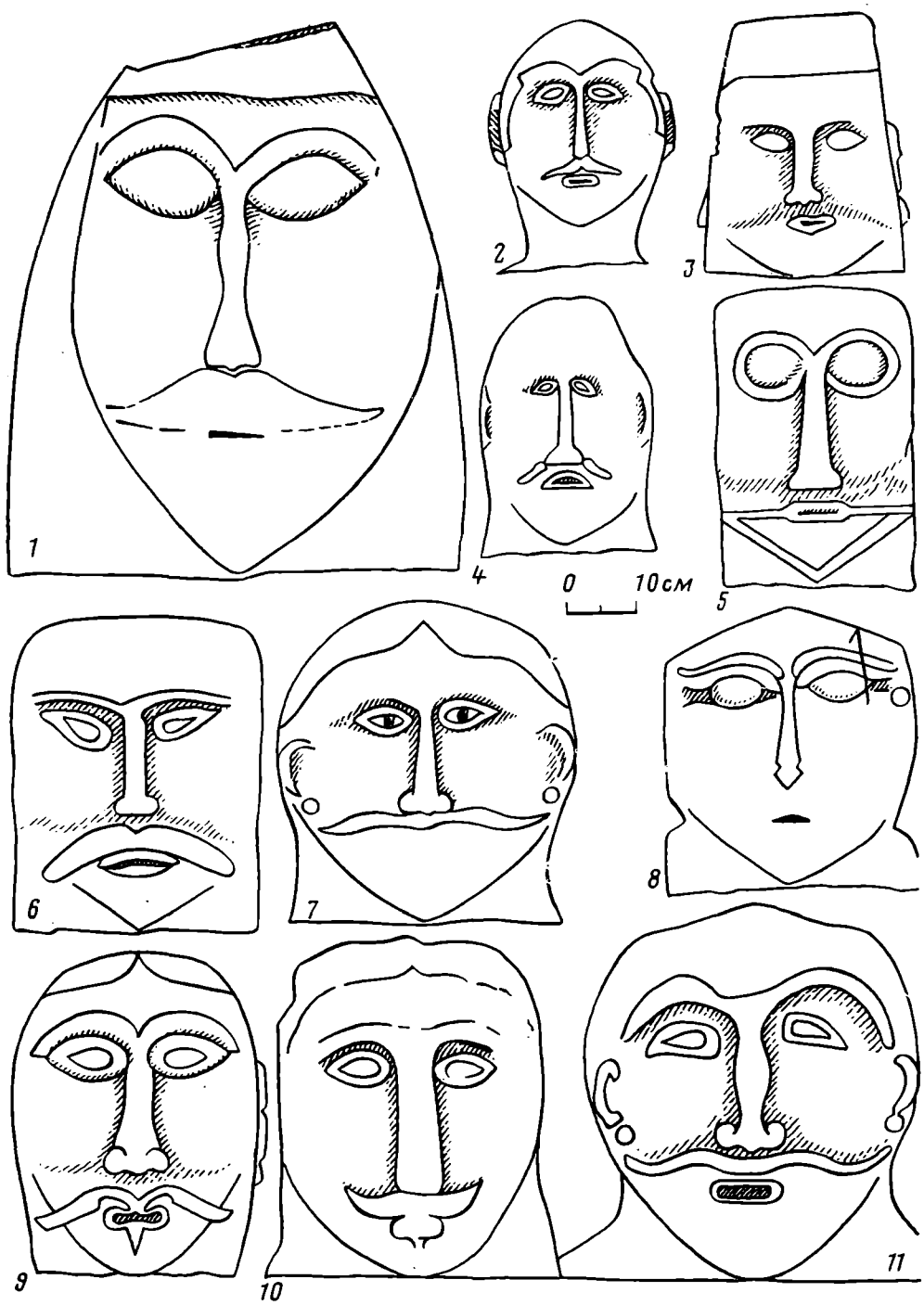


Рис. 2. Изображение лица на изваяниях I (*5—7*, *9—11*) и IA (*1—4*, *8*) типов

ются по манере изображения глаз. Так, на статуях I типа глаза воспроизведены только тремя способами, а именно в виде: 1) простых овалов [5]; 2) овалов с прочерченными контурами век; 3) овалов с прочерченными веками и обозначенным зрачком (рис. 1, *5—7*; рис. 2). На изваяниях II типа наряду с традиционной трактовкой появляются изображения глаз в виде замкнутого валика с углублением в центре или с продольной бороздкой (рис. 1, *8*; рис. 3), а также (пока еще очень редко и только на переходных образцах — подтип IIA) в виде ямок (рис. 1, *9*). При изготовлении стеловидных скульптур широко использовались все известные изобразительные приемы и в самых разнообразных сочетаниях, что уже само по себе является их характерной особенностью. Однако здесь

[5] Чаще всего выпуклых. Изредка встречена контурная техника (при той же твердости материала), которая почти не отличается от низкого барельефа.

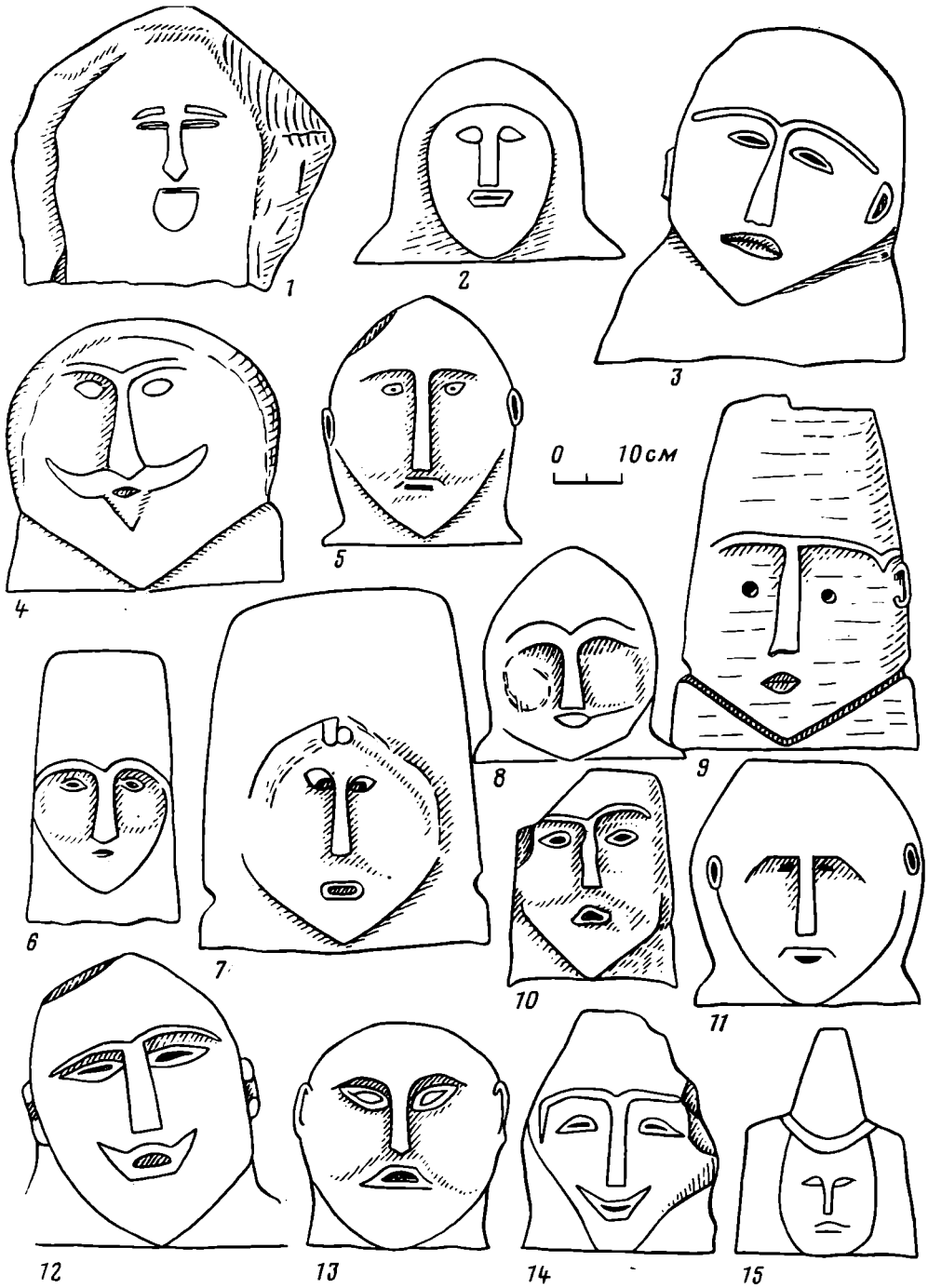


Рис. 3. Изображение лица на изваяниях II (*1—3, 5—15*) и IIA (*4*) типов

получает более широкое распространение прием изображения глаз в виде ямок и появляются первые безликие фигуры с необозначенными глазами (рис. 1, *9, 10*; рис. 4, *1, 8, 11*). Одной из главных особенностей стеловидных статуй является «присутствие» на них хотя бы одного изобразительного элемента, ни разу не встречающегося на изваяниях других типов: рот в виде ямки, не ограниченной валиком (рис. 1, *9*), или рот в виде двух разделенных рельефов губ (рис. 1, *20*), или уши в виде ямки (рис. 1, *29*) и т. д. Даже в тех случаях, когда исключительно все элементы лица исполнены в традиционной манере, стиль изваяния стеловидного типа проявляется по другим показателям: нарушением пропорций и схематичностью форм (рис. 4, *6*), смещением в какую-либо сторону вертикальной оси лица (рис. 4, *12*) или наклоном ее по отношению к про-

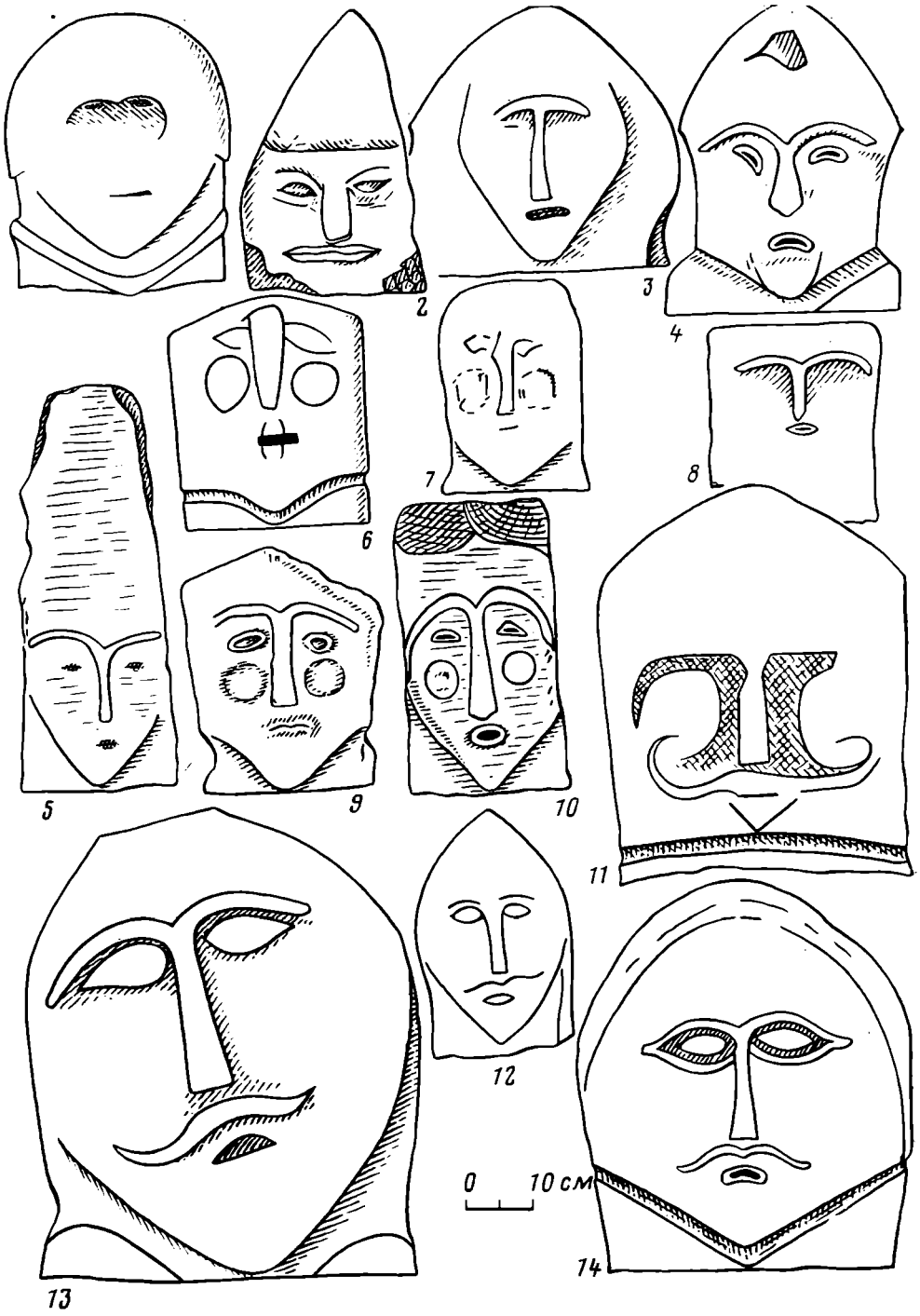


Рис. 4. Изображение лица на изваяниях III типа

дольной оси туловища (*4*, *13*), асимметричностью отдельных деталей (рис. 4, *6*, *14*).

Продолжим анализ рассматриваемых скульптур. Количественное распределение изобразительных приемов (табл. 3) переведем в процентное (табл. 4, А), чтобы в дальнейшем иметь возможность взвесить все полученные показатели независимо от их исходного общего количества. Для этого надо вычислить тенденции [6] распределения признаков (табл. 4, Б),

[6] Тенденция вычисляется путем деления процентного показателя признака на показатель этого признака в норме распределения (за норму взято процентное распределение признака среди 238 изваяний). При этом выясняется, во сколько раз данный показатель больше или меньше нормы.

Таблица 3

Взаимовстречаемость изобразительных приемов каменных изваяний Казахстана (количественное распределение)

Изобразительный прием, №	Брови — нос				Глаза						Усы — рот — борода					Рот									Уши					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Брови — нос 1	55				32	19	1	2	0	1	12	0	24	0	8	0	4	2	0	1	1	1	4	2	14	17	1	1	1	2
2		88			36	13	1	26	6	6	2	1	22	6	12	4	8	3	0	3	8	3	20	5	8	19	2	2	0	5
3			5		1	1	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	
4				89	43	12	5	11	16	2	3	1	22	1	13	6	11	5	1	5	17	2	6	7	2	19	4	1	2	6
Глаза 5	32	36	1	43	112						5	1	49	0	23	5	7	3	1	4	11	1	12	4	9	32	2	3	2	6
6	19	13	1	12		45					11	1	15	0	7	0	6	2	0	0	3	2	4	0	12	13	0	0	0	2
7	1	1	0	5			7				0	0	1	2	1	1	1	0	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0	0	
8	2	26	0	11				39			0	0	0	5	2	3	6	4	0	2	6	2	10	1	0	5	3	1	0	3
9	0	6	3	16					26		0	0	0	0	1	0	4	1	1	3	8	0	1	7	1	3	1	0	2	1
10	1	6	0	2						9	1	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	3	2	1	1	0	0	0	
Усы — рот — борода 11	12	2	0	3	5	11	0	0	0	1	17					0	0	0	0	0	0	0	0	0	7	6	0	0	0	4
12	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0		2				0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0
13	24	22	0	22	49	15	1	0	0	1			68			0	0	0	0	0	0	0	0	0	11	21	1	1	0	34
14	0	6	0	1	0	0	2	5	0	0				7		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	5
15	8	12	1	13	23	7	1	2	1	1					35	2	5	2	0	2	8	2	5	3	2	9	1	0	0	21
Рот 16	0	4	0	6	5	0	1	3	0	1	0	0	0	0	2	10									0	2	0	0	0	8
17	4	8	1	11	7	6	1	6	4	0	0	0	0	0	5		24								2	5	1	1	0	15
18	2	3	0	5	3	2	0	4	1	0	0	0	0	0	2			10							3	1	1	0	0	5
19	0	0	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0				2						0	0	0	0	0	2
20	1	3	0	5	4	0	0	2	3	0	0	0	0	0	2					9					0	0	0	0	1	8
21	1	8	3	17	11	3	1	6	8	1	0	0	0	0	8						30				0	2	3	1	2	22
22	1	3	0	2	1	2	1	2	0	0	0	0	0	0	2							6			0	2	0	0	0	4
23	4	20	0	6	12	4	0	10	1	3	0	0	0	0	5								30		0	8	1	0	0	21
24	2	5	0	7	4	0	0	1	7	2	0	0	0	0	2									14	0	1	0	1	0	12
Уши 25	14	8	0	2	9	12	1	0	1	1	7	1	11	0	2	0	2	3	0	0	0	0	0	0	24					
26	17	19	0	19	32	13	1	5	3	1	6	1	21	2	9	2	5	1	0	0	2	2	8	0		55				
27	1	2	0	4	2	0	1	3	1	0	0	0	1	0	1	0	1	1	0	0	3	0	1	0			7			
28	1	2	0	1	3	0	0	1	0	0	0	0	1	0	2	0	1	0	0	0	1	0	0	1				4		
29	1	0	0	2	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	0					4	
30	21	57	5	61	64	20	4	30	19	7	4	0	34	8	21	8	15	5	2	8	22	4	21	12						144

анализ которых позволит конкретизировать связи отдельных изобразительных приемов между собой и еще раз проверить предварительные данные по выделению типов. В основу анализа взят опыт, использованный в процессе обработки материалов Варнинского могильника [21, с. 143—151, табл. 1—4]. Само собой разумеется, что показатели процентного распределения соответствуют вышеприведенным количественным показателям. Но учитывая удельный вес (массовость) каждого из признаков (табл. 4, А) и их тенденции (табл. 4, Б), попытаемся скорректировать для них наиболее близкие совокупности. И в этом случае оказывается, что изобразительному приему 1 в наибольшей степени соответствуют приемы 6 (тенденция распределения 1, 82), 11 (тенденция 3, 07), 25 (тенденция 2, 54). Такую совокупность можно назвать классической для изваяний I типа. Правда, в процентном отношении изобразительный прием 5 имеет больший показатель, нежели прием 6 (соответственно 58 и 34%), но тенденция у последнего намного выше. То же следует сказать и об отношении к изобразительному приему 1 приемов 11 (22%) и 13 (43%), у которых тенденция распределения составляет в первом случае 3,07, а во втором — почти в 2 раза меньше, а также приемов 25 (25%) и 26 (31%) с тенденцией 2,54 и 1,33. Суть, очевидно, в том, что процентный показатель дает представление об удельном весе (массовости) того или иного приема, который может образоваться и случайно, тогда как показатель тенденции свидетельствует о степени не только фактического, но и потенциального соответствия отдельных изобразительных элементов

между собой и является определяющим при выведении типа [21, с. 143], внося важные коррективы.

Изобразительному приему 2 близки приемы 8 (тенденция 1,80), 14 (тенденция 2,34), 23 (тенденция 1,80) и 28 (тенденция 1,37). Но по количеству связей наибольшее число раз с приемом 2 встречаются 13-ый (25%) и 26-ой (21%) приемы, что свидетельствует прежде всего об их массовости. В группе «рот» отмечено полное соответствие и по количеству (23%), и по тенденции распределения (1,80). Выявленная наивысшая сумма тенденций, с учетом удельного веса каждого стилистического приема в данной совокупности, весьма показательна именно для памятников II типа. Не противоречат этому и очень устойчивые связи остальных признаков между собой, вне зависимости от связанного с ними изобразительного варианта 2.

Наибольшая частота связей изобразительного приема 4[7] отмечена с приемом 5 (48%) — при положительной тенденции, 13 (25%) — при отрицательной тенденции (0,86) и 15 (15%) с тенденцией около нормы (0,99), а также с приемами 25 (19%, тенденция 1,51) и 26 (21%, тенденция 0,92). Однако по наивысшим показателям тенденций для изобразительного приема 4 более характерной является совокупность его с приемами 7 (1, 93), 9 (1,64), 12 (1,37), 16 (1,59), 17 (1,23), 18 (1,33), 19 (1,37), 20 и 21 (по 1,51), 24 (1,24), а также 27 (1,51) и 29 (1,37). Все перечисленные изобразительные приемы, за исключением, может быть, 7 и 12, очень характерны для памятников стеловидного типа как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Особенно характерны такие, как глаза в виде ямок (рис. 1, *9*) и безглазый вариант (рис. 1, *10*), рот в виде двух раздельных выступов (рис. 1, *20*) или ямки (рис. 1, *24*), уши в виде выступающего полуовала (рис. 1, *28*) и ямок (рис. 1, *29*),— практически не встречающиеся на скульптурах I и II типов, что, безусловно, свидетельствует в пользу относительно позднего появления стеловидных скульптур. Аналогичную картину устойчивых связей показывает и сравнение между собой остальных изобразительных приемов, независимо от исходного признака 4. При этом надо полагать, что отрицательная тенденция указывает на нетипичность того или иного приема в данной совокупности, а положительная, напротив, является свидетельством стойкого соответствия выделенному типу и определяет направление развития.

Таким образом, на основании количественного распределения изобразительных приемов и их тенденций, отражающих наиболее характерные совокупности признаков, можно выделить три группы памятников с присущими для каждой из них определенными связями. Наивысшие показатели первой группы признаков соответствуют изваяниям I типа, второй — памятникам II типа и третьей — III типа. Следует подчеркнуть, что многие изобразительные приемы встречаются на изваяниях всех типов, хотя (и это очень важно) удельный вес каждого из них неодинаков в различных совокупностях. И если какой-либо признак является характерным для статуй I типа, то это отнюдь не означает, что его нельзя встретить на других изваяниях. И наоборот, отдельные элементы, присущие только стеловидным памятникам (уши, рот, глаза — в виде ямок), ни разу не встретились на «древнетюркских» статуях. При этом набор изобразительных средств для I типа ограничен их строго определенной совокупностью, тогда как для II и особенно для III типа он гораздо шире. Создается впечатление, что в работе над каменными изваяниями применялись все хорошо освоенные на определенном этапе изобразительные средства, круг которых затем постепенно расширялся. Если это так, то, учитывая манеру исполнения элементов лица, относительная хронология статуй может быть построена следующим образом: 1) каменные изваяния I («древнетюркского») типа, 2) каменные изваяния II («половецкого») типа, 3) каменные изваяния III (стеловидного) типа. По-

[7] Изобразительный прием 3 не образует с другими элементами устойчивых связей по причине его малочисленности.

	Изобразительные приемы, №		Брови — нос				Глаза					
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А	Брови — нос	1	23,1				58,1	34,5	1,8	3.6		1.8
		2		36.9			40,9	14,7	1,1	29,5	6,8	6.8
		3			2.1		20,0	20.0			60,0	
		4				37.3	48,0	13,4	5.6	12,3	17,9	2.2
	Глаза	5	28,5	32,1	0,8	38.3	47,0					
		6	42,2	28,8	2.2	26,6		18,9				
		7	14,2	14,2		71,4			2,9			
		8	5,1	66,6		28.2				16,3		
		9		23,0	11.5	61,5					10.9	
		10	11,1	66,6		22,2						3,7
	Усы — рот — борода	11	70,5	11.7		17,6	29,4	64.7				5.8
		12		50,0		50,0	50,0	50,0				
		13	35,2	32,3		32,3	72,0	22.0	1,4			1.4
		14		85.7		14,2			28,5	71,4		
		15	22,8	34,2	2,8	37,1	65,7	20.0	2,8	5,7	2.8	2,8
	Рот	16		40,0		60,0	50,0		10,0	30,0		10,0
		17	16,6	33,3	4,1	45.8	29,1	25,0	4,1	25,0	16.6	
		18	20,0	30,0		50,0	30,0	20,0		40,0	10.0	
		19			50,0	50,0	50.0				50.0	
		20	11,1	33,3		55,5	44,4			22,2	33,3	
		21	3,3	26,6	10,0	56,6	36,6	10,0	3,1	20,0	26,6	3.3
		22	16,6	50,0		33,3	16,6	33,3	16,6	33,3		
		23	13,3	66,6		20.0	40,0	13,3		33,3	3,3	10,0
		24	15,3	38,4		46,1	30,7			7,6	53.8	15,3
	Уши	25	58,3	33,3		8.3	37,5	50,0	4,1		4,1	4,1
		26	30,9	34,5		34,5	58,1	23,6	1,8	9.0	5,4	1,8
		27	14,2	28,5		57,1	28,5		14,2	42.8	14,2	
		28	25,0	50,0		25,0	75,0			25,0		
		29	25,0			50,0	50,0				50,0	
		30	14,5	39,5	3,4	42,3	44,4	13,8	2,7	20,8	13,1	4,8
Б	Брови — нос	1					1,23	1,82	0,62	0,22	—	0,48
		2					0,87	0,77	0,37	1,80	0,62	1.83
		3					0.42	1,05	—	—	5,50	—
		4					1,02	0,70	1,93	0,75	1,64	0,59
	Глаза	5	1,23	0.87	0,38	1,02						
		6	1,82	0,78	1,04	0,71						
		7	0,62	0,38	—	1,91						
		8	0,22	1,80	—	0,75						
		9	—	0,62	5,47	1,64						
		10	0,48	1.80	—	0,59						
	Усы — рот — борода	11	3,05	0,31	—	0,47	0,62	3,42	—	—	—	1,56
		12	—	1,35	—	1.34	1,06	2.64	—	—	—	—
		13	1,52	0,87	—	0,86	1,53	1,16	0,48	—	—	0,37
		14	—	2.32	—	0,38	—	—	9,82	4,38	—	—
		15	0,98	0,92	1,33	0,99	1,39	1,05	0,96	0,34	0,25	0,75
	Рот	16	—	1.08	—	1,60	1,06	—	3,44	1,84	—	2,70
		17	0,71	0,90	1,95	1,22	0,61	1,32	1,41	1,53	1,52	—
		18	0,86	0,81	—	1,34	0,63	1,05	—	2,45	0,91	—
		19	—	—	23,80	1,34	1,06	—	—	—	4,58	—
		20	0,48	0,90	—	1,48	0,94	—	—	1,36	3,05	—
		21	0,14	0,72	4,76	1,51	0,77	0,52	1,06	1,22	2,44	0,89
		22	0,71	1,35	—	0,89	0,35	1,76	5,72	2,04	—	—
		23	0,57	1,80	—	0,53	0.85	0,70	—	2,04	0,30	2.70
		24	0.66	1,04	—	1,23	0,65	—	—	0,46	4,93	4,13
	Уши	25	2,52	0,90	—	0,22	0,79	2,64	1,41	—	0,37	1,10
		26	1,33	0,93	—	0,92	1,23	1,24	0,62	0,55	0,49	0,48
		27	0,61	0,77	—	1,53	0,60	—	4,89	2,62	1,30	—
		28	1,08	1,35	—	0,67	1,59	—	—	1,53	—	—
		29	1,08	—	—	1,34	1,06	—	—	—	4,58	—
		30	0,62	1,07	1,61	1,13	0,94	0,73	0,93	1,27	1,20	1,29

Таблица 4

приемов (%) и их тенденция

Усы — рот — борода					Рот						
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
21,8		43,6		14,5		7,2	3,6		1,8	1,8	1,8
2,2	1,1	25,0	6,8	13,6	4,5	9,0	3,4		3,4	9,0	3,4
				20,0		20,0		20,0		60,0	
3,3	1,1	24,7	1,1	14,6	6,7	12,3	5,6	1,1	5,6	19,1	2,2
4,4	0,8	43,7		20,5	4,4	6,2	2,6	0,8	3,5	9,8	0,8
24,4	2,2	33,3		15,5		13,3	4,4			6,6	4,4
		14,2	28,5	14,2	14,2	14,2				14,2	14,2
			12,8	5,1	7,6	15,3	10,2		5,1	15,3	5,1
				3,8		15,3	3,8	3,8	11,5	30,7	
11,1		11,1		11,1	11,1						
7,1											
	0,8										
		28,5									
			2,9								
				14,7	5,7	14,2	5,7		5,7	22,8	5,7
				20,0	4,2						
				20,8		10,0					
				18,1			4,2				
								0,8			
				22,2					3,7		
				26,6						12,6	
				33,3							2,5
				16,6							
				23,0							
29,1	4,1	45,8		8,3		8,3	12,5				
10,9	1,8	38,1	3,6	16,3	3,6	9,0	1,8			3,6	3,6
		14,2		14,2		14,2	14,2			42,8	
		25,0		50,0		25,0				25,0	
									25,0	50,0	
2,7		23,6	5,5	14,5	5,5	10,4	3,4	1,3	5,5	15,2	2,7
3,07	–	1,52	2,34	0,98		0,72	0,85	–	0,48	0,14	0,72
0,30	1,37	0,87	–	0,92	1,07	0,90	0,80	–	0,91	0,71	1,36
–	–	–	0,37	1,36	–	2,00	–	25,0	–	4,76	–
0,46	1,37	0,86	–	0,99	1,59	1,23	1,33	1,37	1,51	1,51	0,88
0,61	1,00	1,53	–	1,39	1,04	0,62	0,61	1,00	0,94	0,77	0,32
3,43	2,75	1,16	–	1,05	–	1,33	1,04	–	–	0,52	1,76
–	–	0,49	9,82	0,96	3,38	1,42	–	–	–	1,12	5,68
–	–	–	4,41	0,34	1,80	1,53	2,42	–	1,37	1,21	2,04
–	–	–	–	0,25	–	1,53	0,90	4,45	3,10	2,43	–
1,56	–	0,38	–	0,75	2,64	–	–	–	–	–	–
					1,35	1,42	1,35	–	1,54	1,80	2,28
				1,36							
				1,41							
				1,23							
				–							
				1,51							
				1,80							
				2,26							
				1,12							
				1,56							
4,09	5,12	1,60	–	0,56	–	0,83	2,97	–	–	–	–
1,53	2,25	1,33	1,24	1,10	0,85	0,90	0,42	–	–	0,28	1,44
–	–	0,49	–	0,96	–	1,42	3,38	–	–	3,39	–
–	–	0,87	–	3,40	–	2,50	–	–	–	1,98	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,75	3,96	–
0,38	–	0,82	1,89	0,98	1,30	1,04	0,80	1,62	1,48	1,20	1,08

	Изобразительные приемы, №		Рот		Уши					
			23	24	25	26	27	28	29	30
А	Брови – нос	1	7,2	3,6	25,4	30,9	1,8	1,8	1,8	38,1
		2	22,7	5,6	9,0	21,5	2,2	2,2		64,7
		3								100,0
		4	6,7	6,7	2,2	21,3	4,4	1,1	2,2	68,5
	Глаза	5	10,7	3,5	8,0	28,5	1,7	2,6	1,7	57,1
		6	8,8		26,6	28,8				44,4
		7			14,2	14,2	14,2			57,1
		8	25,6	2,5		12,8	7,6	2,5		76,9
		9	3,8	26,9	3,8	11,5	3,8		7,6	73,0
		10	33,3	22,2	11,1	11,1				77,7
	Усы – рот – борода	11			41,1	35,2				23,5
		12			50,0	50,0				
		13			16,1	30,8	1,4	1,4		50,0
		14				28,5				71,4
		15	14,2	8,5	5,7	25,7	2,8	5,7		60,0
	Рот	16				20,0				80,0
		17			8,3	20,8	4,1	4,1		62,5
		18			30,0	10,0	10,0			50,0
		19								100,0
		20							11,1	88,8
		21				6,6	10,0	3,3	6,6	73,3
		22				33,3				66,6
		23	12,6			26,6	3,3			70,0
		24		5,9				7,6		92,3
	Уши	25			10,0					
		26	14,5			23,1				
		27	14,2				2,9			
		28		25,0				1,6		
		29							1,6	
		30	14,5	8,3						60,5
Б	Брови – нос	1	0,57	0,66	2,54	1,33	0,62	1,12	1,12	0,62
		2	1,80	1,03	0,90	0,93	0,75	1,37		1,06
		3	–	–	–	–	–	–	–	1,65
		4	0,53	1,24	0,22	0,92	1,51	0,68	1,37	1,13
	Глаза	5	0,84	0,64	0,80	1,23	0,58	1,62	1,06	0,94
		6	0,69	–	2,66	1,24	–	–	–	0,73
		7	–	–	1,42	0,61	4,89	–	–	0,94
		8	2,03	0,46	–	0,55	2,62	1,56	–	1,27
		9	0,30	4,98	0,38	0,49	1,31	–	4,75	1,20
		10	2,64	4,11	1,11	0,48	–	–	–	1,28
	Усы – рот – борода	11			4,11	1,52	–	–	–	0,38
		12			5,00	2,16	–	–	–	–
		13			1,61	1,33	0,48	0,87	–	0,82
		14			–	1,23	–	–	–	1,18
		15	1,12	1,57	0,57	1,11	0,96	3,56	–	0,99
	Рот	16			–	0,86	–	–	–	1,32
		17			0,83	0,90	1,41	2,56	–	1,03
		18			3,00	0,43	3,44	–	–	0,82
		19			–	–	–	–	–	1,65
		20			–	–	–	–	6,93	1,46
		21			–	0,28	3,44	2,06	4,12	1,21
		22			–	1,44	–	–	–	1,10
		23			–	1,15	1,13	–	–	1,15
		24			–	–	–	4,75	–	1,52
	Уши	25	–	–						
		26	1,15	–						
		27	1,12	–						
		28	–	4,62						
		29	–	–						
		30	1,15	1,53						

скольку известно, что первые два типа статуй датируются соответственно VI—VIII (до начала IX в.) и IX — первой четвертью XIII в., «возраст» стеловидных изваяний, естественно, предопределяется как более поздний. Судя по всему, первые стеловидные фигуры человека появились в степи не ранее второй половины XII в.— времени усиления межплеменных распрей среди населения рассматриваемого региона, накануне монгольского завоевания в первой четверти XIII в. [8, с. 69, 70]. Надо полагать, что в подобной трактовке древний обычай ставить скульптуры из камня в честь умершего сородича просуществовал не меньше столетия. Появление стеловидных статуй во второй половине XII в. ускорило процесс отмирания традиционного изобразительного канона. В свою очередь, под непосредственным влиянием распространившегося ислама стеловидные фигуры постепенно трансформировались в безликие стелы и каменные столбы, которые и теперь еще можно встретить на мусульманских кладбищах XV—XVIII вв. Казахстана, Оренбуржья, Средней Азии [13, табл. XVII, *3—8*]. В пользу относительно позднего происхождения стеловидных изваяний свидетельствует и картографирование всех типов данных памятников [22, с. 188], а также отсутствие сосудов в кимако-кипчакских погребениях (XII—XIV вв.) в Казахстане, что согласуется с отсутствием изображений сосуда на стеловидных фигурах [23, с. 278—294].

Таким образом, относительно поздняя датировка указанных памятников подтверждается археологическим материалом, стилистическим анализом, картографированием разнотипных статуй средневековья. В связи с вышеизложенным тезис о синхронности стеловидных скульптур «древнетюркским» [6, с. 44, рис. 15] представляется неубедительным. Надо отметить, что положение рук и изображенные вещи, равно как их отсутствие, являются не просто морфологическими признаками, образующими пространственную форму заданной плоскости. Они отражают также различные этапы развития религиозных представлений в рамках общих традиций, связанных с культом предков, поскольку каждая каноническая композиция, несомненно, была предопределена смысловым значением памятника. Особенности стиля в сочетании с морфологическими признаками дают наиболее достоверную относительную периодизацию. Ее можно назвать исторической периодизацией, так как она отражает не только типологическую эволюцию, но и изменения в формах религиозных воззрений [24, с. 10]. Для произведений искусства появление новых типов совсем не означает немедленного прекращения старой традиции [25, с. 275]. Какое-то время они сосуществуют, что порождает сначала переходные варианты, а уж потом появляются и принципиальные отличия от исходной формы. Вот почему при подсчете взаимовстречаемости изобразительных приемов иные элементы отказываются характерными и для предшествующего типа, и для последующего.

Практически все рассмотренные каменные изваяния носят явные черты портретности. Однако для человека, имеющего поверхностное представление о скульптуре евразийских кочевников, они кажутся совершенно одинаковыми. Но сходство это весьма относительно и определяется своеобразием средневековой пластики (невысокий рельеф плотно прижатых к туловищу рук, уплощенные лица, слабая моделировка силуэта), в значительной степени обусловленной спецификой материала (гранит). Конечно, идентификация создаваемых статуй во многом строилась на воспроизведении атрибуции, но главным было не это, а портретное сходство, возможно кажущееся недостаточным с точки зрения современного восприятия, поскольку осуществлялось за счет подчеркивания наиболее заметных элементов: широкий рот (рис. 4, *2*), косоглазие (рис. 3, *7*), близко поставленные глаза (рис. 3, *11*). Этим и обеспечивалась узнаваемость созданного образа.

Надо полагать, что из-за специфичности условий, в силу которых установка каменного изваяния являлась частью погребального обряда, древнему скульптору приходилось воспроизводить облик покойного по памяти, а не с натуры.

Отсюда, может быть, и некоторая условность этих произведений, иногда близкая к гротеску, вызванная стремлением отобразить характерные или запомнившиеся черты.

В заключение следует подчеркнуть, что весь ход вышеприведенного анализа подводит к главному выводу о существовании определенных закономерностей в процессе эволюции каменных изваяний. Это получило свое выражение в отнюдь не случайной смене композиционных канонов и изобразительных приемов на каждом хронологическом этапе, обусловленной логикой последовательного развития монументального искусства средневековых кочевников Евразии. Финальной стадией этого развития, в рамках реалистических традиций, стали стеловидные изваяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА, 1952, № 24.
2. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Наука, 1969.
3. *Кызласов Л. Р.* О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2.
4. *Кызласов Л. Р.* Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Наука. 1961.— СА, 1964, № 1.
5. *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Наука, 1961.
6. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л.: Наука, 1966.
7. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
8. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1974, вып. Е4-2.
9. *Вздорнов Г. И.* О понятиях «школа» и «письмо» в живописи Древней Руси.— Искусство, 1972, № 6.
10. *Шер Я. А.* Алгоритмы распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве).— В кн.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Наука, 1977.
11. *Адрианов А. В.* К археологии западного Алтая.— ИАК, 1916, вып. 62.
12. *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана.— Изв. АН КазССР, № 108. Сер. археол. Алма-Ата, 1951, вып. 3.
13. *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Тр. ОУАК, 1910, вып. XXII.
14. *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3.
15. *Чариков А. А.* Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.— СА, 1976, № 4.
16. *Чариков А. А.* Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья.— В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980.
17. *Маргулан А. Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане.— Изв. АН КазССР, № 108. Сер. археол. Алма-Ата, 1951, вып. 3.
18. *Чариков А. А.* Новая серия каменных статуй из Семиречья.— В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
19. *Чариков А. А.* Группа скульптур из Джамбула.— СА, 1980, № 3.
20. *Чариков А. А.* Статуя музыканта XII в.— СА, 1981, № 2.
21. *Генинг В. Ф.* Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н. э.— В кн.: Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
22. *Чариков А. А.* О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья.— СА, 1979, № 2.
23. *Арсланова Ф. Х.* Средневековый могильник из Прииртышья.— В кн.: История, философия, экономика. Сб. статей аспирантов и соискателей. Алма-Ата, 1963.
24. *Формозов А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах.— СА, 1970, № 3.
25. *Подольский Н. Л.* Рец. на кн.: Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969.— СА, 1973, № 3.

A. A. Charikov

SPECIFIC FEATURES OF STONE SCULPTURE OF KAZAKHSTAN

Summary

The author has studied 238 stone sculptures found in Kazakhstan and identified most common artistic means used to represent facial features. He has established a number of traits typical for each type («the ancient Turkic», «the Cuman» and «the stela-like») and a relative chronological framework for these monuments. In particular, he relates the stela-like sculptures to the 12th through 14th centuries A. D. and forwards an opinion that this tradition has found its continuation in memorial constructions marking graves on Moslem cemeteries in Kazakhstan and the neighbouring regions in the new time.

Ю. А. КРАСНОВ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ СОХИ

До конца минувшего столетия в лесной зоне соха оставалась важнейшим и универсальным орудием обработки почвы у русского крестьянства и крестьянства ряда соседних народов. Это было наиболее оригинальное восточноевропейское пахотное орудие, существенно отличавшееся от рал и плугов многими чертами своего устройства и функциональными возможностями. Неслучайно изучению сохи уделялось большое внимание. Тем не менее многие важные аспекты ее ранней истории, освещение которых невозможно без обращения к археологическим материалам, до сих пор остаются либо недостаточно разработанными, либо дискуссионными. Среди них вопросы о том, где, когда и в какой этнической среде возникла соха, как следует представлять процесс ее создания, как реконструировать устройство и функциональные возможности древних сох, каковы условия, определившие возникновение этого пахотного орудия и его дальнейшее развитие.

Археологические материалы о сохах представлены многочисленными находками железных наконечников (сошников), более редкими находками железных частей сошных полиц и единственной (ныне, к сожалению, утраченной) деревянной деталью древней сохи (рассохой) из дореволюционных раскопок в Старой Ладоге. Наибольшее значение для нашей темы имеют находки сошников (рис. 1).

Из всей массы железных наконечников пахотных орудий, известных в восточноевропейском археологическом материале, к сошникам следует относить лишь наконечники группы III, по предложенной нами классификации [1, с. 104, 105, 107—109, рис. 1, *5—7*]. Только эти наконечники, четко отличаясь от наральников и плужных лемехов, могут сопоставляться по форме, размерам и пропорциям с сошниками недавнего прошлого, известными по этнографическим материалам [1]. Длина наконечников группы III составляет 15,5—37 см, внутренняя ширина втулки 5—8 см. Отношение общей длины к наибольшей ширине, характеризующее пропорции наконечников, колеблется от 3 до 5. Большинство наконечников имеет лопасть, в продольном сечении выгнутую вперед в противоположную от втулки сторону, что свидетельствует о работе их под значительным углом к почве. Втулка в поперечном сечении обычно округлая, у некоторых ранних экземпляров овальная. По размерам сошники из археологических и этнографических материалов совпадают лишь частично: первые в среднем несколько меньше вторых (рис. 2); по пропорциям совпадение почти полное [1, рис. 5—7]. Древние железные наконечники всех разновидностей пахотных орудий обычно меньше известных в этнографии, что далеко не всегда может свидетельствовать о таких же различиях в размерах самих орудий [1, с. 107, 109].

По признаку относительной ширины втулки и лопасти наконечники группы III могут быть разделены на подгруппы, в которых по признаку симметрии или асимметрии лопасти выделяются типы [2].

Подгруппа А включает наконечники, характеризующиеся значитель-

[1] Нами исследовано 67 экз. наконечников группы III из археологических материалов и более 30 сошников XIX — начала XX в.

[2] Имеющиеся в литературе классификации сошников из археологических материалов [2—5] страдают известной нечеткостью и неопределенностью, что заставило автора вновь обратиться к этому вопросу. Подробнее об этом см. [1, с. 98—103].

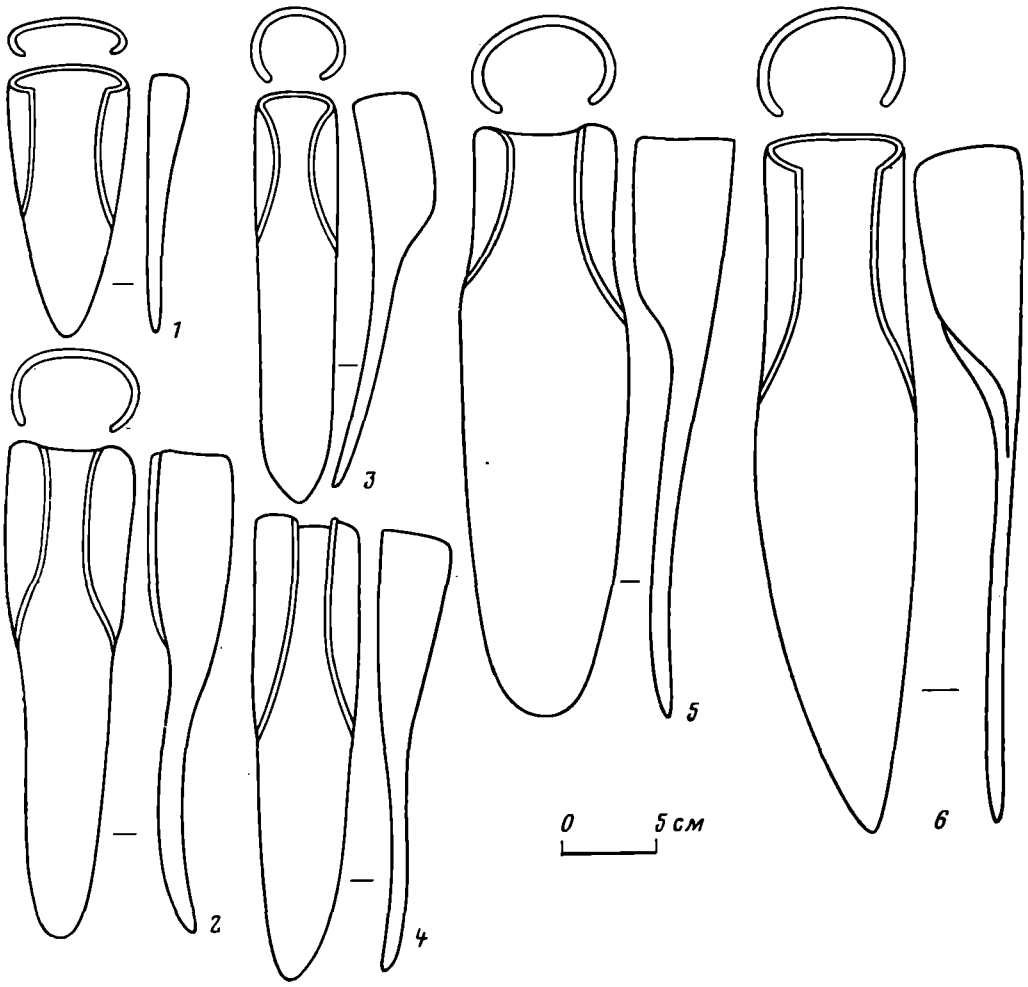


Рис. 1. Типы сошников. *1*, *2* — тип IIIA1; *3* — тип IIIБ1; *4* — тип IIIБ2; *5* — тип IIIВ1; *6* — тип IIIВ2. *1*, *4* — Старая Ладога; *2* — Шамоки; *3* — Новгород; *5* — Альметьево; *6* — Москва

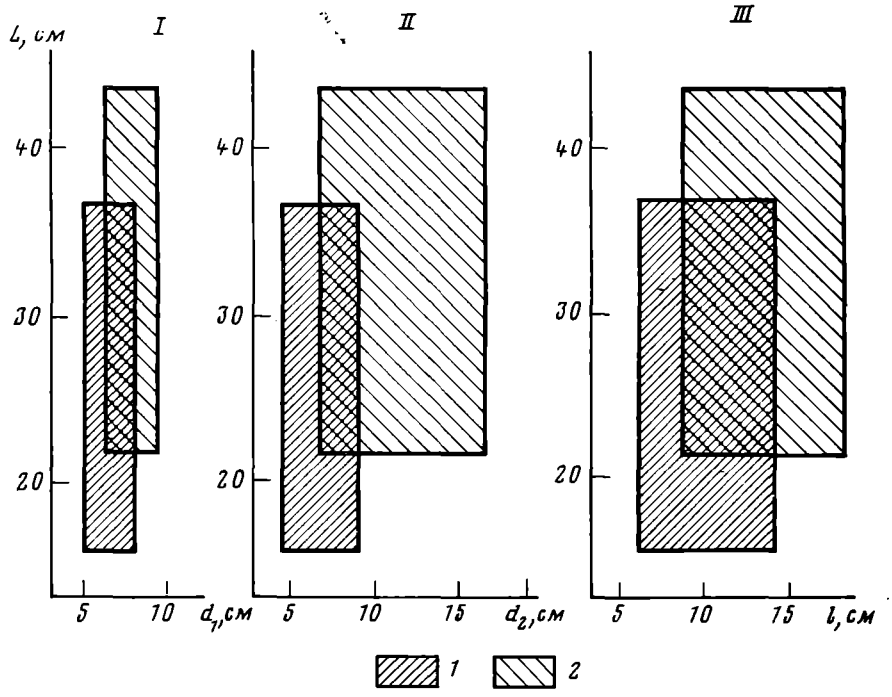


Рис. 2. Соотношение крайних пределов абсолютных размеров сошников из археологических (*1*) и этнографических (*2*) материалов. *I* — общая длина (*L*) и ширина втулки (d_1); *II* — общая длина (*L*) и наибольшая ширина лопасти (d_2); *III* — общая длина (*L*) и длина втулки (*l*)

ным сужением лопасти по сравнению со втулкой, которое начинается непосредственно у перехода последней в лопасть. В подгруппе один тип.

Тип IIIA1 (рис. 1, *1, 2*). Среди исследованных нами 20 экз. наконечников все узкие симметричные, длина (L) 15,5–26,5 см (в среднем 19 см). Ширина втулки (d_1) составляет менее $^1/_3$ общей длины (L/d_1=3–4,8, в среднем 3,3), длина втулки (l) – около $^1/_2$ общей длины (L/l=1,8–2,6, в среднем 2,2). У некоторых наконечников втулка несколько расширяется к тыльной части, у большинства имеет практически равную ширину по всей длине. Основное направление изменения во времени – значительное увеличение абсолютных размеров при более быстром возрастании общей длины.

Подгруппа Б включает наконечники двух типов, у которых лопасть на большей части длины имеет ширину, равную ширине втулки, сужаясь лишь к рабочему концу.

Тип IIIБ1 (рис. 1, *3*; 15 экз.) – узкие симметричные наконечники длиной 18,4–31 см (в среднем 25,7 см). Втулка в поперечном сечении округлая, ширина ее колеблется от $^1/_4$ до $^1/_5$ общей длины (L/d_1= =3,7–5, в среднем 4,3) длина – около $^1/_3$ общей длины (L/l=2,1–3,5, в среднем 2,8). У наконечников этого типа наблюдается тенденция к увеличению общей длины и длины втулки.

Тип IIIБ2 (рис. 1, *4*; 8 экз.) – узкие наконечники длиной 25–28 см (в среднем 25,7 см), близкие по пропорциям к наконечникам типа IIIБ1 (L/d_1=3,6–4,7, в среднем 4; L/l=1,8–2,5, в среднем 2,2), отличающиеся небольшой асимметрией лопасти.

Подгруппа В включает наконечники, лопасть которых не менее чем на 1 см превышает ширину втулки, а переход от втулки к лопасти часто оформлен в виде слабо выраженных плечиков. Подразделяется на два типа.

Тип IIIB1 (рис. 1, *5*; 10 экз.) – симметричные наконечники длиной 16–32 см (в среднем 26 см). Ширина втулки составляет от $^1/_3$ до $^1/_5$ общей длины (L/d_1=3–5, в среднем 4,2), длина колеблется от $^1/_2$ до $^1/_4$ общей длины (L/l=2,3–4,1, в среднем 3). Отношение общей длины наконечника к наибольшей ширине лопасти (L/d_2) изменяется от 2,8 до 4, составляя в среднем 3,3. Со временем у наконечников этого типа наблюдается увеличение всех размеров при более быстром росте общей длины.

Тип IIIB2 (рис. 1, *6*; 14 экз.) – наконечники длиной 16,7–37 см (в среднем 28,2 см), близкие по пропорциям к наконечникам типа IIIB1 (L/d_1=3,3–5, в среднем 4,2; L/d_2=2,8–4, в среднем 3,5; L/l=2,3–5, в среднем 2,7), отличающиеся асимметрией лопасти и в среднем несколько большими размерами. Основное направление развития во времени то же, что и у наконечников типа IIIB1.

Рассмотренные типы сошников возникли не одновременно. Наиболее древним является тип IIIA1: такие наконечники известны в материалах середины VIII – первой половины IX в. [6, с. 120, 121, рис. 3; 7], но встречаются и значительно позднее. Наконечники типа IIIБ1 появляются не позднее XI в., сошники типа IIIБ2 найдены с материалами, широко датированными XI–XIII вв., известны и позднее. Наконечники типов IIIB1 и IIIB2 возникли не ранее XII–XIII вв. Не вызывает сомнений, что все разновидности сошников из археологических материалов генетически связаны между собой [5]. Таким образом, развитие сошников шло от симметричных с лопастью, которая у́же втулки, к более крупным наконечникам с лопастью, равной по ширине втулке (одновременно появляются и асимметричные), и далее – к наконечникам с лопастью шире втулки, бóльшая часть из которых была асимметричной.

К вопросу о времени и месте возникновения сохи и ее ареале наиболее целесообразно подойти путем картографирования археологических находок сошников (рис. 3). О том, что такой подход правомерен, свидетельствуют этнографические данные: в отличие от рал, которые и в недавнем прошлом нередко применялись без железных наральников, сохи всегда имели железные наконечники. Смутные сведения о работе сохами без

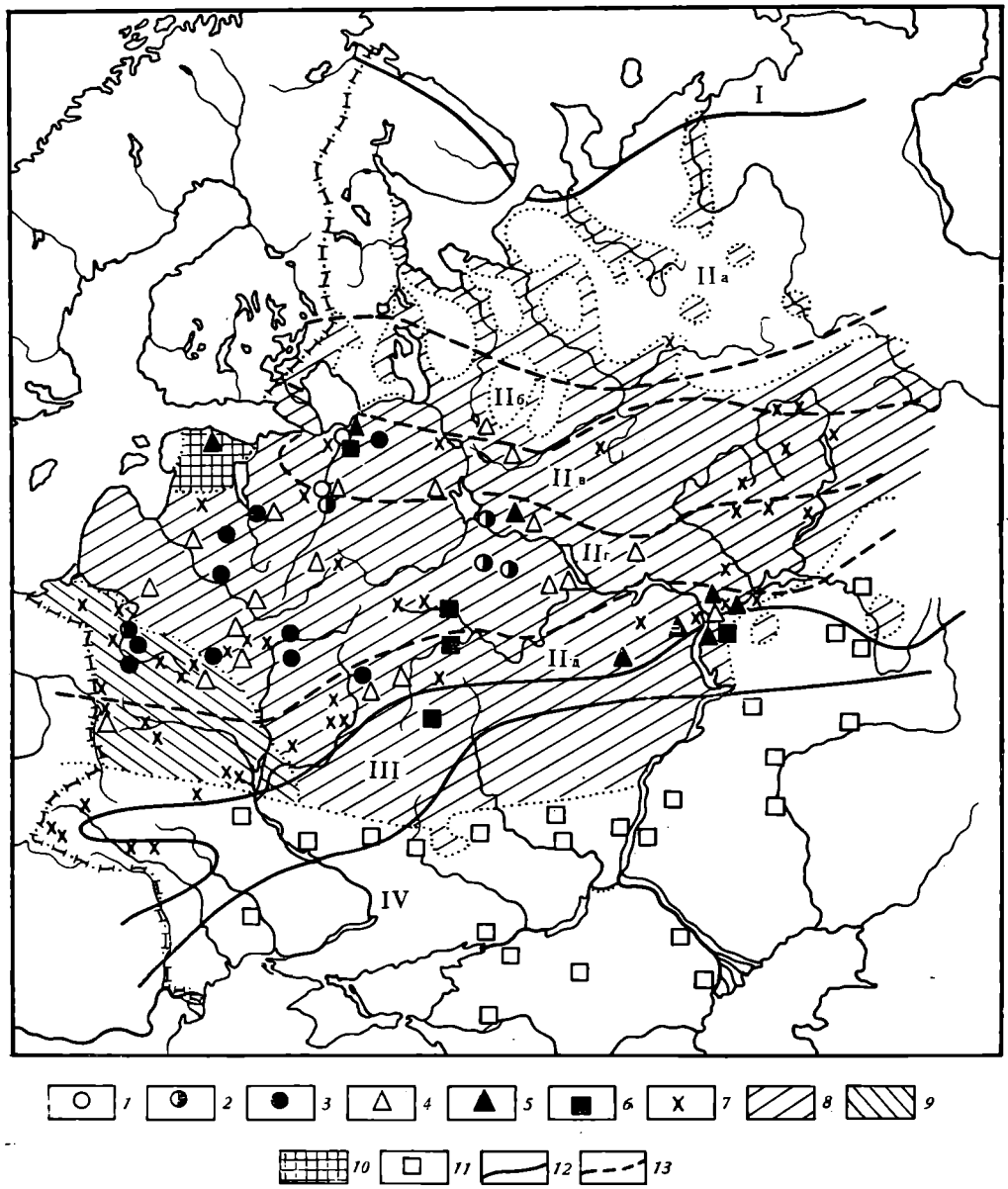


Рис. 3. Распространение сохи в европейской части СССР. *1* — находки сошников VIII—X вв.; *2* — находки сошников X—XI вв.; *3* — находки сошников XI—XII вв.; *4* — находки сошников XI—XIII вв.; *5* — находки сошников и полиц XIII—XIV вв.; *6* — находки сошников и полиц XV—XVII вв.; *7* — находки рал, предметов с изображениями древних рал и паральников, предшествующих времени возникновения сохи или синхронных с ней; *8* — ареал русской сохи к середине XIX в.; *9* — ареал литовской или полесской сохи к середине XIX в.; *10* — ареал эстонских сох с «журавлями» к середине XIX в.; *11* — районы применения русской сохи вне основного ее ареала в XIX в.; *12* — границы природных зон; *13* — границы подзон в лесной зоне. *I* — зона тундры; *II* — лесная зона (*IIа* — северная тайга, *IIб* — средняя тайга, *IIв* — южная тайга, *IIг* — подзона смешанных лесов, *IIд* — подзона широколиственных лесов); *III* — лесостепь; *IV* — степь

Границы ландшафтных зон и подзон внутри лесной зоны даны по кн.: Геоботаническое районирование / Под ред. акад. Лавренко Е. Н.— Тр. Комиссии по естественно-географическому районированию СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Ареалы различных вариантов сох показаны на основании работ: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967; *Moszynski K.* Kultura ludowa slovian. Krakow, 1929, t. I; *Феоктистова Л. Х.* Земледелие у эстонцев. XVIII — начало XX в. М.: Наука, 1980.

сошников имеются лишь в рассказах крестьян о том, как работали их деды и прадеды. Но эти рассказы носят, по существу, полулегендарный характер [8, с. 123; 9, с. 68], при отсутствии других данных доверять им трудно.

Древнейшие находки сошников происходят из Старой Ладоги и относятся к концу I тыс. н. э. [6, с. 120, 121, рис. 3, 4]. Один из них най-

ден в горизонте E_3 и должен датироваться серединой VIII — первой четвертью IX в., второй — в нижних пластах горизонта D, который относится к концу IX — началу X в.[3] Не моложе древнейшего староладожского наконечника сошники из клада сельскохозяйственных орудий на городище Холопий городок близ Новгорода. Клад предварительно датирован концом VIII — начало IX в. [7]. Ко времени не позднее X в. относится рассоха из Старой Ладоги [11, с. 48; 12, с. 344, 349].

На рубеже I—II тыс. н. э. наблюдается постепенное расширение ареала сохи. X или, скорее, XI в. датируются наиболее ранние сошники из Новгорода [13, с. 345; 14, с. 67, 68] и Пскова [15, с. 7]. Обломок сошника из Тимеревского могильника [16, с. 32] и сошник из кургана у с. Большая Брембола в нынешней Ярославской обл. [3, с. 32; 17, табл. XXIX, *14*] свидетельствуют, что в X—XI вв. сохи появились в Верхнем Поволжье.

Еще более широким представляется ареал сохи по находкам ее железных наконечников на памятниках XI—XII и XII вв. Кроме Новгорода [13, с. 348] и Пскова [18, рис. 46, *10*] сошники этого времени известны в курганах Приладожья [19, с. 71], бывш. Владимирской [17, с. 116, 149] и Могилевской [20, с. 155] губерний, в Минске, Гродно, Орше, Волковыске [21, рис. 2, *11*, 3, *1—4*, *8*, 5] [4], из городища Вщиж в Брянской обл. [3, с. 32, рис. 5, *3*], а также на памятниках Латвийской ССР [23, рис. 102; 24, рис. 19, *1*; 25, с. 7]. Находки сошников, широко датированных периодом XI—XIII, а также XII—XIII вв., известны из Новгорода [3, с. 31, 35; 13, с. 347—349; 26, рис. 43, *7*], Пскова [3, с. 31; 27, с. 213], Торопца [28], ряда пунктов на территории Белоруссии [21, с. 26—34], на памятниках Ярославской, Вологодской, Костромской [3, с. 31; 29], Владимирской [30, табл. XIII, *4*, *5*], Смоленской [31, с. 94, 303, 304; 32, рис. 24, *3*], Калужской [33, рис. 90, *8*, *9*], Брянской [34, с. 259], Рязанской [35, с. 259] областей, в бывш. Яранском уезде [3, с. 31], а также в Латвии и Эстонии [15, с. 7; 36, рис. 91; 37, с. 386]. Не позднее конца XII — начала XIII в. сохи появились на территории Волжской Болгарии, о чем свидетельствует находка сошников в кладе сельскохозяйственных орудий на Семеновском селище в Татарской АССР [5]. Об употреблении сохи в XIII—XIV вв. на землях мордвы свидетельствуют находки сошника на Паньжинском городище и сошной полицы в Старосотенском могильнике [3, с. 32, 37]. Бо́льшую часть сошников, обнаруженных в виде случайных находок на землях волжских болгар, можно типологически относить к тому же времени. Есть здесь и сошники, точно датированные золотоордынским временем [38, с. 135]. Вероятно, к XIII—XIV вв. следует отнести находки сошников и полицы у д. Пекоза в Марийской АССР и у д. Шамоки в Ветлужском р-не Горьковской обл. [39, с. 71, 72, рис. 76, *1*, *2*, *6*]. Сошники из Белгородской крепости свидетельствуют о распространении сохи в XVI—XVII вв. вплоть до лесостепи [40, рис. 6. *1*].

Приведенная сводка важнейших находок сошников позволяет прийти к выводу, что соха появилась в конце I тыс. н. э. на относительно небольшой территории северо-запада европейской части СССР, условно ограничиваемой Старой Ладогой на севере и Новгородом на юге. Представляется, что именно отсюда сохи постепенно распространялись на запад, юг и восток, в другие районы лесной зоны, достигнув в XIV—XVI вв. ее южных пределов и даже перешагнув их. Однако и в это время ареал сохи был у́же известного этнографам, он четко связан с районами распространения хвойных и смешанных лесов с их специфическими почва-

[3] Об основаниях для датировки древнейших слоев Старой Ладоги см. [10, с. 100—118].

[4] Т. Н. Коробушкина высказала мнение, что соха на территории Белоруссии появилась уже в X в. Основанием для такого вывода послужила находка обломка лопасти железного наконечника пахотного орудия в слое X в. посада древнего Лукомля [21, рис. 4, *5* и табл. 1]. Этот обломок нельзя, однако, точно интерпретировать по принадлежности к наконечникам рал или сох из-за его малых размеров и невыразительности [22, с. 276, 277].

[5] Материал хранится в Археологическом кабинете Казанского гос. университета.

ми. Очевидно, расширение ареала сохи не завершилось к XIV—XVI вв. и продолжалось позднее (рис. 3).

Археологические данные проливают свет и на вопрос о том, в какой этнической среде появилось это новое пахотное орудие. Этнический состав Староладожского поселения VIII—IX вв., где обнаружены древнейшие следы существования сохи, был весьма сложен. Тем не менее можно считать установленным, что уже с самого начала здесь присутствовал славянский компонент, ставший господствующим по меньшей мере в конце IX в. [41, с. 89, 90]. Славянское население было, очевидно, и в Холопьем городке, где найдены сошники, не уступающие по возрасту древнейшим староладожским. В Новгороде со времени его основания славянский элемент также, безусловно, занимал господствующее положение [41, с. 94; 42, с. 32—61; 43, с. 219, 220]. Памятники Ярославского Поволжья, на которых также имеются данные о раннем применении сохи, характеризуют славянскую колонизацию этого района [41, с. 115—128; 44, с. 194—198]; исходным пунктом ее был первоначально именно северо-западный район [45, с. 57—65], что для нас весьма важно.

Таким образом, древнейшие сведения о сохе относятся к территории, где на рубеже I—II тыс. н. э. имело место смешанное население, в котором славянский компонент был основным, ведущим. Это обстоятельство, а также тот факт, что большинство сошников XI—XIII вв. происходит из памятников восточных славян, позволяют с большой вероятностью рассматривать соху как элемент восточнославянской сельскохозяйственной культуры, возникший в специфических условиях северного лесного земледелия. Очевидно, именно от восточных славян заимствовали соху другие народы Восточной Европы.

Важные аргументы в пользу последнего тезиса дают лингвистические данные. Известно, что слово «соха» в значении пахотного орудия является восточнославянским [46, с. 469; 47, с. 703]. В то же время у нерусских народов Восточной Европы, применявших сохи, наряду с местными их названиями, часто идентичными или близкими названию рала, существовали термины, восходящие к слову «соха» [9, с. 65, 66; 48, с. 112, 119, 145; 49, с. 61; 50, с. 24; 51, с. 323 и др.]. Следовательно, и языковые, и археологические данные не позволяют согласиться с широко распространенным мнением, что соха возникла практически одновременно на обширной территории Восточной Европы у различных этнических групп населения [52, с. 25; 53, с. 115—159; 54, с. 100, 101]. И тем более лишены основания попытки, до сих пор предпринимаемые в зарубежной литературе [55, с. 207], искать родину сохи далеко от ее основного ареала.

В свете археологических данных трудно согласиться также с мнением, что в Восточной Европе соха возникла на заре пашенного земледелия непосредственно из орудий подсечного земледелия, являясь на этой территории древнейшим упряжным пахотным орудием [3, с. 25—27; 52, с. 23—31; 56, с. 52; 57, с. 45; 58, с. 58 и др.]. На самом деле повсюду в ареале сохи ей предшествовали, а частично были синхронны иные разновидности пахотных орудий, прежде всего рала (рис. 3, *7*). Наральники из Старой Ладоги [6, с. 118, 119, рис. 1] и Новгорода [13, рис. 2, *3*), отнесенные нами к типу IA2 [1, с. 113] (рис. 4), древнее найденных здесь же сошников; наральники из городища Городня на Волге [59, рис. 58, *8*] и Белоозера [60, рис. 43, *5*] по меньшей мере одновременны сошникам. К значительно более раннему времени, чем распространение сохи, относятся изображение рала на грузике из верхнего слоя Троицкого городища в Подмосковье [61, с. 270, 271, рис. 1, *2*; 62, с. 129] и находка близкого по конструкции орудия в торфянике у д. Каплановичи в Минской обл. БССР [62, с. 129; 63]. Часть наральников из памятников Белоруссии древнее найденных здесь сошников, часть — одновременна им [21, табл. 1]. К XIII в., периоду широкого распространения сохи, относится находка рала в Бресте [21, рис. 1, *1*]. В Среднем Поволжье, наральники из Азелинского могильника [64, табл. XXIV, *2*], городища Ош-Пандо [65, с. 47, табл. XVIIIA, *1, 2*], именьковских па-

мятников [66, табл. 13, *5—7*] значительно древнее найденных в этих же районах сошников. В тот период, когда соха, судя по находкам ее железных наконечников, начала распространяться в Волжской Болгарии, здесь широко применялись не только рала, но и плуги [67, с. 69, 70; 68, с. 60, 61]. То же следует сказать о южных районах лесной зоны, занятых русским населением. В Среднем и Верхнем Прикамье с прилегающими районами в XI—XIV вв. известны лишь находки наральников [67, с. 71, 72, рис. 6, *1*; 69, с. 114, табл. 30, *1*]. Соха появилась здесь позднее. В Прибалтике рало также предшествовало сохе [9, с. 62].

Очевидно, соха возникла на определенном, не самом раннем этапе развития пашенного земледелия в лесной зоне, и в дальнейшем распространилась в районах пашенного земледелия, частично вытеснив быто-

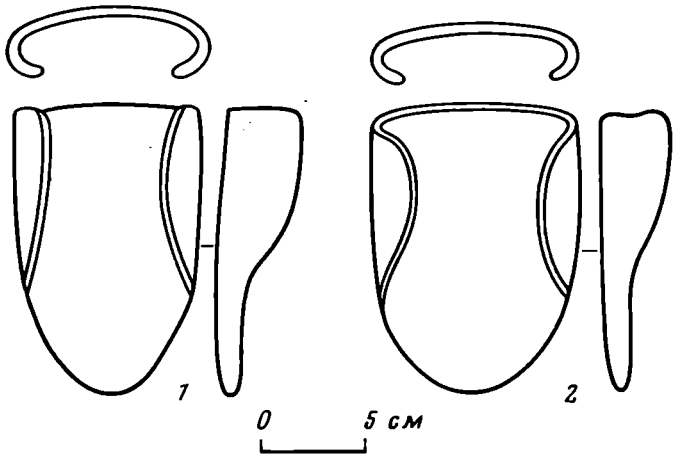


Рис. 4. Наральники типа IA2. *1* — Старая Ладога; *2* — Новгород

вавшие здесь ранее пахотные орудия, частично продолжая сосуществовать с ними. На малую вероятность того, что соха являлась орудием, предназначенным для первичного вспахивания почвы, и могла якобы возникнуть из бороны-суковатки или смыка, т. е. орудий вторичного рыхления, указывали и некоторые этнографы [70, с. 150].

Обратимся к сложным и неоднозначно решаемым вопросам реконструкции древних сох.

И в народе, и в этнографической литературе сохами называют группу орудий, существенно различающихся строением корпуса. Наиболее представительными и широко распространенными были так называемые русские или великорусские сохи [8, 58] [6]. Этнографические данные и средневековая иконография [75, 76] позволяют выделить следующие основные черты строения их корпуса (рис. 5, *1*): а) изготовление всех основных частей орудия из отдельных деталей; б) одноконная запряжка, в связи с чем приспособление для припрягания лошади имеет вид двух оглобель (рис. 5, *1, б*) [7]; в) соединение важнейших частей — рассохи (рис. 5, *1, а*) и оглобель — при помощи рогаля (рис. 5, *1, в*), горизонтального бруса, расположенного перпендикулярно направлению движения орудия, концы которого используются как рукояти; г) высокое, на уровне рук пахаря, расположение места приложения тяговой силы и центра тяжести

[6] Название «русская (великорусская) соха», появившееся в работах этнографов XIX в. и прочно утвердившееся в литературе, достаточно условно, как и многие другие названия разновидностей пахотных орудий, происходящие от наименований народа или района, где они были зафиксированы. Сохи такого же устройства применялись не только русскими, но и белоруссами [71], украинцами [72], а также финно-угорскими [9, 48], балтоязычными [73, 74] и тюркоязычными [49—51] народами Восточной Европы.

[7] На окраинах ареала русской сохи, где она соседствовала с ралом, у сохи применялась иногда пароконная или, реже, парная бычья запряжка, при которой оглобли заменялись грядилем.

орудия; д) использование для придания жесткости орудию и регулирования глубины вспашки подвоев (рис. 5, *1*, *д*) — прутяных, лыковых или веревочных связей между рассохой и оглоблями; е) двузубость рассохи, хотя были известны также редкие однозубые и многозубые орудия с сошным корпусом; ж) изогнутость рассохи в вертикальной плоскости.

В функциональном отношении русские сохи были весьма разнообразны, причем это разнообразие было связано с наличием, а также способом установки еще одной детали — полицы (рис. 5, *1*, *ж*), но не с основными чертами строения корпуса. В этом отношении выделяют сохи без полицы (рис. 6, *2*), которые можно сближать с ралами без отвальных при-

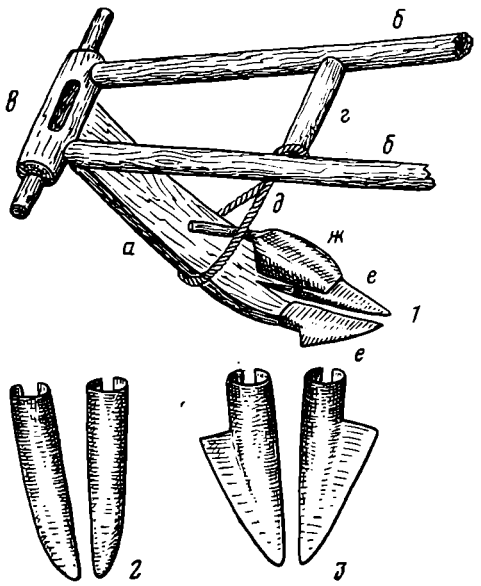


Рис. 5. Русская соха (*1*) и ее сошники: коловые (*2*) и перовые (*3*). *а* — рассоха; *б* — оглобли (обжи); *в* — рогаль; *г* — перечень; *д* — подвои; *е* — сошники; *ж* — полица

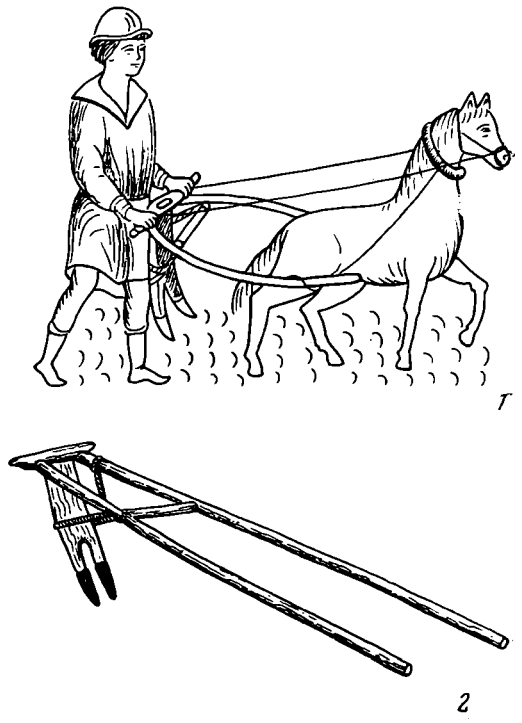


Рис. 6. Русская соха без полицы по иконографическим и этнографическим данным. *1* — с миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.; *2* — из бывш. Новгородской губ.

особлений, сохи с перекладной полицей, или перекладные (рис. 5, *1*), близкие по функциональным возможностям к ралам с отвальными приспособлениями или дополнительными ральниками, и сохи с неподвижной полицей, или односторонки, относящиеся уже к орудиям плужного типа. Указанные группы знаменуют и основные этапы исторического развития сох, причем наиболее ранней является соха без полицы [8, с. 21 сл.; 58, с. 58, 59],

Характерными чертами своего корпуса русские сохи существеннейшим образом отличаются от восточноевропейских рал и плугов [67, 68]. В этой связи важно отметить, что имеющиеся археологические материалы не позволяют выделить среди железных наконечников пахотных орудий какие-либо формы, которые можно бесспорно считать переходными от наральников к сошникам. Даже самые ранние сошники по форме и пропорциям четко отличаются от наральников в целом и каждого из конкретных их типов [1, рис. 1]. Пожалуй, наибольшие различия имеются между древнейшими сошниками и наральниками типа IA2, распространенными в предполагаемом районе возникновения сохи и частично предшествующими ей во времени (рис. 7; ср. также рис. 1, *1* и рис. 4). Очевидно, даже самые ранние сохи сильно отличались от рал по своему устройству.

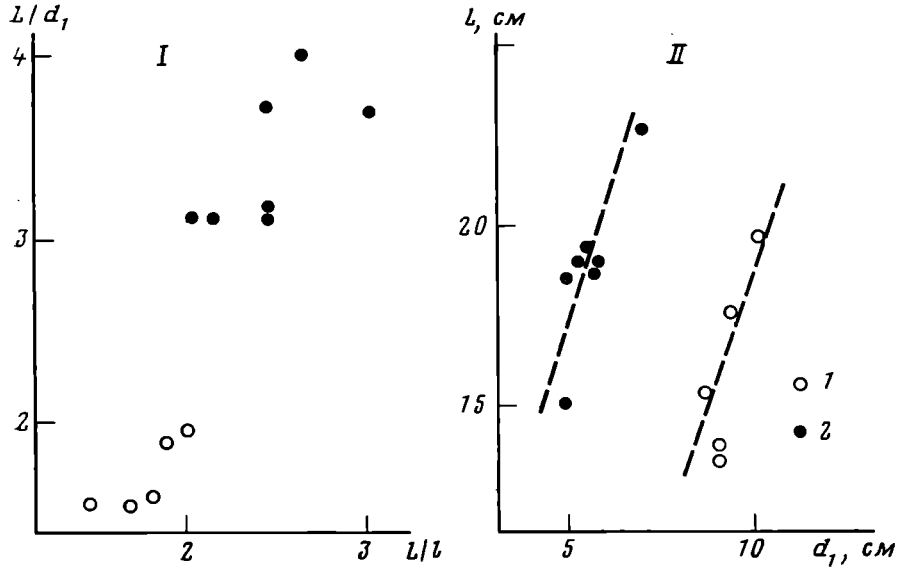


Рис. 7. Наральники типа IA2 (*1*) и сошники VIII—X вв. (*2*). *I* — корреляция отношений общей длины к ширине втулки (L/d_1) и общей длины к длине втулки (L/l); *II* — корреляция абсолютных размеров общей длины (L) и ширины втулки (d_1)

С другой стороны, характерные черты корпуса русской сохи отличают ее и от других пахотных орудий, также называемых сохами: эстонских сох с «журавлями» (рис. 8, *1, 2*), имевших низкое расположение точки приложения тяговой силы, часто — парную запряжку с грядилем, и по функциональным качествам относящихся к перекладным [9, с. 65—67, 71—73, рис. 14—20], редких карельских сох с грядилем (рис. 8, *3*), часть из которых также имела перекладную полицу [77, с. 141; 78, с. 88, рис. 29], литовских или полесских сох (рис. 8, *4*), всегда имевших парную грядильную запряжку, а по функциональным качествам принадлежащих к односторонкам [8, с. 54, 55; 72, с. 58—60]. В устройстве корпуса всех этих орудий отчетливо прослеживаются черты местных вариантов рал с рабочей частью, вставлявшейся в грядиль снизу [67, с. 65, рис. 1, *5, 7, 8, 11*]. Не случайно они были распространены только на стыке засвидетельствованных этнографией ареалов русской сохи и рала (рис. 3). Их надо рассматривать как контаминационные типы, сформировавшиеся в результате взаимодействия русской сохи и определенных разновидностей рал. Но отсюда следует вывод, что такие орудия исторически должны быть моложе русской сохи, о чем говорят и функциональные качества большинства из них. Это весьма важное соображение в пользу того, что древнейшие сохи по своему устройству были близки к известным в этнографии русским сохам. Заметим, что наиболее ранние рисунки сох, относящиеся к XVI в., изображают типичные русские сохи с одноконной оглобельной запряжкой (рис. 6, *1*).

Использование лошади для приведения в движение пахотных орудий относится в Восточной Европе к весьма раннему времени. По убедительному мнению В. И. Цалкина, на это обстоятельство указывает состав остеологического материала из памятников черняховской культуры [79, с. 81, 97]. Древнейшие письменные свидетельства о пахоте у восточных славян упоминают и вола, и лошадь [80, с. 40]. Хомут, важная принадлежность одноконной запряжки, по археологическим данным известен на рассматриваемой территории не позднее X в. [81, с. 56]. Русская Правда говорит о коне как важнейшем рабочем животном смерда и закупа [82, с. 339, 420, 421, 429]. В зафиксированных летописью речах Владимира Мономаха упомянуты смерды, пашущие на одной лошади [83, т. 1, с. 277; т. 2, с. 252, 253, 264, 265]. Об одноконной запряжке сох в Прибалтике свидетельствуют документы XIII в. [84, с. 45]. Все эти данные делают весьма вероятным предположение, что одноконная запряжка мог-

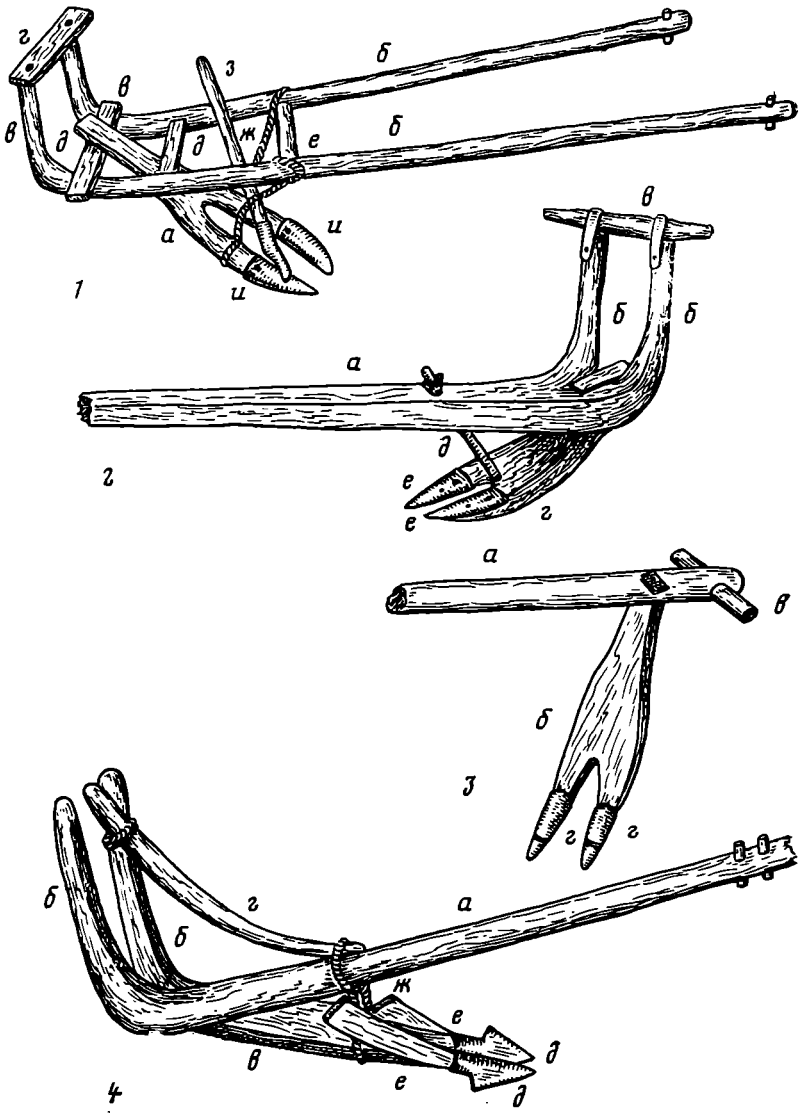


Рис. 8. Разновидности сох. *1* — североэстонская соха с длинными «журавлями» и длинной рассохой (*а* — прямая в продольном сечении рассоха; *б* — оглобли, составляющие одно целое с «журавлями», основой для рукояток *в*; *г* — перекладина между «журавлями», служившая рукояткой; *д* — брусья, зажимавшие рассоху; *е* — перекладина между оглоблями; *ж* — подвои; *з* — полица; *и* — сошники); *2* — североэстонская соха с длинными «журавлями» и короткой рассохой (*а* — грядиль, задняя часть которого переходит в «журавли»; *б* — «журавли», основа для рукоятки; *в* — перекладина между «журавлями», служащая рокояткой; *г* — рассоха; *д* — винт между грядилем и рассохой для установки угла последней по отношению к почве; *е* — сошники); *3* — карельская соха с грядилем (*а* — грядиль; *б* — рассоха, вдолбленная снизу в задний конец грядиля; *в* — рукоятка, проходящая через задний конец грядиля; *г* — сошники); *4* — литовская или полесская соха из Полесья Украины (*а* — грядиль, составляющий одно целое с рукоятками; *б* — рукоятки; *в* — рассоха, вдолбленная снизу в задний конец грядиля; *г* — дополнительная рукоятка для наклона сохи; *д* — сошники; *е* — отвальные дощечки; *ж* — подвои)

ла быть характерной для сохи уже с самого начала ее существования. По-видимому, само приспособление пахотного орудия к одноконной запряжке сыграло важную роль в формировании характерного способа соединения основных деталей сохи при помощи рогаля и появление оглобель. Имеющиеся этнографические данные о применении сох с грядилем только на окраинах ареала сохи, где она соседствовала с ралом [8, с. 44], а также то обстоятельство, что при парной запряжке с грядилем у сох оглобли хотя бы в рудиментарном или измененном виде все же сохранялись [9, рис. 21, *1*; 72, табл. IX, *4а*], могут свидетельствовать, что запряжка с грядилем у сох моложе оглобельной.

Наконец, уже упоминавшаяся староладожская рассоха X в. полностью соответствовала по размерам и особенностям устройства рассохам именно русской сохи, причем, судя по ее ширине, она была приспособлена для соединения с рогалем. Очевидно, древнейшие староладожские сохи имели одноконную оглобельную запряжку.

В свете этих соображений кажется весьма спорным представление А. В. Чернецова о том, что сохи без рогаля, с грядилем, в задний конец которого вставлялась рассоха (типа рис. 8, *2, 3*), были древнейшей разновидностью сохи, переходной от рала к русской сохе [85, с. 396, 397, табл. 1; 86, с. 78, 79, табл. 1, *9, 14, 15, 20*]. О древности подобных сох мы не располагаем никакими данными. Вывод А. В. Чернецова основан исключительно на типологических построениях, которые в указанном случае представляются весьма интересными, но недостаточными. С неменьшим основанием подобные сохи с грядилем можно рассматривать как позднюю контаминацию русской сохи и рала. Именно так (и не без оснований) расценивал этнограф Г. Рянк североэстонские сохи с длинными журавлями и короткой рассохой (рис. 8, *2*), относя их возникновение едва ли не к XIX в. [87, с. 20].

Интерпретация асимметричных сошников из археологических материалов не вызывает сомнений: все исследователи относят их к двузубым орудиям. Что касается сошников с симметричной лопастью, то здесь существуют различные точки зрения: их относят и к многозубым [3, с. 28, 35; 11, с. 39; 13, с. 315—320, 344—350], и к однозубым [6, с. 121; 15, с. 7], и к двузубым [4, с. 142, 143; 21, с. 25, 26] сохам. Последнее предположение кажется наиболее вероятным. Действительно, сторонники отнесения всех или части симметричных сошников из археологических материалов только к многозубым орудиям исходили в своем предположении, по существу, лишь из гипотезы П. Н. Третьякова о происхождении сохи от бороны-суковатки и об «исконной многозубости сох» [52, с. 23—31], которая, заметим, в свете этнографических материалов, данных письменных источников и средневековой иконографии представляется более чем сомнительной [70; 88, с. 53—71]. Авторы отмечали также, что двузубым орудиям могут соответствовать только асимметричные сошники. Это обстоятельство рассматривалось в качестве аргумента в пользу возможности интерпретировать древнейшие сошники как наконечники однозубых орудий. Однако асимметрия лопасти двузубых орудий технически необходима лишь тогда, когда их железные наконечники устанавливались под небольшим углом к почве [89, т. I, с. 54].

Три важных момента могут свидетельствовать в пользу того, что сошники из археологических материалов с наибольшей степенью вероятности следует относить к двузубым сохам. Во-первых, это то обстоятельство, что рассоха из Старой Ладоги, синхронная ранним симметричным сошникам, имела двузубую форму. Во-вторых, этнографические [8] и средневековые иконографические источники [75, 76] не дают оснований говорить ни о сколько-нибудь широком распространении многозубых и однозубых сох, ни о большой их древности[8]. В-третьих, это традиция письменных источников считать сошники парами, что прослеживается по крайней мере с XIV в. [84, с. 46, 47; 88, с. 65—69]. Следует отметить также, что наконечники типа IIIA1, к числу которых принадлежат древнейшие сошники из Старой Ладоги, Холопьего городка, Новгорода и верхневолжских памятников X—XI вв., по своим пропорциям вполне мо-

[8] Все исследователи считают изображения трехзубых сох конца XVI—XVII в. не отражающими реально существовавшие орудия [52, с. 29; 76, с. 22; 88, с. 55—58]. Некоторые из таких изображений можно расценивать как неумелые рисунки сох с полицами. По мнению Д. К. Зелинина, многозубые сохи, как и многозубые рала, возникли сравнительно поздно и применялись в качестве культиваторов [8, с. 19]. Рисунки однозубых орудий с сошным корпусом редки, относятся только к XVII в. [76]. Один из таких рисунков может рассматриваться как изображение чертежа, в другом можно видеть однозубую косулю. Однозубые сохи в XVIII—XIX вв. встречались редко, их сошники обычно существенно отличались по форме от сошников, известных в археологическом материале [8, с. 101—108, 150, 161].

гут быть сопоставлены с сошниками двузубых сох из этнографических материалов (рис. 9). Иными словами, в нашем распоряжении нет каких-либо реальных данных, препятствующих интерпретации даже самых ранних сошников в качестве наконечников двузубых орудий. Это не исключает, конечно, возможности применения и в древности однозубых и многозубых сох, но, как и в недавнем прошлом, они были редки. Время их появления неизвестно.

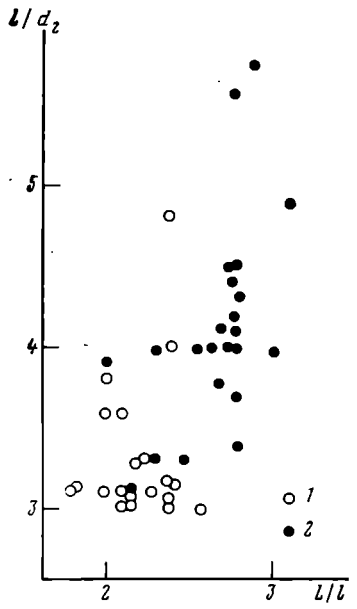


Рис. 9. Сошники типа IIIA1 (*1*) и сошники двузубых сох из этнографических материалов (*2*). Корреляция отношений общей длины к наибольшей ширине лопасти (L/d_2) и общей длины к длине втулки (L/l)

Завершая обзор материалов к реконструкции древних сох, отметим, что находки древнейших сошников не сопровождаются находками полиц, наиболее ранние железные части которых датируются XIII—XIV вв. [3, с. 32, 35, 37; 15, с. 9; 36, с. 91].

Итак, несмотря на скудость и разнородность имеющихся источников, мешающую принятию однозначного решения, кажется наиболее вероятным реконструировать древнейшие сохи как двузубые орудия без полицы, в основных чертах сходные по устройству корпуса и способу запряжки с русскими сохами, известными по этнографическим и средневековым иконографическим данным (рис. 6). Ближайшими этнографическими параллелями им могут служить так называемые «цапульки» или «цапухи», а также часть «паловых» или «подсечных» сох. Они применялись на землях, недавно освобожденных от леса [8, с. 21—23; 9, с. 122, 123; 52, с. 32; 58, с. 55—57; 70, с. 145; 90, с. 79], но не при подсечной системе земледелия, как это нередко считают [57, с. 48], а в условиях лесного перелога или превращения подсек в поля длительного пользования [91, с. 53; 92, с. 54][9]. Для таких сох, изображения которых можно узнать и на некоторых миниатюрах XVI—XVII вв., характерны почти вертикальная установка рассохи, следствием чего была неглубокая, поверхностная вспашка, и узкие сошники, лопасть которых нередко имела специфическую «шиловидную» форму [8, с. 31, 158], напоминающую форму наконечников типа IIIA1 из археологических материалов.

Если предложенная реконструкция верна, становятся ясны резкие отличия корпуса древнейших сох от корпуса других восточноевропейских пахотных орудий — рал различных типов и плугов. В таком случае возникновение сохи предпочтительнее рассматривать не как результат длительного эволюционного процесса медленных и постепенных изменений рала через ряд переходных форм [93, с. 78—82, рис. 3], а как единовременное изобретение; подобные примеры в истории народных пахотных орудий достаточно многочисленны [8, с. 19, 20, 102—106; 94, с. 75]. В пользу последнего тезиса говорит и отсутствие в археологическом материале железных наконечников пахотных орудий, которые можно было бы убедительно рассматривать как переходные от наральников к сошникам, на что уже обращалось внимание. Это не значит, что рала, применявшиеся на территории возникновения сохи и предшествовавшие ей по времени, не оказали определенного влияния на ее устройство. Такие рала, оснащенные наральниками типа IA2, могут быть реконструированы как однозубые орудия с высоким положением места приложения тяговой силы и почти вертикальной установкой рабочей части [67,

[9] Во второй половине XVIII—XIX в. на освобожденных от леса участках нередко применялись и обычные перекладные сохи, с которых снималась полица. В этих случаях они также нередко назывались «подсечными» или «паловыми».

рис. 8, *5*]. Оба эти признака, важные с точки зрения функциональных возможностей пахотных орудий, были свойственны и ранним сохам. Вполне возможно, что они перешли к новому орудию от предшествующих ему рал. Напомним, что среди народных наименований железных наконечников сох есть и название «наральники», указывающие на определенную связь сохи и рала [8, с. 31, 34]. Следует в этой связи обратить внимание еще на одно обстоятельство. Рала с наконечниками типа IA2 имели широкие ральники: ширина втулки их железных наконечников достигала 9—10 см. Ширина же втулки сошников VIII—X вв. составляет 5—7 см, т. е. почти вдвое меньше. Это наводит на мысль, что возникновение сохи было связано, в частности, с раздвоением рабочей части пахотного орудия, а не с ее удвоением, как предполагал Д. К. Зеленин [8, с. 132]. В плане сопоставления наральников типа IA2 и древнейших сошников следует отметить частичное совпадение их размеров (рис. 7, *II*) и то, что некоторые ранние сошники, как и наральники, имели овальную в поперечном сечении втулку (ср. рис. 1, *1* и 4). Таким образом, допустимо предположение, что соха сформировалась на основе рал определенного типа — с высоким расположением места приложения тяговой силы и почти вертикально установленным ральником, на что указывал и А. В. Чернецов [86, с. 78, 79; 93, с. 79—82]. Однако техническое воплощение принципа устройства этого нового пахотного орудия, приспособленного для одноконной запряжки, оказалось совершенно иным. Данное обстоятельство и позволяет говорить о возникновении сохи как единовременном изобретении.

Дальнейшее развитие сохи хорошо восстанавливается на основе различных источников. Сошники типов IIIБ1 и IIIБ2 (рис. 1, *3*, *4*), в целом более крупные и массивные, чем тип IIIA1, могут сопоставляться по форме, размерам и пропорциям с коловыми сошниками [8, с. 31, 32] сох недавнего прошлого (рис. 5, *2*; 10, *I*). Такие сохи, судя по этнографическим материалам, могли иметь различную установку рассохи, применяться с полицей и без нее, на различных по характеру почвах. Особенно часто использовались они на твердых и каменистых землях. Крупные и прочные наконечники их в этих случаях не ломались и не загибались от напора камней [8, с. 32]. Наконечники типа IIIB2 (рис. 1, *6*), особенно поздние их экземпляры, убедительно сопоставляются с перовыми сошниками двузубых сох [8, с. 32, 33] недавнего прошлого (рис. 5, *3*; 10, *II*), имевших в конце XIX — начале XX в. наибольшее распространение во всем ареале сохи. Однако перовые сошники из этнографических материалов имеют более широкую лопасть, чем археологические (наибольшая ширина лопасти последних составляет 9,5, первых — 16,5 см), знаменующие лишь начальный этап формирования этой разновидности железных наконечников сох. Различия же в общей длине и длине втулки у них не столь существенны (рис. 2, *I*, *III*). Сохи с перовыми сошниками имели менее крутую установку рассохи, всегда снабжались полицей и применялись главным образом для обработки старопахотных земель. Ими было удобно запахивать семена и навоз. Последнее обстоятельство было особенно важно при трехпольной системе земледелия.

Наконечники типа IIIB1 можно рассматривать как переходную форму от коловых сошников к перовым: их лопасть стала шире втулки, но асимметричная форма ее еще не выработалась. Важно отметить, что оба типа сошников подгруппы В зафиксированы главным образом на памятниках центральных и южных районов лесной зоны, где процесс формирования старопахотных земель шел более быстрыми темпами, чем на севере. Можно предположить, что со времени появления сошников с лопастью шире втулки, хорошо приспособленных для обработки старопахотных земель, появилась и перекладная полица, первоначально, вероятно, целиком деревянная [88, с. 132, 133]. Полицы с железной лопаткой, как уже отмечалось, в XIII—XIV вв. известны в различных районах ареала сохи — от Прибалтики до Среднего Поволжья. В документах XVI в. полицы упоминаются лишь немного реже сошников [95]. На миниатюре рукописи конца XVI — начала XVII в. «Круг миротворный» имеется бесспорное

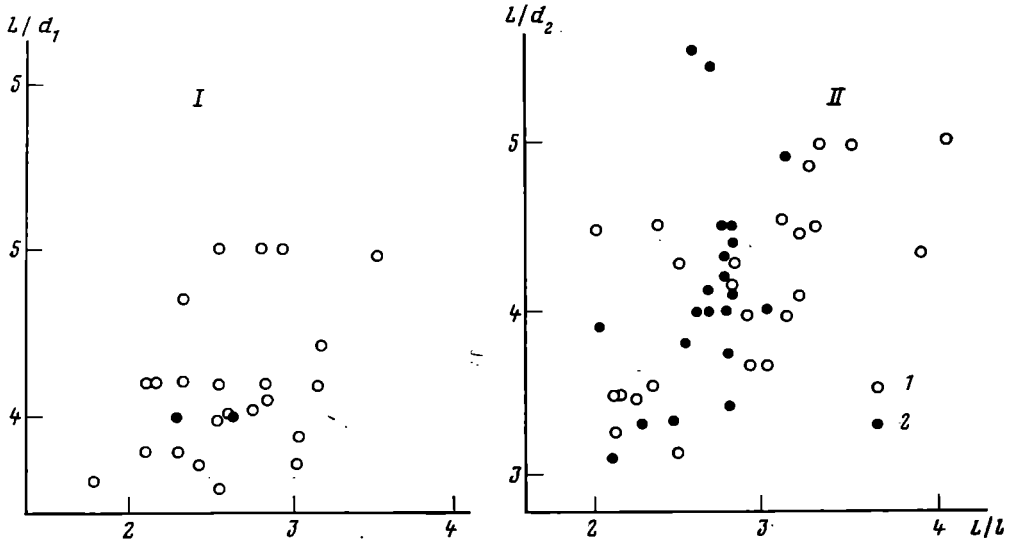


Рис. 10. Сошники из археологических (*1*) и этнографических (*2*) материалов. Корреляция отношений общей длины к ширине втулки (L/d_1) и общей длины к длине втулки (L/l). *I* — наконечники типов IIIБ1 и IIIБ2 и коловые сошники; *II* — наконечники типов IIIВ1 и IIIВ2 и перовые сошники

изображение полицы, которая не отличается от известных по этнографическим материалам [76, рис. 11].

Не позднее XVI в. появились, вероятно, и сохи-односторонки. Во всяком случае, в конце этого столетия можно предполагать наличие уже весьма совершенных их разновидностей. Так, в приходно-расходной книге Чудова монастыря под 1586 г. в одном комплексе упомянуты сошники, полица и отрез, явно относящиеся к одному и тому же орудию [95, с. 155]. Такие железные детали имели сохи-односторонки с отрезом (чересломи), появившиеся позднее обычных односторонок и по времени непосредственно предшествующие возникновению косули [8, с. 65, 66], история которой выходит за рамки нашего исследования[10].

К вопросу о причинах, обусловивших возникновение сохи и ее дальнейшее развитие, следует подойти с точки зрения функциональных возможностей этого пахотного орудия. В литературе неоднократно подчеркивалась высокая приспособленность сохи к работе в условиях лесной зоны [8, с. 131—136; 57, с. 48; 99—101; 102, с. 461—470]. Так, легкость и маневренность русской сохи, отсутствие у нее полоза как нельзя лучше обеспечивали возможность пахотной обработки недавно освобожденных от леса участков, на которых сохранялись не только крупные корни деревьев, но иногда и пни. Те же обстоятельства давали известные преимущества при работе на глинистых и суглинистых почвах лесной зоны в условиях сравнительно влажного климата с обилием осадков весной и осенью, так как уменьшали залипаемость рабочих частей орудия в борозде и, следовательно, сокращали силу, расходуемую на преодоление трения рабочих частей о землю. Одноконная запряжка и возможность для пахаря брать на себя часть усилий по приведению сохи в движение, помогая лошади [8, с. 34—36], также были весьма важны в условиях лесной зоны, где скотоводство имело относительно слабое развитие, а тягловые животные были малорослы и слабосильны [103].

[10] В литературе были высказаны предположения, что косули были известны на Руси уже в XIV—XV вв. [96, с. 57; 97, с. 28] и, возможно, применялись в Волжской Болгарии [49, с. 65]. Однако никакими фактами эти предположения не были подтверждены. То же следует сказать о попытке И. И. Ляпушкина связать наконечник пахотного орудия, найденный на Новотроицком городище, с «косулей, черкушей и т. п.» [98, с. 136]. Более правомерной представляется мысль того же автора, что наконечник из Новотроицкого городища принадлежал орудию типа русского «чертежа» или «отреза», применявшегося вместе с ралом (высказана при публикации материалов городища). По-видимому, косуля возникла в значительно более позднее время, не ранее начала XVII в. [8, с. 77; 88, с. 72].

Как известно, почвы лесной зоны отличаются маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основным агротехническим требованием к их обработке в древности являлось не столько подрезывание и оборачивание пласта, сколько его рыхление и перемешивание, приводящее к агрегатированию почвы, чрезвычайно важному в условиях недостатка удобрений. Таким требованиям хорошо соответствовала крутая установка рабочих органов сохи и устройство ее своеобразного отвала — полицы. Двузубость рабочей части, с одной стороны, позволяла без ущерба для орудия обрабатывать каменистые почвы (именно они характерны для района возникновения сохи) а также земли, засоренные корнями деревьев [8, с. 133, 134], а с другой — служила своего рода противовесом тех отрицательных последствий, которые несло с собой интенсивное рыхление: распыление почвы, уменьшение ее воздухо- и влагопроницаемости и т. п. При двузубой рабочей части в процессе пахоты оставались нетронутыми значительные полоски земли между сошниками, что позволяло дольше сохранять естественные свойства почвы, препятствовало ветровой и водной эрозии [102, с. 467, 468]. Наличие двух сравнительно узких сошников вместо одного широкого способствовало уменьшению сопротивления пласта земли при движении в нем орудия. То обстоятельство, что соха пахала относительно неглубоко, в условиях маломощных почв лесной зоны первоначально не оказывало серьезных отрицательных последствий.

В ранний период своей истории соха выступала, очевидно, как пахотное орудие в условиях лесного перелога и превращения подсек в поля длительного пользования. Этим, в частности, следует объяснять параллельное применение и рал, и сох в ряде районов. Рала, известные здесь до возникновения сохи, благодаря особенностям своего устройства и функциональным возможностям успешно применялись на старопахотных землях, на сравнительно чистых участках, не занятых ранее лесной растительностью или уже давно выведенных из-под леса. Но таких земель в лесной зоне было еще немного, что сдерживало развитие пашенного земледелия [92, с. 64, 65]. Существенное расширение посевных площадей в северных лесных районах могло быть связано только с превращением лесных участков в постоянные поля. В больших масштабах и в сравнительно короткий промежуток времени это могло быть осуществлено только с помощью хорошо приспособленных, специализированных для этих целей орудий. По-видимому, в потребностях интенсивного (для своего времени) развития пашенного земледелия в специфических условиях северных районов, с обилием лесной растительности, с маломощными оподзоленными, часто каменистыми почвами, недостаточными возможностями для развития животноводства, и следует видеть закономерную обусловленность появления такого пахотного орудия, как соха.

Техническое решение конструкции сохи оказалось весьма удачным. Кроме простоты изготовления следует отметить пластичность сошного корпуса, которая обеспечивала возможность различной установки рабочих органов по отношению к почве без серьезных изменений устройства орудия. Этим можно объяснить тот факт, что в ходе эволюции сохи ее корпус со времени возникновения и вплоть до недавнего времени не претерпел существенных изменений и в основных чертах сохранился в косуле — усовершенствованном орудии плужного типа, возникшем на базе сохи. Развитие сохи шло главным образом по линии изменения ее функциональных качеств, в связи с чем изменялись угол установки рассохи по отношению к почве, форма и размеры сошников, появилась полица и т. п. Возникнув в конце I тыс. н. э. как орудие для работ в условиях лесного перелога и превращения подсек в поля длительного пользования, соха по мере расширения старопахотных земель эволюционировала в основное пахотное орудие паровой системы земледелия. Ее развитие находилось, таким образом, в тесной связи с окультуриванием земель в лесной зоне, формированием массива старопахотных земель и обусловленной этим процессом сменой систем земледелия от лесного перелога до развитой паровой системы с трехпольным севооборотом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4.
2. *Довженок В. Й.* Землеробство древньої Русі. Київ: Від-во АН УРСР, 1961.
3. *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
4. *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3.
5. *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА, 1976, вып. 146.
6. *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладоги.— АСГЭ, 1972, вып. 14.
7. *Носов Е. Н.* Отчет о работах Новгородской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1981 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8806.
8. *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.
9. *Феоктистова Л. Х.* Земледелие у эстонцев XVIII — начала XX в. М.: Наука. 1980.
10. *Давидан О. П.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища.— АСГЭ, 1976, вып. 17.
11. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога.— СА, 1950, т. XII.
12. *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря из Старой Ладоги.— СА, 1954, т. XXI.
13. *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, 1959, № 65.
14. *Арциховский А. В.* Раскопки 1954 г. в Новгороде.— Вопр. истории, 1955, № 2.
15. *Миролюбов М. А.* Сельскохозяйственные орудия Новгородской земли VIII—XIV в. Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1980.
16. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
17. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
18. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова.— АСГЭ, 1962, вып. 4.
19. *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
20. *Муромцев П.* По вопросу четвертому об археологических курганах.— Тр. I АС. Ч. 1. М., 1871.
21. *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1979.
22. *Краснов Ю. А.* Рец. на кн.: Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв.— СА, 1983, № 2.
23. *Moora H.* Pirmatheja kopienas lekarta un agra feodala sabiedriba Latvijas PSR teritorija. Riga: Latvijas valst izdevnictvo, 1952.
24. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
25. *Моора Х. А., Лиги Х. М.* К истории сельского хозяйства Прибалтики в период образования феодальных отношений.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964.
26. *Седов В. В.* Поселение XII — начала XV в. в Перыне.— КСИИМК, 1956, вып. 62.
27. *Тараканова С. А.* Древности Псковской земли.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Культпросветиздат, 1953.
28. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище.— КСИА, 1963, вып. 96.
29. *Никитин А. В.* Городище и могильник у д. Крестцы.— КСИА, 1974, вып. 139.
30. *Седова М. В.* Ярополч-Залесский. М.: Наука, 1978.
31. *Седов В. В.* Первые результаты изучения археологического Смоленской земли.— Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. Смоленск, 1957.
32. *Седов В. В.* Городище Церковищи в Смоленской области.— КСИИМК, 1960, вып. 79.
33. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
34. *Павлова К. В., Раппопорт П. А.* Городище Осовик.— АО — 1969. М., 1970.
35. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
36. *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1961.
37. *Семиранд Ю. А.* Полевые исследования эстонских археологов.— АО — 1968. М., 1969.
38. *Аксенова Н. Д., Краснов Ю. А., Смирнов А. П., Хлебникова Т. А.* Работы Болгарского отряда Поволжской экспедиции.— АО — 1968. М., 1969.
39. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.
40. *Никитин А. В.* Белгородская крепость XVI—XVII вв.— СА, 1962, № 3.
41. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
42. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2.
43. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Изд-во МГУ, 1977.
44. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.
45. *Дубов И. В., Рябинин Е. А.* Проблемы древнерусской колонизации Верхнего Поволжья (к историографии вопроса). Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
46. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Т. III. СПб., 1912.
47. *Vasmer M.* Russische ethymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955, B. II.
48. *Maninnen J.* Die finnisch-ugrischen Völker. Lpz., 1932.

49. *Халиков Н. А.* Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX в. М.: Наука, 1981.
50. *Никольский Н. В.* Краткий курс этнографии чувашей. Чебоксары: Чуваш. изд-во, 1929.
51. *Янгузин Р. З.* О земледелии в юго-восточном Зауралье в XIX в.— АЭБ, 1968, т. III.
52. *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе.— Изв. ГАИМК, 1932, т. XIV, вып. 1.
53. *Довженок В. И.* К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси.— МИЗ, 1952, т. I.
54. *Громов Г. Г.* Сельскохозяйственная техника и этническая специфика.— СЭ, 1976, № 3.
55. *Werth E.* Grabstock, Hacke und Pflug. Lüdwigsburg, 1954.
56. *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия Белорусского Полесья.— МЭР, 1910, т. I.
57. *Найдич-Москаленко Д. В.* О принципах классификации русских пахотных орудий.— СЭ, 1959, № 1.
58. *Найдич Д. В.* Пахотные и разрыхляющие орудия.— В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967.
59. *Тараканова С. А.* Археологические работы в Городне на Волге в 1944 г.— КСИИМК, 1947, вып. 14.
60. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
61. *Дубынин А. Ф.* Об орнаменте грузиков Троицкого городища.— СА, 1966, № 1.
62. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975.
63. *Поболь Л. Д.* Деревянное рало из торфяника у д. Каплановичп.— Akta Baltiko-Slavica, Bjalostok, 1967, t. V.
64. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв.— ВАУ, 1963, вып. 5.
65. *Степанов П. Д.* Ош-Пандо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967.
66. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры.— САИ, 1967, вып. Д1-32.
67. *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые рала Восточной Европы.— СА, 1982, № 2.
68. *Краснов Ю. А.* Средневековые плуги Восточной Европы.— СА, 1972, № 4.
69. *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1971.
70. *Громов Г. Г.* Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1958, № 4.
71. *Молчанова Л. А.* Материальная культура белорусов. Минск: Белорус. кн. изд-во, 1968.
72. *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ: Наук. думка, 1971.
73. *Лейнасаре И.* Земледельческие орудия латышей в XVIII — первой половине XIX в.— СЭ, 1957, № 6.
74. *Лейнасаре И.* Земледельческие орудия в крестьянских хозяйствах Латвии в XIX в.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
75. *Горский А. Д.* Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода.— В кн.: Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому. М.: Изд-во МГУ, 1962.
76. *Горский А. Д.* Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв.— Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 1965, сб. VI.
77. *Moszynski K.* Kultura ludowa slovian. T. I. Krakow, 1929.
78. *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре.— СЭ, 1952, № 4.
79. *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.: Наука, 1966.
80. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
81. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, 1968, вып. Е1-55.
82. Правда Русская. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
83. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи.— ПСРЛ, 1962, т. 1, 2.
84. *Дорошенко В. В.* Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI вв.— Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 1959, сб. III.
85. *Чернецов А. В.* К истории восточнославянских пахотных орудий.— В кн.: Вопросы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1972.
86. *Чернецов А. В.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3.
87. *Rank G.* Die Hackenpfluge Estlands.— Suomen museo, 1955, № 57.
88. *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства (конец XIII — начала XVI в.). М.— Л.: Наука, 1965.
89. *Шиндлер К.* Земледельческие орудия и машины. М., 1898.
90. *Преображенский А.* Волость Покрово-Ситская Малмыжского уезда.— Этнографический сборник РГО. Т. I. СПб., 1853.
91. *Слободин В. М.* К вопросу о развитии и смене систем земледелия.— МИЗ, 1952, т. I.
92. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971.

93. *Чернецов А. В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1972, вып. 2.
94. *Крамаржик Я.* Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии.— СЭ, 1974, № 3.
95. *Горская Н. Д.* Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII в.— Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 1959, сб. III.
96. *Смирнов П. П.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.— Вопр. истории, 1946, № 2—3.
97. Очерки истории СССР. Период феодализма, XIV—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
98. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.).— МИА, 1968, № 152.
99. *Демчинский С.* Организация хозяйства в северных губерниях.— Сельское хозяйство и лесоводство, 1860, № 4.
100. *Егунов А.* Крестьянские хозяйства Пермской губернии.— Сельское хозяйство и лесоводство, 1896, № 7.
101. *Чебышев В.* О наивыгоднейшем устройстве пашущих орудий.— Земледельческая газета, 1898, № 51.
102. *Новиков Ю. Ф.* О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России.— Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, 1962, сб. V.
103. *Цалкин В. И.* Материалы по истории скотоводства и охоты в Древней Руси.— МИА, 1956, № 51.

Yu. A. Krasnov

AN EARLY HISTORY OF THE WOODEN PLOUGH

Summary

The wooden plough first appeared in late first millennium A. D. among the Eastern Slavs, in the north-west of the European part of the USSR. It later became adopted by both Slavs and non-Slavic peoples of the forest belt. For this region it was not the first tilling tool to be employed: it was preceeded by other tilling implements, the primitive plough among them. The earliest wooden ploughs had two teeth, their body analogous or closely resembling that of the so-called Russian ploughs, known to us from ethnographic materials and mediaeval icons. They were mostly driven by one horse. The wooden plough appeared as a result of a one-time act rather than a gradual process, caused by the specific conditions of landtilling in the northern regions of the forest belt with shallow stony soils and poor conditions for cattlebreeding. First, the wooden plough was mainly employed when tilling forest fallow lands. Further, the functional qualities of the wooden plough changed which led to changes in its size and shape. As the region of the old arable soil expanded the wooden plough gradually turned into the basic landtilling tool.

В. В. НИЗОВ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАГОРОДСКОГО КОНЦА НОВГОРОДА

В жизни средневекового Новгорода важную роль играли городские концы — «самоуправляющиеся районы, из соединения которых состоял русский вечевой город» [1, с. 3; 2, с. 54—61; 3, с. 375—383; 4, с. 124—375; 5, с. 91—239; 6, с. 143—148, 200—282; 7, с. 101—150; 8, с. 111—178]. Формирование городских концов Новгорода не было актом единовременным, а заняло несколько столетий и осуществлялось по мере роста городской территории.

В последние годы общепринята точка зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, что в IX—XI вв. Новгород представлял собой федерацию трех концов: Славенского, Людина и Неревского [4, с. 370—375; 9, с. 32—61; 10, с. 67—73; 11, с. 122—129; 12, с. 104—109]. Четвертый конец — Плотницкий — возник в 1167—1169 гг.[1] [12, с. 109, 110; 13, с. 105; 14, с. 91; 15, с. 114]. Относительно даты образования Загородского конца взгляды ученых неоднозначны. В. Л. Янин, например, полагает, что оформление Загородья в самостоятельный административно-фискальный район Новгорода произошло вместе с реформой посадничества около 1291 г. [4, с. 130, 169—171; 5, с. 98, 218; 9, с. 40; 14, с. 84, 91; 15, с. 107, 114; 16, с. 45]. Это суждение принял Л. А. Фадеев [17, с. 17], а недавно А. С. Хорошев попытался привлечь дополнительные сведения источников, которые свидетельствовали бы о появлении Загородского конца в последней четверти XIII в. [18, с. 250—260; 19, с. 27, 28]. Н. Л. Подвигина относит учреждение Загородского конца вообще к XIII в. [7, с. 103]. М. Х. Алешковский вначале осторожно говорил о XIV в. как о времени формирования Загородского конца [10, с. 54—67; 11, с. 124, 125; 13, с. 103—105], а затем датировал его создание третьей четвертью XIV в. [20, с. 23]. Специально история Загородского конца Новгорода никем не исследовалась, хотя актуальность ее изучения очевидна. Рассмотрению данной проблемы и посвящена настоящая работа.

В основу выводов В. Л. Янина положены наблюдения над численностью новгородского войска, участвовавшего в различных походах, и суммами выплаты республиканскими властями контрибуции великим князьям в период «размирья». Денежные суммы, как справедливо заключает он, бывали кратны числу концов Новгорода [9, с. 40; 11, с. 124]. Из многочисленных фактов, приведенных ученым в обоснование своего мнения, проанализируем лишь те, которые имеют непосредственное отношение к изучаемой теме.

Так, количество сотен, составлявших новгородскую рать (400 чел.), которая приняла участие в походах 1169 и 1219 гг. [21, с. 33, 59, 221, 260], кратно четырем, что действительно соответствует числу концов Новгорода в те годы [9, с. 40; 11, с. 124]; (см. также [22, с. 24—26]). Но вызывает сомнение правомерность использования для определения времени образования Загородского конца суммы контрибуции в 50 000 гривен серебра, якобы уплаченной Новгородом тверскому князю Михаилу Ярославичу в феврале 1316 г. [20, с. 95, 336]; дата уточнена Н. Г. Бережко-

[1] По мнению Н. Л. Подвигиной, четвертым концом Новгорода был Загородский, и лишь «в XIV—XV вв. в источниках фигурирует пятый, Плотницкий конец» [7, с. 103]. Суждение исследовательницы, не подкрепленное ссылками на источники, расходится с показаниями известных нам летописных и других памятников.

вым [23, с. 283]. Прежде всего настораживает фантастическая величина контрибуции (50 000!), которую называют и поздний, Комиссионный список НІЛ, и ранний — Синодальный, положенный в основу составленного в 1433—1434 гг. протографа Комиссионного списка [24, с. 161—172; 25, с. 160—181]. Однако в распоряжении автора протографа Комиссионного списка и всех последующих исследователей оказался не сам Синодальный список в первоначальной его редакции, а копия, снятая с его оригинала после 1330 г. [21, с. 5; 24, с. 128—132]. Несмотря на древность Синодального списка, очевидна необходимость критического отношения к помещенным в нем сведениям, ибо копиист, переписавший список, при изложении тех или иных событий вполне мог допустить описку и, как это для начала XIII в. показал М. Х. Алешковский [26, с. 104—111], допускал их, а некоторые летописные рассказы даже пополнял вставками из других источников, порой не совсем ясных.

Обращение к актовому материалу подтверждает обоснованность данных опасений. По договорной грамоте, заключенной Новгородом с князем Михаилом после 10 февраля 1316 г., возложенная на республику великокняжеская дань равнялась не 50, а 12 тыс. гривен серебра [27, с. 23, 24, № 11; 28, с. 161—163]. Число тысяч (12), содержащихся в цифровом выражении указанного в докончании размера контрибуции, кратно не пяти, а четырем, что соответствует четырехкончанскому делению Новгорода. Следовательно, уплаченная новгородским правительством в начале 1316 г. сумма дани не может удостоверять наличие в ту пору пятого городского района.

Суть построений А. С. Хорошева сводится к доказательству тезиса, что до 1270 г. оборонительные сооружения Софийской стороны опоясывали территорию детинца, Неревского и Людина концов, а с 1270 г. стало охватываться защитными укреплениями и Загородье, включение которого в систему единого Окольного города способствовало оформлению его в конце XIII в. в «политико-административный» район Новгорода [18, с. 250—259]. К сожалению, исследователям пока неизвестен прецедент, который бы показывал, что охват фортификациями какой-то городской (или пригородной) территории непременно обусловливал скорое превращение ее в *автономную* административно-фискальную единицу древнерусского города. К тому же есть данные, позволяющие датировать вхождение Загородья в общую для Софийской стороны систему обороны третьей четвертью XII в. В 1169—1170 гг. новгородцы построили острог [21, с. 33, 221], который, по А. С. Хорошеву, тянулся вдоль порубежья Неревского конца к детинцу, а от него — по границе Людина конца [18, с. 250—255]. Согласно же наблюдениям С. Н. Орлова, окаймлявший в 1169—1170 гг. Неревский конец острог имел поворот на углу современных улиц Горького и Комсомольской не на восток к детинцу (как думает А. С. Хорошев), а на запад (по С. Н. Орлову, «тын наклонен в северном направлении», а по схеме А. С. Хорошева, фронтальная часть тына должна обращаться на юг) и тыльной своей стороной прикрывал пространство, значительная часть которого составила позднее Загородский конец (рис. 1). Значит, первичные свидетельства о строительстве городских укреплений в Загородье отстоят от конца XIII в.— времени создания, по А. С. Хорошеву, Загородского самоуправляющегося района — не на 20—30, а минимум на 120—130 лет и не могут указывать на последнюю четверть XIII в. как на дату образования Загородского конца.

Суждение Н. Л. Подвигиной базируется на показаниях «Устава Ярослава князя о мостех» [7, с. 103], датированного В. Л. Яниным 1265—1267 гг. [5, с. 116]. В «Уставе» же речь идет не о Загородском конце, а о «загородцах» [5, с. 98, 99, 120, 121; 21, с. 507], т. е. о жителях местечка Загородье. Кстати сказать, самое раннее упоминание «загородцев» содержится в НІЛ под 1218 г. [21, с. 58, 259], что, разумеется, ни в коей мере не говорит о существовании самостоятельного Загородского конца еще в начале XIII в.

Возникновение Загородской единицы города нельзя относить к концу XIII в. также потому, что это приведет к неточностям при реконструк-

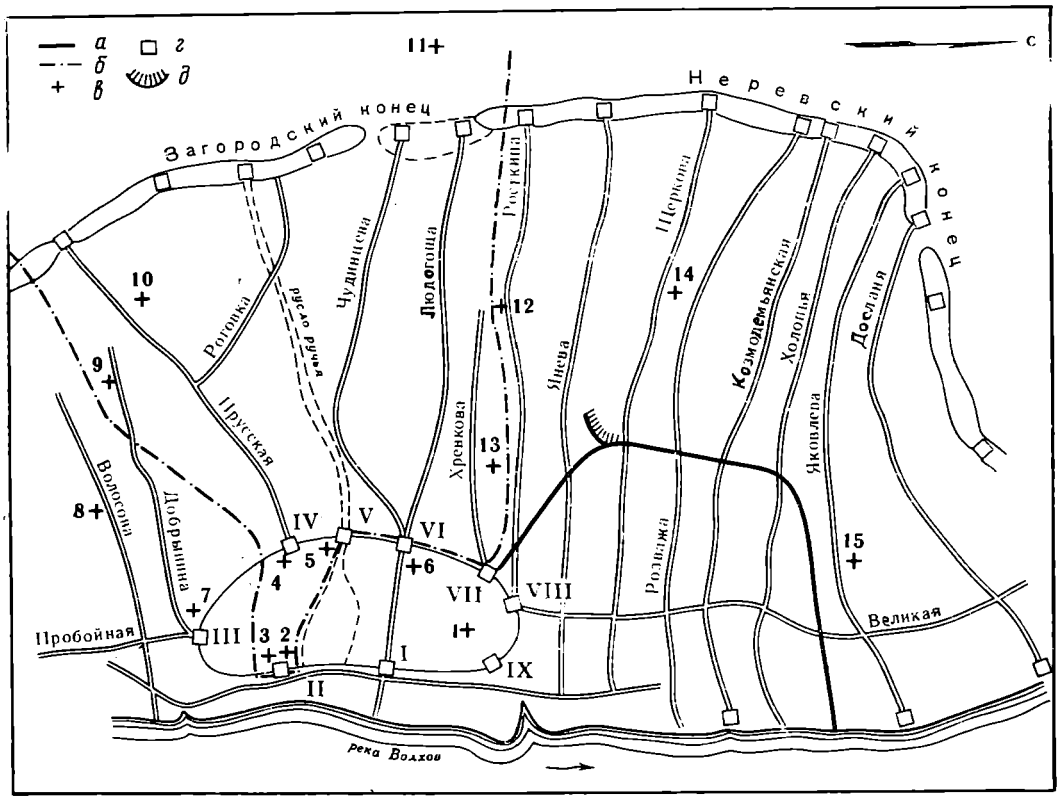


Рис. 1. Загородский и Неревский концы Софийской стороны Новгорода. *а* — граница Неревского окольного города в 1169—1170 гг. (по А. С. Хорошеву); *б* — граница Загородского конца во второй половине XIV—XV вв.; *в* — церкви (*1* — Софийская, *2* — Борисоглебская, *3* — Андрея Стратилата, *4* — Покровская надвратная, *5* — Иоанна Златоуста, *6* — Воскресенская надвратная, *7* — Нерукотворного Образа, *8* — Власьевская, *9* — Яковская, *10* — Михаила Архангела, *11* — Никольская, *12* — Иоанна Предтечи в Росткине монастыре, *13* — Гаврииловская, *14* — Федора Стратилата, *15* — Яковская); *г* — башни детинца (*I* — Пречистенская, *II* — Борисоглебская, *III* — Спасская, *IV* — Покровская, *V* — Златоустовская, *VI* — Воскресенская, *VII* — Круглая (Красная, Митрополичья), *VIII* — Федоровская, *IX* — Владимировская); *д* — угол поворота укреплений Неревского конца

ции новгородского посадничества 90-х годов XIII — первой половины XIV в. Некоторые затруднения испытывал при этом В. Л. Янин, выдвинувший проблематичное решение. Имеются в виду его соображения о происшедшей вскоре после 1316 г. (со смертью Семена Климовича), а может быть, в 1316 г. (со смертью Андрея Климовича) ликвидации в посадничьем органе представительства от Загородского конца [4, с. 183]. Вторично Загородский конец получил место в посадничестве только в 1354 г. [4, с. 185—210]. В синхронистической таблице «Территориальное представительство в новгородском посадничестве 1316—1354 гг.», помещенной в новейшей монографии В. Л. Янина, Загородский конец вовсе не упомянут, а перечень посадничавших в Новгороде лиц начинается с 1316 г., т. е. по В. Л. Янину, со времени упразднения в посадничьем органе республики представительства от Загородского конца [6, с. 144]. Это объясняется тем, что автор по-прежнему придерживается указанной точки зрения относительно положения жителей Загородья в республиканской системе управления как в 1291—1316 гг., так и в 1316—1354 гг.

Мало вероятно, чтобы кончина высших должностных лиц какого-либо новгородского конца могла привести к упразднению в верховном исполнительном органе Новгородского государства представительства от данного городского объединения. На наш взгляд, суть проблемы в том, что реформа 1291 г. вообще не давала населению Загородья никакого права избирать (или выдвигать) собственных представителей в посадничество, так как Загородье тогда еще не являлось автономным районом города. Братья же Семен и Андрей Климовичи представляли в посадничестве интересы горожан Людина конца, в состав которого до учреждения

Загородской кончанской организации входила Прусская улица — место их жительства [4, с. 165—169].

Продолжим разбор летописных известий. Под 1312 г. в Новгородской IV летописи записано: «Заратися князь Михаил к Новугороду..., и иде владыка Давыд в Тферь, весне, в роспутье, и доконча мир на полуторе тысящи серебра» [29, с. 48; 30, с. 255]. Этому сообщению близок по содержанию текст НІЛ под 1333 г.: «Того же лета послаша новгородци владыку Василья к великому князю Ивану с молбою; и приихал к нему в Переяславль с Терентием Даниловицем и с Данилом Машковицем, и давали ему 5 сот рублев, а свобод бы ся отступил по хрестьному целованию» [21, с. 345]. Числа сотен, которыми исчислялись сумма выкупа Новгородом у Михаила Тверского и Ивана Калиты захваченных ими новгородских «свобод» и расторженного «мира», кратко уже пяти, что должно бы указывать на появление Загородского района. Прежде чем делать окончательные выводы, продолжим разбор летописных известий.

В июне 1340 г. в Новгороде «загореся на Розважи улици в поли, за святым Федором, и погоре Неревьскыи конец даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улици, и церкви вси и дворове; оттоле вержеся в город, и погоре двор владычен, церкви святые Софея, и что дворов в городе и церквии, и Людин конец и до святого Алексия, тако же и церкве и домове, а семо и до Пускои улице» [21, с. 351]. Огонь уничтожил церкви и дворы Неревского конца, затем наступила очередь Чудинцевой улицы, детинца, Людина конца и Прусской улицы. Словом, от одного очага пожара, возникшего на Розваже в Неревском конце [31, с. 131], сгорела вся Софийская сторона города [32, с. 94; 33, с. 158—160]. Если бы в это время Загородье существовало как самостоятельное городское объединение, то среди объятых пламенем городских районов летописец непременно назвал бы и данный конец (как поступил он в отношении Неревского и Людина районов), а не Прусскую и Чудинцеву улицы, известные по поздним источникам как принадлежащие Загородскому концу [34, с. 80; 35, с. 108—117], а в период пожара (следует из описания его) — приписанные соответственно к Людину и Неревскому городским объединениям.

Под 1348 г. Комиссионный список НІЛ повествует: «Слышавши же новгородци се, что король (Швеции, Магнус.— *В. Н.*) отпустил рать на Ижеру, послаша противу их Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михаилу Фефилатова, с малою дружиною [21, с. 360]. Общегородской характер сформированного по решению новгородцев отряда несомненен. По свидетельству Новгородской IV летописи, дружина состояла из 400 воинов [30, с. 277]. Число сотен, составлявших цифровое выражение рати, кратно 4. Как видим, два последних примера в отличие от летописных рассказов 1312 и 1333 гг. говорят в пользу четырехкончанского деления Новгорода.

Закономерно возникает вопрос: почему суммы дани, выплаченные Новгородом в 1312 и 1333 гг. князьям Михаилу Тверскому и Ивану Калите, кратны не 4 (как должно бы статься при четырехкончанском устройстве города), а 5? Быть может, великие князья получили от Новгорода в названные годы соответственно 1200 и 400 руб., а величины 1500 и 500 появились в результате ошибки летописца, подобной той, которую допустил он при описании событий 1316 г.? Также не исключено, что указанные величины контрибуций составлены путем денежных взносов не только из концов, но и от каких-то других организаций Новгорода. Если провести текстуальное сравнение летописных рассказов под 1312, 1316 и 1333 гг., то в первом и последнем из них нетрудно заметить одну особенность: новгородское посольство к великому князю в 1312 и 1333 гг. возглавлялось не светским лицом, а руководителем республиканской церковной организации. Поэтому для выяснения природы несоответствия между размерами контрибуций и числом новгородских концов считаем необходимым рассмотреть летописные известия, рассказывающие о заключении новгородскими архиепископами мирных договоров с великими князьями.

В 1386 г. «езди владыка Алексеи (в село Ямны, близ Новгорода.— *В. Н.*) и доконца мир на всеи старине; а за винныи люди, за волжан, взя князь великыи (Дмитрий Донской.— *В. Н.*) у Новаграда 8000 рублев» [21, с. 380]. В 1428 г. «прииха владыка Еуфимеи к Порхову с послы новгородскыми, и доконца Витовту (литовскому великому князю.— *В. Н.*)... 5000 серебра, а шестую тысяцю на полону» [21, с. 415]. Зимой 1441 г. «князь великыи Московськыи Василии Васильевич възверже нелюбье на Новъгород Великыи, присла грамоту розметную и повоева волостеи новгородчкых много. Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с ним бояр и житьих людеи, и наехаша его в Деревах у города у Демяна, и докончаша с ним мир по старине, и даша ему 8000 рублев» [21, с. 421].

Во всех описанных случаях число тысяч, содержащихся в цифровых выражениях (8000, 6000 и 8000), полученных великим князем Василием II от Новгорода контрибуций, не соответствует количеству новгородских концов, которых уже в 1386 г. было пять: «...Послаша к великому князю Дмитрию Ивановичю... 5 человек житиих, с конца по человеку» [36, с. 241]. Исходя из приведенных примеров, можно утверждать, что цифровые выражения контрибуций, получаемых великими князьями от Новгорода, не всегда оказывались кратными числу городских концов. В чем же коренятся причины нарушения этой традиции и как узнать, когда суммы контрибуций кратны количеству новгородских концов, а когда нет?

Вернемся к летописному рассказу под 1428 г. Он примечателен тем, что здесь общая сумма контрибуции (6000 серебра) расчленена летописцем на две части, бóльшая из которых (5000) была уплачена за мир с Литвой, а меньшая (1000) пошла на выкуп пленных. Не являлась ли эта «шестая тысяця» вкладом архиепископа Евфимия I в общереспубликанское дело — заключение мира с Литвой? В Новгородской IV и Никоновской летописях сохранились подробности о том, как производился сбор 8000 «рублев» контрибуции, предъявленной в 1386 г. Новгороду великим князем Дмитрием Ивановичем. Так, 3000 руб. новгородцы взяли «с полатеи у святеи Софеи» [29, с. 64; 37, с. 87, 88], а остальные 5000 руб. «возложил Новъгород на Заволочкую землю, занеже заволочане быле же на Волге» [21, с. 380]. Такое решение новгородцы приняли, очевидно, на общегородском вечевом собрании («возложил Новъгород»), а ответственными за его исполнение были определены посадник Федор Тимофеевич и боярин Тимофей Юрьевич, ездившие зимой 1386/87 г. вместе с боярскими детьми за Волок «брати 5000 рублев» [21, с. 380]. Число тысяч денежной суммы, возложенной новгородцами на «заволочан», кратно пяти, что соответствует количеству новгородских концов в ту пору.

С точки зрения права, писал Б. Д. Греков, для веча представлялось одинаковым «государственным решением, что взять деньги у св. Софии, что предоставить право взимания дани с подвластного Новгороду населения: это два равнозначащих финансовых источника по убеждению веча», так как «казна св. Софии в то же время есть и государственная казна Великого Новгорода. Государственный фонд и расходуется на государственные нужды» [38, с. 149] (см. также [8, с. 146—148; 39, с. 138—141]).

Применительно к анализируемой ситуации данный тезис следует понимать так. Если новгородское посольство, отправляемое к великим князьям для заключения мира, возглавлялось светским лицом (посадником или просто боярином), то оно представляло собой лишь гражданскую власть республики, опиравшуюся, как показали исследования В. Л. Янина, на кончанское устройство Новгорода, и поэтому устанавливалась такая сумма платежей, которую можно было бы равномерно разложить на тяглое население каждого городского конца. В данном случае число сотен и тысяч суммы дани получалось кратным числу концов города. Когда же во главе республиканского посольства находился архиепископ, то величина контрибуции, несмотря на то, что софийская казна тесно сливалась с государственной, определялась из учета взимания денег как

с кончанской, так и с церковной организаций Новгорода. Тогда цифровое выражение дани не являлось кратным числу новгородских концов.

В 1386 г. Новгород уплатил князю Дмитрию от имени кончанского населения 5000 руб., изъяв их у «заволочан», а святительский «дар» князю оценивался в 3000 руб., которые по вечевому постановлению были взяты наличными из республиканской казны, хранившейся на «полатях святеи Софеи». Уплаченная новгородцами в 1312 и 1333 гг. контрибуция соответственно в 1500 и 500 руб. составлена, очевидно, из взносов от четырех концов и Софийского дома, от концов в 1312 г.— 1200, а в 1333 г.— 400 руб., а от владыки — соответственно 300 и 100 руб.

Таким образом, рассмотренные нами сведения источников не подтверждают соображений исследователей об учреждении Загородской кончанской автономной организации в XIII в., но показывают, что вплоть до 1348 г. Новгород состоял только из четырех концов: Людина, Неревского, Славенского и Плотницкого.

Первое летописное указание, прямо удостоверяющее наличие в административно-фискальной системе Новгорода пятикончанского деления, содержится в Новгородской IV летописи под 1384 г.: когда «доспеша три конци, Неревьскии, Людин, на Славеньскии конец, и стояша у святеи Софьи на вечи, всякии в оружии, аки на рать, от обеда и до вечернии; и Плотинскои конец съслався послы с тремя конци..., и по усобнои тои рати поидоша вси 5 концев во одиначество» [29, с. 90, 91; 40, с. 341]. От 1372 г. сохранилась грамота Новгорода послам Юрию и Якиму с наказом об условиях заключения мирного договора с тверским великим князем Михаилом Александровичем, скрепленная 12 печатями посадников и тысяцких (до нас дошли лишь 11 печатей, их атрибуцию см. [4, с. 193—210; 41, с. 104—109]). Ее текст гласит, что в 1372 г. «весь Новъгород... повелеша печати приложити изо всих пяти кончев к сеи грамоте» [27, с. 32, 33]. Более ранних достоверных упоминаний источников о подразделении Новгорода на пять концов нами не обнаружено.

В. Л. Янин выяснил, что реорганизация посадничьего аппарата Новгородской республики в 1354 г. привела к установлению новой формы посадничьей организации, при которой дворовладельцы всех пяти концов города имели собственных представителей в посадничестве [4, с. 185—210]. Сохранившиеся при новгородском Наказе 1372 г. пять печатей посадников отражают реальную действительность, сложившуюся в результате проведения посадничьей реформы 1354 г. [42]. Стало быть, дату образования Загородского конца можно ограничить 1348—1354 гг. Организационное же оформление пятого новгородского района произошло скорее всего одновременно с реформированием института посадничества в 1354 г.

Представляется необходимым обратить внимание на время принятия боярской республикой нового официального именования — «Великий Новъгород». Самое раннее титулование Новгорода «Великим» актовый материал и НІЛ датируют 1392 г. [21, с. 385; 27, с. 81, № 46]. Однако терминология политико-юридических документов отстает от реальных явлений общественной жизни Новгорода. Подтверждение тому — приписка архирейского «паробка» Микулы на служебном евангелии середины XIV в., которая повествует, что в 1362 г. «написано бысть еуанглие се в Великом Новегороде повелением боголюбивого архиепископа Новгородьского Олексея, в великое княжение Дмитрея Костянтиновича» [43, с. 53, 54]. В 1369 г. на последнем листе мартовской минее святительский «паробок» Симеон начертал: «В лето 6877 (1369 г.— *В. Н.*) ... написана бысть книгы сия в Великом Новегороде...» [43, с. 67]. В октябрьской минее 1370 г. тем же лицом нанесена синхронная рукописи глосса, в которой Новгород опять назван «Великим» [44, с. 67, 68]. Не исключено, что введение нового именования Новгородского государства— «Великий Новъгород» — в какой-то степени связано с учреждением пятикончанского деления его политико-культового центра и преобразованием в 1354 г. посадничества в коллективный орган высшей исполнительной власти республики.

Проведенный М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноречьевым анализ

новгородского археологического материала показал, что городская территория Новгорода, охватываемая сооруженным к концу XIV в. оборонительным валом, сформировалась лишь в XIV в., а «на Софийской стороне вал начали воздвигать только после появления Загородского конца» [10, с, 66, 67] (см. также [42, с. 392—395; 45, с. 96—99]). Первичные работы по строительству этого Окольного города датируются более ранним временем, чем конец XIV в. Уже в 1372 г. вокруг Людина, Загородского и Неревского концов местные жители «копаша ров» [21, с. 372]. Граница рва проходила по естественным руслам безымянного ручья и речки Гзени [44, с. 12—25]. Через 11 лет, в 1383 г., данная система земляных укреплений Софийской стороны была значительно усилена: «Копаша ров около Софеискои стороне, к старому валу» [21, с. 379]. Новгородская III летопись уточняет, что тогда рыли не ров, а «вал копали шире трех сажен» [46, с. 232] (см. [10, с. 59]). Наконец, в 1391 г. «новгородци взяли серебра у святеи Софьи...» и в конце каждой доходившей до сооруженного в 1382 г. и обновленного в 1383 г. земляного вала улицы поставили каменные башни [29, с. 232]. Итак, начальный этап строительства на Софийской стороне фортификационной системы, прошедшей по естественным руслам безымянного ручья и речки Гзени, относится к 1372 г., что вполне согласуется с предлагаемой нами датой учреждения Загородского района — серединой XIV в.

Новейшие исследования кончанских границ Загородья принадлежат В. Л. Янину и С. Н. Орлову. Еще в 1962 г. В. Л. Янин отметил, что «в отношении территории и населения Загородский конец ... является по существу фикцией. В его границы входит обширное пустопорожнее место, занятое на планах XVIII в. огородами и оконтуренное с одной стороны Прусской, а с другой — Чудинцевой улицей, частично входившей в Неревский конец» [4, с. 170]. В другом месте той же работы В. Л. Янин посчитал возможным отнести «к Загородью ближайший к валу (Окольного города.— *В. Н.*) конец Легощей улицы», которая находилась к северу от Чудинцевой улицы [4, с. 309].

Несколько иначе решил данный вопрос С. Н. Орлов, включивший в состав Загородского конца «дворы по обе стороны Прусской улицы, переулка Рогавки, ... Чудинцевой улицы и дворы двух переулков: влево от Чудинцевой — к церкви Двенадцати апостолов и вправо — к улице Легощей» [47, с. 101] (см. там же с. 97, 102, 103). Суждения В. Л. Янина и С. Н. Орлова расходятся лишь в определении северной границы конца: по В. Л. Янину, Чудинцева и Людогоща (или Людгоща, Лугоща, Легоща) улицы расчленялись между Загородским и Неверским концами, а по С. Н. Орлову, межкончанский рубеж проходил вдоль Чудинцевой улицы, полностью вошедшей в состав Загородского объединения города. Соображения С. Н. Орлова приняли автор настоящей статьи [48, с. 71, 72] и И. И. Кушнир [49, с. 8].

Основанием для расчленения Чудинцевой улицы между Неревским и Загородским районами во время создания последнего служили В. Л. Янину летописные сообщения под 1177 и 1340 гг. [4, с. 170, прим. 23], действительно указывающие на раннюю принадлежность улицы Неревскому концу [21, с. 35, 225, 351]. Ничего странного в этом нет, ибо до середины XIV в., как показывают наши изыскания, Загородского конца вообще не было, в силу чего население Чудинцевой улицы в 1177—1340 гг. подчинялось неревской кончанской организации (рис. 1). Разделяя Людогощу улицу между соседними концами, В. Л. Янин опирался на известия летописей под 1398 и 1407 гг. В первом из них читаем: «Постави Михаил Крупа церковь камену святого Николу конец Лугощи и Чюдинцеве улице» [21, с. 393, 462]. Из этой фразы действительно можно заключить, что Чудинцева улица и «конец» Людогощей входили в один район города — в данном случае Загородский. В. Л. Янин здесь, правда, не совсем точен. Исходя из сообщения 1398 г., ближайший к валу участок Людогощей улицы нельзя относить к Загородью, так как построенная тогда Никольская церковь не защищалась укреплениями Окольного города, а была удалена от них к западу на 700 м [47, с. 103].

Значит, летописное известие 1398 г. позволяет включить в Загородье ту часть Людогощей улицы, которая выходила за пределы Окольного города. В другом месте НІЛ рассказывается о происшедшем 6 июня 1407 г. пожаре: «Погоре Неревьскыи конец до города и святаа Софея огоре вся и двор владычен и Людгоща улица, а церквии каменых 12 огоре, а древяных 6 сгоре» [21, с. 399, 400]. В описании 1407 г. Неревскому концу противопоставлена не какая-то часть, а вся Людогоща улица. На наш взгляд, оно доказывает правильность новейшего мнения В. Л. Янина относительно вхождения Людогощей улицы в Новгороде на всем ее протяжении в состав Загородского конца [5, с. 98, 99], а не тех соображений, которые выдвигались им в 1962 г.

Суждения С. Н. Орлова базируются преимущественно на анализе (к сожалению, поверхностном) новгородской писцовой книги, изданной по рукописи, которую «писец» Л. Аксаков и подьячий А. Малахов составили примерно в 1582—1584 гг. при описании городской застройки Софийской стороны [50, с. 90—135]. Текст писцовой книги зафиксировал возникшую в ходе предпринятых правительством Василия III в 1508 и 1531 гг. попыток перепланировок Новгорода [36, с. 288; 51, с. 612] и строительства в 1582—1583 гг. Малого земляного города ситуацию, вследствие которой значительно изменились направления ряда улиц и межкончанских рубежей. Поэтому вряд ли правомерно использование ее материалов для определения кончанских граней Новгорода второй половины XIV—XV в.

Установлению границ Загородского конца содействует «семисоборная роспись» новгородских церквей, составленная в 1463—1508 гг. и отразившая «в целом церковно-административную систему Новгорода последнего периода его независимости» [35, с. 108—110]. В. Л. Янин выяснил, что распределение городских церквей по соборам основано на кончанском принципе [4, с. 308—310]. Согласно «росписи», во второй половине XV в. Михайловскому собору Загородского конца принадлежали церкви, расположенные на Хревковой (или Фревковой), Людогощей, Чудинцевой, Роговке (или Рогавке), Прусской улицах, западной половине Добрынинской улицы и в срединной полосе детинца, которая с севера оконтуривалась руслом безымянного ручья, а на юге ограничивалась приписанным к Людину концу участком кремлевской территории [34, с. 79, 80].

Южной и юго-восточной границей Загородья второй половины XV в. «роспись» называет Прусскую улицу и западный участок Добрыниной. Прусская улица служила кончанским рубежом еще в конце XIV в., что ясно видно из описания ряда пожаров. 21 июня 1391 г. «загореся на Пруской улице у Веденья святеи богородици, и погоре весь конец Людин до святого Алексеа...» [21, с. 384]. В 1405 г. «погоре на Яневе улице (Неревского конца.— *В. Н.*) 15 дворов, а людии сгоре 6 голов; посем погоре Людин конец и Прусская улица до Михаила святого...» [21, с. 398]. В обоих рассказах Прусская улица противопоставлена Людину концу, что свидетельствует о ее подчинении загородской администрации с момента основания последней.

Добрынина улица примыкала с востока к Спасским воротам кремля [5, с. 96—98] и до образования Загородской единицы города на всем протяжении подчинялась людинской кончанской организации. Во второй половине XV в. на Добрынинской улице помещались две церкви, приписанные разным соборам: Яковская в урочище Лужищи [52, с. 60] — Михайловскому собору Загородского конца и Нерукотворного Образа у Спасских ворот — Власьевскому собору Людина конца [34, с. 80]. Разъединение добрынинских церквей между соседними соборами вызвано, наверное, тем, что во второй половине XV в. Добрынина улица находилась в совместном владении Людина и Загородского концов.

В летописи Авраамки под 1462 г. записано: «Тои же зимы, месяца декабря в 7, на Волосове улици, возле церкви святого Василья загореся двор Васпльев Козин от поварне, и иныя пожже, и двор посадничь Федора Яковлича, и двор сына его Лукин тысячкого на Добрыни улици, и иныя пожже» [53, с. 211]. Поставленную на Волосове улице церковь

Василия Кесарийского «роспись» относит к Власьевскому собору Людина конца [34, с. 80]. По В. Л. Янину, Федор Яковлич был загородским боярином [6, с. 118—156]. Если это верно, то дворы Федора Яковлича и его сына Луки должны находиться в западной (принадлежавшей Загородью) половине Добрыниной улицы. Тогда сообщение 1462 г. надо расценивать как свидетельство расчленения в середине XV в. территории Добрыниной улицы между Загородским и Людиным концами.

Административное положение западного участка Добрыниной улицы для второй половины XIV в. точно выяснить пока не удается. Упомянутая в «росписи» Яковская церковь Михайлово-Загородского собора стала каменной только в 1423 г. [21, с. 414], а до этого времени она была деревянной, хотя самые ранние сведения о ней относятся к середине XII в. [21, с. 39] (см. там же с. 37, 227). Первичные известия о Спасской церкви, приписанной по «росписи» XV в. к Власьево-Людинскому собору, датируются тоже серединой XII в. [27, с. 141]. В 1191 г. Внезд Нездинич заново срубил эту церковь [21, с. 39, 230, 621], а в 1378 г. вместо деревянной церкви новгородцы «свершиша церковь камену святого Образа на Добрыни улице» [21, с. 375]. Таким образом, в течение 1378—1423 гг. на небольшой [50, с. 150—161] Добрыниной улице были воздвигнуты два каменных храма, подчиненных разным (хотя и соседним) соборным участкам: Власьево-Людину и Михайлово-Загородскому. Не обусловлено ли сооружение этих церквей из камня (весьма дорогостоящего в те времена строительного материала) тем, что уже в 1370-х годах, во время строительства Спасской церкви, жители Добрыниной улицы подчинялись разным кончанским и соборным органам: население восточной части улицы — Людину кончанской и Власьевской соборной, а западной — Загородской кончанской и Михайловской соборной организациям? Если наши наблюдения верны, то сооружение двух каменных храмов на незначительной по протяженности и, очевидно, по заселенности Добрыниной улице, которая не позднее 70-х годов XIV в. была в административном отношении поделена между соседними концами, можно объяснить стремлением светских и духовных властей Людина и Загородского концов закрепить это в какой-то мере искусственное административно-территориальное деление путем подчинения уличан самостоятельным церковным приходам.

Эта догадка недалека от истины, ибо «семисоборное» деление Новгорода существовало в 1417 г., когда владыка Семион совершил крестный ход вокруг города «с всею седмию сборов» [21, с. 408]. По мнению А. С. Хорошева, «косвенное указание на существование семисоборного деления зафиксировано в летописном рассказе под 1386 г., когда новгородцы „послаша к великому князю Дмитрию Ивановичю архимандрита Давыда, с ним 7 попов да 5 человек житиих, с конца по человеку“» [8, с. 114; 36, с. 241]. Стало быть, наличие во второй половине XIV в. семисоборной церковной организации Новгорода вполне вероятно, а для начала XV в.— безусловно. Это позволяет уверенно говорить о неизменности южной и юго-восточной кончанских границ — Прусская улица и западный участок Добрыниной — в XV в. и предполагать, что таковыми они были и в момент учреждения самого конца.

Самые северные улицы Загородья во второй половине XV в.— Хревкова и Людогоща. Небольшая по протяженности Хревкова улица тянулась между Росткиной и Людогощей улицами примерно от местоположения Круглой (или Красной, Митрополичьей) башни детинца к Росткину монастырю, стоявшему у южной стороны одноименной улицы [52, с. 58; 54, с. 271]. Южнее Хревковой помещалась Людогоща улица, шедшая от Воскресенских ворот на запад через окольный город к Чудинцевому заполью [5, с. 99; 54, с. 271, 272]. Значит, северная кончанская грань очерчивалась сперва трассой Хревковой улицы, а от Росткина монастыря — линией Людогощей улицы.

Для второй половины XIV в. северный рубеж Загородья прослеживается в основном по летописным данным. Выше приводилось повествование НІЛ о пожаре 1407 г., в котором Людогоща улица отделена от

Неревского конца, и сообщение той же летописи о строительстве в 1398 г. на окраине Чудинцевой и Людогощей улиц Никольской церкви. В отличие от С. Н. Орлова [55, с. 17] В. Л. Янин обоснованно утверждает, что вплоть до 1580-х годов Чудинцева улица примыкала к Воскресенским воротам детинца, сливаясь здесь с Людогощей улицей [5, с. 99]. В западной части, перед валом окольного города, расстояние между Чудинцевой и Людогощей улицами равнялось 110 м [45, с. 15]. За Никольской церковью, удаленной от окольного города на 700 м, Чудинцева и Людогоща улицы существенно сближались, а возможно, и сходились вместе, давая начало пути к Нарве [47, с. 103; 55, с. 17]. Очевидно, жителей двух этих улиц с давних времен связывали тесные соседские узы. Близкого мнения придерживается и В. Л. Янин. В частности, он пишет, что население названных улиц еще до учреждения Загородского конца именовалось «загородцами» [5, с. 98, 99]. Предполагать, что северная пограничная черта Загородского конца в момент его основания шла между Чудинцевой и Людогощей улицами значит искусственно разрывать исторически сложившиеся связи между заселившими их людьми. Следовательно, разбор летописных сведений доказывает справедливость высказанного в 1977 г. В. Л. Яниным суждения, что северный участок Загородья окаймлялся линией Людогощей улицы [5, с. 98, 99].

О положении Хревковой улицы в системе городского устройства Новгорода второй половины XIV в. ясных данных нет. Она впервые упомянута в рассказе НІЛ о пожаре 1194 г. [21, с. 41, 233]. В 1414 г. новгородцы поставили «церковь камену сбор архангела Гаврила на Хревькове улици» [21, с. 404]. По «росписи», Гаврииловская церковь подчинена Михайлово-Загородскому собору [34, с. 80]. Как отмечалось, западная часть Хревковой улицы доходила до приписанного к Сорокадесятскому собору Неревского конца Росткина монастыря, Иоанно-предтеченская церковь которого в 1396 г. сгорела, а спустя 8 лет была восстановлена [21, с. 388, 399]. По своей протяженности Хревкова улица в 2 раза короче соседних Людогощей и Росткиной. У последней был собственный приход — монастырская церковь Иоанна Предтечи, которая, надо думать, вполне могла удовлетворить духовные запросы не только росткинских уличан, но и немногочисленных жителей Хревковой улицы, если бы те, разумеется, входили в одну с «росткинчанами» кончанскую организацию. Возникшая в 1414 г. на Хревковой улице ситуация близка той, что имела место в 1378 г. на Добрыниной улице и была продиктована необходимостью закрепления за Михайлово-Загородским собором порубежного населения. Видимо, аналогичные мотивы лежали и в основе строительства Гаврииловского храма. Итак, в XV в. северный рубеж Загородья проходил от детинца вдоль северной стороны Хревковой и Людогощей улиц, последняя служила границей и в конце XIV в. Административное положение Хревковой улицы во второй половине XIV в. неизвестно, но, опираясь на гипотезу А. С. Хорошева о наличии в Новгороде «семисоборного» деления в 1386 г., можно думать, что отраженная в «росписи» северная граница Загородья возникла в период оформления его в автономный район.

Жилые постройки Загородья подступали на востоке к земляному валу детинца, хотя восточное пространство конца не ограничивалось им. Согласно «Уставу Ярослава князя о мостех» 1265—1267 гг., «прусы»-уличане обязывались «мостити» южную территорию детинца от Покровских ворот до Борисоглебской церкви, население «Чюдинчеве улице с загородци до городьних) (Воскресенских.— *В. Н.*) ворот. А владыце сквозе городнаа ворота ... до Острои городни» [5, с. 98—103, 120]. «Роспись» относит поставленную в 1296 г. надвратную Воскресенскую церковь к Софийскому собору, а Борисоглебскую и построенные в XIV в. Андрея Стратилата, Иоанна Златоуста и надвратную Покровскую церкви кремля к Михайловскому собору Загородья [34, с. 79, 80]. Подчинение в 1265—1267 гг. южного кремлевского участка с Борисоглебской церковью администрации Прусской улицы, а после включения ее в середине XIV в. в состав Загородья— кончанским органам имело давнюю традицию и объ-

ясняется, по В. Л. Янину, тем, что до 1116 г.— времени расширения площади детинца на юг — эта территория представляла собой сложившуюся к началу XII в. прибрежную часть Прусской улицы [5, с. 103; 14, с. 79, 80]. Позднейшее освоение детинцем его южной половины отразилось на административном устройстве кремлевской территории. Особенностью последней явилось разделение площади и церквей между Софийским соборным участком (куда отошла вся северная половина детинца) организациями Людина конца (контролировавшим крайнюю южную часть) и прушанами (с середины XIV в.— Загородского конца, подчинившего себе, как показывает сопоставление «Устава Ярослава» с «Семисоборной росписью», тянувшуюся с постепенным сужением с запада на восток полосу кремлевской площади, ограниченной на западе Покровской и Златоустовской башнями детинца, на востоке — Борисоглебской башней, на севере — руслом безымянного ручья и на юге — людиным кремлевским участком). Таким образом, восточная грань Загородского конца охватывала срединную часть детинца. Во второй половине XIV в. кончанская земля оконтуривалась на западе воздвигнутым в 1372 г. валом окольного города, а примерно с рубежа XIV—XV вв. западная городская черта отодвинулась до пределов Прусского, Росткиного и Чудинцевого заполий.

Из сказанного с очевидностью вытекает, что во второй половине XIV в. пограничная линия Загородского конца тянулась по трассе: Прусская улица — западная часть Добрыниной улицы (?) — Прусская улица — Покровские ворота детинца — контур его западно-восточной полосы — участок его северо-западной стены от Златоустовской башни до Круглой (или Красной, Митрополичьей) — Хревкова улица (?) — Людогоща улица — окольный город. В XV в. кончанские рубежи на севере, юго-востоке (отмеченные для XIV в. предположения снимаются) и востоке остались прежними, а юго-западный и западный рубежи проходили по запольям Прусской, Росткиной и Чудинцевой улиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси.— ИЗ, 1945, т. 16.
2. *Рабинович М. Г.* Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв.— КСИИМК, 1949, вып. XXX.
3. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956.
4. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
5. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.
6. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.
7. *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.: Высш. шк., 1976.
8. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
9. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2.
10. *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва Новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории).— СА, 1970, № 4.
11. *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М.: Наука, 1971.
12. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
13. *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков.— СА, 1974, № 3.
14. *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л.: Наука, 1982.
15. *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
16. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
17. *Фадеев Л. А.* Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов.— В кн.: Русский город. (Историко-методологический сборник). М.: Изд-во МГУ, 1976.
18. *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
19. *Хорошев А. С.* Открытие Новгорода. (К 50-летию археологического изучения города).— Вестн. МГУ, 1982, № 5.

20. *Алешковский М. Х.* Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения социальной истории.— В кн.: Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 1. М.: Стройиздат, 1975.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. Насонова А. Н. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
22. *Алешковский П. М.* Новгородские данники и восстание 1187 г. (Первый этап проникновения новгородцев на Русский Север XI—XII вв.).— Вестн. МГУ, 1981, № 5.
23. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
24. *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
25. *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в.— В кн.: Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981.
26. *Алешковский М. Х.* Новгородский летописный свод конца 1220-х годов.— В кн.: Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981.
27. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати Гейман В. Г., Казакова Н. А., Копанев А. И. и др. Под ред. Валка С. Н. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
28. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.— Вспомогательные исторические дисциплины, 1970, вып. III.
29. Новгородские и псковские летописи.— ПСРЛ, 1848, т. IV.
30. Новгородская четвертая летопись.— ПСРЛ, 1915, т. IV, ч. I, вып. 1.
31. *Янин В. Л.* Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
32. *Рыбаков Б. А.* К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей.— СА, 1959, № 4.
33. *Рыбаков Б. А.* Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? — СА, 1961, № 2.
34. *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. С.-Петербургской библиотеки св. Синода.— Вестн. археологии и истории, 1898, вып. X.
35. *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода.— В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
36. Софийские летописи.— ПСРЛ, 1853, т. VI.
37. Новгородская четвертая летопись.— ПСРЛ, 1965, т. XI.
38. *Греков Б. Д.* Избранные труды. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
39. *Рабинович М. Г.* Софийская казна и оборона Новгородской земли.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
40. Новгородская четвертая летопись.— ПСРЛ, 1925. т. IV, ч. I, вып. 2.
41. *Буров В. А.* Печати при новгородском Наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в.— СА, 1977, № 1.
42. *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* К датировке вала и рва Новгородского острога. (Ответ С. Н. Орлову).— СА, 1972, № 3.
43. *Куприянов И.* Обозрение пергаменных рукописей Новгородской софийской библиотеки. СПб., 1857.
44. *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода.— Уч. зап. Новгородского ГПИ, 1965, т. I, вып. 1 (Некоторые вопросы истории СССР).
45. *Орлов С. Н.* По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева.— СА, 1972, № 2.
46. Новгородские летописи.— ПСРЛ, 1841, т. III.
47. *Орлов С. Н.* К топографии новгородских городских концов.— СА, 1965, № 2.
48. *Низов В. В.* Новгородское восстание 1418 г.— Вестн. МГУ, 1982, № 2.
49. *Кушнир И. И.* Архитектура Новгорода. Л.: Лениздат, 1982.
50. *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
51. Новгородская четвертая летопись.— ПСРЛ, 1929, т. IV, ч. I, вып. 3.
52. *Орлов С. Н.* К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода.— Уч. зап. Новгородского ГПИ, 1965, т. I, вып. 1. Некоторые вопросы истории СССР.
53. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.— ПСРЛ, 1889, т. XVI.
54. *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X—XVI вв.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964.
55. *Орлов С. Н.* Топография Новгорода Великого. Автореф. докт. дис. Л.: ЛГУ, 1967.

V. V. Nizov

FROM THE HISTORY OF THE ZAGORODSKY QUARTER IN NOVGOROD

Summary

Chronicles and archaeological materials obtained in Novgorod testify that the Zagorodsky quarter in Novgorod was established in the mid-14th century. The article traces its boundaries.

М. ПАРОВИЧ-ПЕШИКАН

РАЗВИТИЕ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СЕРБИИ

В 1983 и 1984 гг. сербская археологическая наука отметила несколько знаменательных дат, связанных со 100-летием возникновения археологии в Сербии. Главными среди них явились две: основание Сербского археологического общества (1883) и начало издания журнала «Старинар» (1884).

Начало сербской археологии связано с интенсивным накоплением археологических материалов. Непосредственно вслед за основанием Сербского археологического общества был организован сбор доступного для изучения материала. Благодаря широкой сети уполномоченных сотрудников в разных областях страны в общество стекались данные о находках надписей, надгробных рельефов, монет, сведения об открытии древних гробниц и пр. Письма уполномоченных после необходимой проверки печатались в журнале «Старинар».

Начальный период развития археологии в Сербии во многом связан с деятельностью Михаила Валтровича (1839—1915) — первого председателя Сербского археологического общества и основателя журнала «Старинар». М. Валтровичу удалось еще в 1882 г. начать раскопки на территории древнего города Виминация — центра римской провинции Верхняя Мезия. Эти раскопки явились первыми археологическими исследованиями античного поселения на территории Югославии.

Значительным событием стало также открытие позднеримской гробницы в Брестовике (недалеко от Белграда) в 1894 г. Исследования этой гробницы М. Валтрович провел на средства Сербского археологического общества. Камерная гробница, сохранившаяся очень хорошо, имела ряд особенностей: дромос, ведущий в обширный вестибюль с двумя полукруглыми апсидами и входом, украшенным колоннадой; стены украшены росписью и мраморными плитами. В гробнице были найдены мраморные скульптуры. Датировка памятника определяется в пределах III—IV вв. н. э. [1]

М. Валтрович провел и первые спасательные археологические раскопки: на территории бывшей турецкой крепости в Нише (1892); при закладке фундамента под памятник М. Обреновичу в центре Белграда (на площади перед зданием Народного театра, 1885) [2].

В 1891 г. по инициативе Сербского археологического общества были проведены работы по консервации памятников в районе Железных ворот на Дунае. Отчет окружного военного инженера Д.-М. Павловича вместе с подробными описаниями проведенных работ и чертежами был опубликован в «Старинаре».

Среди местных сотрудников Сербского археологического общества выделялись военный инженер Йован Мишкович и железнодорожный инженер Душан Сабовлевич. Й. Мишкович составил первое исчерпывающее описание и провел обмерно-геодезические съемки многих римско-византийских и средневековых крепостей на Дунае и в Восточной Сербии. Тогда впервые получили научную характеристику древние города провинции Горная Мезия (Гамзигард — античная Romuliana?; Равна —

[1] Раскопки, проведенные в Брестовике в 1954 г., подтвердили основные выводы М. Валтровича в отношении датировки гробницы, ее устройства и назначения.
[2] Здесь были найдены остатки римских погребений древнего Сингидунума.

Timacum Minus; Бела Паланка — Remesiana; Костол и др.). Д. Сабовлевич в 1883 г. открыл при строительстве железнодорожной станции в Белой Паланке большое здание римской виллы. Раскопки, проведенные им на добровольные пожертвования жителей города, имели большое научное значение. Отчет об этих работах был опубликован в «Старинаре».

Первые известия о раскопках и отчеты о проведении этих раскопок не всегда, разумеется, были достаточно профессиональными. Однако они представляют драгоценные свидетельства становления археологической науки в Сербии.

В первые годы XX в. в сербской археологии появляются две значительные фигуры, оставившие глубокий след в науке: Милойе Васич (1869—1956) и Никола Вулич (1872—1945). Ученик А. Фуртвенглера, М. Васич, был первым в Сербии археологом-профессионалом. Хотя он недолго занимался проблемами античной археологии, проведенные раскопки некрополя и римского военного лагеря в Виминации (1902—1903), а также исследование по истории римского поселения Pinucum на Дунае (современный город Велико Градиште), опубликованное в «Старинаре» в 1894 г., сыграли большую роль в становлении сербской школы античной археологии.

Н. Вулич — историк и эпиграфист — вошел в науку как создатель свода античных древностей на территории Сербии и Македонии. Сбор, научную обработку и публикацию известных греческих и римских надписей, рельефов, саркофагов и других памятников античности исследователь продолжал в течение всей своей жизни [3].

В первые годы после окончания балканских войн 1912—1913 гг. и освобождения Сербии (1918), в условиях тяжелой разрухи и разорения страны, в Сербии ощущается застой в археологических исследованиях, продолжавшийся на протяжении всех 20-х годов. В эти годы большее внимание уделяется обработке материалов, накопленных в фондохранилищах музеев [4]. Возобновление археологических раскопок приходится на начало 30-х годов. Особенно широкие работы развернулись в эти годы в Нише (античная Naissus) и ее окрестностях, где в 1933 г. было основано Музейное общество и открыт новый музей. Одновременно работы проводятся на территории Белграда, в Стоби и в Царичином Граде (античный город Justiniana Prima) [5].

Хотя основы раскопок античных городов и поселений заложил еще М. Валтрович, новое направление античной археологии в Сербии — планомерное изучение урбанистических комплексов — связано с именами Владимира Петковича (1874—1956), бывшего в это время директором народного музея в Белграде, и его ассистента Джорджа Мано-Зиси, ставшего фактически основоположником научного исследования проблемы урбанистического развития римских балканских провинций.

Раскопки в Стоби и в Царичином Граде в 30-е годы обозначили главное направление дальнейшего развития античной археологии в Сербии. Помимо накопления огромного археологического материала эти раскопки сыграли роль школы для молодых кадров археологов и архитекторов, объединившихся вокруг Народного музея и вокруг нового музея, основанного в Скопле (Македония).

После второй мировой войны и освобождения Югославии археологическая наука в Сербии испытывает новый подъем. Благодаря восстановлению кафедры археологии на философском факультете Белградского

---

[3] Последний выпуск труда Н. Вулича «Античные памятники в нашей стране» вышел из печати уже после кончины исследователя (1946).

[4] Среди работ, вышедших в эти годы, выделяются статьи Б. Сариа, исследователя из Любляны, тесно сотрудничавшего с Народным музеем в Белграде. Особое внимание уделялось созданию и изучению нумизматической коллекции Народного музея: в эти годы были приобретены несколько крупных кладов греческих, римских и так называемых «варварских» монет (клады из Глибовца, Смедерева, Заклопаче и др.).

[5] Эти работы с перерывами продолжаются до настоящего времени. Точности ради отметим, что первые раскопки Царичиного Града были проведены еще М. Валтровичем в 1912 г., но они прервались из-за начавшихся Балканских войн.

университета[6] и созданию Археологического института при Сербской академии наук[7] была создана база для успешного развития археологической службы. Новый подъем археологии в Сербии сопровождался широким развитием сети музеев во всех важнейших городах республики, а также формированием службы охраны памятников истории и культуры. Одновременно со всеми этими преобразованиями было основано Археологическое общество Югославии.

К числу первых планомерных акций послевоенного периода относится проведение широких разведочных обследований памятников археологии на территории Сербии (1947—1959). В этот период к работам были активно привлечены студенты и археологи-профессионалы из всех республик страны. Тогда же проводились и раскопки на античных поселениях и некрополях (Демир Капия — Stenae; Чепигово — Stuberra; Будва). Археологический институт Сербской академии наук с самого начала своей деятельности поставил основной целью раскопки в античных городах. В 1947 и 1948 гг. возобновились исследования в Царичином Граде. Одновременно были проведены раскопки небольшого поселения римского времени у с. Дубравица (Margum) при впадении Млавы в Дунай.

Безусловно, наиболее интересными в научном отношении явились исследования в Царичином Граде. В конце 40-х годов здесь были завершены работы по изучению акрополя с епископской базиликой и палатой, расположенной на главной улице акрополя. Эти работы были начаты еще в 1936—1939 гг. С 1949 г. проводились исследования большой площади к востоку от стен акрополя. Окруженная со всех сторон портиками, она служила главной площадью (forum) Верхнего города. Вокруг площади были расположены жилые кварталы с домами типа insulae и ремесленными мастерскими. Здесь же была открыта небольшая базилика с криптой. Раскопки на Верхнем городе продолжались до 1954 г.

Одновременно с этими работами в 1949—1951 гг. исследования проводились также в южной части города. Здесь была открыта большая базилика с атрием и трансептом, выходившая фасадом на главную улицу (cardo). В наосе этой базилики были обнаружены прекрасной сохранности мозаики с фигурными композициями (борьба гладиаторов, амазонки, кентавры, пастырь со стадом). Здесь же была найдена мраморная капитель колонны с монограммой императора Юстиниана.

В центральной части города в 1959—1962 гг. исследовался небольшой жилой дом типа domus, расположенный рядом с еще одной базиликой. Два различные типа жилой архитектуры позволили Дж. Мано-Зиси установить социальные различия в среде домовладельцев и предположить возможность существования в городе замкнутых городских корпораций, занимавших обособленные кварталы. Этим же, по мнению исследователя, объясняется и большое количество храмов, открытых почти в каждом из кварталов.

В 1955—1956 гг. проводились исследования системы водоснабжения города: большая городская цистерна, в которую вода поступала по трубам из горных источников, расположенных на расстоянии 17 км от города. Небольшие термы были открыты также на восточном склоне холма, вне черты городских укреплений. Несколько позднее, в 1966—1968 г., в центральной части города были открыты городские термы, снабжавшиеся водой из большой цистерны.

Исследования кварталов в Нижнем городе (к югу от ворот Среднего города) также дали интересные материалы. Здесь было исследовано продолжение главной улицы города (cardo), ведущей от площади-форума. Городской квартал между базиликой с трансептом и воротами Среднего города был исследован раскопками 1962—1966 г. Здесь была открыта улица, вымощенная каменными плитами, под которыми проходил канал-клоака. Близ улицы была открыта базилика с двумя апсидами — так называемая «двойная церковь». Подобные храмы известны в Паннонии и

[6] Кафедру возглавил проф. М. Васич.
[7] Директором института был назначен проф. Дж. Бошкович.

Италии. По-видимому, храм был выстроен в то время, когда в городе уже появились беженцы из северных провинций империи, отступавшие под натиском варварских племен.

Первые раскопки древнего Сирмия были проведены в 1949—1953 гг. С 1956 г. исследование этого города приняло широкие масштабы, а в конце 60-х и начале 70-х годов к исследованиям Сирмия подключились американские и французские коллеги. Раскопки Сирмия дали очень богатый археологический материал для изучения истории оборонительных сооружений, уличной системы, жилых кварталов города. Исследованные раскопками общественные здания (житница-horreuni, термы, базилика) позволили высказать суждения о локализации форума. Наиболее интересные результаты были получены исследованиями императорского дворца и городской виллы в юго-восточной части города. Раскопки последней открыли перистильный двор, с северной стороны которого находились небольшие термы. Хорошо сохранился портик с колоннами. С южной и восточной стороны исследованы многочисленные помещения, стены которых украшены мозаиками, фресками и мраморной облицовкой. Помещения в восточном крыле были, вероятно, жилыми (cubiculae), южные помещения, скорее всего, носили официальный характер. В юго-восточном углу двора открыт широкий вход в большой зал (triclinium), в котором находился полукруглый бассейн, облицованный белым мрамором. В центре бассейна открыт фонтан. О богатой внутренней декорации перистиля и помещений вокруг него говорят фрагменты мраморных скульптур и обломки плит, украшенных рельефами с растительными, геометрическими и фигурными мотивами, мозаичные полы, а также вымостки из разноцветных мраморных плиток (opus sectile).

Наиболее значительные результаты раскопок в Сирмии были получены раскопками последнего десятилетия, когда в непосредственной близости от императорского дворца был открыт ипподром: небольшие раскрытые участки позволили выявить размеры комплекса (450×90—100 м). Прослежены фундаменты галерей, над которыми располагались места для зрителей, часть арены с центральной стеной (spina), вокруг которой шла беговая дорожка, открыта также meta prima. Исследованиями последних лет открыта базилика св. Дмитрия — центральный храм христианского Сирмия, по которому в средневековье город именовался Димитровица (Митровица).

Остатки древнего римского города Ульпианы начали исследоваться в середине 50-х годов, а после перерыва работы были возобновлены в 1981 г. Среди важнейших объектов, открытых раскопками, следует упомянуть большую базилику с нартексом, имевшим два придела, и очень массивной апсидой. В алтаре под полом пресвитерия была открыта гробница. К северу от базилики исследованы остатки городских ворот с фланкирующими их башнями и большим внутренним помещением — propudnaculum. От ворот в направлении базилики вела широкая, мощенная каменными плитами улица. Под плитами находился канал-клоака.

Интересные результаты дали раскопки северного некрополя города. Здесь была открыта memoria с большим числом захоронений внутри ее стен. Установлено, что мемория была построена на стенах раннего сооружения в виде низкой ограды, в центре которой находился роскошный мраморный саркофаг прекрасной италийской работы. Такого рода фамильные погребальные сооружения и известные в некрополях Салоны Аквилеи и в Северной Италии I—II в., а также в Дукле (Doclea). Надпись на мозаике из нартекса мемории говорит о ее возведении в IV в.

Раскопки в 1981—1983 г. велись между зданием базилики и северными городскими воротами. Здесь была открыта широкая улица с портиками по сторонам и клоакой под мостовой. Вдоль улицы располагались скромные дома и ремесленные мастерские. Сложная стратиграфия указывает на интенсивную жизнь города в период от I в. до конца IV и V вв.

Начиная с 1954 г., после случайного открытия склепа с росписями, представлявшими райский сад, и портретами св. Петра и Павла нача-

лись раскопки позднеримского некрополя Ягодин Мала в Нише (Naissus). Здесь исследованы многочисленные погребения IV—VI вв.

В 1962 г. были возобновлены систематические раскопки огромного римского дворца IV в. в окрестностях Ниша, начавшиеся еще в 1933—1936 гг. Существует мнение, что это дворец императора Константина. В течение 20-летних раскопок здесь открыт огромный двор типа перистиля, окруженный колоннадами и портиками с мозаиками, с бассейном в центре и большим залом с полукруглой нишей-апсидой (triclinium). Недалеко от перистиля находится здание терм, нимфей и огромный склад для хранения зерновых и других продуктов (horreum) с большим числом пифосов, закопанных в землю.

В Гамзиграде в последние годы открыта роскошная резиденция императора Галерия: дворец с двумя перистилями, термами, базиликами и двумя языческими храмами, посвященными Гераклу Сотеру, Юпитеру и Кибели. Императорский дворец был окружен высокими оборонительными стенами, башнями и монументальными воротами.

В 1960 г. началось изучение территории римского военного лагеря Сингидунума в Белграде. В 1974 г. были возобновлены археологические исследования древнего Виминация. Раскопки ведутся в основном на территории некрополя. В течение последних 10 лет здесь открыты тысячи погребений римского времени, кельтские захоронения предримского периода и сравнительно небольшой отдельный некрополь, в котором находились исключительно готские погребения V в. н. э. В 1952 г. были возобновлены раскопки в Белой Паланке (Remesiana), которые, хотя и с большими перерывами, продолжаются до сего времени. С 1975 г. начались систематические раскопки римского военного лагеря и важного перевалочного пункта на римской военной дороге Наис — Рациария в Равне у Княжевца (Timacum Minus). Здесь исследованы оборонительные стены, башни различных типов, въездные ворота. Внутри стен открыто здание типа терм и остатки храма. Особенно важным открытием является большое число римских надгробных памятников, найденных в фундаментах угловых башен IV в. Наиболее значительными по объему и результатам стали археологические исследования римских крепостей вдоль дунайского лимеса, проведенные в 1965—1970 и 1980—1982 гг.

Необходимо, однако, признать, что в послевоенное время работа по обработке и подготовке и публикации огромного археологического материала, велась явно недостаточно. Лишь несколько таких больших и долголетних проектов, как «Сирмий», связано с началом выпуска публикаций. Так, уже вышло восемь выпусков серии «Sirmium», ожидается выход из печати новой серии «Iustiniana Prima», посвященной материалам раскопок ранневизантийского города в Царичином Граде. Материалы последних раскопок в районе Железных ворот на Дунае (Джердап II) также появились в первом выпуске специальной серии, а второй выпуск находится в печати. Положительные результаты в этом направлении получены благодаря организации специализированных сессий античной секции Археологического общества Югославии, на которых обсуждались общие темы: симпозиум о римской керамике (1970), о римском стекле (1971), о позднеримских и ранневизантийских мозаиках (1978), о путях сообщения в римское время (1978) и др.

Долгое время недостаточное внимание обращалось на каталогизацию музейных коллекций, а также находок, полученных в рамках больших исследовательских проектов. Значительно «отставало» изучение римской керамики: недостаток каталогов римской керамики привел к тому, что все еще невозможно говорить о ее локальных вариантах и, в частности о характерных особенностях римской керамики из Верхней Мезии. Хочется надеяться, что дальнейшее развитие сербской археологии будет более интенсивным. Полевые исследования археологических памятников могут послужить основой для углубленного изучения различных аспектов материальной и духовной культуры провинции Верхней Мезии.

Публикации

А. П. ЖУРАВЛЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ С КЕРАМИКОЙ ЛЬЯЛОВСКОГО ТИПА В ЗАОНЕЖЬЕ

Изучению памятников с льяловской керамикой посвящено достаточно много работ археологов [1—9]. И тем не менее проблемы, связанные с генезисом этой культуры и дальнейшими судьбами ее носителей, еще не окончательно решены в науке. Время от времени в разных районах лесной и лесостепной полосы выявляются поселения, содержащие чистые комплексы керамики льяловского облика, и исследователи вынуждены вновь обращаться к этой проблеме.

Вышедшая недавно из печати обстоятельная статья В. М. Раушенбах [10, с. 35—78] освобождает нас от необходимости приводить здесь подробную историографическую справку о льяловской культуре. Рассмотрим новое поселение, содержащее чистый комплекс льяловской керамики[1], исследованное автором в 1975—1978 гг. близ северной окраины д. Пегрема в Уницкой губе Онежского озера, получившее название Пегрема V [11, с. 15].

Поселение расположено на песчаной террасе, возвышающейся над современным уровнем Онежского озера на 5,5 м (наиболее высокая точка), удалено от воды на 150 м, тянется с севера на юг вдоль бровки древнего берега на 60 м, ширина его 15 м. На дневной поверхности отчетливо прослеживались две овальные впадины, расположенные в центре поселения. Южная часть его разрушена землекопными работами.

Общая площадь раскопок на поселении составила 168 м². Культурный слой мощностью 35 см представлял собой желтый песок с красным оттенком. Местами он носил следы замытости, залегал на светло-желтом материковом песке, а сверху перекрывался серым подзолом и дерном. Стратиграфия во впадинах имела более сложный характер. В них под дерном залегали линзы серого песка мощностью до 30 см, утолщающиеся к краям. Ниже распространялся грязно-желтый гумусированный песок с красным оттенком, толщина слоя — до 40 см. В нем прослеживались следы замытости. Глубже находился слой замытой глины, перемешанной с песком (30 см), под ней шел светло-коричневый песок с желтыми пятнами. Подстилающим был светло-серый слоистый материковый песок (рис. 1).

Жилище 1 прослежено в южной впадине размерами 7,8×4,5 м, имело четырехугольную форму, углублялось основанием в материк до 20 см, ориентировано по линии ЮВ — СЗ. Южная стенка постройки не сохранилась, разрушена поздней грунтовой дорогой. Внутри находился очаг, сложенный из 18 камней, в форме правильного круга диаметром 0,7 м. Тут же лежала шлифовальная плита габаритами 25×30 см. В 2,2 м от нее располагалась круглая каменная кладка диаметром 1,3 м, сложенная

[1] Под «чистыми комплексами» автор имеет в виду поселения, исследованные достаточно большими площадями, культурный слой которых содержит единовременный археологический комплекс, но «засоренный» более ранними или поздними культурными остатками. Примером таких поселений могут служить Пегрема V, Палай губа VII, Вигайнаволок I (нижний слой), Иовская и др.

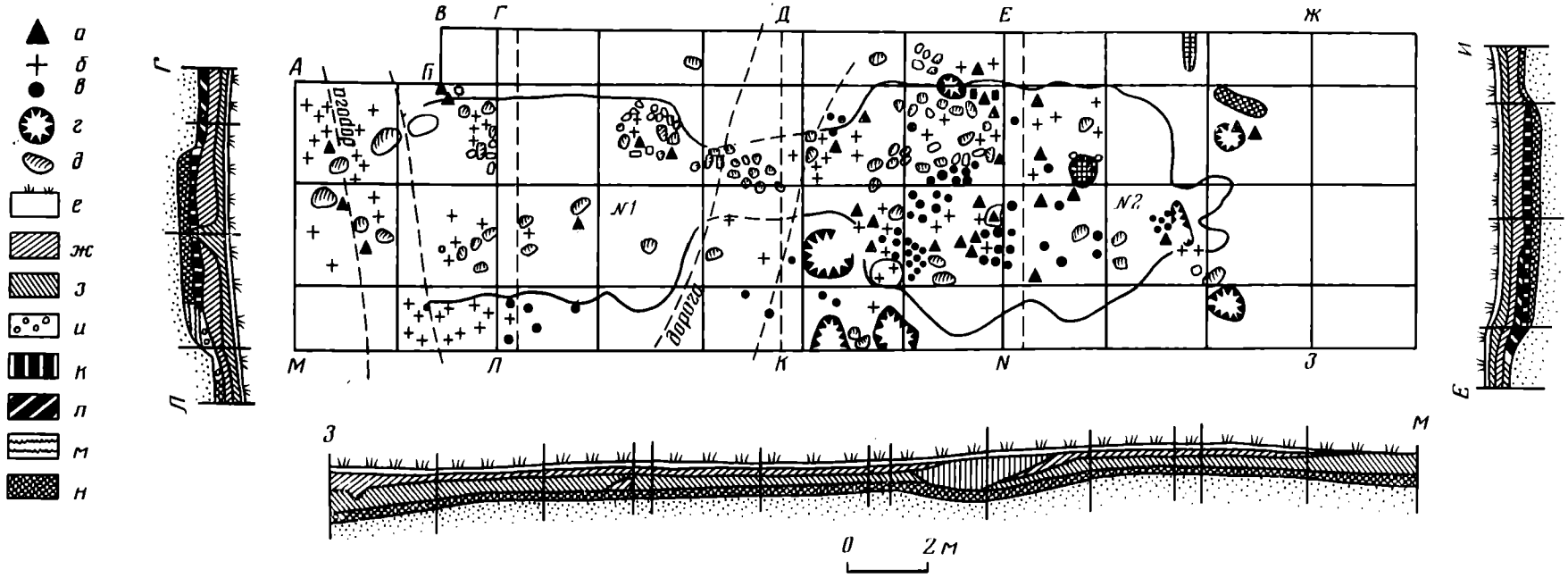


Рис. 1. План раскопа. № 1, 2 — жилища. *а* — каменные орудия; *б* — отходы производства; *в* — керамика; *г* — ямы; *д* — камни; *е* — дерн; *ж* — светло-серый песок; *з* — желтый песок с коричневым оттенком; *и* — серый песок; *к* — глина, перемешанная с песком; *л* — глина, перемешанная с галькой; *м* — глина; *н* — ярко-красный песок

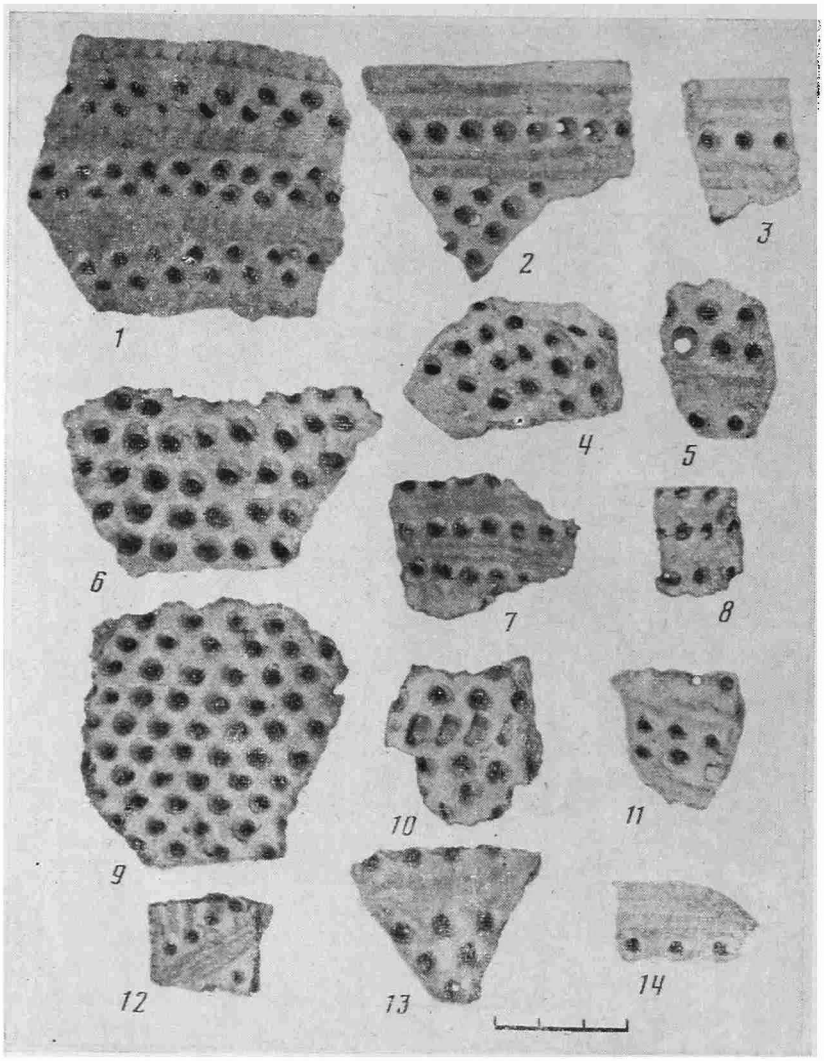


Рис. 2. Керамика стоянки Пегрема V

из 16 камней. Все камни сильно обожжены, возможно, использовались для обогрева жилища. В его северо-восточной части обнаружены остатки еще одного очага, частично разрушенного корнями деревьев. Сохранилась лишь зольно-углистая прослойка. У очага и вдоль стен лежали развалы глиняных сосудов, отдельные фрагменты керамики, украшенные круглоконическими ямками и оттисками гребенчатого штампа. Из северо-западной стенки жилища проходил коридор в жилище 2.

Жилище 2 прослежено также во впадине размерами 8×6,5 м. Оно имело четырехугольную форму и площадь около 25 м² (длина 6,2, ширина 4,1 м), ориентировано по линии СЗ—ЮВ, углублялось в материк до 40 см. В северной половине находилась каменная кладка подковообразной формы длиной 2,2, шириной 2 м, сложенная из 120 камней, подвергнутых сильному обжигу. Зольно-углистая прослойка отсутствовала, видимо, размыта. Поблизости располагалась яма глубиной 60 и диаметром 40×30 см, заполненная темногумусированным песком с кальцинированными косточками и керамикой. У юго-западной стенки жилища размещался очаг размерами 30×40 см, рядом лежали шлифовальная плита и несколько сланцевых орудий. Тут же найдены осколки и отщепы сланца и керамика. Все это — следы мастерской по обработке сланцевых орудий. Обнаружена еще одна яма продолговатой формы (1,1× ×0,4×0,35 м), заполненная гумусированным песком, на дне лежал развал сосуда.

За пределами жилища у юго-восточного угла выявлены две ямы раз-

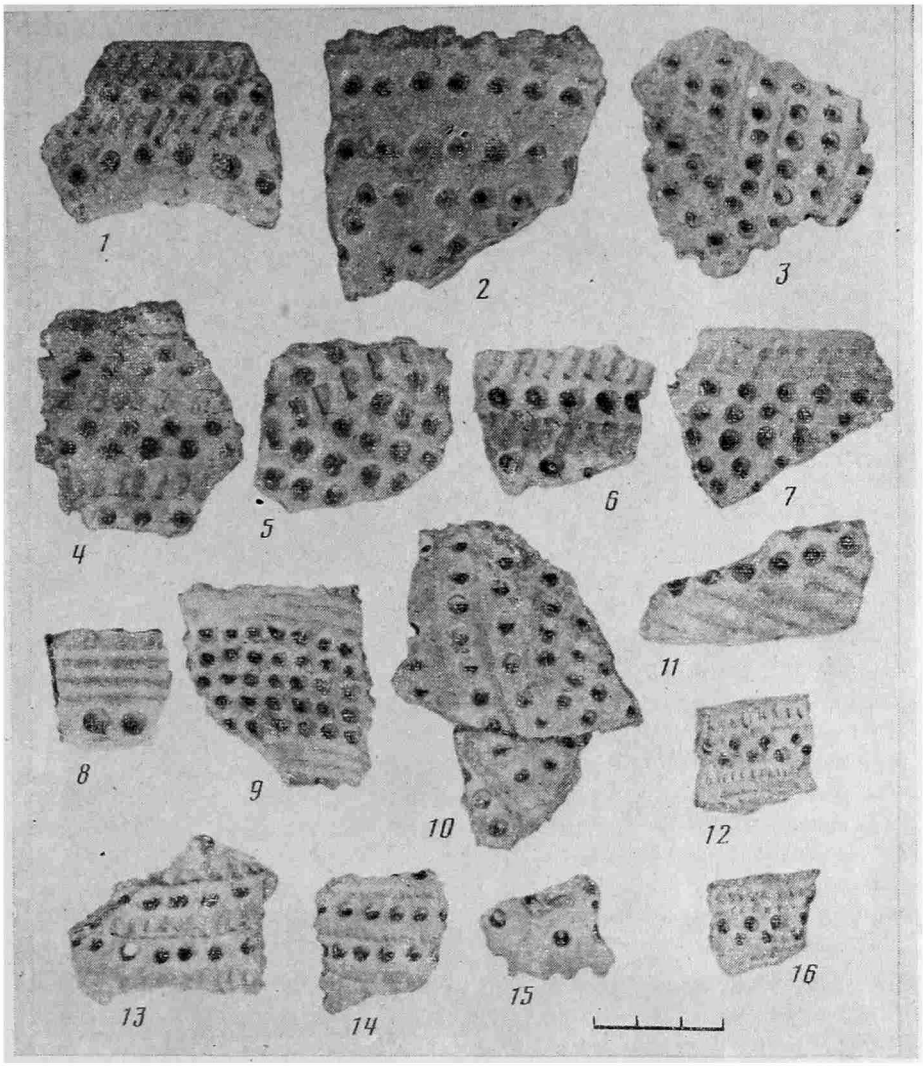


Рис. 3. Керамика стоянки Пегрема V

мерами 50×40 и 30×30 см, глубина их 49 см. Аналогичные ямы примыкали к северо-западной стенке жилища. Назначение их неопределимо.

Керамика (рис. 2—6) представлена более чем 30 сосудами круглоили остродонными, тонкостенными (0,4—0,7 см), с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками. Всего найдено 352 крупных и 384 мелких фрагмента. Сосуды средних размеров (до 40 см диаметром), изготовлены из хорошо отмученного глиняного теста с примесью толченого камня и мелкого песка, светло-коричневого цвета, хорошего обжига. Поверхность сосудов орнаментирована круглыми с коническим дном ямками, расставленными в шахматном порядке, встречаются широкие прочерченные линии, насечка, гребенка (рис. 2, *2*, *14*). Ямки имеют средние размеры (0,3—0,7 диаметр и 0,2—0,3 глубина), часто располагаются по всей поверхности сосудов поясками или зонами (рис. 2, *4*, *6*, *9*; 4, *7*). Гребенка расставлена в различных вариантах: наклонно, вертикально, горизонтально (рис. 2, *5*, *7*, *12*, *13*; 3, *1—3*, *10*, *14*). Иногда пояски гребенчатого штампа чередуются по одному, два, три (рис. 4, *1*, *8*, *10*). В орнаменте встречены зоны из ямок, разделенные оттисками горизонтального «протащенного» штампа, напоминающего грубую отступающую лопатку (рис. 2, *1*; 4, *3*, *13*).

Встречен сосуд диаметром 16,5 см (рис. 5), тонкостенный, с острым дном и чуть отогнутым наружу венчиком. Обжиг хороший, цвет светло-коричневый, глиняное тесто содержит примесь мелкого песка. Орнамент состоит из узоров, составленных ямками и гребенчатым штампом. Под

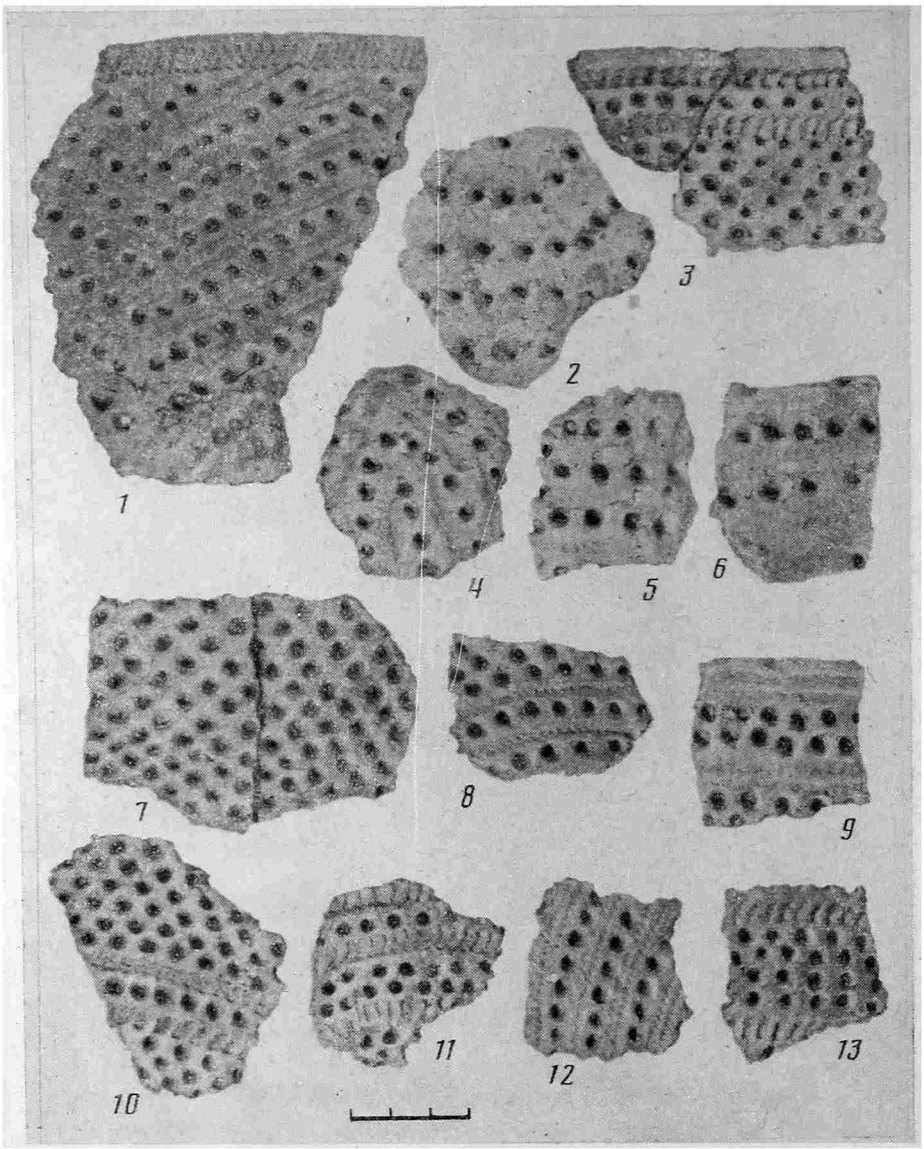


Рис. 4. Керамика стоянки Пегрема V

венчиком иногда проходит поясок «протащенного» широкого штампа. Сосуды с таким орнаментом встречены на неолитических стоянках лесной полосы [12, с. 214—216]. Они характерны и для льяловской культуры Волго-Окского бассейна [2].

Однако в орнаменте прослеживаются и некоторые своеобразные черты. Если 736 крупных и мелких фрагментов керамики орнаментированы ямками, близкими льяловской керамике, то гребенчатый штамп на некоторых фрагментах нетипичен для льяловской. Он чрезвычайно частозубый, похож на веревочный (рис. 4, *8*). Такой штамп встречен на 133 фрагментах. Имеются также прочерченные линии (на 5 фрагментах, рис. 2, *2, 3, 14*); оригинальный узкий подчетырехугольный штамп встречен на 4 фрагментах (рис. 2, *10*; рис. 3, *5*); широкий «протащенный» штамп в виде грубой отступающей лопатки отмечен на 72 фрагментах, и, наконец, узкие подчетырехугольные ямки зафиксированы на 4 фрагментах (рис. 3, *6*).

Таким образом, в орнаменте керамики стоянки Пегрема V присутствуют элементы узоров, напоминающие орнамент сперрингс: прочерченный штамп, отступающая лопатка, веревка. Все это позволяет говорить о некотором отличии нашей керамики от льяловской.

Каменный инвентарь включает изделия только из местных пород:

сланца, кварца, кварцита, роговика. На стоянке встречено 7 рубящих орудий, кирка, 8 заготовок рубящих орудий, 37 обломков заготовок, 44 обломка шлифованных орудий, 8 отбойников, пила, 18 шлифовальных плит, нуклеус, 2 резца, ретушер, 3 скребка, 2 пластинки, лощило, обломок проколки, рыболовный груз, скобель-скребок, 16 осколков с ретушью, 32 осколка кварца, 1 осколок сланца, 2 осколка кремня.

Как видно из простого перечня, на стоянке превалируют рубящие инструменты из сланца и орудия, связанные с изготовлением этих инструментов. Рассмотрим орудия по категориям. Топор из сланца

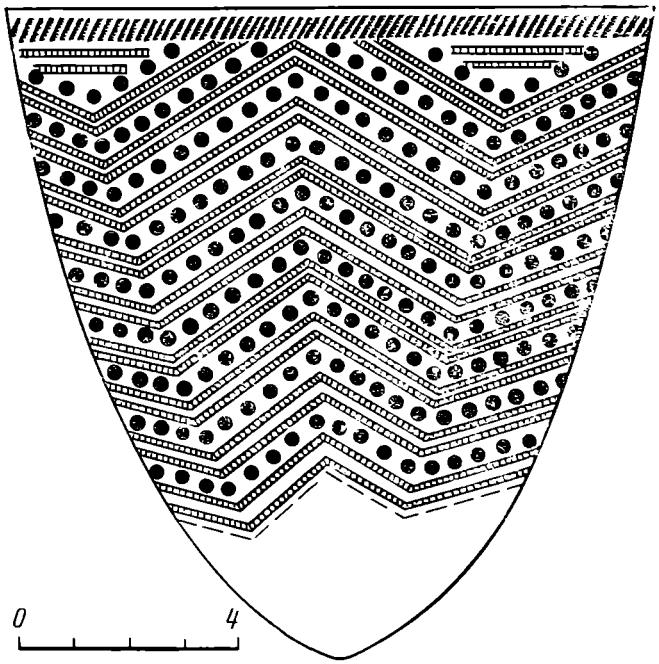


Рис. 5. Графическая реконструкция сосуда с орнаментом из Пегремы V

(рис. 6, *9*) прямоугольной формы, четырехугольного сечения, длиной 6,6, шириной 3,4, толщиной 1,5 см. Обработан шлифовкой по всей поверхности, обух прямой, лезвие симметрично заточено с двух сторон, сам кончик острия сбит в процессе работы. Три сланцевых долота (рис. 6, *2, 3, 7*). Одно прямоугольной формы, четырехугольное в сечении, длиной 10,4, шириной 2, толщиной 1,5 см. Орудие отполировано по всей поверхности. Обух прямой, лезвие подвергнуто односторонней заточке, сам кончик обработан вторичной заточкой (рис. 6, *2*). Размеры второго долота: длина 11,5, ширина 2,9, толщина 1,5 см. Шлифовка по всей поверхности, лезвие подвергнуто вторичной заточке, частично сломано (рис. 6, *3*). Третье долотце имеет небольшие размеры (5×1,2×1 см). Обух слегка скошен, широкие противоположные грани отшлифованы, узкие — без обработки, лезвие заточено с двух сторон, сильно залощено (рис. 6, *7*).

В коллекции имеются три стамески (рис. 6, *5, 6, 8*). Одна на прямоугольной пластине четырехугольного сечения, длиной 6,5, шириной 2,4, толщиной 0,8 см. Обух скошен, лезвие заточено с одной стороны, поверхность без шлифовки (рис. 6, *8*). Вторая стамеска имеет корпус, сужающийся к обуху, сломана. Сохранилась нижняя половина с лезвием длиной 3,6 см. Ширина лезвия 2,3 см (рис. 6, *5*). Орудие четырехугольное в сечении, лезвие заточено с одной стороны, корпус без шлифовки. Третья стамеска имеет длину 3, ширину 2,8, толщину 0,4 см, прямоугольная в сечении, не зашлифована, лезвие с односторонней заточкой (рис. 6, *6*). Отметим кирку длиной 11,5, толщиной 4 см, отполированную с брюшка, боковые грани ее обработаны сколами, со спинки заметны следы слабой шлифовки, лезвие затуплено (рис. 6, *1*).

Скребки. Один концевой на грубой пластине из кремнистого сланца

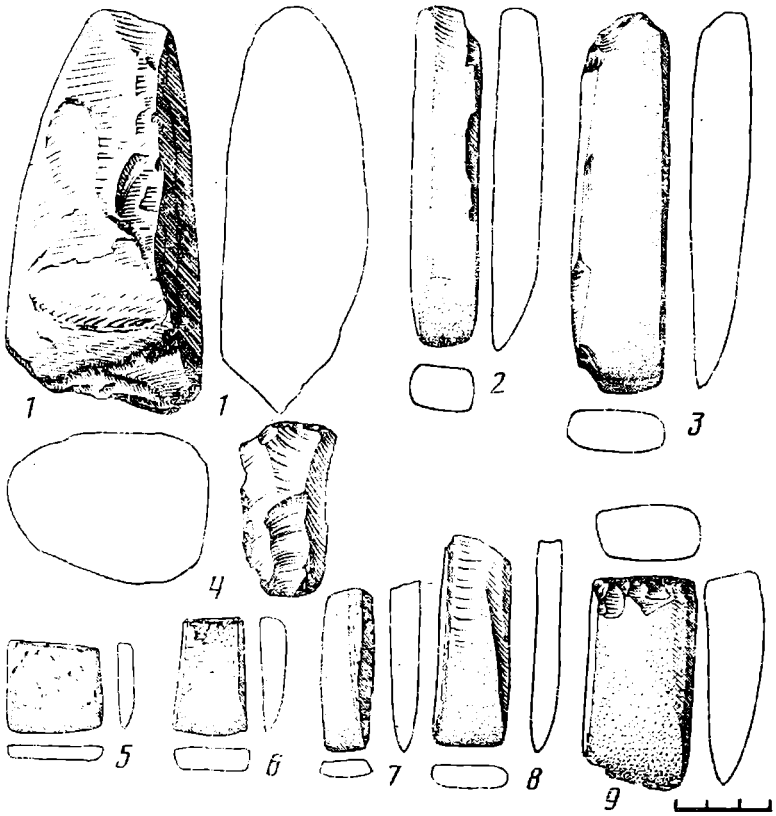


Рис. 6. Сланцевый инвентарь стоянки Пегрема V (*1* — кирка; *2*, *3*, *7* — долота; *5*, *6*, *8* — стамески; *4* — скребок; *9* — топор)

(5,5×2,6×1,3 см). Рабочий край и частично одна боковая грань обработаны мелкой крутой ретушью. На противоположном крае хорошо заметен бугорок, образовавшийся при скалывании пластины от нуклеуса (рис. 6, *4*). Отметим также срединный резец, скобель-скребло, шлифовальные плиты на крупных кварцитовых валунах.

Таким образом, весь каменный инвентарь поселения Пегрема V изготовлен из местного сырья, имеет формы, характерные для неолитических поселений Карелии. На стоянке совершенно отсутствуют кремневые орудия, типичные для памятников льяловской культуры.

Рассматриваемый район — Заонежье богат вегорукским сланцем, который широко использовался во все времена для изготовления орудий [13, 14].

Таким образом, становится все более очевидным, что в неолите памятники с льяловской керамикой были распространены на широкой территории лесной полосы. Они, видимо, послужили в дальнейшем серьезной основой для сложения культур раннего металла в этом ареале. По характеру материала и палеогеографическим данным поселение Пегрема V датируется серединой — началом второй половины IV тыс. до н. э. [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жуков Б. С.* Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда.— Тр. Антропол. ин-та, вып. 1. Приложение к русскому антропологическому журналу. Т. XIV, вып. 1, 2. М., 1925.
2. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952 № 29.
3. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

4. *Раушенбах В. М.* Неолитические стоянки Верхней Клязьмы.— Тр. ГИМ, 1953, вып. 22.
5. *Цветкова И. К.* Стоянка Черная горка.— КСИИМК, 1959, вып. 75.
6. *Брюсов А. Я.* Льяловская стоянка на реке Клязьме Московской области.— СА, 1960, № 3.
7. *Третьяков В. П.* К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье.— КСИА, 1966, вып. 106.
8. *Крайнов Д. А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.— КСИА, 1964, вып. 97.
9. *Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.* Стоянка Вигайнаволок I.— В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. Л.: Наука, 1966.
10. *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры.— В кн.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: Сов. Россия, 1970.
11. *Журавлев А. П.* Работы карельского музея.— АО — 1975. М., 1976.
12. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Журавлев А. П.* Центр обработки сланца в эпоху неолита и энеолита на европейском Севере.— В кн.: IX Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии (тез. докл.). Ч. 1. Тарту, 1982.
14. *Журавлев А. П., Горлов В. И.* Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы.— СА, 1979, № 1.
15. *Журавлев А. П.* Датировка поселений мезолита — раннего металла в Уницкой губе Онежского озера.— СА, 1984, № 4.

A. P. Zhuravlev

A SETTLEMENT WITH THE LYALOVO-TYPE POTTERY AT LAKE ONEGA

Summary

In 1975 the author studied a settlement yielding purely Lyalovo-type pit ceramics on the western bank of the Unitsa inlet at the village of Pegrem. He investigated two dwellings with pottery remains at the hearths, and storage pits. Implements made of the local slate were also found. Archaeological material and palaeogeographic evidence relate the settlement to the mid-early second half of the 4th millennium B.C. In the Neolithic settlements with the Lyalovo pottery were a common feature of the forest belt and a solid foundation for the early Metal Epoch cultures there.

А. Т. СИНЮК, В. И. ПОГОРЕЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДОНА

В 1980 г. экспедицией Воронежского пединститута проведены раскопки двух курганов в левобережном Подонье. Один из них был в составе группы из семи насыпей в 1,5 км к юго-востоку от с. Новая Меловатка (Калачеевский р-н Воронежской обл.), на высоком мысу, образованном с северо-запада речкой Казинкой — правым притоком р. Толучеевки, а с юга и юго-востока — пересыхающим безымянным ручьем. Высота кургана от современной поверхности — 0,75, диаметр — 14 м. Исследовался он с помощью бульдозера методом прямых траншей послойно на снос. Структура насыпи однородна: под пахотным слоем (0,3—0,35 м) залегала насыпка из чернозема (рис. 1, *1*). Погребенная почва хорошо определялась благодаря наличию гумусированной прослойки — древнего дерна. Общая мощность наслоений от нулевой точки в центре кургана до материковой глины составила 1,75 м. В насыпи зафиксированы линза материкового выкида из основного погребения 2, меловое заполнение могильной ямы впускного погребения 1 и прослойка золы мощностью 5—6 см, залегающая на погребенной почве под могильным выкидом погребения 2 почти по всей площади кургана. Эта прослойка указывает на предшествовавшее совершению основного погребения выжигание поверхности. Кроме того, в кургане выявлена интересная конструктивная деталь — сооружение над основным погребением 2 шалашей из бревен и жердей толщиной 10—15 см. Их остатки залегали в насыпи радиально на глубине 0,6—1,1 м. Для упора составных частей конструкции была создана кольцевая канавка, углубленная в погребенную почву на 0,2—0,3 м. Она заполнена по всей окружности древесным тленом. Диаметр площади кургана, ограниченной канавкой, составляет в среднем 9,5 м.

В кургане обнаружены остатки трех погребений.

Погребение 1 (впускное) выявлено в центре кургана с небольшим смещением к западу. Могильная яма фиксировалась сразу под пахотным слоем благодаря меловой забутовке. Яма прямоугольной формы, со сторонами 2,75×2,15 м ориентирована по линии З — В, углублена в материк на 0,55 м. Стенки пологие, и на уровне материка размеры ямы составили 2,2×1,6 м (рис. 1, *2*). Вдоль западной стенки обнаружены остатки захоронения, сильно потревоженного грызунами. Умерший лежал вытянуто на спине с северной ориентировкой. В области груди находились части сильно коррозированного металлического предмета (остатки кольчуги) и обломок костяного изделия длиной 4,4 см с косыми нарезками на одной из сторон (рис. 2, *1*). В области левой руки обнаружен не полностью сохранившийся железный нож с односторонним лезвием (рис. 2, *5*). Длина его — 8,3, ширина лезвия — 1,7 см. У таза скелета с левой стороны находилась серебряная золотоордынская монета — джучидский дирхем Узбек-хана второй четверти XIV в. (рис. 2, *2*). Диаметр ее — 1,4 см, вес — 1,41 г. Здесь же обнаружен обломок костяной конусовидной проколки длиной 2,7 см (рис. 2, *4*). Близ юго-восточного угла ямы найдены сильно коррозированные односоставные конские удила без псалиев (рис. 2, *3*), относящиеся к I типу отдела В по классификации Г. А. Федорова-Давыдова [1, с. 18, рис. 2, *1*]. Длина их — 10, диаметр сечения — 0,5 см. В центре ямы обнаружены остатки предмета, основой которого служила кованая железная пластина в виде скобы шириной

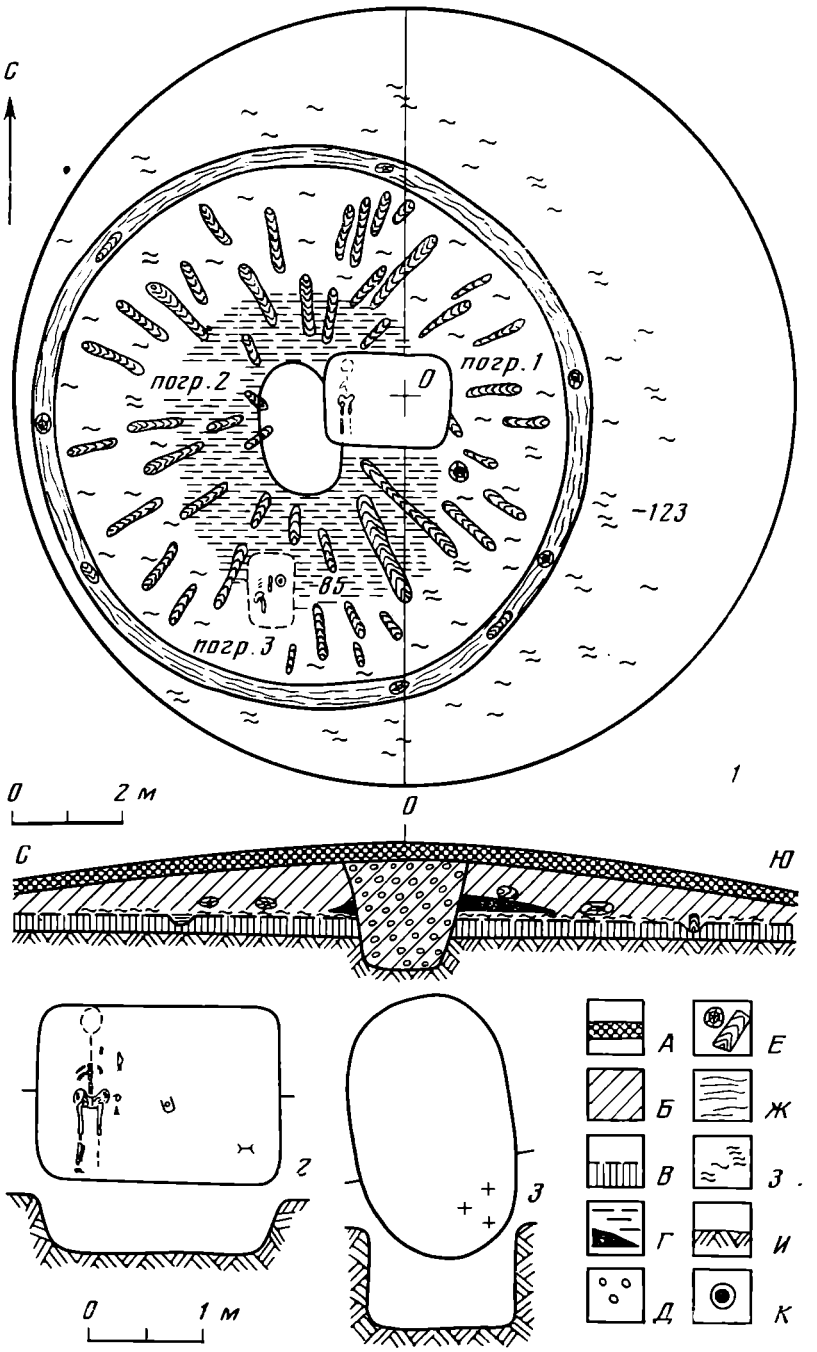


Рис. 1. Курган у с. Новая Меловатка. *1* — план и профиль; *2* — план и разрез погр. 1; *3* — план и разрез погр. 2, *А* — пахотный слой; *Б* — чернозем; *В* — погребенная почва; *Г* — материковый выкид; *Д* — мел; *Е* — дерево; *Ж* — древесный тлен; *З* — зола; *И* — материк; *К* — сосуд

2 см с расширяющимися закругленными концами (рис. 2, *7*). С обеих сторон в 1,5 см от края выкованы ушки, видимо, для крепления ремня. Предмет был украшен позолоченной металлической накладкой полусферической формы (рис. 2, *6*). Высота ее — 2,5, диаметр основания — 5 см. Средняя часть полусферы по всей окружности украшена напаянной перевитой проволочкой — сканью. Для крепления использовались парчовые ремешки. Изделие включало деревянные дощечки, которые фиксировались в виде тлена. Назначение предмета неясно, но не исключено, что он связан с головным убором. Рассмотренное захоронение по обрядовым признакам сопоставимо с погребениями типа ДI (по Г. А. Федорову-Давыдову [1, с. 127]), которые получают распространение в XIII—XIV вв. На основании монеты оно датируется не ранее второй четверти XIV в.

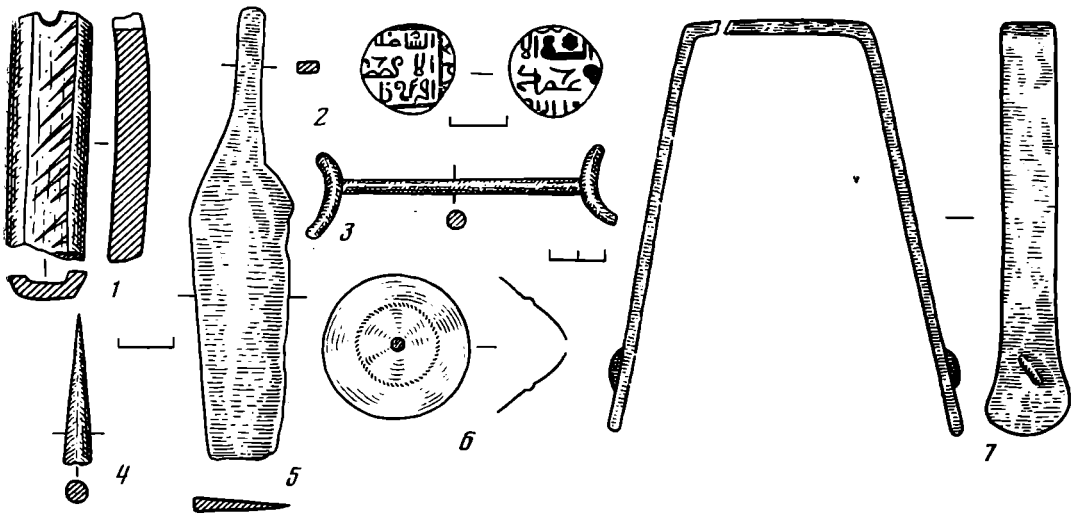


Рис. 2. Курган у с. Новая Меловатка. Материалы из погр. 1. *1* — обломок костяного изделия; *2* — монета; *3* — железные удила; *4* — костяная проколка; *5* — железный нож; *6* — полусферическая накладка; *7* — железная пластина

и принадлежит представителю одной из групп кочевого населения южнорусского степного пограничья.

Погребение 2 (основное) выявлено в 1,5 м к западу — юго-западу от центра кургана, было частично перекрыто погр. 1. Ему принадлежала вышеотмеченная деревянная конструкция. Могильная яма овальной формы, размерами 2,35×1,45 м ориентирована длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ (рис. 1, *3*). Глубина ее в материке — 0,95 м, стенки отвесные, пол ровный. Инвентарь отсутствует. Захоронение полностью разрушено норами грызунов, лишь в юго-восточной части ямы фиксировались вкрапления охры. Предположительно это погребение можно отнести к древнеямному времени.

Погребение 3 (впускное) сохранилось в виде фрагментов скелета взрослого человека, найденных в 4,0 м к югу — юго-западу от центра насыпи, на глубине 0,4 м от поверхности кургана. Погребение разрушено пахотой. Положение умершего установить не удалось, но определяется его северная ориентировка. У головы была поставлена нижняя часть глиняного лепного горшка, имеющего плоское днище с закраиной. Изготовлен из рыхлого теста с примесью крупнозернистого песка. На внешней поверхности имеются следы лощения, на внутренней — штриховки. Цвет его светло-коричневый, не орнаментирован. Высота сохранившейся части — 8,5, диаметр дна — 8 см. Погребение относится к позднекочевническому времени.

Второй курган — одиночный, располагался в 2,5 км к востоку от с. Верхняя Маза (Верхнехавский р-н Воронежской обл.) [1]. Высота его от уровня современной поверхности — 4, диаметр 40 м (рис. 3, *1*). Как и в первом случае, курган исследовался с помощью бульдозера методом прямых траншей послойно на снос. Центральная бровка оставлена по линии запад — восток. Насыпь сложена из однородной массы чернозема. Погребенная почва (0,35—0,4 м) фиксировалась более темным оттенком, подстилалась материковым суглинком. По центру насыпи на глубине 3,75 м выявлена линза могильного выкида из погребения 4.

Курган содержал четыре захоронения.

Погребение 1 (впускное) совершено в насыпи в 9,0 м к западу — юго-западу от центра, на глубине 1,1 м от поверхности. Контуры могильного сооружения не прослежены. Скелет взрослого человека без черепа располагался вытянуто на спине с юго-восточной ориентировкой, руки положены на таз (рис. 3, *2*). Инвентарь отсутствует.

[1] По свидетельствам старожилов, здесь еще сравнительно недавно насчитывалось до 10 насыпей, которые затем были полностью запаханы.

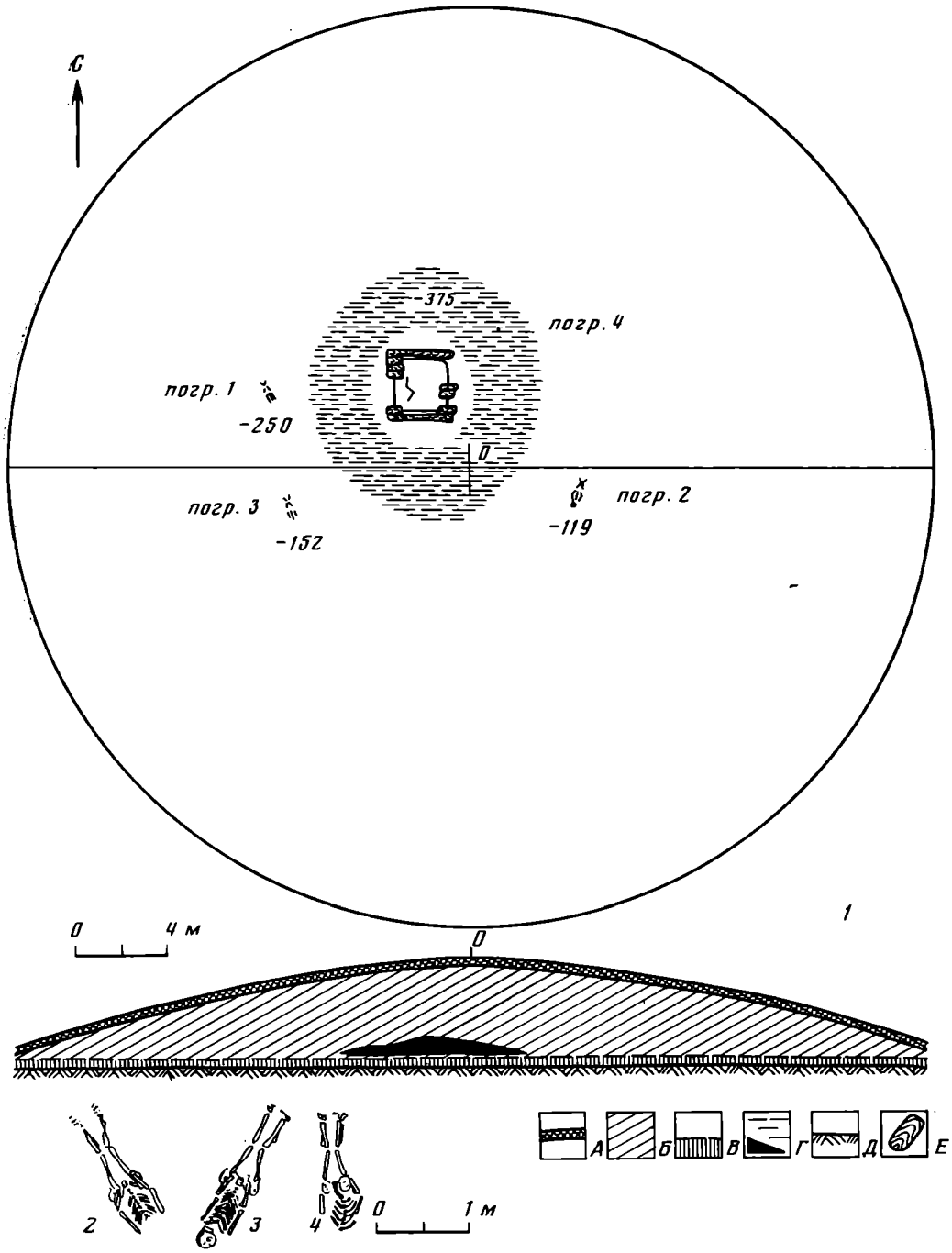


Рис. 3. Курган у с. Верхняя Маза. *1* — план и профиль; *2* — погр. 1; *3* — погр. 2; *4* — погр. 3. *А* — пахотный слой; *Б* — чернозем; *В* — погребенная почва; *Г* — могильный выкид; *Д* — материк; *Е* — дерево

Погребение 2 (впускное) обнаружено в 5,0 м к востоку — юго-востоку от центра, в насыпи кургана, на глубине 0,68 м от поверхности. Костяк взрослого человека положен вытянуто на спину, головой на юго-запад, кисти рук находились на тазе (рис. 3, *3*). Инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (впускное) выявлено в насыпи кургана в 8,0 м к западу — юго-западу от центра, на глубине 0,52 м от поверхности. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, кисти рук покоились на тазе, череп отсутствовал, ориентирован на юг — юго-восток (рис. 3, *4*). Инвентарь отсутствует.

Погребение 4 (основное) находилось в 2,5 м к северу — северо-западу от центра. Окружено кольцом материкового выкида, залегавшего на погребенной почве. Прямоугольная яма (2,45×2,05 м) ориентирована длин-

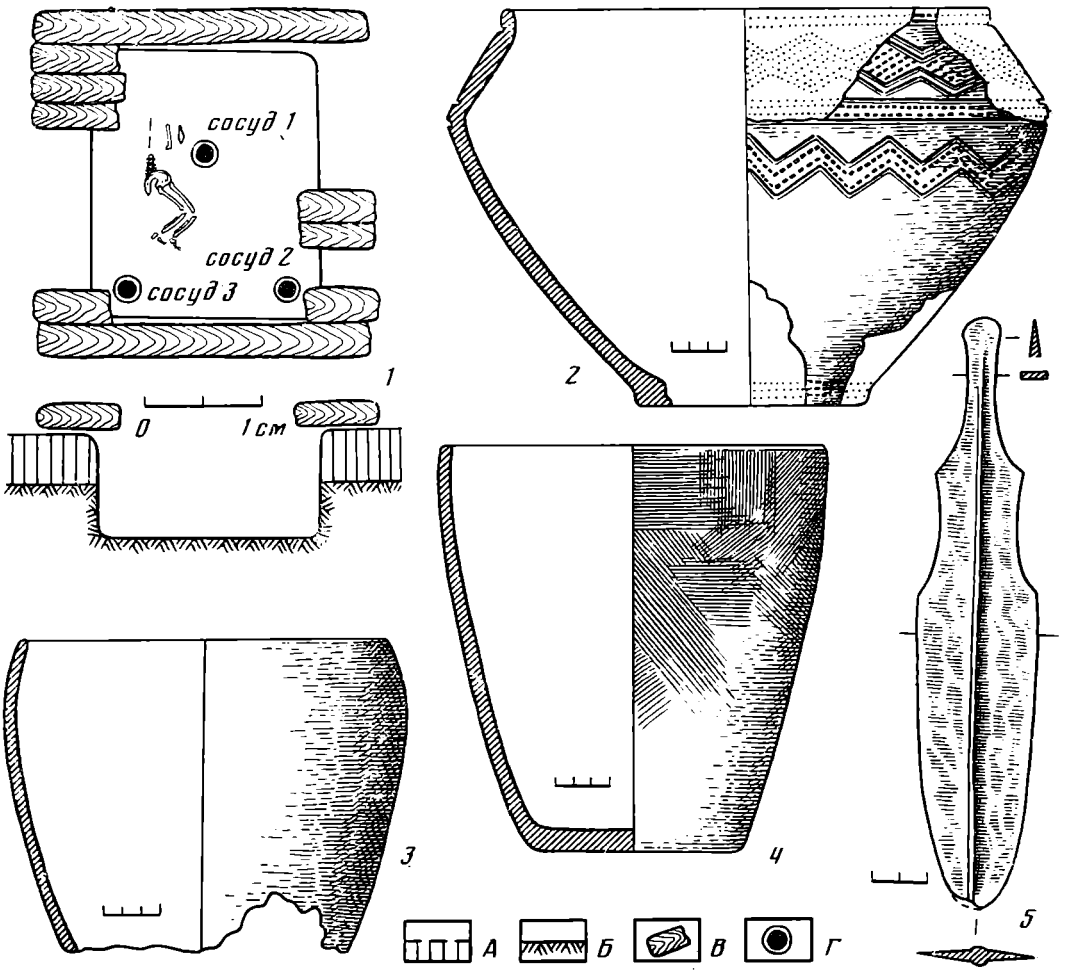


Рис. 4. Курган у с. Верхняя Маза. *1* — план и разрез погр. 4; *2* — сосуд 1; *3* — сосуд 3; *4* — сосуд 2; *5* — бронзовый нож, *А* — погребенная почва; *Б* — материк; *В* — дерево; *Г* — сосуды

ными сторонами по линии север — юг, углублена в материк на 0,5 м. На погребенной почве поперек ямы находились остатки мощного накатника из бревен диаметром до 0,35 м (рис. 4, *1*). Захоронение сильно потревожено норами грызунов, однако удалось зафиксировать слабоскорченное положение умершего на левом боку с северной ориентировкой. У живота его находились бронзовый нож и обломки остроребериого сосуда. В ногах погребенного, в юго-западном и юго-восточном углах ямы, поставлено еще по сосуду. Возле каждого из них лежало по бараньему ребру.

Остроребериый сосуд реконструирован графически (рис. 4, *2*). Высота его — 21,5 см, цвет светло-коричневый, внешняя поверхность подлощена, внутренняя хорошо сглажена, в тесте примесь песка. Дно плоское с закраиной. По венчику, ребру и закраине сосуд орнаментирован горизонтальными прочерченными линиями и рядами из оттисков крупнозубчатого штампа. Выше ребра сосуд украшен цепочкой ромбов, образованных парными прочерченными линиями, заполненных оттисками крупнозубчатого штампа. Под ребром располагается зигзагообразный пояс из оттисков того же штампа, ограниченный прочерченными линиями.

Второй сосуд (рис. 4, *4*) — баночной формы. Высота его 22,3 см, диаметр верха 20,5, дна — 11,5 см. Цвет поверхностей светло-коричневый со следами нагара, в тесте примесь песка. В верхней и средней частях имеются косовертикальные расчесы.

Третий сосуд (рис. 4, *3*) также баночной формы, со стянутым верхом. Высота сохранившейся части — 17, диаметр верха — 20 см. Цвет темно-

коричневый, в тесте примесь песка. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо сглажены.

Бронзовый нож-кинжал (рис. 4, *5*) листовидной формы с ребром жесткости по длинной оси и намечающимся перекрестием. Длина его 21,2, ширина лезвия в средней части — 4,2 см.

Из четырех исследованных захоронений кургана наибольший интерес представляет погребение 4. Перекрытие могильной ямы, положение умершего скорченно на левом боку с северной ориентировкой, сопутствующий инвентарь являются характерными чертами срубной культуры [2—6]. Наличие под насыпью только одного срубного захоронения свидетельствует в пользу ранней даты его совершения. Н. Я. Мерперт, разрабатывая периодизацию средневолжского варианта срубной культуры, традицию сооружения круглых курганов с одиночными захоронениями отнес к первому этапу и датировал его XVI—XV вв. до н. э. [5, с. 81; 7, с. 21]. Обширная прямоугольная яма, размещение умершего у западной стенки, слабая скорченность, присутствие жертвенной пищи, расположение инвентаря, орнаментация сосудов косовертикальными расчесами находят больше всего аналогий в материалах покровских погребений, и в частности в их первой группе по периодизации, предложенной В. И. Сагайдаком [8, с. 57—70].

Три других погребения в насыпи кургана по ряду обрядовых признаков (положение вытянуто на спине, ориентировка в южную половину круга горизонта, размещение кистей рук на тазе, связывание ног в коленях) обнаруживают между собой культурно-хронологическое единство и могут быть отнесены к среднесарматскому времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
2. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.— Уч. зап. СГУ, 1947, т. XVII.
3. *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, № 42.
4. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
5. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
6. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
7. *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 1962, № 111.
8. *Сагайдак В. И.* О двух группах погребений покровских могильников в Нижнем Поволжье.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.

A. T. Sinyuk, V. I. Pogorelov

STUDIES OF MOUNDS ON THE LEFT BANK OF THE MIDDLE DON

Summary

An expedition of Voronezh Teacher College conducted in 1980 conservation excavations of two mounds on the left bank of the middle Don in the Voronezh Region. One of them (the Novaya Melovatka village, Kalach District) contained three burials, the main of the three had no grave goods and was made in a tent-like construction. Its typology relates it to the early pit-grave burial. Two other burials from the same mound are the graves of nomads. One of them is dated, by a Golden Horde dirkhem, to the second quarter of the 14th century A. D. The second mound (the Verkhnyaya Maza village, Verkhnyaya Khava District) contained four burials. The main one relates to the timber-grave culture. It yielded a bronze dagger, three vessels and remains of offerings. Other burials uniform in their rites had no grave goods and were related to the middle Sarmatian period.

А. И. ИСАКОВ

САРАЗМ — НОВЫЙ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

В среднеазиатской археологии многое сделано по изучению раннеземледельческих культур эпохи энеолита и бронзы. Однако памятники этой поры практически не были обнаружены и изучены в Северном Таджикистане. В этой связи особый интерес представляет открытие раннеземледельческого поселения Саразм в долине Зеравшана. Оно расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Зеравшан, в 15 км к западу от городища древнего Пенджикента. Поселение занимает невысокое плато длиной с запада на восток около 1,5 км, шириной с севера на юг от 400 в западной и до 800 м в восточной частях. С учетом мест случайных находок следы обитания встречаются на площади более 90 га. К западу от памятника проходит сухое русло, на севере он ограничен первой надпойменной террасой Зеравшана, на востоке — постройками селения Раджабали. На юге поселение примыкает к некогда существовавшему большому водоему под названием Оим Кул. Этот водоем расположен в дельте древних русел двух горных речек — Сай Мурчахо и Сои Шурпова. Саразмское поселение не имеет четко выраженного в рельефе плана. Видимо, это связано с постепенным его заселением и перемещением центра основной застройки.

На территории поселения на значительном расстоянии друг от друга имеется 10 всхолмлений различного размера (от 0,25 до 1 га) и 5 западин, возможно древних водоемов. В настоящее время восточная, южная и западная части поверхности поселения нарушены посевами и постройками.

Саразмское поселение было открыто жителем кишлака Авазали — Ашурали Тайлановым в 1976 г. Первый разведывательный шурф и раскопки произведены в 1977 г. [1, с. 216—224]. За семь полевых сезонов (1977—1983 гг.) на территории поселения было заложено 4 раскопа и 10 шурфов (рис. 1). Для раскопок были выбраны четыре объекта, находящихся друг от друга на расстоянии от 200 до 600 м.

Раскоп I расположен в центре западной части поселения на холме высотой 1,5—2 м, размерами 15×25 м. Здесь обнаружены остатки трех помещений и часть двора, заполненного мусорными слоями (рис. 2). Все три помещения прямоугольные и были связаны между собой проходами. Стены помещений 1 и 2 сложены из сырцового кирпича (49—50×24—25×11—12 см). Стены помещения 3 сложены из битой глины — пахсы. Из пахсы также была возведена стена, разделяющая помещения 2 и 3. Несмотря на различия в строительной технике, все стены имеют ширину 45—50 см и сохранились в высоту до 70 см. Поверхности стен и полов покрыты штукатуркой. К западу от жилого комплекса расположен дворик (пом. 4). Он связан с жилыми помещениями проходом шириной 1,6 м, находящимся в западной стене помещения 3. Во дворе обнаружена мусорная яма диаметром 2,5 и глубиной 2 м.

На раскопе выделено два строительных горизонта. Исследованные помещения относятся к верхнему горизонту. Наличие второго горизонта установлено в небольшом (2×2 м) шурфе, заложенном в южной части помещения 2. Бóльшая часть фрагментов керамики относится к верхнему горизонту (рис. 3). Здесь представлены как нерасписные (рис. 3, *1, 2*), так и расписные сосуды (рис. 3, *3—5*); встречены два венчика грубых лепных сосудов с резным орнаментом (рис. 3, *6, 7*) и миниатюр-

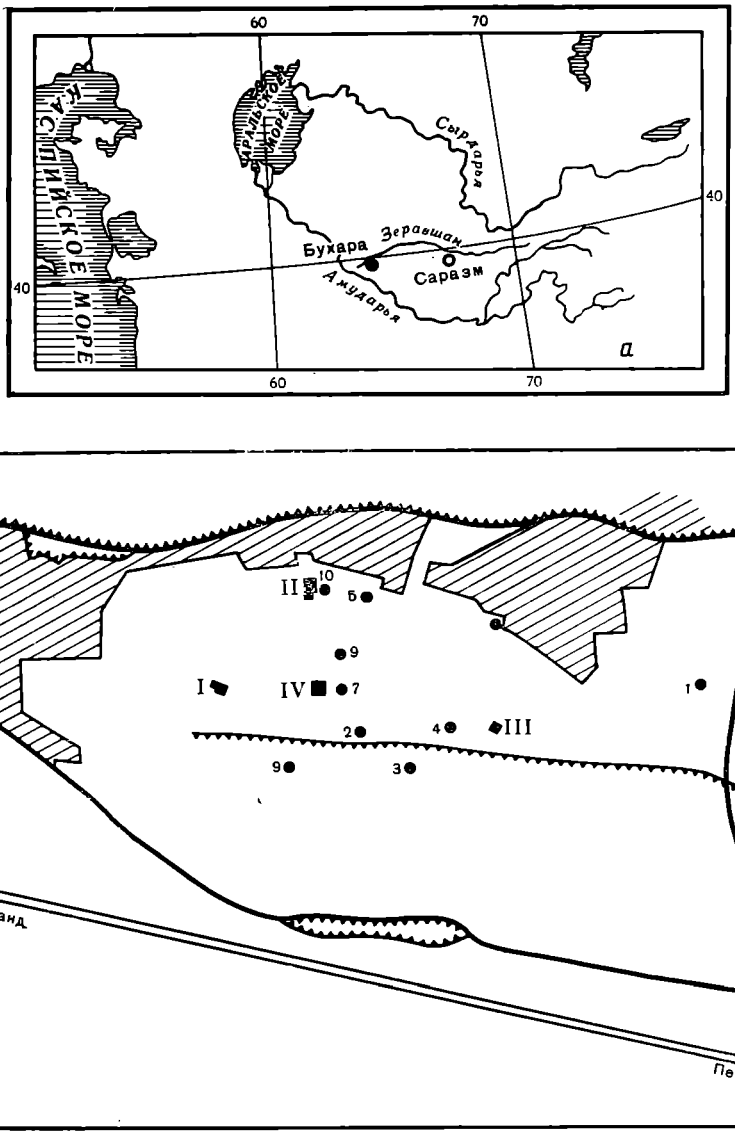


Рис. 1. Поселение Саразм в долине Зеравшана (*а*), план (I—IV — раскопы, *1—10* — шурфы) (*б*)

ный сосудик (рис. 3, *8*). Работы на раскопе I не завершены, но обнаруженные помещения и часть двора дают основание полагать, что здесь было расположено многокомнатное строение.

Раскоп II расположен в центре северной части поселения, на холме длиной с запада на восток более 90 м, шириной с севера на юг около 50 м. В результате проведенных в 1977—1983 гг. работ здесь на площади более 1000 м^2 вскрыты остатки 48 помещений (рис. 4). Они группируются в несколько многокомнатных массивов, разделенных тремя дворами и улочками. Здесь же обнаружен отрезок глинобитной стены, видимо, обводной для всего комплекса. Стратиграфические наблюдения на раскопе II показали, что на объекте жизнь продолжалась в течение четырех строительных периодов, условно названных Саразм I—IV.

Первый строительный период (Саразм I) [1] — наиболее ранний. Постройки этого периода обнаружены на небольших участках. К ним относятся отрезок внешней стены и обнаруженные под полами второго периода остатки пахсовых стен толщиной 45—60 см. В одном случае удалось проследить контуры двух помещений (рис. 4, пом. 16а/17а, 18).

Материалы этого раннего этапа на раскопе II представлены керамикой

[1] Жилые горизонты всех объектов обозначены снизу вверх.

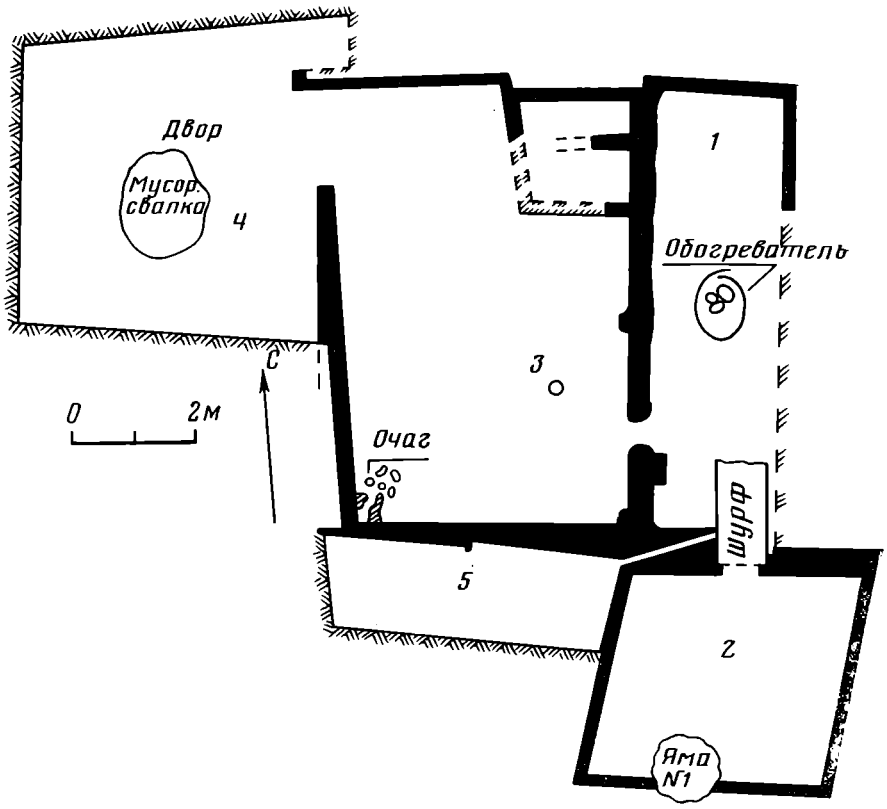


Рис. 2. Строения раскопа I

и одним сильно окисленным бронзовым кинжалом (рис. 5, *1*). Фрагменты керамики найдены в незначительном количестве и относятся к трем группам: краснофонные сосуды с полихромной и монохромной росписью (рис. 6, *9—16*), светлофонные (рис. 6, *1—3*) и сероглиняные с чернолощеной поверхностью сосуды (рис. 6, *6—8*). Вся найденная керамика лепная. Расписная керамика имеет прямые аналогии в керамике комплекса типа Геоксюр 1 [2, табл. XII, *1*, *2*, *16*]. Аналогии трем группам более широки — керамика энеолитических памятников Южной Туркмении: Яссы-депе [3, табл. XIII, 4], Кара-депе [4, с. 425, табл. V, *26*; 5, табл. VI, *21*].

Строительные остатки второго периода (Саразм II) сохранились значительно лучше. В настоящее время раскопаны остатки 36 помещений, по назначению разделяющиеся на жилые, хозяйственные и, очевидно, культовые. По планировке раскопанные помещения делятся на восемь самостоятельных жилых комплексов. Каждый комплекс состоит из двух-трех комнат и имеет один главный вход со стороны дворика или улицы. И главный вход, и межкомнатные проходы имеют ширину 50—60 см и приподнятые на 20—25 см над полом пороги. Стены, возведенные из пахсы, покрыты двойным, а порой и тройным слоем штукатурки.

Из обнаруженных архитектурных деталей этого периода особый интерес представляют устроенные в середине помещения очаги. Это круглые в плане диски с бортиком по краю и глубокой чашевидной лункой в центре. Очаги этого типа хорошо известны на памятниках периодов развитого и позднего энеолита в Геоксюрском оазисе Чонг-депе [6, с. 49, рис. 3], Айна-депе [7, с. 48, рис. 19]. Ряд близких аналогий можно отметить и в памятниках Юго-Западного Ирана. Здесь в некрополе древней Сузианы были найдены очаги-алтари, один из которых по своему устройству близок круглым очагам Саразма [8, с. 107, 108]. Таким образом, дисковидные очаги-алтари еще раз подчеркивают связи Саразма с геоксюрским комплексом, где такие очаги трактуются как культовые [7, с. 47]. До раскопок Саразма такие очаги были известны

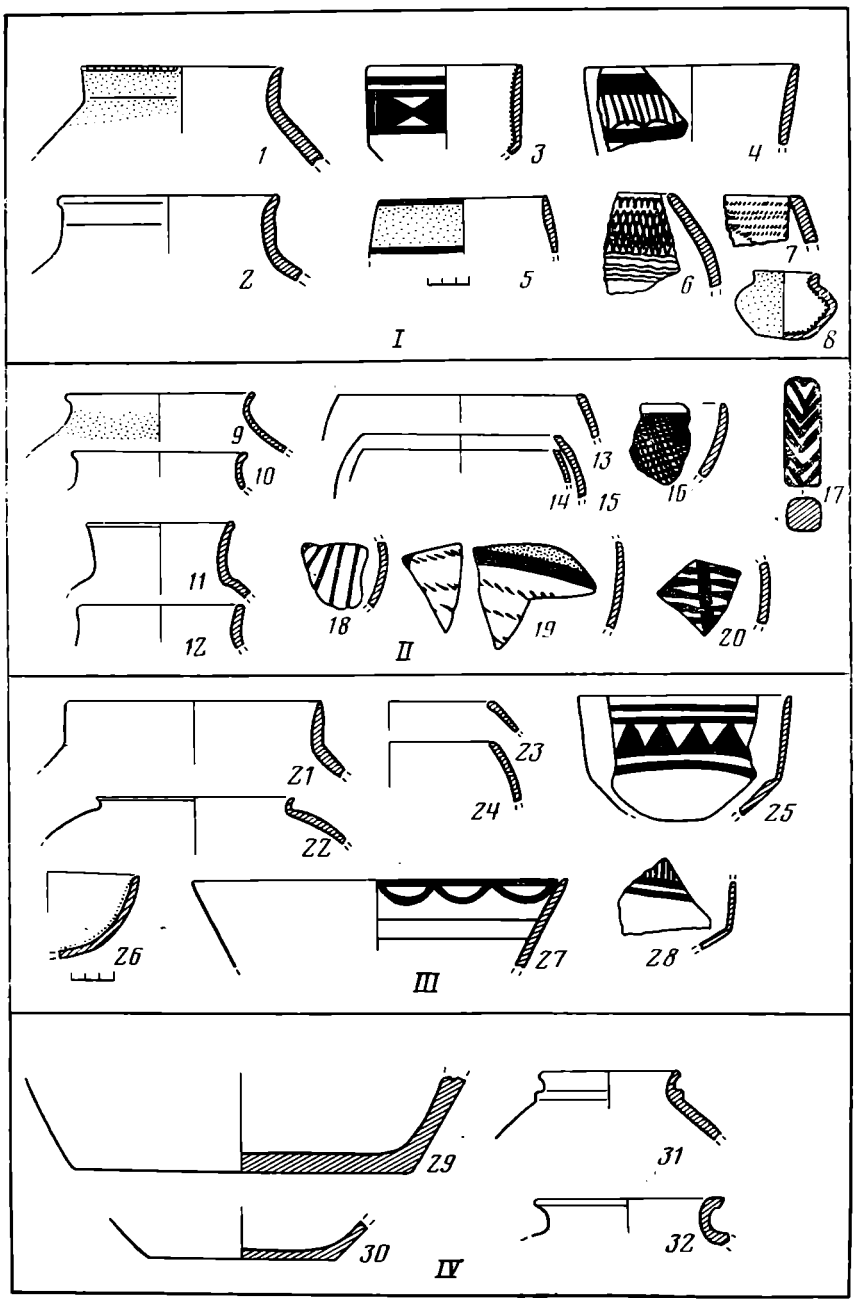


Рис. 3. Керамика финального этапа культуры Саразма. I—IV — раскопы

лишь по памятникам Южного Туркменистана и Юго-Западного Ирана. В литературе было высказано мнение, что в помещениях с круглыми очагами-алтарями производились жертвоприношения, а возможно, и кремация [9, с. 51]. Действительно, в помещении 21 на поселении Геоксюр 1 нижние части стен, пол, порог и круглый очаг сохранили следы сильного воздействия огня. Однако в Саразме, на раскопе II, имеются лишь следы розовато-охряной краски около очага, в ряде мест на полу и на нижней части стен.

Комплекс второго строительного периода на раскопе II представлен разнообразными материалами. В керамике сохраняются сосуды с монохромной и полихромной росписью (рис. 7, *3*, *4*). Наряду с многочисленными фрагментами лепной светлофонной, серой и черной керамики (рис. 7, *1*, *2*, *5*, *7—10*) найден сосуд, выпадающий из общего комплекса. Он имеет вытянутую подцилиндрическую форму и заостренное дно. Образованный насечками фриз геометрического орнамента опоясывает

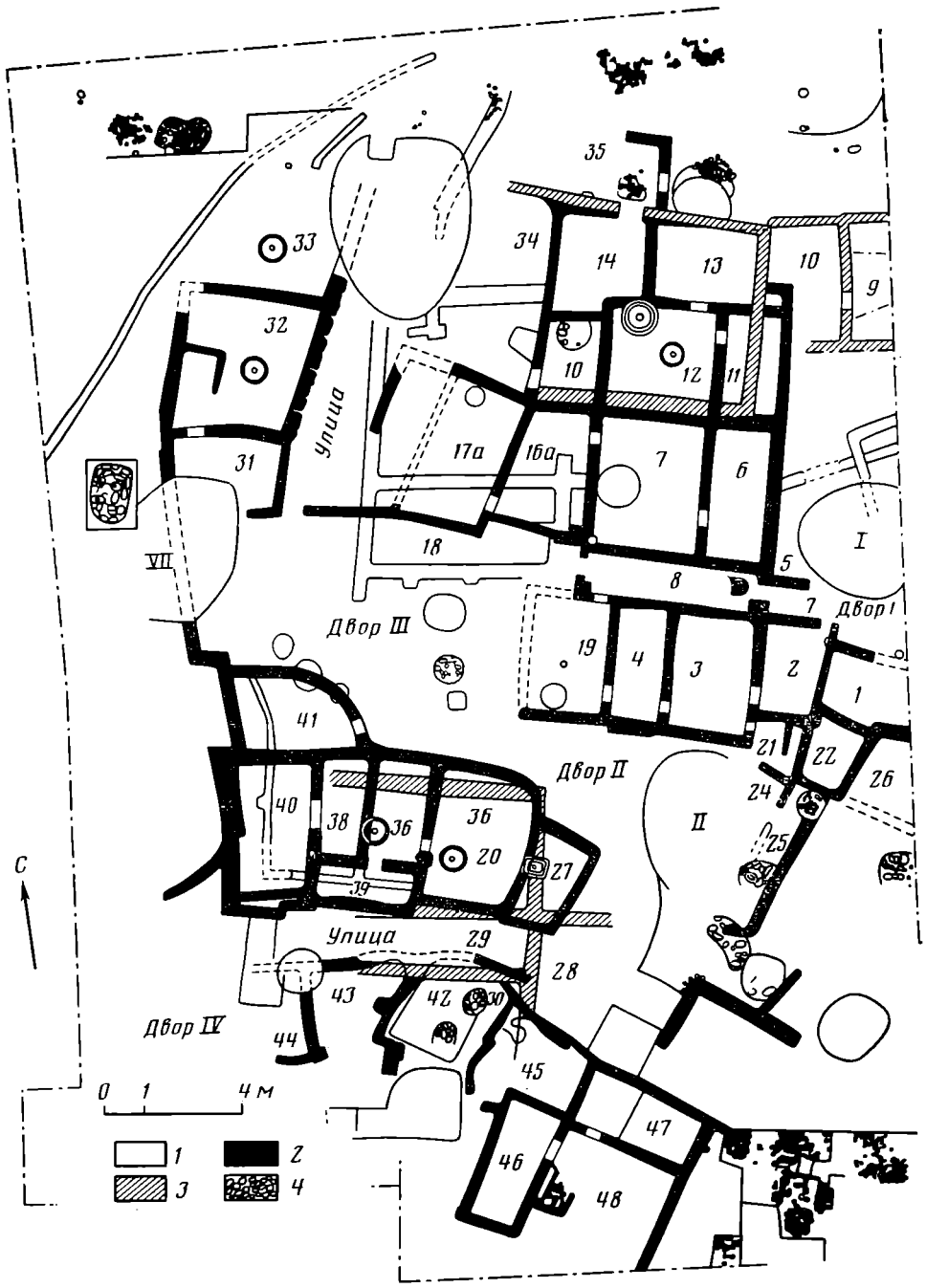


Рис. 4. Строения раскопа II

верхнюю часть сосуда (рис. 7, *6*). Этот сосуд неолитического облика близок керамике Кельтеминара и памятников лесостепной зоны Сибири [10, рис. 3, *1, 11*].

К комплексу Саразм II относятся многочисленные находки предметов из камня. Наиболее интересные из них — так называемые дисковидные гири, одна из которых найдена на полу двора 1 у кухонного очага (рис. 8, *1*). Такие изделия характерны для памятников эпохи энеолита. Так, аналогичные гири найдены в слое II на Северном холме Анау [11, рис. 506—510], на Кара-депе у Артыка [5, с. 22, табл. XI, *10, 12, 13*], на поселении Сиалк в Иране [12, табл. LXXXV, с. 223], а также в Мундигаке [13, рис. 135, *4*]. Относительно назначения этих изделий, видимо, прав В. А. Алекшин, который считает их гирями [14, с. 239]. Другой тип каменных изделий — предметы шаровидной формы с желобчатым перехватом (рис. 8, *12, 13*). Как и дисковидные гири, камни с

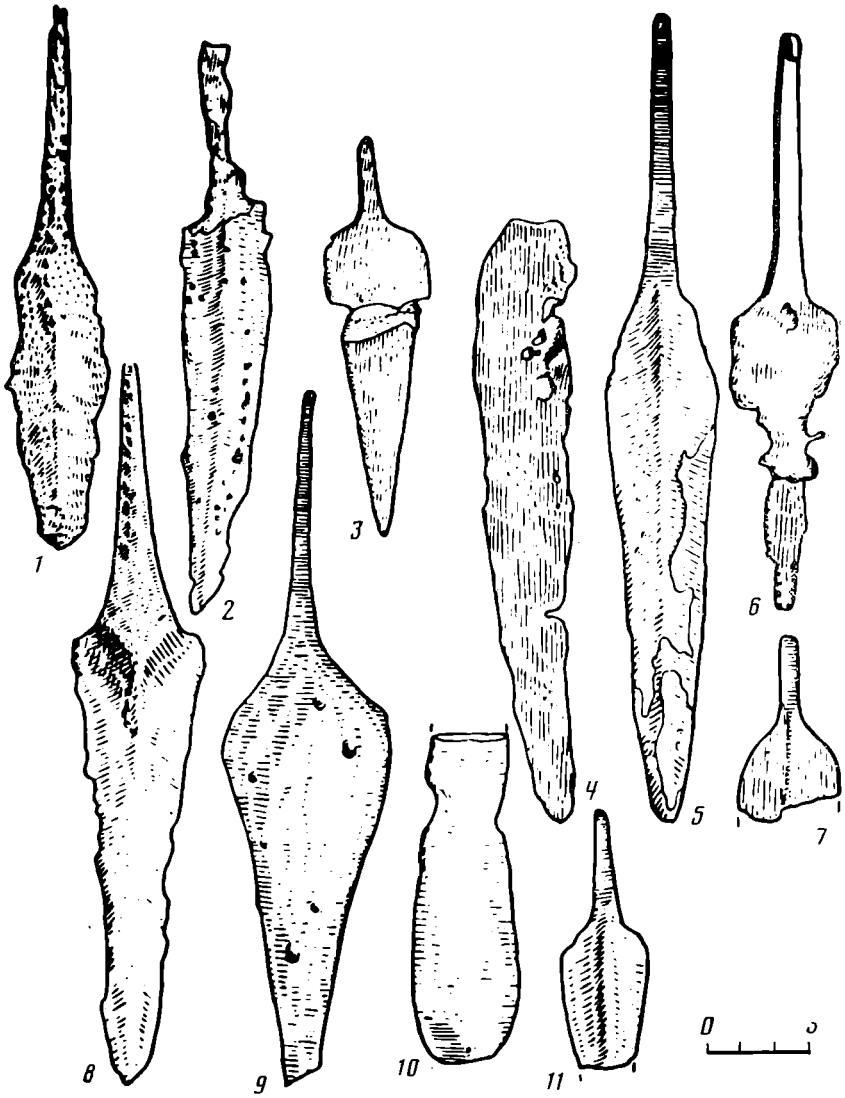


Рис. 5. Медные и бронзовые изделия из Саразма

желобками встречены в позднеэнеолитических слоях Кара-депе [4, табл. XXXII, 2], а за пределами среднеазиатского региона — в тепе Гиссаре [4, с. 373] и в Мундигаке [13, табл. XXXVIII, *В*]. Шаровидные камни с желобком встречаются во всех трех верхних горизонтах раскопа II и заметно варьируют по форме (рис. 8, *2*, *3*). Различаются они также и по весу, начиная от 250 г до 27 кг. В. М. Массон [4, с. 373] и Э. С. Шарафутдинова [15, с. 57], видимо, правильно определяют назначение подобных изделий как грузов для ткацких станков. Как видно из предыдущего описания, материалы двух ранних периодов раскопа II, включая детали построек, позволяют уверенно говорить, что истоки саразмского комплекса связаны с энеолитическими памятниками юга Туркмении.

Третий строительный период (Саразм III). Полы помещений и основания дворов этого периода расположены на 45 см ниже уровня полов верхнего строительного горизонта или на 1 м ниже дневной поверхности. Раскопки показали, что в этот период строения располагались только на отдельных участках раскопа II. Жилые и хозяйственные помещения группируются в отдельные комплексы, разделенные обширными дворами. Пока трудно сказать, имелась ли особо оформленная улица третьего строительного горизонта.

Ряд помещений (пом. 2—4, 6, 7, 19, 36—41), построенных во втором периоде, после засыпки полов и перестроек, продолжали функционировать

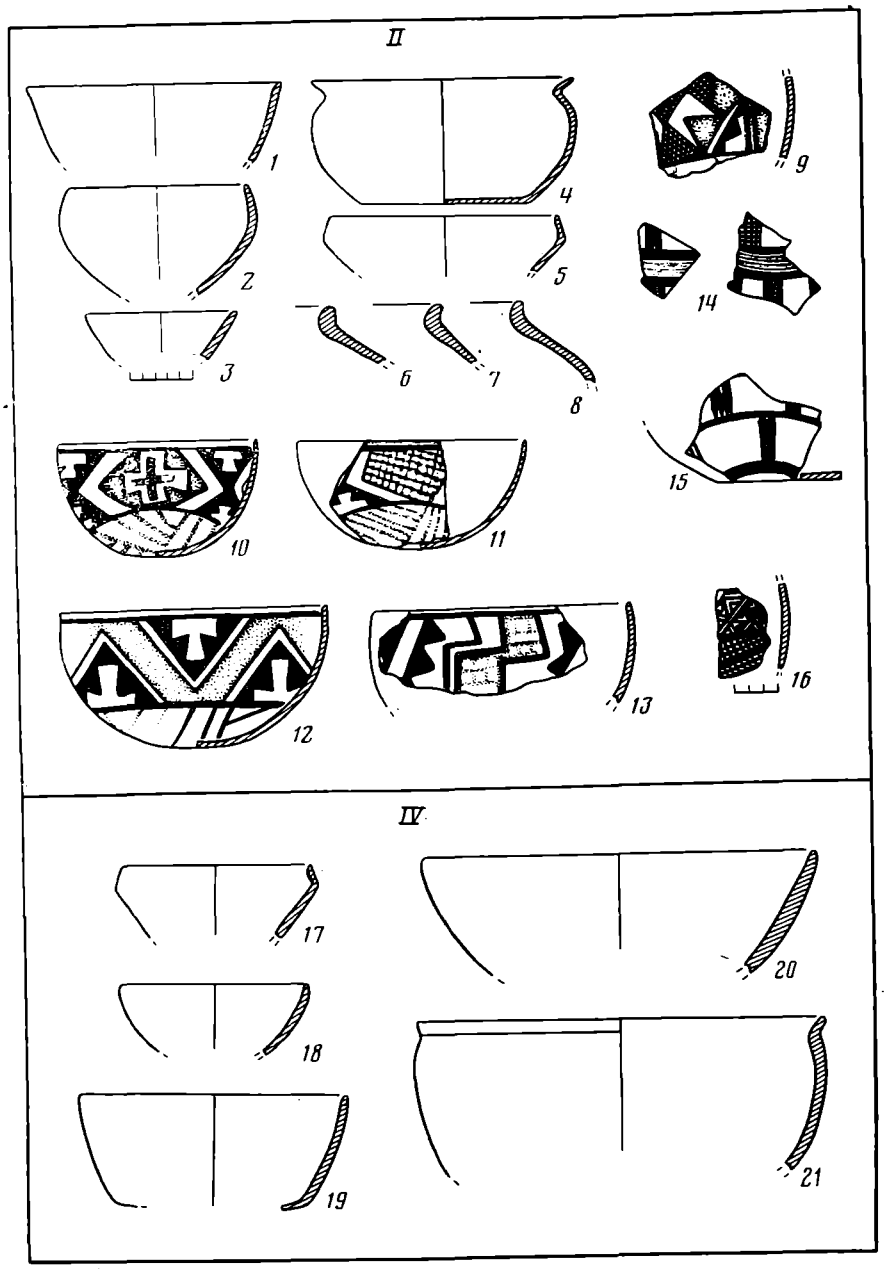


Рис. 6. Керамика наиболее раннего этапа культуры Саразма. II, IV — раскопы

и в третьем периоде. Таким образом, в период Саразм III на раскопе II функционировали 18 помещений, из которых 11 были жилыми. Помещения 12 и 20, судя по дисковидным очагам-алтарям, были, вероятно, культовыми. Особый характер помещения 12 подчеркивает и окраска северной его стены и пола около очага розовато-красной охрой. Остальные помещения можно рассматривать как хозяйственные.

Стены строений возведены из битой глины, максимальная сохранность стен в высоту — 80 см, минимальная — 20 см, толщина стен не превышает 50 см. Стены покрыты двухслойной штукатуркой, дверные проемы имели пороги высотой 18—25 см.

По сравнению с предыдущим периодом наблюдается сокращение количества домов. Возможно, это связано с переходом отдельных коллективов на новые места, в результате чего обживались и другие части Саразма. Достаточно заметны и изменения в культуре. Увеличивается количество керамики, которая становится более разнообразной. Полностью исчезает полихромная керамика, уменьшается количество серых и черных сосудов, их заменяет керамика с монохромной росписью (рис. 9,

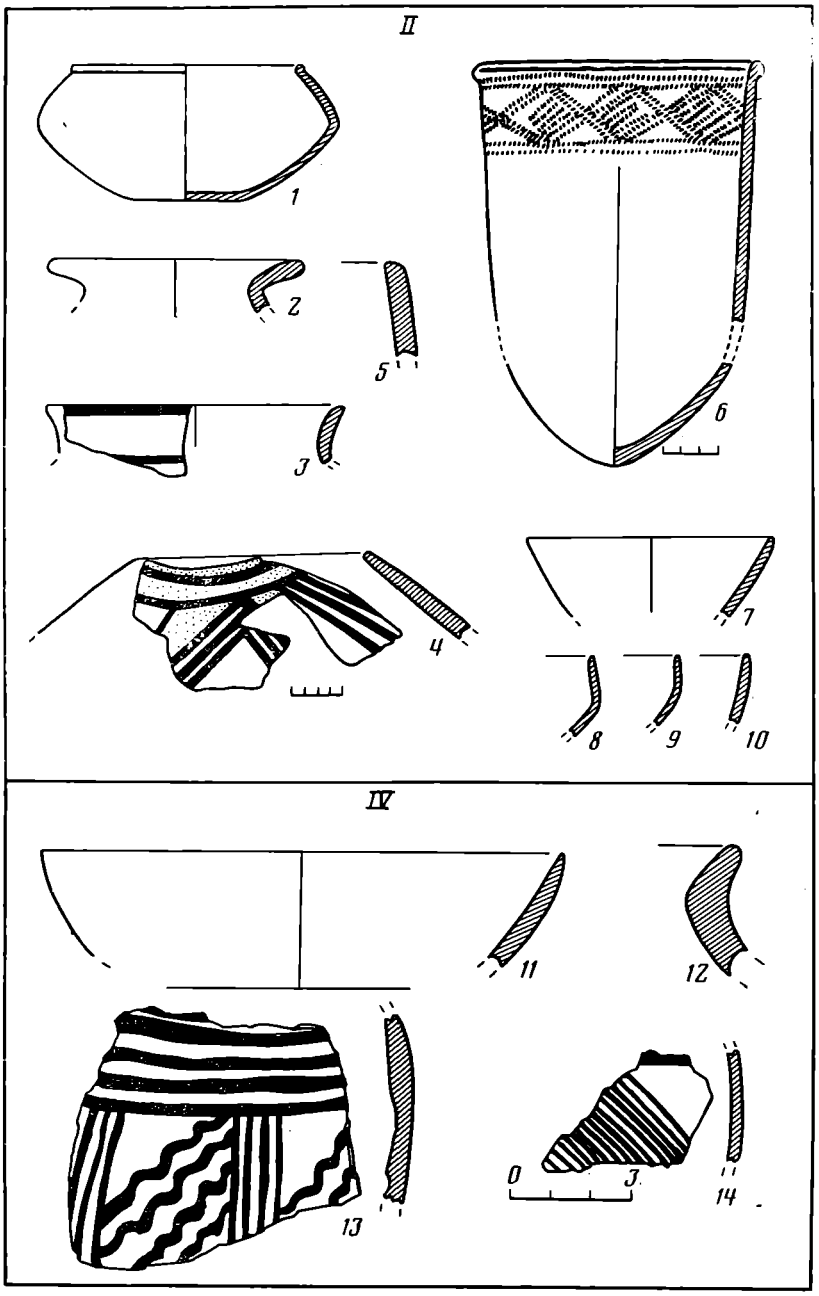


Рис. 7. Керамика второго этапа развития культуры Саразма. II, IV — раскопы

5—7). Серые и чернолощенные сосуды встречаются редко (рис. 9, *10, 11*). Основная масса керамики этого времени — светлофонные разнообразные сосуды, среди которых много станковых (рис. 9, *1—9*). Керамические изделия представлены, кроме того, навершиями булав, пряслицами и выпрямителем древков стрел (рис. 8, *6*). Из камня кроме грузил для ткацких станков изготовлены всевозможные сосудики (рис. 8, *14—17*), навершия булав (?) (рис. 8, *7—10*), выпрямитель древков стрел (рис. 8, *5*). Найдена алебастровая ступка (рис. 8, *4*). Количественно и качественно изменяются и металлические изделия — двулезвийные ножи (рис. 5, *2, 4*) и кинжалы (рис. 5, *8—9*).

Четвертый строительный период (Саразм IV) — последний этап существования поселения на раскопе II. Исследования показали, что культурный слой на глубину 30—40 см в результате многолетней вспашки сильно пострадал и смешался. Однако, несмотря на это, сохранились остатки очагов и вымощенные плоскими гальками площадки, убедительно

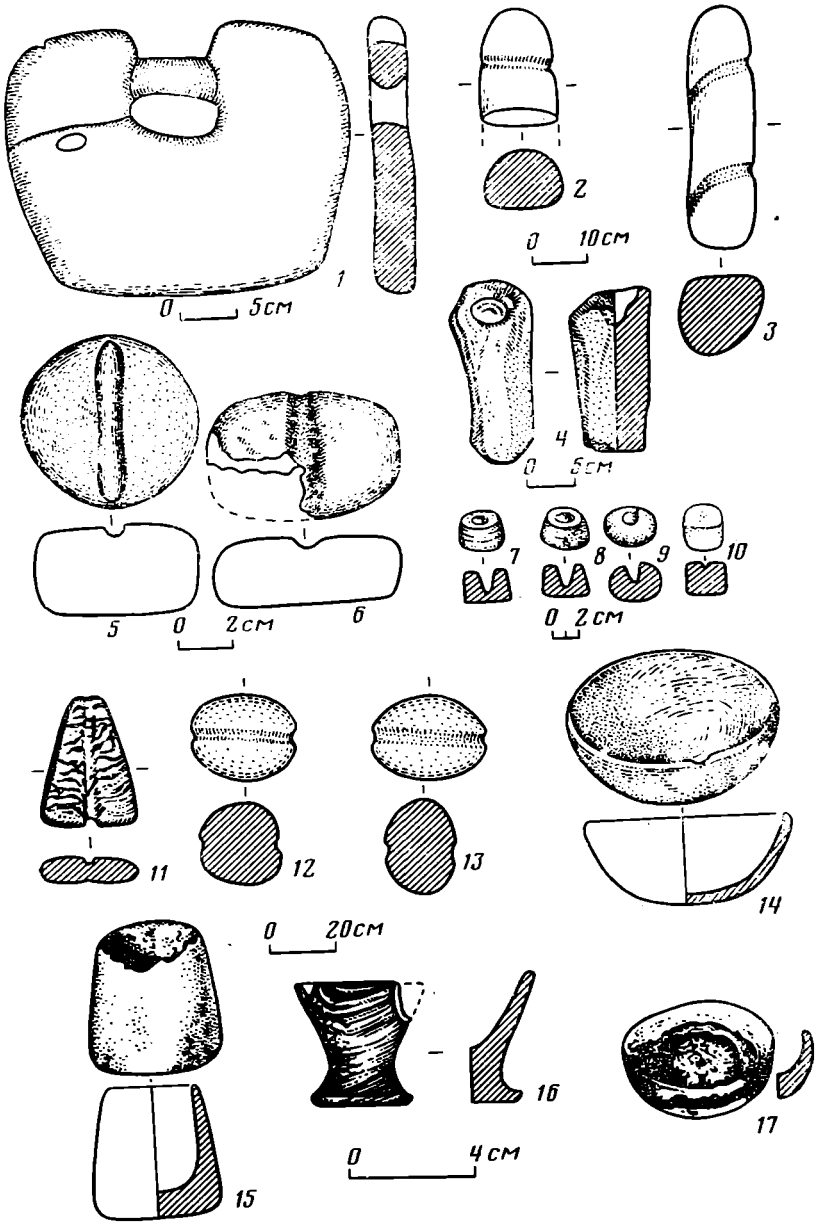


Рис. 8. Каменные изделия из поселения Саразм

выделяющие этот горизонт. Очаги были обнаружены на разных участках и представляли собой округлые ямы диаметром 70—110 см, глубиной до 15—18 см, заполненные растрескавшимися камнями. Среди камней часто встречается обуглившаяся древесина и зола. Из строительных остатков можно отметить прямо угольный в плане алтарь с двойным бортиком и неглубокой лункой диаметром 16 см посередине.

Керамика представлена двумя группами: светлофонной (рис. 3, *9—12*) и серой (рис. 3, *13—15*). Расписная керамика встречена в незначительном количестве (рис. 3, *16—20*). Ряд изменений происходит в типах металлических изделий. В этом горизонте найдены кинжалы с выделенным черешком, загнутым на конце, удобным для закрепления рукояти (рис. 5, *5*, *6*), и ножи, близкие аналогичным изделиям культур степной бронзы (рис. 5, *10*). К этому периоду относятся также и бронзовые наконечники копий (рис. 5, *7*). Показательно такое распространение наступательного оружия. Возможно, слои этого горизонта относятся уже к поре средней и поздней бронзы, когда усилились контакты оседлых земледельцев со степными племенами.

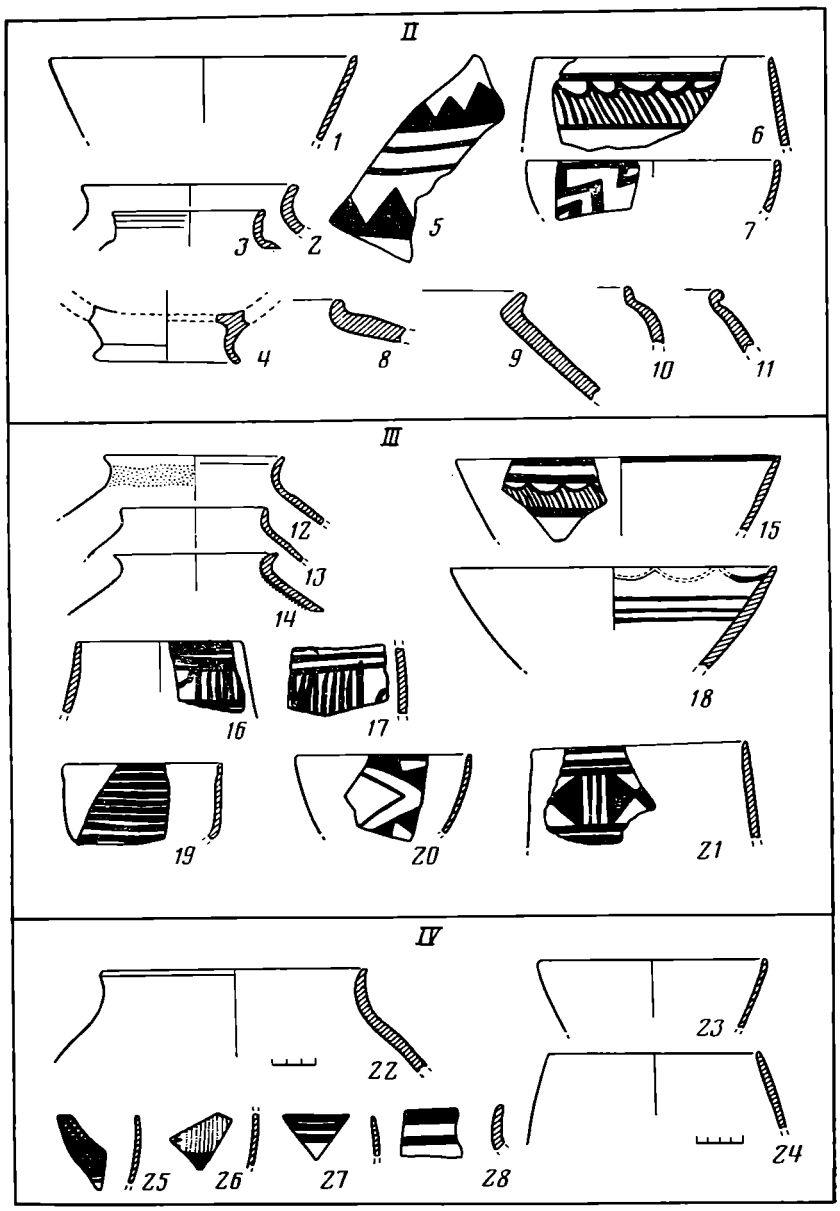


Рис. 9. Керамика третьего этапа развития культуры Саразма. II—IV — раскопы

Раскоп III был заложен на одном из холмов, расположенном в центре поселения. Холм длиной с запада на восток 50 м, шириной с севера на юг более 25 м возвышается над территорией поселения более чем на 3 м. Поверхность холма, как и всего поселения, нарушена пахотой на глубину до 40 см. Толщина культурного слоя на раскопе III — 2,65 м, в слое выделяются три строительных горизонта. Строительные остатки обнаружены лишь во втором и третьем периодах. Строения первого, наиболее раннего периода были, видимо, нарушены и уничтожены при позднейшем строительстве. Первый строительный горизонт представляет собой слой строительного мусора толщиной 20—30 см, в котором не обнаружено никаких вещественных находок.

Второй период представлен отдельно стоящим монументальным зданием из 12 помещений. Здание имеет продуманную планировку и возведено на платформе размерами 15×15 м (рис. 10, *1*). Здание, по-видимому, имело общественное назначение. Подквадратные помещения (3—10) расположены в два ряда и связаны между собой проходами. В середине помещения 6 был устроен очаг, от которого сохранилась центральная лунка диаметром 20 см и глубиной 16 см. Стенки очажной лун-

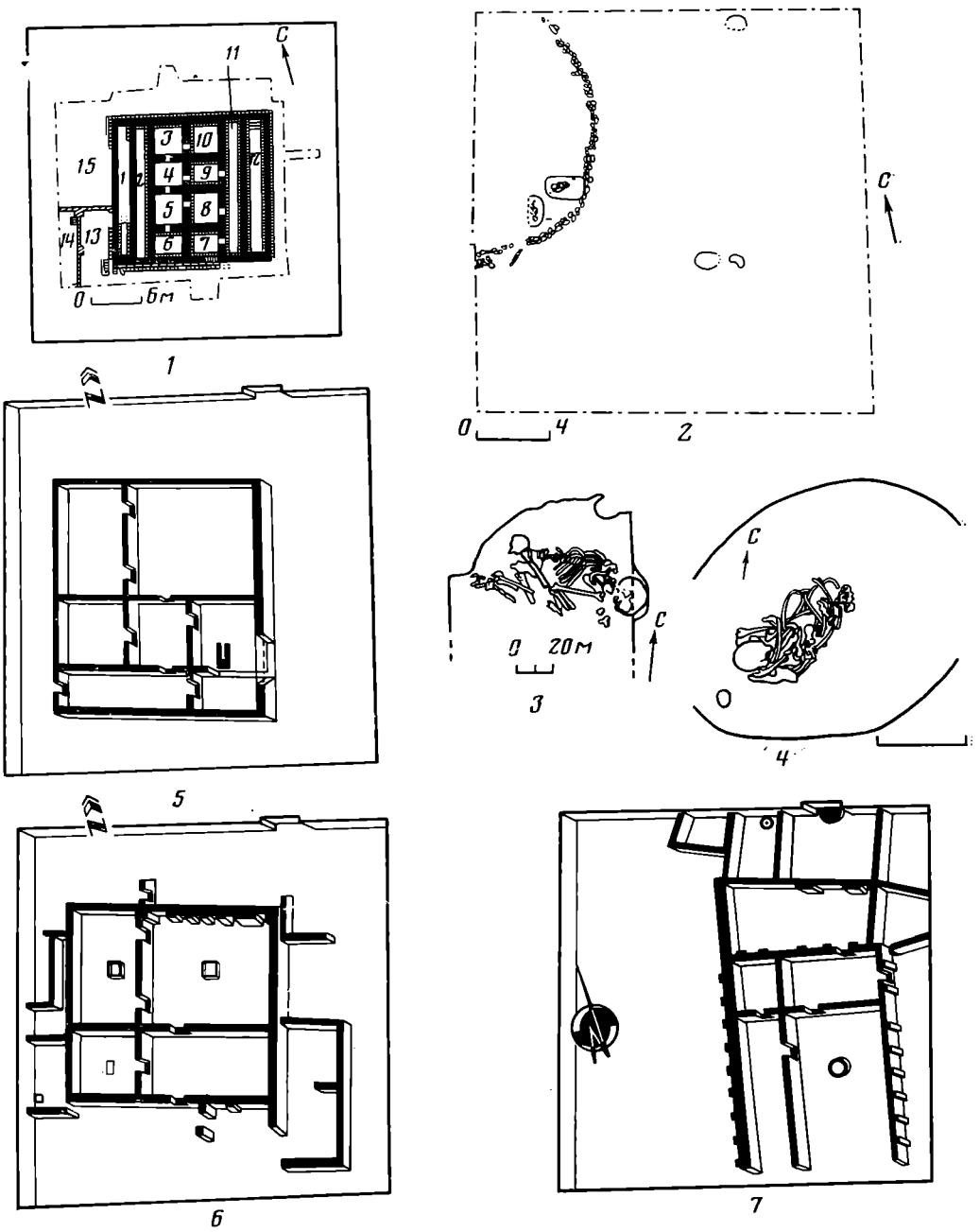


Рис. 10. Планы раскопов поселения Саразм. *1* — раскоп III, здание; *2* — раскоп IV, I период; *3*, *4* — раскоп IV, погребения I периода; *5* — раскоп IV, строения IV периода; *6* — раскоп IV, строения III периода; *7* — раскоп IV, строения II периода

ки в результате длительного воздействия огня приобрели красно-кирпичный цвет. Стены здания возведены из сырцового кирпича (58—59×26—27×11—12 см), поверхность стен аккуратно оштукатурена. К подквадратным комнатам примыкают четыре коридорообразных помещения, вытянутых с севера на юг (1, 2, 11, 12). Возможно, они выполняли роль хранилищ, так как небольшая ширина не позволяет рассматривать их как жилые. Коридорообразное помещение 11 было проходным — в западной стене его были обнаружены три прохода, ведущих в помещения 7, 8 и 9. Все проходы шириной 70—75 см и имеют высокие глинобитные пороги. Коридор (пом. 11) с юга замкнут торцовой стеной, а в северной части его обнаружен главный вход в здание. Для определения характера здания исследованы и его наружные стены. В результате удалось установить, что к зданию в период его существования не примыкали никакие дополнительные постройки. Платформа, на которой возведено здание,

состоит из четырех рядов кирпичей размером 59×29–30×10 либо 52–54×29–30×10–11 см и возвышалась над древней дневной поверхностью на 45–50 см. Край платформы отстоял от стен на 2 м, что обеспечивало свободный проход вокруг здания. Сама платформа не была сплошной. В здании кладка была обнаружена лишь под стенами и играла роль их фундамента.

Постепенно здание пришло в упадок. В нем обнаружено два уровня полов, а помещения 1, 2 и 6 превращены в свалку, где наряду с многочисленными костями животных были найдены скелеты детей. Здание имело важное значение, что подтверждается соблюдением геометрической регулярности плана. В устройстве этого здания имеются элементы монументальной архитектуры. Строго геометрическую схему плана имеют Сапаллитепа в Южном Узбекистане [16, рис. 4] и Дашлы 1 и 3 в Северном Афганистане [17, рис. 15]. Монументальная архитектура в Средней Азии зародилась на Алтын-депе [18, рис. 18]. За пределами среднеазиатского региона монументальные постройки были обнаружены в Белуджистане (Пирак) [19, рис. 12] и Южном Афганистане (Мундигак) [13, рис. 40]. По четкому квадратному плану наше здание близко именно памятникам Бактрии эпохи бронзы.

Находки на раскопе III незначительны. Они представлены фрагментами керамики и костяными шильями, металлические предметы отсутствуют. Керамика двух типов: расписная (рис. 9, *15–21*) и светлофонная (рис. 9, *12–14*). Все сосуды изготовлены на гончарном круге. Лепными были, как правило, хозяйственные сосуды: хумы, хумчи и кухонные котлы. Мотивы росписи керамики, найденной на раскопе III, несложны — это одна или две горизонтальные линии в верхней части сосуда с заполнением пространства между ними полукруглыми арочками, косыми штрихами (рис. 9, *15*), вертикальными или горизонтальными отрезками (рис. 9, *16, 17, 19*). Роспись бокаловидных сосудиков образована треугольниками, соединенными вершинами (рис. 9, *21*). Некоторые открытые сосуды расписаны изнутри (рис. 9, *18*). Отдельные мотивы росписи керамики из раскопа III находят аналогии среди керамики комплекса Мундигак IV [13, рис. 201, 201, *a*, рис. 89, 393]. Чаша, выполненная на гончарном круге, украшенная волнистыми линиями, нанесенными на внутреннюю поверхность, по форме и мотивам росписи близка чаше из комплекса Мундигак II 13, табл. XXIX, *B*]. Таким образом, материалы раскопа III показывают, что в этот период на Саразме утверждается новый тип росписи керамики (рис. 9, *15–17*). В хронологическом отношении постройка общественного здания, обнаруженного в раскопе III, может быть синхронизирована с третьим строительным периодом раскопа II.

К третьему строительному периоду на раскопе III относятся три помещения (13–15), обнаруженные к западу от общественного здания. Они имеют узкие невысокие стены, возведенные из сырца. Большие размеры этих помещений и характер заполнения дают основание полагать, что они имели хозяйственное назначение. Наибольший интерес представляет обнаруженная в северо-восточном углу помещения 14 двухкамерная гончарная печь, которая по устройству близко напоминает аналогичные печи Сапаллитепа [20, рис. 9]. В слоях этого времени найдены фрагменты расписной и нерасписной керамики. Мотивы росписи заметно отличаются от ранее бытовавшей расписной посуды (рис. 3, *21–28*). В этом позднем горизонте раскопа III на глубине 50 см от дневной поверхности найден бронзовый наконечник копья (рис. 5, *11*). Этот тип хорошо известен среди находок на памятниках первой половины II тыс. до н. э. Южного Узбекистана [20, 21, табл. XXX, *1*] и Северного Афганистана [17, рис. 36].

Раскоп IV расположен в 200 м к югу от раскопа II и примерно в 400 м к западу от раскопа III. За три сезона (1981–1983 гг.) здесь исследован комплекс очень важный для изучения Саразма. Раскоп заложен на невысоком холме, вытянутом с севера на юг более чем на 100 м, шириной 40–45 м и с трех сторон — юга, запада и востока — окружен-

ном впадинами. Раскопки производились в южной части холма, где удалось обнаружить, как и на раскопе II, остатки четырех строительных периодов. Отметим, что общая толщина культурного слоя не превышает 1,5 м.

Первый строительный период представлен частью круглой в плане каменной ограды, сохранившейся в высоту на 30—40 см. Выявленная часть дает возможность предположить, что диаметр каменного кольца был около 15 м. Ограда была устроена на материке (рис. 10, *2*). В юго-восточной части кольца на глубине 1,10—1,15 м от поверхности материка были обнаружены две могильные ямы. В первой найден скелет взрослого человека в сильно скорченном положении (рис. 10, *3*). Погребальный инвентарь отсутствует. Во второй яме находилось захоронение ребенка 5—6 лет. Скелет лежит головой на юго-запад (рис. 10, *4*). Ребенок был погребен с украшениями, представленными мелким лазуритовым бисером и бочонковидными пастовыми бусами. К этому периоду можно отнести и несколько фрагментов керамики из ямы, выкопанной в материке (рис. 6, *17—21*). Видимо, этот участок до появления здесь построек использовался как некрополь.

Культурный слой второго строительного периода имеет толщину около 60 см. Обнаружены помещения со стенами толщиной 35—40 см, возведенными из сырцовых кирпичей (48—50×24—25×11—12 см). Стены сохранились в высоту на 55—60 см. Раскопано семь помещений и расчищен восточный фасад здания длиной 12 м, украшенный пилястрами. Судя по планировке, здесь мы имеем дело с двумя отдельными комплексами (рис. 10, *7*). Первый расположен в южной части раскопа и состоял из трех помещений. Основным в этом комплексе, видимо, было помещение 5 размерами 6×10 см (в длину раскопано не полностью). Почти в центре его располагается круглый очаг-диск диаметром 1,20 м, на сырцовом основании высотой 15 см, с углублением 15×15 см в середине. Все стены помещения имеют двухслойную штукатурку. Помещения комплекса связаны проходами шириной 60—75 см. Дверные проемы снабжены порогами, сложенными из двух рядов кирпича высотой 20—25 см. Находки из помещений этого комплекса немногочисленны и представлены как расписной (рис. 7, *13, 14*), так и нерасписной керамикой (рис. 7, *11, 12*).

Из помещения второго комплекса вскрыты пока южные части трех комнат (пом. 7—9). Они, как и помещения первого комплекса, имеют разные размеры. Самым крупным пока является помещение 7. Оно прямоугольное, раскопанная часть равна 4,?×5,50 м, но северная стена еще не обнаружена. На полу этого помещения и расположенного к западу от него помещения 8 обнаружены два круглых очага-диска диаметрами соответственно 0,80 и 1,30 м. На западной стене помещения 7 хорошо сохранилась окрашенная красной охрой штукатурка. Как известно, на ряде памятников Южной Туркмении [22, с. 525] и Азербайджана [23, с. 480; 24, с. 454] отмечены крашеные полы и стены.

Таким образом, изучение второго строительного горизонта на раскопе IV дало новые данные по архитектуре Саразма. Здесь впервые были обнаружены стены, декорированные снаружи прямоугольными пилястрами. Ступенчатыми пилястрами были оформлены стены монументальных строений на раскопе 7 Алтын-депе [18, рис. 17, 18].

Третий строительный период раскопа IV, как и предшествующий, отличается хорошей сохранностью архитектурных остатков. К этому периоду относятся 13 раскопанных помещений (рис. 10, *6*). Здесь наряду с жилыми и хозяйственными помещениями выделяются четыре помещения, видимо, входившие в состав культового комплекса (пом. 1—4). Комплекс представлял собой прямоугольное сооружение размерами 11,50×13 м. На полях трех помещений этого комплекса обнаружено по одному прямоугольному очагу. Очаги помещений 1 и 2 имеют соответственно размеры 65×65 и 100×100 см и выполняли роль культовых алтарей. Они были устроены на полу, имели невысокий бортик и центральную лунку. Третий очаг (в пом. 4) выполнял, видимо, хозяйственную

роль и служил, как среднеазиатские сандалы, для обогрева. Он был сделан в углублении в полу.

Из архитектурных деталей кроме очагов отметим остатки пяти тумбовидных сооружений, обнаруженных вдоль северной стены помещения 2, напоминающих пилястры. В отличие от пилястров Алтын-депе [25, с. 30], Дашлы [17, с. 36, 42, рис. 15], Мундигака [13, рис. 24, 25], которые были сооружены на внешней стороне стены, пилястры в доме раскопа IV Саразма оформляют стены культового центра изнутри. Этим пилястры Саразма напоминают архитектуру белуджистанского поселения Пирак, где стены многих помещений изнутри имеют прямоугольные пилястры [19, рис. VIII].

Из находок наряду с фрагментами керамики (рис. 9, *22—28*) отметим плоский каменный предмет с продольным желобком (рис. 8, *11*), сильно пострадавший медный наконечник кинжала или копья (рис. 5, *3*) и нож (рис. 5, *4*), а также 10 расписных фрагментов штукатурки. Роспись полихромная, нанесена красной, темно-коричневой, желтой и голубой краской. Мотивы — треугольники, ромбы и полукресты — имеют прямые аналогии в расписной керамике Саразма, Геоксюра 1 и других энеолитических памятников юго-западных районов Средней Азии [3, табл. II, XI]. Ряд особенностей этого здания — общая планировка, очаги-алтари, фрагменты стенной росписи — позволяют говорить о том, что здесь мы имеем дело со своеобразным культовым сооружением, древним святилищем.

Культурный слой и постройки четвертого периода раскопа IV сильно нарушены пахотой. Сохранились остатки пяти помещений (рис. 10, *5*). Стены других помещений, расположенных на склонах, были уничтожены. Стены помещений 1—5 были возведены на стенах помещений третьего периода, в результате чего в плане строений обоих этапов особых изменений не произошло. Исключение составляет помещение 3, которое в четвертом периоде было разделено дополнительной поперечной стеной на два самостоятельных помещения — 3 и 4. Это изменение было, видимо, связано с тем, что на последнем этапе в юго-восточном углу была устроена двухкамерная гончарная печь. Она по устройству напоминает аналогичные печи третьих горизонтов раскопов II и III. Число фрагментов керамики незначительно (рис. 3, *29—32*). Судя по сооружению гончарной печи в одном из помещений, в это время здание перестало быть культовым центром.

Таким образом, раскопки упомянутых объектов показали, что каждый из них имеет по несколько строительных горизонтов: раскоп I — два, раскоп II — четыре, раскоп III — три и раскоп IV — четыре горизонта. Стратиграфические наблюдения по отдельным раскопам показали, что строительные остатки и археологический материал дают возможность наметить синхронизацию отдельных горизонтов всех раскопов Саразма. По данным строительных горизонтов мы выделяем четыре периода [26, с. 55].

Первый период — время возникновения поселения. К этому периоду на раскопе II относятся внешняя дугообразная ограда, окружающая жилой массив с северо-запада и запада и помещения 16а/17а, 18а, а также найденные в ямах и завалах слоя 1 керамика — расписная, нерасписная, серая и чернолощеная и медный кинжал с длинным черешком. На раскопе IV к этому периоду относятся фрагменты керамики из ямы, предшествующей строениям, терракота, найденная в материке, и каменная ограда с двумя могильными ямами.

Керамика этого времени — периода сложения культуры Саразма — находит прямые аналогии среди керамики времени позднего энеолита Южного Туркменистана. С помощью радиоуглеродного анализа трех образцов, выполненного в лаборатории ЛОИА АН СССР, был определен возраст периода Саразм I на раскопе II — 2990±30 гг. до н. э.[2], на раскопе IV — 3100±60 гг. до н. э. и 2930±30 гг. до н. э.

Во *второй период* (Саразм II) на раскопе II появляются многоком-

[2] Даты некалиброванные.

натные дома, выделяется святилище с домашним круглым очагом-алтарем (горизонт II) и стенной росписью (горизонт III раскопа IV). Жилые массивы разделены улицами. В строительстве используется прямоугольный сырцовый кирпич.

На раскопах II и IV наряду с черной и серой с двухсторонним лощением керамикой использовалась и светлофонная нерасписная. Параллельно с ней продолжают бытовать и расписные сосуды геоксюрского типа. В быту широко применялись различные каменные изделия: дисковидные гири, грузила, ступки, пестики. Увеличилось количество предметов из меди и бронзы; известны шилья, булавки, ножи и кинжалы. Радиоуглеродный анализ образцов из I—II горизонтов раскопа III дал дату 2510±50 гг. до н. э., 2280±40 гг. до н. э. Это в известной мере соответствует хронологии керамических изделий, типологически близких времени Намазга IV.

Третий период (Саразм III). На раскопе II сохраняются многокомнатные дома, дворы становятся более обширными. На раскопе IV появляются новые постройки с прямоугольным культовым алтарем. Обживается район раскопа I. Появляется крупное здание на платформе, выполняющее роль хранилища (горизонт II раскопа III). В керамическом комплексе появляются сосуды с особым стилем росписи, сделанные на круге. Резко уменьшается процент серой и чернолощеной керамики, ее заменяет светлофонная и красноангобированная посуда. Увеличивается число металлических и каменных изделий. Появляются изделия из золота. Радиоуглеродным анализом образца из завала III горизонта раскопа II и II горизонта раскопа III соответственно установлены даты: 1890±40 и 1840±80 гг. до н. э.

Четвертый период (Саразм IV) — время упадка и запустения. На раскопе I только местами сохранились полы и очаги со скоплениями растрескавшихся камней. Строительные остатки обнаружены на раскопах I, III и IV. В некоторых комнатах этого времени рядом с жилыми помещениями сооружаются двухкамерные гончарные печи. Для этого периода характерно массовое производство светло-розовой, сделанной на круге керамики. Роспись на сосудах упрощается, узоры становятся небрежными. Появляются ножи типа аналогичных изделий культур степной бронзы, характерны кинжалы с длинным загнутым на конце черешком и наконечники копий. Впервые встречаются каменные жезлы и глиняные штампы — печати.

Объекты этого времени имеют определенные параллели в материалах позднего Намазга V. Комплекс вещественных находок, тип гончарных печей позволяют нам предлагать для последнего периода Саразма ориентировочную дату, соответствующую времени позднего Намазга V и начала периода Намазга VI, приблизительно 1800—1500 гг. до н. э.

Следует иметь в виду, что широкое исследование этого важного памятника еще только начинается и отсутствие мощных многометровых культурных напластований с последовательной стратиграфией всех комплексов затрудняет хронологическую группировку полученных материалов. Не исключено, что еще целый ряд промежуточных этапов и переходных комплексов не представлен в наших раскопках. Но уже сейчас совершенно ясно, что ареал культур расписной керамики в Средней Азии не ограничивается Южным Туркменистаном. Материалы древнейшего Саразма дают комплекс геоксюрского типа, видимо принесенный сюда общинами, которые происходили из Южной Туркмении. В ходе дальнейшей эволюции на Саразме вырабатывается своеобразный тип расписной керамики, сделанной на гончарном круге. Мотивы росписи заметно отличны от таковых из Южного Туркменистана и имеют скорее белуджистано-южноафганские параллели. Дальнейшие раскопки Саразма, несомненно, будут иметь важное значение для изучения зеравшанского очага раннеземледельческих племен, о существовании которого ранее ничего не было известно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исаков А. И.* Работы Косатарошского отряда в 1977 году.— АРТ — 1977. Душанбе, 1983.
2. *Сариниди В. И.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. IV. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, 1965. вып. Б3-8.
3. *Хлопин И. Н.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. I. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.— САИ, 1963. вып. Б3-8.
4. *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, 1961, т. X.
5. *Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении.— САИ, 1962, вып. Б3-8.
6. *Сариниди В. И.* Культовые здания поселений анауской культуры.— СА, 1962, № 1.
7. *Хлопин И. Н.* Модель круглого жертвенника из Ялангач-депе.— КСИА, 1964, вып. 98.
8. *Mecquenem R., de.* Fouilles de Suse, 1933—1939.— MMA en Iran. P., 1943, t. XXX.
9. *Сариниди В. И.* Культовые здания поселений анауской культуры.— СА, 1962, № 1.
10. *Берс Е. М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей.— МИА, 1951, № 21.
11. *Pumpelly R.* Ancient Anau and the Oasisworld.— In: Exprorations in Turkestan. Prehistoric civilizations of Anau. Wash., 1908.
12. *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk. P., 1938—1939.
13. *Casal J. M.* Fouilles de Mundigak.— MDAFA, 1981, t. XVII.
14. *Алекшин В. А.* Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении.— СА, 1973, № 4.
15. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура).— САИ, 1980, вып. В1—11.
16. *Аскаров А.* Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973.
17. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
18. *Массон В. М.* Алтын-депе.— ТЮТАКЭ; 1981, т. XVIII.
19. *Jarrige C.* Etude architecturale et Figures.— In: Fouilles de Pirak., P., 1979, v. II.
20. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
21. *Аскаров А.* К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
22. *Бердыев О.* Раскопки поселения Песседжик-депе.— АО — 1971. М., 1972.
23. *Исмаилов Г. С.* Поселение на холме Гаракепек-тепе.— АО — 1971. М., 1972.
24. *Арвазова Р. Б., Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г.* Раскопки на энеолитическом поселении Гаргалар тепеси.— АО — 1972. М., 1973.
25. *Массон В. М.* Фортификация Средней Азии в бронзовом веке.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
26. *Исаков А. И.* Саразм — поселение эпохи палеометалла в долине Зеравшана.— В кн.: Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II советско-американский симпозиум. Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1983.

A. I. Isakov

SARAZM, A NEWLY FOUND SITE OF THE EARLY LANDTILLING PERIOD IN CENTRAL ASIA

Summary

Sarazm is found 15 km to the west of Penjikent. It was settled during the Eneolithic and the Bronze Age. The earliest settlement, dated between the late 4th and early 3rd millennia B. C. is characterised by dwellings with many rooms, sanctuaries with altar hearths and wall painting, and crouched burials on a walled cemetery. Pottery carrying polychrome painting is analogous to that from Geoksyur 1 in southern Turkmenistan. Later complexes, dated to the second half of the 3rd and early 2nd millennia B. C., exhibit wheeled monochrome pottery, numerous metal artifacts, including spearheads and daggers, stone disc-shaped weights with handles and, for the first time, two-chamber pottery-firing kilns. The diggings in Sarazms have established that the painted pottery cultural zone was not restricted to southern Turkmenistan and embraces the Zeravshan valley as well.

Т. Ю. ГОШКО, В. В. ОТРОЩЕНКО

ПОГРЕБЕНИЯ КИММЕРИЙЦЕВ В КАТАКОМБНЫХ И ПОДБОЙНЫХ СООРУЖЕНИЯХ

Культуру катакомбных племен и киммерийцев неоднократно сочленяли в концепциях исторического развития племен бронзового и раннего железного века на юге Восточной Европы. Наиболее последовательно данная точка зрения отстаивалась М. И. Артамоновым [1, с. 46, 47; 2, с. 7—23]. У. Э. Эрдниев полагает, что катакомбная культура Калмыкии доживает до I тыс. до н. э. и смыкается с киммерийцами [3, с. 20]. Исследования последних десятилетий на юге Украины показали, что между катакомбными племенами и киммерийцами существовал разрыв во времени в 700—800 лет, когда здесь бытовала культура многоваликовой керамики и ранний, сабатиновский и белозерский этапы срубной культуры [4, с. 332—343, 404—428]. Наличие значительного пласта погребений культуры многоваликовой керамики и срубной культуры в Калмыкии и предкавказских степях выявлено В. А. Сафроновым [5, с. 111—118, 172]. Киммерийские памятники ныне обоснованно рассматриваются как результат непосредственно предшествующей им срубной культуры [6, с. 208].

Тем более удивительным является факт возрождения на черногоровской ступени киммерийской культуры обряда захоронения умерших в катакомбах. А. И. Тереножкин, описывая типы могил киммерийцев, отмечает наличие немногочисленных захоронений в подбоях, в которых он усматривает «своего рода небольшие катакомбы, не известные для белозерского времени» [6, с. 100]. Материалы последних лет показывают, что захоронения черногоровской ступени совершались и в подбоях, и в катакомбах. Характерно, что последние, при невыразительном сопровождающем инвентаре, нередко еще относят к катакомбной культуре. Назрела необходимость строгого выделения киммерийских погребений в катакомбах с учетом комплекса специфических признаков и стратиграфических наблюдений. Приводим наиболее характерные из них.

Курган 9 на землях совхоза «Степной» у с. Заповитное Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (высота 0,9, диаметр 20 м) сооружен над погребением 1, совершенном в большой прямоугольной яме (2,95×2,65×1,7 м), ориентированной по линии север — юг. Захоронение разграблено, однако конструктивные особенности сооружения (канавка по периметру дна ямы, деревянная обшивка стенок, две пары столбовых ямок) и сохранившийся инвентарь (глиняное прясло, стеклянные и костяные бусы) позволяют отнести его к белозерскому этапу срубной культуры. Здесь же исследовано еще 12 аналогичных курганов [7, с. 193—206].

Погребение 2 впущено в курган 9 в 5,5 м к западу от центра. Овальная входная яма (1,3×1 м, глубина 2,65 м от нулевой отметки) ориентирована по линии север — юг. Входное отверстие овальной формы (высота 0,35, ширина 0,9 м) находилось к юго-западу от входной ямы и было перекрыто деревянными плашками и растительной циновкой прямого плетения. Овальная в плане камера ориентирована параллельно входной яме и на 0,15 м глубже последней. Размеры камеры 1,4×0,8 м, высота свода 0,4 м. Скелет взрослого человека уложен скорченно на правом боку черепом на юг-юго-восток. Ноги согнуты (под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленных), руки направлены к коленям, кисти соединены (рис. 1, *1, 2*). На лобной части черепа отмечен отпечаток кожаного ремешка-перевязи. На грудной клетке обна-

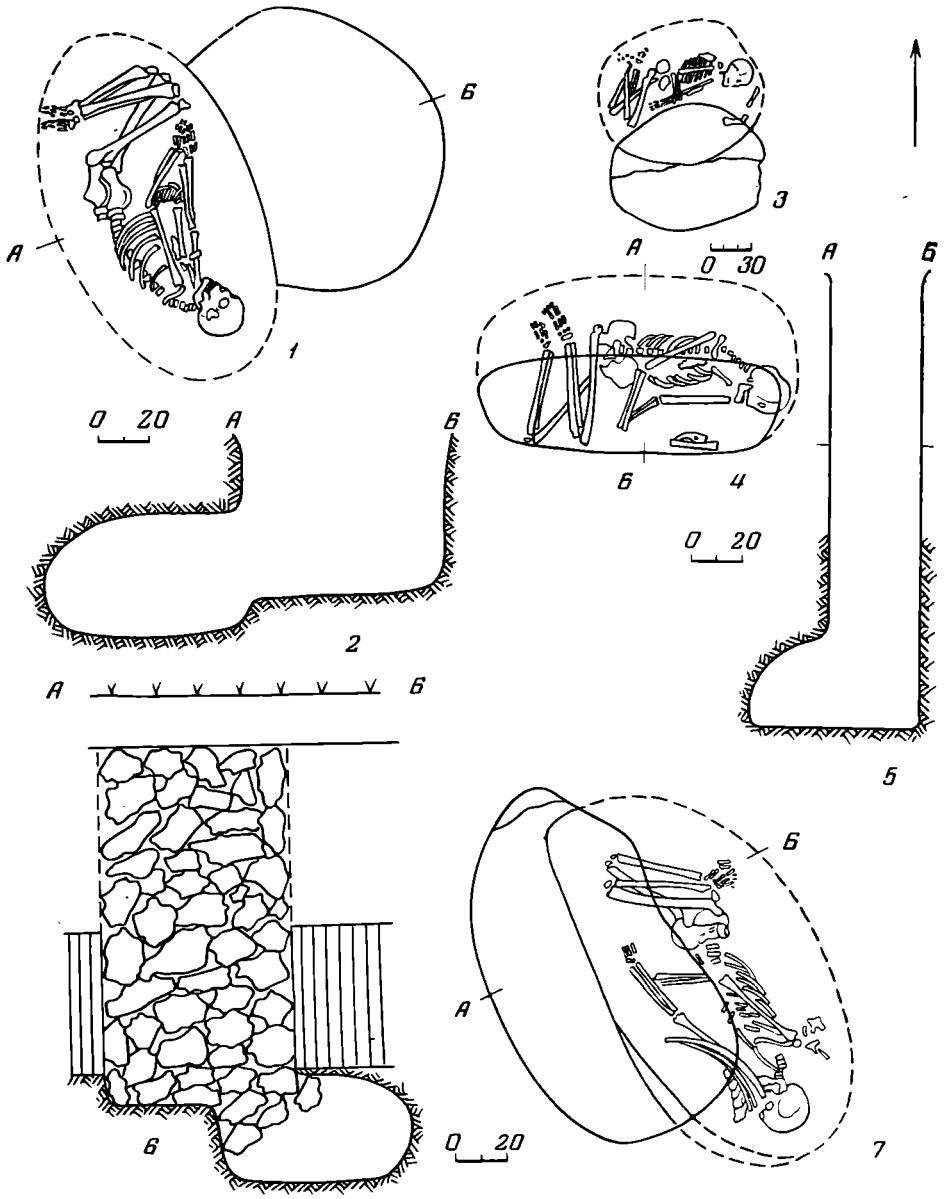


Рис. 1. Погребения черногоровской ступени в катакомбах (*1—3*, *6*, *7*) и подбое (*4*, *5*). *1*, *2* — с. Заповитное, совхоз «Степной», кург. 9, погр. 2; *3* — с. Первомаевка, кург. 3, погр. 5; *4*, *5* — с. Золотая Балка, кург. 11, погр. 4; *6*, *7* — Поддубное, кург. 2, погр. 2

ружен астрагал овцы, а между локтями рук — остатки округлого деревянного сосуда [8, с. 20].

Погребение 5 в кургане 3 у с. Первомаевка Верхнерогачикского р-на Херсонской обл. впущено в северо-восточный сектор кургана ямной культуры. Овальная в плане входная яма (1,1×0,9 м) ориентирована по линии запад — восток. На глубине 1,4 м дно ямы полого понижается на север к щелевидному входному отверстию. Овальная камера ориентирована параллельно входной яме; ее размеры 1,2×1,0 м, глубина 2,5, высота свода 0,55 м. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на восток. Левая рука протянута к коленям, а правая согнута под прямым углом в локте, кисть ее находилась у локтя левой руки. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях (рис. 1, *3*). На лобной части черепа найден окисливший медный предмет, вероятно остатки очелья, а около тазовых костей — кремневый отщеп. У изголовья, перед лицом умершего, отмечены остатки напутственной пищи [9, с. 133, табл. 1, *5*].

Первоначально, основываясь на форме погребального сооружения,

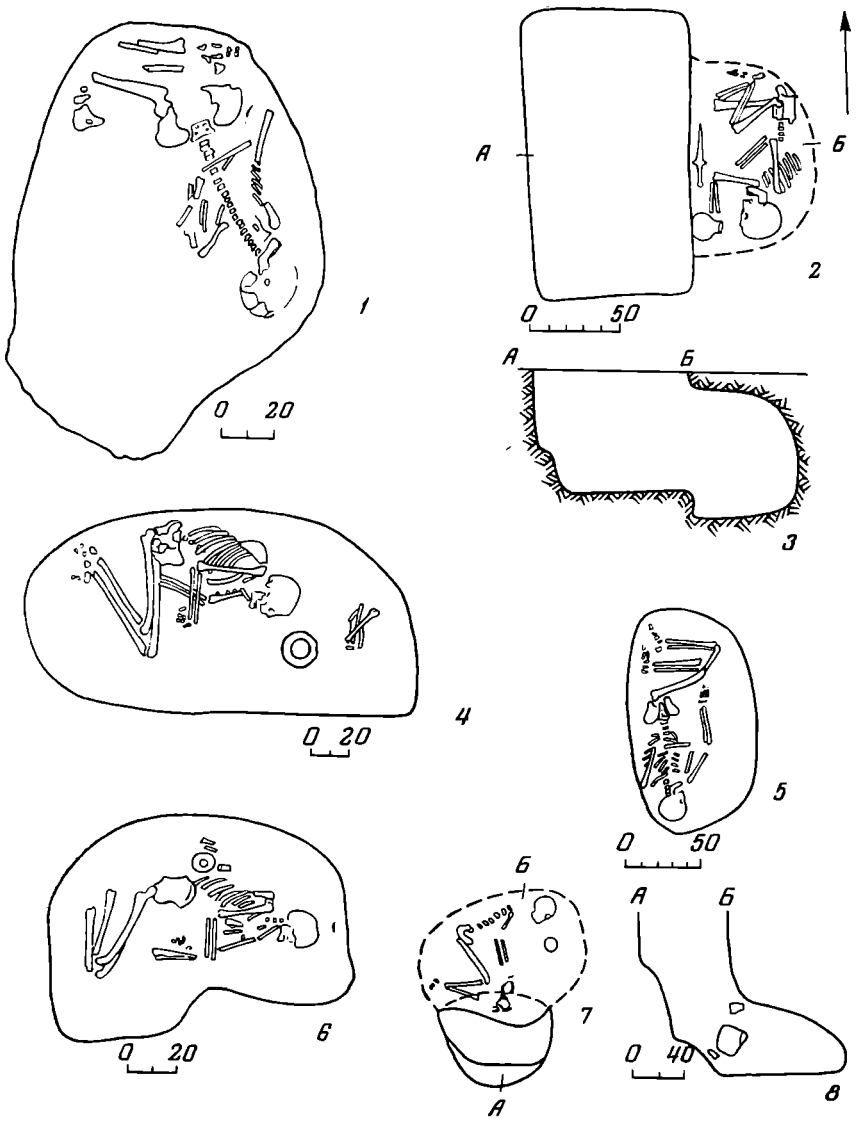


Рис. 2. Погребения камерного типа черногоровской ступени: *1* — с. Орехово, кург. 3, погр. 6; *2*, *3* — с. Суворово, кург. 5, погр. 2; *4* — г. Днепрорудное, кург. 7, погр. 1; *5* — с. Марьино, кург. 3, погр. 3; *6* — совхоз «Аккермень», кург. 11, погр. 9; *7*, *8* — с. Ковалевка, кург. 7, погр. 6

данный комплекс был отнесен к катакомбной культуре. В. В. Дворниченко ввел это захоронение в группу подбоев эпохи поздней бронзы, руководствуясь некоторой близостью погребальных конструкций [10, с. 6, рис. 1, *6*]. Но анализируемые катакомбы отличаются от подбоев бронзового века наличием узкого входного отверстия. Обращает на себя внимание сходный характер скорченности скелетов в катакомбах Степного и Первомаевки, наличие очелья-перевязи на черепах. Описание последующих комплексов покажет устойчивость намеченных признаков и подкрепится датирующим инвентарем.

Погребения 2 кургана 2 у с. Поддубное Софиевского р-на Днепропетровской[1] обл. впущено в курган срубной культуры. Овальная в плане входная яма (1,4×0,7 м) ориентирована с севера-северо-запада на юг-юго-восток, ее глубина 1,4 м. Ствол ямы и входное отверстие высотой 0,35 м забутованы камнем. Овальная камера ориентирована параллельно входной яме и находилась к северо-востоку от последней. Размеры камеры 1,55×0,8 м, глубина 1,7, высота свода 0,4 м. Умерший лежал по длинной оси камеры скорченно на левом боку и был ориентирован голо-

[1] Выражаем благодарность Н. Н. Бондарю за любезное разрешение опубликовать данные по погребению.

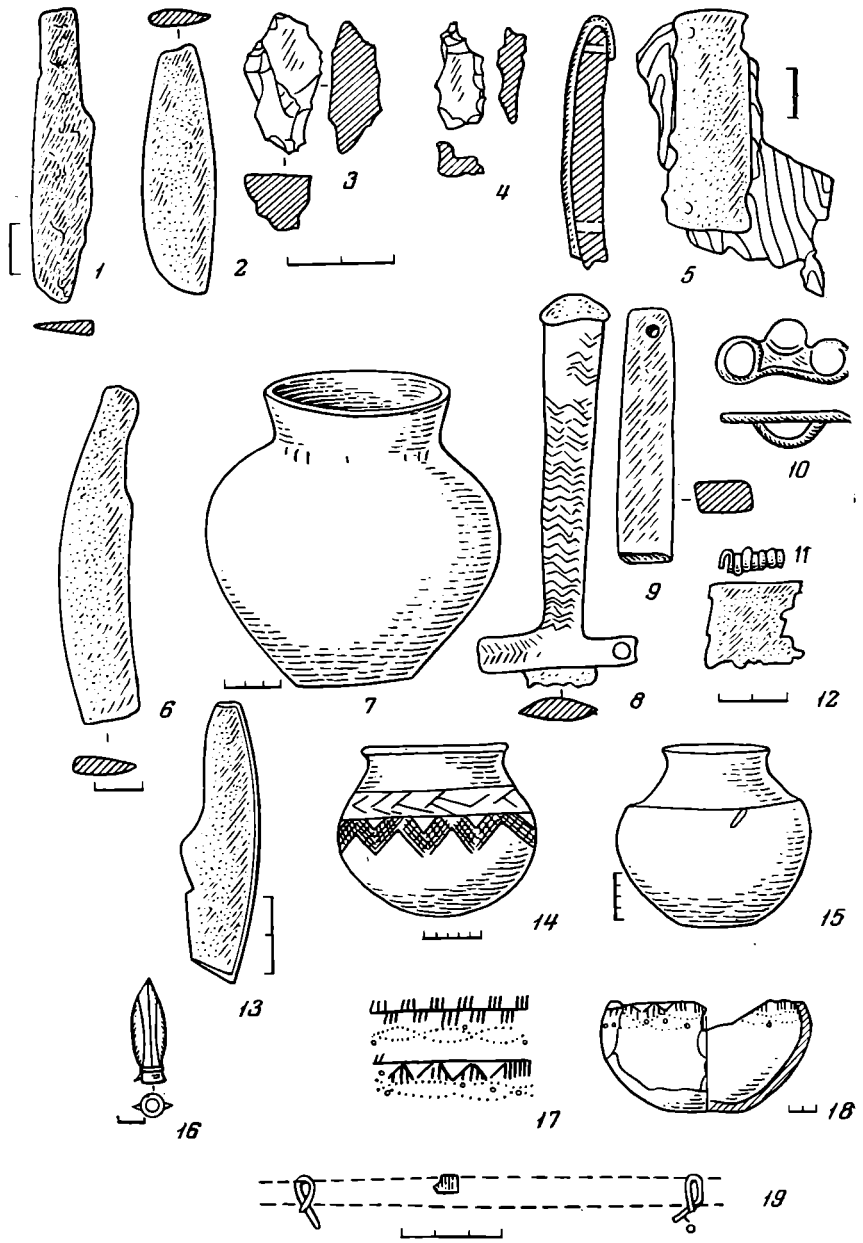


Рис. 3. Инвентарь из камерных погребений черногоровской ступени. *1* — с. Золотая Балка; *2—4* — с. Поддубное; *5, 6* — с. Орехово; *7—10* — с. Суворово; *11 12, 15* — «Аккермень»; *13, 14* — г. Днепрорудное; *16* — с. Марьино; *17, 18* — с. Ковалевка; *19* — Чограй. *1* — железо; *2, 6, 10—13, 16, 19* — бронза; *3, 4* — кремень; *5* — дерево, бронза; *7, 14, 15, 17, 18* — керамика; *8* — бронза, железо; *9* — камень

вой на юго-восток. Руки направлены к коленям. Ноги согнуты под тупым углом в тезобедренных суставах и под острым в коленных (рис. 1, *6—7*). Перед лицом и за спиной умершего положены куски напутственной мясной пищи, а у поясницы находились два кремневых отщепа (рис. 3, *3—4*) и бронзовый нож с горбатой спинкой (рис. 3, 2). Длина ножа 5, ширина лезвия 1,5, толщина 0,2 см [11, с. 10, 11].

Катакомба погребения 3 кургана 3 у с. Орехово Солонянского р-на Днепропетровской обл.[2] также впущена в курган срубной культуры в 11 м к северо-востоку от центра. Удалось зафиксировать лишь общий контур входной ямы и камеры, ориентированных с севера — северо-запада на юг — юго-восток. Примерные размеры камеры 1,4×0,9 м, глубина

[2] Выражаем благодарность Д. Я. Телегину за любезное разрешение опубликовать данные по погребению.

2,45 м от нулевой отметки. Умерший находился в скорченном положении на спине головой к югу — юго-востоку. Руки направлены вправо от тазовых костей, а ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных и под острым в коленных суставах и направлены влево (рис. 2, *1*). Слева у тазовых костей отмечены кости мелкого животного, в том числе и астрагалы. На обломках черепа отмечены окислы бронзы, возможно от очелья, а под ним обнаружены фрагменты деревянной чаши толщиной 0,3—0,4 см с бронзовой оковкой шириной 2 см (рис. 3, *5*). У пояса справа лежал бронзовый нож с горбатой спинкой и длинной деревянной ручкой (рис. 3, *6*). Длина его бронзовой части 6,8, длина ручки 11, ширина ручки 2 см, лезвия — 1,5, толщина лезвия 0,3 см [12, с. 9].

Погребение 4 кургана 11 у с. Золотая Балка Нововоронцовского р-на Херсонской обл. впущено в курган ямной культуры в 1 м к северу от центра [3]. Входная яма в форме узкого овала (1,5×0,35 м, глубина 1,75 м) ориентирована по линии запад — восток. Подбой вырыт вдоль входной ямы, к северу от нее, размеры камеры 1,25×0,3 м, высота свода 0,35 м. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на восток. Кисти слегка согнутых в локтях рук направлены к коленям ног, согнутых под тупым (левая) и прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленных. На пояснице лежал железный однолезвийный нож с едва выпуклой спинкой и коротким черешком со следами деревянной ручки (рис. 3, *1*). Длина ножа 5,9, длина лезвия 3,9, ширина лезвия 1,1, черешка — 0,9, толщина лезвия 0,3 см [13, с. 32].

Каменная вымостка над входной ямой погребения 2 кургана 1 у с. Калиновка Еланецкого р-на Николаевской обл. (раскопки О. Г. Шапошниковой) обнаружена в восточной половине кургана бронзового века. Сама яма была забутована камнями, под которыми с северной длинной стороны находилась камера, ориентированная по линии запад — восток. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на восток. В изголовье находились остатки деревянного блюда с костями животного; деревянный кубковидный сосуд, украшенный по краю венчика золотыми, бронзовыми и серебряной прямоугольными пластинами, ниже которых идет орнаментальная полоска в виде дужек из вбитых в стенки бронзовых гвоздиков со шляпками; большой чернолощеный биконический сосуд с четырьмя пластинчатыми выступами-упорами в придонной части. Перед умершим лежали бронзовый цилиндрический молоток и точильный брусок, а на правом бедре — железный черешковый нож с горбатой спинкой [6, с. 47].

Аналогичную конструкцию представляло погребение 1 в соседнем кургане 2 у с. Калиновка [4], но очертания входной ямы, забутованной камнем, в насыпи проследить не удалось. В камере на глубине 1,67 м от поверхности обнаружен скелет взрослого человека, лежавший скорченно на левом боку головой на восток. За теменем стоял керамический кубок с пояском резного орнамента из косых линий и заштрихованных треугольников и округлый деревянный сосуд, сохранившийся фрагментарно [6, с. 47].

Погребение 6 кургана 4 в группе VII у с. Ковалевка Николаевского р-на Николаевской обл. находилось в 1 км к востоку от центра кургана бронзового века. Округлая входная яма (0,9×0,7 м) ориентирована по линии запад — восток, глубина ее 1,1 м от поверхности кургана. У южной стенки ямы на глубине 0,5 м вырезана ступенька шириной 0,1 м. Входное отверстие высотой 0,6 м было закрыто мелкими камнями и деревом. Овальная камера располагалась к северу от входной ямы; ее размеры (м): длина — 1,3, ширина — 0,95, высота свода — 0,6, глубина — 1,3. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой на северо-восток. Кисти слабо согнутых в локте рук направлены к коленям ног, согнутых под прямым углом в тазобедренных суставах и под ост-

[3] Выражаем благодарность А. И. Кубышеву и О. В. Битковскому за любезное разрешение на публикацию данных по погребению.

[4] В описании А. И. Тереножкина это погребение ошибочно привязано к с. Новая Одесса Николаевской обл.

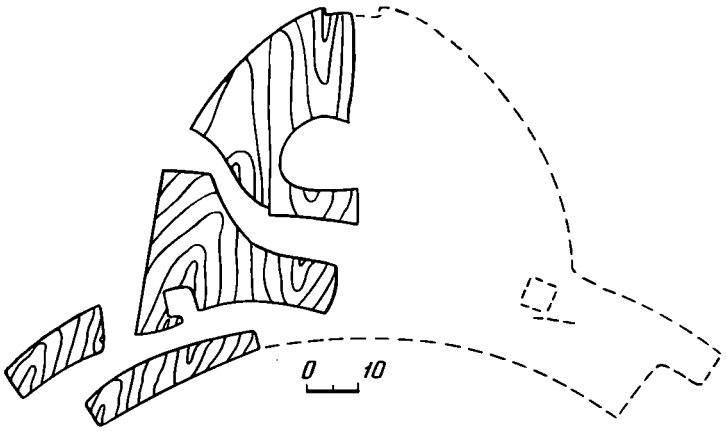


Рис. 4. Фрагменты деревянного предмета из кург. 4, погр. 6 у с. Ковалевка

рым в коленных (рис. 2, *7, 8*). У коленей находились части деревянного предмета, вырезанного из плоской в сечении доски толщиной 2 см. Изделие, напоминающее луку седла, состоит из четырех кусков дерева, разделенных четырьмя прорезями шириной 5 см. На двух кусках сохранились отверстия квадратной и округлой формы размерами соответственно 6×6 и 15×15 см (рис. 4). Перед лицом умершего стоял лощеный кубок, сохранившийся в нижней части и украшенный по плечикам поясом резного орнамента из заштрихованных треугольников и квадратов в шахматном порядке. Инкрустированный белой пастой узор разделен горизонтальной и ограничен снизу двумя волнообразными пересекающимися линиями. Последние выполнены наколами и редко расположенными круглыми штампованными ямками (рис. 3, *17—18*). Высота сохранившейся части сосуда 7 см, диаметр 14, диаметр дна 6 см [14, с. 133, 134, рис. 1, *1—5*].

Погребение 2 кургана 5 у с. Суворово Измаильского р-на Одесской обл. являлось основным в кургане. Входная яма подпрямоугольной формы (1,5×0,8×0,8) ориентирована с севера на юг. Подбой сделан в восточной стенке ямы. Размеры камеры 0,9×0,6 м, глубина 1,5 м. Тело умершего было буквально втиснуто в камеру и находилось в сильно скорченном положении на левом боку головой на юг, кисти рук перед лицом (рис. 2, *2, 3*). Тут же стоял лепной горшок с выделенной шейкой и округлым туловом. Высота сосуда 16, диаметр венчика 10,5, корпуса — 15, дна — 8 см (рис. 3, *7*). Перед погребенным лежали железный кинжал, точильный брусок (рис. 3, *9*) и бронзовая лунница (рис. 3, *10*). От кинжала сохранилась лишь бронзовая рукоять, украшенная насечками в «елочку» (рис. 3, *8*) [15, с. 31—33, рис. 2, *6—8*; 3, *1—3*].

Помимо девяти вышеописанных к числу камерных конструкций следует отнести ряд погребений, в которых входная яма прослежена не была, но фасолевидные очертания могилы и некоторые признаки подбоя позволяют допустить наличие камеры. Характерное положение умерших и набор погребального инвентаря не противоречат такому допущению. Учитывая, что привлекаемые комплексы описаны в литературе, ограничимся лишь кратким перечнем их: погребение 9 кургана 11 (рис. 2, *6*; 3, *11, 12, 15*) и погребение 11 кургана 17 в группе Аккермень I у с. Новофилипповка Мелитопольского р-на Запорожской обл. [6, с. 115, рис. 79, *2*, 86, *6*, 74, *13—14*, с. 124, рис. 71, *12*, 83, *9*]; погребение 3 кургана 3 у с. Марьино близ Симферополя Крымской обл. (рис. 2, *5*; 3, *16*) [*17*, с. 257, рис. 4, *16*, 8]; погребение 1 кургана 7 в г. Днепрорудное Васильевского р-на Запорожской обл. (рис. 2, *4*; 3, *13—14*) [6, с. 42, рис. 14, 6—8]; погребение 3 кургана 8 в группе Чограй III Арзгирского р-на Ставропольского края [18, с. 65, рис. 1, *1*]; погребение 3 кургана 3 у с. Спасское Новомосковского р-на Днепропетровской обл. [19, с. 73, табл. 2, *10—11*]; погребение 12 кургана 2 в группе Кривая Лука VIII Черноярского р-на Астраханской обл. [20, с. 59, рис. 1, *3*, 2, *1*].

С этой группой камерных могил следует, вероятно, также связывать камерные погребения Нижнего Заволжья: погребение 3 кургана 4 в группе Бережновка 1 Николаевского р-на Волгоградской обл. [21, с. 62, 63; рис. 9, *4*, 13, *1*, 14, *1*], погребение 6 кургана 2 у с. Максютово Пугачевского р-на Саратовской обл. [22, с. 297, рис. 7, *4*, 8, *3*], а также Калмыкии: погребение 1 кургана 23 в группе I на Левобережье р. Восточный Маныч [23, с. 52, 23, рис. 9, *1*, *2*].

Выделенную группу из 19 захоронений объединяет один общий признак: погребальное сооружение в виде подземной камеры, катакомбы или подбоя. В пяти случаях это катакомбы с выделенным узким входным отверстием (Степной, Первомаевка, Поддубное, Ковалевка, Восточный Маныч), в четырех — подбои с плавным переходом входной ямы в камеру (Золотая Балка, Суворово, Бережновка, Спасское), а в остальных случаях форму сооружения уточнить не удается, хотя камерность их сомнений не вызывает. Входные ямы, за исключением трех прямоугольных (Суворово, Бережновка, Восточный Маныч), овальные. Овальную форму имеют и камеры. Лишь стенка камеры, смежная с входной ямой, иногда выпрямлена или даже вогнута (Днепрорудное, Аккермень, Ковалевка). Размеры камер невелики (длина 0,9—1,8, ширина 0,6—1,1 м) и рассчитаны на скорченное положение взрослого человека. Детские камерные захоронения этого времени нам неизвестны. Размещение входной ямы по отношению к камере определялось, вероятно, ориентировкой и положением умершего. Так, если скелет на левом боку ориентирован на восток, то входная яма находится к югу от камеры (11 случаев). При южной ориентации умершего в том же положении камера находится к западу от входной ямы (4 случая), а если покойник развернут вправо, то камера — к востоку (2 случая). Обращает на себя внимание устойчивость в ориентировке умерших на восток (11 случаев) и юг (7 случаев). Южное направление, при положении скорченных скелетов на правом и левом боку, характерно для белозерского обряда погребения, а восточная ориентировка и положение на левом боку — для более ранних захоронений степной срубной культуры. Степень скорченности скелетов средняя. В положении рук преобладают две позиции: руки вытянуты к коленям ног (8 случаев), рука согнута в локте (5 случаев), хотя встречается и традиционное для эпохи поздней бронзы положение кистей рук перед лицом (Суворово). Первые две позиции были достаточно распространены в погребениях культуры многоваликовой керамики и белозерского этапа, составляя примерно 23% от общего числа погребенных [24, с. 293, табл. 9]. В положении ног характерной чертой является согнутость конечностей под тупым углом в тазобедренных суставах (9 случаев). Зарождается такая позиция на белозерском этапе, где она составляла всего 3,5% [24, с. 293, табл. 9]. Положение ног у остальных погребенных (прямой или острый угол в тазобедренных суставах) было обычным и для эпохи поздней бронзы.

Столь детальный анализ характера скорченности необходим для того, чтобы показать генетическую связь погребальных обрядов срубной культуры и черногоровской ступени. С другой стороны, положение рук и ног умерших в камерных конструкциях составляет характерную комбинацию, могущую служить культурным определителем и при отсутствии диагностического инвентаря.

Обнаружив развитие местных традиций в положении умерших, логично попытаться отыскать их и в генезисе погребальных сооружений камерного типа. Практика сооружения подземных усыпальниц пережила катакомбную культуру. В. В. Дворниченко выделил группу погребений в подбоях, характерную, по его мнению, для срубной культуры, «где входная яма без входного отверстия непосредственно соединяется с камерой», а от подбоев провел связь к упомянутым выше киммерийским захоронениям в Днепрорудном и Аккермени [10, с. 5—15]. Им же был поставлен вопрос о зарождении катакомбной формы могилы и подбоя у скифов в позднесрубной культуре [25, с. 6].

Новая совокупность источников позволяет дополнить важные наблю-

дения В. В. Дворниченко. Выяснилось, что погребения в подбоях принадлежат преимущественно носителям культуры многоваликовой керамики, а не срубной [26, с. 11; 27, с. 10]. И. Н. Шарафутдинова наряду с захоронениями в ямах с подбоями отмечает для культуры многоваликовой керамики и погребения в катакомбах [28, с. 48—51]. По нашим подсчетам, сейчас раскопано более 100 погребений в подбоях и катакомбах культуры многоваликовой керамики. Происхождение этих сооружений от конструкций катакомбной культуры сомнения не вызывает.

Немногочисленные камерные погребения срубной культуры свидетельствуют лишь о том, что данный обряд погребения окончательно не угас, а следовательно, способен возродиться. Следует помнить, что носители культуры многоваликовой керамики приняли активное участие в сложении срубной культуры на территории Украины. Интереснейшую комбинацию сооружений представляет собой погребение 1 кургана 50 белозерского могильника у с. Кочковатое Татарбунарского р-на Одесской обл., считающееся парным. Один умерший похоронен в большой прямоугольной яме с канавками по периметру, типичной для могил белозерской знати, а другой — в подбое, вырытом в восточной стенке большой ямы [29, с. 57]. Показательно, что прямоугольная яма и подбой повторяются уже в киммерийском кургане у с. Суворово (рис. 2, *2, 3*). Таким образом, появление на черногоровской ступени заметной группы камерных сооружений объясняется скорее всего возрождением некоторых древних погребальных традиций, восходящих еще к катакомбной культуре.

Продолжением традиций бронзового века можно объяснить наличие краски (охра, мел, сера) при погребениях черногоровской ступени (Днепрорудный, Чограй, Кривая Лука VIII, Спасское). Ограниченное применение краски (мел, охра) в погребальном обряде отмечено на всех ступенях срубной культуры как характерная черта [24, с. 120, 141].

Культурно-хронологическое единство выделяемой группы погребений подтверждается анализом сопровождающих находок. Прежде всего отметим наличие в 13 погребениях из 19 костей мелкого рогатого скота, что составляет около 70%. Для сравнения заметим, что в погребениях сабатиновского этапа из степного Поднепровья кости животных встречаются редко (менее 10%), на белозерских могильниках этот процент не намного выше (более 16%) [24, с. 303, табл. № 19]. Очевидно, здесь сказывается скотоводческий профиль хозяйства ранних кочевников.

Посуда, деревянная и керамическая, зафиксирована в 13 комплексах. Емкости из дерева (блюдо, кубок, чаши) нередко украшаются накладными металлическими пластинами и гвоздиками (Орехово, Калиновка 1—2, Кривая Лука VIII), чем напоминают деревянную посуду срубной культуры [30]. Керамические формы (четыре горшка, пять кубков и баночный сосуд со сливом) восходят к соответствующим формам белозерской и срубной посуды [31, с. 39]. Фракийский сосуд из Калиновки является импортом. Среди кубков, обнаруженных при скорченных камерных захоронениях, два (Ковалевка, Спасское) относятся к жаботинскому типу, что делает возможным отнесение этих погребений к новочеркасской ступени.

Из бытовых предметов привлекает внимание серия из шести ножей с горбатой спинкой, четыре из них бронзовые и два железных. Сохранились остатки деревянных ручек, до 11 см длиной. Все ножи обнаружены в районе поясницы умерших и являлись, несомненно, вещами личного обихода. В погребениях срубной культуры (для сравнения) ножи обычно помещались в стороне от тела, иногда даже на перекрытии могилы. Однолезвийные ножи изредка встречаются в эпоху поздней бронзы. Так, железный экземпляр ножа, морфологически близкий черногоровским, обнаружен на белозерском могильнике Первомаевка 2 Верхнерогачикского р-на Херсонской обл.[5]

Среди каменных изделий можно выделить оселки с отверстием для подвешивания (Суворово, Калиновка 1—2, Кривая Лука VIII), вошед-

[5] Любезное сообщение Г. Л. Евдокимова.

шие в состав сопровождающего инвентаря еще на белозерском этапе. Кремневые отщепы как деталь несохранившихся кресал также имеют более ранние аналогии в погребениях бронзового века.

Особый интерес представляют ленты-перевязи для стягивания волос головы. Следы таких лент из кожи или бронзы обнаружены в пяти погребениях, а наиболее хорошо сохранившийся экземпляр подобной вещи — венец из бронзовой ленты шириной 1 см — представлен в погребении 5 Высокой Могилы [32, с. 152, рис. 6]. Лента из погребения 3 кургана 8 в группе Чограй III была украшена на висках бронзовыми проволочными петельками с расходящимися «усиками» (рис. 3, *19*). Аналогичная петелька украшает ленту-венец, вырезанную на киммерийской стеле из кургана у хут. Зубовского на Кубани [33, с. 123, рис. 1]. Очевидно, так называемый «головной убор» на киммерийских стелах [34, с. 20, рис. 7—9] является на самом деле изображением описанной выше ленты-перевязи [35, с. 41]. С. Л. Дударев и С. В. Махортых предполагают наличие лент (повязок) на головных уборах киммерийцев, изображенных на ионийском саркофаге из Клазомен [35, с. 41, рис. 1, *а, б, г—е*]. Данная этнографическая деталь подтверждает принадлежность погребений Черногоровской ступени историческим киммерийцам.

Единичные находки вещей мы рассматривать не будем, так как наша задача — выявить наиболее характерные черты выделяемой группы погребений.

В погребении 5 Высокой могилы, являющемся эталоном для памятников черногоровской ступени, есть аналогии всем серийным вещам из камерных погребений (очелье, бронзовый нож с горбатой спинкой, деревянный сосуд с металлическими оковками, оселок, кремневый отщеп), кроме керамики. Полное совпадение с упомянутым комплексом отмечается в положении скелета (на левом боку) и ориентировке (восточная), в наличии напутственной пищи [32, с. 152—153, рис. 5—8]. Однако погребальное сооружение (сруб, опущенный на дно глубокой ямы) здесь совершенно иное. Очевидно, разнообразие погребальных сооружений, при известной унификации положения и ориентировки умерших, а также сопровождающего инвентаря является особенностью памятников черногоровской ступени.

Приведенные аналогии с погребением 5 Высокой могилы позволяют отнести группу скорченных погребений в катакомбах и подбоях к черногоровской ступени культуры киммерийцев и датировать их 900—750 гг. до н. э. [6, с. 208]. Склоняясь к датировке А. И. Тереножкина, авторы осознают существующие противоречия в датах ранних ступеней железного века [36, с. 12].

Деление киммерийских древностей на черногоровскую и новочеркасскую ступени позволяет проследить развитие камерных погребальных конструкций во времени. Керамика жаботинского типа в погребениях из Ковалевки и Спасского показывает, что камерные сооружения черногоровского типа и обряд погребения умерших в скорченном положении продолжают бытовать и в новочеркасское время. Однако в этот период большее распространение получил иной тип подбойных могил с захоронением умерших в вытянутом или слабоскорченном положении. В кургане 3 у с. Марьино под Симферополем упоминавшееся выше камерное погребение 3 (черногоровской ступени) было нарушено погребением 1, вытянутым, ориентированным на юго-запад и сопровождавшимся костями овцы (?) у черепа и фрагментом чернолощеного горшка с резным орнаментом [17, с. 256—257]. Погребение 1 относится уже к новочеркасскому времени.

Приводим список опубликованных ранее камерных захоронений новочеркасской ступени: погребение 2 кургана 2 у с. Луговое Ленинского р-на Крымской обл. (рис. 5, *4*), [6, с. 49, 50, рис. 20, *10*, *11*]; погребение 6 в кургане 3 в урочище «Баранчук» у с. Красная Поляна Песчанокопского р-на Ростовской обл. (рис. 5, *1*) и погребение 9 в кургане 5 Койсугского могильника на левобережье дельты Дона (рис. 5, *5*) [37, с. 169, 170, рис. 4, *3*, *4*, 5, *3*, *4*]; погребение 4 кургана

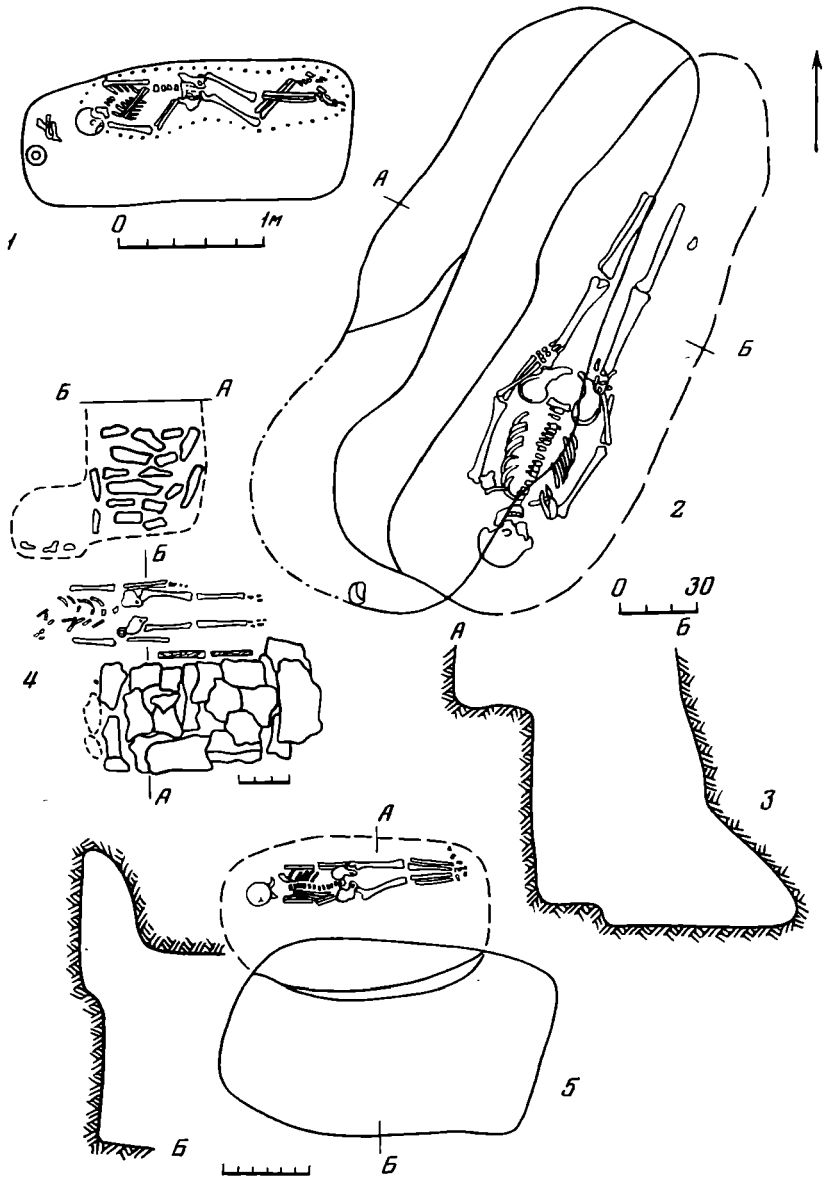


Рис. 5. Камерные погребения новочеркасской ступени. *1* — с. Красная Поляна, кург. 3, погр. 6; *2*, *3* — с. Кремневка, кург. 3, погр. 9; *4* — с. Луговое, кург. 2, погр. 2; *5* — Койсугский могильник, кург. 5, погр. 9

3 у с. Первомаевка (рис. 6, 7) [9, с. 132, 133; табл. I, *7* II, *7*]. Круг источников расширяется за счет новых материалов.

Погребение 1 кургана 1 у с. Старобогдановка Михайловского р-на Запорожской обл. впущено в курган ямной культуры. От погребальной камеры сохранился овал, вытянутый по линии северо-запад — юго-восток, и вогнутое дно на глубине 0,4 м. Слегка изогнутый скелет взрослого человека лежал под юго-западной стенкой камеры на правом боку, головой на юго-восток. Кости скелета окрашены охрой. Отмечен темный тлен под умершим, толстый слой камки в головах и белый тлен по дну камеры. Вдоль левой ноги умершего были прослежены кости животного (рис. 6, *1*) [38, с. 22].

Погребение 1 кургана 4 у с. Таврия Токмакского р-на Запорожской обл. впущено в курган срубной культуры. Захоронение совершено в овальной в плане камере с вогнутым дном, ориентированной с севера — северо-запада на юг — юго-восток. Входная яма не прослежена. Скелет взрослого человека лежал на левом боку в слабоскорченном положении, головой на юг — юго-восток. Левая рука протянута вдоль туловища, а правая слабо

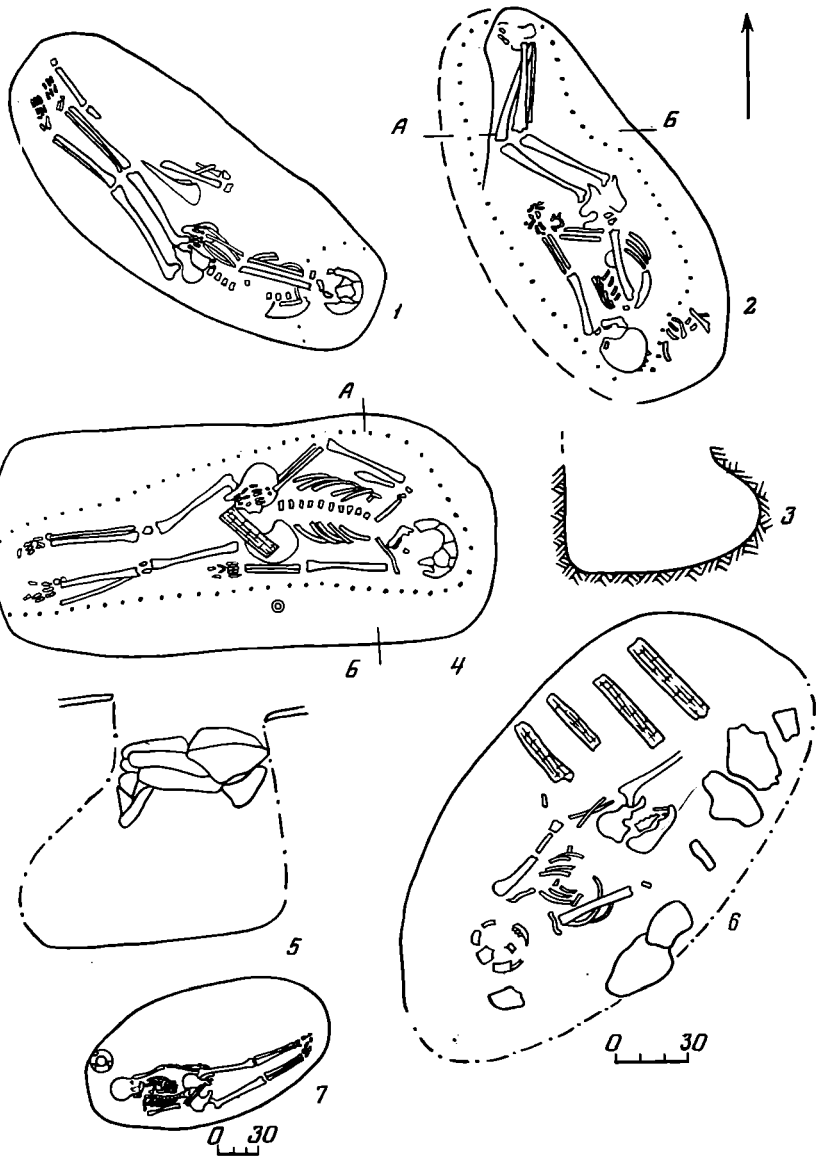


Рис. 6. Камерные погребения новочеркасской ступени. *1* — с. Старобогдановка, кург. 1, погр. 1; *2*, *3* — с. Таврия, кург. 4, погр. 1; *4*, *5* — с. Днепровка, кург. 1, погр. 14; *6* — с. Ясиноватое, кург. 19, погр. 1; *7* — Первомаевка, кург. 3, погр. 4. Точками оконтурены подстилки

согнута в локте, кисти рук соединены. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и коленях (рис. 6, *2*, *3*). Под костями фиксируется кожаная (?) подстилка и посыпка дна мелом, а под черепом — «подушечка» в виде толстого слоя древесного тлена. У затылка обнаружены кости животного. У кисти левой руки обнаружена костяная застежка в виде круглого в сечении стержня с выемкой посредине (рис. 7, *1*) и костяной столбик с ровным основанием и полусферической шляпкой, выделенной выемками с двух сторон (рис. 7, *2*). Длина стержня 5,5, диаметр 0,6 см; высота столбика 1, диаметр 0,7 см [38, с. 68, 69].

Погребение 14 кургана 1 у с. Днепровка Вольнянского р-на Запорожской обл. впущено в насыпь катакомбной культуры. Захоронение совершено в вытянуто-овальной камере, ориентированной по линии запад — восток. Размеры камеры 2×0,9 м, глубина 1 м. Входная яма не прослежена, однако по просевшим в камеру известняковым глыбам можно судить о каменной заслонке входа в камеру с южной стороны. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине и был слегка изогнут к северной стенке камеры, голова ориентирована на юго-восток-восток. Левая рука протянута вдоль туловища, а правая — слабо согнута в лок-

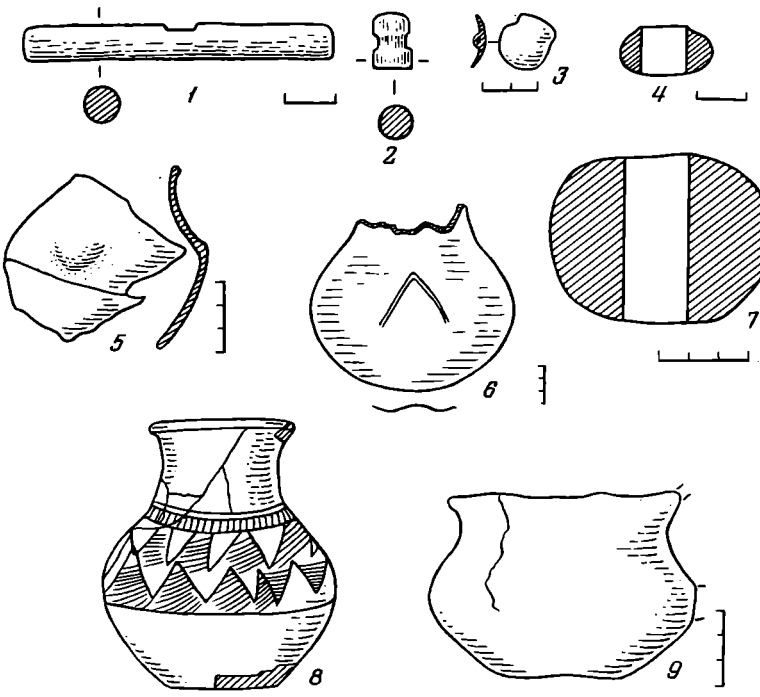


Рис. 7. Инвентарь из камерных погребений новочеркасской ступени. *1*, *2* — с. Таврия; *3* — Койсугский могильник; *4* — с. Днепровка; *5* — с. Ясиноватое; *6* — с. Первомаевка; *7* — с. Луговое; *8* — с. Красная Поляна; *9* — с. Кремневка; *1*, *2* — кость; *3*, *4* — бронза; *5*, *6*, *8*, *9* — керамика; *7* — камень

те, кисть ее находилась на тазовых костях. Под умершим отмечен древесный тлен, а на тазовых костях — деревянная плашка (рис. 6, *4*, *5*). К югу от тазовых костей находилось бронзовое прясло с выступающим бортиком сверху (рис. 7, *4*). Высота прясла 1, диаметр 1,8 см; диаметр отверстия 0,8 см [39, с. 110].

Погребение 1 кургана 19 у с. Ясиноватое Вольнянского р-на Запорожской обл. впущено в насыпь срубной культуры. Погребальная камера овальной формы (2,1×1,1 м, глубина 2,3 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Входную яму проследить не удалось. С юго-восточной стороны сохранилось частично перекрытие устья камеры известняковыми плитами. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Дно камеры устлано поперечными деревянными плашками (рис. 6, *6*). У локтя левой руки обнаружен кремневый отщеп, а в головах — фрагменты лощеного кубка, украшенного коническими шишечками (рис. 7, *5*) [40, с. 27, 28].

Погребение 9 кургана 3 у с. Кременевка Володарского р-на Донецкой обл. впущено в центральную часть насыпи ямной культуры. Щелевидная входная яма (2,6×0,95 м) двумя ступеньками спускалась в узкую овально-вытянутую камеру, ориентированную параллельно входной яме по линии северо-восток — юго-запад. Размеры камеры 2,0×0,7 м, глубина, 2,85, высота свода 0,45 м. Яма находилась к северо-западу от камеры, вход в которую был перекрыт камнями и деревянными прутьями. Скелет взрослого человека лежал по длинной оси камеры вытянуто на спине, головой на юго-запад. Руки умершего протянуты вдоль туловища, кисти рук покоились на бедренных костях ног (рис. 5, *2*, *3*). В изголовье стоял лощеный черпак с вогнутым донцем и отбитой в древности ручкой (рис. 7, *9*). Высота черпака 7 см, диаметр венчика 8,5 дна — 4,4 см [41, с. 14] [6].

Выделяемая группа захоронений количественно невелика (9), одна-

[6] Выражаем благодарность С. Н. Братченко за любезное разрешение опубликовать данный комплекс.

ко авторы располагают информацией о значительной серии подобных еще не опубликованных погребений, числом не менее 20. Все это позволяет рассматривать камерные сооружения подбойного типа с узкой входной ямой и вытянуто-овальной камерой в качестве одной из ведущих форм погребальных конструкций новочеркасской ступени. Пропорции камер (примерно 2×1 м) рассчитаны на вытянутое положение умерших на спине, левом или правом боку. Преобладает западная и юго-западная ориентация скелетов. Примечательно, что слабые признаки скорченности встречаются у скелетов с традиционной для эпохи поздней бронзы ориентировкой на юг и восток (рис. 6, *1—4*).

Напутственная пища в подбоях новочеркасской ступени размещалась преимущественно в головах (Красная Поляна, Таврия), но встречается и у ног умерших (Старобогдановка). Как и в предшествующий период, это кости мелкого рогатого скота, но процент обнаружения их в погребениях значительно ниже (более 30).

В большинстве подбоев обнаружена подстилка по дну камеры (трава, дерево, мел, бурый тлен) и в изголовье, что является примечательной особенностью данной группы погребений. В двух погребениях отмечена окрашенность ног (Первомаевка 3—4) и тела (Старобогдановка) охрой. Так что употребление краски в погребальном ритуале практиковалось на обеих ступенях киммерийской культуры.

Немногочисленный погребальный инвентарь, представленный единичными находками, не имеет прямых аналогий в более ранней группе камерных захоронений черногоровской ступени. Это существенный показатель разновременности выделяемых групп захоронений, хотя керамика, обнаруженная при вытянутых скелетах (кубки, черпак, рис. 7, *5*, *6*, *8*, *9*), по формам и декору восходит к белозерским и кобяковским образцам эпохи финальной бронзы. Впрочем, сравнительная скромность сопровождающего инвентаря погребений в подбоях на фоне богатых новочеркасских гробниц иной конструкции может объясняться и социальными причинами.

Интересным моментом следует признать появление черпаков с одной или двумя ручками в новочеркасское время, учитывая почти полное отсутствие их на предшествующей черногоровской ступени [42, с. 37—40]. Характерно, что черпаки чаще помещались в районе левого плеча умершего, лежащего в вытянутом или слабоскорченном положении (Кременевка, курган 3, погребение 9; Чограй III, курган 9, погребение 12 [18, с. 65, рис. I, II]; Привольное, курган 3, погребение 1). Последнее захоронение отнесено в публикации к эпохе поздней бронзы [43, с. 55, 56, рис. 20, 1], а А. М. Лесков датировал его белозерским временем [44, с. 74]. Наметившаяся серия захоронений новочеркасской ступени с черпаками уточняет возраст комплекса из Привольного, который относится уже к раннему железному веку.

Костяная стержневидная застежка и столбик из погребения у с. Таврия (рис. 7, *1*, *2*) уточняют верхнюю дату камерных погребений с вытянутыми скелетами. Аналогичные, но бронзовые застежки и древнейший костяной столбик обнаружены В. Г. Петренко в курганах предскифского времени у хут. Красное Знамя на Ставропольщине, датируемых второй половиной VII в. до н. э. [45, с. 41, рис. 21, 22, 25, *8*, *9*]. Бронзовая пуговица из Койсугского могильника (рис. 7, *3*) и каменная булава из Лугового (рис. 7, *7*) являются вещами широкого хронологического диапазона.

В отличие от катакомб и подбоев черногоровской ступени камерным гробницам новочеркасского времени с узкими входными ямами и камерами подбойного типа сложнее найти убедительные прототипы в местных погребальных конструкциях бронзового века. Показательно, что их внедрение совпадает с утверждением обряда захоронения в вытянутом положении, чуждого степному населению Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. То же можно сказать и о западной ориентировке умерших, погребенных в вытянутом положении.

Данный вывод противоречит тезису А. М. Лескова о распространении

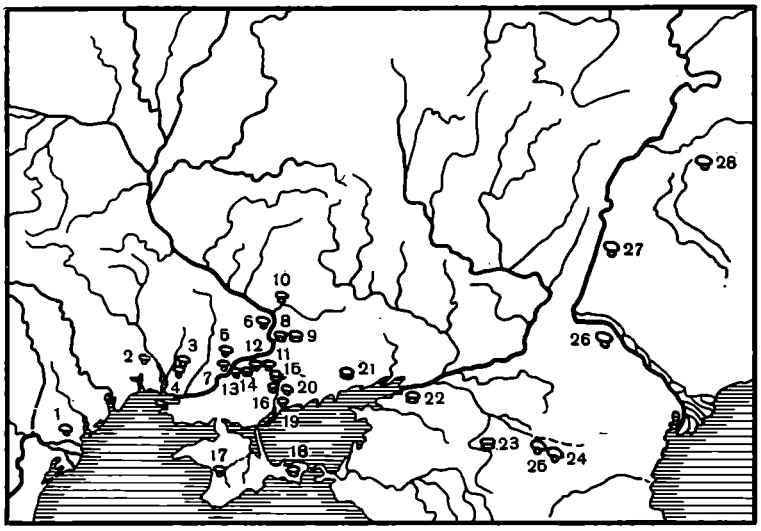


Рис. 8. Карта распространения камерных погребений киммерийцев. *1* — Суворово; *2* — Ковалевка; *3*, *4* — Калиновка; *5* — Поддубное; *6* — Орехово; *7* — Золотая Балка; *8* — Яспноватое; *9* — Днепровка; *10* — Спасское; *11* — Днепрорудное; *12* — Заповитное, совхоз «Степной»; *13*, *14* — Первомаевка; *15* — Таврия; *16* — Старобогдановка; *17* — Марьино; *18* — Луговое; *19*, *20* — «Аккермень»; *21* — Кременевка; *22* — Койсугский могильник; *23* — с. Красная Поляна; *24* — Чограй; *25* — Восточный Маныч; *26* — Кривая Лука; *27* — Бережновка; *28* — Максютово

вытянутого обряда погребения, в том числе при западной ориентировке умерших, еще на белозерском этапе срубной культуры. За этим тезисом следует еще более важный, о том, что «уже на белозерском этапе складывается обряд погребения, типичный для раннего железного века Причерноморских степей» [46, с. 24]. Проверка исходных погребальных комплексов показала, что среди погребений белозерского этапа нет вытянутых, а широтная (западная или восточная) ориентировка скелетов встречается лишь в виде исключения (4 случая на 410 учтенных погребений). Привлеченные же А. М. Лесковым погребения на проверку оказались либо более ранними, либо более поздними, как упомянутое выше погребение из Привольского и курган у с. Новопетровка, либо белозерскими, но плохо документированными (Лукьяновский курган, разрушенный курган у пос. Каланчак), что не позволяет их учитывать при столь ответственных выводах [24, с. 136—139].

А. И. Тереножкин очень осторожно подходил к проблеме смены обряда погребения от скорченного к вытянутому и распространения западной ориентировки умерших, полагая, что «проблема эта является евразийской, а отнюдь не узко причерноморской» [6, с. 102]. Камерные конструкции новочеркасской ступени можно рассматривать как дальнейшее развитие черногоровских подбоев и катакомб, связав изменение формы подбоев с изменением положения умерших. Такое допущение согласуется с суммой фактов, которыми мы располагаем на сегодняшний день, хотя и не является единственно возможным. Нельзя исключать появление нового этнического компонента на юге Восточной Европы в новочеркасское время.

Картографирование камерных сооружений киммерийцев (рис. 8) показывает, что они занимают степную полосу юга Восточной Европы в ареале распространения катакомбной и срубной культур, что и обусловливает глубину местных традиций в культуре исторических киммерийцев. Территория распространения камерных сооружений черногоровской и новочеркасской ступеней совпадает. Подбойные погребения новочеркасской ступени выявлены и к западу от Днепра, но эти материалы пока не опубликованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов.— ВДИ, 1950, № 2.
2. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Наука, 1974.
3. *Эрдниев У. Э.* Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры.— В кн.: Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.
4. Археологія Української РСР, т. І. Київ: Наук. думка, 1971.
5. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР, вып. VII. М.: Знание, 1974.
6. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
7. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
8. *Отрощенко В. В.* Отчет о работе Степного отряда Запорожской экспедиции.— Архив ИА АН УССР, р-1, № 1972/36б.
9. *Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т., Петровська Е. О.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки.— АП, 1961, т. IX.
10. *Дворниченко В. В.* Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье.— В кн.: Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.: Изд-во МГУ, 1968.
11. *Бондарь Н. Н., Антоненко Б. А., Васильченко С. А., Телегин Д. Я.* Отчет о работе Каменской археологической экспедиции КГУ имени Т. Г. Шевченко в 1974 г.— Архив ИА АН УССР, № 1974/63.
12. *Телегин Д. Я., Терпиловский Р. В., Козловский А. А., Пустовалов С. Ж., Симоненко А. В.* Отчет о раскопках курганов около сел Орехово и Никольское Солонянского района Днепропетровской области в 1976 г.— Архив ИА АН УССР, № 1976/26.
13. *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Симоненко А. В., Полин С. В., Битковский О. В., Вукина Н. В., Якунов С. А.* Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции в 1978 г.— Архив ИА АН УССР, № 1978/17.
14. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка.— В кн.: Курганы на Южном Буге: Киев: Наук. думка, 1978.
15. *Черняков И. Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
16. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівкі і радгоспу «Аккермень».— АП, 1960, т. VIII.
17. *Щепинский А. А.* Марьинские курганы эпохи бронзы.— ЗОАО, 1960, т. I.
18. *Кореняко В. А.* Погребения предскифского времени на Восточном Маныче.— КСИА, 1982, вып. 170.
19. *Ромашко В. А.* Памятники предскифской эпохи в Орель-Самарском междуречье.— В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1978.
20. *Дворниченко В. В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге.— КСИА, 1982, вып. 170.
21. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.) — МИА, 1959, № 60.
22. *Синицын И. В.* Памятники родового общества степей Заволжья.— Уч. зап. СГУ, 1958, т. XVI, вып. исторический.
23. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Маныча.— В кн.: Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.
24. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). Канд. дис.: ИА АН УССР, 1981.— Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 598.
25. *Петренко В. Г.* Задачи и тематика конференции.— В кн.: Проблемы скифской археологии (МИА, № 177). М.: Наука, 1971.
26. *Шарафутдинова И. Н.* Племена Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН СССР, 1975.
27. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
28. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
29. *Ванчугов В. П., Субботин Л. В.* Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье.— АИУ — 1978—1979. Тезисы XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
30. *Пятых Г. Г.* О происхождении деревянной посуды в срубной культуре Поволжья.— СА, 1984, № 2.
31. *Гаврилюк Н. А.* Керамика Степной Скифии: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
32. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1.
33. *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
34. *Тереножкін О. І.* Кімерійські стели.— Археологія, 1978, № 27.

35. *Дударев С. Л., Махортых С. В.* К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев.— В кн.: Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981.
36. *Мелюкова А. И.* Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии.— КСИА, 1982, вып. 170.
37. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона.— СА, 1978, № 3.
38. *Отрощенко В. В., Ковалев Н. В., Пустовалов С. Ж., Рассамакин Ю. Я., Салий Н. Г., Голышкина В. И., Дорофеев В. В., Полин С. В.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1980 г.— Архив ИА АН УССР, № 1980/5.
39. *Отрощенко В. В., Болдин Я. И., Белов А. Ф., Ляшко С. Н., Пустовалов С. Ж., Рассамакин Ю. Я., Савовский И. П., Тихомолова И. Р.* Отчет о раскопках Запорожской новостроечной экспедиции в 1978 г.— Архив ИА АН УССР, № 1978/3.
40. *Ляшко С. Н., Плешивенко А. Г., Попандопуло З. Х., Тихомолова И. Р.* Отчет о раскопках курганов в Днепровском Надпорожье и у с. Верхняя Крынница Васильевского района.— Архив ИА АН УССР, № 1980/5а.
41. *Братченко С. Н., Кротова А. А., Швецов М. Л., Гершкович Я. П., Константинеску Л. Ф., Смирнов А. М., Самойленко В. Г., Шкарбан А. С.* Отчет об исследованиях Донецкой экспедиции в 1977 г.— Архив ИА АН УССР, № 1977/12.
42. *Гаврилюк Н. А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
43. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н.* Курганная группа у с. Привольное.— В кн.: Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
44. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Докт. дис.: ИА АН СССР, 1975.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2204.
45. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1982.
46. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.

T. Yu. Goshko, V. V. Otroshchenko

CIMMERIAN BURIALS IN CATACOMB AND CHAFT-AND-CHAMBER TOMBS

Summary

The article is a survey of chamber (catacomb and shaft-and-chamber) Cimmerian tombs discovered over the last decade in the southern steppes of Eastern Europe. Burials in small catacombs and shaft-and-chamber tombs with round entrance pits and chambers and crouched burials when the dead were placed on their right or left sides with eastern or southern orientation are typical of the Chernogorovka stage of the Cimmerian culture (Figs. 1-2). Archaeologists have identified a stable arragement of grave goods using as an example 19 burials: wooden vessels embellished with metal plates, bronze and iron knives with humped backs, bronze and leather headdresses, flint flakes, pottery (beakers and pots) and food (Fig. 3). This group of chamber burials shows stable ties with the timber grave culture and is dated between the 9th and 13th centuries B. C. The Novocherkassk stage of the Cimmerian culture exhibit somewhat different chamber constructions. They are oblong chambers with narrow entrance pits, extended burials with a predominantly western orientation (Figs. 5-6). Nine such burials have been identified. They are poor in grave goods which do not form stable assemblages (Fig. 7). Beakers and a dipper were found. Some burials contained food offerings, paint and bedding under the buried. The later group is dated to the 8th-7th centuries B. C. The appearance of the new burial types with extended burial and western orientation was probably connected with the emergence in the south of Eastern Europe of a new ethnical component.

В. С. ПАТРУШЕВ, Л. С. РОЗАНОВА

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ВЕЩЕЙ ИЗ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

К настоящему времени исследователями истории железообрабатывающего производства Восточной Европы установлено, что в древнейший период железного века племена лесостепной и степной Скифии и соседних областей Кавказа достигли значительных успехов в обработке черного металла [1—5]. Примерно в это же время, в конце VIII—VII в. до н. э., значительное количество разнообразных железных предметов появляется в Волго-Камском регионе у населения ананьинской культуры.

Для раннего периода овладения человечеством новым металлом очень важны решения таких вопросов, как время открытия и целенаправленного использования стали, способов ее получения и обработки, профессионализм и специализация в среде ремесленников, наследование традиций предшествующих поколений и распространение технических и технологических знаний обработки железа на соседние территории, пути и формы распространения. Для территории Волго-Камья важнейшим памятником в этом отношении является Старший Ахмыловский могильник — крупнейший некрополь ананьинской культурно-исторической общности [6, с. 21]. Могильник расположен на восточной окраине д. Ахмылово Горномарийского р-на Марийской АССР, на невысокой террасе Ахмыловского озера, раскрывался в течение 12 лет (в 1962—1963, 1965—1969 гг. под общим руководством А. Х. Халикова, в 1973—1977 гг. под руководством В. С. Патрушева). В настоящее время исследования полностью завершены. Всего на площади 13 836 м² вскрыто 937 погребений.

Могильник оказался на редкость хорошо сохранившимся памятником. Его богатейшие вещевые комплексы имеют широкие типологические аналогии в синхронных культурах Европы. До последних лет общая дата могильника определялась VIII—VI вв. до н. э. [7—9]. Затем его дата была установлена в пределах середины VIII — конца VI в. до н. э. [6, с. 30]. В настоящее время «узкая» дата каждого погребения [10] позволила ограничить время функционирования могильника концом VIII—VI в. до н. э. [11].

В основу работы положен микроскопический метод металлографического анализа, позволяющий раскрыть технологические приемы и операции, которые применялись древними кузнецами при изготовлении каждого конкретного предмета, целесообразность и целенаправленность применяемых операций, а также оценить правильность подбора поделочного материалы и качество самой работы, что в конечном итоге определяет степень профессионализма кузнеца.

На основании полученной информации дана объективная характеристика железообрабатывающего производства в целом. Сопоставление полученных результатов с технологическими характеристиками аналогичных категорий изделий из других синхронных культур позволило определить уровень железообработки в исследованном регионе и наметить истоки знаний в этой производственной области у аборигенного населения.

Для исследования было отобрано 50 наиболее хорошо сохранившихся предметов, представляющих основные категории железных вещей могильника: ножи (21 экз.), наконечники копий (14 экз.), топоры (6 экз.),

кинжалы (4 экз.), наконечники стрел (2 экз.), тесла (1 экз.), височные кольца (2 экз.). Пробы брали с рабочей части изделия.

Прошедшие лабораторное исследование железные изделия относятся к периоду функционирования могильника с конца VIII до VI в. до н. э. включительно (табл. 1). Датировка исследованных предметов не рассматривались в работе, поскольку даты всех комплексов погребений могильника уже опубликованы.

При изучении технологии изготовления все изделия были разделены на три хронологические группы. В первую группу объединены изделия, датируемые VII в. до н. э. Вторую группу составляют предметы, относящиеся к рубежу VII—VI вв. до н. э. В третью группу вошли вещи, имеющие дату не ранее VI в. до н. э. К сожалению, многочисленная группа, датируемая VII—VI вв. до н. э., пока не расчленяется. Наиболее ранняя дата (конец VIII—VII в. до н. э.) представлена только одним предметом.

Первая группа включает шесть предметов. Как показало микроскопическое исследование, основным и единственным способом формовки изделий была горячая ковка на наковальне при помощи кузнечного молота. Материалом при изготовлении двух ножей (ан. 1091, 1136, рис. 1) и наконечника копья (ан. 1110, рис. 1) служила высокоуглеродистая сталь с содержанием углерода 0,8—0,9%, которая, по всей видимости, была получена путем сквозной цементации железных заготовок в специальных сосудах.

Высокоуглеродистая сталь на ноже (ан. 1136) и наконечнике копья содержит структуру сорбита, присутствие которого свидетельствует о применении термической обработки (рис. 2, *1*, *2*). Сорбитная структура выявлена также на ноже (ан. 1091), где она наблюдается наряду с видманштеттом (рис. 2, *3*). Присутствие видманштеттной структуры свидетельствует о перегреве металла во время ковки. Сочетание ее с сорбитом возможно в случае, если сталь перед закалкой была нагрета ниже необходимой температуры и не было достаточно времени для полного перехода структуры из одного состояния в другое. Для нас важна фиксация сорбитной структуры на данном ноже как признак его тепловой обработки, хотя операция была произведена недостаточно квалифицированно.

При отковке наконечника копья (ан. 1099, рис. 1) материалом послужила малоуглеродистая сырцовая сталь с небольшим содержанием углерода (0,1—0,3%). Такая сталь получалась непосредственно в сыродутном горне прямым восстановлением железа из руд. Металл сильно загрязнен неметаллическими включениями, округлая форма которых свидетельствует о недолгой проковке заготовки. Такая сталь без дополнительных кузнечных операций по своим техническим свойствам не обладает практически преимуществом перед техническим железом.

Два копья оказались откованными из кричного железа: при изготовлении наконечника копья (ан. 1094, рис. 1) был использован монолитный железный кусок. Заготовка подвергалась долгой тщательной проковке, в результате которой структура феррита приобрела мелкозернистое строение, а включения шлака вытянулись в виде тонких линий. Клинок другого копья (ан. 1098) был сварен с целью получения нужной толщины из полосового железа, так называемого пакетного металла. Сварка в пакет проходила в кузнечном горне и сопровождалась многократной проковкой сваренных вместе полос металла.

Наиболее распространенным видом термообработки в древнем кузнечном производстве была закалка в резкой закалочной среде — в воде. В результате получалась структура очень твердого и в то же время хрупкого мартенсита. Однако известны случаи использования в зависимости от функционального назначения закалки в мягких закалочных средах (например, в масле, сале, крови, моче и др.) или отпуска. Образовавшаяся при этом структура сорбита обладает достаточной твердостью, но лишена хрупкости. На Кавказе существовал еще в начале XX в. способ закалки путем погружения горячего клинка в речной песок [12, с. 154], который приводил к тем же результатам, что мягкая закалка и отпуск

Таблица 1

Технологическая характеристика железных предметов

№ анализа	№ погребения и квадрата раскопа	№ рисунка в тексте	Дата погребения (вв. до н. э.)	Содержание углерода, %	Микротвердость	Шлаковые включения	Материал			Качество металла, ковки		Термообработка	
							железо	сталь	пакетный металл	низкое	хорошее	мягкая	твердая
Ножи													
1086	226а	3	VI	0,8–0,9	254, 295	Нет		+			+	+	
1089	743	3	VI	0,7–0,8	236	Мало		+			+		
1090	575	3	VI	0,7–0,8	236	Нет		+			+		
1091	93	1	VII	0,7–0,8	254, 274	»		+			+	+	
1092	79	3	VI	0,9	322	»		+			+	+	
1104	272	1	Руб. VII–VI	0,1–0,3	206	»			+	+			
1105	286	7	VII–VI	0,1–0,6	183, 236	Много		+		+			
1117	566	1	Коп. VIII–VII	0,6–0,7	236	Мало		+			+		
1118	Б/11 1968	7	VII–VI	до 0,3	206	»		+			+		
1119	997	7	VII – перв. пол. VI	до 0,3	206	»		+			+		
1121	603	1	Руб. VII–VI		193, 206	Много	+			+			
1122	623	3	VI		181	Мало	+				+		
1123	636	7	VII–VI		128	»	+				+		
1129	737	7	VII–VI	0,1–0,8	193, 236	»		+			+		
1130	659	3	VI	0,5–0,8	221, 350	»		+			+	+	
1131	876	7	Втор. пол. VII – перв. пол. VI	0,6–0,8	236, 254	»		+			+		
1133	737	7	VII–VI	0,2–0,3	193, 206	»		+		+			
1136	875	1	VII	0,6–0,8	254, 295	»		+			+	+	
1139	766	7	VII–VI	0,8–0,9	295	Нет		+			+	+	
1141	891	7	VII–VI	0,2–0,7	206, 295	Мало		+			+		
1142	892	3	VI	0,3–0,4	236	»			+		+		
Наконечники копий													
1084	226б	1	Руб. VII–VI		181, 193	»	+			+			
1094	131	1	Перв. пол. VII		193	»	+				+		
1096	31	3	VI	0,5–0,7	254	Много		+			+		
1098	26	1	VII		135, 151	»			+	+			
1099	67	1	VII	0,1–0,3	206	»		+		+			
1102	74	7	Втор. пол. VII–VI	0,7–0,8	295, 350	Нет		+			+	+	
1103	247	3	VI		135, 143	Мало			+		+		

№ анализа	№ погребения и квадрата раскопа	№ рисунка в тексте	Дата погребения (вв. до н. э.)	Содержание углерода, %	Микротвердость	Шлаковые включения	Материал			Качество металла, ковки		Термообработка	
							железо	сталь	пакетный металл	низкое	хорошее	мягкая	твердая
1107	186	3	VI	0,1–0,8	170, 236	Много		+		+			
1108	850	7	VII–VI	0,2–0,5	206	»			+	+			
1110	36	1	Перв. пол. VII	0,6–0,8	236, 274	Мало		+			+	+	
1114	р. II, 1969	4	Кон. VIII–VI	0,1–0,3	193	»		+		+			
1144	849	7	Втор. пол. VII–VI	0,2–0,6	206, 221	Много			+	+			
1145	ПМ, 1974	3	VI	0,3–0,4	206, 221	»		+			+		
1147	272	1	Руб. VII–VI		181	»	+			+			
Топоры													
1100	183	3	VI	0,1–0,3 0,6–0,7	206, 236	Мало			+	+			
1113	421	3	Перв. пол. VI	0,7–0,8	354, 420	Нет		+			+		+
1115	ГI/31967	4	VI	0,7–0,8	236, 254	Мало		+			+		
1125	543	4	Перв. пол. VI	0,2–0,3	206	Мало, но крупные		+		+			
1137	835	3	VI	0,7–0,8	322	Нет		+			+	+	
1138	808	3	VI		181	Много	+			+			
Кинжалы													
1085	226б	1	Руб. VII–VI	0,8–0,9	254	Мало		+			+	+	
1112	336	3	VI	0,5–0,6	206, 236	Много		+		+			
1116	568	1	Руб. VII–VI	0,5–0,6	236	Нет		+					
1132	ПМ, 1969	3	VI	0,1–0,2	193, 206	Мало		+				+	
Стрелы													
1127	555	7	VII–VI		170	Много	+			+			
1128	Г/17 рII 1969	7	VII–VI		160	»	+			+			
Тесло													
1146	71	3	VI		160	Нет	+				+		
Височные кольца													
1109	262	4	Кон. VIII–VI	0,8–0,9	254, 274	Мало		+			+	+	
1120	Б/15, 1968	4	Кон. VIII–VI	0,9	274	»		+			+	+	

Примечание. ПМ — подъемный материал; руб.— рубеж, кон.— конец, пол.— половина.

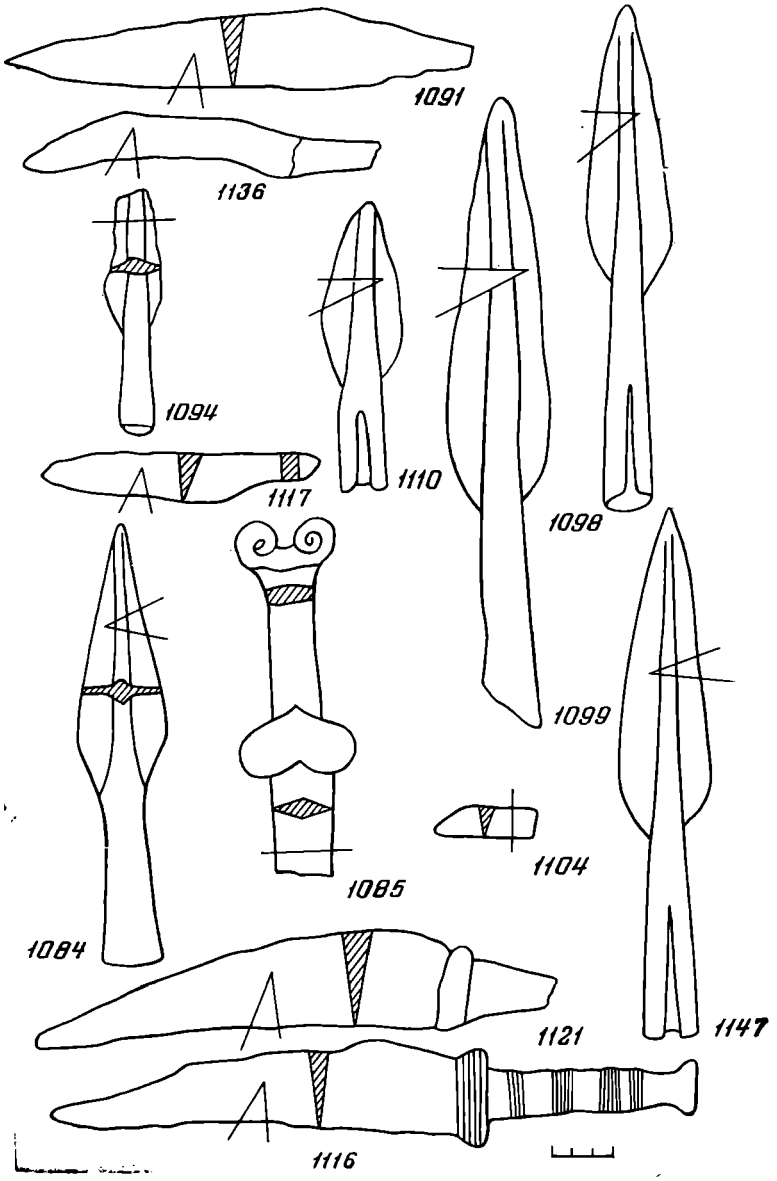


Рис. 1. Железные предметы из комплексов VII в. до н. э. и рубежа VII—VI вв. до н. э. Место среза при изготовлении шлифа обозначено секущей. Номера изделий соответствуют номеру анализа

Как показал анализ структуры ножа из самого раннего комплекса (конец VIII—VII в. до н. э.), отковка его проходила вгорячую. Материалом служила высокоуглеродистая сталь с содержанием углерода 0,9%. Структура стали — перлит. Мелкозернистая, равномерно расположенная структура перлита, отсутствие шлаковых включений и следов нарушения температурного режима свидетельствуют о том, что ковка ножа производилась опытным мастером, обладавшим профессиональными навыками в обращении с металлом.

Таким образом, изделия из Ахмыловского могильника, относящиеся к самому раннему периоду появления железа в Волго-Камье, были изготовлены с применением двух технологических схем: 1) целиком из железа и малоуглеродистой сырцовой стали; 2) целиком из высокоуглеродистой специально полученной стали. Как способ обработки полуфабриката практиковалось пакетование. Зафиксировано, кроме того, применение термической обработки с использованием мягкого охладителя.

Вторая хронологическая группа представлена также шестью предметами. Как показало микроскопическое исследование, нож (ан. 1121,

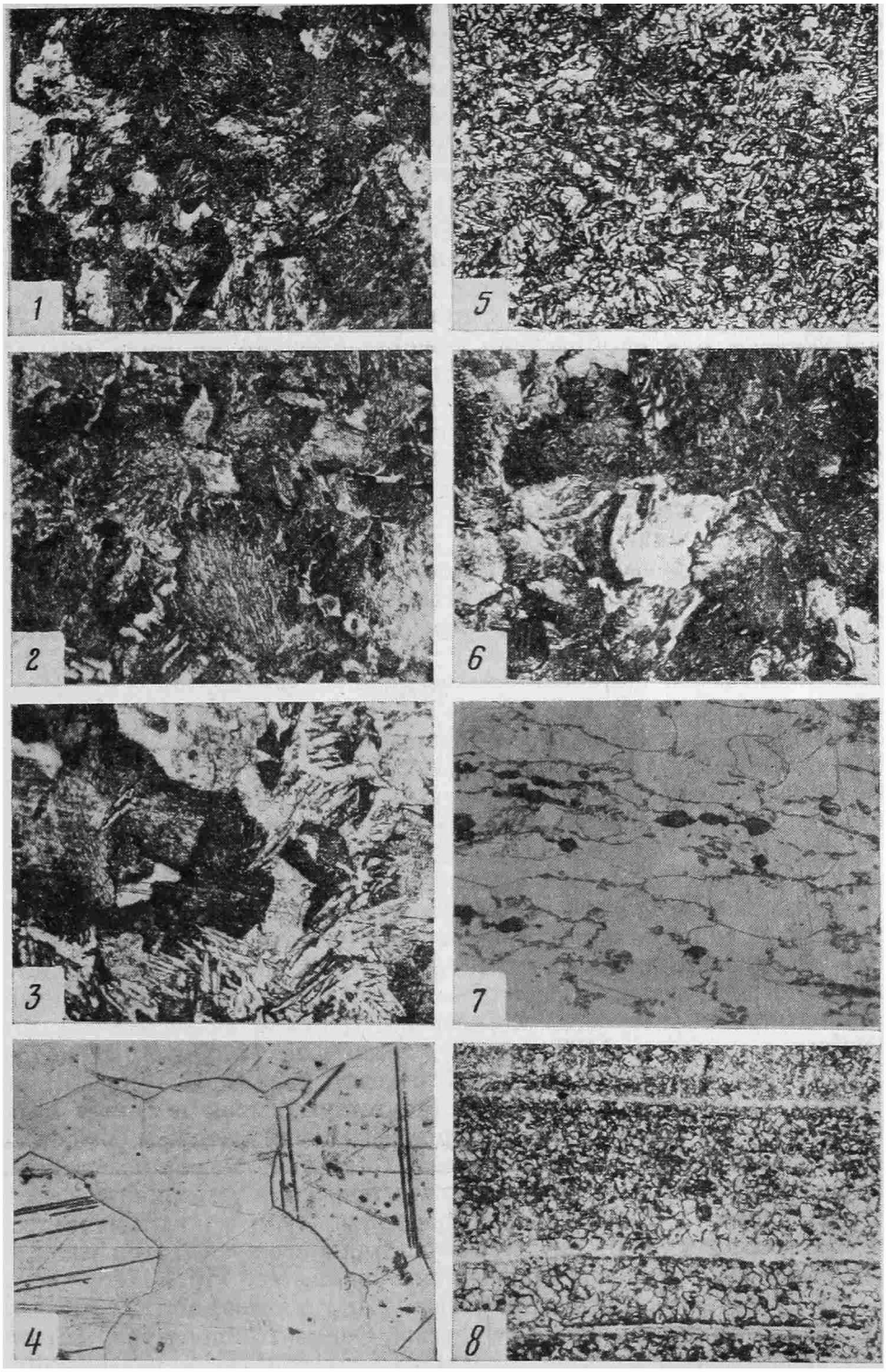


Рис. 2. Микроструктуры. *1* — нож, ан. 1136, увел. 200, сорбитная структура; *2* — копье, ан. 1110, увел. 200, сорбитная структура; *3* — нож, ан. 1091, увел. 200, сорбит с видманштеттом; *4* — нож, ан. 1121, увел. 70, линии скольжения в ферритной структуре; *5* — кинжал, ан. 1116, увел. 70, перлит с ферритом; *6* — кинжал, ан. 1085, увел. 200, сорбитная структура; *7* — нож, ан. 1122, увел. 70, удлиненная структура ферритных зерен; *8* — копье, ан. 1103, увел. 70, пакетование

рис. 1) и наконечники копий (ан. 1084, 1147, рис. 1) откованы из плохо прокованной железной заготовки, о чем свидетельствует округлая форма включений большого количества шлаков. Из заготовки пакетного металла — нескольких полос железа и мягкой сырцовой стали — изготовлен нож (ан. 1104, рис. 1). Качество кузнечной сварки «пакета» невысокое: сварочные швы грубые, забитые шлаками.

Все изделия отличаются невысоким качеством исполнения. Об этом говорит как присутствие большого количества шлаков в металле, так и нарушение температурного режима, связанного с окончанием ковки при температуре ниже допустимой нормами (725°). Окончание ковки ниже нормальных температур привело к образованию наклепа, который в черном металле считается одним из дефектов ковки, поскольку хотя и повышает твердость металла, одновременно ведет к снижению его механических свойств (упругости и вязкости) и ускоряет износ кузнечного инструментария. Структурно наклеп выражался либо в удлиненности по линии ковки структурных составляющих, либо в появлении линий сдвигов в ферритных зернах (рис. 2, *4*). Деформация, судя по степени обжатия, была небольшой, чтобы считать наклеп преднамеренным.

Материалом при изготовлении биметаллического кинжала (ан. 1116, рис. 1) явилась тщательно прокованная и хорошо освобожденная от шлаков сталь с содержанием углерода 0,5—0,6%. Структура углеродистой стали — феррито-перлитная, перлит имеет некоторую игольчатость (рис. 2, *5*). На клинке кинжала с волютообразным навершием (ан. 1085, рис. 1) выявлена структура сорбита (рис. 2, *6*), позволяющая говорить о применении тепловой обработки в мягкой закалочной среде. Качество исполнения обоих кинжалов хорошее.

На изделиях, относящихся к комплексам рубежа VII—VI вв. до н. э., таким образом, установлены технологические приемы изготовления, обнаруженные в предыдущей группе: 1) целиком из кричного железа; 2) целиком из высокоуглеродистой цементованной стали. Как способ обработки заготовки применяется пакетование. Фиксируется применение закалки в мягкой закалочной среде.

Третья группа изделий, происходящая из комплексов VI в. до н. э., состоит из 20 предметов. При анализе структур исследованных предметов было выявлено, что одним из основных материалов служила высокоуглеродистая сталь, содержащая 0,8—0,9% углерода. Она зафиксирована в восьми случаях: на ножах (ан. 1086, 1089, 1090, 1092, 1130, рис. 3), топорах (ан. 1113, 1137, рис. 4), наконечнике копья (ан. 1096, рис. 3). Ковка изделий проводилась опытными кузнецами, обладавшими профессиональными знаниями о свойствах черного металла.

Как показало микроскопическое изучение, в качестве материала попрежнему использовалось простое железо без дополнительных операций по улучшению рабочего качества изделия. Целиком из железа оказались откованными нож (ан. 1122, рис. 3), тесло (ан. 1146, рис. 4) и топор (ан. 1138, рис. 4). Среди них есть изделия как хорошо прокованные (шлаковые включения практически отсутствуют), так и такие, металл которых содержит большой процент шлаков, понижающий и без того невысокие качества технического железа. Окончание ковки ножа произошло ниже критической температуры, что привело к деформации ферритных зерен (рис. 2, *7*). Степень деформации, судя по их вытянутости, была незначительной. Из неравномерно науглероженной (видимо, горновой) стали откованы два наконечника копий (ан. 1107, 1145, рис. 3). Качество кузнечной работы копья (ан. 1107) низкое: металл содержит значительное количество шлаков округлой формы, температура, завышенная во время ковки, привела к выгоранию углерода на поверхности и образованию структуры видманштетта. Качество исполнения второго копья может быть оценено положительно: зерна феррита на всех участках мелкие с четко очерченными гранями; шлаковые включения, хотя довольно многочисленные, вытянуты в виде тонких линий по направлению ковки.

Из полосового (пакетного) металла изготовлены наконечник копья (ан 1103, рис. 2, *8*; рис. 3), нож (ан. 1142, рис. 3) и топор (ан. 1100, рис. 4). На ноже (рис. 5, *1*) и топоре (рис. 5, *2*) можно усмотреть целесообразное расположение слоев металла «в пакет», а именно: на рабочую часть орудий вышла полоса стали с наибольшим содержанием углерода.

Поверхностная цементация как основа технологической схемы про-

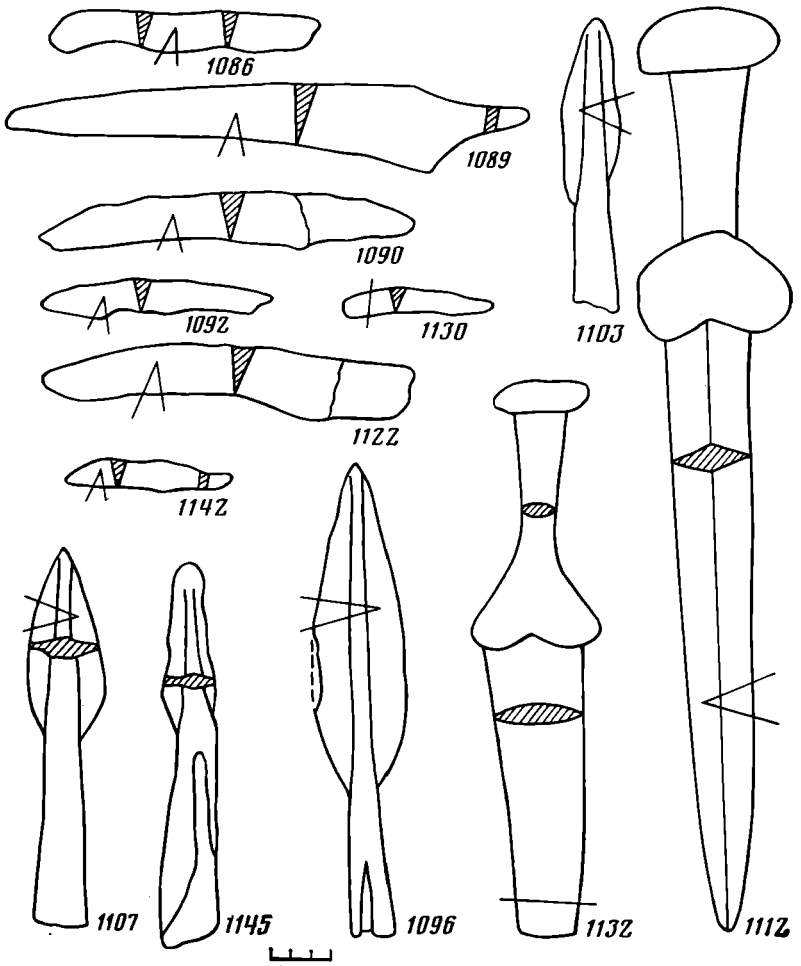


Рис. 3. Железные предметы из комплексов VI в. до н. э.

слежена на топорах (ан. 1115, 1125, рис. 4) и кинжалах (ан. 1112, 1132, рис. 3). Металл имеет все признаки перегрева (крупнозернистость феррита и видманштетт). Видимо, цементация была последней кузнечной операцией готового изделия перед шлифовкой и заточкой (рис. 5, *3*, *4*).

Термическая обработка изделий зафиксирована в пяти случаях. В четырех из них (ан. 1086, 1092, 1130, 1137) наблюдается, как и в прежних хронологических группах, структура сорбита (рис. 5, *5*), и только на топоре (ан. 1113), на самом острие лезвия, обнаружен мартенсит, характерная игольчатая структура которого говорит о применении закалки в резкой закалочной среде — холодной воде. Мартенсит переходит по мере удаления от острия сначала в мартенсито-трооститную структуру, а затем в сорбитную (рис. 6).

В технологии изготовления изделий, датируемых VI в. до н. э., таким образом, установлено применение в основном тех же схем, что на изделиях предыдущих хронологических групп: 1) целиком из железа и неравномерно науглероженной сырцовой стали, 2) целиком из высокоуглеродистой, специально цементованной стали. Определенно можно говорить об осмыслении техники пакетирования. Зафиксирована цементация поверхности готового изделия. Этот прием можно рассматривать как один из начальных этапов получения стального слоя на рабочей поверхности изделий. Довольно распространенной операцией становится термическая обработка. При этом в основном используется мягкий охладитель. Установлен факт применения и твердой закалки.

Группа изделий, датируемая суммарно VII—VI вв. до н. э., объединяет 14 предметов. Как показало микроскопическое исследование, мате-

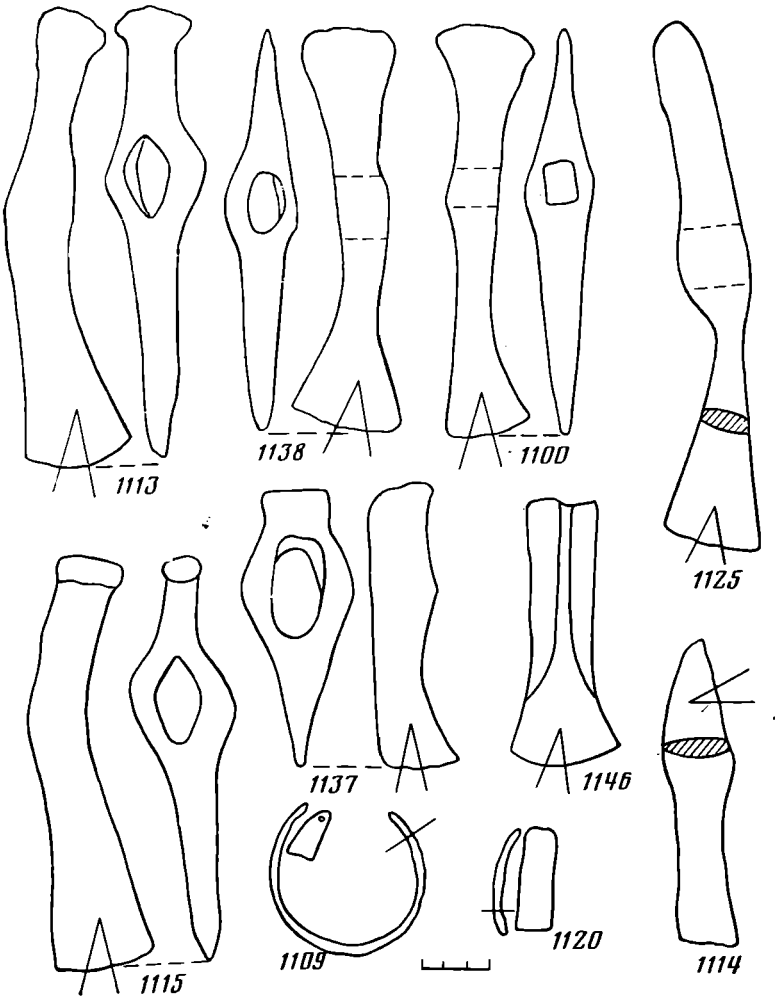


Рис. 4. Железные предметы из комплексов VI в. до н. э.

риалом при изготовлении их служили кричное железо и разные сорта стали. Из железа и малоуглеродистой стали без каких-либо признаков улучшения рабочей части откованы три ножа (ан. 1118, 1119, 1123) и два наконечника стрелы (ан. 1127, 1128, рис. 7). Два ножа изготовлены из горновой стали, т. е. полученной в сыродутном горне случайно, в структуре которой наряду с участками феррита имеются перлитные зоны, содержащие углерод иногда до 0,8% (ан. 1105, 1129, рис. 7). Из пакетного металла — нескольких полос железа и малоуглеродистой стали — откованы нож (ан. 1133, рис. 7) и два наконечника копья (ан. 1108, 1144, рис. 7).

Материалом при изготовлении двух ножей (ан. 1131, 1139, рис. 7) и наконечника копья (ан. 1102, рис. 7) послужила сталь с повышенным содержанием углерода. Однородность строения и равномерное распределение углерода указывает на то, что такая сталь могла быть получена путем сквозной цементации железного полуфабриката. Структуру ножа (ан. 1139) и наконечника копья (рис. 5, *6*) составляет сорбит.

Как показало микроскопическое исследование, нож (ан. 1141) был изготовлен с применением технологии поверхностной цементации. Вдоль обеих сторон лезвия ножа отмечены зоны с наибольшим количеством углерода (0,7%) с постепенным уменьшением его к центру. Структура металла — перлит с ферритом. Перлитные участки имеют характер видманштетта.

Мы указывали выше, что видманштеттная структура появляется вследствие перегрева металла. В данном случае перегрев был связан скорее

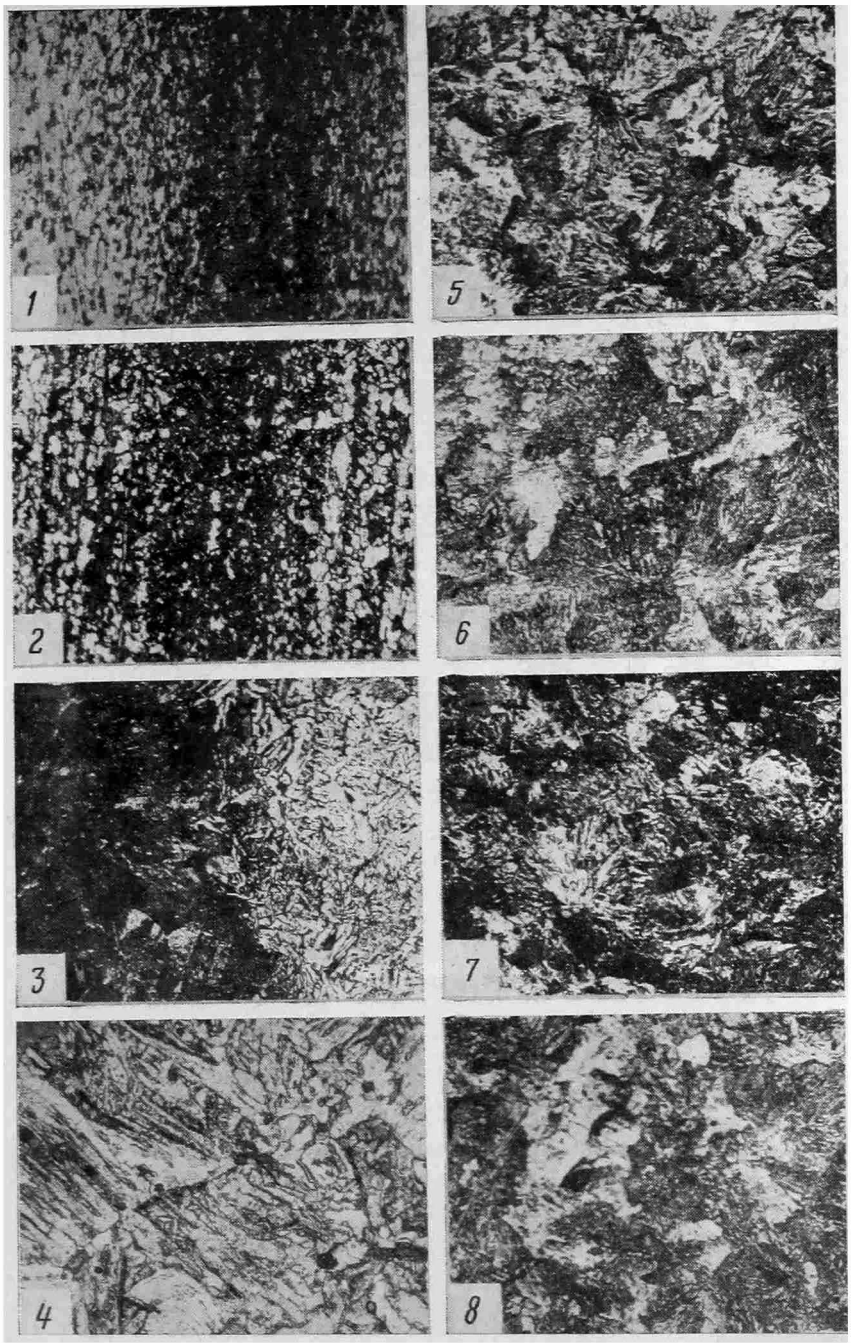


Рис. 5. Микроструктуры. *1* — нож, ан. 1142, увел. 70, феррито-перлитная пакетная структура; *2* — топор, ан. 1100, увел. 115, пакетование; *3* — топор, ан. 1115, увел. 70, цементация; *4* — кинжал, ан. 1112, увел. 200, видманштетт; *5* — нож, ан. 1092, увел. 200, сорбитная структура; *6* — копье, ан. 1102, увел. 200, сорбитная структура; *7* — височное кольцо, ан. 1109, увел. 200, сорбитная структура; *8* — височное кольцо, ан. 1120, увел. 200, сорбитная структура

всего с тем, что цементация, проходящая всегда при высоких температурах, была конечной операцией при изготовлении ножа.

Наконечник копья и два височных кольца, датировка которых определяется общими хронологическими рамками существования могильника, включены нами в технологическое исследование для общей оценки железообрабатывающего производства. Как показало микроскопическое изучение, клинок копья (ан. 1114, рис. 4) был откован из малоуглеродистой сырцовой стали, сильно загрязненной шлаками. Анализ показал разную величину ферритных зерен, от самых мелких (№ 8) до самых крупных

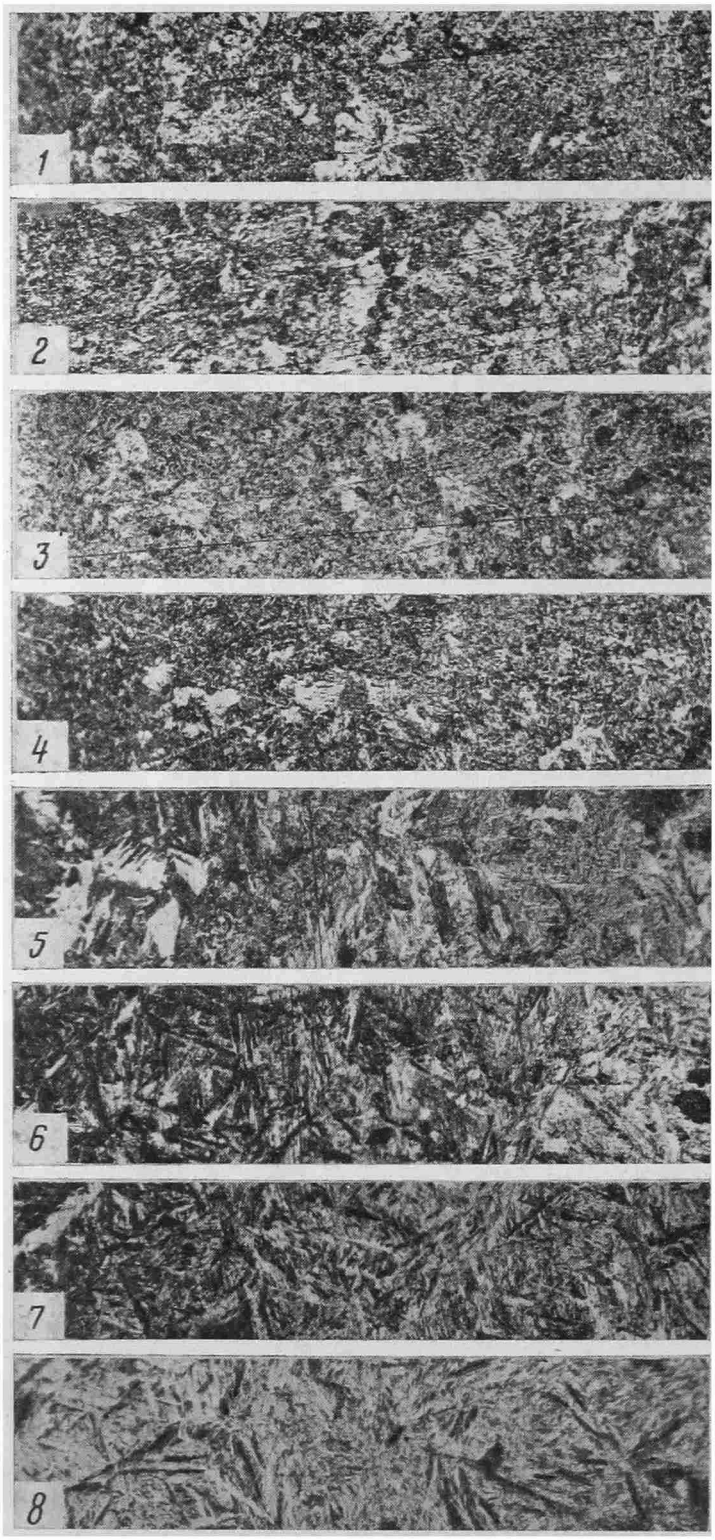


Рис. 6. Микроструктуры топора (ан. 1113), увел. 200. *1* — сорбитная структура. По мере приближения к острию: *2* — сорбитная структура; *3* — сорбитная структура; *4* — сорбит; *5* — сорбит с мартенситом; *6* — мартенсит с троститом; *7* — мартенсит; *8* — мартенсит

(№ 2), что связано с повторным нагревом изделия после того, как оно достаточно уже остыло. Металл, пошедший на изготовление привесок (ан. 1109, 1120, рис. 4), отличался высоким качеством. Он был чистый в отношении неметаллических включений, без следов нарушения температурного режима. Материалом послужила высокоуглеродистая сталь с содержанием углерода 0,8—0,9%. Структура — сорбит (рис. 5, *7*, *8*).

Итак, мы рассмотрели технологию изготовления различных категорий изделий из черного металла из Старшего Ахмыловского могильника. На основании технологического анализа, проведенного в сочетании с морфологическим методом археологического исследования, выявлено, что первые железные предметы, относящиеся к концу VIII и VII в. до н. э., обнаруживают достаточно развитые для этого времени приемы железообработки. Все формовочные операции проводились с металлом, находящимся в горячем состоянии. Известны уже не только основные операции свободной (горячей) ковки (рубка, вытяжка, изгиб, пробивка отверстий, сварка, плющение, шлифовка, полировка), требующие наличия специализированного кузнечного инструментария, но и освоена техника получения высокоуглеродистой стали, которая предполагает наличие специального оборудования и инструмента. Процесс получения стали осуществлялся двумя способами: путем сквозной цементации заготовок и путем локальной цементации готового изделия. Причем, судя по нашим исследованиям, наиболее хорошо было освоено производство высокоуглеродистой качественной стали благодаря сквозной цементации железного полуфабриката. Осмыслена, кроме того, характернейшая особенность углеродистой стали — способность воспринимать тепловую обработку.

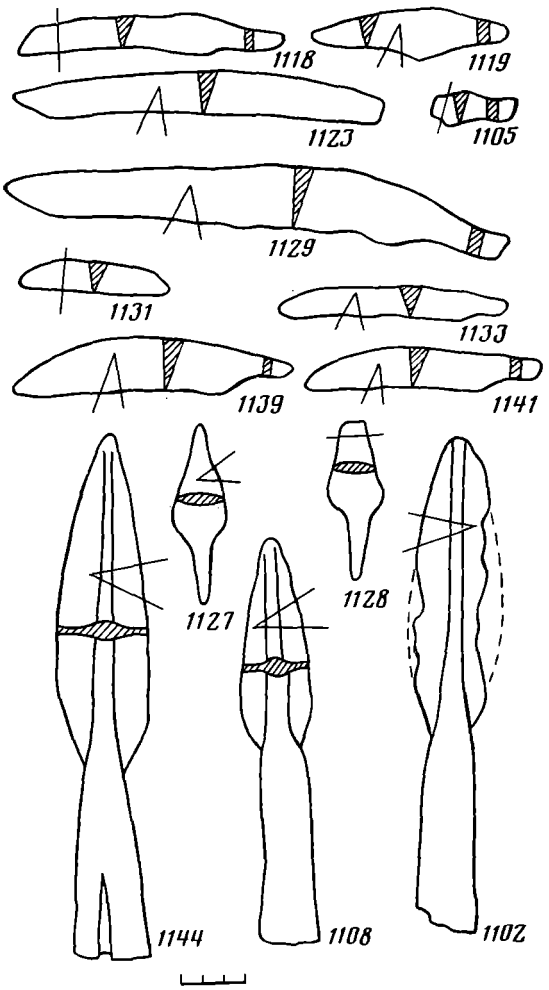


Рис. 7. Железные предметы из комплексов VII—VI вв. до н. э.

Среди многообразия используемых кузнечных операций к числу сложных относится кузнечная сварка, требующая от мастера быстроты, ловкости, точного определения «на глаз» готовности поковок к сварке, умения применять флюсы для очистки свариваемых поверхностей от окалины. Фиксируемая нами кузнечная сварка используется только для получения заготовки определенного объема, при изготовлении изделий крупных размеров (пакетование). Активного применения сварки как основы технологической схемы с целью снабдить железное орудие стальным лезвием не обнаружено. Хронологическое распределение технологических операций приведено в табл. 2.

В целом весь процесс кузнечных приемов осуществлялся, как правило, умело, при правильно выбранном температурном режиме. Все это свидетельствует о хорошем знании свойств черного металла, длительном опыте работы с ним и о прочных навыках в кузнечном деле, доступных только мастеру-профессионалу.

В последующее столетие в технике железообработки кардинальных изменений не происходит. При изготовлении изделий используются приемы, отработанные в предшествующие периоды. Изделия одного типа, как и ранее, изготавливаются по различным технологическим схемам. Вместе с тем можно говорить уже об осмыслении способа пакетирования. В это же время впервые фиксируется наиболее эффективный прием тер-

Таблица 2

Хронология распределения различных приемов обработки

Приемы обработки		Конец VIII в. до н. э.	VII в. до н. э.	VI в. до н. э.
Технология	Целиком из железа	1117	1094, 1123, 1127, 1128, 1084	1121, 1147, 1122, 1138, 1146
	Из сырцовой стали		1099, 1119, 1105, 1118, 1129	1107, 1145
	Локальная цементация готового изделия		1141	1125, 1112, 1115, 1132
	Из цементованной стали		1091, 1136, 1110, 1139, 1085	1116
Способы обработки полуфабриката	Пакетование		1131, 1102, 1108, 1133, 1098, 1144, 1104	1113, 1086, 1089, 1090, 1092, 1096, 1130, 1137, 1100, 1103, 1142
Термообработка	Мягкая закалка		1091, 1136, 1139, 1110, 1102, 1085	1086, 1092, 1130, 1137
	Твердая закалка			1113

Примечание. Цифры соответствуют № анализа.

мообработки — твердая закалка, дающая рабочей части изделия максимальную твердость, а следовательно, остроту.

Таким образом, уже первые железные изделия, появляющиеся в среде ананьинских племен, демонстрируют прочные навыки мастеров в искусстве обработки черных металлов, что, несомненно, связано с влиянием высокоразвитых центров железообработки. Подобные центры в изучаемую эпоху были сосредоточены на территории Скифии и Кавказа. Для них характерно использование различных сортов стали, в том числе и высокоуглеродистой, разнообразных приемов цементации, кузнечной сварки. Однако такой важнейший прием, как термическая обработка в скифском кузнечном производстве не зафиксирован [1—3], в то время как у кавказских племен он используется достаточно широко [5—13]. Есть мнение, что уже в комплексах XI—IX вв. до н. э. здесь были известны цементация и закалка [14, 15].

В качестве возможного источника технологических знаний в области обработки черных металлов у ананьинских племен, по-видимому, следует рассматривать именно кавказские центры, в частности расположенные в зоне расселения кобанских племен. Культурные контакты двух регионов в VIII—VI вв. до н. э. хорошо прослеживаются по археологическим данным [6, 16, 17], показательно и типологическое сходство различных категорий железных изделий: ножей, наконечников копий и стрел топоров, кинжалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4.
2. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа.— СА, 1969, № 3.

3. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе.— СА, 1977, № 1.
4. *Вознесенская Г. А., Техов Б. В.* Технология производства кузнечных изделий Тлийского могильника (IX—VI вв. до н. э.) — СА, 1973, № 3.
5. *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
6. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
7. *Патрушев В. С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1971.
8. *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Ахмыловский археологический комплекс.— АО — 1966. М., 1967.
9. *Халиков А. Х.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— В кн.: Древности Восточной Европы.— МИА, 1969, № 169.
10. *Щукин М. Б.* Об «узких» и «широких» датировках.— Проблемы археологии, 1978, вып. II.
11. *Патрушев В. С.* Марийский край в VIII—VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1981.
12. *Артилаква В. Е.* Железообрабатывающее ремесло древней Грузии.— Тбилиси: Мецниереба, 1976.
13. *Терехова Н. Н.* Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период.— СА, 1983, № 3.
14. *Тавадзе Ф. Н.* Изучение технологии производства железа в древней Грузии.— В кн.: Тезисы докладов на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук. М., 1963.
15. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. Тбилиси: ИИАЭ ГССР, 1962.
16. *Кузьминых С. В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.). Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
17. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.

V. S. Patrushev, L. S. Rozanova

IRON TECHNOLOGY OR THE ELDER AKHMYLOVO BURIAL GROUND

(Late 8th-6th century B. C.)

Summary

The article deals with the technology employed to manufacture iron artifacts found in the Elder Akhmylovo burial ground which is the largest Ananino necropolis of the late 8th-6th centuries B. C. It makes part of the western Volga variant of the Ananino cultural and historical community. The author based their study on the microscopic method of metallographic analysis. They selected 50 best preserved artifacts of all main categories of iron objects from the burial ground: knives, arrow- and spearheads, axes, daggers, an adze and hair rings. They have established that the earliest iron objects dated to the late 8th and the 7th century B. C. bear traces of advanced for their time metalworking techniques. At that time people used not only key operations of hot forging but also knew how to obtain high-carbon steel. Archaeological materials bear witness to thermal treatment and forge welding (faggoting). The succeeding century brought no cardinar changes in forging and introduced a most effective method of thermal treatment, that of hardening. Advanced centres of ironworking in the Caucasus were the most probable source of technological knowledge.

В. И. ВИХЛЯЕВ

КЕРАМИКА НОВОПШЕНЕВСКОГО ГОРОДИЩА В МОРДОВИИ

Городецкая культура наряду с другими культурами с «текстильной» керамикой является в настоящее время древнейшим археологическим комплексом, который все исследователи относят к финно-угорскому этносу. Дальнейшее изучение развития финно-угорской общности в глубь времен затруднено недостаточной разработанностью вопроса о происхождении культур с «текстильной» керамикой, в том числе и городецкой культуры. Поэтому большое значение приобретают памятники, относящиеся к раннему периоду культур с «текстильной» керамикой, особенно стратифицированные. К таким памятникам в Мордовии относится городище у с. Новопшенево Ковылкинского района, расположенное на правом берегу р. Исса правом притоке р. Мокша. Это поселение впервые было обследовано А. Е. Алиховой [1, с. 98, табл. 36].

В 1981 г. археологическая экспедиция Мордовского государственного университета произвела на городище стационарные раскопки. Были заложены раскоп (108 м²) и траншея (40 м²), прорезавшая вал и углубление перед валом. В результате раскопок выяснилось, что памятник вначале функционировал как неукрепленное поселение, возможно, для обороны поселения служило естественное возвышение перед его площадкой. Впоследствии на нем было возведено укрепление в виде земляного вала (сохранившаяся высота до 1, ширина до 11 м). В насыпи частично использовалась земля из древнего культурного слоя. Имел ли вал дополнительные деревянные конструкции, раскопками выяснить не удалось. Можно лишь отметить, что при его сооружении применялся широко распространенный в городецкое время прием обжига поверхности, о чем свидетельствуют прокаленные линзы глины и грунта в верхней части. Углубление перед валом, принимавшееся за следы рва, скорее всего представляет котлован, из которого брали грунт для насыпи (ширина котлована более 6,5 м, глубина от современной поверхности перед валом на протяжении 1,5—2 м около 1 м, в остальной части незначительная). С напольной стороны стенки углубления пологие, чего не должно быть, если оно служило бы в качества рва.

На городище выявлены четко разделяющихся два слоя: 1 (верхний) — коричневая супесь с включениями мелких камней мощностью от 0,08 до 0,31 м; 2 (нижний) — темный комковатый суглинок мощностью от 0,05 до 0,48 м. На площадке городища этот слой содержит следы сильного пожара.

Ко времени отложения второго слоя относятся и находки, сделанные в насыпи вала. Они отражают начало функционирования поселения, более древних слоев на памятнике не обнаружено[1].

Следовательно, стратиграфически на городище выявляются два основных периода его функционирования. К I периоду относится существование поселения без искусственных земляных укреплений, без сооружения вала. Заканчивается он, по-видимому, пожаром, причины которого пока не ясны. К этому периоду относятся находки из слоя 2, а также из ям, связанных со слоем. В I периоде следует выделить раннюю стадию Ia,

[1] Упоминаемый А. Е. Алиховой слой плотной серой глины с находками только гладкостенной керамики, обнаруженный в результате шурфовки памятника, в раскопках 1981 г. не выявлен, несмотря на значительные размеры изученной площади. Там, где была обнаружена серая плотная глина, находок не было.

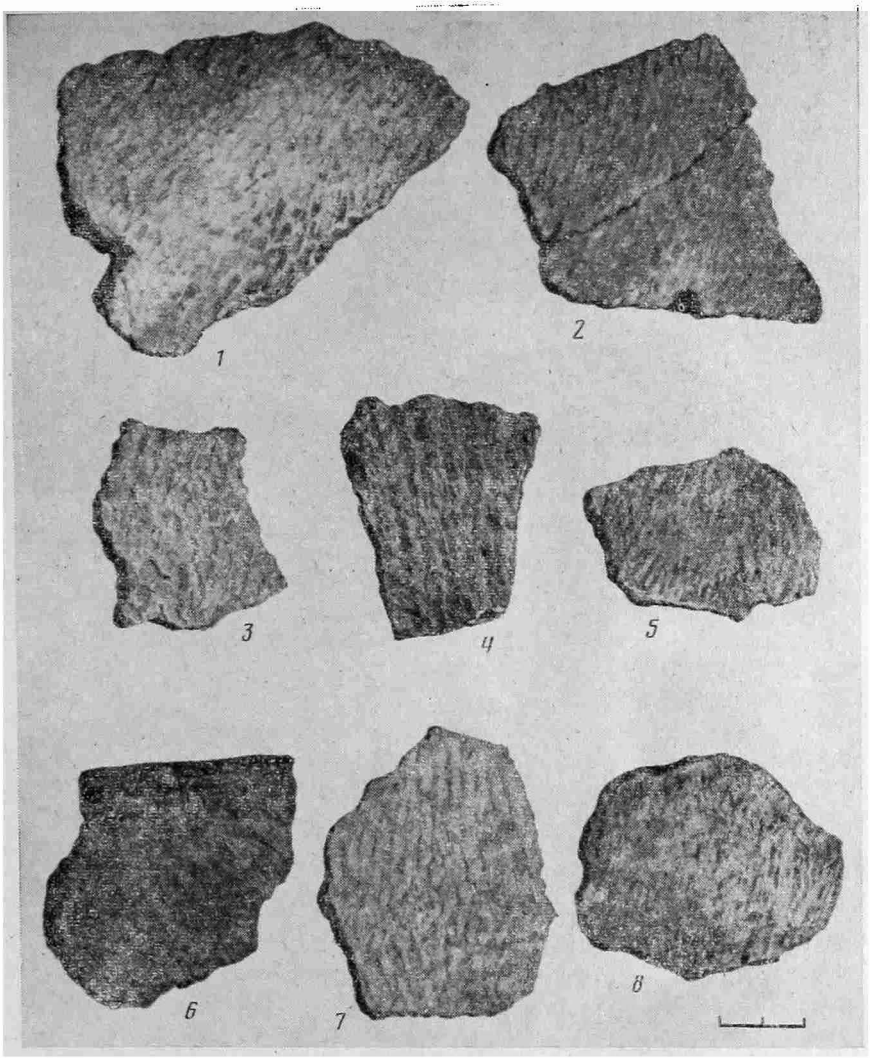


Рис. 1. Образцы поверхности сосудов с «текстильными» отпечатками Новопшеневского городища. *1, 2, 4, 6, 8* — I период; *3, 7* — стадия Ia первого периода; *5* — II период

относящуюся ко времени существования поселения до сооружения вала. Она представлена находками из насыпи вала.

После пожара жизнь на городище, судя по находкам, вновь возобновилась, однако ненадолго (находки из верхнего слоя составляют 35% от общего количества вещей, найденных на городище, и включают также средневековые предметы). II период охватывает время завершения функционирования городища как поселения в эпоху раннего железа. Он представлен находками из слоя 1. Следует отметить, что в этом слое в поздних ямах найдено небольшое количество фрагментов гончарных и лепных сосудов (около 6% от общего количества определимой керамики), а также несколько железных поделок, относящихся к раннему средневековью. Возможно, в это время городище использовалось в качестве убежища или культового центра. Находки этого времени в статье не рассматриваются.

В культурном слое городища найдены фрагменты керамики городецкой культуры (1192 фрагмента), кости животных, каменные изделия (нож, круглые камни, возможно для пращи, и отходы производства кремневых орудий).

Все сосуды городецкого времени изготовлены лепным способом. Они имеют костровой обжиг. Цвет их снаружи серый, черный, бурый, иногда коричневый. Черепок крепкий, хотя попадаются и слабообоженные

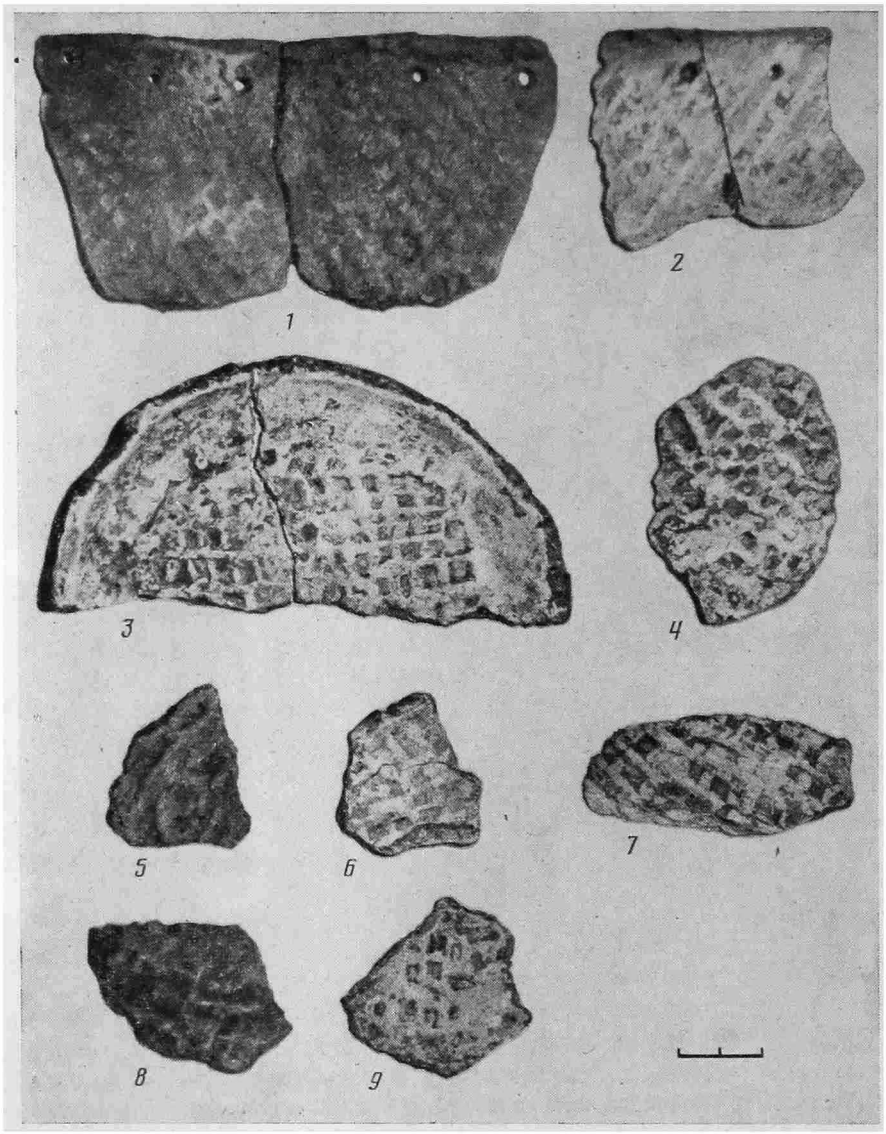


Рис. 2. Образцы поверхности сосудов с псевдорогожной керамикой Новошпеневского городища. *1* — стадия Iа первого периода; *2*, *4*, *5*, *7* — I период; *3* — яма 8; *6*, *8*, *9* — II период

экземпляры. Стенки сосудов, как правило, тонкие (0,4—0,6 см, изредка менее 0,4 см и более 0,6 см).

По характеру обработки внешней поверхности сосуды можно разделить на три группы.

I — с «текстильными» (сетчатыми) отпечатками (59,3% от общего количества определимой городецкой керамики). Отпечатки в большинстве случаев «ниточные», но имеются и «рябчатые» (рис. 1) [2, с. 157—164].

II — с псевдорогожной поверхностью (19,6%) (рис. 2). Следует отметить отсутствие следов применения для уплотнения поверхности мелкозубчатого штампа с площадью до 10 мм². Вместе с тем значительная часть сосудов имеет поверхность, обработанную крупнозубчатым штампом, с площадью более 20 мм², что, по данным В. Г. Миронова, свидетельствует о раннем возрасте [3, с. 87].

III — с гладкой поверхностью (21,1%). Наружная сторона сосудов бывает шероховатая или хорошо заглаженная.

По соотношению групп керамики (преобладание «текстильной» при заметной доле псевдорогожной) Новошпеневское городище сближается с восточной группой среднеокских городецких памятников, выделенных

В. Г. Мироновым. В то же время большинство городищ бассейна Мокши дают в основном гладкостенную керамику [4, с. 9, 10].

На Новопшеневском городище не найдено целых сосудов. Полной реконструкции, да и то приблизительной, поддаются лишь два. Поэтому типологию посуды мы проводим отдельно для верхних частей сосудов (там, где сохранился венчик и значительная часть тулова, позволяющая

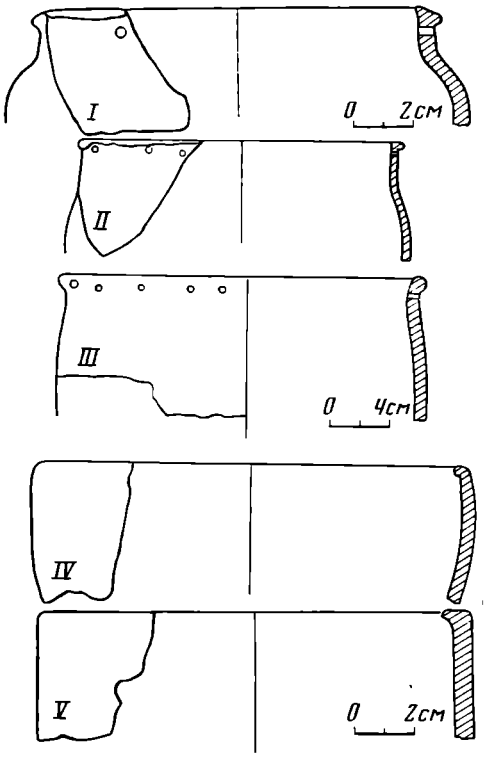


Рис. 3

Рис. 3. Типы сосудов Новопшеневского городища

Рис. 4. Типы днищ сосудов Новопшеневского городища

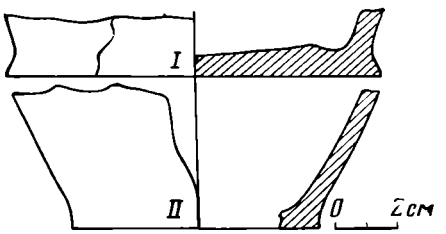


Рис. 4

судить о форме в целом) и для днищ. В основу выделения типов обеих частей сосудов положена форма (рис. 2, 3).

Тип 1 (6 экз.) [2]. Горшки с хорошо профилированным туловом (рис. 3, I).

Тип 2 (31 экз.). Горшки со слабопрофилированным туловом. По форме приближаются к профилированным банкам (рис. 3, II).

Тип 3 (3 экз.). Банки со слабопрофилированным равномерно выпуклым туловом. Стенки в верхней части сосудов отогнуты внутрь. Близки по форме к типу 2 (рис. 3, III).

Тип 4. (9 экз.). Банки чашевидные. Верхний край сосудов прямой (рис. 3, IV).

Тип 5 (2 экз.). Непрофилированные или бокаловидные банки (рис. 3, V).

Все днища сосудов плоские. Они делятся на следующие типы.

Тип 1 (8 экз.), с закраинами (рис. 4, I).

Тип 2 (13 экз.), без закраин (рис. 4, II).

Все формы сосудов, найденные на Новопшеневском городище, широко распространены на памятниках городецкой культуры [4, с. 17].

Четкая стратификация памятника позволяет характеризовать его материал по периодам.

I. ПЕРИОД

I группа сосудов. В этой группе по верхней части выделяются 18 сосудов. Они представлены всеми типами, известными на городище.

Тип 1 (2 экз.), венчики прямые, края их Т-образные, скошенные на

[2] Количество сосудов подсчитано по верхним частям.

внешнюю сторону. Под венчиком обязателен ряд сквозных отверстий (рис. 5, 7).

Тип 2 (9 экз.), у большинства венчики прямые, но имеются слабоотогнутые (до 15°) и среднеотогнутые (от 15 до 30°) на внешнюю сторону. Край венчиков плоский, в одном случае Т-образный, скошенный на внешнюю сторону. Под венчиком обязателен ряд сквозных отверстий (рис. 5, *3*).

Тип 3 (2 экз.). Края венчиков плоские с наплывом на внешнюю сторону. У одного сосуда по срезу венчика нанесены «текстильные» отпечатки. Сквозные проколы отсутствуют (рис. 5, *1, 5*).

Тип 4 (4 экз.), края венчиков разнообразные: Т-образный, округлый с выделенным невысоким венчиком, слабоотогнутым на внешнюю сторо-

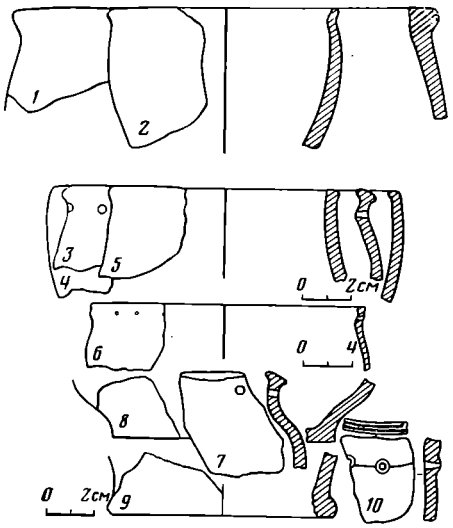


Рис. 5

Рис. 5. Формы сосудов с «текстильными» отпечатками I периода
Рис. 6. Формы псевдоротогожной керамики I периода

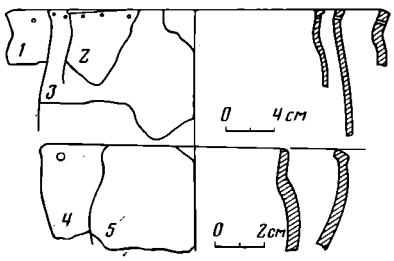


Рис. 6

ну, Г-образный с наплывом внутрь, плоский с утолщением в виде «воротничка» (рис. 5, *3, 4, 10*). В последнем случае сосуд на границе «воротничка» и тулова украшен горизонтальным рядом «жемчужин». По срезу венчика нанесены две полосы оттисков веревочки. Форма венчика и орнаментация этого сосуда напоминают сосуды периода поздней бронзы поздняковской культуры [5, рис. 1, 11, 12]. И хотя на нем в отличие от поздняковских имеются «текстильные» оттиски, он может служить ранним датирующим признаком для керамики первого периода Новопшеневского городища. Это подтверждает и наличие таких же сосудов в раннем городецко-дьяковском памятнике X—VIII—VII вв.— Тюковом городке в Среднем Поочье [2, рис. 8, 10, 12].

Тип 5 (1 экз.). Край венчика Г-образный с наплывом внутрь.

На одной боковинке сосуда неопределенного типа с «текстильными» отпечатками имелся орнамент в виде строенных круглых неглубоких ямок.

Три четверти сосудов характеризуемой группы имели в тесте примесь дресвы. Найдены также сосуды с примесью крупнозернистого песка (3 экз.) и мелкого песка (1 экз.). Среди фрагментов неопределимых по типу сосудов встречен один с примесью шамота и дресвы вместе.

Днища сосудов также представлены всеми известными типами.

Тип 1 — сосуды со слабо- (до 15°) и среднеотогнутыми (от 15 до 30°) на внешнюю сторону стенками тулова, прилегающими ко дну (3 экз., рис. 5, *9*).

Тип 2 — сосуды с сильноотогнутыми (более 30°) на внешнюю сторону стенками тулова (1 экз., рис. 5, *8*).

Лишь в одном случае дно уверенно связывается с верхней частью сосуда. Это банка типа 4 с дном типа 1.

Итак, в первом периоде функционирования городища для посуды с

«текстильными» отпечатками наиболее характерны слабопрофилированные горшки с прямым горлом и плоским краем венчика со сквозными проколами, сочетающиеся с чашевидными баночными сосудами, которые имеют неустойчивую форму края венчика. Днище сосудов с закраинами. В тесте примесь дресвы.

II группа сосудов (6 экз.).

Тип 1 (1 экз.). Венчик прямой, край его округлый (рис. 6, *5*).

Тип 2 (2 экз.). Венчик прямой или среднеотогнутый, края плоские, под венчиком обязателен ряд сквозных проколов (рис. 6, *1, 2*).

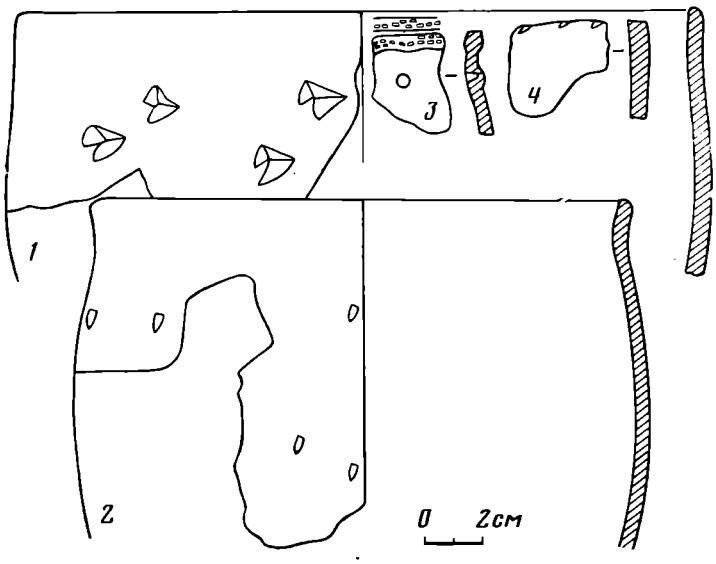


Рис. 7. Формы гладкостенной керамики I периода

Тип 3 (1 экз.). Край венчика уплощенно-округлый и слегка отогнутый, по его срезу нанесены псевдорогожные отпечатки, под венчиком ряд сквозных отверстий (рис. 6, *3*).

Тип 4 (1 экз.). Край венчика плоский, скошенный на внешнюю сторону с небольшим наплывом внутрь сосуда, под венчиком ряд сквозных отверстий (рис. 6, *4*).

Тип 5 (1 экз.). Край венчика Т-образный.

Две трети сосудов характеризуемой группы имеют в тесте примесь дресвы. Два сосуда содержали в тесте крупнозернистый или мелкозернистый песок.

Днища сосудов II группы представлены обоими известными типами (рис. 4).

Тип 1 (1 экз.). Сосуд со среднеотогнутыми стенками.

Тип 2 (1 экз.). Сосуд с сильноотогнутыми стенками.

Формы верхних частей и днищ псевдорогожных сосудов первого периода разнообразны. Как и для «текстильной» керамики, характерна примесь в тесте дресвы.

III группа сосудов. В отличие от предыдущих сосуды данной группы представлены только двумя типами. Всего выделено 12 сосудов.

Тип 2 (8 экз.). Преобладают с прямым венчиком. Имеются венчики слабо- и среднеотогнутые. Края их округлые и плоские, иногда скошенные на внешнюю сторону. Три сосуда украшены под венчиком или по тулову орнаментом в виде одного или двух разреженных рядов фигурных ямок, выполненных концом палочки, поставленной под углом к поверхности (тычковый орнамент). Один сосуд имел под венчиком ряд глубоких небольших конических ямок (рис. 7, *2, 4*). Интересен горшок с усложненным венчиком, который утолщен как внутрь (слабее), так и наружу (сильнее). С внешней стороны это утолщение образует своеобразный «воротничок». По форме данный сосуд весьма близок к «текстильному» горшку с поздняковскими чертами, охарактеризованному нами выше.

На нем также имеется горизонтальный ряд «жемчужин», только они расположены по верхнему краю тулова. Срез венчика и «воротничок» украшены оттисками зубчатого штампа (рис. 7, *3*). Этот сосуд своей формой и орнаментацией также напоминает поздняковскую керамику [6, рис. 5] и может служить ранним датирующим признаком для Новопшеневского городища.

Тип 4 (4 экз.). Края венчиков плоские или округлые. У одного экземпляра под венчиком имелся сквозной прокол. У другого по внешнему обрезу венчика нанесены насечки. Тычковый орнамент обнаружен у одного экземпляра (рис. 7, *1*).

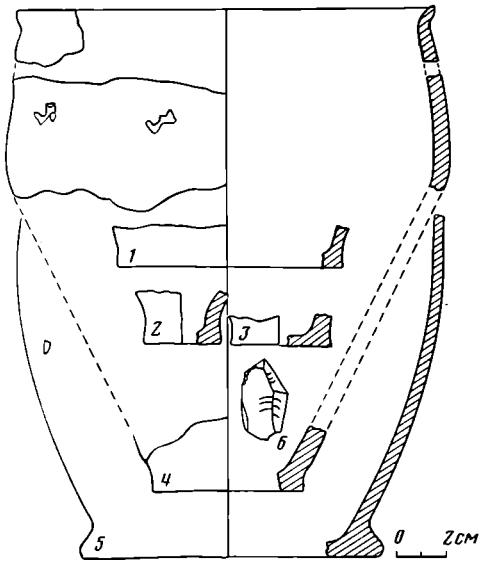


Рис. 8. Формы гладкостенной керамики I периода и кремневый нож

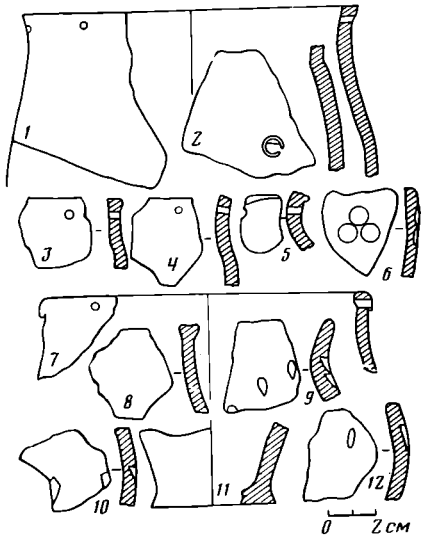


Рис. 9. Формы сосудов II периода. *1—6* — «текстильная» керамика, *8* — псевдоpогожная; *7*, *9—12* — гладкостенная

Среди неопределенных по типу сосудов встречен фрагмент боковинки, украшенный циркульным орнаментом, который выполнен полой трубочкой.

Половина сосудов третьей группы имеет в тесте примесь только мелкозернистого песка, треть — крупнозернистого песка и лишь два сосуда — дресвы. Керамика с примесью дресвы не имеет тычкового орнамента.

Днища. Тип 1 (2 экз.). Сосуд со среднеотогнутыми стенками (рис. 8, *5*).

Тип 2 (7 экз.). Преобладают сосуды со среднеотогнутыми стенками. В этой группе керамики зафиксированы днища диаметром 3—4 см от миниатюрных сосудов (рис. 8, *1—4*).

Лишь в одном случае тип 2 днища уверенно связывается с типом 2 сосуда (рис. *8, 4*).

Для посуды I периода можно отметить неоднородность всех признаков для «текстильной» и псевдорогожной керамики. В то же время гладкостенная посуда имеет ряд существенных особенностей. Они прослеживаются в форме сосудов: отсутствие профилированных горшков и банок, преобладание днищ без закраин; в технологии изготовления: преобладание примеси в тесте мелкозернистого песка над дресвой; в исполнении орнаментации: тычковый орнамент, который на «текстильной» и псевдорогожной керамике на городище не встречается. Все это дает основания поставить вопрос о различном происхождении «текстильной» и псевдорогожной керамики, с одной стороны, и основных типов гладкостенной (особенно с тычковым орнаментом) — с другой.

Кроме керамики в слоях I периода обнаружены кремневый нож на отщепе с явными чертами деградации каменной индустрии (рис. 8, *6*), кремневые отщепы, а также два округлых камня, возможно для пращи.

Среди находок I периода можно выделить вещи ранней стадии Ia — времени основания поселения. Этот материал невелик ввиду небольшой площади вскрытия насыпи вала.

I группа сосудов. К ней относятся только два сосуда.

Тип 4 (1 экз.). Край венчика Г-образный, с наплывом внутрь сосуда (рис. 5, *4*).

Тип 5 (1 экз.). Венчик такой же, как и у типа 4 (рис. 3).

Среди неопределенных по типу сосудов встречен фрагмент со сквозными отверстиями. Все сосуды имеют в тесте примесь дресвы. Определимых типов днищ не обнаружено.

II группа сосудов. Тип 3 (1 сосуд). Край венчика округло-уплощенный и слегка отвернут на внешнюю сторону. Срез его имеет псевдорогожные отпечатки. Под краем венчика неровный ряд сквозных отверстий (рис. 6, *3*). Сосуд содержал в тесте дресву. Днищ этой группы керамики не найдено.

III группа сосудов. Она наиболее многочислена.

Тип 2 (6 экз.). Половина сосудов имеют прямой венчик, остальные — слабо- или среднеотогнутый. Края венчиков округлые или плоские. 50% сосудов украшены тычковым орнаментом (рис. 7, *2*; 8, *4*).

Тип 4 (1 экз.). Край венчика округлый. По тулову нанесен тычковый орнамент (рис. 7, *1*).

В тесте сосудов примеси мелкого или крупнозернистого песка.

Днища. Тип 1 (1 экз.). Сосуд со среднеотогнутыми стенками. Тулово украшено тычковым орнаментом (рис. 8, *5*).

Тип 2 (1 экз.). Сосуд со среднеотогнутыми стенками. По сохранившейся верхней части он относится к слабопрофилированным горшкам (тип 2).

Несмотря на небольшой материал, полученный для стадии Ia, следует отметить, что здесь встречены «текстильные» и псевдорогожные сосуды только баночной формы. Такие сосуды, как отмечает В. Г. Миронов, являются древнейшими для городецких памятников [4, с. 18].

II ПЕРИОД

I группа сосудов. Тип 1 (1 экз.). Сосуд со среднеотогнутым венчиком. Край его плоский, с наплывом на внешнюю сторону. Под ним имеется сквозное отверстие (рис. 9, *5*).

Тип 2 (4 экз.). Сосуды с прямым, слабо- или среднеотогнутым венчиком. Край его всегда плоский, иногда скошенный на внешнюю сторону. Под венчиком обязателен ряд сквозных отверстий (рис. 9, *1, 3, 4*).

Других форм посуды I группы не обнаружено. Среди неопределенных по типу фрагментов сосудов имеются боковинки, украшенные поверх «текстильных» отпечатков циркульным орнаментом и строенными неглубокими ямками (рис. 9, *2, 6*).

Все сосуды с примесью дресвы в тесте. Только один сосуд имел мелкозернистый песок.

Определимых по типу днищ не обнаружено. Следует отметить наличие фрагментов плоских днищ с нанесенными на них с внутренней стороны «текстильными» отпечатками.

II группа сосудов. Тип 2 (1 экз.). Сосуд с прямым венчиком. Край его Т-образный (рис. 9, *8*). В тесте примесь дресвы.

Определимых днищ сосудов группы II не обнаружено.

III группа сосудов. Тип 1 (1 экз.). Сосуд со среднеотогнутым венчиком с округлым краем. Тулово украшено каплеобразными тычками, расположенными диагональными рядами (рис. 9, *9*).

Тип 2 (1 экз.). Сосуд с прямым венчиком, край которого утолщен, приближаясь к Т-образной форме. Под венчиком имеется сквозное отверстие (рис. 9, *7*).

Других форм посуды III группы не обнаружено. Среди неопределенных по типу сосудов имеются боковинки, украшенные ромбическими и овальными тычками (рис. 9, *10, 12*).

Один сосуд имел в тесте дресву, другой содержал крупнозернистый песок.

Обнаружено одно определимое днище типа I со среднеотогнутыми стенками (рис. 9, *11*).

Анализируя керамику II периода, следует отметить отсутствие баночных форм. Это позволяет наметить общую тенденцию развития посуды Новошпеневского городища, которая заключается в возрастании доли горшковидных сосудов. На ранней стадии Iа весьма значительная часть, особенно среди «текстильной» и псевдорогожной, керамики представлена банками. В целом же по I периоду доля банок уже несколько ниже, а во II периоде не удается выделить ни одного определимого сосуда.

Второй характерной чертой развития керамики является явное сближение по технологическим и морфологическим признакам «текстильных» и псевдорогожных сосудов, с одной стороны, и гладкостенных — с другой. Совпадают определимые типы, в гладкостенной керамике появляются профилированные формы горшков, а единственное определимое днище имеет закраины. По-видимому, возрастает доля грубых примесей в тесте.

Кроме керамики среди находок II периода определенный интерес представляют отходы производства кремневых орудий, в том числе расколотые желваки. Очевидно, кремень продолжал использоваться для изготовления орудий.

Анализ керамики Новошпеневского городища и ее стратиграфическое распределение позволяют отнести памятник к раннему периоду городецкой культуры. Об этом свидетельствуют находки сосудов с чертами поздняковской культуры финальной бронзы. Такие сосуды встречаются только на ранних городецких памятниках, например на Тюковом городке. Для первых городищ Примокшанья характерно наличие гладкостенных сосудов с тычковым орнаментом. Этот вывод сделан был в свое время А. Е. Алиховой [1, с. 113—116]. Раскопки последних лет подтвердили его. Нами было изучено поселение в пойме р. Мокши, давшее только гладкостенную керамику с тычковым орнаментом и комплекс кремневых орудий с чертами деградации [7, с. 152, 153]. Очевидно, носители культуры, оставившие памятники с тычковой керамикой, предшествовали племенам городецкой культуры в Примокшанье.

Ранними признаками, установленными для городецких памятников исследованиями В. Г. Миронова, обладают также «текстильные» и псевдорогожные сосуды Новошпеневского городища. Это наличие ямочного и «жемчужного» орнамента и отверстий под венчиком, преобладание баночных форм на ранней стадии Iа, преимущественная примесь в тесте в виде дресвы и крупнозернистого песка, значительное количество (38%) псевдорогожных фрагментов, поверхность которых обработана крупнозубчатым штампом, и отсутствие позднего мелкозубчатого штампа [4, с. 16, 18].

Важно также соотношение трех выделенных групп керамики по периодам (таблица): наблюдается постепенное увеличение доли «текстильной» и псевдорогожной керамики и уменьшение доли гладкостенной.

Эта тенденция необычна для городецких памятников. Все исследователи считают, что развитие городецкого керамического комплекса шло

Таблица

Распределение групп керамики по периодам функционирования Новошпеневского городища, %

Группа сосудов	Периоды	
	I (Iа)	II
I	50 (20)	62,5
II	16,6 (10)	12,5
III	33,4 (70)	25

по пути увеличения доли гладкостенной керамики [4, с. 8; 8. 16, 17]. Возможно, что выявленная особенность Новопшеневского городища характерна для раннегородецких памятников Примокшанья. Объяснение этому явлению можно найти в том, что при формировании городецкой культуры данного региона, очевидно, весьма заметную роль играло население, оставившее памятники с гладкостенной тычковой керамикой. Это подтверждается преобладанием гладкостенной посуды на ранней стадии I периода Новопшеневского городища и постепенным сближением признаков гладкостенной керамики с одной стороны, «текстильной» и псевдорогожной — с другой. По-видимому, исследованный памятник принадлежит к числу отражающих процесс ассимиляции городецкими племенами носителей культуры тычковой керамики.

Ранний возраст Новопшеневского городища позволяет высказать некоторые соображения о происхождении городецкой культуры в Примокшанье. Существуют две концепции о происхождении этой культуры. Сторонники первой считают, что городецкая культура формировалась на всей территории ее распространения из многочисленных племен различного происхождения [8, с. 7; 9]. Так, А. В. Циркин полагает, что она складывалась в бассейне р. Мокши на основе местных неолитических культур (срубной, абашевской, поздняковской) при активном участии пришлых племен, населения, оставившего памятники с «вафельной» и тычковой керамикой.

Сторонники второй концепции исходят из того, что племена городецкой культуры сформировались в бассейне Средней и Нижней Оки и отсюда распространились на юг вплоть до Нижнего Поволжья [4, с. 7, 8; 10; 11, с. 69, 70]. В. Г. Миронов, наиболее обстоятельно в последнее время разрабатывавший эту концепцию, считает, что городецкая культура сложилась в результате контактов и ассимилятивных процессов между носителями поздняковской культуры и населением, оставившим памятники с «текстильной» керамикой [4, с. 7, 8].

Материал Новопшеновского городища подтверждает участие в формировании городецкой культуры племен поздняковской культуры. Два сосуда содержат поздняковские элементы в орнаментике и в меньшей степени в форме. Но в этих сосудах преобладают уже городецкие черты (форма, «текстильные» отпечатки на стенках одного из них, примеси в тесте), и число их сравнительно невелико. Все это позволяет предположить, что ко времени начала функционирования Новопшеневского городища процесс восприятия племенами с «текстильной» керамикой поздняковских элементов завершился. Следовательно, Новопшеневское городище возникло тогда, когда уже поздняковская культура в Примокшанье перестала существовать, и ранние городецкие памятники здесь являются более поздними, чем в Поочье, где прослеживаются непосредственные контакты племен с «текстильной» керамикой и поздняковской культуры [4, с. 7].

Более существенным компонентом, вошедшим в культуру городецких племен Примокшанья, являются племена, оставившие памятники с тычковой керамикой. Вопрос об их происхождении остается слабо исследованным. А. Е. Алихова считает возможным связывать эти памятники с бондарихинской и юхновской культурами Поднепровья [1, с. 113]. Следы активного контакта племен с тычковой керамикой и населения городецкой культуры прослеживаются на всех ранних городищах Примокшанья: Каргашинском, Казна-Пандо, Пургасовом, Теньгушевском [1, 10, 12]. Новопшеневское городище дает материал, отражающий самые ранние этапы этих контактов, о чем свидетельствует отсутствие на «текстильных» и псевдорогожных сосудах орнамента, выполненного тычками. На более поздних городищах, таких как Пургасово, Самозлейское (раскопки А. В. Циркина), такой орнамент на «текстильной» керамике становится распространенным.

Определяющим компонентом культуры ранних городищ Примокшанья является собственно городецкий комплекс, для которого характерны «текстильная» и псевдорогожная керамика, имеющая сходство с посудой

восточной группы среднеокских городищ. Этот комплекс, по-видимому, образовался вне территории Примокшанья в поречье Оки в результате взаимодействия культур ранней «текстильной» керамики и поздняковской.

Ранняя городецкая керамика Новопшеневского городища не содержит каких-либо заметных прямых заимствований из абашевской и срубной культур. Наличие отдельных форм баночных сосудов, напоминающих срубные, вполне объясняется воздействием поздняковской культуры, как известно, сложившейся под большим влиянием южных племен.

Итак, новый изученный материал позволяет поставить вопрос о том, что городецкая культура в Примокшанье сформировалась в результате активных контактов и ассимилятивных процессов между собственно городецким населением, пришедшим сюда скорее всего с поречья Оки, и племенами, оставившими памятники с тычковой керамикой, проживавшими здесь в конце эпохи бронзы — начале раннего железного века. Это событие относится ко времени, когда поздняковская культура уже перестала существовать, поглощенная племенами с «текстильной» керамикой. Следовательно, подтверждается вывод Н. В. Трубниковой, П. Д. Степанова, В. Г. Миронова о более позднем появлении городецких памятников на территории центрального локального варианта этой культуры по сравнению с среднеокским и, по-видимому, нижнеокским районами. Вместе с тем следует подчеркнуть важную роль в формировании особенностей городецкой культуры этого района непосредственного субстрата в виде памятников с тычковой керамикой, на которые исследователи до сих пор обращают недостаточное внимание. Изучение этих памятников позволит значительно прояснить развитие этнокультурных процессов у финно-угров и их соседей в Западном Поволжье в предгородецкое и раннегородецкое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алихова А. Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР.— В кн.: Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959.
2. *Фоломеев Б. А.* Тюков городок.— СА, 1975, № 1.
3. *Миронов В. Г.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Канд. дис. М.: МГУ, 1976.
4. *Миронов В. Г.* Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1976.
5. *Полесских М. Р.* Алферьевское поселение эпохи бронзы.— КСИА, 1980, вып. 161.
6. *Шитов В. Н.* Поселение эпохи бронзы у с. Аким-Сергеевки.— В кн.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975.
7. *Аксенов С. Н., Артемова В. Д., Вихляев В. И. и др.* Работы в бассейне Мокши.— АО — 1978. М., 1979.
8. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— САИ, 1965, вып. Д1-14.
9. *Циркин А. В.* К вопросу о происхождении городецкой культуры в Мордовии.— СА, 1979, № 3.
10. *Трубникова Н. В.* К вопросу о происхождении городецкой культуры.— КСИИМК, 1959, вып. 85.
11. *Степанов П. Д.* Хвалынские городища.— Тр. СОМК, 1960, вып. 3.
12. *Ледяйкин В. И.* Пургасовское городище.— В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

V. I. Vikhlyaev

POTTERY OF THE NOVO-PSHENEVO SETTLEMENT IN MORDOVIA

Summary

The diggings in Novo-Pshenevo have produced valuable stratified material illustrating the early period of the Gorodets culture in the region. An analysis of its temporal development has indicated that one and the same cultural levels contained two complexes—the Gorodets one exhibiting vessels with «textile» and pseudotextile impressions which share the majority of their typical features and a complex of smooth-walled pottery carrying stick impressions. What differs it from the Gorodets complex is its origin. Their synchronous existence brought them closer together which shows that the Gorodets culture in the Moksha basin embraced two components: the Gorodets component proper and a little-studied component of the late Bronze and early Iron Age represented by sites with pottery carrying stick impressions.

С. И. ТАТАРИНОВ, А. Г. КОПЫЛ, А. В. ШАМРАЙ

ДВА ПРАБОЛГАРСКИХ МОГИЛЬНИКА НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В 1901 г. в среднем течении р. Северский Донец у хут. Зливки (ныне с. Ильичевка Донецкой обл.) В. А. Городцов исследовал первый на юге европейской части России могильник праболгар, создавших в XVIII—X вв. в Подонье вместе с аланами салтово-маяцкую культуру [1, с. 250]. Долгое время Зливкинский могильник был единственным хорошо изученным памятником этого типа. К началу 70-х годов нашего столетия в Подонье насчитывалось 11 ямных могильников [2, с. 91], но уже тогда С. А. Плетнева отмечала, что «в ямном погребальном обряде, несмотря на общее единство, прослеживается множество разных обрядов, разрушающих строгий и простой ритуал» [2, с. 98]. За последнее десятилетие количество вновь выявленных салтовских могильников возросло в 4 раза. Только в среднем течении Донца, которое еще недавно было наименее изученным, к настоящему времени известно уже 23 могильника. Отдельные памятники раскопаны полностью, работа на других продолжается [3—10]. Поэтому Зливкинский могильник с четким погребальным обрядом, стандартным набором инвентаря, бесспорно, остается эталоном праболгарских салтовских могильников для описываемой территории.

Вместе с тем следует отметить, что на вновь открытых могильниках наряду с погребениями, совершенными по классическому зливкинскому образцу [1], зафиксированы погребения, подтверждающие предположение С. А. Плетневой о многообразии погребального обряда праболгар Подонечья.

Эти погребения часто значительно отличаются от зливкинского эталона. Наметилась поливариантность обряда не только в пределах болгарского варианта салтовской культуры, но и на площади одного могильника.

Это позволяет с новых позиций взглянуть на социальную организацию, быт, религию и, возможно, хронологию праболгарских племен Среднедонечья. Изучение и рассмотрение всего комплекса перечисленных выше вопросов истории праболгар впервые было предпринято С. А. Плетневой и ее учениками. Цель настоящей публикации — рассмотрение поливариантности погребального обряда двух исследованных на значительной площади могильников.

Исследования могильника Дроновка III в 1978—1979 гг. [10] дали 10 новых погребений (в настоящее время их общее число составляет 17). Всего исследовано до 2000 м² могильника (рис. 1), на его северных участках на глубине до 0,4 м зафиксированы большие скопления салтовской керамики: до 50% амфорной, примерно столько же кухонной гончарной. Видимо, здесь и далее к северу по берегу Лиманского озера находилось болгарское кочевье. Следы жилищ обнаружить не удалось, так как поверхность дюны подвергалась многолетней распашке. В 100 м от основного раскопа к западу был заложен небольшой раскоп, где открыто салтовское погребение. Это вселяет надежду, что памятник имеет очень большую площадь для будущих раскопок.

Почти все погребения отличаются от классических зливкинских по конфигурации и конструкции ямы, способам обращения с умершими.

[1] Погребения в прямоугольных могильных ямах, с закругленными углами на глубине до 1,5 м, в вытянутом положении на спине с западной ориентировкой, скромным погребальным инвентарем (один или два сосуда, жертвенная пища, почти полное отсутствие оружия и украшений).

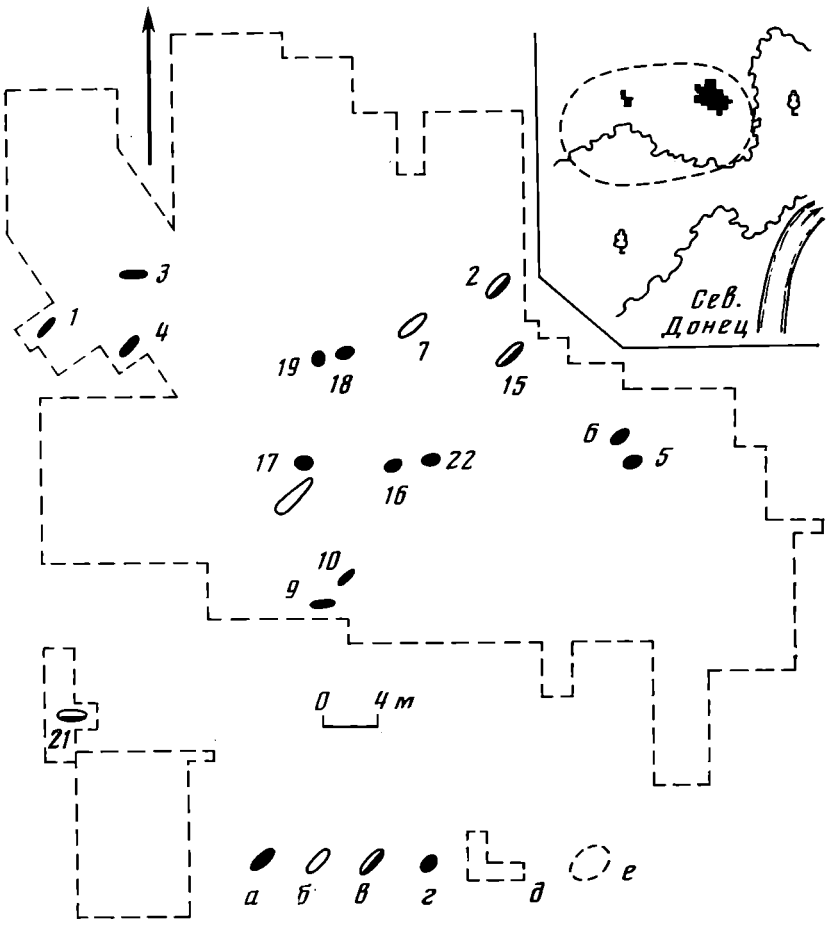


Рис. 1. Схема расположения могильника Дроновка III и план раскопа. *а* — погребения первой группы; *б* — погребения второй группы; *в* — погребения третьей группы; *г* — погребения четвертой группы; *д* — исследованный участок дюны; *е* — контуры дюны

Наряду с прямоугольными зафиксированы круглые ямы и ямы с подбоями. Погребения совершены на глубине от 0,25 до 1,75 м. Умершие лежали на спине (кроме скелета 2 из погр. 11), ориентированы в диапазоне юг — юго—запад — запад, руки вытянуты или положены на таз, ноги иногда сведены (таблица). Основное отличие от зливкинских погребений состоит в том, что в подавляющем большинстве погребений могильника Дроновка III скелеты были фрагментированы. Заметим, что как в Зливках, так и в Дроновке III погребения опущены в песчаную почву, т. е. степень сохранности их должна быть одинакова. Почти полностью отсутствовали в Дроновке III ребра, позвонки, ключицы, кости предплечий, кистей и стоп, кости таза. При этом наблюдалась довольно хорошая сохранность крупных трубчатых костей скелета, следов ограбления не замечено. Нужно также отметить, что в детских погребениях, совершенных на значительно меньшей глубине, в более благоприятных условиях для воздействия разрушающих факторов, скелеты сохранялись полностью. Фрагментированность скелетов объясняется не особенностями грунта, а чертой погребального обряда.

Приняв за основу конструкцию могильной ямы и состояние скелета умершего, погребения можно разделить на четыре группы: погребения в ямах прямоугольной формы, совершены по классическому зливкинскому образцу (погр. 1, 3, 4, 9, 10); погребения в ямах подпрямоугольной формы с неполными скелетами умерших (погр. 7, 11); погребения в подпрямоугольных ямах с подбоями, с неполными скелетами (погр. 2, 15, 21); погребения в круглых ямах с неполными скелетами (погр. 17, 18, 19).

В погр. 5, 6, 16, 22 очертаний могильных ям проследить не удалось.

Погребения первой группы попадаются в западной и южной частях раскопа (рис. 1), взрослые погребения на глубине до 1,2 м, детские до 0,5 м. Пятна могильных ям фиксировались с глубины 1 м, в детских ямы не прослежены. Два погребения были ориентированы на запад и в трех случаях — на юг — юго-запад. Погребальный инвентарь обычный: как правило, кухонный горшок, стоявший в головах умерших (четыре случая) или в ногах (один случай). В трех погребениях еще имелись кувшины. Керамика в основном изготовлена на гончарном круге. В двух погребениях находились неорнаментированные груболепные горшки. Особый интерес представляет погр. 9 ребенка 9—10 лет со сравнительно богатым набором вещей (рис. 2, *1*): в области правого предплечья лежали литой по восковой модели бронзовый колокольчик с пробитым боком (рис. 3, *1*), полукруглая поясная бронзовая накладка с растительным орнаментом (рис. 3, *4*), бронзовая ворварка (рис. 3, *2*), на груди найдены пастовые глазчатые бусины (рис. 3, *5, 6*) и медная пластинка с отверстием (рис. 3, *3*).

Погребения второй группы отличаются ярко выраженными специфическими чертами. Погребение 7 уже интерпретировалось нами как погребение воина [10, с. 300, 307]. Погребение 11 со своеобразным погребальным инвентарем подтверждает наличие у болгар, оставивших могильник, глубокого социального расслоения: в северо-восточной половине большой ямы (3,6×0,8 м) подпрямоугольной формы, ориентированной на юг — юго-запад, на глубине 1,5 м находились остатки обгоревшего до обугливания гроба—колоды (рис. 2, *3*). Над гробом в заполнении ямы лежало стремя арковидной формы (рис. 3, *14*). Скелет в вытянутом положении на спине принадлежал мужчине 40—45 лет. Отсутствовали часть ребер, позвонки, кости таза, кистей и стоп. Ноги сведены, левая рука согнута к груди, правая вытянута. Слева от черепа находился кухонный горшок (рис. 4, *2*). За пределами гробовища стояли кувшин и кружка, между ними находились остаки предмета из коры с медной оковкой (рис. 3, *10*). У локтя левой руки лежал железный нож (рис. 3, *11*; 4, *3*), у левого колена — бронзовая пряжка от сабли (рис. 3, *12*), у запястья правой руки находился коррозированный железный предмет (рис. 3, *13*) и обломок («четвертинка») серебряного дирхема. Жертвенная пища лежала в двух местах: у кувшинов — «седло» козы (рис. 4, *2*); слева от гробовища — череп и ноги козы.

В юго-западной половине могилы лежал ничком головою на юг — юго-запад скелет мужчины 30 лет (сохранились все кости). Череп основанием вверх лежал в 40 см от корпуса. Левая рука вытянута, правая подогнута под корпус, спиною вверх, ноги слегка подогнуты и смещены влево (рис. 2, *3*). Слева от скелета находились кости передней ноги лошади. Дно и стенки всей ямы были прокалены на 2—3 см. Вероятно, подожженный гроб был опущен в яму, и пока он продолжал гореть, было совершенно второе погребение, характер которого установить нетрудно. Скорее всего, это раб, которому на краю могилы отсекли голову и затем тело столкнули вниз. Над гробовищем было какое-то сооружение, присыпанное грунтом. В небольшом пространстве, при малом доступе воздуха, гроб практически превратился в древесный уголь.

Погребения третьей группы (рис. 2, *2, 4*) открыты в разных участках раскопа. Два погребения с подбоями (погр. 2, 15) открыты в северо-восточной части памятника, одно (погр. 21) на неисследованной большими площадями западной части дюны. По конструкции могильных ям они отличаются от погребений первой и второй групп. В северном борту ям, впущенных в материковый песок на глубину до 1,2—1,4 м, имевших неправильную конфигурацию, ориентированных на запад с сезонными отклонениями к югу, имелись подбои глубиною 0,3 и высотою 0,3—0,4 м. Погребенные лежали на спине. В погребениях находились только черепа и крупные трубчатые кости конечностей. В погребении 21 (рис. 5, *2*) имелась часть черепа, кости правой руки и левой ноги. Подбой был на 10 см выше дна могилы.

Таблица

Характеристика погребений в могильниках Дроновка III и Волоковое I

№ погребений	Размеры ям	Форма и конструкция ямы			Глубина, м	Положение скелета		Ориентировка					Состояние скелета			Положение рук				Положение ног		Керамика			
																						кувшин		горшок	
		подпрямоугольная	овальная	с подбоем		на спине	на боку	запад	юго-запад	юг — запад — запад	юг — юго-запад	восток	целый	фрагментированный	отсутствует	вытянуты	положены на таз	правая согнута	левая согнута	вытянуты	сведены	в головах	в ногах	в головах	в ногах
Могильник Дроновка III																									
1	2,0×0,6	X			1,0	X					X		X					X			X			X	
2	1,9×0,8			X	1,2	X					X			X		X				X	X			X	
3	1,95×0,5	X			1,4	X		X					X			X					X		X		X
4	2,0×0,4	X			1,2	X					X		X				X				X		X	X		
5	—				0,42	X		X						X				X		X						
6	—				0,7	X					X			X					X		X					
7	3,0×0,5	X			1,75	X			X					X		?	?	?	?		X	X		X		
9	—				0,6	X		X					X			X				X		X		X		
10	—				0,4	X					X		X			X				X		X		X		
11	3,8×0,8	X			1,5	X					X			X					X		X	X		X		
15	2,2×0,6			X	1,43	X					X			X		X					X	X		X		
16	—				0,25	?	?	X							X	?	?	?	?	?	?				X		
17	?		X		0,5	X		X						X		?	?	?	?	X	?	X			X		
18	1,2×0,8		X		0,85	X		X						X		?	?	?	?	?	?				X		
19	1,2×1,0		X		0,7	?	?	X						X		?	?	?	?	?	?						
21	1,2×0,5			X	1,3	X						X		X		?	?	?	?	?	?				X		
22	—				0,4	?	?	X							X	?	?	?	?	?	?						X
Могильник Волоковое I																									
3	—				0,9	?	?	X						X												
4	2,2×0,8	X			0,6	X				X				X		X				X						
5	1,0×0,65		X		0,6				X						X											
6	2,3×0,6	X			1,25	X				X				X		?	?	?	?		X				X	
7	2,1×0,5	X			0,9	X		X						X		X					X				X	
8	2,35×0,75			X	1,2	?	?	X						X		?	?	?	?	?	?				X		
9	—				0,9	X				X				X		?	?	?	?		X				X		
10	2,2×0,7	X			1,2	?	?			X				X		?	?	?	?	?	?						
11	1,9×0,6	X			1,1	X		X						X		?	?	?	?	X					X		
12	1,8×0,55	X			0,5	X		X						X		X				X					X		
13	1,0×0,6		X		0,85		X			X				X		?	?	?	?		X				X		
14	1,3×0,7		X		1,3	?	?		X					X		?	?	?	?	?	?				X		

Таблица (окончание)

№ погребений	Керамика		Погребальная пища					Погребальный инвентарь																				
	кубышка																											
	в головах	в ногах	корова	лошадь	коза	овца	свинья	нож	пряжка	поясная накладка	стремя	псалий	сбруйное кольцо	стрела	прясло	ворварка	серьга	колокольчик	браслет	кольцо	перстень	бусины	монета	железный предмет	подвеска
Могильник Дроновка III																												
1						X		X							X				X	X		X				
2	X				X			X																			
3					X			X																			
4																											
5																											
6													X	X										X			
7			X	X						X						X		X				X				X
9											X																
10						X		X	X														X	X			
11						X		X			X	X															
15						X		X																			
16								X														X					
17			?	?	?	?	?	X									X										
18						X																					
19							X	X																			
21																											
22			?	?	?	?	?																				
Могильник Волоковое I																											
3								X																			
4																											
5																					X						
6												X															
7				X				X																	X		
8																											
9																											
10								X																			
11																											
12	X																										
13																											
14																											

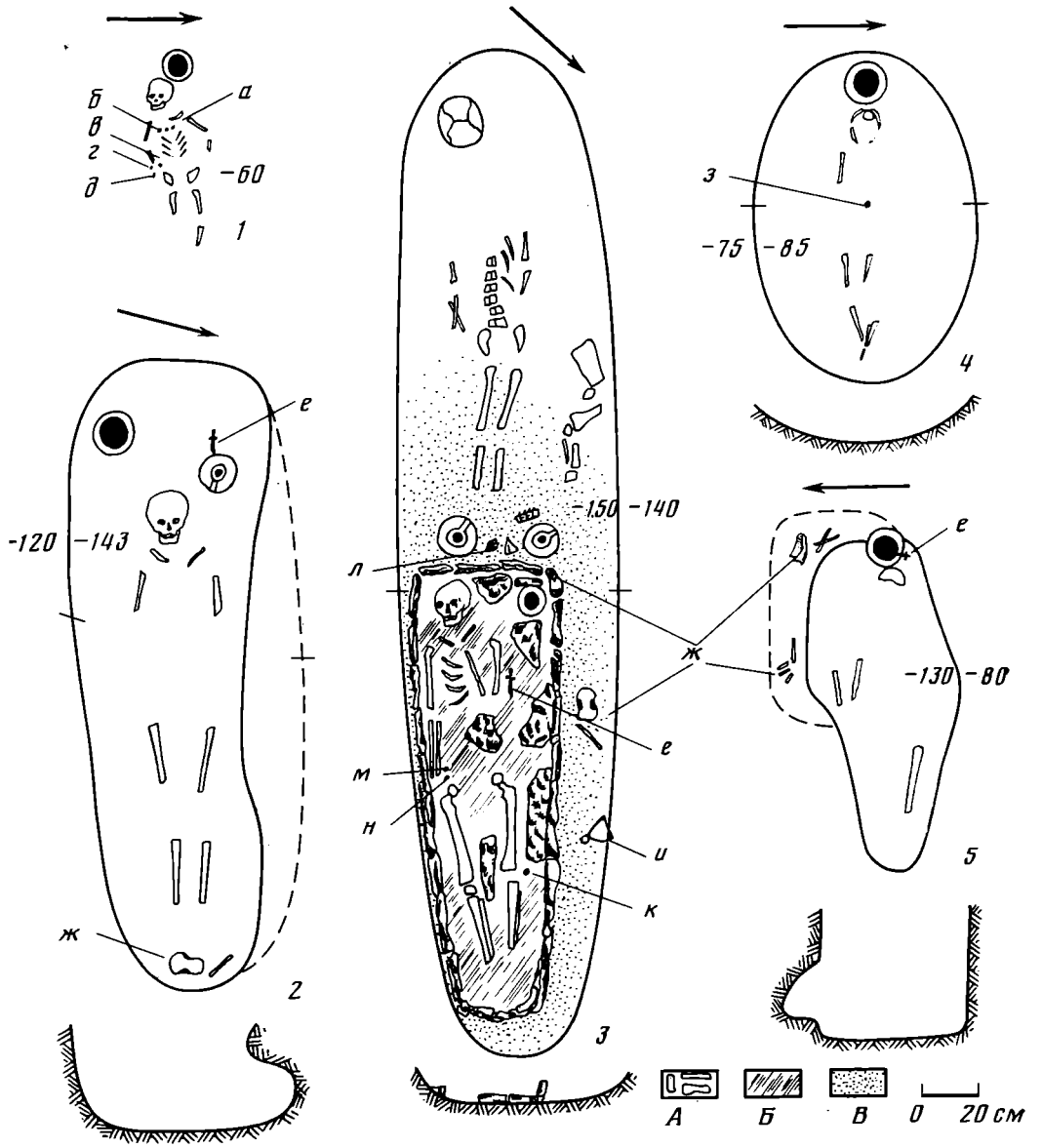


Рис. 2. Типы погребений могильника Дроновка III. *1* — погр. 9; *2* — погр. 15; *3* — погр. 11; *4* — погр. 18; *5* — погр. 21. *а* — бусы; *б* — подвеска; *в* — ворварка; *г* — ременная бляха; *д* — колокольчик; *е* — нож; *ж* — жертвенная пища; *з* — серьга; *и* — стремя; *к* — пряжка; *л* — кора с медной оковкой; *м* — монета; *н* — железный предмет. *А* — обгоревший гроб; *Б* — сажа; *В* — прокаленный песок

Погребальный инвентарь этой группы представлен кухонными горшками, железными ножами (рис. 3, *8, 9*). В погр. 2 вместе с горшком была кубышка, в погр. 15 — горшок и кувшин. Интересна находка железного псалия в заполнении ямы погр. 15 (рис. 3, *7*). Жертвенная пища имелась в двух погребениях: в погр. 15 — череп и ноги козы в ногах умершего (ранее такой случай встречен в могильнике Дроновка-2), в погр. 21 — челюсть и кость свиньи в глубине подбоя.

Погребения четвертой группы характеризуются компактным расположением в центре раскопанной площади могильника, небольшой глубиной (0,25—0,85 м) и почти полным отсутствием скелетов и погребального инвентаря. На этом основании в одну группу с погр. 17, 18, 19 в круглых ямах размером 1,2×0,8×1,0 м (рис. 2, *4*) отнесены погр. 5, 6, 16, 22, где контуры могильных ям проследить не удалось и скелеты в этой группе настолько фрагментированы, что часто положение погребенных не определимо. В погр. 18 (рис. 2, *4*) находился скелет подростка в вытянутом на спине положении головою на запад (сохранились кости ног

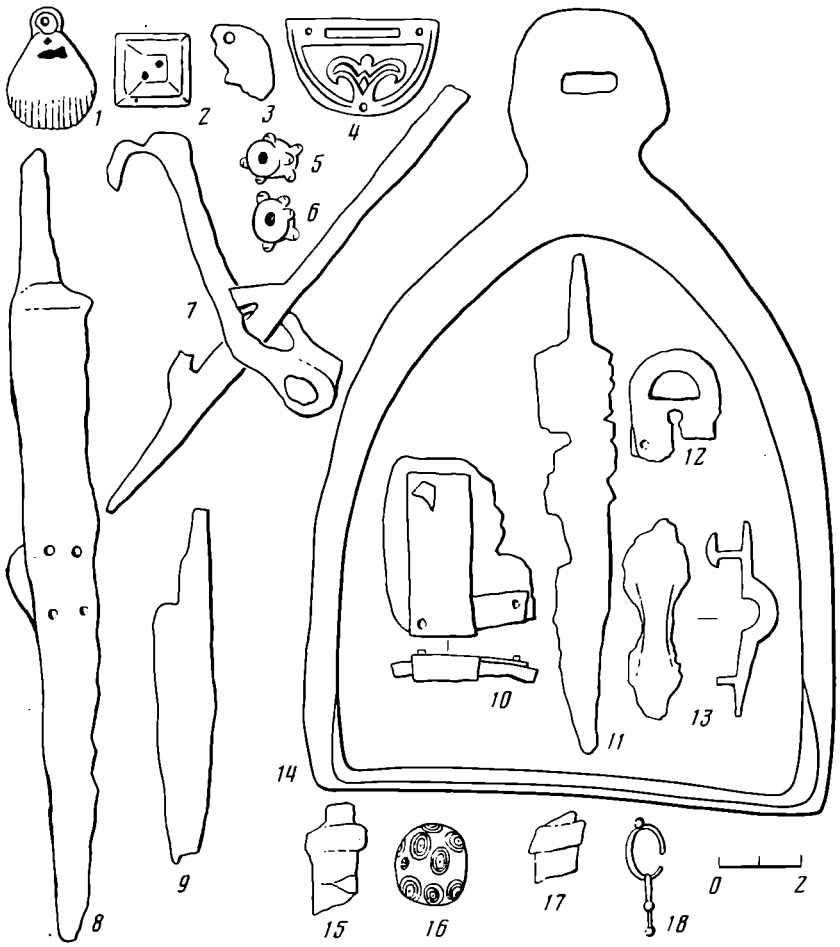


Рис. 3. Инвентарь погребений могильника Дроновка III. *1—6* — погр. 9; *7*, *8* — погр. 15; *9* — погр. 21; *10—14* — погр. 11; *15*, *16* — погр. 17; *17* — погр. 16; *18* — погр. 18 (*1—4*, *12*, *18* — бронза, *7—9*, *11*, *13*, *14*, *15*, *17* — железо, *10* — дерево, бронза, *5*, *6*, *16* — пастовое стекло)

и правой руки). Инвентарь представлен кухонным горшком и бронзовой серьгой (рис. 3, *18*), обнаруженной в центре ямы. Кухонные горшки имелись в погр. 16, 17, 22 (в погр. 16 в сочетании с кубышкой, в погр. 17 — с раздавленным кувшином). Рядом с парной посудой обязательно встречены ножи (рис. 3, *15*, *17*), в погр. 17 найдена черная пастовая бусина с серебряными вставками (рис. 3, *16*). Самым бедным было погр. 22, где рядом с кухонным горшком лежала часть бедренной кости человека (рис. 5, *1*). Жертвенная пища встречена в погр. 18 (череп и кости козы), в погр. 16, 17 — отдельные мелкие кости животных.

Погребальный инвентарь могильника Дроновка III выглядит очень скромно. Керамика, как указывалось выше, представлена сделанными на кругу горшками, орнаментированными горизонтальными и волнистыми линиями, груболепными горшками из детских погребений, приземистыми сероглиняными кувшинами с зональным лощением. Бронзовые и железные вещи имеют многочисленные аналогии среди салтовских древностей VIII—X вв. В. К. Михеев считает нож из погр. 21 «единичным и нетипичным для салтовской культуры» [11, с. 91] и датирует ранним временем.

Могилы с подбоями известны на Дмитриевском и Саркельском могильниках [2, с. 96], могильнике Желтое [8, с. 288]. В 1967 г., когда подобных погребений были единицы, С. А. Плетнева высказала мнение, что «подбойные могилы в Подонье, очевидно, следует считать пережиточным явлением» [2, с. 97]. В настоящее время, когда могил с подбоями

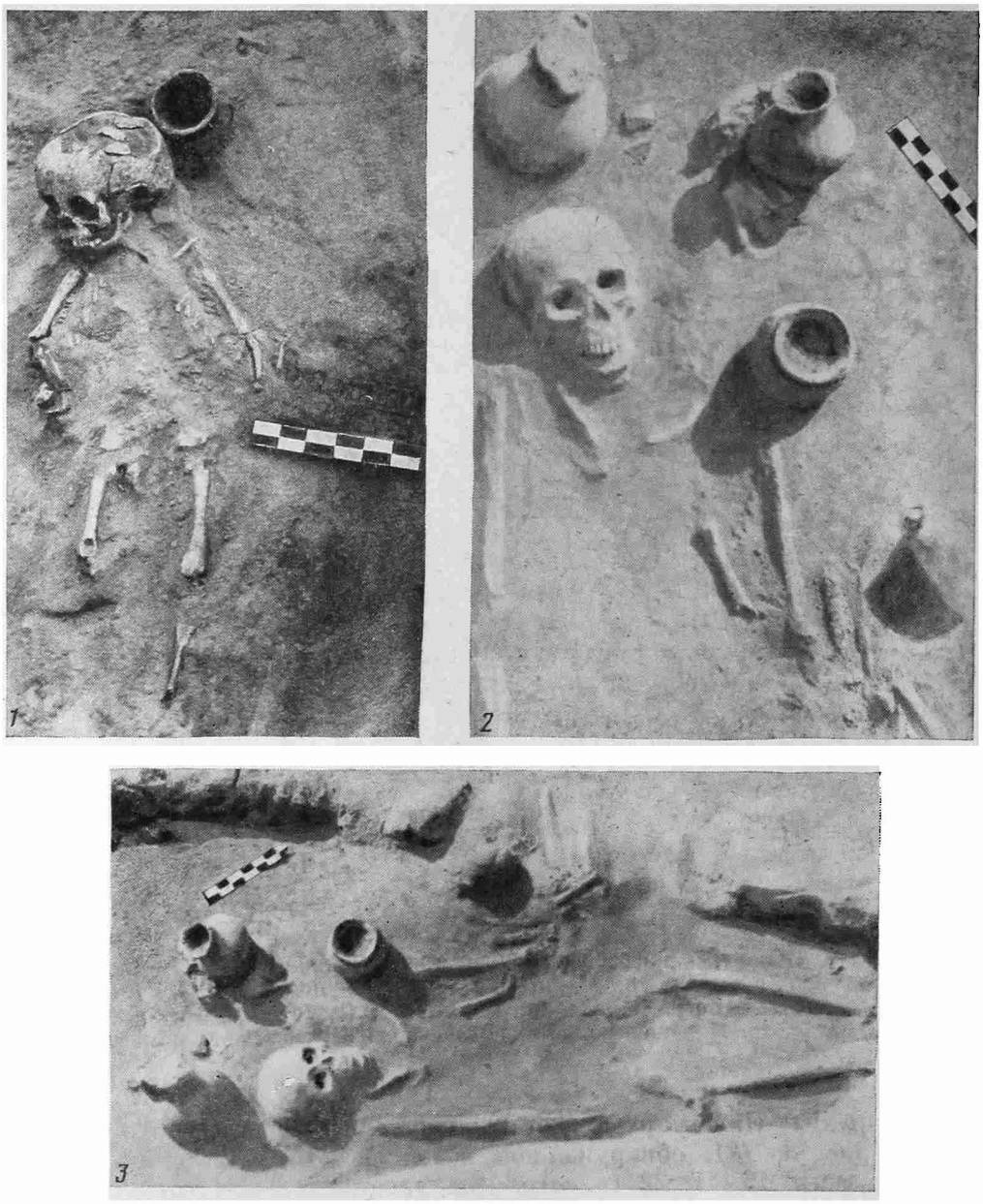


Рис. 4. Могильник Дроновка III. *1* — погр. 9; *2*, *3* — погр. 11

в Подонье открыто много, представляется возможным видеть в них принадлежность к определенной группе, возможно, хронологически более ранней среди праболгарских, на что указывает нож из погр. 21 могильника Дроновка III.

Погребения в круглых ямах известны на Маякском могильнике (раскопки В. К. Михеева), в могильнике строителей Саркела [2, с. 97, 98], в Зливках [2, с. 98].

Погребения с разрушенными скелетами недавно считались типичными для аланских могильников [2, с. 80], ямные погребения с фрагментированными скелетами были до недавнего времени известны только на Салтовском ямном могильнике [12]. Д. Т. Березовец отмечал, что в подавляющем большинстве могил «кости лежали кучкой или они были разбросаны» [12, с. 22]. Помещение в могилу отдельных костей скелета, сложенных в анатомическом порядке, встречено в могильниках салтовской культуры впервые. В этом важнейшая особенность могильников Дроновка III и Волоковое I.

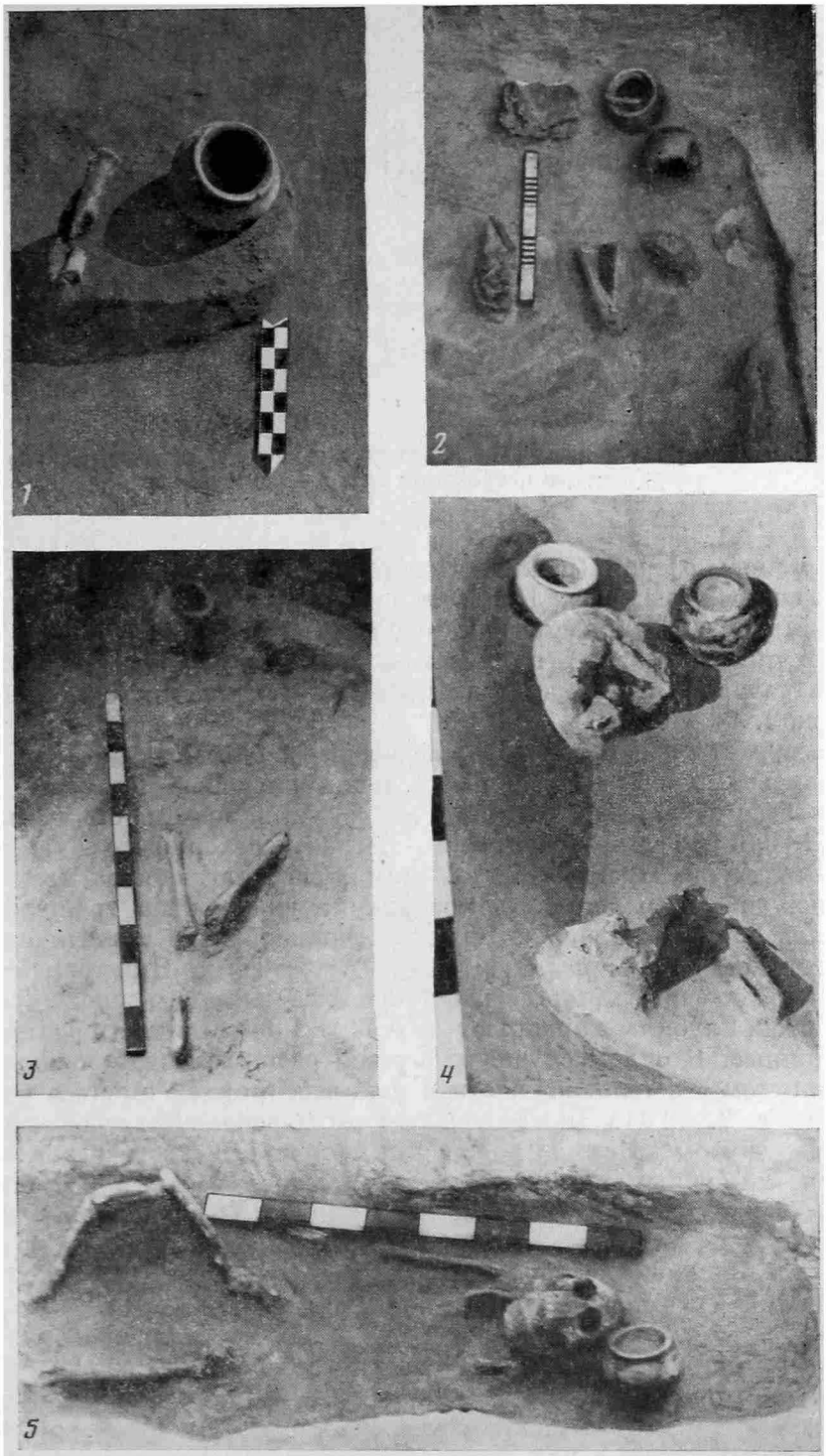


Рис. 5. Могильник Дроновка III (*1* — погр. 22; *2* — погр. 21; *3* — погр. 9). Могильник Волоковое 1 (*4* — погр. 13; *5* — погр. 12)

Могильник Волоковое озеро I, для которого указанный выше обряд является главным, открыт в 1980—1981 гг.[2] Расположен на левом берегу р. Донец, в 3 км восточнее известного городища Маяки (Славянский р-н Донецкой обл.) вблизи пос. Шурово на такой же дюне, как могильник Дроновка III. Дюна, размером 300×100 м, имеет высоту до 5 м

[2] Могильник открыт Э. Е. Кравченко. Спасательные раскопки в 1980—1981 гг. вели краеведы-археологи А. В. Шамрай, Э. Е. Кравченко, В. Н. Давыденко, Л. А. Гречко с группой школьников. Выражаем благодарность за возможность опубликовать материал.

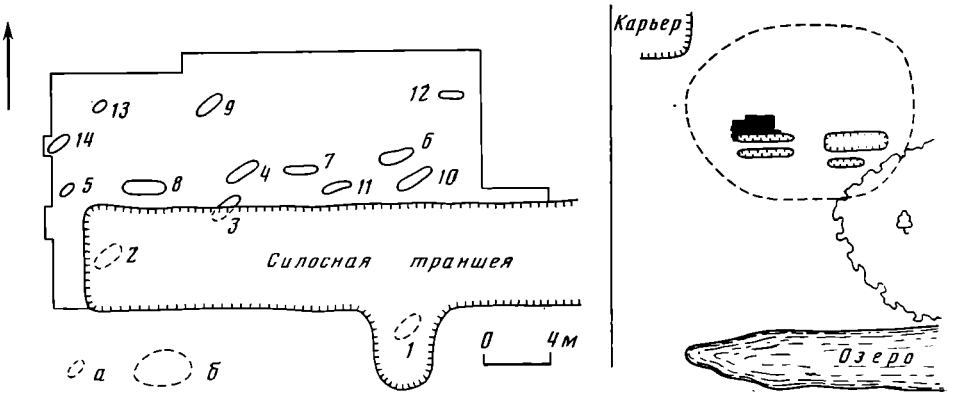


Рис. 6. Схема расположения могильника Волоковое I и план раскопа (*а* — разрушенные погребения 1, 2; *б* — контуры дюны)

над старичным озером (рис. 6). Поверхность задернована, имеются участки размывов и выдувов. Центральная часть ее повреждена огромными траншеями от выборки грунта строителями. В откосе одной из траншей были расчищены погр. 1 и 2, совершенно разрушенные, с несколькими костями человека и двумя раздавленными кухонными горшками, железным ножом.

К северу от траншей была произведена зачистка развеянной и вскрытой строителями части поверхности дюны площадью до 260 м² (рис. 6). Участок был перекрыт останцами дерна толщиною до 0,2 м, ниже шел слой 0,2—0,3 м светло-коричневого песка, переходящего в желтый материковый песок. Прослежено 12 могил, располагавшихся беспорядочно. Вероятно, значительная часть могильника уничтожена траншеями.

Могилы фиксировались на фоне материка в виде темных пятен подпрямоугольной формы размером 2,4—1×0,5—0,8 м. Ямы ориентированы длинной осью по линиям запад—восток, юг — юго-запад — северо-восток—восток. Глубины варьируют от 0,5 до 1,3 м, стенки ям ровные и слегка наклонные. В одном случае яма резко расширена в головах погребенного, в другом — в головной части в длинных стенках имелись небольшие подбои (рис. 7, *2*, *4*). Дно могильных ям плоское. Погребенные находились в вытянутом на спине положении: отдельные кости сложены в анатомическом порядке, в погр. 4, 7, 12 имелись череп и большие кости конечностей (рис. 7, *1*, *3*), в погр. 6, 9, 11 — череп и кости ног (рис. 7, *2*, *5*), в погр. 8, 10, 13 только отдельные кости, в погр. 3 грудой лежали три черепа и часть скелета, в погр. 14 имелся только череп (рис. 7, *6*), в погр. 5 вообще не было скелета.

Следует отметить, что обряд погр. 5, 13, 14 (овальная форма небольших ям размерами 0,6—0,7×1,2—1,3 м, скорченное положение умершего на боку, рис. 5, *4*) аналогичен как некоторым погребениям могильника Дроновка III, так и погребениям в могильниках Дмитриевском, Саркельском.

Погребальный инвентарь представлен в основном кухонными горшками, сделанными на кругу, с горизонтальным и волнистым рифлением. На донышках пяти горшков имеются клейма. Обращает на себя внимание полное отсутствие кувшинов (только в погр. 13 имелась кубышка). Посуда стояла у изголовья погребенных. Жертвенная пища в погребениях не обнаружена. Череп коня, лежавший в погр. 8 в ногах умершего (рис. 7, *4*), является, как и в погр. 7 из могильника Дроновка III [10, с. 307], символическим захоронением коня в погребении воина-всадника. Погребением всадника следует считать и погр. 7 описываемого могильника, где в засыпке ямы над скелетом найден железный псалий (рис. 8, *3*). Этому погребению аналогично погр. 15 из могильника Дроновка III. Ножи в погр. 4, 8, 11 — типично салтовские с брусковидным перекрестьем (рис. 8, *1*, *4*, *5*). В погр. 6 в области правой кисти

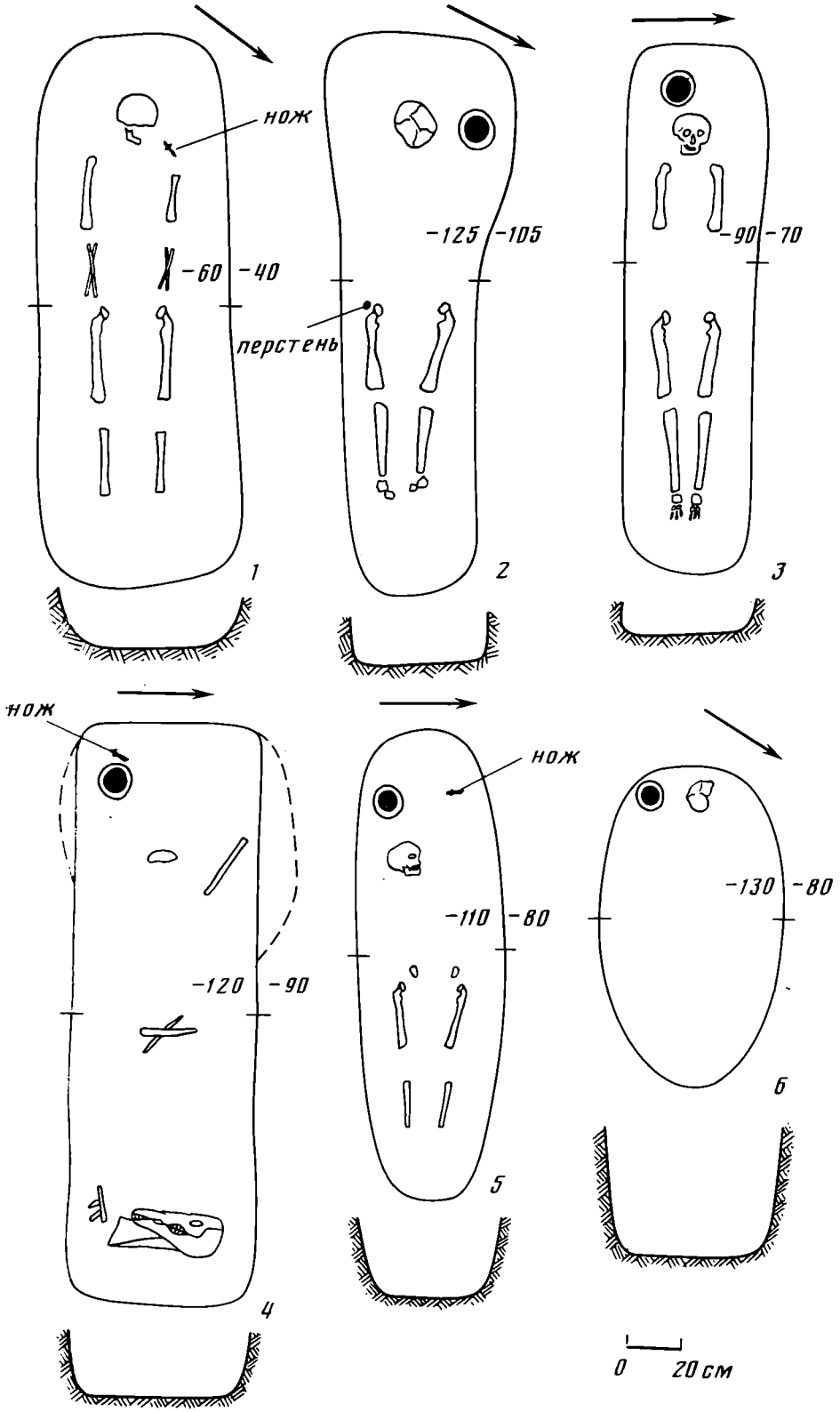


Рис. 7. Могильник Волоковое I. *1* — погр. 4; *2* — погр. 6; *3* — погр. 7; *4* — погр. 8; *5* — погр. 11; *6* — погр. 14

(рис. 7, *2*; 8, *2*) лежал литой серебряный перстень с черной каменной вставкой. Перстень датируется IX—X вв. по аналогии с находками в Старохалиловских курганах на Южном Урале [13, с. 129, 130], в Дмитриевском могильнике [2, с. 137, 142; 14, табл. 37, *6*].

Такая своеобразная черта погребального обряда, как помещение в могилу отдельных костей скелета в анатомическом порядке, разбросанно

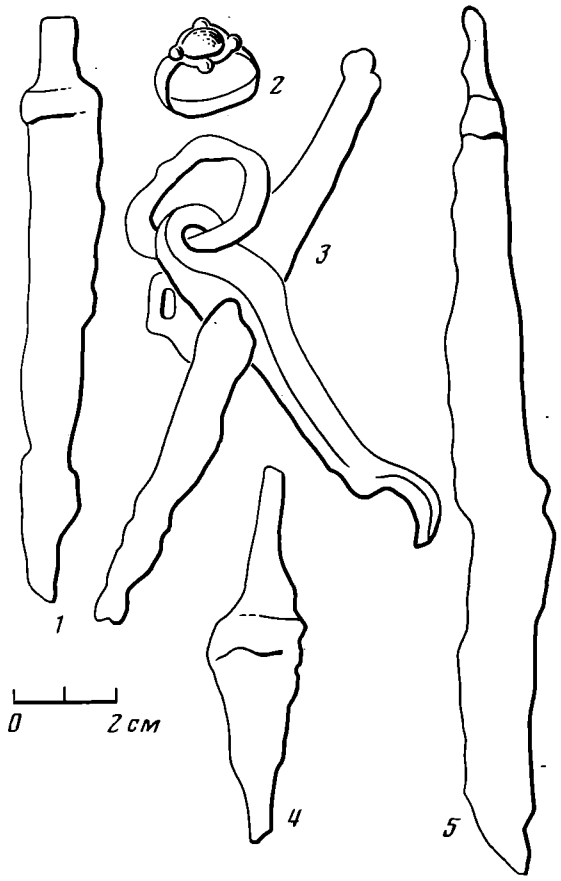


Рис. 8. Инвентарь погребений могильника Волоковое I. *1* — погр. 4; *2* — погр. 6; *3* — погр. 7; *4* — погр. 11; *5* — погр. 8

или кучей имеет аналогии в погребальных памятниках Южного Приуралья и Северного Кавказа. На Манякском и Старохалиловском могильниках зафиксированы случаи, «когда в могилах человеческие кости лежали разбросанно, либо кучей, либо не все части скелетов, преимущественно черепа и кости конечностей» [15, с. 106]. На Северном Кавказе в ряде аланских катакомб неоднократно встречены разрушенные скелеты [16, с. 14, 29]. Корни этого явления Н. А. Мажитов видит во влиянии на погребальный обряд маздаистских верований [15, с. 90]. На Северном Кавказе следы такого влияния у осетин и ингушей сохранялись до недавнего времени [17, с. 184, 348].

Поливариантность погребального обряда праболгар в Среднедонечье очевидна. Причем весьма интересно выделение погребений воинов-всадников (Дроновка III, погр. 7, 11, 15; Волоковое 1, погр. 7, 8). Все они характеризуются захоронением коня или деталями конской упряжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года.— Тр. XII АС. Т. I. Спб., 1905.
2. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
3. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3.
4. *Бородулин В. Г.* Работы Харьковского исторического музея.— АО — 1975. М., 1976.
5. *Копыл А. Г., Татаринов С. И.* Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце.— СА, 1979, № 1.
6. *Савченко С. Н.* Средневековый могильник у хутора Крымского.— АО — 1979. М., 1980.
7. *Дегтярь А. К.* Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье.— Вестн. Харьк. ун-та, 1981, вып. 214. Сер. историческая.
8. *Красильников К. И.* Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое.— СА, 1981, № 2.
9. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья.— СА, 1981, № 3.
10. *Татаринов С. И., Копыл А. Г.* Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец.— СА, 1981, № 1.
11. *Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д.* Ножі салтівськоі культури та іх виробництво.— Археологія, 1973, № 9.
12. *Березовец Д. Т.* Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 годах.— КСИА АН УССР, 1962, № 12.
13. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII веков. М.: Наука, 1981.
14. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
15. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV веках. М.: Наука, 1977.
16. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М.: Наука, 1962.
17. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Наука, 1976.

S. I. Tatarinov, A. G. Kopyl, A. V. Shamrai

TWO PROTOBULGARIAN BURIALS ON THE SEVERSKY DONETS

Summary

Investigations conducted by the authors have shown that the proto-Bulgarain burial rite had many variants. The Dronovka III burial ground contained four types of burials: of the Zlivki type in nearly rectangular pits, in graves with side chambers, in nearly rectangular pits where only fragments of skeletons were found and in oval pits. The grave goods of the burial ground are quite common for an 8th-10th-century burial. It was for the first time that graves in which only fragments of skeletons were buried were found. The Volokovoe I burial ground was made up solely of graves with skeletal fragments and poorer grave goods as compared with the Dronovka III burial ground. Five burials of mounted warriors with horse bones or parts of harness were identified among the Dronovka III and the Volokovoe I burial ground.

Т. Д. ПАНОВА

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

В археологической коллекции музеев Московского Кремля среди привозных изделий большое место занимает восточная поливная керамика, достаточно редко встречающаяся в слоях древнерусских городов. Отметим, что при широких масштабах раскопок в Новгороде, например, к 1963 г. было найдено 88 фрагментов ближневосточной и золотоордынской керамики XI—XIV вв. В научный оборот находки поливной посуды почти не вводятся. Это затрудняет работу по сопоставлению материала и выяснению степени его распространения на Руси.

Восточные поливные изделия из культурного слоя Московского Кремля публиковались редко. Некоторые находки упомянуты в работах М. В. Фехнер [1, с. 94], Р. Л. Розенфельдта [2, с. 70], Н. С. Шелягиной [3, с. 119, 129, 140], М. Г. Рабиновича [4, с. 23]. Более подробно охарактеризована восточная посуда из раскопок 1960 г. в работе Г. П. Латышевой [5, с. 224, 225].

В настоящей статье рассматриваются находки, обнаруженные в Московском Кремле в период с 1959 по 1979 г. Это 86 фрагментов восточной поливной керамики, как правило, небольших размеров. Посуда встречена по всей территории древнейшего центра Москвы, занятого великокняжеским двором, усадьбами удельных князей и боярских фамилий, богатыми монастырями. Аналогичную картину можно наблюдать в Новгороде, где керамика золотоордынского времени залегала в слое XIII—XIV вв. на усадьбе знатных бояр Онцифоровичей [6, с. 273].

В связи с отсутствием письменных источников для изучения раннего периода развития торговли древней Москвы со странами Востока археологический материал приобретает первостепенное значение. Несомненно, что помимо торговых путей какая-то часть дорогостоящей поливной посуды попадала в Москву в качестве даров. Контакты русских князей с Ордой, поездки ханских послов на Русь часто отмечаются в летописях XIII—XIV вв.

Задачей статьи является выяснение времени появления в Москве восточной поливной посуды, показ многообразия ее типов и выявление основных центров, откуда она поступала.

Восточная поливная керамика из коллекции музеев Кремля подразделена в работе на четыре отдела. В первый выделена посуда из кашина, во второй — люстровая керамика, в третий — из красной глины, в четвертый — сероглиняная и селадоны. В отделах в соответствии с общепринятой классификацией выделяются группы и типы.

Первый отдел. Как показали исследования, основную массу керамики составляет кашинная (77% от общего числа находок). Рассматриваются два подотдела — с прозрачной и опаковой (глухой) поливами. Первый подотдел с прозрачной глазурью состоит из трех групп.

Группа I. Керамика с прозрачной бесцветной поливой

Среди кашинной керамики этой группы выявлены три типа.

Тип. 1. Посуда с подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом. Представлена в археологическом собрании музеев 25 находками. Это фрагменты полусферических чаш типа пиал на кольцевом поддоне с отогнутым наружу венчиком, реже — прямым. Исследователи

всегда отмечали схожесть этой керамики как в формах, так и в орнаментации на огромной территории Золотой Орды [7, с. 99]. Найденные в Кремле фрагменты сделаны из кашина белого или розового цвета, покрыты с двух сторон ангобом белым рельефным узором в зеленоватом обводе, расцвечены крупными синими пятнами (серый фон украшен мелкими зелеными точками) и облицованы прозрачной поливой. Цек крупный. Рельефом выделяются наиболее интересные детали орнамента. На внешней поверхности всех без исключения чаш расположены арочки, которые даны зеленой краской (иногда рельефом) и расцвечены синими точками. Роспись внутренней поверхности найденных сосудов отличается большим разнообразием. Единство лишь в том, что край венчика этого типа керамики украшен мелкими синими точками. По отогнутому наружу краю иногда дана роспись в виде мелкой косой сетки кобальтом. Орнамент в основном растительный. Интересны две находки. На небольшом фрагменте стенки сосуда из розового кашина, найденном возле Успенского собора, видна часть стилизованной арабской надписи. Это обрывок слова «икбаль» (успех), очень часто употребляемого в качестве обычного благопожелания на мусульманской глиняной и бронзовой посуде. Повторенное несколько раз, оно помещалось на внутренней поверхности поливных чаш [8, с. 30, рис. 3; с. 35, рис. 9, 10]. Надпись выполнена слегка рельефными белыми полосками, обведена зеленой краской и украшена синими точками. Подобная керамика есть в материале Хорезма, Увека, Сарая Берке, Болгара. Аналогичная чаша с надписью, датированная XIV в., была обнаружена при раскопках 1946 г. в Новгородской Софии [9, с. 70, рис. 26; с. 71, рис. 27; с. 72, рис. 28].

Вторая находка, также сделанная в районе Успенского собора Кремля,— это семь фрагментов чаши с чуть загнутым внутрь краем. Изготовлена из розового кашина и покрыта ангобом. Цек крупный. Орнамент на внешней стороне традиционен (арочки). Внутренняя поверхность чаши (судя по сохранившимся обломкам) была разделена на секторы расширяющимися от дна к венчику полосами, заштрихованными крупной и четкой косой сеткой, в окаймлении двойных толстых зеленых линий. Интересна орнаментация одного из частично сохранившихся секторов (рис. 1). Рельефный орнамент (стилизованные бутоны) обведен зеленой краской и украшен редкими пятнами кобальта. Среди растительных мотивов рельефно выделяется голова птицы с длинной шеей. Голова направлена снизу вверх, к краю чаши и также обведена зеленой краской. Ею же выделен глаз птицы. По клюву проведена синяя полоса, пятно такого же цвета дано на шее. Зооморфные сюжеты часто встречаются на посуде Сарая Берке, Хорезма, Самарканда, Ферганы, Увека и т. д. Как правило, изображения птиц располагаются на дне сосудов [10, с. 4, 5]. Но рельефные изображения птиц в сложных позах редки. Близкую аналогию чаше из слоя Кремля находим в керамическом материале Самарканда [11, с. 120, рис. 124]. Несмотря на то что композиционно фигура птицы на чаше из Самарканда расположена на дне, в основном, в отличие от кремлевской находки, цветовое и орнаментальное решение этих изделий очень близки. Птица изображена в полете с распластанными крыльями и вытянутой головой; ее фигура украшена пятнами кобальта. Орнаментальные мотивы свободного фона вокруг нее аналогичны росписи на фрагменте. Таким образом, эту находку нужно связывать с одним из среднеазиатских центров производства керамики — Самаркандом. Для мастерских городов Золотой Орды не характерны изделия со столь сложной позой птицы, орнаментальными мотивами вокруг ее фигуры и вертикальными полосами крупной косой сетки на стенках сосудов. Находка сделана в районе древнейшего некрополя в Кремле, что позволяет предположить использование подобных сосудов в погребальном обряде. Это территория Успенского собора, откуда происходят фрагменты еще нескольких поливных чаш. В целом керамика с подглазурной полихромной росписью и рельефом датируется концом XIII — первой половиной XIV в. [12, с. 97, 98], что не противоречит дате слоя, в котором сделаны все находки посуды этого типа.

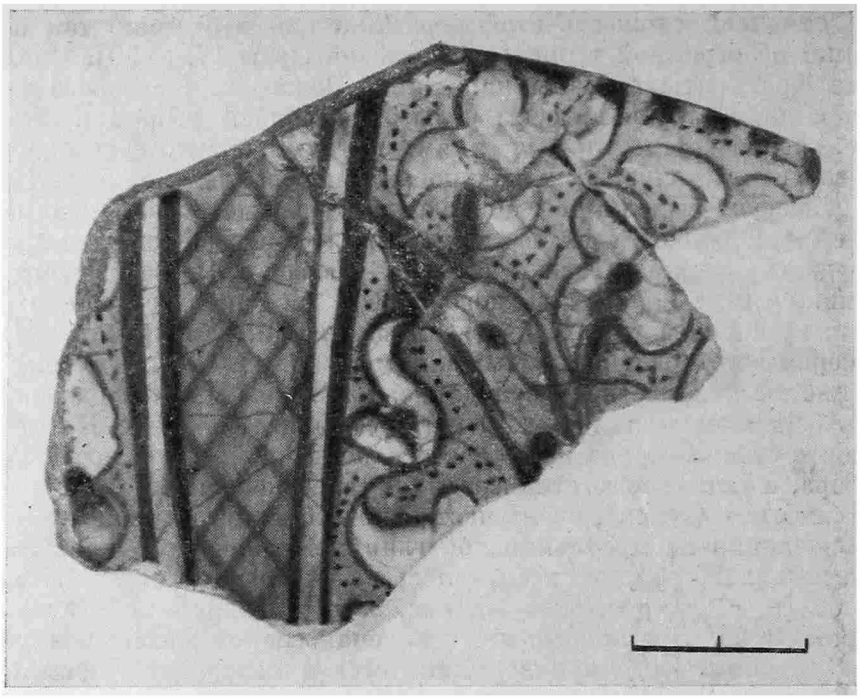


Рис. 1. Фрагмент чаши с полихромной подглазурной росписью и рельефом

Тип. 2. Керамика с подглазурной полихромной росписью. Среди кремлевских находок интересны 16 фрагментов чаши-пиалы на кольцевом поддоне с прямым венчиком (рис. 2), обнаруженные также возле Успенского собора. Чаша сделана из розового кашина, диаметр дна 7 см, высота поддона 1,5 см. Полива прозрачная, роспись нанесена синей и темно-зеленой красками по ангобу. Цек крупный. Кольцевой поддон свободен от поливы. На дне чаши, в центре, помещен цветок с шестью лепестками, заключенный в круг и обведенный тонкой зеленой и широкой синей полосами. От цветка вверх расходятся восемь узких листьев синего цвета. Между ними помещены выполненные зеленой краской удлиненные ромбы с растительным орнаментом и штриховкой внутри. Выше, почти по краю пиалы, изображены восемь крупных овальных медальонов, обведенных тонкой зеленой полосой и широким синим мазком. В центре каждого из них расположен небольшой зеленый трилистник со штриховкой внутри. Свободный фон между медальонами заполнен мелкими завитками, среди которых выделяются изображенные попарно длинные листья. По краю чаши идет широкая зеленая полоса. На внешней стороне, чуть выше поддона, пиала украшена двумя параллельными ему зелеными толстыми линиями. От этих полос к краю чаши проложены четыре расширяющиеся кверху дорожки мелкого растительного орнамента, между которыми помещены зеленые штрихи в виде пучка травы. В росписи чаши преобладает синяя кобальтовая краска, наиболее крупные детали орнамента нанесены ею. Находка сделана в слое конца XIII — первой половины XIV в. Остальные три фрагмента этого типа керамики из раскопок в Кремле имеют такую же цветовую гамму и схожие элементы орнаментации. Их дата по слою — середина — вторая половина XIV в. Подобная продукция характерна для керамических мастерских городов Нижнего Поволжья.

Тип. 3. Тимуридская керамика. В конце XIV — начале XV в. основное место среди экспортируемых Китаем керамических изделий занимает посуда, украшенная подглазурной росписью синей краской. Под влиянием ввозимой на Передний Восток изделий типа «кобальт» здесь развилось местное производство подобной керамики. От китайской она отличается тем, что сделана из кашина или простой гончарной глины,

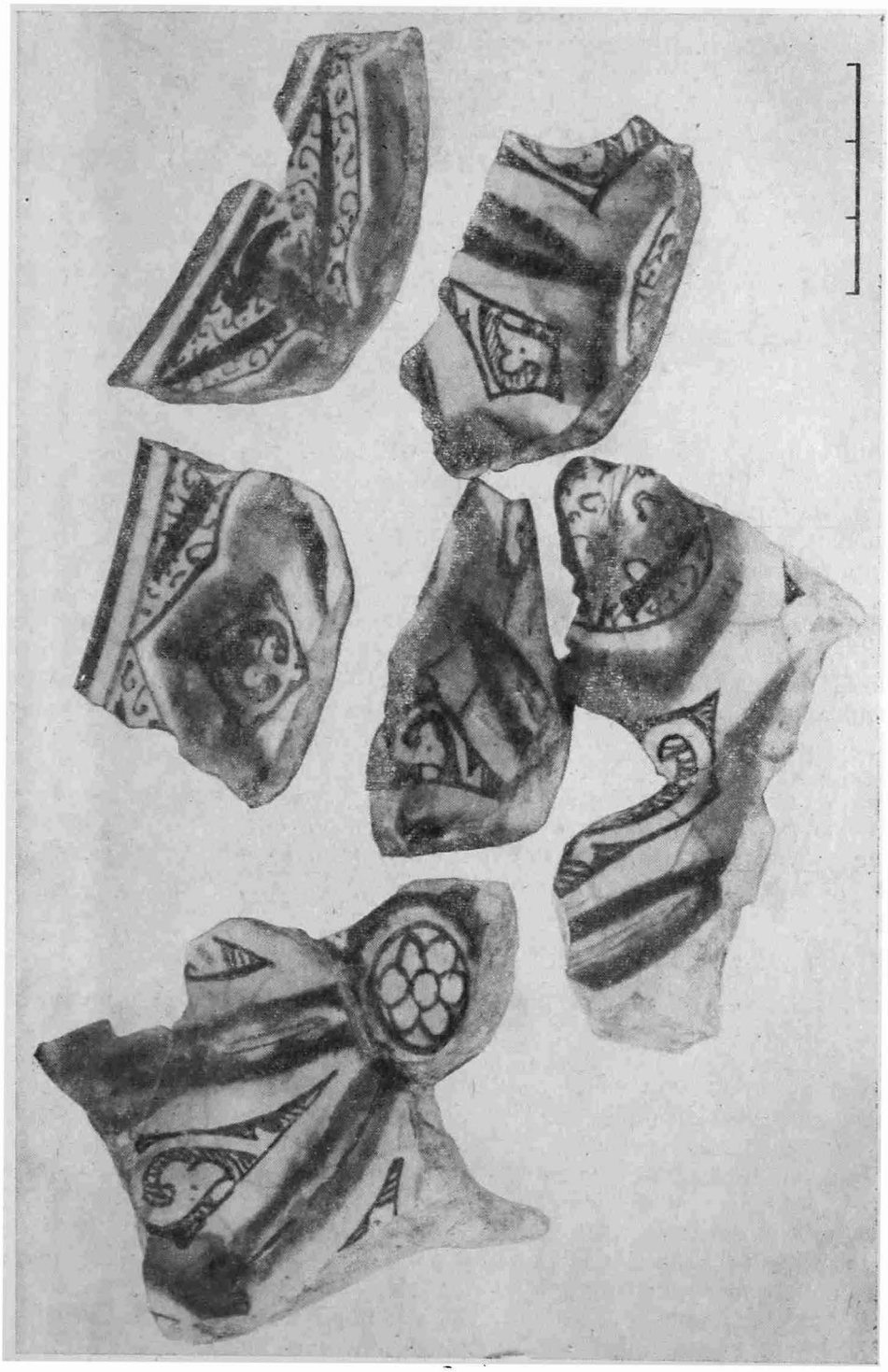


Рис. 2. Фрагменты чаши с полихромной подглазурной росписью

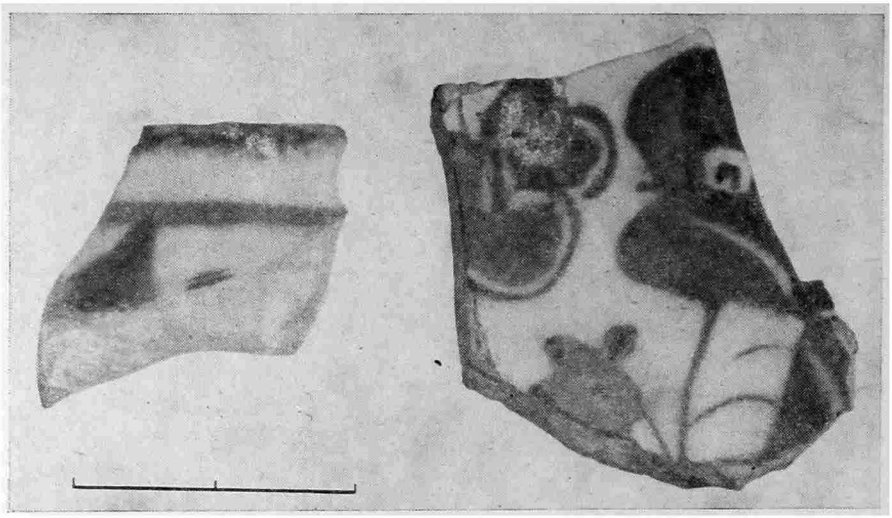


Рис. 3. Фрагменты тимуридской керамики (горло миниатюрного сосуда и часть стенки сосуда)

так как секрет изготовления фарфора не был открыт мастерами Ближнего Востока [13, с. 30]. В археологическом собрании музеев Кремля тимуридская посуда представлена тремя фрагментами из кашина: стенкой сосуда с нанесенным с двух сторон растительным орнаментом, выполненным тонкой линией, частью горлышка миниатюрного парфюмерного или медицинского сосудика (венчик украшен широкими каплевидными мазками) и фрагментом ручки сосуда с орнаментом в виде зигзагообразных полос (рис. 3). Кашинный черепок в изломе серого цвета, хрупкий, полива прозрачная и блестящая, цек крупный. Роспись нанесена кобальтом сочного, иногда почти черного цвета. Как отмечает в своих исследованиях Н. М. Булатов, кашин бело-серого цвета, встречающийся на городищах Хорезма и Поволжья, все же более типичен для поливной керамики Хорезма [7, с. 97], гончарные мастерские которого полностью переходят на изготовление посуды с синей росписью, вытеснившей ранее производимую продукцию. Датируется найденная в Кремле тимуридская керамика XV в.

Группа II. Керамика с прозрачной бирюзовой поливой

Тип 1. Посуда с черной росписью под прозрачную бирюзовую глазурь. Это мелкие фрагменты крупных чаш с чуть отогнутым краем на кольцевом поддоне, найденные в районе Успенского собора. Роспись произведена по ангобу кобальтом, на поливе крупный цек. Часть стенки сосуда из розового кашина украшена по внутренней стороне рисунком в виде летящих птичек, а по внешней — широким каплевидным мазком. Небольшой фрагмент венчика со слегка отогнутым краем украшен широкой полосой с обеих сторон и растительным орнаментом внутри. По характеру орнамента найденные в Кремле фрагменты имеют полную аналогию в сосудах Хорезма и Сарая Берке [7, с. 104]. Подобная посуда ввозилась в золотоордынские города из Хорезма или подражала хорезмской. Датируется она серединой XIII — первой половиной XIV в.

Тип. 2. Посуда с бирюзовой поливой без росписи и рельефа. Представлена в коллекции семью находками. Небольшие фрагменты из белого или серого кашина покрыты двусторонней прозрачной бирюзовой глазурью. Все находки сделаны при исследовании Соборной площади и датируются серединой XIV в.

Тип. 2. Внутренняя поверхность посуды покрыта прозрачной бирюзовой поливой, а внешняя — глухой бирюзовой.

Найден только один фрагмент этого типа керамики. Подобная посуда

хорошо известна на городищах Золотой Орды и широко за ее пределами во второй половине XIV в.

Группа III. Керамика с ультрамариновой поливой

Ультрамариновая глазурь часто встречается в сочетании с бирюзовой. Именно к этому типу относятся два небольших фрагмента стенок кашинных сосудов, покрытых снаружи прозрачной ультрамариновой, а внутри бирюзовой поливой. Тип широко представлен на городищах Золотой Орды в середине XIV в. [7, с. 105].

Второй подотдел объединяет кашинную керамику с опаковыми (глухими) поливами. Здесь выделены две основные группы — с белой и ультрамариновой глазурью.

Группа I. Керамика с белой поливой

Тип. 1. Посуда с полихромной надглазурной росписью и позолотой. Подробное описание сосуда и его реконструкция (по шести фрагментам, найденным в Кремле при строительных работах 1960 г.) даны в статье Г. П. Латышевой [5, с. 224, 225, рис. 4, *1*, *5—7*]. Чаша богато орнаментирована с применением двусторонней полихромной надглазурной росписи и позолоты по глухой белой поливе. Керамика этого типа — очень редкая находка в слоях древнерусских городов. Одна из них сделана в Новгороде и по орнаментации близка к московской. Посуда этого типа характерна в основном для средневекового Ирана, но подобные чаши изготовляли и в Сарае Берке, где была известна техника золочения керамики. Это производство здесь развилось под иранским влиянием, но орнаментация и сочетание красок для Ирана не характерны. Они типичны для Сарая Берке. В керамических центрах Средней Азии такую посуду не производили [6, с. 283]. Находка из культурного слоя Кремля, как и новгородская, датируется второй половиной XIV в.

Тип. 2. Керамика с надглазурной росписью красной краской. Представлена в археологической коллекции небольшим фрагментом. Часть стенки сосуда сделана из белого кашина, на непрозрачную белую половину нанесен красной краской орнамент в виде ломаной линии. Из-за незначительных размеров обломка трудно судить о характере росписи всего сосуда. Отметим, что подобная посуда производилась в городах Золотой Орды в подражание иранской керамике типа «минаи». Датируется по слою второй половиной XIV в. [7, с. 106].

Группа II. Керамика с ультрамариновой поливой

Представлена в собрании музеев одним типом посуды. Это часть стенки сосуда из белого кашина, покрытая опаковой ультрамариновой двусторонней глазурью и имеющая на внутренней стороне роспись золотистой краской по поливе. Среди изделий керамистов Золотой Орды и Средней Азии тип с ультрамариновой глухой поливой крайне редок. Данную находку нужно связывать с керамическими центрами Ирана второй половины XIV в. [14, с. 136, 137].

Второй отдел объединяет люстровую керамику. На территории Московского Кремля найдены три фрагмента люстровой посуды (от двух чаш). Одна из находок была рассмотрена в статье Г. П. Латышевой [5, с. 224, 225]. Обращает на себя внимание технологическое и орнаментальное (частично) сходство обломков. Плотный черепок красного цвета покрыт белой опаковой поливой, на которую нанесена роспись светло-коричневым люстром и неярким кобальтом. Люстровая роспись всех фрагментов несет на себе в основном геометрический орнамент — сочетание широких и узких линий, клеток и т. д. Почти полностью совпадает рисунок наружной поверхности этих чаш — полосами, идущими параллельно краю сосуда, между которыми помещены косые линии. По венчику с обеих сторон проложена широкая полоса желто-коричневого

цвета. Роспись внутренней поверхности имеет два варианта. Если у первой чаши это крупная голубая и мелкая коричневая клетки [5, рис. 4, *8—10*], то у второй — широкие голубые и желто-коричневые полосы, параллельные краю сосуда. Почти у самого венчика между коричневыми полосами помещен орнамент, напоминающий меандр, ниже — мелкие растительные мотивы (выполнены тем же цветом). Чаши имеют диаметр около 15 см. Фрагмент первой найден в нарушенном перекопами слое, второй — в слое конца XIII—XIV в. Сочетание кобальта с люстровой росписью отмечено в посуде и изразцах керамических центров Ирана и Передней Азии начиная с конца XIII в. [15, с. 62, 64, 66]. Наличие полуфаянсового плотного черепка, росписи кобальтом и люстра невыразительного желто-коричневого цвета позволяет отнести найденные в Кремле фрагменты к позднему периоду изготовления люстровой керамики в Иране — XIV в. (что не противоречит дате слоя, в котором была сделана одна из находок).

Третий отдел составляет красноглиняная керамика.

Группа I. Керамика с желтой поливой

Тип 1. Посуда с двусторонней прозрачной желтой глазурью. Представлена в коллекции двумя фрагментами. По красной глине густым ангобом нанесен рисунок в виде рельефной волнистой линии. Полива двусторонняя. После ее нанесения общий фон сосуда получался хорошего коричневого цвета, а орнамент — желтого. Этот тип в основном составляют миски с вертикальным бортом на низком поддоне, датируемые XIV в. [16, с. 194] и изготовленные в Херсонесе.

Тип. 2. Отличается от керамики типа 1 орнаментацией. Два фрагмента целиком покрыты ангобом, по нему украшены коричневыми пятнами окиси марганца и затем облицованы желтой прозрачной глазурью. Цек мелкий. Находки сделаны в слое XV в. Посуда этого типа производилась в гончарных мастерских средневекового Крыма.

В **четвертый отдел** нами включены две группы, стоящие несколько особняком от остальной керамики.

Группа I. Сероглиняная посуда со штампованным орнаментом

На территории Кремля найдены три фрагмента керамики этой группы. Их внешняя поверхность покрыта штампованным орнаментом из розеток и ломаных линий. На двух обломках (видимо, от одного сосуда), обнаруженных в районе Ивановской площади, сохранились следы частичного покрытия поливой. Глазурь нанесена на светло-серый ангоб (тесто черепка плотное, темно-серого цвета), но так как находки побывали в пожаре, определить первоначальный цвет поливы невозможно. Посуда этой группы, расписанная частично бирюзовой поливой, характерна в основном для среднеазиатских центров. Встречается в материале Хорезма [8, с. 41—45], Ага-Базара [17, с. 334], Карабулака [18, с. 36, 37]. Датируется по слою XIV в.

Группа II. Селадоны

В культурном слое Московского Кремля найдены фрагменты дорогой китайской посуды — селадонов, очень редко встречающиеся в древнерусских городах. Это толстостенные блюда, чаши, реже сосуды и вазы, покрытые красивой глазурью чаще всего зеленого цвета. Селадоны изготовлялись из массы с большим содержанием кремния, черепок отличается большой твердостью. В археологическом материале городов Средней Азии, Нижнего Поволжья, Закавказья и в некоторых музейных собраниях хорошо представлены селадоны династий Сун (980—1280 гг.) и Мин (1368—1644 гг.). На Русь эта посуда попадала через Хорезм. Найденные в Кремле девять фрагментов (две находки сделаны в районе Ивановской площади и две возле Оружейной палаты) имеют в изломе твер-

дый серый черепок и покрыты слоем зеленой поливы различных оттенков. Толщина стенок сосудов колеблется от 3 до 9 мм (одним из фрагментов дна блюда — 14 мм). Цек крупный. Две находки побывали в пожаре, черепки слегка закопчены, глазурь местами вспучилась. Один из обломков (слой первой половины XIV в.) по внутренней стороне украшен гравировкой по сырому черепку (рисунок не восстанавливается). Интересны шесть фрагментов большого селадонового блюда на кольцевом поддоне (диаметр поддона около 15 см). Сохранилась часть отогнутого наружу венчика с фестончатым краем (рис. 4) и следами гравировки тонкой линией. Находка сделана в нарушенном перекопами слое с вещами XV в. Подобные блюда с фестончатым венчиком известны как в ранних материалах, XII—XIII вв. [19, с. 192, с. 16, 17], так и в более поздних, XIV—XVI вв., например в собрании Эрмитажа [20, с. 58, № 47; с. 60, № 49; с. 64, № 58]. Остальные фрагменты селадонов из слоя Кремля не орнаментированы. Отметим, что самая ранняя находка этой посуды относится ко второй половине XIII в., две обнаружены в слое XIV в.

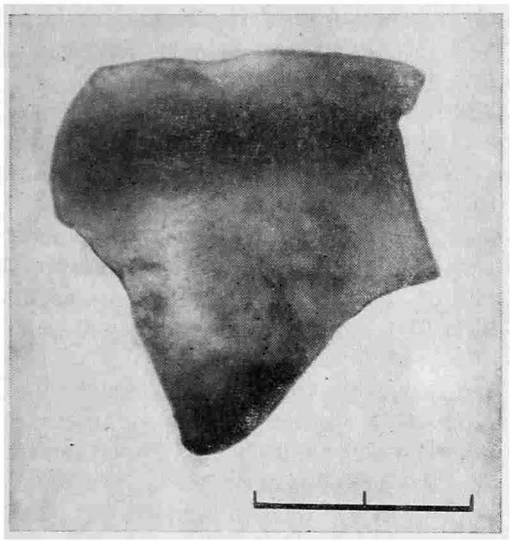


Рис. 4. Фрагмент венчика селадонового блюда (с фестончатым краем)

В заключение остановимся на одной интересной находке восточной посуды в Кремле, сделанной еще в конце XIX в. Клад, включавший в себя и 13 поливных сосудов, был обнаружен под древним полом в подклете Благовещенского собора [21, с. 212, 213]. Подробнее этот комплекс будет рассмотрен в специальной статье. Все типы посуды этого клада представлены в археологическом собрании находками из культурного слоя Московского Кремля.

Рассмотренный в работе материал показывает, что поливная восточная посуда представлена в археологической коллекции музеев очень широко. Некоторые затруднения вызывают определение центров производства отдельных типов посуды золотоордынского времени, так как схожесть изделий гончарных мастерских Хорезма и Сарая Берке, например, очень велика.

Наиболее ранние вещи из слоя второй половины XIII — первой половины XIV в. представляют нам четыре типа поливной посуды. Это фрагменты чаш из кашина на кольцевых поддонах с полихромной подглазурной росписью (с рельефом и без него) и сосудов с черной росписью под бирюзовую поливу, изготовленных в керамических центрах Средней Азии и Золотой Орды. И в это же время в Москве появляется такая дорогостоящая посуда, как селадоны. Поступали они на Русь через Хорезм, попавший в XIII в., как и Китай, под владычество Чингизидов.

К середине XIV в. ассортимент восточной керамики, шедшей на Русь, значительно расширяется. По-прежнему, наиболее значительные поступления поливной гончарной продукции идут из центров Золотой Орды. Это посуда с прозрачной бирюзовой поливой (два типа) и ультрамарпновой, богатые чаши с полихромной росписью и позолотой, фрагменты сосудов их серой глины со штампованным орнаментом и частичной глазуровкой. В культурном слое Московского Кремля XIV в. имеются находки керамических изделий, характерных для мастерских средневекового Ирана. Это фрагменты двух люстровых чаш и сосуда с глухой ультрамариновой глазурью, украшенных росписью золотистой краской. В связи с этим отметим, что косвенные данные о связях Древней Руси с Ираном есть

в письменных источниках. Так, в духовной грамоте московского князя Ивана Калиты упомянуто «блюдо езднинское» (г. Иезд, Иран) [22, с. 7]. В этот же период появляется в Москве красноглиняная посуда, изготовленная в гончарных мастерских Крыма. Все это говорит о довольно устойчивых связях древней Москвы со странами Ближнего Востока во второй половине XIII—XIV в. Огромную роль здесь играли два центра — Хорезм и Сарай, располагавшие крупными керамическими мастерскими и являвшиеся важными торговыми пунктами на караванном пути из Крыма через Нижнее Поволжье и Среднюю Азию в Монголию и Китай. Именно с гончарными мастерскими Хорезма и Золотой Орды связана в общей сложности бóльшая часть восточной поливной посуды из раскопок в Кремле (10 типов).

В начале XV в. картина резко меняется. В культурном слое Московского Кремля этого времени отмечены немногочисленные находки поливных изделий только трех типов. Это фрагменты тимуридской керамики, подражавшей китайским фарфорам (поступала из Хорезма), красноглиняной посуды с желтой глазурью по ангобу (Крым) и селадонов. Вызвано было столь резко сокращение экспорта восточной посуды разрушительными походами Тимура в конце XIV в., уничтожившими многие значительные центры ремесла и торговли Средней Азии, Золотой Орды, Крыма. Все это привело к подрыву караванной торговли, шедшей через Хорезм и Нижнее Поволжье, упадку рынков и ремесленного производства, что довольно четко прослеживается и по археологическому материалу из культурного слоя Кремля.

Таким образом, изучение поливной восточной посуды из раскопок в Московском Кремле позволило уточнить время ее появления в культурном слое древней Москвы. Это вторая половина XIII в. Наиболее разнообразно керамика представлена в слое XIV в. Основную часть посуды составляют изделия из кашина (белого, серого, розового), некоторые изготовлены из красной или серой глины.

Введение в научный оборот находок восточной поливной посуды из слоя Московского Кремля дает возможность изменить существовавшие до сих пор представления о времени появления этих изделий в древней Москве, их ассортименте и использовании [2, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фехнер М. В.* Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 31.
2. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVII вв.— САИ, 1968, вып. Е1-39.
3. *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.— МИА, 1971, № 167.
4. *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы.— МИА, 1971, № 167.
5. *Латышева Г. П.* Торговые связи Москвы XII—XIV вв.— МИА, 1971, № 167.
6. *Медведев А. Ф.* Поливная керамика из Новгорода.— МИА, 1963, № 117.
7. *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4.
8. *Якубовский А.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае-Берке.— Изв. ГАИМК, 1931, т. 8, вып. 2, 3.
9. *Монгайт А. Л.* Золотоордынская чаша из Новгорода Великого.— КСИИМК, 1948, вып. XIX.
10. *Булатов Н. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1965.
11. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Худож. лит. УзССР, 1960.
12. *Брыкина Г. А.* Зооморфные изображения средневековой керамики Ферганы.— КСИА, 1972, вып. 132.
13. *Вактурская Н. Н.* К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем.— В кн.: Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.— Л., 1956.
14. *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.
15. *Кверфельдт Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1947.
16. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес XII—XIV вв.— МИА, 1950, № 18.
17. *Жеромский Б. Б.* Ага-Базар.— МИА, 1954, № 42.

18. *Брыкина Г. А.* Карабулак. М.: Наука, 1974.
19. *Кверфельдт Э. К.* Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. М., 1938.
20. *Агапова Т. Б.* Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV — первая треть XVIII вв. Л.: Аврора, 1977.
21. Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забелина «Подземные хранилища Московского Кремля и раскопки в Кремле».— АИЗ, 1894, № 2.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950.

T. D. Panova

ORIENTAL GLAZED CERAMICS DUG IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

The author presents, for the first time, Oriental glazed ceramics dug in the Moscow Kremlin (all in all 86 fragments). She divides them into four groups. The first comprises kashin vessels, the second—lustre ceramics, the third—red clay pottery and the fourth—grey earthenware and celadons. Oriental glazed pottery is associated with the second half of the 13th and the first half of the 14th century in the Kremlin cultural layer (vessels with polichrome underglaze painting, with black painting under torquoise slip and celadons).

By the mid-14th century the number and types of Oriental ceramics became much wider. For their most part glazed vessels originated from the Golden Horde, there are also artifacts manufactured evidently in mediaeval Iran (fragments of lustre ware with ultramarine slip and painting) and those made in Crimea.

The 15th century witnessed a sharp decline in the number of Oriental ceramics found in the Kremlin. Among them are few glazed vessels (the Timurides pottery, red clay ware and celadons). This was caused by Timur's devastating raids which eliminated many large centres of handicrafts in Central Asia, the Golden Horde and Crimea.

В. Л. ЕГОРОВ, А. И. ЮХТ

В. Н. ТАТИЩЕВ О ГОРОДАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Публикуемые письма принадлежат Василию Никитичу Татищеву (1686—1750) — одному из замечательных людей своей эпохи, выдающемуся ученому и крупному государственному деятелю, человеку удивительно разносторонних знаний и интересов. С его именем связано развитие в России в первой половине XVIII столетия не только гуманитарных, но и естественных наук — таких, как геология и палеонтология. Особенно велико значение его трудов в области истории и вспомогательных исторических дисциплин, географии и картографии, философской и экономической мысли, а также права. Татищев открыл для науки такие памятники, как Русская Правда, Судебник 1550 г., Книга Большому Чертежу. Он обнаружил ранее неизвестные летописи и ввел в научный оборот богатейшие летописные материалы.

Главный труд Татищева — многотомная «История Российская» — представляет собой первый опыт научного освещения отечественной истории и отражает философские и политические воззрения автора, его понимание основных этапов исторического процесса. Выдающееся значение этого труда как нового крупного этапа в развитии русской историографии XVIII в. стало еще более очевидным после его академического издания, осуществленного в 60-х годах под редакцией А. И. Андреева, С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова [1].

Татищеву был присущ интерес не только к письменным источникам, но и к памятникам материальной культуры, которые он рассматривал как показатель уровня развития у народов ремесла, промышленности, торговли, сельского хозяйства, градостроительства, оборонительных сооружений и т. п. Его внимание неизменно привлекали остатки городов на Волге, Дону, Северном Кавказе, что нашло отражение в «Истории Российской», «Лексиконе» [2] и переписке с Академией наук. Эту переписку (чаще всего Татищев обращался к советнику канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру, игравшему большую роль в управлении ее делами в 30—40-х годах XVIII в.), которая носила постоянный и регулярный характер, он вел почти с основания академии и вплоть до своей смерти в июле 1750 г. Сохранилось около 200 писем и официальных документов, с которыми Татищев как руководитель различных учреждений обращался к Академии наук. Из них опубликована лишь меньшая часть [3, 4].

Переписка представляет большой научный интерес, свидетельством чему, в частности, являются и публикуемые письма. В. Н. Татищев сообщает о ходе работы над «Историей Российской» и другими трудами по истории и географии, высказывает соображения о деятельности Академии наук, делится мыслями о развитии науки, просвещения и культуры, ставит перед академией практические задачи, связанные с экономическим развитием России и т. д.

Письма в академию от 25 октября и 29 ноября 1741 г. были отправлены Татищевым из Селитренного городка (ныне с. Селитренное Астраханской обл.). Каким образом он очутился здесь? В конце июля 1741 г. Татищев был назначен начальником Калмыцкой комиссии и послан в низовье Волги. Русское правительство поручило ему добиться прекращения междоусобной борьбы, вспыхнувшей среди калмыцкой феодальной знати

в связи со смертью хана Дондук-Омбо, и выбрать нового наместника Калмыцкого ханства. Татищев избрал своей ставкой Селитренный городок, куда прибыл 22 октября и где находился до 2 декабря. Добившись примирения калмыков и избрания на определенных условиях наместником ханства Дондук-Даши, Татищев намерен был вернуться в Петербург. Однако правительство Елизаветы Петровны назначило его в декабре 1741 г. губернатором Астраханского края, сохранив за ним одновременно и руководство Калмыцкой комиссией.

Публикуемые письма Татищева являются первым в русской историографии описанием остатков городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Ценность сообщаемых сведений состоит в том, что автор застал хорошо видимые развалины и даже остатки отдельных построек. Это позволило ему суммарно оценить площадь, которую они занимали, что немаловажно сейчас, когда время и хозяйственная деятельность заметно изменили микротопографию и следы построек утрачены. Поскольку сам автор находился в Селитренном городке, то, естественно, наиболее подробно им описано именно это городище, представляющее остатки первой столицы Золотой Орды — Сарая, основанного ханом Бату около 1250 г. Многочисленные монументальные постройки города находились до второй половины XVI в. в полной сохранности, когда царь Федор Иванович в 1588 г. велел ломать «мизгити и полаты в Золотой арде и тем делати город» Астрахань [5, с. 196].

Наблюдения В. Н. Татищева полностью подтверждаются многолетними работами Поволжской археологической экспедиции по исследованию Селитренного городища. В письмах отчетливо выделяются три крупных района с хорошо развитой городской культурой. Центром первого района был Сарай, остатки которого сейчас частично застроены селом Селитренным. Гигантским размерам этого города удивлялся в 30-х годах XIV в. арабский путешественник Ибн Батута, он писал: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» [6, т. 1, с. 306]. В письмах В. Н. Татищева отмечена ширина города от берега реки в глубь степи — от 3 до 5 верст, что подтверждается и современными наблюдениями. Причем первое расстояние соответствует окончанию плотной городской застройки, а далее на протяжении 2—3 км — до сих пор сохраняются остатки крупных загородных усадеб. Все они располагаются, как точно подметил Татищев, «по всем высоким местам», т. е. на вершинах холмов. Натурные обследования позволили ему определить, что прилегающий к столице оседлый район тянулся узкой полосой вдоль Ахтубы вверх по течению «верст с 35» и примерно на столько же вниз. Современные археологические разведки полностью подтверждают это сообщение. Конечно, слова Татищева нельзя расценивать как свидетельство существования беспрерывной застройки протяженностью в 60—70 км. На этом пространстве были разбросаны отдельные усадьбы, замки и небольшие поселки, находившиеся на незначительном расстоянии друг от друга. Возможно, что впечатление об их слитности воедино оставляли окружавшие сельскохозяйственные угодья — сады, огороды и пашни. Последние также не ускользнули от внимания Татищева.

На развалинах Сарая Татищев собрал коллекцию изразцов, в том числе и с позолотой, а также монеты и керамические трубы для водопроводов. В раскопках последних лет дважды исследованы монументальные жилые и общественные постройки, интерьеры которых украшались изразцами с растительным и геометрическим орнаментом из сусального

золота. Была зафиксирована также линия водопровода, тянувшаяся от Ахтубы в глубь городища; большое число таких водопроводных труб найдено при раскопках двух бань — дворцовой и общественной. Интересно отметить наблюдательность Татищева, особо подчеркнувшего, что изразцы были изготовлены не на красноглиняной основе, «но из мягкого песчаного камня», который он посчитал естественным. Сейчас эта основа, на которую наносилась полива, хорошо известна под названием кашинного теста, получавшегося сарайскими ремесленниками путем смеси нескольких компонентов. Особый интерес представляет упоминаемый во втором письме вал и ров на территории Селитренного городища. Он действительно находится «верстах в трех» от современного села и начинается «от Ахтубы по нискому месту» в распаде между Змеиным и Красным буграми. Татищеву удалось проследить его «верст на пять»; в наши дни это сооружение в значительной части снивелировалось и заметен лишь его начальный отрезок.

Упоминание развалин по течению речки Ханской, находящихся в глубине степи, а не на берегу Ахтубы, может служить указанием на начало караванного пути из Сарая в крупный город Сарайчик, располагавшийся на р. Урал. Судя по контексту, эти «стены городовые каменные и строенья» находились одно за другим на расстоянии соответственно 20 и 40 верст от Ахтубы. Не исключено, что это были караван-сараи, строившиеся вдоль торговых путей на расстоянии одного дневного перехода один от другого. Сооружения эти еще предстоит найти, что значительно затрудняется отсутствием на современных картах речки с названием Ханская. Сведения о «великих дорогах в степи» также подтверждают сообщения средневековых источников о процветании международной и внутренней торговли в Золотой Орде. Отмеченная Татищевым характерная деталь — колеи, оставленные повозками, может указывать на то, что эти дороги служили в основном для связи между городами левобережья Ахтубы. Перевозки товаров на более значительные расстояния, как известно, осуществлялись не на арбах, а караванами навьюченных верблюдов.

О втором крупном районе градостроительной культуры сообщается вскользь в письме от 25 октября. Он находился в низовьях Волги и Ахтубы, где «с двадцать верст видимо, что было каменное укрепление». Возможно, центром этого района был г. Хаджитархан, остатки которого сейчас полностью уничтожены Волгой. Третий район золотоордынского градостроительства Татищев относит к месту расположения второй столицы государства — Сарая ал-Джедид. Остатки его сейчас известны как Царевское городище, а по словам Татищева, «место от русских названо Царев Под».

Свои впечатления и наблюдения Татищев включил в «Историю Российскую» в следующем виде: «... по левому берегу реки Ахтубы видимо развалины строения каменного непрерывно верст на 70; наипаче, где ныне селитерной завод, именуемой Чигитаджи, был город великой, которого вал и рвы на великом пространстве, как я в 1741-м сам видел» [1, т. I, с. 270]. Далее в тексте упоминаются разноцветные изразцы и водопроводные трубы.

В трудах Татищева получила отражение и своеобразная точка зрения на время основания Сарая, «которого положения, пространства и великого бывшего каменного здания удостоверывают, что много сот лет прежде татар строен» [1, т. II, с. 310]. Подобные предположения были в ходу до совсем недавнего времени, но многолетние работы Поволжской археологической экспедиции не обнаружили на Селитренном городище каких-либо домонгольских напластований. Более того, Татищев не был убежден, что развалины у Селитренного городка соответствуют остаткам столицы Золотой Орды. «А что город на Ахтубе был, оной называли татары Шери Сарай, или Золотой дом, но жили ль тут когда ханы, подлинно неизвестно, токмо часто в русских гисториях упоминается Сарай, да где подлинно, сказать неможно, ибо часто говорят о Сарае за Касписким морем» [1, т. VII, с. 434]. Подобная осторожность в оценках и суж-

дениях при отсутствии веских аргументов и неоспоримых доказательств еще более повышает ценность конкретных сведений, содержащихся в трудах крупнейшего русского историка XVIII в.

Настоящие письма публикуются впервые. Они хранятся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР. Первое из них (за исключением последней фразы) написано писцом и подписано автором, второе — собственноручно В. Н. Татищевым (рисунок).

В. Н. ТАТИЩЕВ И. Д. ШУМАХЕРУ

25 октября 1741 г.

[л. 111] Благородный и почтенный господин советник, мой государь.

По прибытии моем суда я сие место, колико в близости удобно, осматривал и видел версты на три как на берегу реки Ахтубы, так и от берега в степь великие бугры лежат кирпича. Обыватели же сказывают, что онаго подле Ахтубы верст на тритцать, а вниз близ того же, и внизу с дватцать верст видимо, что было каменное укрепление; в гору же от берега строение по лежасчим кирпичам видно версты на три, инде и на пять, токмо строения ныне никакого нет, ибо разбирано и свожено для строения Астрахани. Я собрал из находясчихся в земле развалин неколико израсцов зеленых бывших в строении, междо которыми два целые шестиугольника розписываны золотом, другие, на которых врезываны литеры белые, иные составливаны из кусков разнаго цвета поливанных и видится без узора. Сии поливанные или амалированные весчи не суть из глины, но из мягкаго песчаного камня, котораго я по берегам Волги видел горы, а посуда поливанная ж находится из глины. Здесь же находятся трубы глиняные длиною аршина по два с половиною, в диаметре в три до шести дуймов; лежат гаризонтально в земле засыпаны на сажень, знатно вода провожена; место одно, где такая вынута, от берега более дву верст, но понеже работники не смыслят, того ради никто не умеет сказать, как одна з другою составливана. А я сколько видел те изломаны, токмо велел на копях искать куска [л. 111 об.] большаго, а паче, чтоб конец видеть оных штук, колико можно собрав, також денег и пр., что достойно, зимою пришлю в Академию.

В верх от сего места верст со сто на речке текусчей из степи, имянуемой Ханская, в дву местах сказывают видны городовые каменные и строенья есче немалые от Ахтубы одно разстоянием верст дватцать, другое с тритцать пять или сорок. Оные велел бы описать, токмо по прозьбе моей от Кабинета геодезиста не прислано [1]. Того ради прошу вас, моего государя, если удобно его сиательству генералу-адмиралу [2] напамятовать.

Я же пребываю всегда вам, моему государю, послушный слуга.

В. Татищев

Селитренной городок

25 окт[ября] 1741

Тулуп колмыцкой ныне для безпутицы послать опасен, а пришлю впредь. Здесь сегодня первое на лужах замерзло, однако ж к полудни оттаяло и я есче в избе не спал без нужды [3].

[ЛОА АН СССР, ф. 1, оп. 3, д. 31, л. 111—111 об. Подлинник.]

---

[1] 13 августа 1741 г. Татищев направил в кабинет министров донесение, в котором, в частности, писал: «Ныне ... я посылаюсь в такие места, где немало разоренных городов, також идолов и камней с подписьми находится, а о гистории не знаю, можно ли достаточное известие сыскать». Татищев просил определить к нему геодезиста и от Академии наук «живописного ученика» [7, с. 321]. Такой ученик Некрасов, был прислан в Астрахань весной 1741 г. Татищев отправил его и кондуктора инженерного корпуса А. Голохвостова на р. Куму, где находились развалины Маджар. Первому Татищев поручил зарисовать древние здания и все достойные внимания вещи «в самой их натуре», которые будут им обнаружены; второму составить чертежи Маджар и съемку местности вокруг на 5 верст [8, с. 334—338]. В феврале 1743 г. Татищев отправил чертежи и описание в Академию наук.

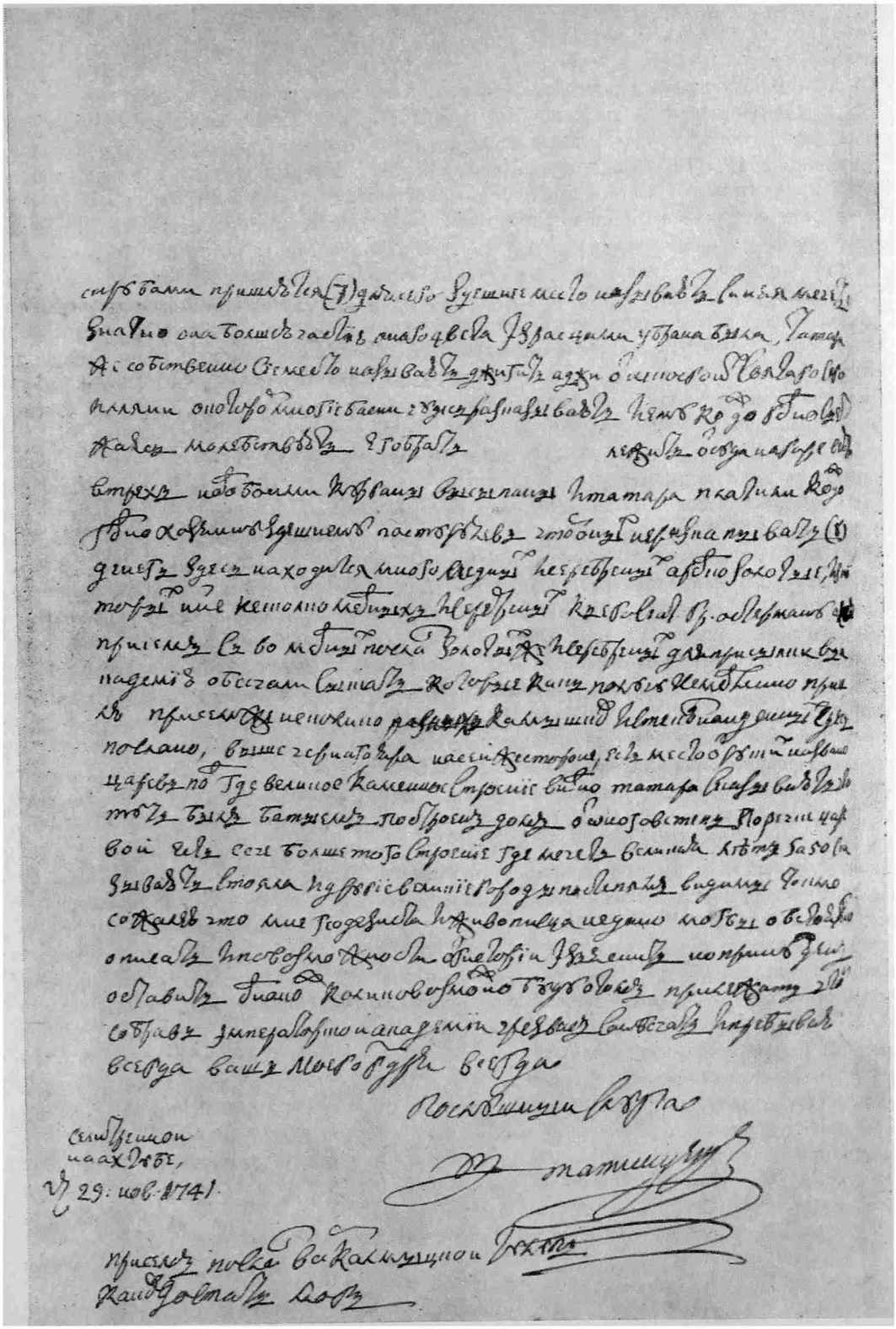
[2] Имеется в виду вице-канцлер А. И. Остерман.

[3] Последние две фразы написаны рукой В. Н. Татищева.

Благородный и почтенный Г[осподи]нъ советникъ

мой Г[осуда]рь 25

Я хотя иногда охотникомъ небылъ [illegible] посещенныхъ сооб[illegible]
вавалъ и будучи [illegible] обеспокоивалъ [illegible]
мѣстъ оное упомянутыхъ и по [illegible] удобно описалъ. В начале
в верстахъ по Ахтубѣ верстъ во 35 ездилъ и видѣлъ что повсюду
высокихъ мечетяхъ строенія каменныя были какъ [illegible] груды
кирпича свидетелствуютъ а много [illegible] танц[illegible] (2)
верстахъ три [illegible] Ахтубѣ [illegible] мѣсто начался валъ
чрезъ весь которого верстъ на 5 видно что лутчие мѣста ок[illegible]
ружалъ только весь осмотрѣть мнѣ неудалось (3) мѣста въ двух
[illegible] видно земля [illegible] какъ пашня [illegible]
(4) постели видно много старые великие дороги что коли [illegible]
[illegible] а [illegible] съ [illegible] и широкие [illegible]
[illegible] ширина [illegible] на 20 [illegible] где строения были [illegible]
[illegible] уже невидно [illegible] (5) [illegible]
[illegible] трубами [illegible] [illegible] верстъ
[illegible] найдена труба которая [illegible] на 30 [illegible]
[illegible] кирпича [illegible] трубы состоитъ
[illegible] 3. [illegible] 13: [illegible]
составливали [illegible] только [illegible] видится [illegible]
что [illegible] [illegible]
[illegible] то [illegible] вашъ [illegible]
[illegible] какъ [illegible]
[illegible] (6) [illegible]
в строении находится [illegible]
[illegible]
[illegible] разными цвѣтами [illegible] что [illegible]
[illegible] цвѣтовъ [illegible] немало собрано [illegible]



Письмо В. Н. Татищева от 29 ноября 1741 г.

В. Н. ТАТИЩЕВ И. Д. ШУМАХЕРУ

29 ноября 1741 г.

[л. 112] Благородный и почтенный господин советник, мой государь.

Я хотя никогда охотник не был с сабаками по степям сообсчествовать и бедных зайцов обеспокоивать, но для разсмотрения сих мест оное употребил и колико удобно описал. 1) Вначале я вверх по Ахтубе верст с 35 ездил и видел, что по всем высоким местам строения каменные были, как лежасчие груды кирпича свидетельствуют, а много и на ниских таких знаков есть. 2) Версты три от сего места от Ахтубы по нискому месту начался вал и ров в степь, котораго верст на пять видно, что здешнее место окружал, токмо весь осмотреть мне не удалося. 3) Местах в дву[х] ниских видно земля грядами так, как пашня плугом паханная или гряды. 4) По степи видно много старых великих дорог, что колеи свидетельствуют, а на горах съезды глыбокие и широкие, и во многих местах оные дороги шириною сажен на 20 и более, а где строенья были, тут никаких дорог уже не видно, разве новопроложенные. 5) Вода ведена от Ахтубы чрез пригорки гораздо не близко, ибо более дву[х] верст отсюда найдена труба, которая есче саженях на 30 цела, лежала гаризонтально, обделана кирпичем. Оная глиненая труба состоит из малых глиненых труб в диаметре три дуйма, длиною каждая 13 дуйм[ов] составливаны одна в другую с заплечком, токмо смазаны видится известью, но так жестоко, что некоторые на целом скоряе, нежели на иное разламываются. Где на стороны отвожено, то вставливаны трубки тонкие с заплечками и обмазаны, а у иных концы нашли медью закреплены, как при сем бляха такая послана. Труб же послать ныне неудобно, понеже отправлено верхом. 6) Израсцов, бывших в строениях, находится очень много разных цветов и велпкостей, но более синих и все не на глине, но на песчаном камне сером поливано, некоторые расписываны разными цветами и с золотом, а много таких, что врезываны велпкие разных цветов куски, каковых немало собрано и зимою купно [л. 112 об.] с трубами пришлются. 7) Для сего здешнее место называют Синяя мечеть, знатно она большею частию онаго цвета израспами убрана была. Татары же собственно сие место называют Джигит аджи от некоего их святаго сего имени, о котором многие басни чудес разказывают и [к н]ему кождогодно съезжаясь, молебствуют, его брат [...][4] лежит отсуда на горе верстах в трех. Над обоими курганы высыпаны, и татара платили кождогодно хозяину здешнему по сту рублев, чтоб оных не разкапывать. 8) Денег здесь находится много медных и серебреных, а редко золотые, из которых ныне несколько медных и серебреных к его сиат[ельству] гр[афу] Остерману, а к вам при сем с 60 медных послал. Золотых же и серебреных для присылки в Академию обесчали сыскать, которые, как получу, немедленно пришлю[5]. При сем же неколико разных камышков и стекол, найденных здесь, послано. Выше Черного Яра, на сей же стороне, есть место от русских названо Царев Под, где великое каменное строение видно. Татара сказывают, что тут был Батыем построен дом. От оного в степь по речке Царевой есть есче больше того строенпе, где мечеть великая лет за 50 сказывают стояла, и другие великие городы по степям видимы, токмо сожалею, что мне геодезиста и живописца не дано, мог бы обстоятельно описать и по возможности от гистории изъяснить, но принужден оставить. Однако ж, колико возможно, буду о том прилежать, чтоб, собрав, императорской Академии чрез вас сообсчать.

И пребываю всегда ваш, моего государя, всегда послушный слуга.

В. Татищев

Селитренной городок

29 нов[ембриа] 1741

При сем послал вам калмыцкой тулуп, каков достать мог.

[ЛОА АН СССР, ф. 1, оп. 3, д. 31, л. 112—112 об. Автограф.]

---

[4] Далее в тексте пропуск.

[5] Татищев впоследствии из Астрахани не один раз посылал в Академию наук древние восточные монеты, которые пополняли нумизматическую коллекцию Кунсткамеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. I—VII. М.— Л.: Наука, 1962—1968.
2. *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской.— В кн.: Татищев В. Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979.
3. Материалы для истории Академии наук. Т. I—X. СПб., 1885—1900.
4. *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.— Исторический архив. Т. VI. М.— Л., 1951.
5. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы — ПСРЛ, 1978, т. 34.
6. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.
7. *Пальмов Н. Н.* К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева.— Изв. Российской Академии наук, 1925, № 6—8.
8. *Пальмов Н. Н.* К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева.— Изв. Академии наук СССР, 1928, № 4—7.

V. L. Egorov, A. I. Yukht

VASILY TATISHCHEV ON THE GOLDEN HORDE TOWNS ON THE LOWER VOLGA

Summary

It is the first publication of two letters written by Vasily Tatishchev, a prominent 18th-century Russian scholar and statesman. In July 1741 he was appointed head of the Kalmyk commission and sent to the lower Volga with the instruction to halt a feud between the Kalmyk feudal nobility following the death of khan Donduk-Ombo. Tatishchev stayed in Selitrennoye (now the village of Selitrennoye, Astrakhan Region). It was the place from which the two letters were sent. They are the first in Russian historiography descriptions of the ruins of the Golden Horde towns on the lower Volga.

Заметки

А. В. КОЛЕСНИК

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ КОРНЕЕВА ЯРА

(Донбасс)

В 1981 г. на правобережье Северского Донца открыто новое раннепалеолитическое местонахождение. Оно расположено у пос. Кпрово (Артемовский р-н, Донецкая обл.) в уроч. Корнеев Яр.

Корнеев Яр представляет собой широкую древнюю балку протяженностью около 3 км, со вторично размытым руслом. Она прорезает северный терраспрованный склон высокого плато, ограниченного с севера долиной р. Сухой, а с востока — левым бортом долины Бахмутки. Протянувшийся вдоль русла овраг глубиной 3—4 м образует своеобразный продольный разрез донных аллювиально-делювпальных балочных отложений. Суммарно они состоят из современной почвы и суглинка, переслоенного в нижней части линзами мелких меловых окатышей. Суглинок налегает на отложения мелового возраста. Местами он замаскирован дерновыми оползнями. На некоторых участках балочное заполнение уничтожено и обнажены лёссовые и суглинистые террасовые отложения.

Палеолитические кремневые изделия обнаружены в 1 км к югу от пос. Кирово в стенках и осыпях донного оврага Корнеева Яра. Найдено четыре кремневых предмета: скребло, два отщепа и скол отделки. Скребло залегало в нижней толще делювиальных суглинков, на глубине 25—30 м от уровня плато. Здесь же, в осыпи оврага, найдены мелкий кремневый отщеп и мелкий фрагмент трубчатой кости, еще два отщепа обнаружены в осыпи в 300 м от места находки скребла, ближе к устью балки. В 1982 г. овраг значительно оплыл. Возле места находки скребла из разработанной водой суглинистой стенки террасовых отложений удалось извлечь обломок ребра животного, залегающий в слое на уровне донного оврага. Скребло залегало в горизонтальном положении, брюшком кверху. Спинка орудия покрыта голубоватой пятнистой патиной, более плотной на стыках фасеток; патина брюшка белая, фарфоровидная. Изделие не окатано. Отщепы патинированы, слегка окатаны и забиты.

По всей видимости, кремневые изделия попали в донное балочное заполнение из отложений террасы, которые прорезаются балкой. Высота террасы над уровнем р. Сухой 45—50 м. Эти отметки соответствуют высоте третьей террасы Северского Донца и его притоков. Она развита преимущественно на террасированном левом берегу Донца и эпизодически встречается на правом [1]. Отличительной особенностью третьей террасы является двухфазность размывающих ее балок [2].

О большой древности местонахождения свидетельствует морфологический облик находок. Скребло имеет размеры 16,0×8,5×3,0 см (рис. 1, *3*). Оно изготовлено из крупного отщепа путем односторонней оббивки со стороны спинки. Первоначальная форма заготовки полностью изменена вторичной обработкой, площадка и весь ударный бугорок усечены. Орудие сформировано сильными ударами по всему периметру отщепа. Оббивка устранила почти всю желвачную корку заготовки, сделала орудие уплощенным и выпрямленным. Окончательная отделка выполнена при помощи ретуши. Ретушь — моделирующая распространенная, типа полукина. Один из концов орудия дополнительно утончен ядрищным спо-

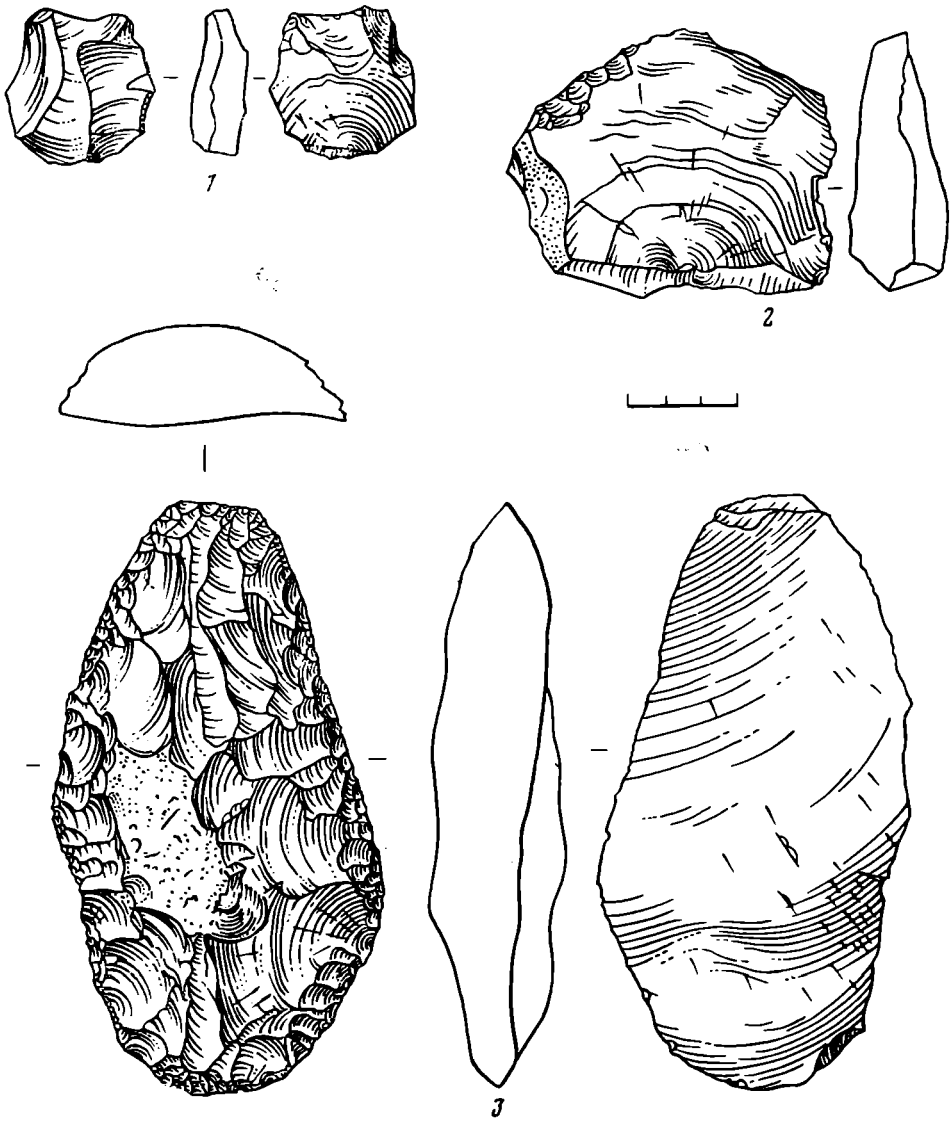


Рис. 1. Кремневые изделия из Корнеева Яра

собом. Скребло имеет неправильно-листовидную форму, образованную двумя сходящимися лезвиями, одно из которых выпуклое, другое слегка вогнуто. Следы утилизации в виде выкрошенности и мелкой ступенчатой смятости заметны практически по всей окружности инструмента. На обратной, необработанной стороне вдоль самой кромки невооруженным глазом видны мелкие и мельчайшие выщербинки. Угол заострения основных рабочих участков колеблется от 40 до 65°, на противоположном от них округлом конце он составляет величину около 30°.

Поперечное сечение скребла приближается к форме правильного сегмента. Крупный «слепой» ударный бугорок на спинке образовался, видимо, в результате непреднамеренного удара по кремневому желваку.

Скребло — традиционная «руководящая форма» в мустьерской культуре. Решающими аргументами в пользу ранней датировки являются крупные размеры изделия и характер его обработки. Иногда, правда, размеры могут иметь подчиненное датирующее значение, как, например, в случае с хотылевскими типологически ашельскими ручными рубилами, которые составляют часть мустьерского комплекса, но Хотылево в пределах мустье имеет раннюю дату, приближаясь по времени к ашельской эпохе [3, с. 51, 52].

Скребло из Корнеева Яра имеет ряд общих технико-типологических признаков с рубилом, найденным в 1972 г. у г. Макеевки Донецкой обл. [4, с. 44—46]. Оба орудия изготовлены из крупных, массивных отщепов

преимущественно (либо полностью) односторонней моделирующей оббивкой, оба уплощены, тщательно отделаны по всему периметру, изящны по своим очертаниям и исполнению.

Архаичные технико-типологические признаки демонстрирует также отщеп размерами 7,0×8,5×2,0 см (рис. 1, *2*). Незначительно выступающий бугорок оконтурен четкими линиями ударных волн и занимает почти половину брюшка. Гладкая отбивная площадка скошена к плоскости брюшка под углом 130°. В центре площадки выделяются три крупных сосцевидных выступа, образовавшихся в результате удара крупным отбойником. Спинка отщепа сформирована негативом предшествующего снятия; на ней сохранились участки желвачной корки. Судя по оформлению спинки и углу скошенности площадки, отщеп был отделен от массивного одно- или двухплощадного нуклеуса. Подобный морфологический облик характерен в целом для домустьерской, клектонской техники расщепления камня. Сходные признаки свойственны кремневым отщепам первого комплекса Хрящей из Приазовья [5, с. 29].

Второй отщеп имеет размеры 4,0×5,0×1,3 см (рис. 1, *1*). Его спинка оформлена радиальными снятиями, площадка подправлена несколькими грубыми сколами.

На наш взгляд, в технико-типологическом аспекте находки из Корнеева Яра могут быть бесспорно датированы ранним палеолитом. Вместе с макеевским рубилом они, видимо, относятся к одному культурному пласту раннего палеолита Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соболев С. С.* Террасы р. Северского Донца и его притоков (геоморфологический очерк).— В кн.: Геологический очерк бассейна реки Донца. Харьков — Киев, 1936.
2. *Бобровник Д. П., Соболев Д. Н.* Геологический и геоморфологический очерк левобережья р. Северский Донец (от р. Жеребец до впадения в р. Дон).— В кн.: Геологический очерк бассейна реки Донца. Харьков — Киев, 1936.
3. *Заверняев Ф. М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение.— Л.: Наука, 1978.
4. *Цвейбель Д. С.* Біфас з Макіївки.— Археологія, 1979.
5. *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона.— МИА, 1968, № 157.

В. В. ШЕВЕЛЕВ

КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ОЗЕРА ЛАЧА

Поселения каменного века на оз. Лача близ г. Каргополя (Архангельская обл.) хорошо известны в археологической литературе. Большую известность получили также и скульптурные изображения, найденные при исследовании этих памятников. Все изображения изготовлены преимущественно из рога, кости и глины, и лишь в Кубенино найден один невыразительный обломок фигурного кремня, представляющий, по мнению М. Е. Фосс, водоплавающую птицу (1, с. 31—64; 2, с. 21—70; 3, рис. 109, *9*].

В 1972—1974 гг. в окрестностях Каргополя найдены четыре новые кремневые скульптуры. Три из них обнаружены каргопольскими краеведами Д. В. Елизаровым и А. И. Парфеновым на поселениях Ольский Мыс, Наволок и Кубенино [1]. Одна найдена автором на стоянке Остров Бакланов [2]. Все фигурки происходят из сборов на поверхности.

Стоянка Ольский Мыс расположена на восточном берегу оз. Лача, между устьями рек Ольга и Ольженица. В свое время М. Е. Фосс отметила здесь существование двух разрушенных поселений со смешанными комплексами. В собранной коллекции есть фрагменты ямочно-гребенча-

[1] Собрание Д. В. Елизарова (г. Каргополь).
[2] Собрание Каргопольского краеведческого музея.

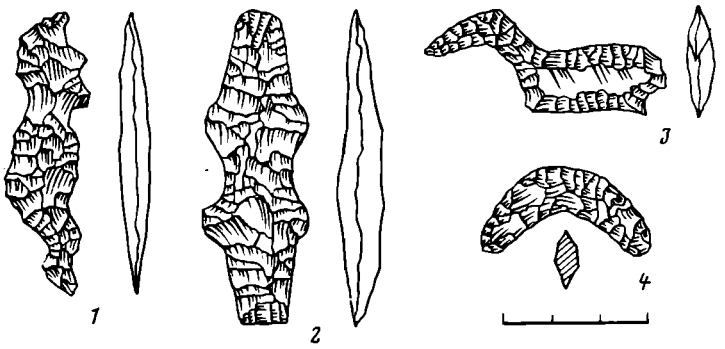


Рис. 1. Кремневая скульптура с оз. Лача. *1* — Ольский Мыс; *2* — Остров Бакланов; *3* — Наволок; *4* — Кубенино

той, сетчатой и позднекаргопольской керамики, что свидетельствует о большом хронологическом диапазоне существования поселений на Ольском Мысу [3, с. 226—228].

Найденная здесь кремневая фигурка представляет собой антропоморфное изображение в профиль (рис. 1, *1*). Она изготовлена посредством двусторонней обработки, фасетки ретуши полностью покрывают поверхность с обеих сторон. Отчетливо показаны голова, шея, туловище и согнутая в колене нога. Тщательно выделены и более мелкие детали: подбородок, нос, выступ на лбу (возможно, головной убор) и стопа ноги. В материалах неолитических памятников Севера и Северо-Запада европейской части СССР ничего подобного нет. Известные к настоящему времени антропоморфные фигурки — изображения в фас, с двумя ногами. Это обстоятельство отмечал еще С. Н. Замятнин, посвятивший кремневой скульптуре обстоятельную статью [4, с. 103]. Очень близкая по манере исполнения фигурка известна только со стоянки Багон-отмель в Калининской обл., но это зооморфное изображение [5, рис. 57, *1*]. Особо следует отметить поразительное сходство рассмотренной скульптуры с антропоморфными фигурами карельских петроглифов, особенно беломорских [6, рис. 19, 23].

Стоянка Остров Бакланов открыта А. И. Парфеновым. Остров находится на р. Онеге, в 4 км к северу от Каргополя. Собранная на поверхности коллекция включает тесло русско-карельского типа, несколько наконечников с прямым и вогнутым основанием и фрагмент керамики с редко расположенными ямочными вдавлениями. Это позволяет датировать поселение эпохой развитого неолита.

Уникальная находка — кремневое зооморфное изображение (рис. 1, *2*). Скульптура длинная и узкая. Показаны тупоносая голова без выраженного перехода к туловищу, прямоугольный хвост, равный по ширине голове, четыре выступа по бокам, обозначающие лапы. Видимо, это бобр. Ближайшие аналогии фигурке имеются в костяной скульптуре с неолитических стоянок Сахтыш 1 в Верхнем Поволжье и Валма в Эстонии [7, рис. 1—3; 8, табл. 11, *3*]. Стилистически близки также изображения бобра в онежских петроглифах Карелии [9, с. 149—154, рис. 3, 6].

Стоянка Наволок расположена на правом берегу р. Онеги, в 5 км к северу от Каргополя. Она открыта А. И. Парфеновым. Берег р. Онеги в этом месте низкий и заболоченный, подвержен сильному разрушению. Собрана большая коллекция каменных изделий и керамики: ямочно-гребенчатой, ямочно-зубчатой, сетчатой и позднекаргопольской. Из хорошо датируемых вещей следует назвать костяной черешковый наконечник стрелы, характерный для городищ раннего железного века.

Кремневая фигурка представляет собой изображение водоплавающей птицы (рис. 1, *3*). Она изготовлена из тонкого отщепа, контур ее образован двусторонней ретушью. Тщательно выделены тонкая шея и длинный острый клюв. В нижней части продолговатого туловища имеется небольшой выступ, обозначающий лапы. Кончик хвоста обломан. Во-

доплавающая птица является, пожалуй, самым распространенным образом в искусстве неолитических лесных племен [10, с. 36—45]. В бассейне оз. Лача известны фигурки из кости и глины, а также схематические изображения на керамике [3, рис. 10, *1*, 109, *8*; 11, рис. 47]. Среди них фигурка птицы из Наволока является самым реалистическим изображением.

Стоянка Кубенино. Материалы, собранные на стоянке экспедицией ГИМ, говорят о длительном существовании поселения — от раннего неолита вплоть до эпохи раннего железного века [1, с. 31—64].

Фигурка представляет изображение правильной луновидной формы, обработанное двусторонней ретушью (рис. 1, *4*). Эта форма хорошо известна в кремневой скульптуре, например, в Волосове [4, с. 110, рис. 6, *1*]. В последние годы большое количество лунниц найдено Д. А. Крайновым на верхневолжских стоянках [7, с. 104]. Некоторые исследователи считают их изображениями луны и сравнивают с лунарными символами онежских петроглифов [12, с. 124].

Рассмотренные выше кремневые фигурки существенно дополняют материалы по древнему искусству Европейского Севера. Важно и то, что они включают новую территорию в ареал распространения кремневых скульптур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фосс М. Е.* Стоянка Кубенино.— СА, 1940, т. V.
2. *Фосс М. Е.* Стоянка Веретье.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.
3. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
4. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— СА, 1948, т. X.
5. *Репман А. Х.* Фигурный кремень с вышневолоцких неолитических стоянок.— КСИИМК, 1957, вып. 67.
6. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. I. Л.: Наука, 1970.
7. *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
8. *Янитс Л. Ю.* Неолитическое поселение Валма.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. *Савватеев Ю. А.* Онежские петроглифы и тема зверя в них.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск: Наука, 1980.
10. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.— КСИА, 1972, вып. 131.
11. *Смирнов В. П.* Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино.— КСИИМК, 1940, вып. X.
12. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.

А. А. НЕХАЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КУРГАНА У СЕЛА КРАСНОГВАРДЕЙСКОЕ

В последние годы на территории Северного Кавказа открыт ряд новых интересных погребений майкопской культуры. В их число входят захоронения из кургана, раскопанного в 1983—1984 гг. Адыгейской археологической экспедицией близ с. Красногвардейское (Краснодарский край). В кургане высотой около 3,5 м обнаружены семь майкопских погребений, одно из которых — погр. 4 — заслуживает особого внимания.

Могильная яма погр. 4 находилась в юго-западном секторе насыпи и представляла собой вытянутый прямоугольник размером 2,44×1,60× ×0,45 м. На дне, на глубине 2,13 м, покоился скелет плохой сохранности в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Руки были согнуты в локтях, кисти, по-видимому, находились перед лицом (рис. 1).

Перед погребенным в направлении от черепа к ногам стояли шесть керамических сосудов. Ниже приведены описания каждого из них.

1. Сероглиняный сосуд с шаровидным туловом и вертикальным, немного расширяющимся кверху горлом. Дно уплощенное. Черепок плотный, с примесями мельчайших частиц кварцевого песка и известняковой крошки. Поверхность хорошо заглажена. Высота сосуда 12, диаметр тулова 12,4, диаметр горла 8,7 см (рис. 2, *5*).

2. Половинка небольшого круглодонного сосуда с невысоким, слабо отогнутым в сторону горлом. Черепок плотный, темно-серый в изломе,

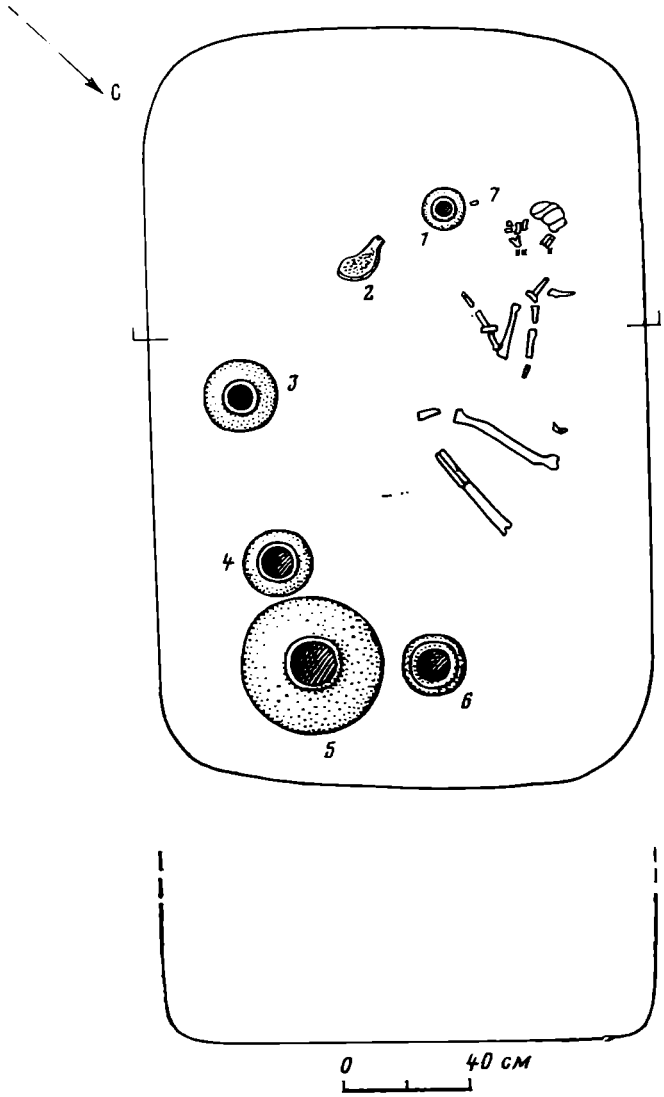


Рис. 1. План и профиль погр. 4 в кургане у с. Красногвардейское. *1—6* — сосуды (номера соответствуют номерам в описании); *7* — печать

с примесями кварцевого песка и известняковой крошки. Поверхность хорошо заглажена и имеет коричневатый тон. На отдельных участках тулова прослеживаются следы черного ангоба. Внутренняя поверхность закопчена. Высота сосуда 14,6, диаметр тулова 15,4, диаметр венчика 13,9 см (рис. 2, *4*).

3. Шаровидный сосуд с вертикальным, немного расширяющимся кверху горлом. В основании горла видна небольшая горизонтальная канавка — следствие специфического технологического приема «встраивания» горла в тулово сосуда. Дно уплощенное. Черепок плотный, в изломе светло-коричневый с небольшим количеством примесей. Поверхность хорошо заглажена и залощена. Цвет светло-коричневый. На отдельных участках сохранились следы бурого ангоба. Горло орнаментировано по

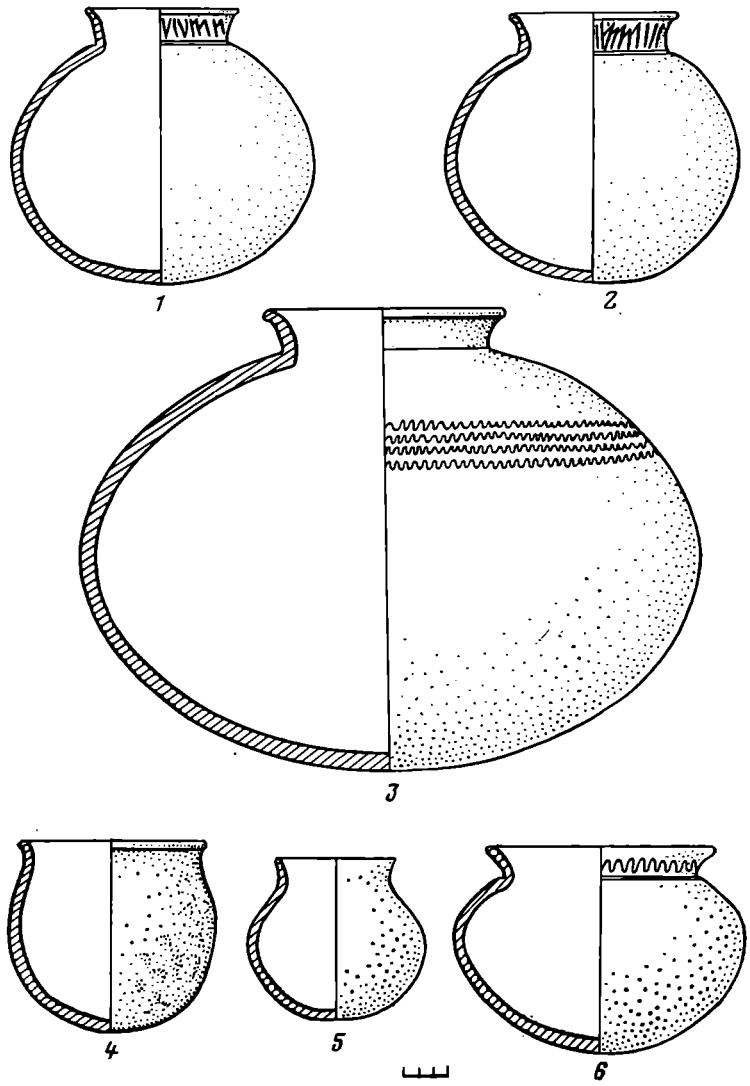


Рис. 2. Сосуды из погр. 4 в кургане у с. Красногвардейское

периметру лощеными зигзагообразными линиями. Высота сосуда 20,8, диаметр тулова 22,5, диаметр горла вверху 11,4 см (рис. 2, *1*).

4. Шаровидный сосуд светло-коричневого цвета, аналогичный описанному выше. Тесто почти без примесей, на поверхности хорошо видны следы полосчатого лощения шириной 1—1,5 мм. Горло орнаментировано лощеными зигзагообразными линиями. Высота сосуда 19,8, диаметр 20,8, диаметр горла вверху 12,4 см (рис. 2, *2*).

5. Большой круглодонный сосуд с выпуклыми боками, низким вертикальным горлом и отогнутым в сторону верхним краем. Черепок плотный, с мелкими примесями кварцевого песка, в изломе — серого цвета. Тон поверхности серый. Сосуд хорошо заглажен, на отдельных участках сохранились следы лощения. Верхняя половина тулова орнаментирована по периметру четырьмя рядами горизонтальных параллельных друг другу зигзагообразных лощеных линий. Высота сосуда 34,5, диаметр тулова 45,6, диаметр горла вверху 18,0 см (рис. 2, *3*).

6. Приземистый круглодонный сосуд с выпуклыми боками и резко отогнутым горлом. Черепок плотный, звонкий, серый в изломе. Тон поверхности — серый. Сосуд хорошо заглажен и залощен. Горло орнаментировано по периметру зигзагообразными пролощенными линиями. Высота сосуда 15,2, диаметр тулова 20,5, диаметр горла у основания 14,0, диаметр вверху 16,5 см (рис. 2, *6*).

Помимо сосудов в погребении близ черепа обнаружена гагатовая цилиндрическая печать с гравированными изображениями оленя и, видимо,

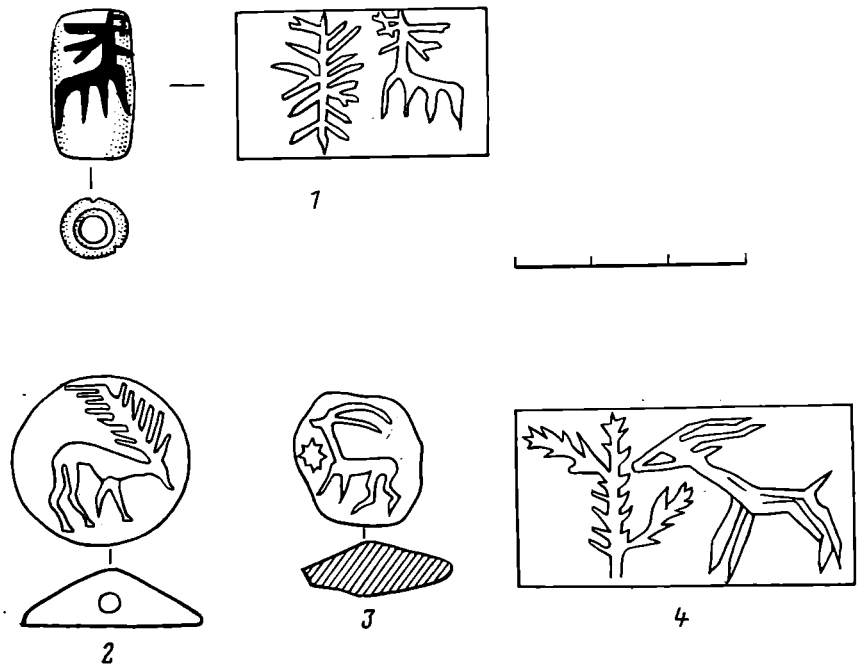


Рис. 3. Каменные печати. *1* — Красногвардейское, кург. 4; *2*, *3* — Тепе-Гавра (по А. Тоблеру); *4* — Египет (по П. Амье)

древа жизни. Любопытно, что предварительно поверхность печати была размечена точками-наколками, наметившими основные контуры изображения. Вслед за этим кремневым резцом [1] мастер вырезал схематично оленя и древо. Высота печати 1,9, диаметр 1,0, диаметр внутреннего сквозного отверстия 0,4 см (рис. 3, *1*).

Погребальный обряд захоронения с ориентировкой в южный сектор типичен для майкопской культуры. Близки керамике Большого Майкопского кургана шаровидные красноглиняные лощеные сосуды. По пропорциям и технологическим особенностям им аналогичен сосуд с шаровидным туловом и округло-плоским днищем высотой 2,0 и диаметром вверху 11,8 см [1, рис. 39, *5*, с. 326]. С раннемайкопской группой керамики соотносится и сероглиняный приземистый лощеный сосуд с резко отогнутым горлом.

Значительный интерес представляет орнаментация четырех сосудов лощеными зигзагообразными линиями. Этот факт особенно примечателен на фоне наших традиционных представлений о безорнаментальном характере раннемайкопской керамики. Между тем украшение сосудов лощеными косыми сетками, зигзагами известны, хотя и симптоматично, в нескольких памятниках Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, в частности на четырех сосудах Иноземцевского кургана в Ставрополье [2, с. 107, рис. 6, *7*], в материалах Псекупского поселения майкопской культуры, изучаемого Н. Г. Ловпаче, и синкретичном майкопско-кураоракском комплексе Псенафского поселения, находившегося неподалеку от рассматриваемого кургана [2]. Учитывая отмеченную Р. М. Мунчаевым генетическую связь раннемайкопских форм сосудов с переднеазиатской, в основном северомесопотамской керамикой [1, с. 328, 329], можно предполагать в пролощенных орнаментальных композициях месопотамскую традицию оформления сосудов аналогичными крашеными орнаментами.

Существенным дополнением к сложившимся представлениям о связях майкопа с Северной Месопотамией является уникальная для территории Северного Кавказа находка цилиндрической гагатовой печати с гравированными изображениями оленя и древа жизни. Стилистически наиболее близкие параллели изображениям на печати из майкопского погребения

[1] Определение Г. Ф. Коробковой.
[2] Исследования автора.

обнаруживаются в глиптике убейдских слоев Тепе-Гавры [3, табл. CLXV, *105*; CLXVI, *127*] (рис. 3, *2*, *3*). Определенные аналогии известны в цилиндрических печатях додинастического Египта, где также встречаются изображения фигурок оленя на фоне дерева [4, табл. 22, 367] (рис. 3, *4*). Форма печати из майкопского захоронения, характер изображений и их композиционное решение свидетельствуют, вероятнее всего, об импортном происхождении находки. Недолговечный характер материала, из которого выполнена печать, а также следы функционального использования позволяют предполагать сравнительно короткий период ее бытования с момента изготовления до попадания в погребальный комплекс.

При определении хронологического места рассмотренного захоронения майкопской культуры следует принимать во внимание, что цилиндрические печати появляются в Двуречье в конце IV тыс. до н. э. [5, с. 167]. Наиболее вероятной датой погр. 4 можно, очевидно, считать начало III тыс. до н. э. В связи с этим представляется в целом оправданной тенденция последних лет, направленная на удревнение майкопской культуры и приближение ее к хронологическим схемам Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
2. *Кореневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у пос. Иноземцево.— СА. 1982, № 2.
3. *Tobler A.* Excavations at Tepe-Gawra. Philadelphia, 1950.
4. *Amiet P.* La Glyptique mesopotamienne Archaique. P., 1980.
5. *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев. Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984.

С. Н. ЛЯШКО

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ФОНДОВ ЗАПОРОЖСКОГО МУЗЕЯ

В 1982 г. в Запорожский краеведческий музей поступил бронзовый кинжал, хранившийся на протяжении 10 лет в кабинете истории средней школы № 58 г. Запорожья и переданный туда учащимися [1]. Кинжал изготовлен в технике литья в парной составной форме, по рукояти отмечен литейный шов. Лезвие клинка отковано и заточено по периметру. Форма клинка листовидная, вытянутая, с плавным дуговидным расширением от острия к середине и сужением к ребру-упору основания, отделяющего клинок от рукояти. От упора клинок отделен узкой шейкой, переходящей на клинке в продольную нервюру. Рукоять круглая в сечении, от линии упора плавно сужается к плоскому навершию, круглому в плане. Несколько выше упора на шейке из двух диаметрально противоположных точек-шишечек к линии упора расходятся три рельефно-выпуклые прямые линии, каждая из которых заканчивается на ребре упора аналогичными шишечками. Размеры кинжала (в см): длина — 28, длина клинка — 18; максимальная ширина клинка — 4,6, длина шейки — 3; диаметр шейки — 1,2; диаметр упора — 2,5; длина рукояти — 6; диаметр у навершия — 1,2; диаметр навершия — 1,6; высота навершия — 0,3 (рис. 1).

Кинжал, безусловно, относится к срубной культуре, но обладает индивидуальными чертами, отличающими его от других кинжалов этой культуры. Наиболее близок ему медный кинжал, происходящий из хут. Шеховцовка (Гостищевский р-н, Белгородская обл.), но рукоять послед-

[1] Информация о месте и обстоятельствах находки крайне неотчетлива. Кинжал был обнаружен во время похода учащихся по побережью Каховского моря (в пределах Васильевского и Каменско-Днепровского районов Запорожской обл.), возможно — в разрушенном кургане у с. Балки (Васильевский р-н). Ранее в окрестностях с. Балки (в курганах и размыве берега Каховского моря) уже находили оружие и орудия из меди и бронзы [1, с. 97, рис. 2, 9, 18].

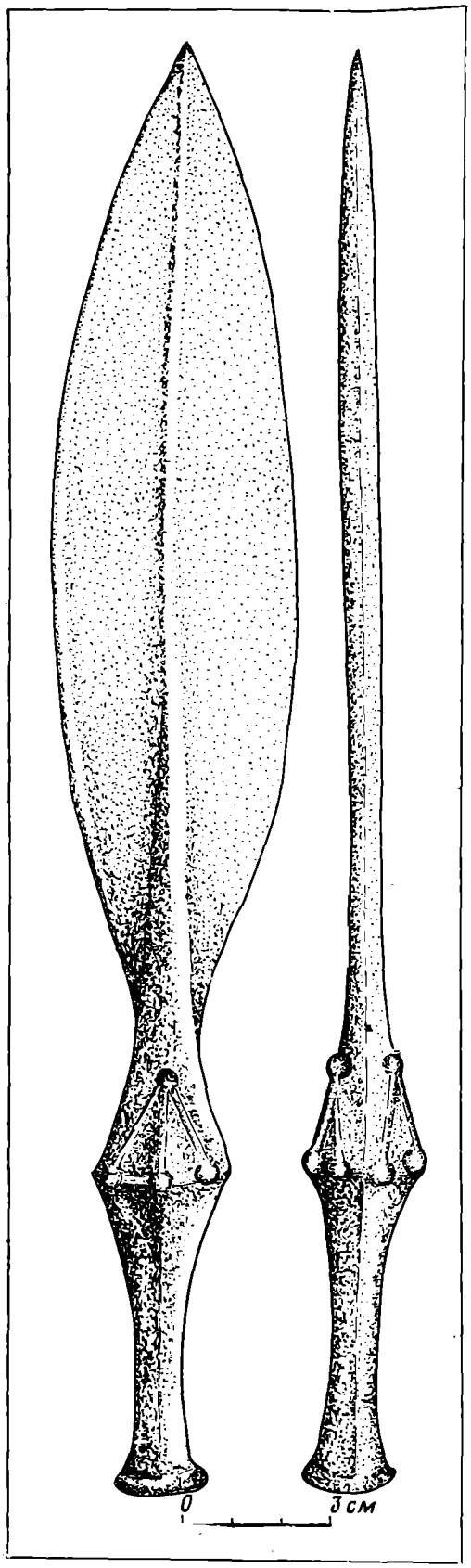


Рис. 1. Бронзовый кинжал из фондов Запорожского музея

него приклепана к клинку [2, с. 91, рис. 2, *1*]. Аналогичные рукояти имели кинжалы из Ингульского и Лозавского кладов [3, табл. XXXVII, *1, 6, 7*]. Близкие по форме негативы кинжалов из Деревянного и Малых Копаней имеют шейку между клинком и упором, а сам упор у них ребристый, а не кольцевой валикообразный [4, с. 163, рис. 11, *3*, 12, *3, 4*]. Плавно расширяющийся к средней части клинок публикуемого кинжала находит себе аналогии среди негативов кинжалов из Красномаяцкой мастерской и Голоурова [5, с. 122]. Кинжалы с таким клинком присутствуют почти во всех крупных кладах и мастерских XIII—XII вв. до н. э. в Северном Причерноморье [4, с. 161].

Перечисленные аналогии позволяют отнести кинжал из фондов Запорожского музея к старшей сабатиновской ступени срубной культуры и датировать его XIV—XIII [6, с. 15, 16] или XIII в. до н. э. [7, с. 26].

Особый интерес с точки зрения изобразительной символики представляет рельефное украшение на шейке кинжала. Мотив трех расходящихся линий с круглыми шишечками на концах обнаруживается на «лапчатых» сурьмяных подвесках из погребения срубного времени в Нижнем Поволжье [8, с. 223, рис. 8, *6*]. Подобное изображение на антропоморфной статуе эпохи железа из Мркавана (Армения) трактуется как ветвь или корень растения, сжимаемого человеком в руке [9, с. 56, табл. 47, *1*]. По-видимому, на кинжале из фондов Запорожского музея также передан растительный мотив.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савовський І. П.* Археологічні розвідки в районі с. Балки на Запоріжжі.— Археологія, 1977, вип. 24.
2. *Тихонов Б. Г.* Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
3. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
4. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
5. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, вип. 22.
7. *Бочкарев В. С., Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
8. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60.
9. *Есаян С. А.* Скульптура древней Армении. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1980.

С. Г. КОЛТУХОВ

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА КРАСНОЕ (КЕРМЕН-КЫР)

Среди позднескифских укреплений, окаймляющих густо заселенную часть крымских предгорий между устьем Альмы и Салгиром, Кермен-Кыр занимает особое место. Это крупное городище защищает с юго-запада район скифской столицы [1, с. 108], известной под традиционным названием Неаполь Скифский. Подобное расположение придает особое значение оборонительным сооружениям Кермен-Кыра.

Городище занимает площадь около 4 га. Оно расположено на обращенном к востоку мысу третьей горной гряды. С юга и севера городище ограничено балками с крутыми склонами, с запада, со стороны плато, оно имело ров, вал и построенную на валу каменную стену с башнями. Толщина стены не превышала 1,5 м. Панцири были сложены на глине из глыб известняка, забутовка — из мелкого камня [1, с. 110]. По такой же системе возведена древнейшая стена Неаполя Скифского [2, с. 164; 3, с. 63; 4, с. 37 сл.].

На восточной оконечности мыса находилась цитадель площадью

0,8 га (рис. 1). Ее оборонительные сооружения, более мощные, чем внешняя линия укреплений, состояли из рва глубиной 3 м (с восточной стороны которого находилась берма) и возвышавшейся за ней широкой боевой стены, вероятно, с башнями.

В 1929 г. укрепления цитадели изучал Н. Л. Эрнст, заложивший разведочную траншею протяженностью 16 м [5, с. 25 сл.]. Сам исследователь в единственно доступном сейчас предварительном отчете не дал относительной периодизации оборонительных сооружений. О. Д. Дашевская, опубликовавшая материалы раскопок Н. Л. Эрнста, высказала мнение о том, что оборонительные сооружения цитадели созданы в одно время [1, с. 110]. Однако при детальном изучении стратиграфии разреза (рис. 2) удается выявить по меньшей мере два строительных периода. Последовательность возведения оборонительных сооружений цитадели представляется нам следующей.

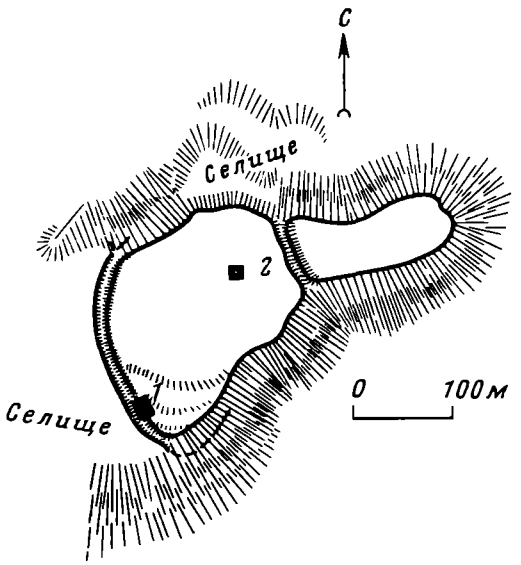


Рис. 1. Схема городища Кермен-Кыр и примыкающих к нему селищ. *1*, *2* — раскопы 1945—1951 гг.

Первый строительный период. К нему относится небольшая каменная стена, выявленная в восточной части разреза. От нее сохранились внутренний (восточный) панцирь и забутовка. Цоколь панциря высотой 0,7 м сложен из крупных необработанных камней. Выше, судя по тексту отчета, выявлены два грубо отесанных камня [5, с. 26], на чертеже виден лишь один из них (рис. 2). Толщина панциря не превышала 0,5 м. С запада к нему примыкала забутовка толщиной 1 м, состоявшая из мелких обломков известняка на глине с известью(?). И панцирь, и забутовка покоятся непосредственно на поверхности погребенного чернозема. Это позволяет считать описываемую кладку остатками древнейшей оборонительной стены цитадели. Однако представить себе стену подобной конструкции невозможно. Очевидно, первоначально у нее был и западный, внешний панцирь. Не исключено, что он был разобран при перестройке стены, при этом забутовка, сложенная на глине, уцелела. Выбрать панцирь могли и позднее — в XIX—XX вв. В этом случае траншею выборки должен был заполнить мешаный грунт с камнями, мало отличающийся от забутовки. Подобная картина неоднократно отмечалась автором при работах на южной оборонительной стене Неаполя Скифского в 1981—1982 гг. Вплотную к забутовке (по нашему мнению, к траншее выборки панциря) с запада, т. е. с напольной для цитадели стороны, примыкал слой золы с прослойками разноцветной глины (мощностью 15 см), лежащий на поверхности погребенного чернозема. Такие отложения золистого мусора нередко накапливались перед оборонительными стенами поселений. Аналогичный по характеру слой, к примеру, выявлен перед древнейшей стеной Неаполя Скифского [2, рис. 53, *2*]. Следовательно, существование зольного слоя подтверждает вывод о том, что описанная выше кладка является остатками оборонительной стены. Ширина древнейшей стены цитадели и система кладки позволяют считать ее аналогичной внешней оборонительной стене города. Временем сооружения укреплений, очевидно, следует считать III—II вв. до н. э. [1, с. 111].

Второй строительный период. К нему мы относим сооружение рва, бермы и перестройку стены, ширина которой в это время достигает 7,25 м [5, с. 26]. В 4,4 м к западу от древнейшей стены возводится новая. Для нее была вырыта фундаментная траншея шириной 1,0 м. Высота восточного борта 1,25, западного 0,5 м. Промежуток между новой

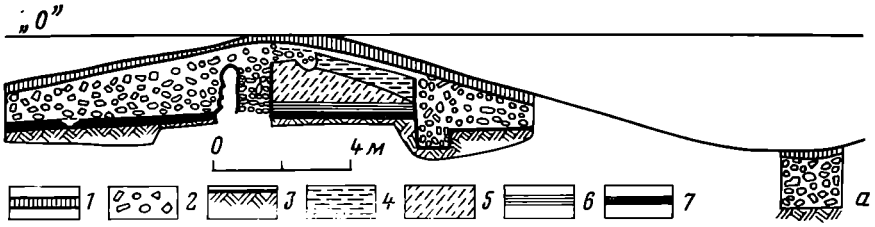


Рис. 2. Разрез оборонительной стены цитадели (с востока на запад). Чертеж Н. Л. Эрнста. Условные обозначения введены автором. *а* — шурф во рву; *1* — дерн; *2* — камни; *3* — материковый гравий с бурой глиной; *4* — желтая глина; *5* — гравий на темно-бурой глине; *6* — зольные прослойки; *7* — погребенный чернозем

кладкой и древнейшей стеной был заполнен темно-бурой глиной с гравием (материковый выброс из рва). Выше лежал слой светло-желтой глины. Скорее всего, это остатки сырцовых кирпичей, из которых так же, как и на Неаполе Скифском, могла быть возведена верхняя часть стены [2, с. 165; 4, с. 44, 45]. К западу от стены второго строительного периода зольные напластования, древний чернозем и верх суглинка были срезаны. Между стеной и рвом создана берма протяженностью не менее 5 м (рис. 2). Допустимо предположить, что подобная ширина бермы определялась размерами примыкавших к стене башен.

Оборонительные системы, аналогичные кермен-кырской, на позднескифских поселениях Предгорного и Северо-Западного Крыма пока не известны. Близкие приемы мы находим лишь в укреплениях поселений Ольвийской хоры римского времени [6, с. 81; 7, с. 96; 8, с. 92]. При этом некоторое сходство в конструкции боевых стен имеют городища Золотой мыс [8, с. 95] и Козырское [9, с. 15, 16]. Стена цитадели Кермен-Кыра была более совершенной.

В ее мощных кладках, между которыми засыпан выброс из рва, есть сходство с боевыми стенами, описанными Вегецием (IV, III) [10, с. 281].

Вопрос о времени постройки укреплений цитадели второго строительного периода остается открытым. В отчете Н. Л. Эрнста датирующий материал не приведен. Однако не исключено, что реконструкция цитадели была проведена во II в. до н. э., когда, судя по свидетельству Страбона (VII, IV, 7) (перевод Э. И. Соломоник), Скилур и его сыновья укрепили свои крепости [11, с. 15]. Нельзя исключать возможность перестройки и в более позднее время. Так, на Неаполе Скифском некоторые работы по укреплению южной оборонительной стены были проведены уже в римское время [3, с. 72; 12, с. 44]. Подобные фортификационные работы могли быть проведены и на укреплениях, находящихся в его округе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашевская О. Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр).— КСИИМК, 1957, вып. 70.
2. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского.— КСИИМК, 1951, вып. XXXVII.
3. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
4. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
5. *Эрнст Н. Л.* Отчет о раскопках в Крыму в 1929 г.— Архив ЛОИА, ф. 2, д. 1, с. 143.
6. *Буйских С. Б., Бураков А. В.* Античне городище на мису між Березаньским і Сосицьким лиманами.— Археологія, 1977, № 22.
7. *Буйских С. Б.* К изучению оборонительных сооружений Петуховского городища.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
8. *Буйских С. Б.* Новые материалы по фортификационной технике городищ Ольвийской хоры первых веков нашей эры.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
9. *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа первых столетий н. э. Киев: Наук. думка, 1976.

10. *Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела / Пер. с лат. Кондратьева С. П.— ВДИ, 1940, № 1.
11. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1964.
12. *Махнева О. А.* Отчет о раскопках Неаполя Скифского в 1981 г.— Архив ОАКр. ИА АН УССР, № 123/3.

М. В. АНДРЕЕВА, В. И. КОЗЕНКОВА

КОМПЛЕКС НАЧАЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ИЗ УРОЧИЩА КЛИН-ЯР (Кисловодская котловина)

Проблема упорядочения внутренней хронологии памятников кобанской культуры Кавказа остается одной из актуальных. Хотя наука располагает в настоящее время многочисленными и разнообразными материалами по эпохе поздней бронзы и раннего железного века на Северном Кавказе, все же относительная и особенно абсолютная хронология отдельных памятников еще во многом спорная и неустоявшаяся. Речь идет не только о ранних периодах культуры, по которой имеется еще малое количество безукоризненно раскопанных комплексов, но и о более поздних периодах, обеспеченных надежной источниковедческой базой значительно лучше. Отсюда важность анализа каждого нового комплекса, в той или иной степени уточняющего датировку.

В этой связи особый интерес представляют некоторые новые находки западнокобанского типа, добытые благодаря работам Ставропольской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в сентябре 1983 г.[1] В составе этой экспедиции одним из авторов настоящей публикации, М. В. Андреевой, были исследованы новые каменные ящики в районе уже известного в научной литературе могильника первой половины I тыс. до н. э. в урочище Клин-яр, на западной окраине города Кисловодска [1, с. 111—113; 2, с. 274, 275]. Раскопки велись в нижней части урочища, к северу от скалы «Паровоз», на месте, условно названном «могильник Клин-яр III». Точное расположение вновь открытых могил относительно уже известных (могильники Клин-яр I и II, раскопки А. П. Рунича, 1964 и 1968 гг.) остается неясным. Однако в том, что могильник Клин-яр III находится там же, где и могильники Клин-яр I и II, сомнений нет, и этот факт следует учитывать при изучении топографии могильника.

Среди новых материалов заслуживает особого внимания так называемый «клад» — группа бронзовых изделий, случайно обнаруженная в срезе холма при расширении дороги, в 50 м южнее расчищенных каменных ящиков. Комплекс состоял из кинжала, наконечника от его ножен, трех браслетов и миниатюрной пряжки. По сведениям рабочих-дорожников, первых увидивших «клад», все предметы лежали в земле компактной группой. При дополнительном обследовании места находки «клада» археологами были обнаружены фрагменты сосуда, находившегося рядом с вышеупомянутыми бронзовыми предметами (земля рядом с глиняными черепками сохранила следы от вещей в виде пятен окисла бронзы).

Перечень находок свидетельствует о том, что «клад», скорее всего, является частью погребального инвентаря от разрушенного мужского погребения. В хорошо изученных могильниках кобанской культуры, таких, как Серженьюртовский [3, с. 22], Мебельная фабрика-1, Белореченский-2, Индустрия-1 [4, с. 333 рис. 17; 5, с. 8—18; 6, с. 47] засвидетельствован обычай помещения рядом с покойником многих предметов, которыми он дорожил при жизни. Довольно часто такие приношения лежали

[1] Спасательные раскопки были проведены в указанном месте урочища под руководством С. Н. Кореневского. Исследования в урочище Клин-яр успешно ведутся экспедицией В. С. Флерова. Благодарим коллег за предоставленную возможность опубликовать этот интересный комплекс.

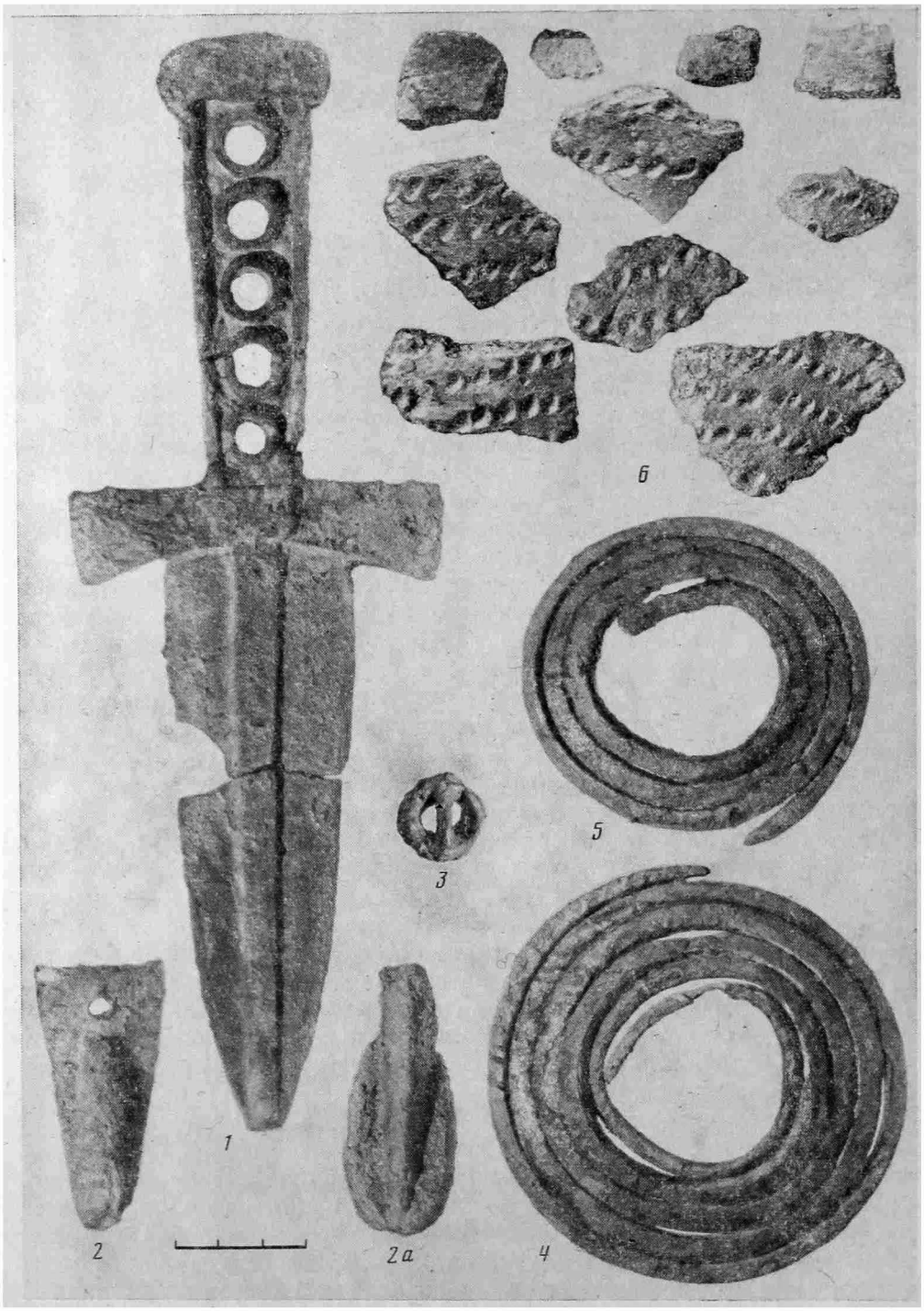


Рис. 1. Комплекс из Клин-ярского могильника. *1* — кинжал с однокольчатым орнаментом на рукоятке; *2*, *2а* — наконечник от ножен; *3* — пряжка; *4*, *5* — браслеты-налокотники; *6* — фрагменты сосуда. *1—5* — бронза; *6* — глина

компактной группой около погребенного, рядом с сосудами, а иногда, в специально выкопанном тайнике [5, с. 15].

Все публикуемые из Клин-яра предметы не рядовые — это парадное оружие, боевые налокотники-браслеты, принадлежности портупеи воина (рис. 1). Самым примечательным в комплексе, несомненно, был бронзовый цельнолитой кинжал с крестовидной рукояткой, плоской, украшенной однорядно-кольчатым ажурным орнаментом. Навершие кинжала уплощенно-грибовидное, перекрестие прямое, со слегка свисающими концами и отверстием на одном из них. Короткий широкий к перекрестию клинок имеет по центру рельефное продольное ребро, трапециевидное в

сечении (рис. 1, *1*). Размеры кинжала, в см: длина — 24,5, длина клинка — 13, длина рукояти — 10, ширина рукояти — 2—3, толщина — 0,6, ширина перекрестия — 8,5, диаметр орнаментальных колец — 0,8—1,1.

От ножен кинжала (вероятно, деревянных) сохранился литой бронзовый наконечник, конусовидно сужающийся к низу. На краю сверху — отверстие для прикрепления к футляру. Снизу наконечник охвачен овальной дужкой. Длина его 6 см (рис. 1, *2—2а*).

К портупее относилась, по всей вероятности, и небольшая литая бронзовая пряжка кольцевидной формы с перемычкой по центру. Диаметр ее 2 см (рис. 1, 3).

Все три предмета — оружие и оснастка к нему чрезвычайно важны для определения хронологии комплекса.

Кинжал принадлежит к одному из вариантов кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа. Он пополняет коллекцию уже известных на Северном Кавказе и в Центральной Европе кинжалов с однорядно-кольчатым орнаментом на рукоятке. Специальный анализ позволил выделить такие кинжалы из числа других кинжалов северокавказско-киммерийского облика. Среди однородных, украшенных кольчатым орнаментом экземпляров они являются наиболее ранними и датируются IX — серединой VIII в. до н. э. [7, с. 91—102].

В настоящее время группа кинжалов с однорядно-кольчатым орнаментом на рукоятке обогатилась кроме клин-ярского еще тремя великолепными находками. Все они, в отличие от публикуемого, биметаллические. Один из кинжалов с точно таким же, как из Клин-яра, наконечником ножен был случайно найден в одном из разрушенных при строительстве дороги курганов близ селения Заюково в Баксанском ущелье (Кабардино-Балкарская АССР) [2]. Два других происходят из Псекупского могильника в Адыгее. Н. Г. Ловпаче датировал их VIII в. до н. э. [8, с. 41 табл. 1, *2*].

Таким образом, на сегодняшний день известно уже 14 кинжалов с однорядно-кольчатым орнаментом на рукоятке (два бронзовые, остальные — биметаллические). 9 экземпляров происходят из памятников Северного Кавказа, причем 7 найдено в ареале кобанской культуры, три кинжала такого типа обнаружено в кладах периода HaB_2—HaB_3 из Средней Европы (Гамов, Штрамберк, Матра), один — случайно найден в Пензенской губ. (с Навка), а еще один — в Сибири (Туран). Тот факт, что подавляющее большинство предметов найдено в кобанских памятниках, делает более убедительной точку зрения о зарождении этой формы именно в кобанской среде, откуда она в период расцвета культуры распространилась в другие районы [7, с. 98].

Мнение о правомерности выделения кинжалов с однокольчатым орнаментом в особый, хронологически ранний вариант, впервые предложенное В. И. Козенковой, было позднее поддержано В. Г. Котовичем [9, с. 43]. В последствии необходимость такого обособления признал и С. Л. Дударев. Все кинжалы с кольчатым орнаментом на рукоятках он совершенно справедливо выделил в отдельный тип (III) и отнес их к изделиям северокавказских мастеров конца IX—VII в. до н. э. [10, с. 17]. Однако происхождение кинжалов типа III С. Л. Дударев ведет от кинжалов с гладкими рукоятками и грибовидным навершием. Формирование последних он, вслед за А. И. Тереножкиным, связывает с древностями степной зоны Юго-Восточной Европы, точнее — с киммерийской средой. Вряд ли можно с этим согласиться, поскольку бронзовый кинжал с однокольчатым орнаментом на рукоятке из погр. 70 Серженьюртовского могильника находился здесь вместе с предметами более древними, чем наиболее ранние комплексы киммерийской культуры (по А. И. Тереножкину). Все аналогии наконечнику копья, втульчатому долоту, теслу, маленькому долотцу из погр. 70 Серженьюртовского могильника принадлежат древностям развитого белозерского времени [7, с. 98—99 рис. 3]. Архаические

[2] До 1975 г. хранился в Заюковском школьном музее. В настоящее время утрачен. Сохранилась фотография кинжала, сделанная В. М. Батчаевым.

черты характеризуют и кинжал из Клин-яра. Морфологические особенности рукояти сближают его с кинжалами из Змейского поселения и Заюкова, однако клинок у него, в отличие от последних, не железный, а бронзовый. Важно подчеркнуть близость пропорций и размера клинка, а также его формы и сечения продольного ребра у клин-ярского кинжала и архаичных клинков так называемого «самтаврского типа». Подобные клинки были типичны для кинжалов из памятников Шида Картли (Закавказье) конца II — рубежа II—I тыс. до н. э. [11, с. 100—109 табл. 1, *131*].

Аналогии наконечнику ножен из Клин-яра, так же как и кинжалу, известны в материалах Северного Кавказа, Северного Причерноморья (черногоровская ступень киммерийской культуры) и среди материалов переходного периода от поздней бронзы к раннему железному веку в Центральной Европе. Мы располагаем сведениями о 10 подобных наконечниках, причем 7 из них происходят из памятников кобанской культуры. На востоке ареала такой наконечник на ножнах был у биметаллического кинжала с крестовидной, гладкоствольной рукояткой, имевшей грибовидное навершие (погр. 44 Серженьюртовского могильника) [12, с. 81, 92, рис. VIII, *2*]. Ножны с аналогичным наконечником имел упомянутый выше биметаллический кинжал с однорядно-кольчатым орнаментом на рукоятке из Заюкова. Кроме того, Е. И. Крупнов упоминал о биметаллическом кинжале с Баксана, обнаруженном вместе с наконечником ножен. В экспозиции Кабардино-Балкарского республиканского музея хранится биметаллический кинжал с гладкоствольной рукояткой и наконечник, аналогичный клин-ярскому [13, с. 202]. Случайная находка происходит из сел. Герменчик (Кабардино-Балкария) [3]. Наконечник находился в одном комплексе с бронзовыми псалиями черногоровско-камышевахского типа и удилами, имевшими овальные наружные кольца западноевропейского облика. Случайная находка такого наконечника известна из Дигории [13, с. 493, табл. LXXV). В западной части ареала кобанской культуры аналогичный наконечник при биметаллическом кинжале с ложновитой массивной рукояткой найден в погр. 4 Эчкивашского («Конхутор») могильника вблизи Кисловодска. Погребение является одним из древнейших в предскифской группе [14, с. 197, 198, рис. 7, *24*]. Два таких же наконечника с территории Северного Причерноморья (Субботовское городище и с. Гулы) упоминает А. И. Тереножкин [15, с. 123, 192—194, рис. 96, *20*]. Один из них находился при биметаллическом мече с прямым перекрестием, массивной рукояткой, украшенной рельефной имитацией обмотки и грибовидным навершием. Этот меч рассматривался А. И. Тереножкиным как самый старший в группе, датированной им IX — первой половиной VIII в. до н. э. [16, с. 23, 27, табл. 1].

В западноевропейских материалах известен пока один такой наконечник. Он входил в комплекс инвентаря погр. 169 в могильнике Брно-Обжаны вместе с железным мечом — точной копией бронзовых мечей с язычковой рукояткой (Griffzugenschwert), характерных для культур Европы эпохи бронзы (периоды HaA и HaB [17, с. 113]). Комплекс включал помимо меча и наконечника ножен железный втульчатый наконечник копья с двумя малыми отверстиями на лопастях пера, железное же долото, тесло и нож, каменный оселок и др. Ассортимент посуды погр. 169 типичен для конца южноморавской подольской культуры стадии HaB_2, и только присутствие железных предметов заставило В. Подборского датировать погребение периодом HaB_3 (по Рейнеке), т. е. первой половиной VIII в. до н. э. [17, с. 191, 192]. Тем не менее Г. Коссак в одной из своих последних работ посчитал возможным отнести эту могилу к IX в. до н. э. [18, с. 123]. Видимо, автор следовал общей тенденции, наметившейся сейчас у большинства западноевропейских исследователей в отношении хронологии фрако-киммерийского горизонта. Она сводится к удревнению нижней границы появления «киммерийских» элементов в

[3] Устное сообщение В. М. Батчаева.

памятниках Центральной Европы до конца IX — рубежа IX—VIII вв. до н. э. [19, с. 94, 95].

Приведенные выше аналогии для бронзового наконечника ножен убедительно свидетельствуют об их близком морфологическом родстве. Это объясняется, скорее всего, кратковременностью бытования моды на такой тип ножен. Действительно, при многообразии типов и вариантов оружия, с которыми находили наконечники ножен данного типа, в последних не отмечены следы какой-либо модификации. Если для Северного Причерноморья этот период общей моды хронологически совпадает с началом черногоровской ступени (меч из Субботова), а для Средней Европы на рубеже HaB_2—HaB_3 (Брно-Обжаны), то северо-кавказские экземпляры вряд ли были более поздними. Количественное преобладание их и относительно ранние типы предметов в комплексах свидетельствуют о том, что северокавказские наконечники ножен данного типа, как и оружие, при котором они находились,— если не самые древние среди аналогичных вещей, то, по крайней мере, одновременны находкам степного восточноевропейского и центрально-европейского круга древностей.

Не противоречит этому заключению и присутствие в комплексе из Клин-яра бронзовой кольцевидной пряжки — уникальной для кобанской культуры. Прямых аналогий этому предмету на Северном Кавказе пока не обнаружено, если не считать морфологически близких пронизок из сурьмы, найденных в погр. 18 и 25 могильника Мебельная фабрика-1 и в погр. 3 могильника Лермонтовская скала-2 [20], датирующихся VIII—VII вв. до н. э. Однако функционально они различаются. Сходная с клин-ярской пряжка обнаружена в погр. 95 Тетюшского раннеананьинского могильника [21, с. 50, 51, 55 рис. 21-А, *1*]. Это погребение — одно из самых ранних в могильнике. Оно относится по времени не позднее начала VIII в. до н. э., поскольку расположено в центральной части памятника, где имелись также «погребения приказанской поры, составляющие непрерывное целое с раннеананьинскими захоронениями» [21, с. 75].

В комплекс из Клин-яра входят также три массивных браслета-налокотника из витого в пять оборотов бронзового прута (рис. 1, *4*, *5*). Эти браслеты, скрученные в виде усеченно-конической спирали (их иногда называют «шинами»), относятся к одной из специфических особенностей памятников западного варианта кобанской культуры. Все браслеты довольно стандартны, диаметр их 7,5—9,5 см; бронзовый прут, из которого они изготовлены, прямоугольный в сечении, размерами 0,3×0,5 см.

Многовитковые боевые налокотники западного варианта характерны главным образом для ранних погребений могильников Кисловодской котловины (могильники Кисловодский, Березовский-1, 5, 6, Белореченский-2, Мебельная фабрика-1, Агачевский, Индустрия-1 и др.) и верховьев Кубани (Инжиччукунский могильник, случайные находки из разрушенных погребений близ станицы Исправной). В комплексах они довольно часто сочетаются с предметами архаичных форм. В Агачевском могильнике подобные браслеты были найдены вместе с крупным бронзовым наконечником стрелы — плоским (погр. 36), с сурьмяными пуговицами (погр. 52). В могильнике Мебельная фабрика-1 (погр. 10) вместе с такими браслетами обнаружены обсидиановые пластины. В погр. 1 могильника у Кисловодского железнодорожного вокзала в комплексе с браслетами имелся каменный пест, характерный для самого начала I тыс. до н. э. [22, с. 9]. В пользу ранней датировки многовитковых браслетов из Инжиччукунского могильника — не позднее рубежа II—I тыс. до н. э.— привели некоторые данные В. Б. Виноградов и С. Л. Дударов [23, с. 9]. Поэтому браслеты такого типа могут датироваться в пределах X—VIII вв. до н. э.

Архаичность комплекса из Клин-яра подтверждается также фрагментами глиняного сосуда (рис. 1, *6*). Грубые горшки, украшенные ногтевыми врезками,— особенность западнокобанских памятников и датируются временем не позднее VIII в. до н. э. [24, с. 168].

Таким образом, типологический анализ предметов из клин-ярского комплекса, а также северокавказские, поволжские, северопричерномор-

ские и центральноевропейские аналогии позволяют считать комплекс одним из ранних в группе предскифских комплексов кобанской культуры. Основания для узкой даты небезупречны. Но в рамках IX—VIII вв. до н. э. комплекс ближе к раннему периоду, нежели к позднему.

Особая значимость новых материалов в том, что они прочнее связывают кобанскую культуру Кавказа с синхронными культурами Восточной и Западной Европы. На основе подобных данных отчетливее становится конкретный вклад северокавказского кобанского населения в исторические судьбы припонтийского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа.— АЭС, 1969, т. III.
2. *Дударев С. Л.* Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска.— СА, 1979, № 4.
3. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, 1977, вып. В2-5.
4. *Виноградов В. Б.* Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
5. *Дударев С. Л.* Погребальный обряд племен центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии.— В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
6. *Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н.* Новое о кобанской культуре центрального Предкавказья.— АЭС, 1976, т. IV.
7. *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа.— В кн.: Studia Thracica. Фрако-скифские культурные связи. Т. I. София, 1975.
8. *Ловпаче Н. Г.* Некоторые материалы из Псекупского могильника эпохи железа и средневековья.— В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.
9. *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.
10. *Дударев С. Л.* Ранний этап освоения железа на центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1983.
11. *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии: Автореф. докт. дис. Тбилиси: ИИАЭ АН ГССР, 1972.
12. *Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии.— В кн.: Древние памятники северо-восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
13. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
14. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
15. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
16. *Terenožkin A. I.* Die Kimmerier und ihre Kultur.— In: Die Hallstatt Kultur. Frühform europäischer Einheit. Katalog. Linz, 1980.
17. *Podborský Vl.* Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle die Eisenzeit. Brno, 1970.
18. *Kossack K.* «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa.— Situla. Ljublyana, 1980.
19. *Kemenczei T.* Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest, 1984.
20. *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, ф-1, № 2869.
21. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. Москва: Наука, 1977.
22. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.— САИ, 1982, вып. В2-5.
23. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.
24. *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска.— СА, 1981, № 2.

В. И. ГРОСУ

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ПОДНЕСТРОВЬЕ

В песчаном карьере, расположенном на левом берегу р. Днестр, на его верхней террасе к северо-западу от с. Грушка (Каменский р-н, Молдавская ССР), обнаружено сарматское погребение. По сведениям находчиков, скелет был ориентирован головой на север. Размеры погребальной ямы, а также ее форму определить не удалось.

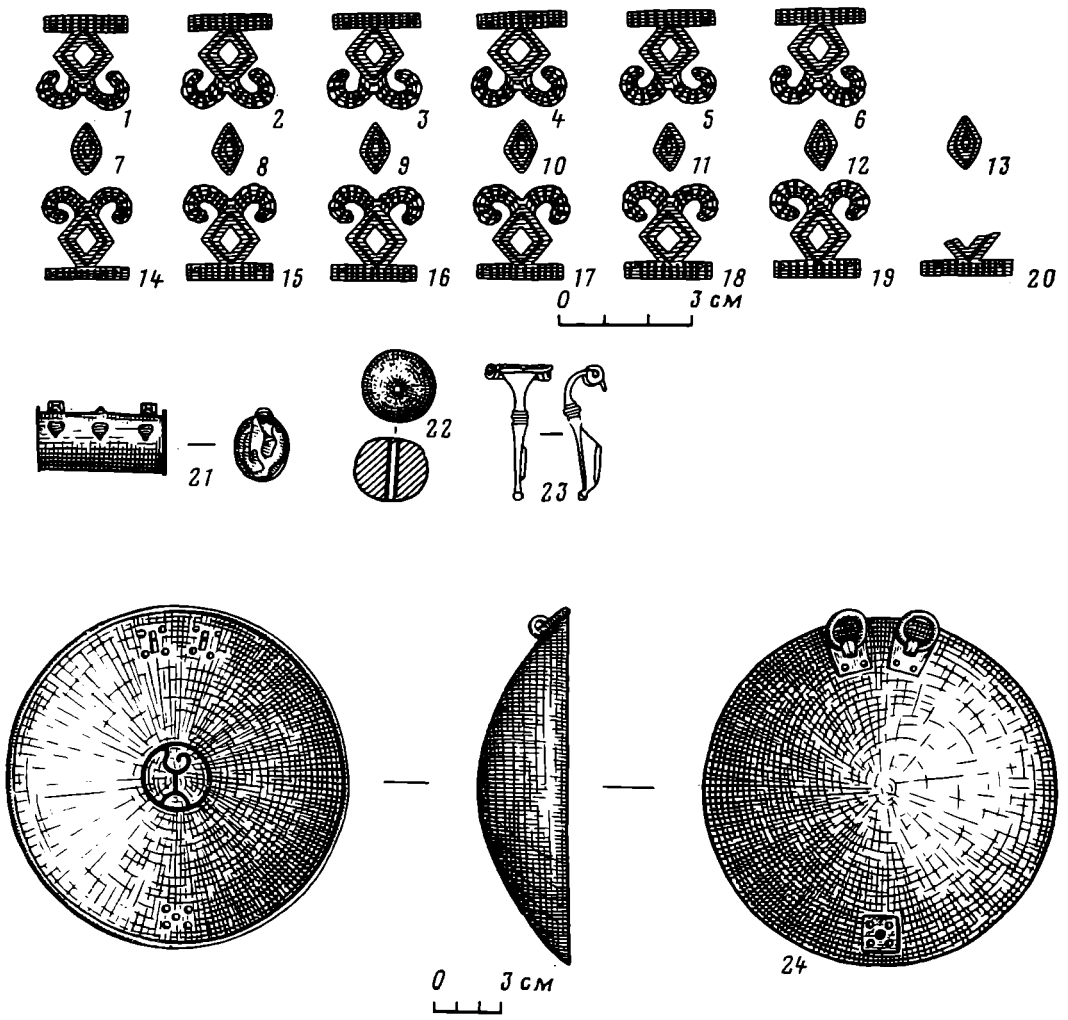


Рис. 1. Инвентарь из погребения у с. Грушка. *1—20* — бляшки; *21* — подвеска-амулетница; *22* — бусина; *23* — фибула; *24* — фалар (?). *1—21* — золото; *22* — сердолик; *23* — бронза; *24* — серебро

Инвентарь, обнаруженный в погребении, довольно богатый: бронзовая фибула, сердоликовая бусина, золотая подвеска-амулетница, 7 золотых бляшек в виде ромбиков, 12 целых и 1 фрагмент золотых бляшек сложной конфигурации, а также серебряный предмет формы шарового сегмента (фалар?) с сарматским знаком (рис. 1).

Бронзовая фибула (рис. 1, *23*) — сильно профилированная, с укороченным сплошным приемником, завершающимся ромбической головкой. Середина корпуса орнаментирована колечком, головка образует ромбовидную пластинку, завершающуюся крючком для тетивы. Длина фибулы 3, высота спинки 1, длина пружины 1,4 см. Согласно классификации А. К. Амброза, она относится к группе 10 сильно профилированных фибул западных типов. Центрами производства их являются Паннония и Норикум. Из ближайших к нам областей подобные фибулы распространены в Дакии и Нижней Мезии. Они датируются второй половиной I—началом II в. н. э. [1, с. 36, табл. 7, *4*].

Бусина (рис. 1, *22*). Изготовлена из сердолика вишневого цвета, округлой формы, хорошо отшлифована. Диаметр 1,7, длина 1,5, диаметр отверстия 0,2 см. Аналогичные сердоликовые бусы были широко распространены в Северном Причерноморье в римское время. Они наиболее характерны для I—II вв. н. э., но появляются еще в эпоху эллинизма и доживают до III в. н. э. [2, с. 15, тип 2а, табл. 38, *22*]. 36 аналогичных сердоликовых бусин были найдены в погр. 1 кург. 2 у с. Ханкауцы (Единецкий р-н, Молдавская ССР), [3, с. 48, рис. 12, *9*]. Погребальный

комплекс у с. Ханкауцы датируется I в. н. э. [4, с. 11, рис. 2, *17*, табл. на с. 9].

Подвеска-амулетница (рис. 1, *21*) имеет форму цилиндра, сделанного из золотой пластинки. Вдоль цилиндра, в месте, где сходятся края пластинки, припаяна узкая (0,1 см) золотая полоска толщиною 0,5 мм. В трех местах — в середине и на концах — эта полоска приподнимается, образуя миниатюрные петли. Рядом с каждой из них на корпусе цилиндра расположены миниатюрные стилизованные «сердечки», образованные из припаянной к корпусу цилиндра золотой нити со вставками из стеклянной пасты. Рядом с крайними петлями, прикасаясь к ним, расположены две более крупные петли из золотых рифленых пластинок, ширина их 3,5 мм. Более крупные петли припаяны к корпусу цилиндра и к маленьким крайним петлям. Большие петли, очевидно, служили для надевания на нитку ожерелья. Торцовые части цилиндра имели золотые дисковидные донца. Одно из них отсутствует. Цилиндр был наполнен белой пастой (при расчистке превратилась в пыль). Длина цилиндра 2,8, диаметр 1,2, диаметр выступающего донца 1,4 см.

Согласно классификации Е. М. Алексеевой, амулетницы из бронзового листа найдены в комплексах второй половины I—IV в. н. э. [2, с. 26, тип. 30, табл. 42, *17, 19*]. Амулетница из погребения у с. Груша — золотая. На основании даты фибулы ее следует отнести ко второй половине I — началу II в. н. э.

Бляшки (рис. 1, *1—6*, *14—20*) в виде стилизованной головы горного козла-архара в фас, упирающегося ромбовидной мордой в узкую прямоугольную плакетку. Они изготовлены в технике штамповки из тонкого (0,4 мм) золотого листа с рубчатой поверхностью. На ромбовидной части имеется желобок. Бляшки снабжены шестью узкими, еле заметными отверстиями каждая (по две на каждом из рогов и две на концах плакетки), служившими, очевидно, для прикрепления к одежде. Высота бляшки 2,2, длина основания 2, ширина основания и всей пластинки в целом — в пределах 0,3 см.

Близкие по форме золотые бляшки были найдены в кург. 1 (с единственным центральным погребением) на левом берегу р. Самара, в 3,5 км к юго-юго-востоку от с. Александровка (Новомосковский р-н, Днепропетровская обл.) [5, с. 4, 5, табл. 2, *6*]. Бляшки из этого кургана вместе с прочим инвентарем погребения В. И. Костенко относит к среднесарматскому периоду (I в. до н. э.— I в. н. э.), опираясь в датировке на фибулы, зеркала и некоторые виды керамики [6, с. 129, табл. 7, *14*].

Бляшки (рис. 1, *7—13*) в виде ромбика, изготовленные в технике штамповки из тонкого (0,2 мм) золотого листа, орнаментированные двумя желобками, один внутри другого, повторяющие форму ромбика. Длина ромбика 1,2, ширина 0,84 см. Аналогии этим бляшкам неизвестны.

Фалар (?) (рис. 1, *24*) имеет форму полого шарового сегмента, кованного из серебряного листа с гладкой поверхностью (толщина 1,5 мм). Он снабжен двумя массивными колечками из того же металла, расположенными с одного края один рядом с другим. На противоположной стороне, на краю, видны следы, где крепилось третье колечко. На внутренней вогнутой стороне гравирована сарматская тамга, расположенная внутри кружка диаметром 3 см. Диаметр 16,5, глубина 4 см.

Аналогии данному предмету нам пока не известны. Представляется, что указанный предмет мог быть нагрудным фаларом в снаряжении воина или боевого коня, как показано на реконструкции М. В. Горелика [7, с. 189], или же налобным фаларом в уздечном уборе коня, как это предложено в реконструкции Б. Н. Мозолевского [7, с. 150]. Наличие трех колечек и их расположение как бы подтверждают наше предположение. С их помощью и с помощью ремешков фалар мог прочно крепиться на грудь воина или на лоб или грудь коня.

Подобные тамги и тамнообразные знаки имели широкое распространение в среде сарматских племен, заселявших степи Северного Причерноморья в конце I тыс. до н. э. и в первые века нашей эры. Аналогичные тамги встречены на мраморных львах № 1 [8, табл. V, *290*, *303*,

XLIV, *70*, XLVI, *84*, *85*] и 2 [8, табл. V, *289*, *304*, *305*, LI *59*, *60*] из Ольвии, находящихся в экспозиции Государственного Эрмитажа. Аналогии знаку встречены и на известняковой плите «Энциклопедия» из Пантикапея, хранящейся в Керченском историко-археологическом музее [8, табл. V, *302*], на бронзовом зеркале из фондов Киевского исторического музея [8, табл. V, *306*, XVI, *10*]. Совершенно аналогичные сарматские тамги встречены на золотых монетах царя Фарзоя, чеканенных в Ольвии. Эти монеты известны с середины прошлого века и являются важным источником по истории северопонтийских народов и государств [9, с. 66, 78, рис. 3, *1—5*]. Тамга на одной из монет [9, с. 66] представляет собой ближайшее соответствие знаку на фаларе (?) из нашего комплекса.

Подобные монеты известны широко [9, с. 77]. Они выпускались в 60—70 годы I в. н. э. [9, с. 73]. Топография находок этих монет позволила П. О. Карышковскому предположить, что Фарзой мог быть одним из правителей сильного объединения сарматских племен, обитавших во второй половине I в. н. э. к западу от Ольвии [9, с. 79].

Находка фалара (?) с эмблемой Фарзоя в погребении у с. Грушка является дополнительным свидетельством в пользу этого предположения. Предметы, найденные в комплексе, позволяют датировать погребение второй половиной I в.— началом II в. н. э. Богатство инвентаря свидетельствует о том, что в кургане была погребена женщина (?), принадлежавшая, возможно, роду Фарзоя.

О наличии с середины I в. н. э. на территории Северо-Западного Причерноморья сильного объединения сарматских племен роксоланов нам говорят и сведения древних авторов. Так, Страбон (II, 5,7; VII, 3, 17, с. 186, 200), а позже Тацит (I, 79, с. 42) сообщают, что в начале I в. н. э. роксоланы обитают между Днепром и Дунаем, а в 67—68 гг. н. э. нападают на римскую провинцию Мёзию. Археологические памятники I—II вв. н. э. на территории Днестровско-Прутского междуречья служат подтверждением свидетельств древних авторов о расселении роксоланов в данный период к северу от нижнего Дуная. Картографирование памятников I—II вв. н. э. показывает, что сарматы в это время заселяли все междуречье [4, с. 4, 9, рис. 1]. В настоящее время на территории Днестровско-Прутского междуречья известно свыше 150 памятников сарматской культуры, содержащих около 500 погребений. Подавляющее большинство их относится ко второй половине I—II в. н. э.— времени, когда на указанной территории кочевали роксоланы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30.
2. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1982, вып. Г1-12.
3. *Дергачев В. А.* Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). Кишинев: Штиинца, 1982.
4. *Гросу В. И.* Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1977—1978 гг.) Кишинев: Штиинца, 1982.
5. *Ковалев И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалабуев В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1978.
6. *Костенко В. И.* Сарматы в междуречье Орели и Самары.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1979.
7. История Украинской ССР. Т. I. Киев: Наук. думка, 1981.
8. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1975.
9. *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.

А. Г. АТАВИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ФАНАГОРИИ

Страницы средневековой истории самого крупного античного города на Таманском полуострове — Фанагории — еще не написаны. Если не считать отдельных замечаний, впервые внимание на жизнь города в средние века было обращено в статье В. В. Кропоткина, посвященной производству стеклянных изделий в городах Северного Причерноморья и на Руси [1, с. 36—38] [1]. Гораздо позже вышла статья В. С. Долгорукова, в которой освещены результаты раскопок средневековых слоев на берегу Таманского залива, на территории так называемого «Нижнего города» [3, с. 54—59].

Наиболее значительное место истории средневековой Фанагории было уделено в работах С. А. Плетневой [4, с. 10, 11, 15, 16; 5, с. 26, 27, 32, 36]. После ее статей не осталось уже никакого сомнения, что в средние века Фанагория, сохранившая, кстати, свое древнее название в отличие от Гермонассы — Тмутаракани, была довольно крупным городом. Расцвет жизни города падает на VIII—IX вв.

В настоящей заметке публикуются средневековые погребения, открытые в основном на юго-восточной окраине городища Фанагории, в районе, получившем название «Керамика» (здесь в позднеантичное время, в III—IV вв., стояли гончарные печи) и расположенном рядом квартале ремесленников-гончаров. В течение нескольких полевых сезонов (1952, 1953, 1964 и 1965 гг.) здесь было открыто более двух десятков могил, впущенных в слой IV в. н. э. [6, с. 24—26; 7, с. 11, рис. 1—21; 95—96, рис. 26; 8, с. 3, 4, рис. 2, 3; 9, с. 127—129; 10, с. 8, 9, рис. 23—26; 11, с. 72, рис. 28] [2].

Большинство погребений заглублено на 0,1—0,95 м. Только отдельные погребения были открыты на глубине 1,2—1,98 м. Контуры могильных ям проследить не удалось (табл. 1). Костяки обычно лежали на спине, руки вытянуты вдоль тела (рис. 1, *1, 2*). У некоторых одна или обе руки лежали на тазе. У двух погребенных руки были скрещены на груди. Два раза ноги скелетов были согнуты в коленях и завалились на правую сторону (рис. 1, *3*). Преобладала северная, северо-восточная и северо-западная ориентировка. Дважды погребенные были ориентированы черепами на запад, один лежал черепом на восток и двое — на юго-юго-восток. В пяти случаях ориентировка погребенных не может быть установлена. Единственный раз, в погр. 2, открытом в 1965 г., были замечены следы деревянной доски от гроба длиною 30 и шириною 1 см.

Большинство захоронений не содержали инвентаря. Только в трех погребениях была встречена керамика: в могиле, открытой в 1953 г. над развалинами гончарной печи IV в. н. э. [7, с. 95—96, рис. 26], в разрушенном погребении из раскопок 1964 г. с двумя сосудами (один — лепной горшок, второй — лощеный гончарный кувшинчик с широким дном и без ручки) [8, с. 4, рис. 3, 4] и в погр. 5, исследованном в 1952 г. В последнем захоронении костяк мужчины лежал черепом на юго-юго-восток, на спине, руки вытянуты вдоль тела, правая чуть согнута в локте и упиралась локтевым суставом в кусок сырцового кирпича. Череп повернут к правому плечу (рис. 2, *1*). Рядом с черепом стоял горшок с линейно-волнистым орнаментом. Тулово горшка шаровидное, тесто — с примесью дробленой ракушки (рис. 2, *2*). Сосуд датируется VIII—IX вв. и относится к южному варианту болгарской кухонной посуды, характерному для поселений Северного Причерноморья [4, с. 14]. Что касается лощеного кувшина из погребения, открытого в 1964 г., то С. А. Плетне-

---

[1] Годом раньше вышла статья Б. А. Рыбакова, посвященная средневековой литейной формочке из Фанагории [2, с. 180—182].

[2] В статье не учитываются материалы раскопок 1947 г. На западной окраине городища в траншее военного времени были открыты семь погребений в каменных ящиках. М. М. Кобылина датировала их XIV—XV вв. [12, с. 51].

Характеристика погребений, обнаруженных в районе «Керамика»

№	Год раскопок	Полевой №	Глубина от поверхности	Размеры могилы	Следы гроба	Слой золы и сажи под скелетом	Сырцовый кирпич на дне могилы	Ориентировка погребенного	Положение скелета														Инвентарь			
										руки				ноги			череп									
									на спине	вдоль тела	одна вдоль тела, одна на тазе	кисти на тазе	скрещены на груди	вытянуты	скрещены	согнуты в коленях вправо	лицом вверх	повернут вправо	повернут влево	на позвоночном отверстии	рот открыт	кухонный горшок	кувшинчик	лепной сосуд	глиняный кружок
1	1952	1	0,87					З	+			+?		+			+			+					
2	1952	2	0,75–0,95					СВ	+	+				+			+								
3	1952	3	1,1					СВ	+		+					+	+				+				
4	1952	4	1,2					СЗ	+	+						+		+			+				
5	1952	5	0,22–0,43				+	ЮЮВ	+	+				+				+			+	1			1
6	1952	6	?					?	Погребение разрушено																
7	1953	1	?					С	+	+				+					+				1		
8	1964	1	0,2			+		С	+			+		+			+								
9	1964	2	0,25					ЗСЗ	+	+				+			+								
10	1964	3	0,25					ССВ	Погребение разрушено																
11	1964	4	0,3					?	То же																
12	1964	5	0,3					СВ	+	+				+					+						
13	1964	6	0,45					СВ	+	+				+					+						
14	1964	7	0,5					СЗ	+	+				+			+								
15	1964	8	1,5					СЗ	+		+			+			+					+			
16	1964	9	0,35					?	Погребение разрушено														1	1	
17	1964	10	0,15					?	То же																
18	1965	1	0,6					С	+				+		+		+								
19	1965	2	1,98		+			В	+	+				+			+								
20	1965	3	?	1,5 ×0,6				ЮЮВ	+	+				+			+								
21	1965	4	0,66					ССЗ	+		+			+			+								
22	1965	5	0,1					?	Погребение разрушено																
23	1965	6	0,15					С	+				+	+			+								

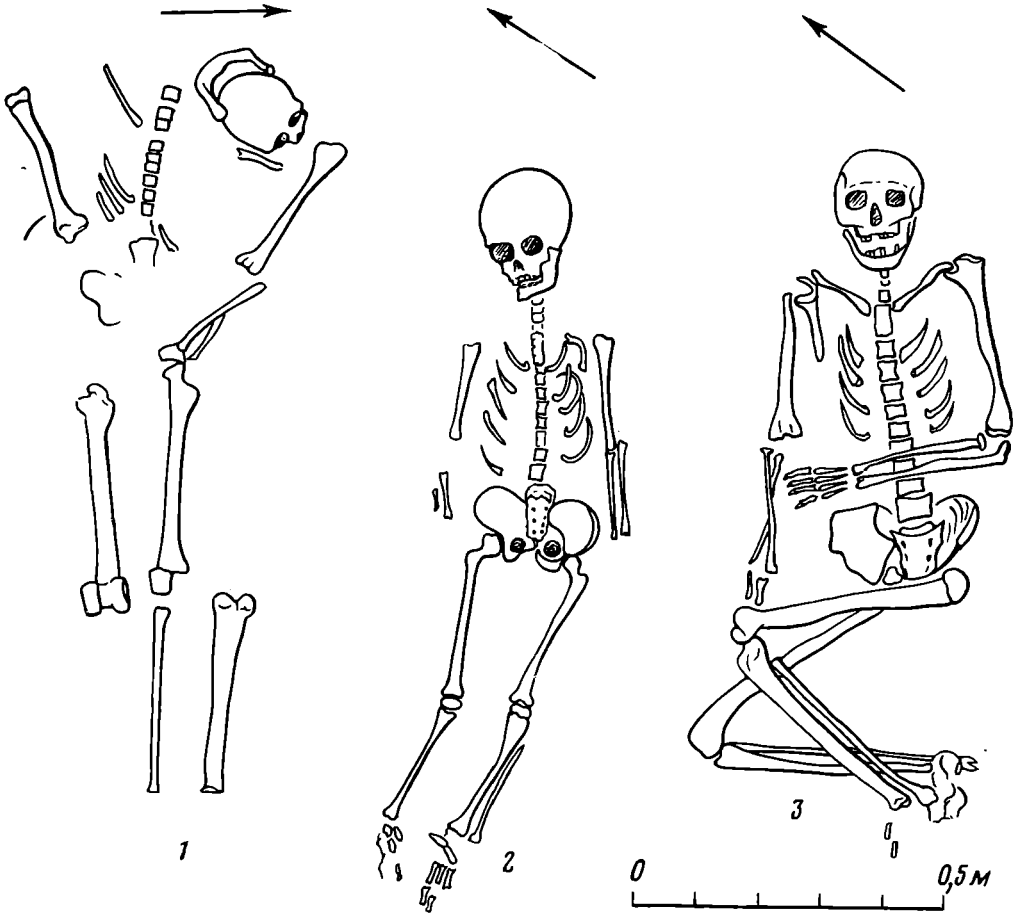


Рис. 1. Средневековые погребения из Фанагории. Раскопки 1952 г. *1* — погр. 1; *2* — погр. 2; *3* — погр. 3

ва отнесла его к группе «салтовской» керамики и датировала VII в. [9, с. 127—129].

В 1968 г. на территории Нижнего города в Центральном раскопе среди развалин средневековых построек было открыто еще одно погребение, сходное с вышеописанным[3]. Погребение было совершено на глубине 1,97 (череп) — 2,39 м (ноги) от поверхности, над средневековой ямой (к этому времени уже засыпанной). Поэтому при усадке грунта нижняя часть скелета как бы «просела» в яму. Могильное пятно имело вид вытянутого овала размерами 1,8×0,45 м. Скелет мужчины ориентирован черепом строго на север и лежал вытянуто на спине. Руки погребенного согнуты в локтях, кисти рук — на груди. Череп стоял почти вертикально, под ним немного к северу лежал камень. В нижней части грудной клетки обнаружен большой фрагмент средневековой амфоры, в области крестца — полностью окисленный железный предмет (возможно, пряжка), в ногах — разбитый высокогорлый кувшин с плоской ручкой [14, с. 28, 29, рис. 65, 66]. Подобные кувшины бытовали с конца VIII по XI в., но особенно широкое распространение получили в IX—X вв. [15, с. 32, 33, рис. 14]. Вероятная датировка погребения — IX в., поскольку слоя X в. в Фанагории не выявлено [4, с. 15].

Подведем некоторые итоги. Большинство погребений открыто на юго-восточной окраине городища. По-видимому, в период средневековья эта территория была занята могильником. Все открытые погребения принадлежат небогатому городскому населению, отсюда почти полное отсутствие инвентаря. Немногочисленные находки керамики из могил позволяют

[3] План Центрального раскопа с кратким описанием средневековых кварталов опубликован С. А. Плетневой [4, с. 15, 16, рис. 6; 13, с. 67, 68, рис. 42, *3*].

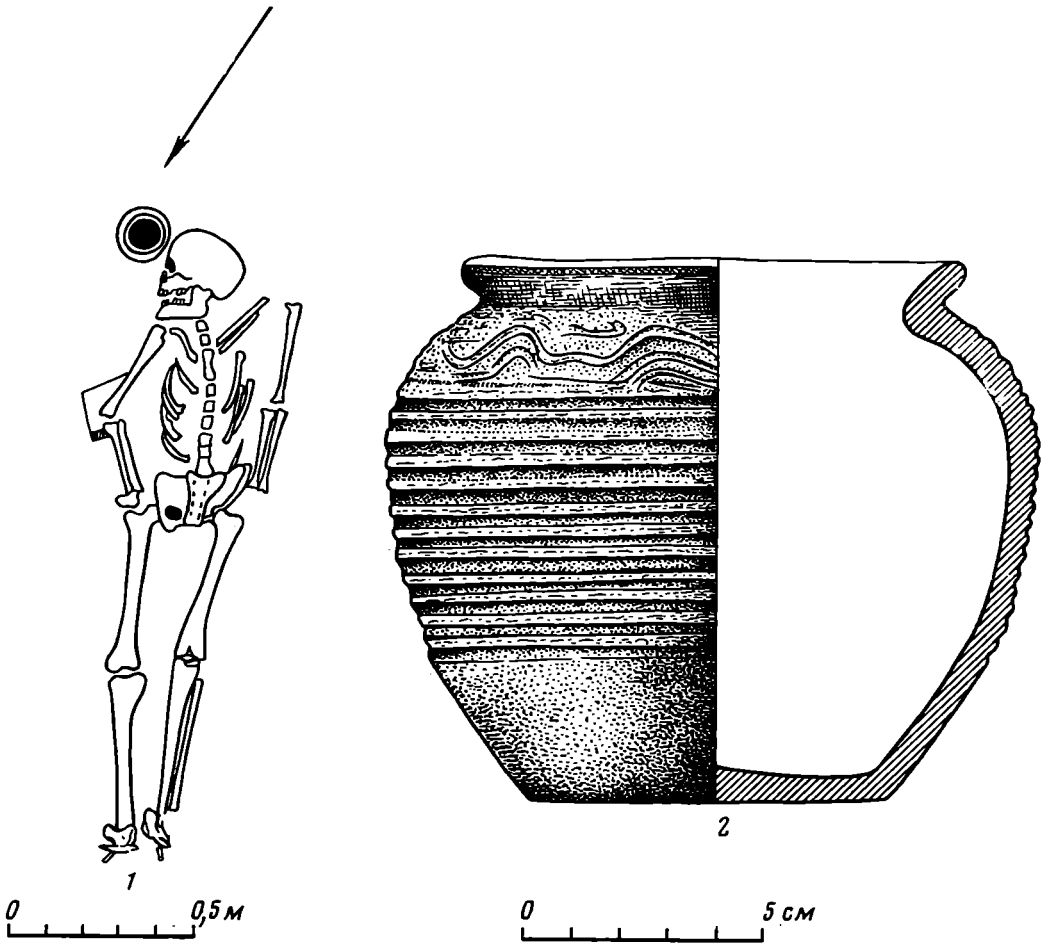


Рис. 2. Погребение 5. Раскопки 1952 г. *1* — план; *2* — сосуд из погребения

датировать их VIII—IX вв. и отнести к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры. Что касается погребального обряда, то его также можно определить как болгарский, правда отличающийся от «классического», в основу которого положен обряд Зливкинского могильника[4]. Отклонения от классического болгарского обряда наблюдаются во многих могильниках. Они касаются ориентировки погребенных, количества и состава сопровождающего их инвентаря, некоторых отличий в устройстве могильных ям. В последние годы открыты погребения, где покойники захоронены черепами на юг (Рыгинский могильник на Нижнем Донце [4, с. 11, 12), на восток (Нетайловский могильник [16, с. 427—429; 17, с. 80—96]), северо-запад и северо-восток (Михайловка и Алексеевка в Поднепровье [18, с. 98, 99]). В болгарском могильнике у с. Нови Пазар на территории современной Болгарии погребенные лежат черепами к северо-северо-востоку [19]. Возможно, что различная ориентировка погребенных в болгарских могилах вместе с другими чертами погребального обряда отражала племенное деление внутри массива болгарских племен [20, с. 99].

Возвращаясь к погребениям из Фанагории, подчеркнем большое разнообразие ориентировок с преобладанием северной, северо-западной и северо-восточной. Это, по-видимому, свидетельствует о смешанности населения средневекового города, в составе которого были представлены различные группы болгар и родственных им племен. Показательно, что

[4] По данным С. А. Плетневой, зливкинский погребальный обряд характеризуется следующими чертами: неглубокие могилы, одиночные захоронения, вытянутая на спине поза погребенного с руками вдоль туловища, ориентировка черепом на запад, почти полное отсутствие инвентаря, за исключением керамики, кости домашних животных (остатки заупокойной пищи) [4, с. 9].

в средневековом некрополе города Кепы, находящемся в нескольких километрах к северу, на берегу Таманского залива, погребенные уложены черепами на запад и юго-запад [21, с. 127—129]. Другой важной чертой обряда, которая позволяет связать погребения из Фанагории с болгарами, является устройство могил среди жилых домов, что находит аналогии в материалах Саркела [4, с. 11].

Интересной чертой как аланского, так и болгарского погребального обряда является ритуальное разрушение скелетов [20, с. 80]. Процент разрушенных погребений в Фанагории довольно значителен — почти четверть. Однако вряд ли в данном случае можно говорить о ритуальном разрушении. Верхний культурный слой Фанагорийского городища сильно испорчен в новое время выборкой камня и распашкой, поэтому разрушение средневековых погребений мы склонны объяснять именно этими причинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кропоткин В. В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в городах Северного Причерноморья и на Руси.— КСИИМК, 1957, вып. 68.
2. *Рыбаков Б. А.* Средневековая литейная форма из Фанагории.— МИА, 1956, № 57.
3. *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 годах.— КСИА, 1975, вып. 143.
4. *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье.— В кн.: Плиска — Преслав. София, 1981.
5. *Плетнева С. А.* Древните българи в Източна Европа.— ИБИД, 1980, т. XXXIII.
6. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1952 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 744.
7. *Кобылина М. М.* Фанагория.— МИА, 1956, № 57.
8. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1964 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2897.
9. *Кобылина М. М.* Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 году.— КСИА, 1967, вып. 109.
10. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1965 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3229.
11. *Кобылина М. М.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории.— КСИА, 1970, вып. 124.
12. *Кобылина М. М.* Фанагорийская экспедиция.— КСИИМК, 1949, вып. XXVII.
13. *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в. Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
14. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3761.
15. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
16. *Березовець Д. Т.* Салтівська культура.— В кн.: Археологія УРСР. Т. 3. Київ: Наук. думка, 1975.
17. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
18. *Швецов М. Л.* Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Станчев С., Иванов С.* Некрополът от Нови Пазар. София, 1958.
20. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
21. *Сорокина Н. П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове.— В кн.: Экспедиция Государственного Исторического музея. М., 1969.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ПАМЯТНЫЙ КРЕСТ ПО СТРЯПЧЕМ ПУСТОШКИНЕ

Публикуя в 1960 г. каменный крест XVII в., мы отметили, что есть еще три подобных памятника [1, с. 335]. Один из них хранится в музее-заповеднике «Коломенское». Он был найден на севере Московской области и передан на хранение в музей акад. М. Н. Тихомировым [1]. Ни в

[1] Благодарим директора музея-заповедника «Коломенское» Ю. С. Черняховскую и зав. фондами музея Т. В. Левину, оказавших содействие в изучении памятника.

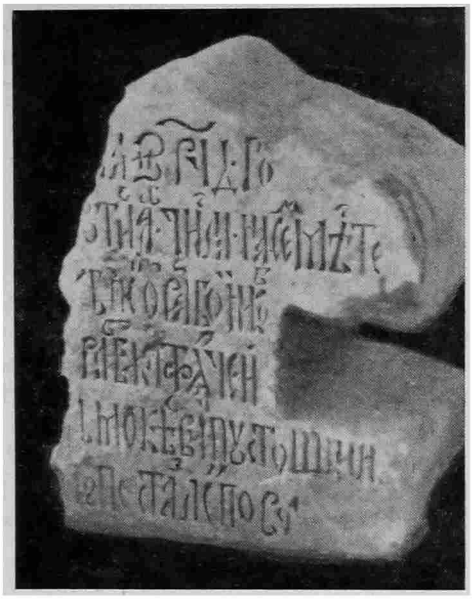


Рис. 1. Крест 1686 г. Лицевая сторона

Рис. 2. Крест 1686 г. Оборотная сторона

публикациях М. Н. Тихомирова, ни в описи его архива об этом памятнике не упоминается [2]. Не знают ничего о нем и сотрудники Дмитровского краеведческого музея, где работал М. Н. Тихомиров. Поэтому место и время находки точно определить не удалось.

Памятник (рис. 1, 2) изготовлен из белого камня и сохранился не полностью: отбиты левые стороны обеих перекладин, нет и нижней части. В сохранившемся виде высота креста 49,5 см, длина верхней перекладины 36,5, толщина 20,5 см. По кресту сверху вниз вырезана вглубь шестистрочная надпись вязью. Высота букв 5 см.

⟨ЛЕТ⟩А 6194 (1686)-ГО
⟨ПР⟩ОТИВ 1 ГО ЧИСЛА НА СЕМ МЕСТЕ
⟨У⟩БИЕН ОТ РАЗБОЙНИКОВ
РАБ БОЖИЙ СТРЯПЧЕЙ
...Ъ МОКЕЕВИЧ ПУСТОШКИН
...ПОСТАВЛЕН ПОВЕЛ...

Лигатур в надписи всего две: «н», «и», «к» в слове «разбойников» и «т». «р» в слове «стряпчей». Но выносных букв много — 17, причем «го» над обозначением дня — также лигатурное. Титло одно, обычное — в слове «божий». После обозначения года, дня и слова «числа» поставлены точки. Надпись вырезана искусно и грамотно, но рисунок букв ближе к начертаниям середины XVII в.

Имя погибшего установить не удалось, однако известен его отец — Мокей Иванович Пустошкин, дворянин московский [3, с. 343]. Два последних слова «поставлен повел...» можно истолковать как «поставлен повелением». В таком случае можно было бы говорить о принадлежности Пустошкина, например, к патриаршим стряпчим. Монастырских земель в Дмитровском уезде было очень много [4, с. 231, 232].

Однако возможен и другой вариант прочтения этих слов. На севере Дмитровского уезда, по левому берегу Вели и Дубны, длинной полосой тянулся «Повельский стан». Не исключено, что крест мог быть поставлен от имени кого-то из жителей этого стана, если Пустошкин погиб именно там. Следовательно «поставлен повел...» могло означать «поставлен повелского ⟨стана⟩...» жителем таким-то.

На оборотной стороне памятника высечен голгофский крест, символ мученической смерти, высотой 43 см, с традиционными обозначениями по

сторонам: «ЦРЬ СЛВ Ис‹ХС› НИ КА МЛ‹РБ›», т. е. «Царь Славы Иисус ‹Христос› Ника Место Лобное ‹Рай бысть›». По краю памятника здесь идет узкий бортик, а вся остальная поверхность, за исключением голгофского креста, была, видимо, выкрашена в какую-то темную краску, следы которой еще заметны. У подножья голгофского креста слева видно изображение стрелоподобного предмета. Это, скорее всего, конец якорной лапы. Кресты, где очертания голгофы переходят в пару перекрещивающихся веретенами якорей, символов спасения, образуя также и монограмму Христа,— известны, но только в граффити [5, с. 25, табл. 11, № 30, 32]. Вполне возможно, что в данном случае было какое-то другое сочетание тех же символов. Мы полагаем, что эта своеобразная символика непосредственно связана с пасхой, с темой «воскресения», так как самая ранняя пасха приходится на 22 марта, день священномученика Василия Анкирского. Название же города «Анкира» с глубокой древности выводили из греческого слова ἄγκυρα т. е. «якорь», «место стоянки» [6, с. 27]. Слово «анкира» обозначало также «опору», «надежду», что в соединении с темой пасхи точно соответствовало заключительным словам молитвы: «Чаю воскресения живых и мертвых и жизни будущего века».

Кроме отмеченных нами четырех крестов, поставленных по «заложным», умершим не своей смертью людям, Т. В. Николаева опубликовала еще два. Оба они относятся также к XVII в. [7, с. 189, 190, табл. 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотов Ю. М.* Каменный крест XVII в. со станции Жилево.— СА, 1960, № 3.
2. Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова / Сост. Староверова И. П. М.: Наука, 1974.
3. *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853.
4. *Тихомиров М. Н.* Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веках.— В кн.: Российское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973.
5. *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV в. неподвижные и нецерковной службы. СПб., 1906.
6. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
7. *Николаева Т. В.* К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры.— В кн.: Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960.

В. И. ЗАВЬЯЛОВ, Ю. В. ШОКАРЕВ

РУЖЕЙНЫЙ ЗАМО́К XVII В. С ОСТРОВА СЁРКАП (архипелаг Шпицберген)

В 1981 г. при археологических работах на архипелаге Шпицберген был найден ружейный замо́к. Подобная находка является пока единственной в поморских домах на Шпицбергене, хотя применение огнестрельного оружия зафиксировано повсеместно находками ружейных кремней и свинцовых пуль.

Замо́к обнаружен в постройке, входившей в состав небольшого поселка на о. Сёркап. Поселок состоял из трех изб. Два дома полностью разрушены морскими водами. Третий дом, исследованный раскопками, пострадал меньше других, но был полностью перекрыт береговым валом. В избе выделяются два строительных горизонта. Находка замка связана с верхним горизонтом, надежно датированным второй половиной XVII в.

Замок принадлежит к типу так называемых искровых кремневых замков (рис. 1). Он состоит из замочной доски прямоугольной формы, с внешней стороны которой находится курок, остатки боевой пружины, часть стойки огнива и кусочек пороховой затравочной полки. На внутренней стороне доски можно распознать плохо сохранившееся шептало (стопор, удерживавший курок на боевом взводе), шептальную пружину и на конце ее винт с крестообразным шлицем.

История ранних кремневых замков в Европе разработана в общих

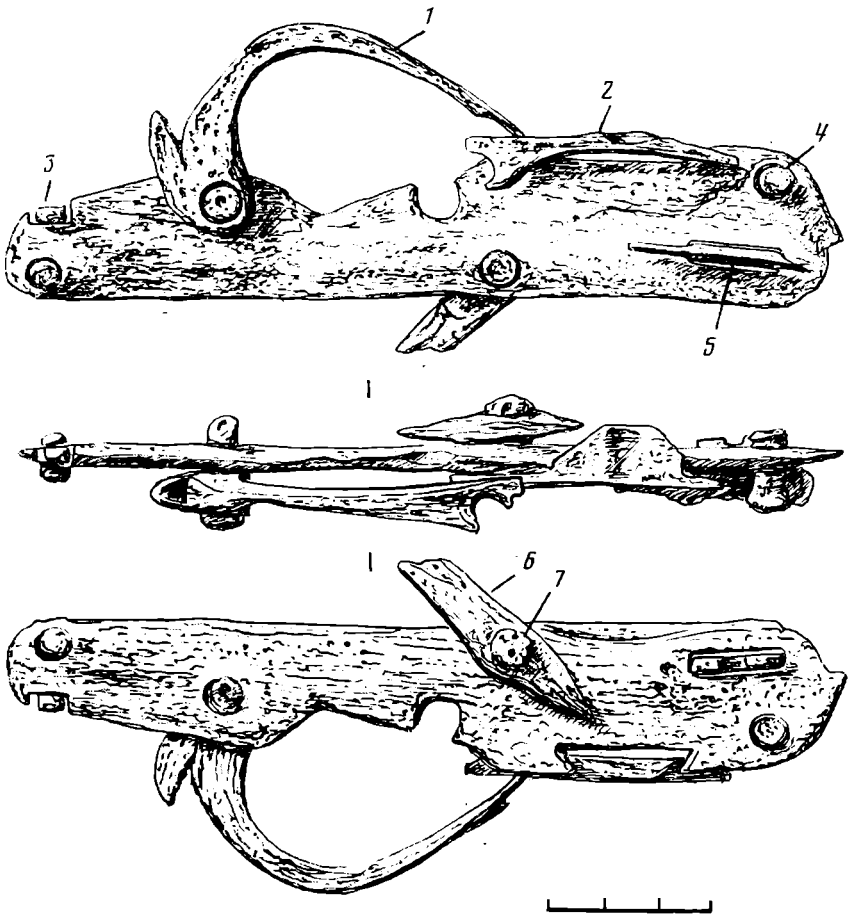


Рис. 1. Ружейный замок XVII в. с о. Сёркап. *1* — курок; *2* — затравочная полка; *3* — часть шептала; *4* — винт от огнива; *5* — боевая пружина; *6* — шептальная пружина; *7* — винт

чертах, во многом противоречива и запутана из-за малого числа сохранившихся предметов и скудости архивных материалов. В этом свете находка редкого ружейного замка приобретает особый интерес. В настоящее время в специальной оружиеведческой литературе ранние кремневые замки XVI—XVII вв. обозначаются единым термином «шнапхан» (schnaphahn). Возникновение шнапхана относят к концу второй четверти XVI в. Вопрос о месте его создания остается спорным, хотя наибольшее предпочтение отдается Германии и Северной Италии. Как бы то ни было, но уже к концу XVI в. шнапхан в разных вариантах оказался распространен на большой территории от Средиземного моря до Британских островов, от Нидерландов и Скандинавии до Московского государства. Как раз на территории Скандинавии изготовлялись замки такого типа, к которому относится найденный.

Крупнейший исследователь истории кремневого замка Т. Ленк выделяет скандинавский замок в самостоятельный тип шнапхана и различает три его варианта, соответствующие трем производственным областям: шведский, норвежский и балтийский [1, с. 13]. С этим согласны современные чешские авторы Я. Дурдик, М. Мудра и М. Шада [2, с. 60]. Общей чертой всех скандинавских шнапханов является наружная боевая пружина, длинный конец которой давит снизу на хвост курка, охватывая его полукругом, в то время как короткое плечо упирается в стойку огнива. Огниво существует отдельно от крышки затравочной полки[1].

[1] Соединение крышки полки с огнивом было осуществлено в другом варианте шнапхана — средиземноморском.

Курок ставится на боевой взвод с помощью шептала, проходящего сквозь замочную доску и цепляющегося за хвост курка. Между собой три варианта скандинавского замка различаются по форме курка и типу соединения губок — пластин, между которыми зажимается кремень. В шведском варианте верхняя губка скреплена с нижней в шейке курка врезкой по типу «ласточкин хвост»; в норвежском варианте верхняя губка соединена с нижней штифтом, который под прямым углом отходит от верхней губки и проходит сквозь нижнюю; в балтийском верхняя губка обхватывает шейку курка наподобие листа [1, с. 13]. Разница в соединении губок дает и разный вид самого курка. В шведском замке он имеет плавную полуовальную форму, в норвежском — стойка курка и губки образуют тупой угол. Сравнение отдельных элементов и общего вида найденного замка с описанными в литературе и хранящимися в музеях показывает, что замок принадлежит к архаическому типу шведского варианта шнапхана.

В Государственном Историческом музее и в Оружейной палате государственных музеев Московского Кремля имеется несколько шведских замков. К сожалению, ни один из них не является точной аналогией исследуемому. В Историческом музее находится ружейный замок XVII в. более крупного размера, вероятно, с военного мушкета[2]. В Оружейной палате есть несколько ружей с замками шведского типа. Ближе всех к исследуемому предмету замки на ружьях 7303/3231 и 7304/3773. Они изготовлены в Швеции, относятся к группе предметов, поступивших в 1704 г. в Рюст-камеру после захвата Петром I Нарвы. По клеймам на стволах часть ружей датируется 60—80-ми годами XVII в.[3].

Архаический вариант шведского замка продолжал изготовляться и бытовать до конца XVII в., несмотря на то что со второй половины XVII в. в Швеции уже применялся усовершенствованный вариант замка, имевший внутреннюю боевую пружину и объединенное с крышкой полки поворотное огниво [3, с. 124]. Найденный замок мог быть изготовлен как в самом начале XVII в., так и в конце того же столетия.

Несмотря на подобие найденного замка замкам нарвских ружей из Оружейной палаты, он различается формой замочной доски. Замочные доски у нарвских ружей изогнуты, что связано с коротким мушкетным прикладом. Доска найденного замка прямая, и он, следовательно, не мог находиться на прикладе подобного типа. Скорее всего ложа должна была иметь или прямой приклад, или широкий дугообразный без шейки, наподобие прикладов охотничьих ружей норвежского, финского и шведского происхождения с замками шнапхан, которые имеются в музеях Осло и Стокгольма [4, с. 161—163].

Факт находки замка шведского типа в избе русских поморов на Шпицбергене не является чем-то необычным. Русское государство XVII в. не только вело торговлю со странами Северной Европы, но и само производило оружие по шведским и голландским образцам [5, с. 186—198]. Кроме того, шведские ружья были в русском обиходе: в описи Оружейной казны Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1635 гг. числятся «самопалы свитцкие» (шведские) [6, с. 196—197]. Все это — свидетельство торговых и производственных контактов России со странами Северной Европы в XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lenk T.* Steinschloss-feuerwaffen. Hamburg — Berlin, 1973.
2. *Durdik I., Mudra M., Sàda M.* Alte Handfeuerwaffen. Praha, 1977.
3. *Hayward I. F.* European Firearms L., 1955.
4. *Cederström R.* En àlderdomlik Bössform.— Liv Rust Kammaren. Stockholm, 1938, B. 1, H.8.
5. *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв.— СА, 1965, № 4.
6. *Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках.— МИА, 1958, № 77.

[2] Инв. № ГИМ/6407 ор. Источник поступления неизвестен.

[3] Благодарим ст. науч. сотр. ГММК Е. В. Тихомирову за помощь, оказанную при выявлении и датировке указанных шведских ружей.

Критика и библиография

Палеолит Сибири/Ред. Васильевский Р. С. Новосибирск: Наука, 1983. 128 с., илл.

За последние два десятилетия на фоне общего широкого развития производительных сил и науки в Сибири значительно оживилось археологическое изучение древнейшего прошлого этой необъятной территории. Большую работу проводят местные археологические силы. Особую организующую роль в проведении интенсивных полевых работ, в публикации результатов этих работ и обобщающих трудов, в создании высококвалифицированных кадров играет Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Результатом интенсивных исследовательских работ археологов Сибири стал и рецензируемый сборник статей. Характерными чертами сборника являются: публикация новых, полученных в самые последние годы материалов, значительный географический охват территории (от Барабинской низменности Западной Сибири и от Восточного Казахстана на западе до тихоокеанского побережья на востоке) и широкие хронологические рамки изучавшихся памятников (от древнейшего памятника Сибири — Улалинки до конца палеолитической эпохи). Отрадно отметить участие в сборнике молодых специалистов, выступающих наравне с признанными авторитетами.

Сборник состоит из 14 статей, бóльшая часть которых посвящена вопросам заселения и характеристике палеолита отдельных регионов: Алтая (статьи А. П. Окладникова, М. В. Шунькова, Ю. Ф. Кирюшина и А. Л. Кунгурова) и Восточного Казахстана (статья Ж. К. Таймагамбетова), Западной Сибири (статьи А. П. Окладникова и В. И. Молодина, С. В. Маркина, В. Т. Петрина), Енисея (статьи С. А. Васильева и Н. М. Ермоловой, Н. Ф. Лисицына), Забайкалья (статья И. В. Асеева и Ю. П. Холюшкина), Дальнего Востока (статья Р. С. Васильевского и В. А. Кашина). Вопросы методики определения возраста палеолитических памятников затронуты в статьях А. И. Шлюкова и В. А. Кашина, вопросы методики выделения археологических культур — в статье Ю. П. Холюшкина.

В статье А. П. Окладникова «Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 г.)» даны предварительные сведения об этом интереснейшем по своей культуре памятнике, открытом в 1980 г. Он был частично разрушен при прокладке дороги; исследования 1980 г. носили в равной мере и спасательный, и разведочный характер и были направлены, как отмечает А. П. Окладников, в основном на выяснение специфики памятника и установление его стратиграфии. Нужно отметить, что раскопки Кара-Бома — одна из последних полевых работ А. П. Окладникова, в которой он принимал самое непосредственное участие, но естественно, что в краткой предварительной публикации, так сказать «по горячим следам», не могли быть освещены в полной мере вопросы, касающиеся характера отложений, соотношения литологических и культурных слоев, особенностей каменного инвентаря, его сопоставления с инвентарем Усть-Канской пещеры и вытекающей главным образом из этого сопоставления датировки памятника[1]. На основании суммарной характеристики каменного инвентаря, собранного во всех пяти горизонтах раскопа, А. П. Окладников приходит к выводу, что технико-типологический анализ «дает возможность установить его близость к комплексам из Усть-Канской пещеры. Эта близость устанавливается по приемам расщепления нуклеусов, широким ножевидным пластинам и последующим изготовлением из них остроконечников, скребел и зубчато-выемча-

[1] Возможно, эти вопросы будут отражены в подготавливаемой к печати ИИФФ СО АН СССР монографии.

тых орудий. Данные, полученные в результате стратиграфических наблюдений, а также палеонтологические данные не противоречат такой датировке и позволяют предварительно отнести стоянку Кара-Бом по указанным аналогиям к 40—30 тыс. лет назад» (с. 18—19).

Благодаря любезности А. П. Окладникова мне удалось видеть коллекцию находок из Кара-Бома. Характерной чертой ее являются нуклеусы для получения крупных правильных пластин и снятые с них пластины как основной тип заготовки. Большой интерес представляют скребки и резцы, изготовленные из крупных узких пластин правильной огранки. В то же время здесь отсутствуют изделия, составляющие основу мустьерского комплекса Усть-Канской — дисковидные и леваллуазские нуклеусы, специально подправленные для получения треугольных сколов, и соответствующие им широкие остроконечники.

Что касается палеозоологических данных, то о фауне стоянки в статье специально не говорится, хотя в перечислении находок по слоям имеются сведения о наличии костей животных, преимущественно зубов. По этим данным можно подсчитать, что в горизонте 3 встречено 17 костей, принадлежащих быку (3), барану и лошади (по 2), зайцу (1) и зайцу-толаю (2), сурку (3), суслику (1), птицам (3). В горизонте 4 собрано 4 кости: лошади (2), быка и сурка (по 1). Горизонт 5 содержал 5 костей: лошади (3), носорога и быка (по 1). При этом носорог установлен по диафизу бедренной кости, что не исключает ошибки в определении. В целом, даже при наличии носорога, фауна Кара-Бома существенно отличается от более древних фаунистических комплексов Усть-Канской, Страшной и других мустьерских пещер Алтая.

Представляется, что в настоящее время уже накоплен достаточный материал для разделения мустьерских памятников и позднепалеолитических памятников Сибири, поэтому Кара-Бом может быть отнесен скорее к начальной поре позднего палеолита (наряду с такими стоянками, как Малая Сыя, Варварина Гора, Толбага и др.). Отсюда очевидна насущная необходимость дальнейшего исследования этой стоянки, исключительно важной для понимания развития палеолита Сибири, которое позволит установить более точно ее место в культурно-исторической периодизации Северной Азии.

О том, что чисто мустьерские памятники на Алтае существуют и, более того, не являются однородными, свидетельствуют открытия М. В. Шунькова, отраженные в статье «К вопросу о мустьерских памятниках Алтая». Два местонахождения — Тюмечин I и II, которые М. В. Шуньков трактует как остатки разрушенных стоянок-мастерских, обнаруживают существенную разницу в облике каменного инвентаря: если Тюмечин I по инвентарю попадает в группу ранее известных пещерных стоянок Алтая с леваллуазской традицией обработки камня, то полное отсутствие этой традиции в бесспорно мустьерском комплексе Тюмечина II, основанном на радиальном принципе расщепления, ставит его в особое положение. Приведенные таблицы рисунков хотя и скупо, но достаточно четко характеризуют разные комплексы. В одной из своих предшествующих статей М. В. Шуньков ставит вопрос о том, являются ли эти различия культурными или хронологическими или же это результат смешения различных комплексов в процессе переотложения и отсутствия у них четкой стратификации [1, с. 134]. Понимая трудности, стоявшие перед исследователем при проведении сравнительного анализа мустьерских памятников Алтая, недостаточно изученных археологически и геологически, хочется выразить уверенность, что столь плодотворно начатые М. В. Шуньковым изыскания приведут и к новым открытиям, и к выработке системы развернутого сопоставления материалов.

Памятник, описанный в статье Ю. Ф. Кирюшина и А. Л. Кунгурова «Новое верхнепалеолитическое местонахождение Ушлеп I на Алтае», несмотря на небольшое количество собранного материала (42 экз.), представляет интерес как новое местонахождение пока еще недостаточно известного позднего палеолита Алтая. К публикации имеется несколько мелких замечаний, касающихся описания материала: отщепы сняты, судя по их размерам, форме и огранке, скорее всего, не при подготовке орудий и заготовок, как пишут авторы, а при подготовке нуклеусов и их дальнейшем расщеплении; отщепы и пластины с ретушированными краями следовало бы включить в категорию орудий, если это действительно намеренная ретушь, а не следы механических повреждений; поскольку собственно орудий упомянуто лишь 4 экз., желательно было бы видеть рисунок и

единственного в коллекции скребла вместо изображения серии невыразительных отщепов. Кстати, подписи под всеми рисунками («каменные орудия») следовало бы заменить («отщепы» и «нуклеусы»).

Авторы правы, указывая, что отсутствие стратиграфических наблюдений и малочисленность сборов затрудняют точную датировку. В этой связи привлекает внимание предмет, который авторы, отмечая его архаичность, называют «массивным подтрапециевидным сколом с остатками ударной площадки в форме „треуголки"» (с. 35). Этот предмет очень напоминает широкий пластинчатый отщеп леваллуазского облика. Любопытно было бы знать, не отличается ли он по материалу и степени сохранности от остальной коллекции.

Статья Ж. К. Таймагамбетова «Памятники каменного века в Восточном Казахстане» посвящена разведочным работам на берегах р. Кызылсу, левого притока Иртыша. Обнаруженные исследователем новые пункты с отщепами и чоппероподобными орудиями из галек имеют большое значение, так как закрывают еще одно белое пятно на карте палеолитических местонахождений Казахстана. Изучаемая территория занимает промежуточное положение между хорошо обследованным районом оз. Балхаш на юге (работы А. Г. Медоева), находками в районе Бухтармы на востоке (работы С. С. Черникова) и Алтаем на севере. Из всего этого окружения находки на р. Кызылсу обнаруживают наибольшее сходство со сборами М. Н. Клапчука в Карагандинской обл. на западе и свидетельствуют о широком распространении галечных культур. Что касается более позднего местонахождения — стоянки Кызылсу, то обращает на себя внимание отмеченная Ж. К. Таймагамбетовым характерная особенность кремневого инвентаря в виде «геометрического» микролита-сегмента, который обработан ретушью по дугообразному краю. Если этому описанию соответствует рис. 3, верхний ряд справа (к сожалению, рисунки не аннотированы и ссылок в тексте на них нет), то это определение ошибочно, поскольку представлен не сегмент, а рабочий край концевого скребка.

Статья А. П. Окладникова и В. И. Молодина «Палеолит Барабы» подводит итоги изучения палеолита Барабинской лесостепи, которая, несмотря на обилие находок позднеплейстоценовой фауны, долгое время считалась незаселенной в эту эпоху. Объектом статьи является характеристика стоянок Волчья Грива, Венгерово-5 и Новотартасская, а также местонахождения фауны Новодубровка. Последнее по аналогии с Волчьей Гривой и Венгерово-5 позволяет предполагать наличие здесь стоянки. Материалы этих памятников имеют исключительно важное значение как свидетельства освоения палеолитическим человеком обширной территории юго-запада Западной Сибири. Можно лишь сожалеть о том, что статья не сопровождается рисунками каменных и костяных изделий. Если первые в какой-то мере нашли отражение в других статьях авторов, то вызывающие большой интерес ребра мамонта со следами обработки и в особенности обломок бивня мамонта с тончайшей гравировкой здесь снова лишь упоминаются. Попутно замечу, что ссылка на находку орнаментированного наконечника копья из ребра мамонта, обнаруженного А. П. Окладниковым на палеолитической стоянке Шестаково в Кемеровской обл., еще раз подтверждает настоятельную необходимость публикации стоянки, географически входящей в зону Западной Сибири.

В статье С. В. Маркина «Палеолитическое местонахождение Шорохово на Средней Томи» детально и квалифицированно публикуется другой памятник из Кемеровской обл. Приведено описание каменного инвентаря, характеризующего своеобразную позднепалеолитическую культуру этого региона. Намечая определенные аналогии для каменного инвентаря Шорохово в материалах Томской и Ачинской стоянок (прежде всего в наличии мелких скребков и выемчатых орудий, изготовленных из пластинок), С. В. Маркин справедливо отмечает и значительные различия, в первую очередь в технике первичного расщепления, а также в некоторых категориях и типах орудий. Представляется, что стоянка Шорохово и по условиям залегания, и по каменному инвентарю является более поздней по сравнению с Томской и Ачинской.

Несомненный интерес представляет статья В. Т. Петрина «Об одной особенности обитания на палеолитической стоянке Могочино I». Полное, насколько это возможно в статье, описание стратиграфии отложений и характеристика культурных слоев в различных раскопах иллюстрируются четко выполненной документацией, а лишь перечисленные категории нуклеусов и орудий сопровождаются до-

статочно представительными таблицами. Последние подтверждают высказанное В. Т. Петриным положение о близости каменного инвентаря Могочино I по очень многим показателям к инвентарю афонтовской археологической культуры. Основной целью статьи В. Т. Петрина было объяснение своеобразного залегания культурного слоя, как бы «впаянного» в красно-бурую твердую ожелезненную прослойку, представляющую собой образование мощного ортзанда. Требовал объяснения и факт обнаружения каменных изделий на 1,5 м выше ожелезненной прослойки в раскопах, заложенных на более низких уровнях. Аргументация, изложенная в статье В. Т. Петрина, убедительно подтверждается двумя схемами. Однако ничто не мешает предположению о втором, более позднем и более кратковременном уровне обитания на том же самом месте.

В статье С. А. Васильева и Н. М. Ермоловой «Майнинская стоянка — новый памятник палеолита Сибири» дано описание открытой в 1980 г. многослойной стоянки на юге Красноярского края, при выходе Енисея в Минусинскую котловину из теснин Западного Саяна. Здесь обнаружено 9 культурных слоев (при продолжении работ число их увеличилось, и теперь известно 19 слоев), которые в статье последовательно описаны, приведена статистика инвентаря и результаты изучения фаунистических остатков. Авторы справедливо считают, что Майнинская стоянка датируется в пределах второй половины Сартанского оледенения, а по своему инвентарю близка памятникам афонтовской культуры.

Особое внимание привлекает уникальная находка из 5-го культурного слоя (3,7—3,9 м от поверхности) — антропоморфная статуэтка из красновато-коричневой неравномерно обожженной глины с примесью зерен песка. Это первое произведение изобразительного искусства в палеолите Енисея и первая керамическая палеолитическая фигурка, встреченная на территории СССР. По своему облику и составу материала она не имеет ничего общего с единственной в своем роде глиняной скульптурой из чехословацких палеолитических стоянок Дольни Вестонице и Павлов, что убедительно свидетельствует о существовании на Енисее самостоятельного очага развития палеолитического искусства, уже осознавшего пластические свойства глины.

Продолжая работы по изучению палеолита Енисея после заполнения Красноярского водохранилища, Н. Ф. Лисицын в статье «Палеолитическая стоянка Чегерак» дает описание нового памятника, открытого в 1976 г. Нет никаких оснований не соглашаться с автором в определении характера памятника как стоянки-мастерской (обилие отбросов производства и малое количество орудий), его возраста (финальный палеолит) и отнесения каменного инвентаря к кокоревской археологической культуре. Может вызвать сомнение лишь вывод, что на Енисее «в конце сартана происходит нивелировка комплексов, так как ряд выразительных палеолитических типов орудий исчезает из употребления и вместо этих изделий появляются новые формы» (с. 80). Упомянутые Н. Ф. Лисицыным стоянки Аешка и Крутогорское были в свое время без колебаний отнесены к кокоревской культуре, а отсутствие ряда выразительных типов вытекает, возможно, из самого характера этих финально-палеолитических местонахождений, где, как и в Чегераке, на месте сохранились лишь единичные орудия, а остальные унесены при перекочевках. В частности, в Чегераке найдено всего 20 орудий, и естественно, что остроконечники и резцы не были оставлены на «кратковременном перевалочном пункте». Н. Ф. Лисицын отмечает также, что период от конца палеолита до начала мезолита на Енисее еще далеко не изучен (с. 80). Представляется, что этот период не может быть изучен и на любой другой территории, поскольку это был непрерывный процесс постепенной адаптации позднепалеолитических охотников к изменяющимся условиям. Расчленение памятников конца палеолита — начала мезолита чаще всего невозможно, если только не начать отсчет мезолита с появления клиновидных нуклеусов, как это делают, отбрасывая все другие показатели, некоторые авторы.

В статье И. В. Асеева и Ю. П. Холюшкина «Предварительные результаты изучения каменного инвентаря палеолитического местонахождения Сапун в Бурятской АССР» речь также идет о новом памятнике, открытом в 1980 г. Здесь на поверхности делювиального шлейфа собрано свыше 1000 находок, из которых пристальному изучению подверглись пластины и скребки. На методике их описания следует остановиться особо, поскольку, как представляется, затраченный на составление таблиц огромный труд в конечном итоге оказывается бесполезным.

Пластины и пластинчатые отщепы рассматриваются как единая группа из 104 экз., включающая предметы длиной от 0,9 до 13,8 см, т. е. объединены разнородные заготовки (от мелких пластинок до крупных пластин). В таблицы включены также фрагменты: в табл. 5 (форма и угол наклона ударных площадок пластин) представлено 50 предметов, а в тексте (с. 24) упоминается, что целых пластин и пластинчатых отщепов всего 7. Таким образом, если основное число пластин составляют фрагменты, то таблицы, отражающие контуры и размеры, теряют смысл. Возможно, здесь имело место намеренное фрагментирование пластин, как в Толбаге, но о фрагментах нет никакой информации. Неизвестно также, имелись ли микропластинки правильной огранки, что существенно для датировки памятника. В этой связи необходимо отметить неясность формулировки в отношении двух предположительных заготовок торцовых нуклеусов. Как известно, в палеолите Сибири представлены крупные галечные нуклеусы с торцовым принципом скалывания (например, Кокорево I), существенно отличающиеся от мелких клиновидных и прочих форм нуклеусов для получения правильных микропластинок, поэтому нельзя под названием «торцовые» объединять все микронуклеусы.

Большое значение придается изготовлению пластин из базальта: пластины делятся на базальтовые и изготовленные из «прочих пород». Чтобы оправдать этот интерес к материалу, следовало бы раскрыть, чем отличаются базальтовые пластины от прочих, и вообще указать долю базальта во всем инвентаре, но кроме пластин упоминается лишь количество базальтовых нуклеусов и скребков. Путем несложного подсчета узнаем, что еще 50 орудий изготовлено из этого материала. Какие это орудия и сколько было отбросов производства из базальта, сведений нет.

Сведены в таблицу, усложненную дробными количественными и процентными отношениями, размеры пластин отдельно по длине, ширине и толщине. Информация этой таблицы не расшифровывается. Из текста можно узнать только то, что пластины и пластинчатые отщепы длиной 2,9—5,8 см составляют 58,65% и что сходная картина наблюдается в Толбаге. Однако если вместо пластин измерялись фрагменты, какое значение имеет такая информация?

Что касается ударных площадок, то в таблице учитываются лишь площадки, расположенные под тупым углом к плоскости раскалывания. Они делятся на «прямые» и «изогнутые» (значение этих терминов не объяснено). В тексте же говорится и о фасетированных площадках. Нужно также отметить, что если непрерывно проводимые параллели с другими забайкальскими стоянками в полной мере оправданы, то совершенно неожиданным является сравнение углов площадок пластин из стоянки Сапун с показателями некоторых мустьерских памятников Средней Азии. Цель этого сравнения не оговаривается, выводов не делается.

В результате, зная какой процент составляет одна или несколько пластин той или иной длины, той или иной ширины, той или иной толщины по отношению к общему количеству пластин, невозможно представить характер этой группы инвентаря.

Та же в целом методика применена и для скребков, где подсчет процентов представляется еще более бессмысленным. В самом деле, имеется 36 орудий, которые резонно разбиваются на группы по заготовкам: пластины, фрагменты, отщепы, осколки. Из первой части табл. 6 (длина скребков) узнаем, например, что два скребка из осколков составляют 100%, а вместе с имеющими такую же длину скребком из фрагмента и четырьмя скребками из отщепов образуют 19,44% всех скребков. Какое значение имеет одинаковая длина фрагмента, отщепов и осколков или ширина пластинки, отщепа и осколка, взятых за одни скобки, для понимания техники расщепления и использования этих заготовок для скребков?

Другой пример: в табл. 7 приведены контуры скребков по отношению к использованной заготовке. Как понять, что «сильнодивергентные» осколки попадают в одну группу с пластиной и шестью отщепами, и какое значение имеет то, что все они составляют 25% от общего количества скребков?

Вместе с тем из текста можно почерпнуть необходимые сведения о процентном соотношении скребков по использованным заготовкам и вполне ясное описание по типам. Также традиционно описаны без количественных таблиц и другие орудия. Часто приводятся аналогии с изделиями из Санного Мыса, Варвариной Горы и Тол-

баги, которые, видимо, играют роль индикаторов в определении хронологической позиции и культурной принадлежности стоянки Сапун, хотя прямо об этом не говорится и непосредственно вслед за описанием инвентаря следует окончательный краткий вывод: «В Сапуне представлены все основные элементы эволюции палеолитической культуры Забайкалья. Видимо, не случайным является сходство в инвентаре Сапуна и других стоянок Забайкалья, которое можно объяснить как единством происхождения этих индустрий, так и их хронологической близостью» (с. 29). Поскольку прямое значение слова «эволюция» — процесс изменения, развития, следовало бы, очевидно, раскрыть, от чего и к чему эволюционирует инвентарь стоянки Сапун и в чем выражены основные элементы эволюции.

Раскрытию эволюции позднеплейстоценовых культур Дальнего Востока посвящена статья Р. С. Васильевского и В. А. Кашина «Раскопки многослойного поселения Устиновка I в 1980 году». Методически тщательно проведенные раскопки позволили выявить шесть литологических слоев, вмещающих культурные остатки, и тем самым по-новому осветили этот сложный памятник. Материал описан по слоям. С помощью достаточного количества иллюстраций авторы дают отчетливое представление о технико-типологических особенностях каменного инвентаря каждого слоя, что позволяет сравнивать их между собой. К сожалению, не для всех слоев дано как общее количество орудий, так и отдельных их групп. Иногда трудно согласиться с дефинициями некоторых форм: в частности, предмет, изображенный на рис. 7, *6*, вряд ли может быть отнесен к проколкам; сомнительно, чтобы предметы, представленные на рис. 5, *1*, 7, *1*, 10, *5*, были скребками, скорее всего они принадлежат к достаточно характерной серии режущих орудий, во всяком случае на рисунках не видно скребковой ретуши; орудие, изображенное на рис. 17, *9*, скорее всего является не долотовидным типа pièces écaillées с чешуйчатой обработкой конца, а орудием с подтеской, характерным примером которого является нож костенковского типа. Эти мелкие замечания отнюдь не влияют на общую высокую оценку статьи, выводы которой о возрасте и культурных связях памятника, несмотря на его своеобразие, представляются вполне убедительными.

Неспециалисту трудно судить о результатах и достоверности метода, представленных в статье А. И. Шлюкова «Термолюминисцентное датирование стоянки Улалинка — древнейшего палеолитического памятника Сибири». Как известно, Улалинка вызывает немало споров, основанных на сомнениях в наличии артефактов в слое с галечно-валунным материалом, или в оценках возраста слоя, которые колеблются от среднего плейстоцена до плиоцена.

В настоящее время можно с полным основанием утверждать, что Улалинка — несомненное местонахождение своеобразной галечной культуры. Помимо предметов, опубликованных А. П. Окладниковым [2], просмотр материала, выполненный В. П. Любиным и автором этих строк в октябре 1983 г., позволил выделить среди массы галек желтого кварцита с аморфными плоскостями раскалывания около сотни артефактов, включающих немногочисленные нуклеусы и отщепы, более часто встречающиеся чопперы, чоппинги и орудия с выемками и наиболее широко представленные скребла как из целых галек, так и из осколков. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть хотя бы часть коллекции в экспозиции Музея ИИФФ СОАН. Облик инвентаря свидетельствует о его значительной древности, однако вопрос о возрасте Улалинки остается открытым и новое исследование не решает этот вопрос. Прежде всего нет абсолютной уверенности, что собранный для анализа материал происходит именно из того слоя, который содержал артефакты, а не из подстилающих отложений, как можно было судить по выступлению А. И. Шлюкова на узком совещании, собранном Р. С. Васильевским во время работы XI Конгресса ИНКВА в Москве в августе 1982 г. Более того, сравнивая обобщенный разрез Улалинки, приведенный в статье (с. 38), с описанием стратиграфии памятника в других работах [2, 3], видно, что термолюминесцентный метод был применен к образцам ярко-желтой глины (слой 10, по Г. А. Поспеловой и др.), лежащей под желтобурой глиной, подстилающей в свою очередь валунно-галечниковый горизонт с артефактами.

Особенно настораживает вывод статьи: возраст горизонта желтой глины на Улалинке, составляя не менее 1,5 млн. лет, «хорошо согласуется с полученными независимо от нас данными по палеомагнитным исследованиям и по археологическим и геологическим представлениям» (с. 42). О каком хорошем согласовании может идти речь, если разница составляет 0,8—0,5 млн. лет, даже при допущении, что

речь идет об одном слое; если же о разных слоях,— то возраст желтой глины может быть сколь угодно древним, но он не относится к артефактам и не может определить возраст валунно-галечникового горизонта.

Статья В. А. Кашина «История и некоторые итоги изучения геологии палеолита Якутии», историографическая по сути, вместе с тем касается важного вопроса геологического датирования археологических памятников на примере якутского региона. Очень любопытно положение В. А. Кашина о том, что в Якутии, как и в других областях Сибири, «с самых первых шагов работы на палеолитических памятниках вопросам геологии уделялось постоянное и неослабевающее внимание. Однако здесь они решаются преимущественно самими археологами» (с. 111). Видимо, не случайно и очерк о геологической изученности палеолита Якутии пишет археолог. Поэтому хотел того В. А. Кашин или нет, в статье излагается история возникновения и развития геологического датирования отложений на основе появления радиоуглеродных дат. Так, например, оценка радиоуглеродным методом в 35—30 тыс. лет стоянки Усть-Миль II по образцам древесины с глубины 2,3—2,6 м привела к массовым уточнениям и изменениям прежних представлений, основанных на традиционных методах. «Возникает стабильная тенденция к удревнению большинства археологических объектов и вмещающих их осадков» (с. 113). Абсолютный возраст стоянки Эжанцы опирается на чисто логические построения, и постепенно эта стоянка с каменным инвентарем, имеющим аналогии в сартанских памятниках Сибири, становится древнейшей на Алдане (около 35 тыс. лет). Вывод о неправомочности такого подхода [4] подтвержден радиоуглеродной датой по кости 17 150±345 лет (ИМ-495). Нельзя забывать и определенные разногласия в оценке возраста памятников с С. М. Цейтлиным, единственным геологом, изучавшим палеолитические памятники Алдана [5].

В статье «Опыт построения аналоговой модели археологической культуры (на материалах палеолита Восточной Сибири)» Ю. П. Холюшкин ставит несколько задач, решение которых на трех страницах публикации дано, естественно, лишь в тезисной форме и без необходимого обоснования. Первая задача включает «проверку дефиниций некоторых исследователей Сибири при выделении археологических культур». Хотя автором, по его словам, применены методы математической статистики, они не подчиняются закону простых арифметических действий. Так, для выделения дюктайской традиции (именно традиции, а не культуры) оказалось достаточным наличия «бифасов», других признаков Ю. П. Холюшкин не приводит, да, по сути дела, и не может привести. Однако критерий наличия двусторонней обработки, который был выдвинут в числе ряда других для различения афонтовской культуры от кокоревской, Ю. П. Холюшкиным не учитывается; упоминаются два других признака, которые «работают» и которые, на мой взгляд, являются очень существенными не только для технико-типологического анализа, но и для прослеживания «генетических корней». Однако, несмотря на наличие уже трех признаков, Ю. П. Холюшкин пытается и здесь, как и в ряде других своих работ, рассуждать на тему о «случайности» и «влиянии индивидуальных суждений» в разделении палеолита Енисея на две культуры.

Этой же цели посвящена и вторая задача: выработка количественных критериев определения археологических культур. В качестве «аналоговой модели» Ю. П. Холюшкин берет стоянку Мальта, поскольку она представляет «единовременную ассоциацию не только типов артефактов, но и явлений более общего порядка» (с. 125). В результате понятие «археологическая культура» замещается не ее моделью, а качественно иным понятием культуры в широком смысле этого слова. Известно, что в основу выделения археологической культуры в палеолите положено устойчивое сочетание типов каменного инвентаря как самого массового материала, представленного на памятнике. Ю. П. Холюшкин берет общие критерии, включающие и жилые комплексы, и направленность хозяйственной деятельности, и произведения искусства, и орнаментацию, т. е. те показатели, которые выделяют яркую и самобытную культуру Мальты среди прочих палеолитических древностей Сибири. Сравнение между собой жилых комплексов одного поселения не может служить критерием для объединения памятников, разделенных во времени и в пространстве, неизбежно несущим различия в экологии, видах деятельности и т. д. Короче, модель Мальты не может быть «вписана в картину выделения кокоревской и афонтовской культур».

Третья задача — «рассмотрение вопросов о существовании локальных различий

в палеолите Енисея» — оппрается на ряд моментов. Первый — невозможность, по мнению Ю. П. Холюшкина, синхронного существования на сравнительно ограниченной территории двух генетически не связанных культур. В этой связи уместно напомнить, что мы имеем дело не с непрерывной историей заселения, а с отдельными ее фрагментами и было бы абсурдно думать, что поселения Кокорево II и Кокорево I даже в виде двух локальных вариантов одной культуры сосуществовали практически в одно и то же время на расстоянии 0,5 км друг от друга, причем обитатели первого эффективно охотились на мамонта, а вторые с полным пренебрежением к такой «биомассе» предпочитали охоту на северного оленя. Существует также классический пример Костенок, где на небольшом участке открыты памятники различных культур. «Охотничьи территории» не были чем-то извечным и продолжающим существовать в течение тысячелетий.

Второй момент — уточнение хронологической позиции памятников Северо-Минусинской котловины по наличию радиоуглеродных дат и статистическому анализу по группировке фауны — дал всего лишь один вывод: помещение Кокорево II в хронологическом диапазоне слоев 3 и 4 Кокорево I. Процедура такого «уточнения» не раскрывается. Можно предположить, что наличие мамонта в Кокорево II сопоставляется с поздней радиоуглеродной датой этой стоянки, соответствующей дате слоя 2 Кокорево I, и выводится среднее. Как эти данные могли быть «дополнены таким определяющим экологию фактором, каким является глубина снежного покрова», понять не удается.

Полностью бездоказательным представляется третий момент: установление генетической связи двух групп памятников. В результате ряда манипуляций оказывается, что афонтовская и кокоревская культуры (определенные как локальные варианты) произошли «в результате дивергенции единой в прошлом культуры, подосновой которой были стоянки типа Афонтовой Горы II» (с. 126). Здесь необходимо подчеркнуть, что Кокорево II является не только стоянкой типа Афонтовой Горы II, но почти полным ее аналогом, следовательно, развития даже афонтовского «варианта» не происходит. Как же можно говорить о «четкой эволюционной картине развития палеолитической индустрии», если стоянки типа Афонтовой Горы II не имеют пластинчатой техники, столь характерной для кокоревского «варианта» (за исключением, конечно, микропластинчатой, которая имеет свои особенности)? Разница в инвентаре кокоревской и афонтовской групп памятников столь отчетлива, что даже при беглом знакомстве с материалами нового памятника бросается в глаза. Тот, кто изучает непосредственно сами материалы без сложных математических формул, при построении которых стираются грани между типами, принимает такое разделение. Примером среди многих может служить ряд статей сборника. Конечно, любая попытка уточнить характер отличий между различающимися группами памятников заслуживает внимания. Но если автор новой методики сам признает ее «далеко еще не первоклассным орудием анализа», может быть, не следовало бы торопиться с публикациями, повторяющими с некоторыми вариациями одни и те же положения?

В заключение, отвлекаясь от частностей, которые на общем фоне развития науки о палеолите не являются решающими, следует еще раз отметить, что новый сборник отдела археологии и этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР вносит существенный вклад в изучение древнейшего прошлого Сибири. Большое значение представленных материалов и актуальность затронутых проблем очевидны.

З. А. Абрамова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шуньков М. В.* Каменная индустрия местонахождения Тюмечин II (Горный Алтай).— В кн.: Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск, 1982.
2. *Окладников А. П.* Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири.— МИА, 1972, № 185.
3. *Поспелова Г. А., Гнибиденко З. Н., Окладников А. П.* О возрасте поселения Улалинка по палеомагнитным данным.— В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
4. *Абрамова З. А.* К вопросу о возрасте алданского палеолита.—СА, 1979, № 4.
5. *Дейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.

A. Pohl. Münzzeichen und Meisterzeichen auf ungarischen Münzen des Mittelalters 1300—1540. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 101 S. 145 Tab.

Нумизматические памятники средневековой Венгрии традиционно вызывают интерес у советских историков и археологов. Венгерские монеты, хотя и относительно редко, но все же довольно регулярно встречаются в кладах, обнаруживаемых на территории европейской части СССР (ср. [1, с. 59—65; 2, с. 110 и сл.; 3, с. 218—233; 4, с. 128—129; 5, с. 85]). Среди подобных находок представлены в достаточном количестве и экземпляры, относящиеся к эмиссиям периода позднего средневековья (ср., например [6, с. 40; 7, с. 102—103; 8, с. 108]).

Как известно, знакомство населения Московского государства со второй половины XV в. прежде всего именно с венгерскими дукатами отразилось в закреплении в русской метрологической терминологии за монетным золотом такого веса названия «угорский» (ср. [9, с. 14—19]). Весьма показателен в этом отношении факт чеканки великим князем Иваном III золотого, тщательно воспроизводившего ранний (1458—1467 гг.) тип монет короля Матиаша Корвина [10, с. 209—214; 11, с. 95; 12, с. 109; 13, с. 282—293; 14, с. 110—115; 15, с. 106—109]. С того самого «угорского» и изготовленного одновременно с ним «корабельника» (подражания английскому ноблю), копирующих иноземные образцы, но несущих имена московского государя и его соправителя-сына, начинается снова (после почти 500-летнего перерыва) во второй половине XV в. выпуск собственных русских золотых. С конца 1460-х годов в России документально фиксируется получившая затем широкое распространение практика награждения за ратные заслуги золотыми, в том числе равными по стоимости и кратными «угорскому», а параллельно отмечается и употребление их в других торжественных случаях, а также в качестве государева денежного пожалования или подарка [11, с. 92—134; 14, с. 123—130; 16, с. 15—16; 17, с. 87—94].

Книга известного нумизмата Артура Поля, безусловно, является заметным событием в изучении позднесредневековых монет Венгрии. Она содержит оформленную в виде сводного каталога хронологическую классификацию буквенных и иных дифферентов, встречающихся на венгерских монетах XIV — первой половины XVI в.

Ранее А. Поль уже опубликовал ряд работ, в которых рассматривались вопросы хронологии и детальной атрибуции чеканов тех или иных правителей и монетных дворов Венгрии XIV — первой половины XVI в. Они выходили в свет как в виде монографических статей в различных периодических изданиях, так и отдельными книгами, из которых наибольший интерес для специалистов по нумизматике европейского средневековья представляет выпущенный в 1974 г. Академическим издательством в Граце капитальный труд о венгерских дукатах [18].

Рецензируемая монография написана автором после многолетнего изучения нумизматических материалов из мюнцкабинета Венгерского национального музея и собрания Венгерского национального банка (оба в Будапеште), а также из частных коллекций. В результате А. Полю удалось достаточно надежно идентифицировать, а затем и хронологически приурочить (с установлением во многих случаях места чеканки и отнесением конкретному лицу, ответственному за нее) 1294 варианта 280 монетных типов (с дополнительными дифферентами и без них) среди эмиссий Венгерского королевства с 1301 по 1538 г. (главным образом четырех основных номиналов: грош, денарий, обол и парвус). Поскольку обозначение года чеканки появляется на венгерских монетах только с 1503 г., датировка всех предшествующих выпусков, естественно, определялась значительно шире — как правило, в пределах царствования того короля, от имени которого они осуществлялись. Произведенная А. Полем классификация монетных знаков позволяет определить происхождение и время осуществления (с точностью до одного года) множества эмиссий, ранее в этом отношении не дифференцированных.

Характерной особенностью системы дополнительных обозначений на денежных знаках, сложившейся в эмиссионной практике финансовой администрации позднесредневековой Венгрии, являлось соединение в ней двух (применявшихся поначалу совершенно обособленно) способов контрольного клеймления штемпелей — знаком монетного двора и знаком монетчика.

После прекращения династии Арпадов и вступления на престол первого короля из Анжуйского дома — Карла Роберта (1308—1342) управление финансами страны

было реорганизовано, причем резко увеличилось число действовавших монетных дворов. Тогда же в целях облегчения контроля над деятельностью монетных дворов их продукцию начали помечать аббревиатурами, образованными от соответствующих топонимов. При Лайоше Великом (1342—1382) с той же целью стали употреблять личные знаки камер-ишпанов. Атрибуция последних представляет для современного исследователя значительно большие трудности, нежели расшифровка простейших буквенных сокращений, указывающих на местоположение монетных дворов. Лучше всего поддаются объяснению те из них, которые представляют собой: 1) инициалы ответственных за выпуск монет лиц, упоминаемых в таком качестве письменными источниками, или их документально зафиксированные монограммы; 2) имеющие особые приметы (так называемые «говорящие») индивидуальные символические изображения; 3) легко «читаемые» и персонально отождествляемые геральдические эмблемы.

В длительный период полувекового правления Жигмонда (Сигизмунда) Люксембургского (1387—1437) обе отмеченные традиции маркировки продукции различных денежных мастерских постепенно сливаются в единой, специфической «венгерской системе». Для последней особенно характерно сочетание в двухбуквенном дифференте инициала монетного двора и инициала уполномоченного по заведыванию или надзору на нем. Встречаются, правда, многочисленные отклонения от этого основного порядка: вторым иногда оказывается знак (буквенный или рисуночный) какой-либо корпорации, городского магистрата и т. д. На золотых дукатах в качестве дифферентов часто помещались гербы королевских чиновников и др. Известны и иные исключения из общего правила. В частности, на инфляционных выпусках 1521—1525 гг. с инициалом монетного двора соседствует инициал короля Лайоша II Ягеллона, официально бравшего, таким образом, на себя ответственность за качество монеты. Поэтому для правильного определения монетных знаков исследователю приходится постоянно проявлять предельную осторожность в их истолковании, учитывать возможное влияние многих политических и экономических факторов, внимательно относиться даже к самым мелким историческим деталям, которые удается в изобилии почерпнуть из средневековых хроник и подлинных архивных документов.

Дополнительные трудности возникают, как отмечает А. Поль, при распознавании дифферентов-литер, выполненных готическим шрифтом. Некоторые неразборчиво выписанные на штемпеле, причудливых очертаний буквы становятся подчас почти неотличимыми от совершенно других, но довольно близких им изначально по начертанию (ср., например, графические варианты К и В). По этой причине автор монографии признает целесообразным ограничиться рассмотрением только надежно идентифицируемых буквенных (а равно и рисуночных) знаков. Он не считает возможным подходить к мелким значкам явно вспомогательного характера, также нередко встречающимся на изучаемых им монетах, как к самостоятельным дифферентам.

Значительное место в своей книге А. Поль уделяет показу общего процесса развития монетной чеканки в позднесредневековой Венгрии и его «экономического фона». Обстоятельный историко-нумизматический очерк содержит подробные сведения о судьбах страны с момента распространения сюда итальянского влияния после воцарения Анжуйской династии и вплоть до турецкого завоевания. Детально рассмотрен автором вопрос о монетных дворах Венгерского королевства: в специальной главе говорится о времени и особенностях деятельности каждого из этих дворов, перечисляются присущие им дифференты. Попутно очень бегло характеризуются денежное обращение и чекан Славонии. Столь же кратко повествуется об эмиссиях золотых монет — венгерских дукатов, ранее уже каталогизированных А. Полем отдельно.

Рецензируемая книга снабжена рядом приложений. Помимо перечня использованной литературы (состоящего из 61 наименования), указателя средневековых и современных разноязычных вариантов географических названий и конкорданций нумерации монетных типов сюда вошел имеющий самостоятельное научное значение аннотированный список лиц, пользовавшихся правом монетной чеканки в Венгерском королевстве с 70-х годов XIII в. до середины XVI в. и помещавших свои знаки на монетах. Выполненный тщательнейшим образом каталог, который представляет собой главный раздел издания, исчерпывающе иллюстрирован

фотовоспроизведениями всех учтенных монетных типов и прорисовками дифферентов [1].

Обобщающий труд А. Поля по скрупулезности проработки исходного материала и строгости следования надлежащим методическим принципам, несомненно, должен быть поставлен в один ряд с лучшими нумизматическими исследованиями. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что абсолютно невозможно настоящее изучение истории монетной чеканки Венгрии в последние два с половиной столетия перед турецким завоеванием на основании одних только письменных источников, без использования данных самой нумизматики, а именно результатов полного анализа знаков-дифферентов на монетах. По таким дифферентам, получившим надежную атрибуцию, теперь уже со всей достоверностью может устанавливаться факт выпуска монет там, где ни по каким другим свидетельствам он не прослеживается. Эти же монетные знаки после их точной хронологической привязки превращают помеченные ими нумизматические памятники для археологов и историков в еще более ценный датирующий материал.

С выходом в свет рецензируемой монографии А. Поля специалисты различных профилей, и прежде всего нумизматы — исследователи и музейные работники, получили в свое распоряжение незаменимый определитель позднесредневековых венгерских монет.

А. А. Молчанов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потин В.* Венгерские монеты кладов XI века.— СГЭ, 1961, вып. XX.
2. *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси.— Тр. ГЭ, 1967, т. IX.
3. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства X—XIII вв. Л.: Сов. художник, 1968.
4. *Suchodolski S.* Początki mennictwa w Europie Srodkowej, Wschodniej i Północnej. Wroclaw, 1971.
5. *Беляков А. С., Янина С. А.* Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в.— НС, 1977, ч. 5, вып. 2. (Тр. ГИМ, вып. 49).
6. *Маркова А. А.* Могилевский клад дукатов XVI—XVII вв.— Тр. ГЭ, 1961, т. IV.
7. *Каплун В. Я.* Два клада монет XVI—XVII вв. из Житомирской области.— НиС, 1974, т. 5 (то же — НЭ, 1974, т. XI).
8. *Берг Д. Я.* Некоторые клады монет XVI—XVII вв., найденные на территории УССР.— НиС, 1974, т. 5.
9. *Потин В. М.* Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV—XVII веков.— В кн.: Русская нумизматика XI—XX веков. Материалы и исследования. Л.: Аврора, 1979.
10. *Лихачев Н. П.* Московский золотой.— АИЗ, 1897, № 7—8.
11. *Спасский И. Г.* «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. Тр. ГЭ, 1961, т. IV.
12. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е. Л.: Аврора, 1970.
13. *Потин В. М.* Венгерский золотой Ивана III.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972.
14. *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III.— ВИД, 1976, т. VIII.
15. *Львов М. А.* О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III.— Тр. ГЭ, 1981, т. XXI.
16. *Дуров В. А., Молчанов А. А.* Серпуховское награждение воевод русского войска 1591 г.— В кн.: Серпуховскому историко-художественному музею — 60 лет (Материалы юбилейной научной конференции). Серпухов, 1981.
17. *Потин В. М.* Монета в быту, обычаях и верованиях Руси X—XVII вв.— В кн.: Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1982.
18. *Pohl A.* Ungarische Goldgulden des Mittelalters (1325—1540). Graz, 1974.

[1] В нем не может не привлечь внимание специалистов по русской нумизматике помещенная под № 98 (табл. 29) медная монета Лайоша I (1342—1382), которая названа в каталожном описании пулом, чеканенным «для Руси (Галиции)».

Э. А. Сымонович. Население столицы позднескифского царства. (По материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наук. думка, 1983, 172 с., илл.

Монография Э. А. Сымоновича принадлежит к числу важных и очень полезных для исследователей, специализирующихся в области изучения античных и позднескифских древностей. В этой монографии в научный оборот вводятся большие материалы, ставшие эталонными для изучения памятников позднескифского периода.

И хотя работа не свободна от некоторых недостатков, неточностей и спорных положений, она, безусловно, станет (и уже стала) настольной книгой для многих специалистов не только в нашей стране, но и за рубежом.

Рецензируемая монография посвящена публикации материалов полностью раскопанного участка некрополя Неаполя Скифского. Книга состоит из введения, небольшого раздела «История исследования», четырех глав, заключения и приложения, в котором содержатся результаты антропологических исследований. Текст сопровождается богатым иллюстративным материалом.

Название раздела — «История исследования» — не вполне отражает его содержание. В этом разделе помимо сведений о предшествующих раскопках содержатся данные о почвенных напластованиях на могильнике, классификации погребальных сооружений, методике раскопок, принципах хронологического деления материала [1]. Особый интерес представляет публикация вещей из дореволюционных раскопок и случайных находок (рис. 4—6).

Сведения, сообщаемые в книге о площади могильника, противоречивы. На с. 4 эта площадь определяется в 1300 м². На с. 10 сказано, что могильник занимает площадь 80×40 м, т. е. 3200 м². Судя по плану могильника (рис. 1), второе определение ближе к истине.

Э. А. Сымонович полагает, что территория, на которой существовал могильник, использовалась еще до совершения первых захоронений. Основанием для этого заключения стали найденные здесь обломки амфор и лепных сосудов эллинистического времени (с. 10). Однако на табл. XIII, *11, 14—17* нет предметов, которые можно было бы уверенно отнести ко времени ранее II в. до н. э. (т. е. ко времени ранее совершения первых захоронений). Зато здесь представлены обломки амфор II—III вв. н. э. Фрагменты же лепных сосудов, изображенные на табл. XIV, *7, 10,* не эллинистические, а кизил-кобинские; они не имеют к познескифскому некрополю никакого отношения. Происходят эти фрагменты, по всей вероятности, из кизил-кобинского поселения, расположенного в непосредственной близости от Восточного некрополя [1]. Следовательно, есть все основания полагать, что могильник устроили на месте, ранее не использовавшемся.

В этом разделе, так же как и в «Заключении», содержится утверждение о том, что столицу поздних скифов письменные источники называют Неаполем. Между тем источники не дают основания для столь безоговорочного суждения. На это уже не раз указывалось в литературе [2].

Глава I — «Склепы-катакомбы» — самая большая по объему, так как именно в склепах совершена бóльшая часть погребений некрополя. Глава начинается общей характеристикой склепов Восточного могильника [2]; затем следует подробное описание каждого погребального сооружения, найденных в нем погребений и их инвентаря. Описания достаточно подробны, датировки, за редким исключением, возражений не вызывают. Сомнительна, пожалуй, только датировка склепов 34 и 75. В первом случае хронология необоснованно сужена: вещи, найденные в склепе, вряд ли можно датировать точнее чем I—II вв. н. э. (у Э. А. Сымоновича — I — первая половина II в. н. э.). Во втором случае Э. А. Сымонович приводит в разных местах книги разные датировки: на с. 51 высказано предположение, что склеп перестал использоваться уже в первой половине I в. н. э., а на с. 52 указывается, что склеп использовался с I в. до н. э. по II в. н. э.

---

[1] В основу хронологического членения материала положена классификация фибул. Датировка фибул разработана значительно подробнее, чем любой другой категории находок из Восточного некрополя. Кроме того, они встречены почти в каждом погребении. Поэтому выбор главного хронологического ориентира представляется удачным.

[2] Отметим некоторые просчеты в методике раскопок склепов. Ни в одном случае не была исследована входная яма, и это значительно обедняет наши представления о конструктивных особенностях погребальных сооружений. Кроме того, во входных ямах могли остаться какие-либо предметы. Не всегда достаточно четка терминология, применяемая Э. А. Сымоновичем в описаниях склепов. Используются термины «дромос», «предмогильная яма», «входная яма», причем во всех случаях речь идет об однотипных сооружениях. Для склепов, раскопанных на Восточном некрополе, более всего подходит термин «входная яма». Описывая только камеры склепов, Э. А. Сымонович каждый раз называет их склепами или могилами, что, конечно, терминологически не верно. Были в могильнике и двухкамерные склепы, которые автор книги принимает за разные могилы с общей входной ямой (например, мог. 24 и 29).

Глава II — «Могилы с подбоями и другие погребения» — написана по той же схеме, что и глава I. Автор отмечает уникальность погребения в мог. 83; здесь был захоронен частично кремированный труп пожилой женщины, вероятно умерщвленной насильно.

В главе III — «Погребальный инвентарь» — выделены центры производства некоторых категорий находок, обнаруженных в могильнике. К числу таких центров Э. А. Сымонович относит античные города Северного Причерноморья, Египет, возможно, Скандинавию. Имеются вещи, происхождение которых связывается с кельтами. Основной вывод исследователя заключается в следующем: несмотря на заметные иноэтничные, особенно сарматские, влияния, доминирующими в могильнике оставались элементы скифской культуры (с. 79). Э. А. Сымонович справедливо находит подтверждение этой мысли в обычае сооружать склепы, в формах лепной посуды, многих металлических изделий, использовании в качестве амулетов раннескифских наконечников стрел. Сохранившиеся раннескифские традиции можно обнаружить также в обряде погребения коней с некоторыми из умерших. К подобной мысли пришла и Т. Н. Высотская, использовавшая более широкий круг источников [3, с. 25].

Придерживаясь в целом той же точки зрения, отметим одно слабое звено в аргументации Э. А. Сымоновича. В орнаментации некоторых вещей из могильника он видит реминисценции скифского звериного стиля. Однако в подавляющем большинстве случаев зооморфные мотивы на этих предметах переданы очень схематично и условно. И в позах животных, и в назначении вещей, украшенных зооморфными изображениями, и в стилистических особенностях орнаментики трудно уловить общие черты с классическими скифскими памятниками VII—IV вв. до н. э. Сходство, по сути дела, только в самом наличии вещей, орнаментированных изображениями животных, однако этого, на наш взгляд, недостаточно.

Бóльшая часть главы III посвящена классификации находок из могильника. Классификация достаточно дробная, критерии ее объективны и не вызывают возражений. Отметим лишь некоторые мелкие погрешности. Так, крючки от портупеи вряд ли следует относить к предметам вооружения (с. 84). Обычный размер точильных брусков определен в 4 см, и только в качестве исключения приведен размер 15 см (с. 87); однако, судя по табл. XXII, бруски размерами 15 см встречаются наиболее часто, а бруски длиной 4 см на этой таблице отсутствуют.

В главе IV — «Хронология могильника» — выделено три этапа существова́ния памятника: II—I вв. до н. э.— 1 в. н. э.; I—II вв. н. э.; II — первая половина III в. н. э. В соответствии с этими этапами разделены погребальные сооружения, а также важнейшие категории инвентаря. Самостоятельный интерес представляет хронологическая таблица (рис. 19). В ней собраны и разделены на периоды изображения основных датирующих находок. Такая сводка за более чем полуторастолетнюю историю изучения позднескифских памятников опубликована впервые.

Хронологическая дифференциация погребальных сооружений привела автора к справедливому выводу о том, что подбои, содержащие поздние погребения, размещены в окраинных частях некрополя. Погребения II—I вв. до н. э. встречены только в склепах, которые распределялись по всей площади, занятой могильником.

В целом выделение трех этапов существования могильника, датировка погребальных сооружений и различных категорий инвентаря не вызывает возражений.

Э. А. Сымонович отказался от неоправданного сужения датировок для отдельных вещей и комплексов, достаточно часто встречающегося в работах археологов. Он справедливо критикует Д. С. Раевского за безуспешные попытки более дифференцированно датировать комплексы некрополя Неаполя Скифского (с. 109). Однако упрек Д. С. Раевскому в том, что тот относит начало распространения подбойных могил в некрополе Неаполя ко второй трети I в. н. э., в то время как сарматские черты появляются здесь уже в погребениях II—I вв. до н. э., вряд ли оправдан. Этим тезисом Э. А. Сымонович как бы отождествляет подбойные могилы и сарматские черты погребального обряда. На самом деле такое отождествление не вполне корректно: сарматское влияние на культуру поздних скифов прослеживается по ряду других признаков, которые действительно заметны в ранних погребениях могильника. Что же касается подбойных могил, то, судя по материалу, опубликованному Э. А. Сымоновичем, их распространение на некрополе Неаполя может быть уверенно отнесено только к I в. н. э., а скорее всего — ко второй половине столетия.

Заключение по смыслу распадается на две части. В первой дан очерк истории позднескифского государства, во второй — реконструируются некоторые элементы социальной структуры столицы поздних скифов. Этот очерк очень краток, но многие содержащиеся в нем положения представляются спорными.

Исходя из того, что все известные нам погребения на некрополе Неаполя совершены значительно позже возникновения городища и распространяя это заключение на другие позднескифские памятники (Альма-Кермен, Усть-Альма, Беляус), Э. А. Сымонович вслед за Т. Н. Троицкой полагает, что погребения III—II вв. до н. э. были подкурганными (с. 111). Однако курганы, сведения о которых собраны в сводке Т. Н. Троицкой, малочисленны и расположены достаточно далеко от позднескифских поселений. Они никак не могли принадлежать их жителям [4].

Вряд ли удачна аналогия, проведенная Э. А. Сымоновичем между Неаполем и Альма-Керменом. Хронологического разрыва между ранними погребениями некрополя и временем основания городища Альма-Кермен, видимо, не существует. Первые погребения на некрополе были совершены в I в. до н. э. Время возникновения поселения Т. Н. Высотская определяет как II в. до н. э. (после Диофантовых войн [5, с. 62]). Как известно, войска понтийского полководца Диофанта действовали в Крыму в 110—107 гг. до н. э. Датировать находки, происходящие с городища Альма-Кермен, с точностью до 7—10 лет невозможно. В книге Т. Н. Высотской практически нет материала, который можно было бы с уверенностью отнести ко II в. до н. э., поэтому и время возникновения поселения следует определять I в. до н. э. То же можно сказать и о Беляусе. На этом городище ранним греческим слоям соответствуют греческие же каменные склепы [6, с. 60], а с конца III в. до н. э. появляются позднескифские слои на городище и соответствующие погребения на некрополе [7, с. 129].

Причины скифской экспансии против Херсонеса Э. А. Сымонович видит в том, что лагуны и заливы Северо-Западного Крыма были удобными природными гаванями для торговли и вывоза хлеба в греческие города (с. 112). Даже после того, как все «лагуны и заливы» в Северо-Западном Крыму оказались в руках скифов, угроза Херсонесу продолжала оставаться реальной. Весьма вероятна гипотеза Б. Н. Гракова о том, что скифы обладали собственным флотом [8, с. 87], однако никаких сведений о морской торговле скифов с греческими городами не сохранилось [3].

Предположение о том, что римляне оставили северопричерноморские города во время войны с Децебалом в конце I в. н. э. [9, с. 56—58], не единственно возможное. П. О. Карышковский, например, считает, что римские гарнизоны появились в Ольвии впервые не ранее середины II в. н. э. [10, с. 6].

Остановимся также на некоторых дискуссионных вопросах социальной истории столицы позднескифского государства. Основываясь на результатах, полученных при раскопках погребальных сооружений, Э. А. Сымонович считает возможным выделить в составе населения города четыре социальные группы (с. 113): высшая родовая аристократия (погребения в мавзолее); воины и аристократия (погребения в склепах, вырубленных в скале); рядовое население (Восточный некрополь); беднейшее население (погребения, раскопанные В. П. Бабенчиковым и расположенные дальше от городских стен, чем Восточный некрополь). Сомнения в правомерности выделения первой и второй групп вызваны тем, что мавзолей и вырубленные в скале склепы функционировали не одновременно. В мавзолее перестали хоронить в I в. н. э. Датировка склепов вызывает серьезные трудности из-за того, что все они ограблены. Однако случайно уцелевшие вещи могут быть вполне уверенно отнесены к I—III вв. н. э. [11, с. 97—99]. Следовательно, можно предположить, что вырубленные в скале и украшенные росписями склепы как бы приходят на смену мавзолею.

Нет, на наш взгляд, веских оснований для выделения третьей и четвертой групп. Погребальный инвентарь, обнаруженный В. П. Бабенчиковым [11, с. 118—131], почти ничем не отличается от того, который публикует Э. А. Сымонович. Разница станет и вовсе незаметной, если учесть, что участок некрополя, раскопанный В. П. Бабенчиковым, начал использоваться позже (этим вызвано и разное

[3] Вероятно, недоразумением следует считать тезис о союзе херсонеситов и сармат в конце II в. до н. э. (с. 112). Как далее указывает сам же Э. А. Сымонович, в это время сарматское племя роксоланов выступало в качестве союзника скифов (IOSPE, I², 352).

соотношение склепов и подбойных могил). Кроме того, на участке, отведенном, по предположению Э. А. Сымоновича, беднейшему населению, исследован земляной склеп со стенами, украшенными росписью, и с находкой прекрасной сохранности монеты Септимия Севера [12]. Такие сооружения не характерны для беднейших погребений.

Остался не доказанным вывод о большой роли дружинного элемента, составлявшего, по мнению Э. А. Сымоновича, активную силу поздних скифов (с. 113). Э. А. Сымонович подчеркивал: «Несмотря на обычай класть в могилу вооружение, погребения воинов в Восточном некрополе почти отсутствуют. Погребения взрослых с копьями или мечом-кинжалом встречены всего в семи случаях» (с. 113). Но если в погребениях почти не встречено оружие, то чем обосновывается наличие обычая класть его в могилу?

Тщательная забота об умерших и создание трудоемких погребальных сооружений, по мнению Э. А. Сымоновича, свидетельствуют о прочности родственных связей и, возможно, связаны с культом героизированных предков. Сооружение даже самых больших склепов Восточного могильника (глубина 3 м, площадь погребальной камеры 6—7 м², высота свода 1,5 м, нижняя часть иногда вырублена в скале) вряд ли можно назвать особенно трудоемким делом. Такие склепы функционировали до 200 лет, и, следовательно, несколько поколений в семье вообще не принимало участия в строительстве погребальных сооружений. Подавляющее же большинство могил имело значительно более скромные размеры, и для их сооружения не требовалось ни длительного времени, ни большого количества людей, ни значительных материальных затрат. Следовательно, предположение о наличии у поздних скифов культа героизированных предков остается недоказанным.

Завершая рецензию, отметим один очень существенный недостаток работы. Описания вещей в тексте зачастую не связаны или даже не соответствуют изображениям на таблицах. В большинстве случаев это происходит из-за небрежной подготовки рукописи к изданию [4]. Однако в некоторых случаях читателю разобраться бывает очень непросто. Так, остается только гадать, почему на табл. XXVII, *6* изображена фибула, а не стержень с крючком, как сказано в тексте (с. 30); на табл. XI, *2* вместо наконечника копья, о котором говорится в тексте (с. 33), приведен флакон; на табл. XXII, *4* и XXIV, *27* вместо упомянутых в тексте браслетов (с. 57) приведены точильный брусок и деталь шкатулки. Подобные ошибки нередки и заметно усложняют работу с опубликованными материалами.

В целом, несмотря на отмеченные в рецензии неточности и спорные положения, монографию Э. А. Сымоновича можно смело отнести к полезным и своевременным изданиям. Она, безусловно, послужит важной источниковедческой базой для исследователей, занимающихся изучением истории и археологии позднескифского мира.

И. Н. Храпунов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашевская О. Д.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. XXXIX.
2. *Раевский Д. С.* Неаполь или Палакий? — ВДИ, 1976, № 1.
3. *Высотская Т. Н.* Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму.— В кн.: Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
4. *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.— ИКОГО, 1951, вып. 1.
5. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.

[4] Перечислим те случаи, в которых неточности удалось исправить: план могилы 31 не на рис. 8, *8*, а на рис. 8, *2*; о сосудах на табл. X, *2* и IX, *9* в тексте говорится как о лепных (с. 41), но в аннотации к таблицам они названы гончарными (справедливо последнее); вместо ссылки на табл. XII, *61* (с. 45) следует читать табл. VII, *6*; вместо ссылки на табл. XXXVI, *48* (с. 46) следует читать табл. XXXVI, *18*; на табл. XLV, *2* должно быть изображено раздвоенное навершие с головами баранов на концах из мог. 67 (с. 49), но на самом деле изображена антропоморфная подвеска (случайная находка, 1956 г.), навершие же помещено на табл. XLV, 25; кувшин, изображенный на табл. III, *6*, связан в тексте с мог. 60 и мог. 74 (верно первое), а кувшин из мог. 74 приведен на табл. III, *9*; вместо ссылки на табл. IV, *2* (с. 53) следует читать табл. IV, *11*; вместо ссылки на табл. VIII, *6* (с. 53) следует читать табл. VIII, *7*; вместо ссылки на табл. XXXIX, *5* (с. 61) следует читать табл. XXXIX, *7*; пряслице с изображением оленей помещено не на рис. 17, *5* (с. 67), а на рис. 17, *12*.

6. *Дашевская О. Д.* Каменные склепы Беляусского могильника.— КСИА, вып. 145, 1976.
7. *Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника.— СА, 1983, № 3.
8. *Граков Б. Н.* Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья.— КСИИМК, 1947, вып. XVI.
9. *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.— ВДИ, 1981, № 4.
10. *Карышковский П. О.* Ольвия и Рим в I в. н. э.— В кн.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье.— Киев: Наук. думка, 1982.
11. *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
12. *Дашевская О. Д.* Земляной склеп в некрополе Неаполя скифского.— ВДИ, 1951, № 2.

Л. Д. Поболь. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск: Наука и техника, 1983, 429 с., илл.

В издательстве «Наука и техника» вышла новая книга Л. Д. Поболя, продолжающая серию работ автора, посвященных древностям Белоруссии [1—4]. Монография носит характер справочного издания. Она состоит из двух разделов: «Анализ археологических памятников железного века» и «Памятники железного века».

Первое знакомство с новой работой Л. Д. Поболя оставляет приятное впечатление. Автор включил в список памятников многочисленные поселения, могильники, клады и случайные находки, собрав, таким образом, воедино археологические материалы, сведения о которых ранее были рассосредоточены по многочисленным публикациям, археологическим фондам и архивохранилищам, обобщил сведения о памятниках и снабдил корпус источников небольшим по объему исследованием. Таким образом, в распоряжение специалистов поступил, казалось бы, собранный воедино и «препарированный» фонд археологических источников, позволяющий на качественно новом уровне решать самые разнообразные проблемы истории лесной зоны Восточной Европы в эпоху раннего железного века. Но это впечатление создается только при поверхностном ознакомлении с книгой. Оно очень быстро проходит, сменяясь недоумением.

Прежде всего бросается в глаза, что два раздела монографии, структурно дополняющие друг друга, оказались практически не связаны между собой. Раздел II — свод древностей железного века на территории Белоруссии — составляет более 70% общего объема книги (с. 95—429) и, безусловно, является основной частью рецензируемой работы. В разделе I, таким образом, ожидается источниковедческий и культурно-хронологический анализ древностей, собранных в своде. Но именно этого читатель и не находит. Анализ археологических материалов в первом разделе книги фактически отсутствует: его заменяет конспективное изложение соображений автора о древностях железного века вообще, и о материалах этого времени на территории Белоруссии в частности. Раздел, судя по всему, писался без определенного плана и без четко сформулированной задачи. Если зарубинецкой и милоградской культурам (в последнем случае — только орнаменту на керамике) отведено более или менее заметное место, то характеристика других культур эпохи раннего железного века (культура штрихованной керамики, днепродвинская, позднелужицкая, культура подклошовых погребений и др.) здесь отсутствует, а сами эти культуры упомянуты в тексте лишь как соседствующие с милоградской культурой [1].

Основным недостатком раздела I работы является неточное или просто неверное определение большинства культурно-исторических явлений, зафиксированных в процессе археологического изучения древностей железного века. К сожалению, значительная часть этих определений изложена в декларативной форме, а потому

[1] Правда, даже в таком кратком изложении Л. Д. Поболь допускает неточности. Так, он утверждает, что в бассейне Березины «первоначально обитали племена культуры штрихованной керамики» (с. 16). Однако археологические материалы фиксируют, что древнейшие слои на целом ряде городищ (Кимия, Новоселки, Оздядичи и др.) содержат материалы милоградской культуры. Следовательно, носители культуры штрихованной керамики появились здесь позднее «милоградцев» [5, с. 12, 13].

непроверяема. Так, Л. Д. Поболь вновь повторяет уже подвергавшиеся в литературе критике [6, 7] датировки для милоградской и зарубинецкой культур. Первую он относит к IX—III вв. до н. э., а вторую датирует III в. до н. э.— V в. н. э. Доказательством ранней даты милоградской культуры Л. Д. Поболь считает находки фрагментов керамики милоградского облика на стоянках эпохи поздней бронзы (так называемые «стоянки-селища», по терминологии Л. Д. Поболя). Однако наличие на ранних памятниках более поздних материалов свидетельствует прежде всего о вероятном повторном использовании мест обитания. Генетическую же преемственность между ранними и поздними комплексами памятника в каждом конкретном случае следует детально аргументировать [2].

Приняв группировку керамики милоградской культуры, предложенную О. Н. Мельниковской [8], Л. Д. Поболь удревняет каждую из трех групп керамики на 200—300 лет (табл. 1). К сожалению, аргументация этого пересмотра датировок

Таблица 1

Соотношение датировок керамики милоградской культуры по О. Н. Мельниковской и Л. Д. Поболю

Группа	Датировка	
	по О. Н. Мельниковской	по Л. Д. Поболю
1	VI – IV вв. до н. э.	IX/VIII – VI вв. до н. э.
2	III – II в. до н. э.	V – начало IV в. до н. э.
3	I в. до н. э. – I в. н. э.	IV – первая половина III в. до н. э.

не приведена. Создается впечатление, что хронологические выкладки Л. Д. Поболя основаны исключительно на общеисторических соображениях.

Широкая датировка зарубинецкой культуры, неоднократно приводившаяся Л. Д. Поболем в более ранних работах и повторенная без изменений в рецензируемой книге, также остается неаргументированной. Несостоятельность этой даты уже была показана П. Н. Третьяковым [6, с. 34] и группой исследователей из Ленинграда [7]. Вероятно, в новой книге было бы уместно ответить на критические замечания оппонентов, разобрать высказанные ими замечания, а в случае несогласия с этими замечаниями — привести дополнительные аргументы в пользу отстаиваемых выводов. Однако в рецензируемой работе этого нет: Л. Д. Поболь проигнорировал выступления оппонентов.

Совершенно некорректным представляется пересмотр Л. Д. Поболем периодизации могильника Велемичи 1, подробно анализировавшегося Ю. В. Кухаренко. Л. Д. Поболь разделяет погребения могильника на три (или четыре) хронологических периода и подчеркивает, что «изучение могильника осталось незавершенным и в его (Ю. В. Кухаренко.— *А. М.*) обобщающей работе» (с. 23). При этом Л. Д. Поболь ссылается на свод памятников зарубинецкой культуры, составленный Ю. В. Кухаренко [9]. Между тем в более ранней работе Ю. В. Кухаренко [10] содержится исчерпывающая публикация материалов могильника и приводится подробное обоснование выделения двух хронологических периодов. Однако эту работу Л. Д. Поболь не упоминает. Не приводит он и опровержения аргументации Ю. В. Кухаренко.

Чрезвычайно сложным является вопрос о верхней дате зарубинецкой культуры. Этот вопрос связан с памятниками так называемого «позднего этапа» зарубин-

[2] На стоянках и поселениях каменного века могут быть встречены самые разнообразные по времени и культурной принадлежности материалы, вплоть до современных. Однако это ни в коей мере не является доказательством непрерывного преемственного использования мест обитания от эпохи камня до современности разными поколениями одного и того же коллектива. В качестве примера аналогичной ситуации приведу некоторые памятники из рецензируемой книги: на стоянках эпохи бронзы неоднократно встречены фрагменты керамики зарубинецкой культуры и памятников типа Адаменки (№ 2—4, 12—14, 17—19, 33, 63, 69, 71, 74, 88, 192, 200, 201, 219, 221, 339, 370, 411 и др.). Если следовать логике рассуждений Л. Д. Поболя, то происхождение и зарубинецкой культуры, и памятников типа Адаменки в равной мере следует связывать непосредственно с древностями эпохи поздней бронзы.

нецкой культуры: древностями второй четверти I тыс. н. э. (типа Адаменки — Тайманово). Исследования поселений и могильников близ д. Адаменка и Тайманово проводились Л. Д. Поболем на протяжении более чем двух десятилетий. К сожалению, материалы из этих раскопок до сих пор не введены в научный оборот, сведения о них разбросаны по разным изданиям, зачастую противоречивы. Не исключено, что памятники типа Абидни и Тайманово, действительно, принадлежат к культуре киевского типа [11, с. 47]. Однако детально исследовавший эту культуру в Подесенье Р. В. Терпиловский справедливо подчеркивал: «Немногочисленные публикации не позволяют подробно сравнивать верхнеднепровскую группу памятников (типа Абидни и Тайманово.— *А. М.*) с деснинской» [11, с. 46]. По-видимому, следует воздержаться от категоричных выводов по поводу культурной принадлежности древностей типа Адаменки — Тайманово и отложить решение вопроса до полной публикации этих интереснейших памятников. Пока же напомним, что зарубинецкая культура в классическом варианте не переживает I в. н. э., а дальнейшие судьбы ее носителей остаются дискуссионными.

Древности третьей четверти I тыс. н. э. рассматриваются Л. Д. Поболем в особом параграфе раздела I монографии. Этот параграф озаглавлен «Древности пражского типа». Речь в нем идет о памятниках типа Корчак и древностях банцеровско-колочинского типа. Последние разделены Л. Д. Поболем на две самостоятельные культуры — быховско-колочинскую и банцеровскую. Оставляя в стороне правомерность разграничения двух групп памятников, совпадающих до деталей по всем основным категориям материальных остатков, отметим, что сама принадлежность банцеровско-колочинских древностей к культуре пражского типа сомнительна. Во всяком случае никто, кажется, всерьез не объединяет эти древности в одну археологическую культуру, вплоть до наиболее ревностных сторонников славянской принадлежности колочинско-банцеровских древностей [12]. Что же касается памятников типа Корчак [3], то, по мнению Л. Д. Поболя, в пределах Белоруссии к этой группе древностей могут быть отнесены только два поселения (Белый Берег, Демидов). Остальные памятники корчакского типа объединены Л. Д. Поболем в особую «хотомельско-петриковскую культуру». Критерием для выделения «культуры», по мнению Л. Д. Поболя, являются различия в профилировке венчика у лепных сосудов. Но вряд ли к такому заключению следует относиться серьезно. Керамика городища Хотомель и селища Петриково — эпонимных памятников новообразованной «культуры» — ничем не отличается от позднейших форм корчакской керамики и от керамики типа Луки Райковецкой, являвшейся, по справедливому заключению И. П. Русановой, позднейшим этапом в развитии керамических форм корчакского типа [13, с. 18—23, рис. 6, 8, 10].

Происхождение памятников третьей четверти I тыс. н. э. Л. Д. Поболь связывает с дальнейшим развитием «позднезарубинецких» древностей: из них он выводит и банцеровско-колочинскую, и корчакскую («хотомельско-петриковскую») культурные группы (с. 47). Такая концепция развития культур I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы существует, но ее придерживаются немногие исследователи. Имеется и альтернативная точка зрения, согласно которой корчакская и банцеровско-колочинская культурные группы имеют совершенно различное происхождение. Банцеровско-колочинская группа древностей, в частности, связывается с продолжением традиций днепро-двинской культуры [16, с. 3—129; 17, с. 25—30], но при включении элементов культуры штрихованной керамики [18, с. 155—162]. Корчакская же группа памятников рассматривается как составная часть культуры пражского типа [13—15] и выводится в конечном счете из древностей пшеворской культуры первой половины I тыс. н. э. [13, с. 205—213; 14, с. 67, 68, 116; 15, с. 18, 19]. Вместо того чтобы разобрать точки зрения противников «зарубинецкой» концепции происхождения корчакской группы древностей, Л. Д. Поболь со ссылкой на мнение К. Годловского ограничивается замечанием, что к выводам И. П. Русановой (почему только И. П. Русановой?) «необходимо относиться критически» (с. 47). В вопросе же о происхождении банцеровско-колочинской группы древностей Л. Д. Поболь приписывает оппонентам высказывания, заметно отличающиеся от их мнения, а затем спорит именно с этими трактовками мнений оппонентов [4].

[3] Памятники эти, безусловно, относятся к культуре пражского типа [13—15].

[4] Мне, в частности, приписано мнение о происхождении банцеровско-колочинской культуры в результате развития культуры штрихованной керамики. Между тем я неоднократно подчеркивал, что банцеровская культура складывается на ос-

Два последние параграфа раздела I книги Л. Д. Поболя содержат сведения о каменных могилах и памятниках древнерусского времени. К древностям круга каменных могил Л. Д. Поболь относит все погребальные памятники, при сооружении которых употреблялись камни. Датировка полученной «культурной группы» определяется в пределах второй половины I тыс. н. э. (с. 50—52, табл. 12), а ареал распространения «каменных могильников» показан на карте размещения древностей второй четверти I тыс. н. э. При этом в одну «культурную группу» Л. Д. Поболь объединяет и неолитические погребения, и могильники эпохи развитого средневековья. К культуре каменных могильников (в общепринятом понимании этой культурно-хронологической группы) принадлежат памятники II тыс. н. э.[5] По-видимому, культура каменных могильников и многочисленные поселения и могильники древнерусского времени, не имеющие отношения к древностям раннего железного века, в книгу попали по недоразумению.

Таким образом, раздел I в рецензируемой книге вряд ли имеет самостоятельную научную ценность. Не может он рассматриваться и как комментарий к своду памятников. Но напомню, что не этот раздел является основным в работе Л. Д. Поболя. Более двух третей общего объема книги составляет свод памятников археологии. От тщательности составления этого свода и достоверности включенных в него сведений зависит и научная ценность книги.

Уже при первом знакомстве со сводом появляется недоумение. Почти весь раздел II в рецензируемой книге составляют перепечатанные каталоги археологических памятников, изданные Л. Д. Поболем в 1969—1979 гг.[6] Данные эти лишь незначительно дополнены результатами полевых работ, проведенных сотрудниками Сектора археологии Института истории АН БССР. Учитывая, что библиографическими редкостями предыдущие работы Л. Д. Поболя пока не стали, сводная перепечатка сравнительно недавно изданных каталогов имела бы смысл, если бы она содержала уточнения, дополнения и исправления неточностей, на которые, в частности, указывали Л. Д. Поболю оппоненты [7]. Этого, однако, не произошло. Впрочем, остановиться на качестве нового свода все же целесообразно.

Каталог памятников выглядит в издании сравнительно благополучно: количество памятников велико, все они распределены по археологическим культурам и категориям, расписаны по областям и районам. Однако проверка показывает, что приведенные сведения во многих случаях не соответствуют действительности. Л. Д. Поболь насчитывает на территории Белоруссии 3685 памятников, относящихся ко времени не позднее IX в., и полагает, что число их «будет пополняться» (с. 7). По категориям эти памятники распределены следующим образом: городища — 1726, селища — 1278, бескурганные могильники — 161, курганные могильники с сожжением — 300, отдельные находки и другие памятники — 220. Но в числе городищ включены все древнерусские города вне зависимости от того, была ли найдена там при раскопках лепная керамика (Волковысск, Гродно, Орша, Минск, Брест, Слоним и др.); в списке памятников фигурируют позднесредневековые (не ранее XIV—XVI вв.) крепости и замки (Туровль, Улла, Иказнь, Друя, Дисна, Борисов и др.), в том числе «Дрисский лагерь» 1812 г.; сюда же включены такие не поддающиеся культурно-хронологической атрибуции сведения, как «земляные укрепления», «вал длиною 60 сажен», «земляная насыпь, вероятно — городище». Уже одно это заставляет предполагать, что не все из пунктов, обозначенных Л. Д. Поболем как «городища железного века», на деле являются таковыми.

В свод включены также сведения о пунктах, около которых городищ никогда не было. О всей территории Белоруссии мне судить трудно, но Л. Д. Поболь включил в число городищ десятки «пустых мест» в тех районах, где мне приходилось вести исследования. Приведу конкретные примеры. *Минская обл., Слуцкий р-н*: № 394 (Белевичи) — на месте, где Л. Д. Поболь помещает городище, находится болото; № 414, 415 (Сороки) — названы два городища, но в действительности их нет;

нове днепро-двинской культуры, хотя и при участии носителей культуры штрихованной керамики [5, 18].

[5] Наиболее ранние памятники культуры каменных могильников Ф. Д. Гуревич датирует XIII—XIV вв. [19, с. 122, 123].

[6] В 1969 г. вышла книга Л. Д. Поболя «Древности Туровщины» [20], в которой каталог занимал 78 страниц. В 1974 г. был издан третий том работы «Славянские древности Белоруссии», в которой каталог занимал 230 страниц [3]. В 1979 г. вышла из печати монография «Древности Белоруссии в музеях Польши», в которой каталог занимает 35 страниц [4].

№ 403 (Ивань) и № 411 (селище) — названы два городища, но в действительности это один и тот же памятник; № 398 (Городище и Дубровка) — близ деревень названо одно городище, но в действительности их два (Городище, Гольчицы).

Воложинский р-н: № 128 (Калдыки) и № 132 (Кутеняны — Филипеняты) — названы два городища, но в действительности это один памятник (в первом случае сведения взяты из моего отчета, во втором — из опроса местных жителей).

Мядельский р-н: № 310 (Боровые), № 327 (Кривичи) и № 335 (Неверы) — одно и то же городище названо три раза как разные памятники; № 316, 320 (Дягили) — названы два городища, но в действительности это один и тот же памятник; № 336 (Некасецк) и № 341 (Новоселки) — названы два городища, но это один памятник;

Вилейский р-н: № 104 (Губы-Геленово) и № 111 (Куренец) — названы два городища, но сведения об одном и том же памятнике; № 98 (Безводное) и № 108 (Ковали) — одно городище, зафиксированное дважды; № 115, 116 (Речки) — значатся два городища, но в действительности это один памятник; № 117 (Селище и Латыголь) — значится городище, но его там нет [7].

Витебская обл., Браславский р-н: № 26 (Бужа) и № 40 (Зазоны) — названы два городища, в действительности это один и тот же памятник; № 53 (Опса) и № 54 (Плюссы) — природные образования, не имеющие отношения к памятникам археологии; № 50 (Мостище) и № 71 (Укольск) — городищ нет; № 45 (Литовщина) и № 66 (Татаровщина) — значатся два городища, на самом деле это один памятник; № 68—70 (Загорье и Укля) — значатся три городища, однако два из них — «дублетные».

Верхнедвинский р-н: № 94 (Луговцы), № 102 (Садковщина), № 103 (Стрелки), № 109 (Фортуна) — городищ нет. Отсутствуют городища близ деревень Маскаленки (№ 92), Дерновичи (№ 94) и Великое село (№ 79).

Докшицкий р-н: № 268 (Бегомль) — городища нет [8]; № 270 (Березки, Осиновик) и № 292 (Новоселки, Витуничи) — названы два городища, но это один и тот же памятник; № 290 (Небышино) — городища нет [9]; № 282 (Домашковичи) — Л. Д. Поболь помещает здесь три городища, но на самом деле здесь их нет, путем опроса местных жителей установлено, что речь идет о двух городищах близ д. Васильковка (№ 195, одно городище, по Л. Д. Поболю) и городище у д. Дедиловичи (№ 56) Борисовского р-на [10]; № 302 (Тумиловичи) — не городище, а природное образование, не имеющее отношения к памятникам археологии; № 281 (Докшицы) — городища нет; № 198, 199 (Отруб) — около деревни ни городища, ни курганов нет.

Глубокский р-н: № 160 (Верхнее) — городища нет; у д. Голубичи находится городище, хотя Л. Д. Поболь утверждает, что здесь нет древнего поселения; № 161 (Шарабаи) и № 162 (Глубокое) — названы два городища, сведения относятся к одному памятнику.

Миорский р-н: № 388 (Дворчаны), № 389 (Девгуны, Хомичи), № 393 (каменцы), № 403 (Перебродье) — городищ нет; № 404 (Щеберы) — не городище, а природное образование, не имеющее отношения к памятникам археологии; № 401 (Новый Погост) — городища здесь нет, имеется в виду городище у д. Пилаты Шарковщинского р-на (№ 702); отсутствуют сведения о городище у д. Блошники Язненского с/с.

Лепельский р-н: № 372 (Верабки) — все сведения о городище искажены: у Л. Д. Поболя сказано, что городище находится между деревнями Верабки и Черноручье на р. Толкаче (недалеко от Березинского канала), на дюне, распахивается; на самом деле городище находится на восточной окраине д. Верабки, в 3 км к югу от д. Черноручье, в урочище Толкач (р. Толкач нет и не было), на берегу канала, на холме, поросшем лесом, оно никогда не распахивалось; № 337 (Азяруты, Городенец) и № 345 (Городенец) — одно и то же городище назва-

---

[7] Попутно исправлю опечатки: № 114 деревня неверно названа «Орна», правильно — Орпа; она находится не в Русскосельском, а в Костеневичском с/с; № 105 — хутор неверно назван «Гуки», правильно — Гурки.

[8] Возможно, имеется в виду городище Замосточье (№ 283), находящееся в 12 км к югу от Бегомля.

[9] Л. Д. Поболь зафиксировал здесь городище в результате невнимательного прочтения работы Г. В. Штыхова [21, с. 52, № 319]: «В урочище Городище старый могильник».

[10] Эти деревни находятся на границе трех районов.

но два раза, Городенец — урочище, а не населенный пункт, Азяруты — озеро, а не деревня; № 354 («Колосовичи»[11], Краснолучка) — не городище, а природное образование, не имеющее отношения к памятникам археологии; № 70 (Крайцы, Мстиж) — ни урочища Язевая Гора, ни городища нет.

Толочинский р-н: № 630а (Клебань) и № 632 (Обольцы) — не два, а одно городище с позднесредневековым слоем; № 621 (Городец Великий) — городища нет.

Список включенных в книгу несуществующих городищ можно продолжить, но и этого, я полагаю, достаточно. В других областях и районах дело обстоит не лучше, о чем свидетельствует невнимательное отношение Л. Д. Поболя к работам предшественников, из которых брались данные для свода. Так, при составлении списков городищ Гомельской области Л. Д. Поболь широко использовал работу Е. Р. Романова [22]. Естественно, эти данные необходимо учитывать, но они нуждаются во всесторонней проверке. Е. Р. Романов, например, в каждом отдельном случае добросовестно предупреждал о том, что сведения о памятниках, включенных в его сводку, отсутствуют. К сожалению, Л. Д. Поболь переписал сведения о 70 городищах из работы Е. Р. Романова, не сделав таких оговорок. Отсюда целый ряд курьезов. Е. Р. Романов, говоря об урочище Городок близ д. Старые Дятловичи, отмечал: «Сведений о нем не имеется»; Л. Д. Поболь на основании данных Е. Р. Романова, помещает здесь «городище болотного типа» (№ 179). № 236 (Васильковка) — Л. Д. Поболь помещает здесь городище, а Е. Р. Романов сообщает, что «городок» представляет собой остатки сгоревшего поташного завода XVI—XVII вв. № 255 (Носовичи) — по данным Е. Р. Романова, здесь находится, «по-видимому, вал, сооруженный в 40-е годы (XIX в.— *А. М.*) во время маневров», Л. Д. Поболь помещает здесь городище. № 180 (Жаробная Буда) — Л. Д. Поболь помещает здесь городище; по сведениям К. М. Поликарповича [23, с. 222], на работу которого дана ссылка, здесь открыта стоянка, среди подъемного материала имелись два обломка сосудов с шероховатой поверхностью. № 921 (Чечерское 2-е городище) — данные Л. Д. Поболя снабжены ссылкой на статью А. Ганжина [24, с. 59—61], но у А. Ганжина речь идет о Чечерском 1-м городище, также упомянутом у Л. Д. Поболя (№ 920). У д. Присно Л. Д. Поболь помещает три городища (№ 116, 117, 119), ссылаясь на рукопись дневника А. Н. Лявданского и А. Д. Ковалени 1936 г., но в дневнике речь идет о двух городищах. Таких примеров можно привести много.

Не вызывает доверия цифра, приведенная у Л. Д. Поболя для селищ. В число 1278 селищ Л. Д. Поболь включил так называемые «стоянки-селища», относящиеся к эпохе поздней бронзы, поселения эпохи древней Руси, позднесредневековые поселения XVI—XIX вв. (№ 34, 390, 399 и др.).

Преувеличены и данные о количестве погребальных памятников. Так, Л. Д. Поболь фиксирует грунтовые могильники во всех случаях, когда на пашне встречены кальцинированные кости, хотя в ряде случаев эти находки указывают на местоположение распаханных курганов. В число курганных могильников включены не только могильники до IX в., но вообще все могильники с сожжениями, в том числе более поздние, а также все «каменные курганы». Много неточностей в сведениях об отдельных могильниках. № 21 и 22 (Бельмонты) — названы две курганные группы, хотя здесь всего один могильник; № 38 (Заборники) и № 53 (Опса) — дважды повторены сведения об одном и том же могильнике; № 396а (Кублищино) и № 400 (Махировка) — названы две группы курганов, но в действительности это один могильник. Список также можно продолжать.

Важным недостатком книги является и то, что подавляющее число памятников, включенных в свод, недостаточно отчетливо привязаны к населенным пунктам[12]. В своде имеются неточности в описаниях[13].

---

[11] Опечатка, правильно — Волосовичи.

[12] Приведу некоторые примеры: № 37 (Жвиринка) — «городище находится в 20 км западнее Браслава» (с. 125); № 51 (Муйса) — «два городища на берегу озера (Муйса.— *А. М.*), в 18—20 км к зап.-юго-зап. от Браслава. Одно на южной окраине озера, другое — восточнее» (с. 128); № 63 (Станковичи) — «городище около оз. Дрисвяты, в 25 км западнее Браслава» (с. 129); № 105 (Сушки) — «городище недалеко от границы с Латвийской ССР, на берегу озера» (с. 133); № 153 (Кобринский у., урочище Замок) — «по сведениям Археологической комиссии, в урочище имеется городище» (с. 138); № 286 (Смородск) — «на берегу Горыни имеется городище».

[13] Логойское городище (№ 214), например, находится в центре города, а не в 1 км восточнее его (с. 369).

Свод, составленный Л. Д. Поболем, сопровождается картами памятников. К сожалению, пользоваться этими картами практически невозможно: они не связаны с каталогом, условные обозначения в основном не аннотированы. Всего в книгу включены четыре карты: 1) «Археологическая карта памятников раннего железного века БССР»; 2) «Археологическая карта раннего этапа зарубинецкой культуры на территории БССР»; 3) «Археологическая карта памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в пределах БССР» (II—V вв.); 4) «Археологическая карта памятников VI—IX вв. на территории БССР». Две первые карты по существу не отличаются друг от друга: одни и те же памятники на карте 1 фигурируют как милоградские, а на карте 2 — как зарубинецкие. Территориальные границы археологических культур определены крайне неточно[14]. Наиболее северными пунктами зарубинецкой культуры, в частности, Л. Д. Поболь называет памятники, не имеющие отношения к этому кругу древностей (Витебск, Оздядичи, Оршицкий городок и др.[15]).

Сомнительна, на мой взгляд, северная граница милоградской культуры. Однако сомнение это проверить невозможно, поскольку памятники, по которым проведена граница, не аннотированы. Не обоснована и граница памятников «позднего этапа зарубинецкой культуры» на картах 3 и 4[16]. Остается загадкой также, почему на карту 3 нанесен ареал «каменных могильников».

Много вопросов вызывает карта 4: для каких целей (и, кстати, на каких основаниях) здесь нанесена западная граница распространения поселений древнерусского времени, хронологически более поздних, чем VI—IX вв.; для каких целей здесь вторично нанесена граница распространения памятников «позднего этапа зарубинецкой культуры»; что означает условное обозначение 18, отсутствующее на карте[17]; почему на карту не нанесены границы выделенных Л. Д. Поболем «культур» VI—IX вв. («банцеровская», «быховско-колочинская», «хотомельско-петриковская»), а все они объединены в общую группу «поселений VI—IX вв.».

Список претензий к картам можно продолжить. Но и из перечисленного ясно, что карты к своду, как и сам свод, составлены на низком профессиональном уровне.

Подведем итоги. Главная задача, поставленная перед изданием свода,— предоставить в распоряжение широкого круга специалистов собранный воедино и проработанный фонд археологических источников — осталась невыполненной. Книга Л. Д. Поболя, несмотря на высокое качество полиграфии и большой объем (около 40 печ. л.) не только не способствует плодотворной разработке основных научных проблем, связанных с изучением культурно-исторических процессов в лесной зоне Восточной Европы в эпоху раннего железного века, но, напротив, затрудняет эту работу. Многочисленные неточности, ошибки, натяжки и неувязки, характеризующие работу, могут ввести в заблуждение читателя, знакомого с археологическими памятниками на территории Белоруссии только по публикациям. Поэтому, завершая рецензию, мне хотелось бы предостеречь читателей книги Л. Д. Поболя от излишнего доверия к опубликованным в ней сведениям: они далеко не всегда соответствуют действительности.

А. Г. Митрофанов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1971.
2. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск: Наука и техника, 1973.
3. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры — с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1974.

[14] На это указывал ранее П. Н. Третьяков: «Стремление распространить зарубинецкую территорию II в. до н. э.— I в. н. э. далеко на север... нельзя считать правильным» [6, с. 34].

[15] Остальные пункты, через которые проведена северная граница зарубинецкой культуры, на карте не аннотированы.

[16] Если эта граница проведена на основании находок фрагментов керамики с расчесами, то следовало бы первоначально доказать, что сосуды с расчесами относятся к «позднему этапу зарубинецкой культуры».

[17] Судя по легенде, этим знаком должны были обозначаться границы распространения культуры длинных курганов; на карте использовано другое обозначение, а граница определена неверно.

4. *Поболь Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск: Наука и техника, 1979.
5. *Митрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.
6. *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.: Наука, 1982.
7. *Каспарова К. В., Мачинский Д. А., Щукин М. Б.* Рец.: Л. Д. Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971; он же. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973; он же. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1974.— СА, 1976, № 4.
8. *Мельниковская О. Н.* Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
9. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, 1964. вып. Д1-19.
10. *Кухаренко Ю. В.* Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1-29.
11. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья. III—V вв. Киев: Наук. думка, 1984.
12. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековая культура лесной полосы (типа Колочин — Акатово) и ее место в славянском этногенезе.— Slavia Antiqua, 1975, XXII.
13. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
14. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
15. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
16. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
17. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163.
18. *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв. н. э.).— В кн.: Беларускія старажытнасці. Минск: Наука и техника, 1972.
19. *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
20. *Поболь Л. Д.* Древности Туровщины. Минск: Наука и техника, 1969.
21. *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск: Наука и техника, 1971.
22. *Романов Е. Р.* Археологический очерк Гомельского у.— Записки Северо-Западного отделения русского географического общества. Кн. 1. Вильна, 1910.
23. *Палікарповіч К. М.* Дагістарычныя станкі сярэдняга і ніжняга Сажа.— Працы Катэдры археолёгіі інстытуту беларускае культуры. Т. 1. Менск, 1928.
24. *Ганжын А.* Мястэчка Чачэрск Гомельскай акругі.— Наш край, 1927, № 1.

Т. И. МАКАРОВА

АРХЕОЛОГИ В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ.

(О книге Ю. Л. Щаповой «Очерки истории древнего стеклоделия». М.: Изд-во МГУ, 1983, 199 с.)

В последнее время в археологии наметился решительный переход от вещеведческих штудий к выявлению закономерностей, лежащих в основе развития вещей. Поиски в этом направлении приводят к установлению закономерностей, действующих в истории общества.

Появление такого направления в археологических исследованиях стало возможным в результате сложения прочной источниковедческой базы в археологии и совершенной методики обработки самих археологических источников. И то и другое — итог работы нескольких поколений исследователей, положивших начало нашей еще молодой науке.

Выявлению общих закономерностей в производственной сфере древности, в частности в стеклоделии, посвящена новая книга Ю. Л. Щаповой «Очерки истории древнего стеклоделия». Подзаголовок книги — «По материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы» — сразу ставит работу Ю. Л. Щаповой на особое место среди других исследований. Археолог обычно изучает группу конкретных вещей с целью выявления их происхождения, эволюции, абсолютной и относительной датировки. При таком традиционном подходе не удается выявить закономерности развития ремесла: археолог как бы делает хронологический срез с ремесла определенной территории, теряя при этом возможности оценки всей многовековой истории производства.

Ю. Л. Щапова практически сразу же отходит от традиционного пути локального регионально-хронологического исследования. Основной темой становится рассмотрение общих закономерностей в развитии стеклоделия с момента его возникновения

и вплоть до развитого средневековья. «Только в широкой исторической перспективе можно понять... частное»,— утверждает исследовательница, и с этим трудно не согласиться.

Изучение стеклоделия у нас в стране и за рубежом достигло в настоящее время весьма высокого уровня, накоплен достаточно большой материал для обобщающих построений. Досконально изучено восточно-европейское стекло, и в этом в первую очередь заслуга самой Ю. Л. Щаповой, проделавшей тысячи спектральных анализов в лаборатории при кафедре археологии исторического факультета МГУ. Именно при изучении стекла восточно-европейских памятников исследовательница выработала методику изучения древнего стеклоделия, включающую в себя два основных аспекта — исторический и химико-технологический [1, с. 95—106].

Исторический аспект исследования определяется отношением к древней вещи как к исторической категории. «В вещах, с которыми мы имеем дело, отразились и обрели свое материальное воплощение способности человека к труду, его накопленный опыт и воздействие, которое потребление имеет на производство» (с. 19). Это значит, что стеклянное изделия является показателем познаний в ремесле, которыми обладал изготовивший его мастер и его места в социальной структуре общества. Первое включает в себя не только индивидуальные способности, но и наследие, накопленный веками опыт, воплощенный в них. Второе дает ответ на вопрос, с какой формой производства мы имеем дело — с производством на заказ, когда распространение продукции происходит, минуя обмен, с мелкотоварным производством, когда сам мастер реализует свою продукцию, или с товарным производством, рассчитанным на широкий рынок. Так анализ стеклянного изделия упирается в анализ общих категорий производства и потребления.

Подобный подход требует определения конкретных признаков, присущих «изделиям на заказ», в сфере мелкотоварного или товарного производства. Ю. Л. Щапова пытается наметить критерии для такой оценки. При этом она проявляет большую осторожность. Так, автор сомневается в возможности выделения среди огромной массы стеклянных изделий, обнаруженных в раскопках, тех предметов, которые были, безусловно, изготовлены на заказ или на узкий рынок. Зато особенности товарной продукции выявлены Ю. Л. Щаповой очень отчетливо — стандартность изделий и распространение их на большой территории. Виды продукции, объем ее, интенсивность притока определяют характер внешнего рынка. Ассортимент изделий может оказаться значительно богаче в районе, непосредственно связанном с размещением мастерских, чем в районах, отдаленных от них.

Представляется, что Ю. Л. Щапова несколько преуменьшила возможности выделения изделий, изготовленных на заказ или для узкого рынка. Их специфика четко определяется как раз на фоне стандартизованной продукции товарного производства. Отличительными признаками изделий, выполненных на заказ, являются высокое качество и сложная технология производства, «подписные» предметы с именем заказчика или мастера. К этой же категории изделий принадлежат предметы, выполнявшиеся по государственному заказу: смальта для мозаик, поливные плитки для полов, предназначавшиеся для храмового или дворцового строительства, золотые предметы с эмалями, изготовлявшиеся для княжеского убора. Роль государственного заказа в стеклоделии, безусловно, была очень велика. Фактически древнерусское стеклоделие выросло на базе княжеского заказа. Ю. Л. Щапова в специальной книге показала, как тесно связано возникновение стеклоделия на Руси со строительством первых русских храмов — предприятием государственного масштаба и общерусского значения [2, с. 187—193].

Выявление продукции мелкотоварного производства сложнее. В ассортименте и в художественном отношении оно должно следовать за продукцией товарного, более древнего и развитого производства. Но более доморощенный облик и какие-то местные черты позволят уловить в общем потоке продукции товарного производства изделия мелкотоварного производителя.

Иногда местное производство, рассчитанное на узкий рынок, дает жизнь производству более широкому. Так случилось с поливной керамикой на Руси. Известно, что в IX—X вв. в Византии было широко налажено производство белоглиняной поливной керамики с рельефным орнаментом под зеленой, а иногда — желтой поливой. Продукция такого производства отличалась рядом устойчивых признаков. Особенно заметными оказалась пятнистость яркой зеленой поливы и формы блюд с рельсовидным венчиком нескольких характерных типов. Византийская посуда

IX—X вв. широко вывозилась в города Крыма. Реже она попадала в Поднепровье, но все же попадала. И оказалось, что древнейшие поливные сосуды на Руси копировали византийские сосуды, т. е. повторяли продукцию византийского товарного производства [3, с. 36—38]. Русские мастера изготовляли свои сосуды из белой глины, придавали венчикам ту же сложную форму, только полива была не прозрачная, а опаковая, как на плитках для пола, хотя тоже зеленая или, реже, желтая.

Производство белоглиняной керамики на Руси было весьма скромным, явно мелкотоварным. Оно возникло на базе реализации большого государственного заказа — изготовления плиток и мозаик для украшения интерьеров храмов, но вскоре заглохло. Однако опыт не пропал даром. Поливная керамика более упрощенной технологии стала изготовляться в XII в. во многих городах Руси в сфере городского ремесла и на заказ. О первом говорят многочисленные находки поливной керамики в культурных слоях древнерусских городов, о втором — отдельные серии поливной посуды в феодальных замках. Особенно характерна столовая поливная посуда, найденная в Любече [3, с. 48—50]. Это миски, кубки для питья, подражающие стеклянным, блюда и латки для подачи на стол горячей пищи — посуда, несущая черты специального заказа как стилистически, так и в ассортименте.

Представляется, что массовый материал древнего производства, в частности стеклоделия, должен дать основания для выделения в нем изделий разного типа производств. Критерии для такого выделения предстоит выработать.

Другой аспект методики изучения древнего стеклоделия — химико-технологический. Чаще всего, когда материал требует специальных анализов, археолог прибегает к помощи других специалистов. В данном случае этого не потребовалось. Многолетняя работа Ю. Л. Щаповой в лаборатории спектральных анализов на кафедре археологии истфака МГУ привела к разработке специальной методики изучения древнего стекла. Состав стекла стал предметом ряда исследований автора [4—6].

Первым шагом в изучении стекла стало установление его химического типа, что предполагает решение двух задач — определение качественной и установление количественной его характеристики. Последняя задача не всеми исследователями расценивается одинаково. Часто понятие химического типа стекла базируется только на его качественной характеристике, т. е. на установлении набора стеклообразующих компонентов. Автор справедливо отмечает, что в этом случае понятие «химический тип» стекла не соответствует понятию, обоснованному Д. И. Менделеевым: тип стекла, по Д. И. Менделееву, отличает не только набор компонентов, но и их соотношение.

Количественные характеристики помогают уловить порядок, существовавший в процессе древнего стеклоделия. Химический состав стекла становится методом изучения его истории.

Чтобы выявить в химическом составе стекла исходные для его интерпретации, Ю. Л. Щапова успешно применила методы математической обработки результатов анализов. Это позволило найти количественные критерии оценки и выработать принцип интерпретации основного состава древних стекол. С этих же позиций было изучено содержание в стекле красителей, обесцвечивателей и глушителей. В результате Ю. Л. Щапова пришла к обоснованному заключению: «Рационалистическая основа древнего стеклоделия может быть изучена в историческом аспекте» (с. 42).

Большой заслугой автора является введенное ею понятие «рецептурной нормы» в применении к древнему стеклоделию. Рецептурная норма — это пропорциональный строй рецепта. Спектральный анализ дает качественное содержание составных шихты, химический — отражает и количественное их содержание в современных единицах измерений. Рецептурная норма дает пропорциональное соотношение стеклообразующих в шихте. Это самая суть древнего рецепта: всякий рецепт — это пропорциональное соотношение компонентов. Новые компоненты не меняют рецептурной нормы, они подчиняются заданным пропорциям. Рецептурные нормы были просты для запоминания и передачи, им следовали без отклонений. Они более всех других показателей определяли принадлежность к определенной производственной школе. Понятие рецептурной нормы, разработанное автором на примере стеклоделия Древней Руси [7, с. 206—212],— серьезный вклад в изучение стеклоделия в целом.

Существенно дополняют общую характеристику древнего изделия из стекла наблюдения над технологией его изготовления. В отечественной литературе технология древнего стеклоделия хорошо разработана благодаря трудам З. А. Львовой [8, с. 90—103]. В основу изучения древней технологии была положена дешифровка приемов, примененных мастером. Созданная технологическая классификация изделий из стекла позволяет внести в характеристику древнего изделия его технологическую оценку.

Итак, древняя вещь оказывается объектом трехступенчатого анализа: по составу и рецептуре исходного материала, по технологии изготовления, по характеру производства.

Химический тип стекла, включающий качественные и количественные характеристики, дополненный автором понятием рецептурной нормы, составили методическую основу естественно-научного изучения древнего стеклоделия.

Вопросы методики заняли в достаточно лаконичном изложении первые три главы рецензируемой книги Ю. Л. Щаповой. Только после этого стало возможным рассмотрение истории стеклоделия большого региона под одним и тем же углом зрения. Это рассмотрение началось с традиционного вопроса о происхождении стекла. Вопрос этот важен не только сам по себе, но и для решения проблемы происхождения стеклоделия в каждом отдельном регионе. Отдельные главы автор посвящает стеклоделию эпохи поздней бронзы и I тыс. до н. э., касается важнейших вопросов стеклоделия Рима, подробно останавливается на стеклоделии Восточной Европы в I тыс. н. э. Специальные, заключительные главы посвящены стеклоделию Византии и Древней Руси. Так, естественно-научное, историческое и технологическое изучение древнего стекла позволило нарисовать широкую картину истории стеклоделия как самостоятельной и своеобразной отрасли производства.

Говоря о происхождении стеклоделия, автор опирается на материалы двух древнейших цивилизаций — Египта и Месопотамии. Между египетским и месопотамским стеклом эпохи поздней бронзы существует различие в химическом типе и в рецептуре. Это различие углубляется, если учесть разницу в щелочном сырье: в Египте — это минеральная сода, в Месопотамии — растительная зола местного пустынного растения. И тем не менее стекла Египта и Месопотамии относятся к одному и тому же классу, и, что самое главное, для них характерно сходство направлений и путей эволюции. Независимое генетически, стеклоделие этих регионов развивается, подчиняясь одним и тем же закономерностям. «Очевидно, перед нами классический случай конвергентности, определяющий внешнее сходство независимых процессов»,— справедливо констатирует Ю. Л. Щапова (с. 88). Сходство и однородность задач родственных ремесел породили и обусловили параллельность происходивших изменений.

Вывод этот имеет общее значение. Он противостоит популярной теории влияний, которая столь часто приходит на помощь исследователям при объяснении сходных явлений в ремесле и искусстве разных стран и народов. «Одни и те же открытия... почти одновременно совершались в разных географических точках» (с. 89). И всюду они были показателем соответствующего уровня в развитии производительных сил и в познании природы. Полицентрическая теория происхождения стеклоделия представляется очень перспективной и убедительной.

В числе общих закономерностей, характерных для начинающегося стеклоделия Египта и Месопотамии, автором отмечен тот факт, что изделия из нового материала относились к кругу драгоценностей — первыми изделиями из стекла были бусы. Это естественно: стекло подражало драгоценным камням. Такая особенность стеклоделия сохранится и позднее, что позволяет проводить параллели между стеклоделием и ювелирным делом. В технологии стеклоделия и в организации стекольного производства автор отмечает определенное сходство с технологией и производством металлов. А сами эти отрасли ремесла — стеклоделие и обработка драгоценных металлов — относятся к непроизводственной сфере, прежде всего к сфере изготовления предметов роскоши.

Обращение к стеклоделию различных регионов требует, однако, не только большой эрудиции. Для этого необходимы единые критерии и оценки, приводящие к одному знаменателю стеклоделие разных стран и дающие возможность для объективного сравнения. Согласно разработанной автором методике, такие критерии должны включать в себя характеристику состава стекла, его рецептуры и техноло-

гии. Подобные оценки в сочетании с художественной характеристикой изделия дают право ввести понятие «школы» в стеклоделии.

Ю. Л. Щапова ссылается на применение термина «школа» в искусстве и ювелирном деле. Справедливости ради надо отметить, что понятие школы в стеклоделии обеспечено значительно большим количеством объективных признаков; оно, безусловно, имеет право на существование. Более того, весь ход рассуждений Ю. Л. Щаповой подводит к выявлению школ в стеклоделии, а содержание, которое вкладывает автор в это понятие, позволяет расценивать его как категорию историческую. «Школа в стеклоделии по отношению к таким понятиям, как стекловарение, технология производства, номенклатура изделия, их форма, декор, художественная стилистика, место и время существования, выступает как понятие более общее и более сложное» (с. 104).

Для характеристики школы в стеклоделии автор выбирает 30 признаков, позволяющих выявить химико-технологическое и морфологическое родство изделий. Внутри этой группы изделий допустимы изменения, однако пределы их ограничены «непременным соблюдением преемственности». Это очень важное наблюдение, за которым стоит непременный признак всякой школы — непрерывность традиции, соблюдение преемственности. Разрыв непрерывности — тот предел, после которого, по мнению автора, начинается новый этап существования школы либо рождение новой школы. Добавим — либо конец школы.

С учетом всех этих положений для I тыс. до н. э. четко выделяются несколько школ в стеклоделии. С эпохи бронзы параллельно и самостоятельно существуют египетская и месопотамская школы. Первую характеризует содовое стекло из тройной шихты или тройное содовое стекло, вторую — тройное золистое стекло. Автор впервые ставит вопрос о деятельности в этот период еще одной школы, для которой характерно двойное содовое стекло. Автор считает возможным связывать ее с Финикией. Отправным пунктом для этого оказываются особенности песка, о котором, в частности, писал Плиний Старший. Симптоматично, что именно после попадания Финикии под власть Птоломеев в египетском ремесле появляется стекло из двойной содовой шихты. Именно эта рецептура легла в основу производства знаменитых изделий в технике миниатюрной мозаики или миллефиори. Перед нами результат контактов традиций двух разных школ стеклоделия.

Наряду с этим развивается и производство традиционного египетского стекла (тройное содовое), давшее произведения из слоистого стекла эпохи эллинизма (мастерские Александрии).

Характерным для эпохи является не только сложение больших школ и контакты между ними, но и расширение географических пределов стеклоделия. В I тыс. н. э. стеклоделие возникает в Центральной Европе. Кельтское стеклоделие оставило тысячи находок, продукция его отличается морфологическим своеобразием, позволяющим признавать существование самостоятельной школы. Не исключая версии независимого происхождения кельтского стеклоделия, автор отмечает, что работало кельтское ремесло на привозной египетской соде и оно может оказаться ветвью египетского стеклоделия. Но ответвление было тупиковым, так как перехода от кельтского стеклоделия к более позднему, средневековому стеклоделию в Европе не прослеживается.

Особенно четко выявляется механизм сложения новых школ стеклоделия в римскую эпоху. К уже известным нам трем древнейшим школам — египетской, месопотамской и финикийской — прибавляются новые, полный список которых, вероятно, еще не исчерпан.

В I в. до н. э. на восточном побережье Средиземного моря было сделано важнейшее открытие в истории стеклоделия — выдувание изделий из расплавленной стеклянной массы. Триумф техники выдувания обеспечили стекла из тройной содовой шихты. Перед нами сочетание традиций разных школ с возникновением на этой базе новой прогрессивной технологии выдувания. Новая школа сложилась в восточных провинциях Римской империи, почему и получила название провинциально-римской.

В I — начале II в. н. э. возникает массовое изготовление бус из тройного золистого стекла в традициях месопотамской школы. Позднейшая история этого производства, достигшая апогея в VI в. н. э., указывает на его связь с Сирией. Специализированное производство бус, налаженное в этой школе, составляет наряду с рецептурой ее специфику. Сирийская школа сложилась на базе древнейших тра-

диций, но по характеру своих массовых изделий, распространявшихся очень широко, соответствовала тенденциям своего времени и расширением ойкумены.

В I в. н. э. складывается еще одна школа стеклоделия. В ее сосудах стеклах тройной шихты с неизвестной ранее рецептурной нормой ощущаются традиции египетского стекловарения. Из нового стекла делались специфические вещи — мозаичные кубики, сосуды с разным декором, мелкие поделки. Проведенный анализ демонстрирует творческое освоение технологии и рецептуры египетской школы с постепенным переходом к новой рецептуре. Характерная продукция — кубики для мозаик — указывает на место этой школы: столичные римские мастерские. Они усвоили и важнейшее открытие в технологии стеклоделия — выдувание изделий из стекла. Эта технология стала материальной основой процветания римской школы. В производстве посуды она дополнилась такими приемами, как резьба и украшение поверхности накладным полихромным декором. Столичные римские мастерские обрели свое лицо.

Традиции столично-римского и провинциально-римского стеклоделия легли в основу возникновения самостоятельных школ далеко за пределами Рима. Таково стеклоделие, возникшее в Европе, в рейнских провинциях. Оно сложилось на базе провинциально-римского стеклоделия. Стеклоделие в Аквилее, на берегу Адриатики, совместило традиции столичного и провинциального римского стеклоделия. Традиции последнего принесли с собой выходцы из Сидона. Перед нами классический случай «пересадки» ремесла вместе с мастерами.

Такой же способ проникновения ремесла иллюстрируют стекольные мастерские, возникшие в Галлии и в альпийских областях в середине I в. н. э. В новых производственных центрах стеклоделие перерабатывает разные традиции. Так, в мастерских близ Кельна скрестились традиции провинциально-римского и столичного римского стеклоделия.

Со столичным римским стеклоделием непосредственно связаны мастерская в Крыму, в Алма-Кермене. Ее основали легионеры XI Клавдиева легиона, с их уходом она перестала существовать, не оставив никаких следов в местном ремесле. В развитии стеклоделия это далеко не единственный случай. Иногда в таких местных мастерских производственный процесс не воспроизводился полностью: в них обрабатывали стекло, сваренное в других мастерских, формовали изделия из разогретого стекла или делали изделия из шлаков.

Возникновение новых очагов стеклоделия фиксируют очень важный момент в истории развития отрасли, для древнейшего этапа не характерный: переход от интенсивного развития в одном или нескольких больших регионах к экстенсивному во множестве разных центров. В первом случае — это результат самостоятельного, иногда генетически независимого развития, во втором — результат усвоения или передачи уже накопленного опыта, больше связанного с экономикой породившей его школы, чем с местными условиями.

Совершенно то же явление происходит в ювелирном деле. Освоение новых техник, составляющих достояние тех или иных школ в ювелирном деле, всегда проходит два этапа. Сначала, в течение длительного времени (иногда несколько столетий), она осваивается и оттачивается, достигая технического и эстетического совершенства. Параллельно с этим происходит постепенное расширение географии вывоза готовой продукции. Потом наступает момент, когда экспорт вещей сменяется экспортом ремесла: его переносят сами мастера. Так возникают другие производственные центры. Роль утечки секретов технологии при этом ничтожно мала. Ту же картину дает производство поливной керамики. За периодом интенсивного ее производства наступает период экстенсивного, с возникновением новых производственных центров. Очевидно, перед нами явление общего порядка, которое переживают разные виды ремесел.

Эпоха экстенсивного развития в стеклоделии дает нам новые модели сложения школ. Это наследование старых рецептов с изобретением новых технологических приемов, создание новой рецептуры путем целенаправленной переработки старого рецепта, сочетание двух рецептур, принадлежащих разным школам, с выработкой своего вполне своеобразного рецепта.

При различных путях сложения школ строго сохраняется одно правило: школа возникает только там, где подготовлена почва для восприятия нового ремесла. Это касается и экономической, и общеисторической ситуации. По существу, для того, чтобы ремесло привилось на новом месте, нужна такая готовность к воспри-

тию, которая практически достаточна для самостоятельного его возникновения. В противном случае дело ограничивается кратковременной деятельностью одной мастерской.

Посмотрим, как обстояло дело с распространением стеклоделия в эпоху средневековья.

Византийская школа в стеклоделии стала синтезом традиций: она объединила в себе опыт столично-римской школы, провинциально-римской и сирийской. Документально зафиксировано участие в становлении стеклоделия в Константинополе столичных римских стеклоделов: известно, что в 323 г. по повелению императора Константина они были переселены из Рима в Константинополь. Активная политика императорской власти обеспечила все условия для создания высокохудожественных изделий, подобным знаменитым вазам диатрета, изготовление которых автор убедительно связывает с византийским стеклоделием. Вместе с тем помимо мастерских, удовлетворявших потребности двора, церкви и аристократии, по всей империи возникли рядовые мастерские, в которых производили на широкий спрос дешевые стеклянные украшения, посуду, оконное стекло. Дальнейшая история византийского стеклоделия связана с переходом от экспорта продукции к экспорту самого ремесла. И снова повторилась уже знакомая история: при покровительстве верховной власти стеклоделие пускает корни в новых местах. Русские князья призывают греческих стеклоделов, и они основывают первые стекольные мастерские в Киеве, закладывают основы древнерусской школы стеклоделия. В ней много черт самостоятельности: во многом различны составы русских и византийских стекол, различается и технология производства. Не столько с помощью, сколько вопреки византийским учителям, за 20—30 лет на Руси сложилась своя школа, приобщившаяся через Византию к опыту мирового стеклоделия.

Перечисленные способы возникновения новых школ в стеклоделии постоянно повторяются, где и когда бы они ни возникали. Это логично приводит к мысли о том, что такие способы отражают общие правила, действующие в ремесле. В реальной исторической действительности они действуют с постоянством закона.

Итак, стеклоделие с первых своих шагов начинается с производства технологически простейших изделий — бус. На начальном этапе оно использует один рецепт. Рационализация в рецептуре или появление нового рецепта составляют новый этап в развитии стеклоделия и отделено от начального этапа определенным отрезком времени. Стеклоделие как отрасль ремесла возникает в областях древнейших цивилизаций. Крупные изменения в материально-технической базе стеклоделия совпадают с крупными социальными и экономическими сдвигами в истории. Интенсивное развитие стеклоделия приводит к экстенсивному. «Пересадка» ремесла — результат этого явления. И наконец, «начальный этап развития новой школы в стеклоделии оказывается похожим на начальные этапы развития стеклоделия в целом» (с. 198).

Последний вывод — самое убедительное подтверждение того, что замеченные автором явления в истории стеклоделия не случайны, а закономерны. В этом — основной итог и ценность книги Ю. Л. Щаповой. Но не только в этом. За закономерностями в развитии стеклоделия четко просматриваются закономерности в развитии ремесла вообще. Эта книга должна стать стимулом для появления новых исследований древнего ремесла с анализом того общего и частного, что в нем содержится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щапова Ю. Л.* О химическом составе древнего стекла.— СА, 1977, № 3.
2. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
3. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси.— САИ, 1967, вып. Е1-8.
4. *Щапова Ю. Л.* Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея.— МИА, 1962, № 103.
5. *Щапова Ю. Л.* Спектральный анализ стеклянных сосудов из античных слоев Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Щапова Ю. Л.* Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса.— МИА, 1965, № 127.
7. *Щапова Ю. Л.* О древнерусском стекловарении.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
8. *Львова З. А.* Технологическая классификация изделий из стекла.— АСГЭ, 1979, вып. 20.

Хроника

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. А. ИЕССЕНА В ЛЕНИНГРАДЕ

4—7 июня 1984 г. в Ленинграде состоялось расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) и отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (ОИПК), посвященное памяти выдающегося советского археолога-кавказоведа А. А. Иессена (1896—1964 гг.). В работе заседания кроме ленинградских ученых приняли участие археологи Москвы, Тбилиси, Баку, Махачкалы, Ростова-на-Дону и Краснодара.

Заседание открыл заведующий ЛОИА В. М. Массон. С докладом о творческом пути А. А. Иессена, его научных интересах выступила К. Х. Кушнарева (Ленинград). Она отметила, что А. А. Иессен был крупнейшим, высокоавторитетным специалистом по археологии Кавказа. В течение многих лет он работал в ГАИМК — ИИМК — ЛОИА, одновременно являясь заведующим ОИПК. Разнообразие научных интересов А. А. Иессена сочеталось с высочайшей эрудицией, глубоким проникновением в суть культурно-исторических процессов, подлинно диалектическим мышлением. Им сделан ряд фундаментальных открытий в истории развития древней металлургии, скифской и средневековой археологии, решены многие проблемы хронологии и культурных связей Кавказа в различные эпохи. В последние 10 лет жизни ярко раскрылся талант А. А. Иессена как организатора и руководителя крупной новостроечной экспедиции в Закавказье (Мильская степь).

Велико значение хранящегося в ЛОИА научного архива А. А. Иессена. Детальная его характеристика была дана в докладе Р. В. Васильевой (Ленинград). В фонде А. А. Иессена хранятся опубликованные и неопубликованные работы. Среди последних следует отметить рукопись по древней металлургии Кавказа, а также рукопись диссертации «Кавказ в медно-бронзовом веке». Важными и ценными остаются и поныне подготовительные материалы к статьям А. А. Иессена, полевая документация, тематические подборки по различным категориям археологических источников.

Многие из присутствующих на заседании хорошо знали А. А. Иессена по совместной работе в ЛОИА, Эрмитаже и археологических экспедициях. С большим вниманием молодыми археологами были выслушаны интересные воспоминания старших коллег: А. В. Банк (Ленинград), Л. Т. Гюзаляна (Ленинград), Н. В. Анфимова (Краснодар) — об их встречах с А. А. Иессеном, его стиле полевой и кабинетной работы. Научной интуиции А. А. Иессена посвятил свое выступление А. Д. Столяр (Ленинград).

На заседании было заслушано 17 научных докладов по актуальным проблемам археологии Кавказа и сопредельных регионов.

Проблемы культурологической интерпретации археологического материала были рассмотрены в докладе В. М. Массона «Культурные процессы и культурные стандарты в древних обществах». Особое внимание докладчик обратил на проблемы изучения культуры жизнеобеспечения древних обществ (трудовые процессы, включая способы добывания пищи; организация досуга населения; сооружение жилищ и т. д.). В культурных процессах древности были выделены явления стандартизации и стереотипизации, объективно проявляющиеся в археологических типах. Другой актуальной проблемой археологии, по мнению В. М. Массона, является исследование войн первобытной эпохи как социального явления, способствовавшего перераспределению средств в первобытных обществах.

Большая серия докладов была посвящена тем разделам отечественной археологии, в которые А. А. Иессен сделал наибольший вклад. В. С. Бочкарев (Ленинград) прочитал доклад «Состав кладов эпохи поздней бронзы (по материалам Северного Причерноморья)». Он применил оригинальную методику обработки кладов, дал их классификацию и сделал вывод об ориентации металлопроизводства в Северном Причерноморье на сезонный цикл сельскохозяйственных работ.

В докладе Ю. Ю. Пиотровского (Ленинград) «Современные проблемы майкопской культуры» подробно и корректно изложена история изучения этой яркой, но во многом еще загадочной археологической культуры на протяжении последних 30 лет, дан критический анализ различных точек зрения о происхождении майкопской культуры.

Культурные связи майкопской культуры рассмотрены в докладе В. А. Трифонова (Ленинград) «Связи майкопской культуры с Передним Востоком (состояние проблемы)». Докладчик отметил, что эта проблема является частью вопроса о про-

исхождении майкопской культуры. Придерживаясь «блокового» подхода к анализу культур, предложенного В. С. Бочкаревым, и ориентируясь на ранние связи с Древним Востоком (период Амук F, Гавра XII—VII, по М. В. Андреевой), В. А. Трифонов предположил, что первоначальное проникновение переднеазиатских элементов на Северный Кавказ было частью широкого процесса культурных изменений на периферии цивилизаций Древнего Востока, охватившего одновременно Закавказье, северные области Передней Азии и, вероятно, восточные районы Анатолии. Позднее, с образованием куро-аракской и родственных ей культур, область распространения майкопской культуры оказалась «отрезанной» от древневосточных центров. Характер связей Северного Кавказа с Передним Востоком в эту эпоху принципиально меняется. Укрепляются связи с европейскими энеолитическими культурами.

Доклад М. П. Чернопицкого (Ленинград) «„Майкопский балдахин" в свете некоторых скифо-иранских параллелей» был посвящен исследованию находки, обнаруженной в Майкопском кургане, которую многие исследователи трактовали как балдахин. Докладчик убедительно показал несостоятельность подобной реконструкции, указав, что металлические трубки конструктивно никак не могли быть частью балдахина. М. П. Чернопицкий полагает, что трубки были связкой ритуального пучка стрел, использовавшегося в культовых целях. Возможно, пучок стрел является символом власти, а связь стрел с фигурами бычков отражает древневосточный мифологический сюжет.

В докладе А. Д. Резепкина (Ленинград) «К вопросу об интерпретации росписей в гробнице у ст. Новосвободной» рассматриваются росписи на каменных стенах погребальной камеры первой половины III тыс. до н. э. Докладчик указал на аналогии сюжетам росписи в европейском материале (ГДР, Франция). Лошади, изображенные на стене новосвободненской гробницы, по мнению А. Д. Резепкина, являются атрибутами бога смерти, а собачки, фигурки которых были найдены перед входом в погребальную камеру, очевидно, охраняли умершего и сопровождали его в царство мертвых.

Доклад М. Г. Гаджиева (Махачкала) «О древней металлообработке в Дагестане» был посвящен одному из очагов кавказского центра древней металлургии и металлообработки, который характеризуется собственной сырьевой базой и типологическим своеобразием продукции. По мнению докладчика, в конце эпохи ранней бронзы и в начале периода средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе уже выделяются очаги металлобработки. Один из них локализуется в горных районах Дагестана и Юго-Восточной Чечни (памятники типа Гинчи и Гатын-Кале), другой — в бассейне среднего течения Сулака, в зоне стыка местных кавказских и степных культур, третий — в центральной приморской и предгорной зонах Дагестана (памятники типа Великентского могильника). В это время вместе с мышьяковистыми бронзами распространяются также и оловянистые бронзы.

В докладе Ю. В. Андреева (Ленинград) «Появление железа в Греции» показана динамика развития металлургии железа в одном из древнейших очагов культуры на Балканах, где железо уже в X в. до н. э. оттесняет бронзу на второй план.

В. И. Козенкова (Москва) в докладе «Хронология кобанской культуры в трудах А. А. Иессена» отметила постоянный интерес А. А. Иессена к кобанской проблематике и подчеркнула, что найденные в настоящее время в поздпем (восточном) варпанте кобанской культуры аналогии гальштату В и белозерскому этапу срубной культуры позволяют более определенно датировать ранний этап кобанской культуры — конец II — рубеж II—I тыс. до н. э. Это обстоятельство подтверждает правоту А. А. Иессена относительно необходимости более широко определять хронологические рамки кобанской культуры.

В докладе Р. М. Абрамишвили (Тбилиси) «Фракийско-киммерийский этнический элемент и так называемое „скифское царство" в восточном Закавказье» анализируется своеобразная группа археологических памятников (типа Трельского могильника), резко отличающаяся от памятников местной синхронной культуры и находящая параллели в синхронных памятниках Азербайджана и Северо-Западного Ирана (VIII—VII вв. до н. э.). По мнению докладчика, сопоставляя данные археологии, топонимики и письменных источников, можно предположить политическое господство фракийско-киммерийских племен в Восточном Закавказье и их решающее значение в основании так называемого Скифского царства.

В докладе А. И. Семенова (Ленинград) «Средневековое погребение Уч-тепинского кургана (к оценке критериев этнической атрибуции)» подвергнуты критике попытки ряда археологов пересмотреть хазарскую атрибуцию впускного средневекового погребения в Уч-тепинском кургане, предложенную А. А. Иессеном. По мнению докладчика, имеющиеся археологические материалы не позволяют опровергнуть интерпретацию А. А. Иессена.

Доклад А. А. Иерусалимской (Ленинград) «Сасанидская эпоха в византийском текстиле» посвящен анализу и интерпретации изображений на византийских тканях, находящих аналогии в сасанидском искусстве.

В пяти докладах заседания сообщалось о новых археологических находках. Директор Государственного Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский в докладе «Египетская цилиндрическая печать середины II тыс. до н. э. из Армении» показал прочность торговых и культурных контактов, связывающих Армянское нагорье со Средиземноморским бассейном.

И. Г. Нариманов (Баку) рассказал в докладе «Нижнепалеолитические на-

ходки у подножия Малого Кавказа в Азербайджане» об интересной коллекции обсидиановых орудий, обнаруженных под насыпью кургана раннебронзового времени около с. Барсунлу. По ряду признаков орудия этой коллекции разделяются на несколько групп: ашельского, ашельско-мустьерского и мустьерского времени. Позднейшая группа орудий связана с периодом становления и развития производящего хозяйства в Закавказье.

В. Я. Киященко (Ростов-на-Дону) в докладе «Раздорское многослойное поселение эпохи неолита — бронзы» дал общую характеристику стратиграфии памятника, материалы которого охватывают период от позднего неолита до поздней бронзы (небольшой хиатус имеется между энеолитическими и бронзовыми слоями). Докладчик продемонстрировал и охарактеризовал керамические комплексы типа нижних слоев Ракушечного Яра, раннесреднестоговских, хвалынских, майкопских, новосвободненских, а также материалы константиновской и катакомбной культур. Важны находки в слое керамики сабатиновского и белозерского времени.

Л. Н. Панцхава (Тбилиси) в докладе «Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур (Чабарухский и Пасанаурский клады)» рассказала о двух комплексах находок, датирующихся VIII—VII и VII—VI вв. до н. э. Докладчик подробно остановился на так называемом «кавказском зверином стиле» и вопросах датировки отдельных предметов кладов, известных также в Тлийском и Кобанском могильниках. По мнению Л. Н. Панцхавы, термин «кавказский звериный стиль» по отношению к кавказскому графическому искусству следует заменить на термин «графический стиль» как классификационно более точный. Докладчик отметил принципиальное значение правильной хронологической атрибуции Тлийского могильника для датировки кобанской культуры в целом. В частности, погребения могильника с бронзовыми кружками с зооморфными ручками она предлагает датировать VIII—VI вв. до н. э.

А. И. Джавахишвили (Тбилиси) в докладе «Новые материалы беденской культуры» изложил предварительные результаты раскопок впервые обнаруженного в Восточной Грузии поселения, относящегося к беденской культуре. На поселении Бериклдели в стратиграфической последовательности выявлены остатки куро-аракского слоя и два строительных горизонта беденской культуры. Материалы поселения по-новому освещают беденскую культуру, расширяют ее ареал, позволяют относить ко времени между эпохами ранней и средней бронзы и одновременно указывают на возможность ее сосуществования с поздней ступенью куро-аракской культуры.

После докладов развернулась оживленная дискуссия. В центре обсуждения оказались проблемы майкопской культуры, которые, по мнению большинства выступавших, приобрели в настоящее время особую актуальность. М. Г. Гаджиев особо остановился на докладе Ю. Ю. Пиотровского, в котором были суммированы итоги многолетнего изучения майкопской культуры. Однако было подчеркнуто, что не все проблемы еще получили удовлетворительное решение. Особое значение в этой связи приобретает изучение более ранних, домайкопских комплексов. Возражая В. А. Трифонову, М. Г. Гаджиев высказался за объединение майкопской и куро-аракской археологических культур в единый блок культур с красно-черноло-щеной керамикой.

Ю. Ю. Пиотровский заметил, что специалистам окончательно не ясно, являются ли Майкоп и Новосвободная памятниками разных археологических культур или нет. По его мнению, еще предстоит установить специфические особенности каждой культурной группы. Нужны более полные публикации имеющегося в музеях археологического материала по Майкопу и Новосвободной.

Л. С. Клейн, К. Х. Кушнарева, Ю. Ю. Пиотровский в своих выступлениях подчеркнули убедительность приведенных А. Д. Резепкиным европейских аналогий росписям в гробнице у ст. Новосвободной, но по-разному отнеслись к их интерпретации. К. Х. Кушнарева, поддержав мнение Б. Б. Пиотровского о преждевременном привлечении к интерпретации росписей индоевропейского эпоса, считает сюжетный и смысловой анализ изображений, а также этническую атрибуцию носителей новосвободненских традиций пока слабо аргументированными. Напротив, Л. С. Клейн полагает, что западноевропейские компоненты майкопской культуры, выделенные А. Д. Резепкиным, несомненно, привнесены индоевропейскими племенами, а ряд элементов (игральные кости, каменные шары, красно-черная символика) указывает на индоарийские традиции.

Многие выступавшие отметили сообщение М. П. Черноприкого, который, по мнению В. Я. Киященко, Л. С. Клейна, А. И. Семенова и Ю. Ю. Пиотровского, доказал, что в погребальной камере Майкопского кургана не было балдахина. Менее единодушны были высказывания о смысловой нагрузке ритуальных стрел в погребении.

В ряде выступлений (В. С. Бочкарев, К. Х. Кушнарева, М. Г. Гаджиев) была дана высокая оценка новым материалам беденской культуры. В. С. Бочкарев подчеркнул, что беденские импорты помогут синхронизировать памятники Закавказья, Северного Кавказа и степей. В своем выступлении он поддержал также точку зрения В. И. Козенковой о датировке начального этапа кобанской культуры первой половиной XII в. до н. э., ссылаясь на аналогии кобанским материалам в степных культурах эпохи бронзы (XII—X вв. до н. э.).

В. Я. Киященко обратил внимание присутствующих на некоторые методические проблемы, в частности на недостатки в методике выделения археологических культур в Закавказье. Его поддержал А. И. Джавахишвили, указавший на сложности типологического анализа куро-аракской керамики. Особой осторожности и тщатель-

ности, по мнению В. М. Массона, требует разработка методики этноисторической интерпретации. Касаясь методики анализа происхождения археологических культур, В. С. Бочкарев подчеркнул, что культуры возникают и исчезают не в одиночку, а блоками. Поэтому бесперспективно искать происхождение отдельно взятой культуры. Проблема заключается в определении блока, в который каждая конкретная культура входит.

Подводя итоги заседания, заведующий ЛОИА В. М. Массон отметил его деловой характер, отвечающий стилю работы А. А. Иессена. Кавказская археология, подчеркнул он, накопила гигантский материал, и заседание в определенной мере способствовало обмену новой информацией и идеями. Можно надеяться, заключил он, что широкие научные контакты археологов-кавказоведов ускорят решение многих проблем археологии Кавказа.

Г. Н. Бестужев, В. А. Трифонов

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРИЧИНЫ ПЕРЕХОДА ОТ ДОКЛАССОВЫХ К РАННЕКЛАССОВЫМ ОБЩЕСТВАМ» (Москва, 1984)

23—25 января 1984 г. в Москве состоялась конференция, организованная бюро секции «История первобытного и рабовладельческого общества» при Научном совете Отделения истории по изучению закономерностей перехода от одной формации к другой. В конференции приняли участие специалисты, работающие в области исторических дисциплин: археологи, историки, этнографы, антропологи, юристы, музейные работники и краеведы из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Риги, Кишинева и других городов.

Накануне конференции были опубликованы тезисы докладов под тем же названием.

На заседаниях было заслушано 15 докладов и сообщений по основным вопросам тематики конференции. Главной темой конференции стала проблема возникновения раннеклассового общества и процессы становления ранних государств, формы перехода от доклассового общества к раннеклассовому на разных стадиях исторического развития человечества; эта проблема является одной из важнейших в нашей исторической науке. Теоретические и принципиальные положения о смене общественно-экономических формаций были разработаны классиками марксизма-ленинизма. Указанная проблема весьма актуальна и сегодня, особенно в свете того нового обширного фактического материала, который получен сейчас археологами, историками и этнографами.

Актуальность проблемы обусловливается и идеологической борьбой между социалистическим и капиталистическим миром. Особым нападкам подвергаются на Западе положения классиков марксизма-ленинизма о социально-экономических формациях и о закономерностях исторического развития. В зарубежной литературе наметилась тенденция к подмене закономерностей исторического процесса суммой многообразий исторических явлений, которые нельзя уложить в рамки смены общественно-экономических формаций. Современные буржуазные идеологи и социологи модернизируют старые представления о полной невозможности познать закономерности исторического развития. Социально-экономическая характеристика развития общества подменяется технико-экономической или культурно-хозяйственной характеристикой. Широко распространяются всякого рода региональные заключения и «модные» схемы. Само понятие раннеклассового общества рассматривается не с точки зрения развития общественно-экономических формаций, а подменяется понятием «цивилизация», в которое вкладывается иной смысл.

Причиной таких положений являются или сознательная фальсификация, стремление любыми средствами опорочить теорию развития человеческого общества, или же заблуждение, недопонимание закономерностей развития. Буржуазные социологи пытаются представить свои теории как надклассовые, внепартийные. Они ведут ожесточенную борьбу против материалистического понимания истории, а рекламируемая ими «беспартийность» на деле оказывается особым проявлением их партийности, хотя и скрываемой, маскируемой под разного вида «новыми» теориями.

Открывая конференцию, директор Института археологии акад. Б. А. Рыбаков приветствовал всех участников и пожелал им успехов в работе. В своем выступлении он особо подчеркнул важность подобных конференций для развития теоретической мысли в археологии, этнографии и истории на базе марксистско-ленинского учения. Б. А. Рыбаков обратил внимание на разработку таких важных аспектов проблемы развития социально-экономических формаций, как изучение «стыков» между формациями, процессов перехода от одной формации к другой, где особую роль приобретают вопросы изучения «укладов».

В первый день работы конференции было заслушано три доклада. Г. А. Кошеленко (Москва) прочитал доклад «Проблемы становления государственности в Древней Греции». На основании письменных и археологических источников докладчик констатировал, что Греция в ряде отношений представляет собой уникальное явление в мировой истории. Уникальность ее развития сказывалась в том,

каким образом происходило становление классового общества и государственности на греческой территории. По мнению докладчика, процесс становления классового общества и государственности происходил там трижды. Первый период приходится на начало II тыс. до н. э.; в результате этого процесса на Крите и в ряде районов материковой Греции возникают первые государственные образования. На Крите утвердилась теократическая форма монархии, на материковой Греции — монархия со значительной ролью военной аристократии. Общим в организации этих обществ было то, что в экономике главную роль играли дворцовые хозяйства. Основная масса эксплуатируемой подневольной рабочей силы была сосредоточена именно в этих хозяйствах. Типологически греческие общества II тыс. до н. э. были близки передневосточным обществам бронзового века.

Второй период становления классового общества и государственности происходит уже в рамках развитой индустрии железа, что коренным образом изменило экономическую ситуацию, а также направление социального развития. В первых веках I тыс. до н. э. происходит процесс распада обширных дворцовых хозяйств в силу их малой продуктивности и из-за экологических условий в самой Греции.

Дальнейшее развитие и становление государственности в Древней Греции распадается на два варианта: первый — «афинский», второй — «спартанский». «Афинский» путь развития в свою очередь распадается на два этапа, которые различаются тем, что на первом этапе источником пополнения эксплуатируемого населения становится афинское крестьянство, постепенно превращающееся в рабов-должников. Рабство-должничество становится основной формой зависимости крестьянства. Но одновременно возникает встречный процесс — процесс военной экспансии, требующий больших людских ресурсов, рекрутируемых из свободного крестьянства. В результате столкновения этих противоборствующих тенденций были серьезно подорваны позиции афинской аристократии, и как следствие этого появился ряд реформ, запрещающих закабаление сограждан. Процесс становления государственности был прерван. Крестьянство экономически освободилось от господства знати. В этих условиях, при малом числе чужеземных рабов, рождается своеобразная форма общины — полис. Появление политически свободного крестьянства стало мощным импульсом к быстрому экономическому росту Афин, что повлекло резкое увеличение потребности общества в рабах. Возрастание числа рабов за счет внешних войн стало причиной третьего периода становления государственности. Полис, являвшийся ранее только формой общины, приобретает черты государственного организма, когда все свободные граждане противопоставляются закабаленной массе — рабам.

«Спартанский» путь становления государственности в силу ряда причин носил более яркий характер, когда гражданский коллектив, сплоченный в военный лагерь, изначально был превращен в аппарат насилия, постоянно готовый к подавлению социального протеста эксплуатируемых. Эксплуатация илотов могла быть обеспечена только при условии единства коллектива граждан. Весь строй жизни спартанского полиса был ориентирован на это.

Б. В. Андрианов (Москва) посвятил свой доклад роли ирригации в становлении древнейших государств на примере Средней Азии. На основании многолетних археологических и историко-этнографических исследований, проведенных в поймах рек Аму- и Сырдарьи, автор доклада убедительно показал огромную роль оросительных систем в образовании древнеземледельческих цивилизаций не только с точки зрения воздействия трудовой деятельности человека на географическую среду, но и с точки зрения социальной дифференциации внутри тех древних обществ, которые возвели эти грандиозные сооружения. Главный вывод докладчика заключался в том, что периоды расцвета орошения в Хорезме полностью совпадали с периодами роста политической централизации, а упадок был вызван опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности. Расчеты численности населения древних оазисов в низовьях Амударьи и трудовых затрат, необходимых для очистки каналов, позволили ему сделать вывод о том, что в тот период появилась необходимость в непрерывном притоке рабочих рук в оазис. В исторических условиях того времени это был насильственный приток покоренных соседних племен и труд людей, не связанных непосредственно с полеводством, которым занималась земледельческая община. Простейшее разделение труда способствовало зарождению и развитию рабовладельческого способа производства.

На вечернем заседании первого дня был зачитан доклад С. А. Маретиной (Ленинград) «Социальная стратификация и становление государственности (на примерах малых народов Индии)». По мнению докладчика, основная особенность общественного строя малых народов Индии заключалась в предклассовом характере их общества: его внутреннее развитие не привело вплоть до наших дней к сложению классовых отношений. В истории этих народов отчетливо выделяются два этапа. Первый этап — самостоятельное развитие в условиях установления контактов с соседними развитыми народами. На процессы социальной стратификации и постепенного формирования классового общества влиял комплекс специфических причин: географические условия (географическая изоляция в горных районах) и разновременность развития отдельных этносов (многие этносы так и не дошли до социального расслоения). Социальная стратификация общества в период изоляции проходила в недрах родового строя медленным эволюционным путем, в виде постепенного расслоения общества. Но с момента нарушения этой изоляции в конце XIX в. данный процесс был приостановлен и нарушен новыми условиями — развитием капиталистических отношений в Индии. Пути образования классов карди-

нально меняют свой характер, ибо по мере роста товарного производства бывшие социальные деления отходят на задний план, а на первый план выступает имущественное расслоение общины, связанное в первую очередь со становлением частного землевладения.

В обсуждении докладов первого дня конференции приняли участие 12 человек. В выступлениях по докладу Г. А. Кошеленко единодушно было отмечено, что докладчик затронул чрезвычайно сложный и важный вопрос: история Древней Греции сложна и уникальна, и это особенно хорошо было продемонстрировано на ряде этапов развития местной государственности; в истории Греции, как ни в одном из других раннеклассовых обществ, можно проследить длительный, упорный, бескомпромиссный конфликт между принципом многовластия, получившим выражение в демократии, и единовластия, выразившимся в монархии; борьбу демократических тенденций с монархической властью, которая началась еще во II тыс. до н. э. Особенно важен для понимания процессов сложения древних институтов власти в Греции вывод докладчика о той «среде», в которой вызрели предпосылки зарождения государственности: этой питательной средой был полис. Полис, как выражение общинных форм греческого общества, в дальнейшем стал базой образования государства, когда в результате внешней экспансии аттических государств осуществляется большой приток рабов и полис выходит за рамки общинных отношений, превращаясь в механизм подавления эксплуатируемой массы — рабов (Т. В. Блаватская, Э. В. Сайко).

Доклад Б. В. Андрианова вызвал оживленную полемику. Особенно много критических замечаний вызвало его положение о том, что в основе больших ирригационных работ лежал труд рабов-военнопленных. Во многих выступлениях (Ю. М. Кобищанов, Ю. А. Заднепровский, В. А. Головина, В. В. Сидоров) прозвучала мысль, что здесь основными создателями ирригационных сооружений, как и в междуречье Тигра и Евфрата и в Древнем Египте, были на первых фазах развития этих цивилизаций не рабы, а свободные общинники, сезонно привлекаемые, в виде разных форм отработок, к реконструкции и очистке каналов накануне полевого сезона. Привлечение огромных людских ресурсов в виде рабов требовало бы от этих государств не только больших материальных затрат, но и создания прочного аппарата контроля и подавления рабов, не заинтересованных в своем труде, на что, естественно, ни одно из древнейших государств не было способно тогда ни экономически, ни политически. Б. В. Андрианов в своем ответном выступлении отметил, что на основе археологических исследований этих огромных по своему масштабу ирригационных сооружений можно лишь говорить о привлечении большого числа людей из-за пределов древних земледельческих общин, т. е. военнопленных, а данные палеодемографических расчетов, хотя они и допускают определенный процент ошибки, подтверждают указанное положение; письменные же свидетельства, правда более поздние, показывают, что термин «раб» для Хорезма переводится как «гунн», т. е. «иноплеменник». В дискуссии по докладу Б. В. Андрианова было отмечено также, что докладчик довольно четко поставил вопрос о том, что государство уже существовало, когда здесь появилась большая ирригация.

Доклад С. А. Маретиной также вызвал оживленную дискуссию, особенно в связи с тезисом о том, что возникновение государства предшествует возникновению классов. Это ставит в свою очередь много новых вопросов, например: какие качественные показатели отличают раннеклассовое общество от доклассового и как долго длится переходный процесс, который называют «военной демократией» (М. К. Кудрявцев)? Многие выступающие по докладу С. А. Маретиной отметили необходимость сосредоточить внимание на выяснении отношений внутри господствующего класса в период доклассовых отношений, а также отношений этой верхушки к тем, кто производит прибавочный продукт. Второй возникающий в связи с докладом вопрос: является ли общество, в котором есть рабы, рабовладельческим или нет и какова степень участия рабов в производстве прибавочного продукта? Одновременно встал вопрос о терминологии, которой пользуются исследователи в своей конкретной работе, в процессе изучения материала. Было отмечено, что назрела необходимость в проведении специальной конференции, посвященной только упорядочению терминологии и понятийного аппарата.

Основные пожелания археологов в связи с докладом С. А. Маретиной состояли также в том, чтобы при изучении «древних институтов» современных традиционных обществ этнографы обращали более пристальное внимание на материальное отражение этих институтов в каждой конкретной культуре.

По не зависящим от организаторов конференции обстоятельствам не были заслушаны еще два доклада: Д. А. Крайнов, М. Г. Гусаков (Москва) «К проблеме возникновения раннеклассового общества» и В. М. Массон (Ленинград) «Пути становления классового общества и государства». Эти доклады были опубликованы в тезисах и обсуждались в ходе дискуссии участниками конференции.

Доклад Д. А. Крайнова и М. Г. Гусакова «К проблеме возникновения раннеклассового общества» посвящен некоторым узловым вопросам данной темы в связи с тем, что за 10 лет, прошедших с момента проведения I Всесоюзной конференции «Возникновение раннеклассового общества» (Москва, 1973 г.), в исторической науке был накоплен новый важный фактический материал. В докладе проводится мысль о том, что особой разработке подлежат вопросы, связанные с созданием четкой периодизации переходной эпохи от первобытности к классовому обществу. Выявление основных этапов классообразования и изучение их «по вертикали» позволит уточнить время возникновения раннеклассовых отношений, причины их

происхождения, пути развития и последовательность. Чтобы увязать это изучение раннеклассового общества «по вертикали» с конкретным историческим материалом, необходимо провести не менее тщательные исследования и «по горизонтали». Такое сопоставление истории разных обществ из разных природных зон в определенные хронологические отрезки даст возможность выявить неравномерность исторического развития, различие путей и форм в возникновении раннеклассового общества, динамику исторического процесса.

Далее докладчики предложили рассмотреть вопросы, связанные с процессом сложения и организации «класса управления» (господствующий класс). По их мнению, третье крупное общественное разделение труда привело к становлению государства, создало класс, который уже не занимался непосредственно хозяйством, а выступал как организатор производства и распределения продуктов.

Из того круга тем, которые предлагались для обсуждения на конференции, в докладе разбирается вопрос о влиянии природной среды и географических условий на процесс классообразования: преувеличение роли природной среды, имеющее место и у нас, и на Западе в построениях экологического детерминизма, приводит к неправильной оценке движущих сил исторического процесса, основу которых составляют социально-экономические причины; разбирается также проблема «военной демократии» в древних обществах. Военные столкновения на этой переходной стадии имели важные последствия социального характера. Они ускоряли вызревание эмбриональных форм государственной организации, являясь источником рабства, накопления богатств у военной верхушки — этих важных факторов в разложении первобытно-общинных отношений. Всюду «военная демократия» является по своей сущности прообразом классовой организации, а по своей форме — переходной эпохой к образованию подлинного государства. «Военная демократия» обеспечивала интересы «верхушки» общества, для которой войны становятся источником дохода, своего рода «ремеслом». «Военная демократия» как последний этап в развитии первобытно-общинного строя прослеживается у всех народов, но в разных формах, и пути ее происхождения и развития различны.

Таким образом, новейшие исследования подтверждают правильность точки зрения Ф. Энгельса о том, что «военная демократия» была универсальной формой переходного периода от доклассового к классовому обществу.

Доклад В. М. Массона (Ленинград) «Пути становления классового общества и государства» посвящен анализу процесса возникновения и вызревания в недрах первобытно-общинной формации механизма классообразования. По мнению докладчика, движущими силами и основной предпосылкой формирования антагонистической общественной формации и государства были в первую очередь социально-экономические явления — наличие регулярного прибавочного продукта (это обеспечивал способ хозяйственной деятельности) и возможность его перераспределения (это обеспечивалось социальной системой, рассматриваемой с точки зрения тенденций ее развития). Однако это общее положение следует понимать как генеральную закономерность, а отнюдь не прямолинейно и механистически. Другие факторы — плотность населения, развитие торговли и обмена и т. д.— также оказывали свое несомненное воздействие на этот процесс. Но это были вторичные факторы, которые могли способствовать ускорению или замедлению соответствующих процессов, приданию им более или менее четких и выразительных форм. Наиболее благоприятное взаимодействие всех факторов, как первичных, так и вторичных, давало максимальный эффект.

Процесс классообразования, зарождающийся в недрах первобытно-общинной формации, на первых порах выступает как бы в скрытом виде. В ходе трансформации первобытных отношений отчуждение прибавочного продукта длительное время сохраняло внешние формы, традиционные для общинно-родовых порядков.

Социальная структура первобытного общества на заключительных этапах развития представляла собой довольно сложную картину с целым рядом социальных групп. Так, даже в «институте вождей» отмечается внутренняя иерархия, согласно которой социальный статус и имущественное положение отдельных групп различались весьма существенным образом. Эта картина прослеживается и по материалам богатых курганных захоронений Кавказа поры палеометалла. Род верховного вождя, или «царский род», образовывал вершину социальной иерархии, но наряду с ним существовал целый ряд «благородных родов» со своими правами и обязанностями и со своим особым статусом. Регламентация этих прав и обязанностей идет в привычных формах первобытного правопорядка. Но по содержанию это явление, когда большие группы лиц различаются по месту в системе общественного производства и по способам получения и размерам определенной доли общественного богатства, явно связано с классообразованием.

Одна из чрезвычайно сложных и интересных тем, которые затронул докладчик,— это проблема изучения идеологических факторов и процессов в эпоху становления классового общества и государства. Как правило, идеология, консервативная по своей природе, играла камуфлирующую роль, прикрывая коренные изменения, протекавшие в недрах общества. Но постепенно происходит приспособление старых, традиционных форм для новых идейных установок, создается новая идеологическая система. Стержневое значение здесь играл культ вождя-царя как идеологическое обоснование утвердившейся в обществе новой власти — государства. Сам по себе этот процесс начался еще на поздних этапах первобытного строя. По мере повышения общественной значимости роли вождя-лидера идет сакрализация должности и функций вождя, появляются специфические атрибуты его власти,

формируется прижизненный и заупокойный культ. В итоге в раннеклассовом обществе, с использованием традиционного для общинников мифологического мышления, происходит идеологическое обоснование власти вождя-царя и классового деления общества, с его почтением к миру богатых и знатных. Соответственно вносятся изменения в мифологическую схему устройства мира: на первое место все более выступает культ верховного бога, небесного двойника земного деспота. Монументальные гробницы, называемые археологами то «княжескими», то «царскими», являются дошедшими до наших дней материализованными свидетелями пышности и зрелищности подобных культов. Эти культы идеологически закрепляли утверждавшееся в обществе социальное неравенство. Неравномерность исторического процесса приводила к тому, что в отдельных случаях концентрация власти (и соответственно прибавочного продукта) позволяла уже на предгосударственном уровне создавать значительные культурные ценности, особенно в виде сооружений монументальной архитектуры — будь то погребальный курган или храмовый комплекс. Трансформация и перестройка идеологической системы как бы подводили итог первому этапу формирования классового общества и государства.

Разнообразной была тематика четырех докладов второго дня конференции. На утреннем заседании В. И. Гуляев (Москва) в докладе «Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики (майя): генезис и характерные особенности» попытался, используя ретроспективный метод, «спроецировать» свет исторической традиции кануна конкисты на темные века «бесписьменной» майяской истории. Детально анализируя памятники культовой архитектуры, письменные источники (испанские и индейские хроники эпохи конкисты), погребальные памятники и в особенности погребальный инвентарь и иконографию доиспанского периода, автор показал эволюцию института верховной власти майя, начиная с доклассического периода (I тыс. до н. э.) и до эпохи испанского завоевания (XVI в. н. э.). На основании тщательного изучения конкретного материала автор приходит к выводу, что в XVI в., перед приходом европейцев, майя дают нам типичный образец раннеклассового антагонистического государства со всеми его признаками и атрибутами.

Доклад Е. Н. Черных и А. Б. Венгерова (Москва) «Нормативная система в структуре древних обществ» привлек особое внимание специалистов прежде всего оригинальной постановкой вопроса, впервые прозвучавшей на конференциях с подобной тематикой. По мнению докладчиков, нормативная система, выполняющая функцию социального регулирования, и ее важнейший элемент — право — появляются лишь на определенном этапе развития нормативной системы (эпоха древнейших цивилизаций). Хотя право и является объектом внимания археологической и этнографической наук, но в ряде концепций, рассматривающих происхождение протогосударств и раннеклассовых государств, наличие или отсутствие права, а также его некоторых свойств объявляются тем критерием, который разделяет различные этапы перехода от догосударственности к государственным формам организации общества. Изучение генезиса нормативной системы, закономерностей ее развития имеет весьма важное значение как для понимания процессов развития других социальных институтов, так и обратного действия этих институтов на нормативную систему. Наконец, изучение нормативной системы как одной из составляющих структуру древних обществ позволяет глубже понять конкретные процессы возникновения, развития, кризисных явлений, а в некоторых случаях даже и гибели конкретных обществ.

Одной из интереснейших проблем, поставленных докладчиками, является генезис «правового регулятора». По их мнению, возникновение правового регулятора связано с переходом от присваивающей экономики к производящей. Именно в итоге «неолитической революции», при сложении раннеземледельческих культур, возникают условия для появления норм, регламентирующих трудовую деятельность (прежде всего в области земледелия, скотоводства, горно-металлургического производства). Регулярный и повторяющийся характер трудовых операций объективно сделал возможным и необходимым нормирование трудовых затрат каждого члена общества и их учет. Появление прибавочного продукта потребовало нормирования в его распределении. Усложнение хозяйственной деятельности, новые организационные функции привели к необходимости упорядочить отношения между организаторами производства и общинниками, выступавшими главной производительной силой общества. На следующем этапе развития раннеземледельческих культур при сложении раннеклассовых обществ произошло окончательное становление правового регулятора, который оказался наиболее эффективным для управления жизнью общества, для закрепления сложившейся социальной дифференциации в нем, отношений собственности и эксплуатации и т. п.

Правовой регулятор действует прежде всего в тех обществах, где руководящая верхушка (административные и военные вожди, жрецы и т. д.) функционально отделена от основной массы производителей и не участвует непосредственно в материальном производстве. Правовой регулятор является обязательной деталью нормативных структур государственных объединений. Однако его исходные черты прослеживаются на этнографических материалах догосударственных социальных образований.

Правовой регулятор, оформляясь на определенном историческом этапе — эпохи неолита и раннего металла — в общей структуре нормативной системы, проходит в своем развитии длительный и сложный путь. Право играет одну из важнейших ролей при формировании раннеклассовых государств. С развитием государств право

политизируется, приобретает четко выраженный классовый характер. Оно закрепляет тогда прежде всего формы собственности и социальные привилегии господствующего класса. Тогда же в обществе выделяются и профессиональные правоохранители (судьи, полицейские и т. п.).

На вечернем заседании были зачитаны два доклада, посвященные одной и той же проблеме — процессу формирования классового общества в Киевской Руси и роли военной дружины в этом процессе. В докладе А. А. Горского (Москва) «Роль дружины в складывании классового общества на Руси» сделана попытка на материале письменных источников (летописи, византийские хроники) проследить формирование княжеской дружины не только в известные эпохи, но и по возможности выяснить ее зарождение в более раннее время (в качестве сравнительного материала здесь использовано упоминание Тацита о складывании дружинного сословия у древних германцев, а также раннесредневековые хроники Центральной Европы). Тема зарождения и сложения дружины и отражение этого процесса в погребальном обряде освещается в докладе С. С. Ширинского (Москва) «Дружина в развитии Руси IX—X вв.». Докладчик предложил новые возможные направления использования археологического материала для изучения древнейшего этапа сложения классового общества в Поднепровье. Он приводит дополнительные свидетельства о превращении конного рыцарства в местном русском обществе IX в. в слой боярства и отражении этого процесса в экономической и правовой сферах. Прослеживая данное явление на примере эволюции и усложнения структуры русской дружины IX—X вв., С. С. Ширинский подчеркивает его непосредственную связь с развитием феодального землевладения на Руси (в частности, его условных форм), а также с привлечением в состав нового слоя господ местной племенной знати. Именно в этом контексте, указывая на боярство как основу мощи института дружины, автор объясняет распад дружинной организации, последовавший в XII в.

В дискуссии по докладам второго дня приняли участие 13 человек. Докладу В. И. Гуляева выступавшими была дана положительная оценка. В частности, отмечено убедительное сочетание различных видов источников при изучении древних институтов власти в Мезоамерике: письменных, этнографических и археологических, в том числе иконографии (Э. В. Сайко, Ю. Н. Захарук, Г. С. Мартынова). Выступавшие по докладу Е. Н. Черных и А. Б. Венгерова отметили, что авторы подняли очень интересную проблему о роли биолого-психологического фактора, который действует не только в отдаленном прошлом, но и в некоторых современных обществах, как, например, в Индии (М. К. Кудрявцев). В. И. Липатникова и Э. В. Сайко подчеркнули, что право (как последний этап развития нормативной системы) возникает в ответ на потребности общества охватить организационно-производственную деятельность. Основная дискуссия разгорелась вокруг вопроса о времени возникновения права: в эпоху ли, когда еще классов как таковых не было, или же в результате сложения правящих классов, которые стремятся путем установления правовых норм узаконить свое привилегированное положение (В. И. Липатникова). В своем ответе А. Б. Венгеров уточнил, что в рамках данной конференции перед докладчиками стояла задача показать генезис права. То, что право имеет классовый характер, и то, что оно выполняет функции обеспечения интересов господствующего класса, закрепляет эксплуатацию, частную собственность, в принципе достаточно ясно. Неясным, по мнению докладчиков, является сам процесс возникновения права и то, какая именно деятельность вела к становлению права (может быть, деятельность, связанная с производством пищи, с переходом человеческого общества на этап генетической революции — от присваивающего хозяйства к производящему). Касаясь предложенной докладчиками реконструкции материальной культуры, В. А. Шнирельман не согласился с их методическим подходом. По его мнению, в процессе реконструкции древнего общества на основе археологического материала встает принципиальный вопрос: что именно мы можем реконструировать на этих материалах? И здесь весьма полезен культурологический подход. Е. Н. Черных ответил, что вопрос о культурологии, анатомии живой культуры очень спорный, поэтому докладчики выбрали лишь один аспект — фактор существования культуры — и сделали попытку выстроить ее структуру.

В дискуссионной части заседания с сообщением выступил Г. М. Миндиашвили (Тбилиси) «Причины дифференциации общества куро-аракской культуры». По мнению докладчика, имущественная дифференциация куро-аракского общества была основана на высокоразвитом производящем хозяйстве, приведшем вскоре это общество к началу второго общественного разделения труда, и к имущественному его расслоению, что обусловило резкую социальную дифференциацию, отраженную в археологических памятниках (погребальном обряде).

На вечернем заседании в прениях выступили пять человек. В связи с тем, что оба доклада представляли по сути дела одну тему (роль дружины в формировании господствующего класса на Руси), обсуждение велось сразу по двум докладам. Замечания сводились в основном к тому, что оба доклада основаны на материалах одного исторического региона и даны в довольно узких хронологических рамках. Очевидно, что в процессе формирования господствующего слоя на Руси дружина являлась одним из важнейших институтов. Но наличие дружины было характерно не только для Древней Руси. По мнению выступавших совершенно необходимо несколько раздвинуть рамки докладов как в исторической перспективе, так и в хронологическом порядке (А. Х. Халиков, Ю. М. Десятчиков,

Е. Н. Черных). Было обращено внимание на проблему возрастных групп дружинников, тем более что эта проблема актуальна как на ранних стадиях развития общества, так и в эпоху средневековья не только в пределах Руси, но и у ее соседей, кочевых народов (А. Х. Халиков, Ю. М. Десятчиков). По докладу С. С. Ширинского было сказано, что основной археологический признак наличия иерархии, приводимый докладчиком (высота кургана как показатель социальной стратификации общества), недостаточен; необходима корреляция этого признака с другими, которые в сочетании с ним могли бы дать более убедительную картину.

В последний день работы конференции было заслушано пять докладов. М. Ф. Косарев (Москва) в докладе «Факторы и особенности зарождения древних раннеклассовых образований в таежной зоне Западной Сибири» на основании археологического, этнографического материала и данных письменных источников рассматривал проблему выделения в обско-угорском обществе военной верхушки вождей на стадии «военной демократии». По мнению докладчика, главной причиной выделения института вождей, военной знати была необходимость милитаризации общества перед лицом длительно существующей военной опасности, в условиях постоянных смут, грабительских набегов и завоевательных походов. Когда эта опасность проходила, должен был затухать стимул, поддерживающий жизнь таких объединений. Именно в силу данных обстоятельств процесс перехода от родового строя к государству в течение трех последних тысячелетий возобновлялся здесь неоднократно, но в условиях присваивающей экономики и низкой плотности населения не шел и не мог идти дальше этой переходной стадии.

Доклад А. Х. Халикова (Казань) «Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств» посвящен проблеме миграции древнего населения в I тыс. н. э. и отражению этого глобального процесса, претерпевшего много этапов, в археологических памятниках Поволжья и Приуралья. Анализировалась также проблема взаимовлияния пришлого и оседлого населения (как правило, кочевого и земледельческого) и создание условий для сложения устойчивых государственных образований.

Ю. М. Кобищанов (Москва) в докладе «Мелконатуральное производство и общественные формации (по материалам Африканского континента)» отметил многообразие форм переходного периода не только в производящей сфере, но и в сфере общественной. По мнению докладчика, Африканский континент в силу ряда исторических причин (длительный период колониальной зависимости, неравномерность развития и др.) представляет собой для современного исследователя своеобразный исторический полигон с точки зрения изучения не только древних, отживших форм хозяйственно-культурной деятельности человека, но и с точки зрения современных процессов, перехода от одних социально-экономических формаций, стоящих на низкой стадии развития производственных отношений, к более высоким (капиталистической и социалистической).

А. И. Мартынов (Кемерово) поделился своими соображениями по проблеме образования государственности в Южной Сибири. По археологическим материалам намечается четыре этапа этого процесса. Первый этап — скифский. Большие курганы, рубленые дома, развитая материальная культура — все это свидетельствует о высокой ступени развития общества: племенные объединения, парная семья, развитое скотоводство и земледелие (оросительные каналы), развитая металлургия. С III—II вв. до н. э. в эти районы начинают передвигаться хунны. На смену скифской культуре приходит новая материальная культура, основанная не на сочетании домашнего скотоводства и пойменного земледелия, а исключительно кочевническая, с доминирующей железной металлургией; в связи с этим меняется и идеология. И этот период оказался незавершенным в результате монгольских завоеваний. По мнению докладчика, этот этап тоже оказался застойным: происходит утеря исторических достижений — письменности, плужного земледелия, домостроительства и т. д. К приходу в Южную Сибирь русского населения все эти достижения были уже прочно забыты местными народами.

Заключительным на заседании последнего дня было сообщение Г. Ф. Чеботаренко (Кишинев), посвященное одному интересному факту в истории лесостепной Молдавии в XI—XII вв. н. э., когда на стык степной и лесостепной зон, изначально занятый земледельцами (славяне), приходят кочевники. В процессе расширения земледельческой зоны образовалась контактная область между южнославянским земледельческим населением и печенегами-кочевниками; этот процесс ассимиляции хорошо отразился в памятниках материальной культуры (например, славянская керамика), а также в антропологическом материале (смешанный тип погребенных). По мнению Г. Ф. Чеботаренко, этот процесс был связан с тем, что бедняшие слои кочевников брали жен из славянского населения, платя калым, но в свою очередь вынуждены были оседать на земле, становясь оседлыми пастухами в славянской среде.

В обсуждении докладов последнего дня работы конференции приняли участие 11 человек. Основная дискуссия развернулась по докладу А. Х. Халикова о роли Великого переселения народов в процессе образования ранних государств. В обсуждении доклада выступающими было отмечено следующее: во-первых, процессы миграции надо рассматривать осторожно (завоеватели сами не всегда несли с собой государственную структуру); во-вторых, население завоеванного региона часто лишалось возможности присваивать хотя бы часть прибавочного продукта, и он весь уходил на потребу завоевателя (С. С. Меняев); в-третьих, необходимо очень тща-

тельно подбирать доказательства при изучении таких сложных процессов, как миграции; и наконец, следует строже давать определения тех понятий, которыми оперирует в своем докладе А. Х. Халиков (М. Г. Мошкова).

По мнению В. М. Десятчикова, докладчик не совсем правильно трактует письменные источники, которые сообщают о приходе гуннов в середине I тыс. н. э., хотя есть основания думать, что гунны выступили раньше, на рубеже нашей эры. В. Б. Ковалевская обратила внимание слушателей на то, что докладчик говорит только о гуннском передвижении, хотя археологических свидетельств для этой эпохи нет, скорее всего можно говорить о совместном движении гунно-алан, о чем свидетельствуют и археологические, и письменные источники. В. Б. Ковалевская подчеркнула необходимость более углубленного анализа материала.

По общим вопросам работы конференции выступила В. И. Липатникова, подчеркнувшая полезность подобных конференций. У археологов накопилось много фактов, которые поставили перед историками сложные вопросы (например, вопрос о возникновении государства и права — в классовом или доклассовом обществе, и др.). Видимо, назрело время практически решать подобные проблемы.

Вопросам терминологии, ее упорядочению и приведению в соответствие с новыми материалами, а также однозначности понимания было посвящено выступление В. В. Сидорова. В своем выступлении В. В. Сидоров остановился также на проблеме выделения и сложения классов, особенно в руководящей сфере. По мнению В. В. Сидорова, руководство — это особый вид «труда», в чем докладчик не видит никакого расхождения с марксизмом. Разделение труда является источником выделения классов и дальнейшей социальной стратификации общества. Первой организованной системой, которую мы наблюдаем, является миграция, но миграция — не всегда признак государства. Мигрирующие группы побеждают туземцев в результате более высокой своей организации, и, как правило, мигранты, если они не уничтожили местное население, оказываются руководящей прослойкой, что создает предпосылки для образования государства.

Подводя итоги конференции, В. И. Гуляев выделил несколько позитивных моментов. Первое — это то, что на конференции четко прозвучала во многих докладах идея интеграции наук — археологии, истории, этнографии и др. Участники конференции в процессе работы получили значительную информацию о ряде конкретных обществ и областей, в которых протекали процессы классообразования, формирования государств, причем не только в пределах территории СССР, но и из многих других важных регионов земного шара — Тропической Африки, Ближнего Востока, Северо-Западной Индии, Латинской Америки и т. д. Из негативных моментов В. И. Гуляев отметил слишком широкую постановку темы конференции, что несколько рассредоточило внимание участников. По-видимому, в дальнейшем необходимо обсуждение докладов упорядочить по региональному признаку, по секциям и т. д. Из негативных моментов была отмечена также слабо прозвучавшая проблема общей археологической периодизации. Археологам необходимо разрабатывать свою периодизацию на базе исторического материализма, с тем, чтобы таким образом можно было бы успешно решить ряд вопросов (например, о существовании переходных периодов между формациями, о соотнесенности «военной демократии» с государством или финальной стадией первобытного общества и др.). Здесь предстоит еще большая работа представителей разных наук.

Д. А. Крайнов, заместитель председателя секции «История первобытного общества и рабовладения», заверил участников конференции в том, что бюро секции принимает все замечания организационного характера и постарается их учесть при подготовке следующей конференции. Он отметил также, что необходимо более полно давать в периодической печати информацию по научным результатам работы конференций. Нынешняя встреча заметно отличается от конференции 1973 г., когда впервые проводился анализ проблемы перехода от доклассового общества к раннеклассовому. Тогда помимо археологов, этнографов и историков присутствовали и лингвисты, и философы (представители всех институтов Москвы, Армении, Грузии, Азербайджана, Украины, Средней Азии и т. д.). Были «широкие» доклады, но тогда не получилось такой дискуссии, какая была на этот раз. Отрадно, что сейчас в дискуссии выступили более 30 человек, а по некоторым докладам велась настоящая полемика.

Д. А. Крайнов познакомил участников конференции с планом проведения новых научных конференций.

Завершая выступление, Д. А. Крайнов выразил благодарность всем участникам конференции за деятельное и активное участие, хорошие, интересные доклады и плодотворную дискуссию.

В. И. Гуляев, М. Г. Гусаков

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ» В 1981—1983 гг.

Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» был организован при Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике в 1980 г. по инициативе В. В. Седова. В Пскове и Псковской области работают археологи из научных учреждений и вузов

Москвы, Ленинграда и Пскова. Они образовали постоянный состав слушателей семинара.

О первых трех заседаниях семинара, проходивших в 1980 г., уже сообщалось в печати [1]. В последующие годы работа семинара была продолжена. Как и в 1980 г., заседания в 1981—1983 гг. проходили трижды в году. В рассматриваемый период состоялось 9 заседаний (IV—XII), на которых было заслушано 109 докладов и сообщений, прочитанных 72 докладчиками[1]. Более половины докладчиков — археологи. Активное участие в работе семинара приняли также историки, лингвисты, архитекторы, этнографы, географы и ряд специалистов в других областях научного знания из Москвы, Ленинграда, Пскова, Киева, Минска, Риги, Таллина, Тарту, Гродно, Новгорода. На заседаниях семинара, собиравших от 30 до 65 человек, кроме постоянных участников присутствовали музейные сотрудники, преподаватели и студенты Псковского гос. педагогического института, экскурсоводы, активисты ВООПИК, краеведы, научные и музейные работники из соседних областей и республик. Содержание работы семинара отражено в его документации[2] и публикациях [2—4].

В научной проблематике семинара были представлены следующие темы: полевые исследования в Пскове и Псковском крае; этнокультурные процессы на Северо-Западе Восточной Европы и ряде сопредельных территорий; история архитектуры и градостроительства, архитектурно-археологические исследования; археологические памятники Древней Руси на Северо-Западе и других территориях и их осмысление; нумизматика, сфрагистика (по материалам Пскова и Новгорода); Изборск как памятник истории и природы и вопросы его музеефикации; государственные институты и управление средневекового Пскова; проблемы развития Псковского музея-заповедника в связи с задачами археологического изучения Пскова и области; естественно-научные методы в археологии, природная среда и расселение человека; лингвистические источники по истории края; сельское хозяйство, ремесло и торговля Пскова; история культуры Пскова; история археологического изучения Псковского края и др.

Результатам полевых исследований посвящены 16 докладов. О работах в Довмонтовом городе докладывал В. Д. Белецкий, в старой части Среднего города — И. К. Лабутина, охранные раскопки на территории Окольного города получили отражение в выступлениях С. В. Белецкого, В. И. Кильдюшевского, Т. В. Сергиной, А. А. Александрова, О. К. Волочковой, И. О. Колосовой, В. П. Фролова. Архитектурно-археологическим работам у Поганкиных палат был посвящен доклад А. А. Александрова.

В. Д. Белецкий, доложивший о работах в Довмонтовом городе (раскрытие остатков храма № 10, доследование соседних участков), отметил, что основные исследования храмов завершились, что позволяет определить их названия и относительную хронологию. Он выразил убеждение в существовании трех храмов в восточной части Довмонтова города и определил их как ц. Покрова (средняя, самая ранняя), ц. Сошествия Святого Духа (южная, следующая по времени сооружения) и ц. Рождества Христова (северная, последняя по времени сооружения). Было высказано предположение о сведении этих построек в единый ансамбль мастером — строителем церквей Рождества и Сошествия Св. Духа. Доклад был воспринят с интересом. Выступавшие по докладу В. И. Лабутин, Г. Я. Мокеев, И. И. Лагунин, О. В. Овсянников обратили внимание на необходимость более основательного соотнесения археологических данных с письменными источниками. В. И. Лабутин отметил недооценку известия 1-й Псковской летописи о ц. Николы в Песках. О. В. Овсянников предложил в самое ближайшее время опубликовать всю документацию по памятнику, что внесло бы большую определенность в оценку концепции докладчика.

В докладах И. К. Лабутиной были охарактеризованы новые материалы раскопок на ул. Ленина. Здесь была открыта улица, существовавшая от рубежа XI—XII по XVIII в.; на уровне отложений курганного некрополя выявлены еще три захоронения по способу трупосожжения и раскрыта круглая площадка, окруженная ровиком с перемычкой. План площадки, сформированной на основе небольшого естественного возвышения, соседство с кладбищем, расположение у ручья и ряд других наблюдений позволили интерпретировать объект как святилище, возникшее не позднее X в. Это новый для Пскова тип памятника, впервые изученный археологически.

Археологи, проводившие в 1979—1982 гг. раскопки в Окольном городе Пскова, сообщили важные для истории городской территории данные о первоначальном освоении изученных участков. Очевидна неравномерность в процессе роста посада в междуречье, где нижние отложения в раскопах последних лет датировались временем от XV до XVI—XVII вв. При обсуждении доклада Т. В. Сергиной о

---

[1] Некоторые доклады коллективные; многие участники выступали с докладами неоднократно.

[2] Основная форма документации — протоколы семинара, для хранения которых создан специальный фонд в Отделе рукописных и старопечатных фондов Псковского музея-заповедника. Ответственные за ведение и оформление протоколов: I—V заседания — ученый секретарь семинара С. В. Белецкий, VI—XII заседания — ученый секретарь семинара В. И. Лабутин. В созданном фонде представлены все протоколы, кроме заседания V.

раскопках на ул. Гоголя в 1978—1979 гг. отмечено необычное для раскопов Окольного города богатство вещевого материала.

Интересен материал, представленный по Богоявленскому и Воскресенскому раскопам на Запсковье С. В. Белецким. В первом раскопе выявлены следы средневековой улицы; оба раскопа впервые для Запсковья дали материал, свидетельствующий об освоении участков с XII—XIII вв. (кроме того, ряд находок аналогичен вещам из нижнего слоя Псковского кремля). Другие раскопы на Запсковье пока не содержали отложений XII—XIII вв. Так, в докладе В. И. Кильдюшевского был охарактеризован раскоп на ул. Первомайской (восточная часть Запсковья), где нижний слой датировался XVI—XVII вв. при наличии некоторых предметов XV в. Здесь же был обнаружен культовый камень.

В дискуссии по докладам затрагивались проблемы методики, особенно насущные в условиях широких археологических работ в Пскове. Восстановленная С. В. Белецким картина застройки и выявление шести последовательных горизонтов на участке Богоявленского раскопа получили высокую оценку слушателей семинара (Г. С. Лебедев, О. В. Овсянников). Поднимались вопросы о необходимости уже в отчетной документации разносить материалы пластов по горизонтам (К. М. Плоткин), о правомерности гипотетических реконструкций в составе отчетных чертежей. При обсуждении доклада А. А. Александрова «Археологические раскопки крыльца Поганкиных палат в 1982 г.» В. И. Лабутин обратил внимание на недостаточную аргументированность датировки слоя пожара в раскопе, отсутствие сопоставления с материалами работ предшествующих лет и необходимость расширения раскопок во дворе Поганкиных палат и доведения их до материка. В. В. Седов отметил важность продолжения исследования Поганкиных палат, но признал недостатком проектирование реставрации крыльца при отсутствии отчета о его раскопках, что нарушает последовательность исследовательских и научно-реставрационных работ.

Методические вопросы рассматривались в докладе И. К. Лабутиной «Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова (к методике выявления непотревоженных участков слоя)». Были предложены варианты выделения участков с непотревоженным слоем на основе подробной полевой документации и конкретное применение их к раскопу 1967 г., показавшее плодотворность такой методики даже в условиях плохой сохранности слоя.

Проблеме этнокультурных процессов на Северо-Западе Восточной Европы и ряде сопредельных территорий было посвящено 16 докладов археологов и этнографов. Общие вопросы славянского этногенеза и место псковского региона в нем рассматривались в докладе В. В. Седова «Погребальные памятники славян в V—VII вв.». Докладчик отметил разделение славянских древностей данного периода на основе важнейших этнографических признаков на три группы и охарактеризовал погребальный обряд каждой из групп.

С интересом были заслушаны доклады, посвященные погребальным памятникам I тыс. н. э. на территории Псковской земли (А. А. Александров «Псковские полусферические курганы с сожжением». К. М. Плоткин «Курганный могильник у деревни Северик»). В докладе Г. Н. Пронина «Курганы с сожжениями с каменными конструкциями Северо-Западного региона — X—XI вв.» была предпринята попытка объяснить традицию использования камня в конструкциях погребальных сооружений X—XI вв. на Северо-Западе. В ходе обсуждения выяснилось, что критерии отбора данных не были достаточно четкими. Была отмечена необходимость классификации каменных конструкций (Э. Ю. Тыниссон), учета курганов с каменной обкладкой поверхности (А. М. Микляев), неполнота учета материалов и необходимость продолжения собирательской и классификационной работы (В. В. Седов).

В докладе Т. А. Пушкиной «Гнездовское поселение» были рассмотрены результаты раскопок поселения и центрального городища в Гнездове, определены насущные проблемы истории поселения: соотношение с предшествующим поселением балтов и характер поселения XI—XIII вв. При обсуждении доклада В. В. Седов отметил, что исследователь обосновал начальную дату Гнездовского поселения как рубеж IX—X вв., между тем материал позволяет определить ее «не позднее рубежа IX—X вв.». Это же мнение высказал Г. С. Лебедев. В. В. Седов обратил также внимание на необходимость установить время появления гончарного круга по материалам поселения и на важность изучения домостроительства и отопительных систем для решения этнических вопросов. Он высказал мнение, что славянское население Гнездова отлично от пражско-корчакской группы славян. Г. С. Лебедев дал высокую оценку докладу, но заметил, что исследование памятника еще не завершено (следует продолжить выделение закрытых комплексов, дифференцированное изучение различных категорий вещей, уточнение истории вала). В ответном слове Т. А. Пушкина согласилась, что рубеж IX—X вв.— верхний предел возможного возникновения Гнездова, но для датировок первой половиной IX в. данных пока нет никаких. Она отметила, что недостаточность изученности площадки центрального городища не позволяет пока уточнить этапы истории вала; время появления гончарного круга в Гнездове только по поселению установить сложно в связи с особенностями стратиграфии, и эту проблему надо решать на комплексе памятников.

Г. С. Лебедев в докладе «Эпоха викингов в Северной Европе и развитие русско-скандинавских отношений в VIII—XIII вв.» предложил периодизацию русско-скандинавских отношений, основанную на археологических данных (погребальный

обряд, достоверный археологический материал) и письменных источниках. Каждый из выделенных периодов (*1*) 750—850 гг.; *2*) 860—970 гг.; *3*) 970—1016 гг.; *4*) 1016—1132 гг.) подразделен на ряд этапов. При обсуждении В. В. Седов выразил мнение, что представленная картина развития русско-скандинавских отношений в целом близка к истине, хотя по отдельным памятникам и регионам возможны коррективы.

Вопросы этнокультурной истории Северо-Запада затрагивались и при обсуждении докладов эстонских коллег. М. Э. Аун в докладе «Клады V—X вв. на территории Эстонии» предложила сводку кладов V—X вв. (около 40), их классификацию, хронологию и определила направления культурных связей (V—VI вв.— доминируют связи с западными балтами и земгалами, с VII—VIII вв.— с восточными балтами). В. В. Седов отметил важность сводки кладов и спорность интерпретационной части доклада. А. А. Александров предположил, что появление кладов с оружием в VI в. связано с распространением культуры длинных курганов, а в IX в.— с возникновением древнерусского государства. М. Э. Аун отказалась прямо связывать клады, включающие оружие VI в. с появлением культуры длинных курганов, так как топографически они разобщены. Культуру длинных курганов она считает местной. В докладе Э. Ю. Тыниссона «О планировке оборонительных сооружений южноэстонских городищ» была дана четкая классификация оборонительных укреплений городищ Южной Эстонии с привлечением данных по другим территориям республики. Анализ укреплений и их усложнения позволил докладчику высказать наблюдения по относительной хронологии различных типов укреплений.

Доклады П. С. Хагу, М. Э. Пихо, И. П. Работновой, И. В. Тынуриста, основанные на этнографическом материале, были посвящены ряду этнокультурных явлений (календарная обрядность, орнамент, музыкальные инструменты, металлические украшения и др.) в контактной зоне различных этнических общностей Северо-Запада.

О составе этнографического собрания Государственного музея этнографии народов СССР (этнографические коллекции, фотоматериалы, научный архив) рассказала О. А. Кондратьева.

Богатство Пскова памятниками архитектуры, подъем интереса к изучению планировки и застройки города по археологическим данным, традиции содружества археологов, историков, архитекторов-реставраторов, историков архитектуры выразились в значительном количестве докладов по смежным проблемам названных специальностей и активном их обсуждении.

Часть докладов была основана на материалах раскопок в старой части посада Пскова (в пределах стены 1309 г.) и посвящена изучению двора (И. К. Лабутина), срубных построек (Н. И. Мартинович) и реконструкции застройки XIV в. в площади раскопа у педагогического института (Г. В. Борисевич). И. К. Лабутина привела данные письменных источников XIV—XV вв. о дворах в Пскове, отметила, что археологические данные отличаются фрагментарностью, хотя выделение дворов по их границам возможно (определены участки 87 дворов). При обсуждении доклада были отмечены важность постановки вопроса о дворе как единице застройки и введения конкретного материала (В. В. Седов, О. В. Овсянников), предложено на плане города отметить раскопы со следами усадеб и в дальнейшем рассмотреть имеющийся материал по хронологическим периодам (В. В. Седов). В. В. Седов, О. В. Овсянников, В. И. Кильдюшевский не исключили возможности существования в Пскове участков, где единицей застройки был дом. И. К. Лабутина обратила внимание на господство дворовой застройки в пределах стены 1309 г. с XI—XII вв., что очевидно по остаткам частоколов. Значение дома как возможной единицы застройки в других частях Пскова еще предстоит изучить. Н. И. Мартинович привела результаты обработки материалов 50 срубных построек из раскопов 1976 — I и II на ул. Ленина. В выступлениях по докладу Г. В. Борисевича отмечено, что его работа является первым опытом реконструкции застройки Пскова на основе археологических данных и имеет, кроме научного, экспозиционное значение. Вместе с тем обращено внимание на некоторые расхождения реконструкции с археологической документацией и выражено сомнение в возможности понимания ряда построек как двухэтажных (И. К. Лабутина).

В докладе «Кромские клети Пскова» С. В. Белецкий и Г. Я. Мокеев проанализировали археологические данные об этих постройках, хорошо известных по летописным и актовым источникам. Авторы связали с клетями XIV — начала XVI в. «горизонт камней», прослеженный на ряде раскопов. По их мнению, возведение клетей было одновременным и ему предшествовали широкие нивелировочные работы начала XIV в. Аналогию системе застройки Крома клетями докладчики увидели в клетях-житницах Московского Кремля (изображены на плане Кремля XVI в.). В выступлениях по докладу идеи авторов о нивелировке и перепланировке Крома в начале XIV в. были подвергнуты сомнению. Отмечалось, что каменные вымостки характерны не только для слоев XIV—XV вв. Хронологическая привязка клетей исключительно к XIV—XV вв., по мнению К. М. Плоткина и И. К. Лабутиной, выглядела неубедительной. А. С. Хорошев и И. К. Лабутина выразили сомнение в правомерности предложенного варианта реконструкции застройки Крома. В ответном слове С. В. Белецкий не согласился с оппонентами. Он подчеркнул, что проведение единовременных нивелировочных работ в Крому доказывается отсутствием слоя XII—XIII вв. по всей его территории. Данные о 12 постройках XIV—XVI вв. (пятна, вымостки и другие остатки) позволяют говорить о равномерной рядовой застройке. Объемная реконструкция, предложенная

Г. Я. Мокеевым,— образ; она представляется достоверной, но не является доказанной.

В докладе «О вечевой степени Пскова и сенях Троицкого собора» Г. Я. Мокеев предложил считать вечевую степень и Перси Крома системой в составе градостроительного ансамбля Пскова. Сени Троицкого собора понимаются автором как пристройка к собору с южной стороны. Их возведение он относит к периоду между 1413 и 1421 гг.

Выдающийся памятник гражданской архитектуры Пскова XVII в.— Поганкины палаты — рассматривался в связи с реконструкцией крыльца, проект которой был предложен Б. А. Постниковым на основе археологических работ А. А. Александрова и в докладе В. И. Лабутина «К вопросу о времени постройки Поганкиных палат». В ходе дискуссии прозвучало, что проект реконструкции не получил должной аргументации, которая необходима, в частности, при расхождении с предшествующими исследователями (О. В. Овсянников).

В. И. Лабутин, основываясь на материалах ЦГАДА и древлехранилища Псковского музея-заповедника, в своем докладе показал, что постройка палат происходила в промежутке: май 1671 г.— декабрь 1679 г. При обсуждении отмечено, что эта датировка — самая аргументированная из существующих (С. В. Белецкий).

Одному из малоисследованных в недавнем времени памятников — собору Иоанна Предтечи в Ивановском монастыре Пскова посвящены два доклада. С. П. Михайлов информировал об опыте атрибуции находок, обнаруженных в нишах-тайниках на хорах церкви (створки складней, диптих, иконы и другие предметы преимущественно XIV—XV вв.). О. Р. Квирквелия, А. К. Станюкович, С. П. Михайлов выступили с докладом «Интервальная система ввода разнотипных данных при решении вопроса о дате Ивановского собора в Пскове». Анализ летописных, археологических и историко-архитектурных данных привел авторов к выводу о том, что строительство церкви производилось в 1124—1126 гг. Одним из исходных моментов определения этого узкого интервала было мнение, что строительство храмов в Пскове и Новгороде не могло совпадать. Авторы отметили, что плинфа соборов Иоанна Предтечи и Дмитрия Солунского и строительная техника принадлежат разным школам. Они выразили убеждение, что первоначально церковь была княжеской постройкой, потом (после 1138 г.) превратилась в монастырь. И. К. Лабутина оспорила это положение, основываясь на отсутствии аналогий превращению приходской (хотя бы княжеской) церкви в монастырскую.

В докладе И. А. Шалиной рассмотрены основные типы псковских звонниц и колоколен XVI в. Изучение архивных документов и колокольных надписей позволило автору датировать ряд рассматриваемых памятников и выяснить, что в XVI в. в Пскове параллельно и независимо друг от друга строились звонницы с одним или несколькими пролетами и многоярусные вертикальные колокольни (сюда включаются и церкви «под колоколы»). При обсуждении А. Н. Кирпичников привел свои наблюдения по снетогорской церкви «под колоколы» (в связи с рисунком Витсена 1664 г.), согласился с датировкой ее и высказал убеждение о необходимости рассмотрения этого типа памятников как общерусского. И. И. Лагунин предположил, что формы звонниц восходят не к деревянному, а к каменному зодчеству предшествующей поры (звоннички на крепостных стенах, названные докладчиком). Было отмечено, что для объективной картины развития звонниц необходимо подробнее рассмотреть каждый из памятников с вычленением разновременных его частей. Требуется более осторожно использовать изобразительные источники (виды Пскова на иконах).

С. П. Михайлов выступал с сообщениями о семи каменных крестах из Гдова и Гдовского района (XIII—XV вв.) и храмозданной надписи Никольской церкви Снетогорского монастыря 1519 г., обнаруженной в обломках на сводах церкви в 1980 г. Надпись, выполненная на нескольких поливных керамических плитках, является наряду с надписью из церкви Пустое Воскресенье (1495) одной из самых ранних среди подобных памятников.

Участники семинара с интересом прослушали сообщение М. А. Ткачева «Себеж и его оборонительные сооружения в XV—XVIII вв.», в котором была рассмотрена эволюция крепостных укреплений Себежа, преимущественно с 1535 г.

С докладами по материалам археологических памятников древнерусского периода на семинаре выступили Л. В. Дучиц, С. Н. Орлов, Г. Н. Пронин, З. В. Прусакова, Л. Е. Сергеева, Н. В. Хвощинская, Г. В. Штыхов, В. Я. Конецкий, В. Е. Соболь, П. П. Толочко, Б. А. Прищепа, Ю. М. Лесман, А. С. Хорошев, В. А. Буров. Г. Н. Пронин рассмотрел жальник как тип археологического памятника, определил начальное время появления жальников (XI—XIII вв.) и высказался в пользу интерпретации их как памятников субстратного финно-угорского населения, подвергшегося славянскому этнокультурному воздействию. Об одном из курганно-жальничных могильников — у д. Конезерье Ленинградской обл.— сообщила З. В. Прусакова. Она отметила этническую неоднородность оставившего этот могильник населения. Л. Е. Сергеева проанализировала погребальные памятники Изборского края с точки зрения изменения обряда во времени (XI—XVI вв.). В. Я. Конецкий, подводя некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников Новгородской земли (в настоящее время известно девять могильников XI—XII вв.), отметил их топографическую и хронологическую связь с памятниками предшествующей эпохи — сопками и принадлежность их новгородским словенам. При обсуждении В. В. Седов заметил, что смена сопок грунтовыми могильниками

прослеживается не везде, сочетания в одной группе сопок и древнерусских курганов также известны.

П. П. Толочко и В. Е. Соболь поделились результатами новейших археологических исследований в Киеве и Минске. А. С. Хорошев рассмотрел данные об одном загадочном памятнике Новгорода — «языческом могильнике» на Ярославовом дворище (атрибуция А. А. Строкова). Докладчик подверг аргументированной критике точку зрения А. А. Строкова, привлекая для этого материалы раскопок последующих лет на Ярославовом дворище и псковского некрополя.

Доклад Ю. М. Лесмана «Хронологическая периодизация древнерусских погребальных памятников Северо-Восточного Причудья» вызвал много вопросов и активно обсуждался. В докладе анализировались материалы 261 раскопанного курганного и жальничного погребения. 85% погребений датировано на основе новгородской хронологии, находок монет и привозных вещей, что позволило автору сделать интересные наблюдения о динамике погребального обряда. При обсуждении А. С. Хорошев высказался за более осторожное пользование хронологией по новгородским материалам, учитывая редкость строго закрытых комплексов в городском слое. В. В. Седов предложил разрабатывать хронологию курганных комплексов независимо от хронологии Новгорода; сравнение результатов с Новгородом — следующий этап работы. Г. Н. Пронин подчеркнул исчерпывающий характер доклада в отношении изучения погребального обряда. Ю. М. Лесман в ответном слове подчеркивал, что существенных противоречий в «курганной» и «городской» хронологии им не обнаружено, хотя обращение к закрытым городским комплексам было бы продуктивнее. Однако их выделение еще не произведено.

В докладе В. А. Бурова «Уличанская организация Новгорода и проблема происхождения древнерусского города из племенного центра» содержался тщательный анализ археологических данных Неревского раскопа, касающихся планировки Неревского конца, и сделана попытка объяснения этих данных с точки зрения социальной организации Новгорода. Эта часть доклада, как подчеркнули В. В. Седов и И. К. Лабутина, убедительна в части толкования стабильных тыльных границ дворов как уличанских. Такая стабильность отмечена и на ряде исследованных участков Пскова. В то же время докладу недостает исследования застройки посада в динамике и внимания, наряду с уличанской, роли кончанской организации в строительстве и благоустройстве. В. В. Седов обратил внимание на недоработанность сюжета ранней истории уличанской организации, что важно для прослеживания связи с вервью. Во второй части доклада была предложена модель возникновения города из племенного центра. Выступавшие отметили необходимость расширения исходного материала для модели (И. К. Лабутина), наличие других путей возникновения городов (А. А. Александров), важность иллюстрирования модели на археологическом примере (В. В. Седов). В. А. Буров не возражал против возможностей других путей возникновения города, но отстаивал точку зрения о возникновении древнейших городов на родоплеменной основе.

На заседаниях семинара прозвучало 10 докладов, посвященных проблемам нумизматики и сфрагистики Древней Руси. П. Г. Гайдуков охарактеризовал уникальную находку — монетный штемпель первой трети XVI в. из раскопок 1979 г. в Пскове на ул. Гоголя — самый древний из сохранившихся русских монетных штемпелей. Он же проанализировал псковские пулы — медные монеты псковской чеканки (120 экз.), разделил их на три типа и предположил, что чеканка пул в Пскове началась после 1510 г. Б. Д. Ершевский доложил результаты классификации, типологии и хронологии более 10 тыс. дрогичинских пломб из собрания Н. П. Лихачева и высказал мнение, что скопление пломб в Дрогичине объясняется его пограничным положением в XII—XIII вв. и тем, что здесь, вероятно, пломбы снимались с товара при его фиксации. А. А. Молчанов выступил с докладом о буллах новгородских посадников XII — первой трети XIII в.

Серию докладов по псковской сфрагистике предложили вниманию семинара В. Д. Белецкий и С. В. Белецкий, выступавшие в соавторстве и отдельно. С. В. Белецкий высказался за отнесение печатей с надписью «печать княжа Олександра» к атрибутам юрисдикции Александра Михайловича Тверского в период его княжения в Пскове. В докладе «Княжеская власть в Пскове в XIV—XV вв. (по материалам сфрагистики)» С. В. Белецкий полемизировал с В. Л. Яниным по вопросу о принадлежности печатей 1425 и 1469 гг. (считая, что это не атрибуты смесного управления князя и посадника, а печати княжеского суда) и о причинах смены типа печати в 1425 г. 1425 г. С. В. Белецкий условно принимает за рубеж в развитии структуры государственного устройства Пскова, а текст на печати толкует как отражающий зависимость княжеской администрации от республиканского правительства. При обсуждении А. В. Куза высказал мнение, что в настоящее время изучение псковской сфрагистики находится на стадии определения отдельных типов, так что результаты этого изучения проявятся позднее. Способствовала бы прогрессу в этом направлении публикация комплекса печатей из Довмонтова города. А. В. Чернецов отметил актуальность доклада и указал на необходимость объяснения сходства эмблемы на псковских монетах и печатях, признаваемых С. В. Белецким за княжеские. Против атрибуции печати 1425 г. как княжеской высказался Г. Я. Мокеев. По его мнению, это атрибут смесного управления церкви, посадников и князя. В. В. Седов заметил, что вторая часть доклада, касающаяся интерпретации княжеской власти, дискуссионна.

В докладе «К вопросу о печатях псковских посадников» В. Д. Белецкий проанализировал посадничьи печати из раскопок в Пскове, а также «словестные

копии» с печатей, сохранившиеся в списках с грамот. Он предложил реконструкцию развития посадничьей сфрагистики в Пскове на протяжении XIV—XV вв. и высказал мнение, что в Пскове существовал суд посадников со своими атрибутами юрисдикции.

В совместном докладе названных авторов «Именные печати владычных наместников Пскова» дана детальная классификация 260 булл от девяти пар матриц и определена хронология употребления каждой пары матриц. На другом заседании семинара В. Д. Белецкий и С. В. Белецкий выступили с докладом «„Архив" актовых печатей из раскопок Довмонтова города Пскова», где была дана характеристика обстоятельств находки «архива» и его состава. Выступивший А. С. Хорошев отметил уникальность находки и необходимость ее скорейшей публикации. В. В. Седов и А. С. Хорошев указали на некоторые методические просчеты при раскопках постройки с печатями.

С. В. Белецкий выступил также с докладом «Печать Остафия (к изучению домонгольской сфрагистики Пскова)». В докладе анализировалась печать из фондов Гос. Эрмитажа с изображением архангела и надписью «Отафие» (в зеркальном изображении) на одной стороне печати и шестиконечного процветшего креста — на другой. Эта печать атрибутирована С. В. Белецким как булла Остафия, осуществлявшего (возможно) управление в Пскове от имени малолетнего Всеволода Мстиславича, занимавшего здесь (предположительно) княжеский стол до 1117 г. Выступавшие обратили внимание на недостаточно аргументированное прочтение надписи на печати. Важно введение в научный оборот нового сфрагистического памятника, но определение личности, которую представляет печать, не подкреплено историческими фактами.

Сфрагистические материалы как один из источников привлекались и в докладах, посвященных отдельным институтам государственной власти и управлению Псковской республики (И. О. Колосова, А. Р. Артемьев). В докладе на тему «Псковские посадники первой половины XIV в.» И. О. Колосова, проанализировав письменные источники, предположила, что избрание посадников из числа местных бояр начинается с рубежа XIII—XIV вв. и первоначально посадничество было единоличным и пожизненным. С 30—40-х годов XIV в. посадничество становится коллективным (отражение формирования кончанской системы), хотя в начальной части грамот Псков представляет обычно один посадник. С. В. Белецкий, А. Р. Артемьев и В. В. Седов в целом положительно оценивали доклад, но высказали ряд замечаний, касающихся пригородских посадников (А. Р. Артемьев), необходимости проводить сравнение с Новгородом после завершения изучения псковского материала (В. В. Седов). Во втором докладе И. О. Колосова рассмотрела мнение западногерманского исследователя Г.-Ю. Грабмюллера о посадничьем летописании, высказанное им в монографии о псковских летописях.

В докладе на тему «Об управлении псковскими пригородами» А. Р. Артемьев отметил, что, согласно Псковской Судной грамоте, управление и суд в пригородах находились в руках княжеского наместника и пригородского посадника. Институт пригородского посадничества, по А. Р. Артемьеву, возник в 30-х годах XIV в. Обычно пригородские посадники именовались «псковскими» и в пригородах постоянно не находились. Эти наблюдения привели автора к выводу о том, что в Пскове не было группового посадничества и пожизненного звания «посадник». А. Р. Артемьев предложил уточнения к списку посадников, составленному Б. Б. Кафенгаузом. Часть идей, высказанных в докладе, были отмечены В. В. Седовым и С. В. Белецким как интересные, но многие положения были признаны спорными (И. О. Колосова, С. В. Белецкий). В докладе «Города Псковской земли в XIV — начала XVI в.» А. Р. Артемьев наметил несколько этапов в развитии городов.

VIII заседание семинара было целиком посвящено Изборску. Обсуждались проблемы археологического изучения Изборска (доклады: В. В. Седова — об исследованиях Изборского городища, А. Р. Артемьева — о раскопках Изборской крепости, П. Г. Гайдукова — о монетных находках на Изборском городище, Л. С. Хомутовой — о металлографическом анализе железных изделий Изборска, А. Е. Мануйлова — о сельскохозяйственных орудиях Изборска, С. В. Белецкого — об изборской керамике), его значения как уникального памятника природы (доклад В. А. Исаченкова, В. К. Лесненко, Н. К. Вецель), музеефикации его памятников (доклады Л. Г. Ляка, И. И. Лагунина, В. В. Седова, Л. Е. Сергеевой). Возможность такого многопланового обсуждения изборской тематики создалась главным образом благодаря долговременному археологическому изучению комплекса памятников Изборска археологической экспедицией ИА АН СССР (руководитель В. В. Седов).

Доклад В. В. Седова «Итоги археологического изучения Изборска» стал центральным на VIII заседании. В нем были проанализированы результаты раскопок Изборского городища, площадь которого исследована почти целиком. Это поселение возникло в VIII в. и было одним из племенных центров Древней Руси. Раскопки позволили отнести его к разряду протогородов. Материалы раскопок дали основание утверждать, что славяне расселялись в Псковском регионе из бассейна Вислы. Развитие ремесла и торговли, сосредоточение административных функций в Изборске как племенном центре кривичей привело в X в. к трансформации одного из ранних восточнославянских поселений в раннефеодальный город. Раскопанная в Изборске крепость конца XI в. дала совершенно новый материал по истории крепостного зодчества Древней Руси.

В докладе В. А. Исаченкова, В. К. Лесненко, Н. К. Вецель содержалась подробная характеристика уникальных природных условий Изборска и его

окрестностей. Благоприятность этих условий (хороший водный режим, слабая заболоченность, высокое плодородие почв) способствовало возникновению здесь одного из центров Древнерусского государства.

Проблеме устройства музея под открытым небом был посвящен доклад В. В. Седова и Л. Е. Сергеевой «Музеефикация Изборского городища». Для музеефикации был предложен уровень 30-х годов XIII в. с наиболее сохранившимися культурными напластованиями, что позволяет показать в комплексе планировку и застройку центральной части площадки и каменные укрепления (стены и башню) по ее периметру. Авторы доклада и выступавшие внесли конкретные предложения по воплощению проекта в жизнь.

Среди проблем, обсуждавшихся на семинаре, большое внимание было уделено перспективам развития Псковского музея-заповедника, обсуждению вопросов построения его экспозиции (доклады Е. П. Матвеева «Псковский объединенный музей-заповедник», «Псковский музей-заповедник в 1981—1982 гг.»; О. К. Волочковой, М. И. Зуева, К. М. Плоткина «О проекте экспозиции дореволюционного периода истории Псковского края в Псковском музее-заповеднике» и ряд выступлений).

Несколько докладов были основаны на применении естественно-научных методов в археологии. Н. Б. Черных и А. Ф. Урьева представили результаты дендрохронологического анализа построек Пскова из раскопок у Педагогического института и на ул. Ленина (ок. 1500 образцов). Дендрохронологическая шкала Пскова по этим образцам имеет диапазон 788—1544 гг. Даты рубки укладываются в промежуток 1044—1544 гг.; удается проследить 10 строительных этапов. А. В. Мельников и Т. П. Смекалова познакомили участников семинара с практикой геофизического обеспечения археологических работ, позволяющей во многих случаях ускорить разведку памятников и провести целенаправленные раскопки (по материалам магниторазведки памятников юга Псковской области, античных памятников Северного Причерноморья и др.). В докладе П. М. Долуханова «Природа и процессы расселения на Северо-Западе» расселение и хозяйственная деятельность людей на территории Восточной Европы были рассмотрены в связи с палеоклиматическими изменениями в течение II тыс. до н. э.— II тыс. н. э.

Доклады С. М. Глускиной «Фонетические особенности древнепсковского диалекта (по данным картотеки Псковского областного словаря)» и Р. А. Агеевой «Балтизмы в топонимике Псковской земли» содержали анализ языковых явлений в связи с этническими процессами. В первом докладе, получившем высокую оценку аудитории, была предложена относительная хронологизация звуковых явлений в древнепсковском диалекте. Автор показал, что ряд диалектных черт отграничивает псковский диалект от новгородского и свидетельствует об исходной раздельности этих групп славян и о тесных контактах предков псковичей с балтами. Более поздние, но тоже дописьменные процессы сближают эти диалекты, что можно объяснить установившимся соседством, а также контактами с западнофинскими языками. Прослежена обособленность ряда псковских и новгородских языковых явлений от общеславянских, что, вероятно, отражает особенность исторических судеб этих групп населения. Р. А. Агеева попыталась сопоставить данные топонимики с ареалом распространения длинных курганов и сопок и констатировала, что этот путь исследования пока не вносит ясность в вопрос о языковой принадлежности носителей культуры длинных курганов и сопок. В докладах С. М. Глускиной «Разговорник Т. Фенне как источник изучения языка и истории средневекового Пскова» и Л. Я. Костючук «О неопубликованной рукописной книге XVII в., найденной в Довмонтовом городе» был дан лингвистический анализ двух письменных памятников XVII в.

Вопросы истории хозяйства Псковской земли рассматривались в докладах М. А. Миролюбова «Орудия обработки почвы в Псковской земле», Е. В. Рихтер «Торговые пути Пскова и Псковской земли в XVIII в.», М. И. Зуева «Состав отраслей ремесленного производства в Пскове конца XVI — середины XVII в.».

Ряд докладов был посвящен истории культуры. Я. Н. Щапов сообщил о псковском календаре XIV в. и его истоках в докладе «Псковские кормчие XIV—XV вв. и псковский календарь XIV в.». А. А. Турилов и А. В. Чернецов посвятили два совместных доклада деятельности псковского книжника XVI в. Ивана Рыкова, имя которого ранее не было известно в истории русской культуры. На основании анализа трех рукописей XVII—XVIII вв. авторы установили, что Иван Рыков был составителем гадательной книги (на основе переводного памятника) и ученым, специалистом по календароведению.

Сюжетам, связанным с историей изучения Псковского края, были посвящены доклады Н. П. Осиповой «Археологические материалы в составе фондов древлехранилища Псковского музея-заповедника», К. М. Плоткина «Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову», А. М. Микляева «Итоги 20-летних работ на юге Псковской и севере Смоленской области. Перспективы и задачи археологических исследований на юге Псковской области». В последнем докладе было сообщено о результатах обследования Северо-Западной экспедицией Гос. Эрмитажа более 2000 археологических объектов от эпохи позднего палеолита до средневековья. При обсуждении было отмечено большое значение работ экспедиции (В. В. Седов, И. К. Лабутина). И. К. Лабутина подчеркнула, что благодаря им ликвидировано белое пятно в истории каменного и бронзового веков в Псковском крае. В. В. Седов обратил внимание на недостаточную разрабо-

танность вопросов развития и взаимосвязи ряда культур, в частности эволюции днепро-двинской культуры.

Н. Н. Масленникова выступила с докладом «Соотношение и взаимосвязи письменных и археологических источников при изучении истории заселения и социально-экономического развития Псковской земли». В докладе было подчеркнуто значение писцовых книг для комплексного изучения Псковской земли. Сравнительная стабильность населения Северо-Запада на протяжении средневековья делает перспективными археологические поиски на основе материалов писцовых книг. Успешное применение этого метода поиска в узком регионе Палкинского района с привлечением данных всех доступных письменных источников получило освещение в докладе Б. Н. Харлашова «Использование письменных источников для составления археологической карты».

Вопросам изучения памятников язычества были посвящены доклады А. А. Александрова «Следы язычества на Псковщине» и А. В. Цауне «Культовые камни на территории Латвии». Оба доклада содержали анализ культовых камней и их классификацию. А. А. Александров предложил связать ряд камней и идолов с культами определенных языческих богов (Велес, Хорс, Услад).

А. Н. Кирпичников, работающий над сводом иностранных свидетельств о Пскове XVI—XVII вв., прочел доклад на тему «Сообщения Самуила Кихеля о Пскове (1586 год)».

Оценивая работу семинара, на одном из его заседаний Н. Н. Масленникова отметила, что он по значению выходит за рамки изучения только истории и археологии Псковского края. Важно сочетание усилий различных научных учреждений страны, при котором академические исследования содружествуют с краеведческой работой. Залогом долгой жизни семинара является активное участие в его работе молодежи.

И. К. Лабутина

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белецкий С. В.* Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли».— КСИА, 1982, вып. 171.
2. Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. Вып. 2. Псков, 1982.
3. Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. Вып. 3. Псков, 1983.
4. Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. Вып. 4. Псков, 1984.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛУКОНИНА

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 10 сентября 1984 г. на 53-м году жизни скоропостижно скончался известный советский востоковед, исследователь истории культуры и искусства древнего и раннесредневекового Ирана, заведующий отделом Востока Государственного Эрмитажа, д-р исторических наук Владимир Григорьевич Луконин.

Археология занимала важное место в жизни и научной деятельности В. Г. Луконина. Востоковед по образованию, он много лет участвовал в работах различных археологических экспедиций, постоянно привлекал археологические материалы в своей научной и музейно-экспозиционной работе, являлся зарубежным членом Немецкого археологического общества (ФРГ).

Непосредственное участие В. Г. Луконина в работе археологических экспедиций началось еще в студенческие годы (1951 г., Волго-Донская экспедиция). Более 10 сезонов (1952—1963 гг.) он проработал в Пенджикенте и на Верхнем Зеравшане, принимал участие в раскопках буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе и многих других памятников Средней Азии.

Богатый полевой опыт нашел отражение уже в первых работах В. Г. Луконина по истории и культуре Ирана в сасанидскую эпоху. Принципиальную новизну этих исследований определял и обеспечивал комплексный источниковедческий подход (Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961). Ученик К. В. Тревер и И. А. Орбели, В. Г. Луконин одинаково полно и свободно владел разными категориями исторических источников. Именно благодаря этому торевтика и глиптика («Сасанидские геммы». Л., 1963; в соавторстве с А. Я. Борисовым), археологические данные и нумизматические материалы, надписи и сведения письменных источников, памятники монументального искусства и архитектуры в его исследованиях не просто механически суммировались, но позволяли восстанавливать яркую и объемную историческую картину («Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры». М., 1969).

Очень много делал Владимир Григорьевич для популяризации археологических знаний в экспозициях отдела Востока Государственного Эрмитажа, которым он руководил более 20 лет. Не только широким кругам посетителей музея, но и специалистам запомнились такие временные выставки, как «Сокровища Ирака» (1968 г.), «Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху» (Душанбе, 1968 г.), «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии (временная выставка из собраний музеев СССР)» (1971 г.), «Амударьинский клад» (1979 г.) и мн. др., в основу которых были положены археологические материалы, интерпретированные часто совершенно по-новому.

Именно в ходе работы над выставкой «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии» В. Г. Лукониным была впервые выдвинута концепция древней культуры и искусства Ирана. Идеи, нашедшие отражение в брошюре-путеводителе по этой выставке (Л., 1971), в дальнейшем были развиты в книге «Искусство Древнего Ирана» (М., 1977), в капитальном труде «Культура и экономика Древнего Ирана» (М., 1980; в соавторстве с М. А. Дандамаевым), а также в альбоме-исследовании «Памятники искусства Ирана в собраниях СССР» (в соавторстве с А. А. Ивановым), который в самое ближайшее время должен выйти из печати. В этих работах, охватывающих историю культуры и искусства Ирана начиная с железного века, В. Г. Луконин строил исследование преимущественно на археологическом материале, и в изучении этого вида источника в полной мере проявился высокий профессионализм автора, не менее яркий и глубокий, чем в его работах, посвященных сасанидскому Ирану.

Представитель «романтического направления» в науке, человек увлекающийся и увлекающий за собой, В. Г. Луконин всегда был доброжелателен и приветлив по отношению к коллегам, делился своими планами, идеями и открытиями. Только наукообразные банальности вызывали его активное неприятие.

Яркий ученый, человек щедрого таланта и большого обаяния, внимательный собеседник, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь товарищ — таким запомнится Владимир Григорьевич Луконин всем, кому посчастливилось общаться с ним.

Е. В. Зеймаль

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БАН — Болгарская Академия наук
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИБАИ — Известия на Български археологически институт. София
ИБИД — Известия на Българското Историческо дружество. София
ИЗ — Исторические записки. Москва
ИИАЭ — Институт истории археологии и этнографии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КГУ — Киевский гос. университет им. Т. Г. Шевченко
ИНМВ — Известия на Народния музей Варна
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИА ЮЗ СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР
МИЗ — Материалы по истории земледелия СССР. Москва
МЭР — Материалы по этнографии России. Ленинград
НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЗПА — Наукові записки Інституту Історії і археології АН УРСР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАКр.— Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР. Симферополь
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
РП — Разкопки и проучвания. София
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск
СОМК — Саратовский областной музей краеведения
СЭ — Советская этнография. Москва
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Москва — Ленинград
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад — Ленинград
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
IOSPE I^2 — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. V. I. 2 ed. Petropoli, 1916
MCA — Materiale şi cercetări archeologice. Bucuresti
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
MMA en Iran — Mission archéologique en Iran. Mémoires...
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti